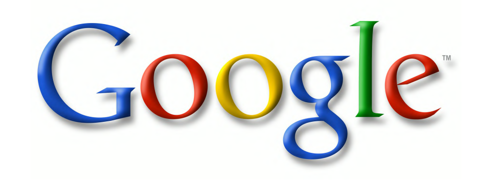
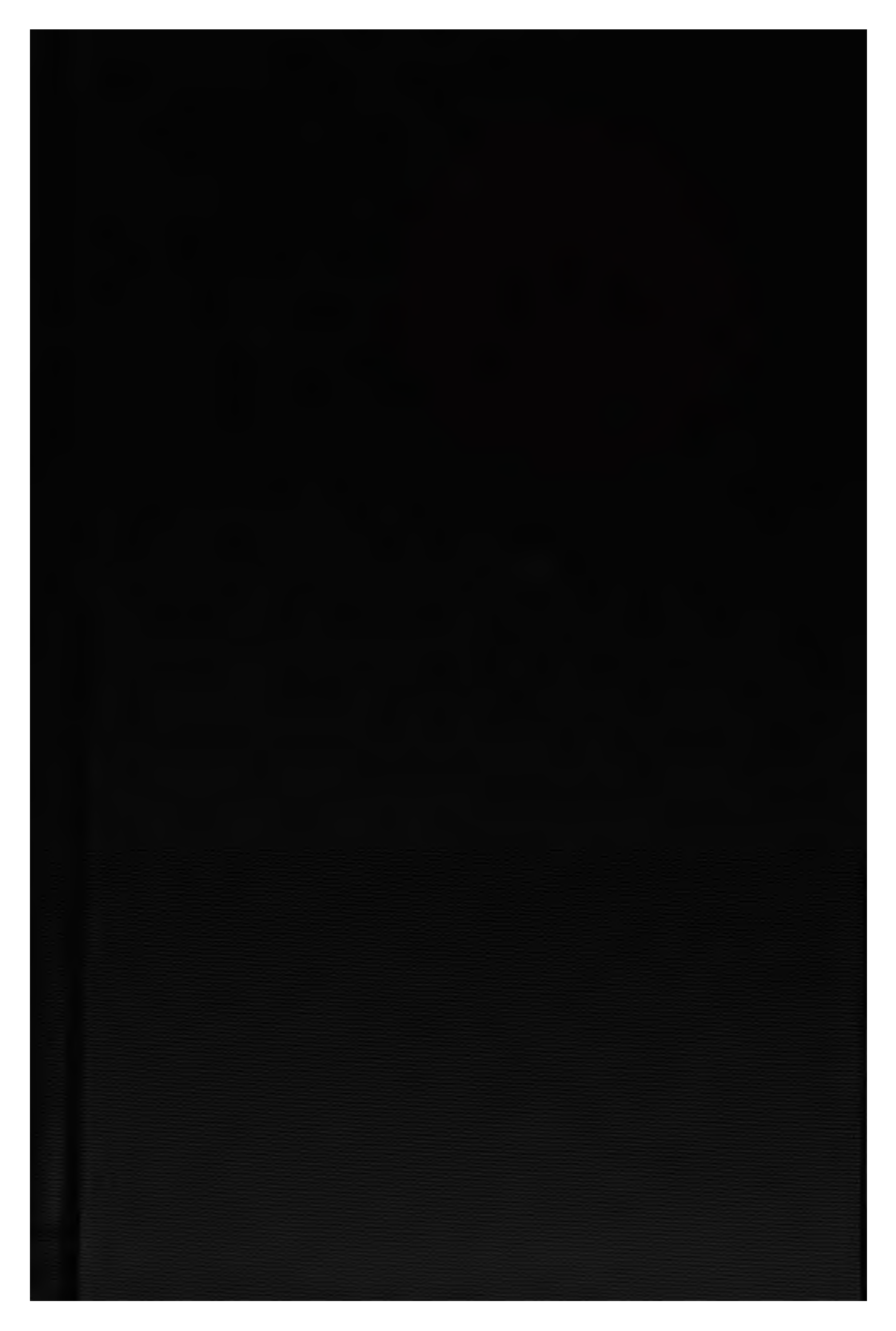

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

I—II.

СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ.

МОСКВА.

1892.

ЗАПИСКИ

ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

I—II.

Съ подлинной рукописи.

МОСКВА.

1892.

ЗАПИСКИ

ФИЛИППА ФИЛИППОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(дополненное съ подлинной рукописи).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.
1891.

*

Записки Филипа Филиповича Вигеля печатались въ 1864 и 1865 годахъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и въ 1866 году вышли отдѣльно въ трехъ книгахъ, подъ заглавіемъ «Воспоминаній». Нынѣшнее изданіе этихъ Записокъ печатается въ болѣе полномъ видѣ, съ подлинной рукописи. Ф. Ф. Вигель родился въ 1786 году въ Пензенской деревнѣ, скончался въ Москвѣ 20 Марта 1856 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника, полученномъ по выходѣ въ отставку изъ должности директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій.

*

I.

Въ наше время появилось безчисленное множество историческихъ записокъ; ими наводненъ Западъ Европы. Иныя изъ нихъ мало занимательны, другія мало правдивы; но всѣ могутъ, для будущихъ историковъ, быть болѣе или менѣе полезны. Сіи источники, иногда весьма мутные, бывъ собраны, пропущены сквозь безпристрастную критику, очищены вкусомъ и геніемъ, могутъ составить величественный, ясный потокъ, коимъ Карамзины грядущихъ временъ будутъ напоять любопытную жажду къ познаніямъ, болѣе и болѣе увеличивающуюся въ моемъ отечествѣ.

Давно родилась во мнѣ мысль и желаніе обратиться въ одинъ изъ сихъ источниковъ, продлить къ концу приближающееся, тлѣнное и малозначительное бытіе мое, превратить его въ существованіе столь же неизвѣстное, невидимое, въ журчаніе неслышимое, съ надеждою случайно брызнуть когда-нибудь изъ мрака и земли, и быть замѣчену какимъ-нибудь великимъ мужемъ, который удостоитъ пріобщить меня къ своему безсмертію или, по крайней мѣрѣ, долговѣчію.

Обстоятельства, неблагопріятствующія намѣренію моему, препятствовали мнѣ доселѣ приводить его въ исполненіе. Они не перемѣнились, но я рѣшился вопреки имъ приступить къ труду сему, столь заманчивому, быть можетъ, безполезному для другихъ, но для меня уже тѣмъ полезному, что доставляетъ мнѣ занятіе на весь остатокъ дней моихъ.

По большей части историческія записки составляются государственными людьми, полководцами, любимцами царей, однимъ словомъ, дѣйствующими лицами, которыя, описывая происшествія, на кои они имѣли вліяніе и въ коихъ сами участвовали, открываютъ потомству важныя тайны, едва угадываемыя современниками: ихъ записки — главнѣйшіе источники для исторіи. Но если симъ актерамъ вѣдомо все закулисное, то между зрителями развѣ не можетъ быть такихъ, коихъ за-

Неблагодарность его противъ Россіи, подъ правленіемъ коей онъ столь долго наслаждался спокойствіемъ и независимостью, была жестоко наказана: одинъ только старшій сынъ, Лаврентій, уцѣлѣлъ въ Семилѣтнюю войну; другіе же трое Оттонъ, Фредерикъ и Валдемаръ, въ цвѣтѣ лѣтъ, погибли отъ Русскихъ ядеръ или штыковъ. Старшій же сынъ жилъ, видно, очень долго, ибо въ Прусской службѣ умеръ генералъ-майоромъ и комендантомъ крѣпости Торуни. (Дѣтей онъ не оставилъ, а вдова его, урожденная Глазенапъ, какъ она подписывалась, обращалась къ отцу моему съ просьбою объ исходатайствованіи ей пансіона, посредствомъ нашей миссіи).

Младшихъ трехъ сыновей своихъ, Ивана, Якова и Филипа, рѣшился дѣдъ мой посвятить Россіи; но на то были особливыя причины.

Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ Гольштейнскій, внукъ сестры Карла XII-го, великій почитатель, какъ извѣстно, великаго Фредерика, былъ также племянникъ императрицы Елисаветы Петровны и наслѣдникъ ея престола. Но его блеска какъ бы не видѣлъ сей слѣпотствующій Германецъ; могущество народа, надъ коимъ ставила его судьба, не могъ понять сей слабоумный, сей слабодушный внукъ Петра Великаго. Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру, онъ никакъ не умѣлъ сдѣлаться Русскимъ: воспоминанія младенческихъ лѣтъ и окружавшіе его Нѣмцы, кои сохраняли ихъ въ немъ и въ его царствованіе, надѣялись воскресить времена Бирона, никакъ его къ тому не допускали. Образцомъ его сдѣлался просвѣщенный геній, но онъ умѣлъ только перенять его ошибки. Подобно Фридриху, обожателю всего Французскаго, который не зналъ истиннаго духа Германцевъ (сихъ мыслителей по превосходству) и видѣлъ въ нихъ только ратныхъ людей и боевыя машины, Всероссійскій наслѣдникъ началъ подражать всему Нѣмецкому, презиралъ все Русское и мундиръ Прусскаго генерала предпочиталъ императорской коронѣ. Забывая или не зная, что создатель Прусской славы вводилъ строгую дисциплину въ войскѣ и образовалъ солдатъ своихъ не для парадовъ, а для побѣдъ, онъ первый у насъ началъ видѣть просвѣщеніе въ маршировкѣ и, говоря словами того времени, въ метаніи артикула. Потому-то Голштейнскій его баталіонъ и Кадетскій Корпусъ Нѣмецкаго изданія, коего онъ былъ шефомъ, сдѣлались постоянными, единственными предметами его занятій.

Подъ его покровъ поставилъ дѣдъ мой трехъ маленькихъ сыновей, можетъ быть видя въ нихъ тайно будущихъ мстителей, будущихъ повелителей въ ненавистной землѣ. Ихъ приняли въ Кадетскій Корпусъ, и когда половина семейства моего дѣда проливала Русскую кровь,

другая содержалась и воспитывалась на Русскія деньги. Старая Россія, въ незлобіи и безпечности, во всемъ походила на нынѣшнюю.

Изъ трехъ сыновей, о коихъ я выше упомянулъ, одинъ только былъ дѣйствительно уменъ. Въ наукахъ, въ поведеніи, даже самою наружностію младшій отличался отъ двухъ старшихъ — это былъ мой отецъ. Но оставимъ сей любезный для меня предметъ: къ сему живѣйшему, сладчайшему изъ моихъ воспоминаній я часто буду возвращаться. Теперь поспѣшу окончить разсказъ о моихъ дядяхъ.

Старшій изъ нихъ, Иванъ, всю жизнь свою служилъ въ военной службѣ; другой же, Яковъ, началъ было съ нея, но скоро перешелъ въ гражданскую. Съ ограниченнымъ умомъ, съ пылкими страстями, они не могли пойти далеко. Дядя мой Иванъ былъ то, что̀ въ старину называлось «забубенный»: влюбчивъ, мотоватъ и весьма не строгихъ правилъ. Онъ не дожилъ до старости и кончилъ жизнь премьеръ-майоромъ и комендантомъ Орской крѣпости, бездѣтенъ, хотя и былъ женатъ на дочери какого-то гарнизоннаго офицера Семенова.

Другой мой дядя, Яковъ Лаврентьевичъ, былъ примѣчателенъ необыкновенною честностію въ дѣлахъ. Къ сожалѣнію, безкорыстные, безпристрастные судьи у насъ всегда были рѣдки; они почитались феноменомъ, и когда-то имъ дивились и ихъ уважали. Не въ это время дядя мой былъ судьею въ Санктпетербургскомъ Надворномъ Судѣ: надъ нимъ смѣялись и о немъ жалѣли; въ нынѣшнее просвѣщенное время его бы стали преслѣдовать. Онъ былъ отмѣнно трудолюбивъ и точенъ, занималъ всегда должности мелкія, но какъ говорится, доходныя, жилъ весьма бѣдно и послѣ себя ничего, кромѣ скудной движимости, не оставилъ. Долгое поприще жизни и службы окончилъ онъ въ одно время, въ 1802 году, едва достигнувъ чина коллежскаго совѣтника.

Я его знавалъ и всегда дивился скромности его желаній и удовольствій: чтеніе весьма незанимательныхъ Нѣмецкихъ книгъ и изрѣдка бесѣда стариннаго пріятеля коротали для него зимніе вечера; лѣтомъ же нанималъ онъ огородъ въ Екатерингофѣ и, покопавшись въ немъ, отдыхалъ на свѣжемъ воздухѣ. Миръ праху его, сего добраго и почтеннаго родственника!

Жизнь его, однакоже, не всегда была безмятежна: онъ зналъ любовь и въ ней только не зналъ постоянства. Онъ не плѣнялся ни знатностію рода, ни блескомъ воспитанія; красота овладѣвала имъ, гдѣ-бъ она ему ни являлась, въ прачешной ли, или хотя въ коровникѣ. Но честность его правилъ была видна даже среди волненій его страстей. Слово «наложница» пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбляясь въ какую-нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была істе [illegible] ь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Какъ

это сходило ему съ рукъ, вотъ чего я никакъ понять не могу. Тогда еще не было устава Евангелическихъ въ Россіи церквей, и протестантизмъ, видно, былъ у насъ не лучше магометанской вѣры (что бы, кажется, ему такъ и не оставаться!) Какъ бы то ни было, но почтенный дядя мой былъ многоженецъ. Я узналъ это послѣ смерти его, когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи; потомъ пришла другая, наконецъ третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускать. Увы, говорятъ, ихъ было до восьми; одна гдѣ-то жила въ нянькахъ, другая была кухарка, а третья что-то еще хуже. Утверждаютъ, что всѣ тираны имѣютъ склонность къ многоженству и ставятъ въ примѣръ Генриха VIII и Ивана Васильевича, а мой бѣдный дядя скорѣе на все могъ быть похожъ, чѣмъ на тирана.

Между родными съ отцовской стороны былъ еще одинъ чудакъ, о коемъ никакъ умолчать не могу. Это Ѳедоръ Ивановичъ Сандерсъ, единственный сынъ Софіи, старшей сестры отца моего, которая лѣтъ двадцать была его старѣе, такъ что племянникъ былъ почти ровесникомъ дядѣ. Любовь и война были его девизомъ: съ ребячества до глубокой старости онъ жилъ или среди тревогъ ихъ, или ихъ воспоминаніями. Въ первый разъ видѣлъ онъ непріятельскій огонь въ чинѣ поручика при Кагулѣ въ 1770 году, въ послѣдній же разъ въ чинѣ генералъ-майора подъ Парижемъ въ 1814-мъ. И такъ сорокъ четыре года воевалъ онъ, и потомъ точно отдыхалъ на лаврахъ въ Измаилѣ (куда его сдѣлали комендантомъ), на приступѣ и при взятіи коего онъ былъ три раза. Смерть его щадила, но не пули: онъ былъ весь израненъ и, не взирая на то, здоровъ, веселъ и бодръ до самой смерти. Совершенный недостатокъ въ способности мыслить, при воображеніи живомъ, вѣчно юномъ, спасли его отъ нравственныхъ болѣзней и сохранили ему и физическія силы. Подъ конецъ жизни онъ былъ въ отставкѣ генералъ-лейтенантомъ, и хотѣлъ еще разъ взглянуть на столицу. Дорогой, въ Твери, одинъ бродяга, котораго въ Измаилѣ онъ взялъ кучеромъ, ударилъ его оглоблей и расшибъ ему руку и ногу съ намѣреніемъ его убить и ограбить; разбойника успѣли схватить, а онъ, на 90-мъ году жизни, черезъ два мѣсяца вылѣчился и явился въ Петербургѣ. Казалось, онъ безсмертенъ; однакоже по пріѣздѣ кончилъ онъ необыкновенную жизнь свою весьма необыкновеннымъ образомъ: въ самый день рожденія своего, когда ему исполнилось 90 лѣтъ, 1-го Января 1836 года, онъ, будучи совершенно здоровъ, нарядился, поѣхалъ въ Зимній Дворецъ и умеръ на ступеняхъ парадной онаго лѣстницы, по коей онъ всходилъ.

Къ числу странностей его характера и жизни принадлежитъ и самый бракъ; онъ выигралъ жену свою на биліардѣ. Одна молодая,

прекрасная Кіевская мѣщанка плѣнила богатаго, вѣтреннаго Поляка, князя Яблоновскаго, вышла за него замужъ и черезъ годъ или два ему надоѣла. Сандерсъ съ батальономъ стоялъ тогда на квартирѣ въ одномъ изъ городовъ нашихъ западныхъ губерній, принадлежавшихъ тогда Польшѣ, но занятыхъ нашими войсками; онъ часто игралъ въ биліардъ съ Яблоновскимъ и выигралъ у него нѣсколько тысячъ злотыхъ. Когда онъ сталъ требовать отъ него уплаты, то увидѣлъ его Аріадну, воспламенился и предложилъ ему взаимную уступку. Договоръ былъ скоро заключенъ, ибо всѣ стороны изъявили согласіе, особенно же молодая княгиня, по чувству оскорбленнаго самолюбія. Онъ прожилъ съ ней до самой смерти лѣтъ сорокъ пять. Кажется, искренно она его никогда ни любила, обманывала его, часто измѣняла ему, но будучи гораздо его моложе, будучи умна, хитра и ловка, дѣлала жизнь его весьма счастливою; можетъ быть своею заботливостію она ее продлила, ибо лелѣяла его, ухаживала за старымъ мужемъ, какъ за ребенкомъ *). Когда, за нѣсколько лѣтъ до смерти, онъ продолжалъ еще влюбляться, то ей одной повѣрялъ тайны муки своего сердца; она всегда выслушивала его съ участіемъ, то смѣялась, то утѣшала его, и не одними только словами, уговаривая молодыхъ красавицъ улыбкою, умильнымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ и иногда даже холоднымъ поцѣлуемъ усладить страданія старика.

Конечно, невозможно Марину Итнатьевну ставить въ примѣръ добродѣтели нашимъ губернскимъ барынямъ, супругамъ нашихъ помѣщиковъ: онѣ живутъ тихо, спокойно, и отъ нихъ можно требовать болѣе точности въ исполненіи обязанностей. Но среди безпрестанныхъ переходовъ, среди шумной, бурной воинской жизни, какъ иногда не забыться? Сколько я зналъ такихъ воинственныхъ женъ, которыя говорили: ‹нашъ полкъ›, «нашъ эскадронъ›; онѣ готовы были раздѣлять опасности своихъ мужей, готовы были сразиться вмѣстѣ съ ними и жертвовать за нихъ жизнію, а не считали за грѣхъ мимоходомъ любить другихъ. Въ нихъ есть что-то особенное; онѣ милы какою-то солдатскою откровенностью. Жаль, что ни одна изъ нихъ неизвѣстна

*) Слѣдуя сему примѣру, можно совѣтовать всѣмъ холостякамъ и вдовцамъ, достигающимъ глубокой старости и пользующимся пожизненными только достаточными доходами, жениться на пожилыхъ красавицахъ не строгой нравственности и владѣвшихъ долго искусствомъ плѣнять: по старой привычкѣ, онѣ привязываются къ послѣдней своей жертвѣ, къ послѣднему поклоннику и берегутъ его какъ зеницу ока. Онѣ тѣшатъ его, очаровываютъ и, окруженный призраками, старый мужъ медленнѣе приближается ко гробу. Наши Русскія въ этомъ дѣлѣ еще не мастерицы; но примѣръ Польки Шишковой нашелъ уже подражаніе въ Нѣмкѣ Обрѣзковой. Авось ли сіи оба примѣра возбудятъ соревнованіе въ нашихъ любезныхъ соотечественницахъ. Какъ мы во всемъ еще отъ Запада отстали!

Жакобу, Сю или Бальзаку: какой бы изъ нихъ прекрасный можно было сдѣлать романъ въ новѣйшемъ вкусѣ! Марина Игнатьевна не во всемъ на нихъ похожа, но можетъ также почитаться совершенно походною женой.

Я счелъ неизлишнимъ упомянуть объ этомъ старомъ воинѣ, послѣднемъ близкомъ родственникѣ отца моего (ибо дѣтей онъ не оставилъ), тѣмъ болѣе, что оригинальность его довольно замѣчательна.

III.

Разсказавъ все, что̀ зналъ, о предкахъ и родственникахъ отца моего, съ чувствомъ нѣкоторой гордости начинаю говорить о Русскомъ происхожденіи моемъ по матери.

Много есть нынѣ такихъ фамилій, кои, гордясь древностію происхожденія, имѣютъ сильныя притязанія на знатность, но коихъ названій отыскать невозможно въ такъ-называемой бархатной книгѣ. Извѣстно, однакоже, что она замѣнила родословныя книги дворянъ, преданныя всесожженію для истребленія мѣстничества при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, то-есть лѣтъ съ не большимъ полтораста тому назадъ.

Родъ Лебедевыхъ, отъ коихъ происхожу я по матери, въ ней, однакоже, находится. Сіе, впрочемъ, могло бы ничего не доказывать; я зналъ Ушаковыхъ, Новосильцовыхъ, Сабуровыхъ, людей именующихъ себя въ исторіи Россійской вездѣ встрѣчающимися названіями, кои были, однакоже, или отпущенные на волю, или отданные въ рекруты крѣпостные люди. Я не говорю уже о безчисленныхъ Павловыхъ, Алексѣевыхъ, Яковлевыхъ, Мартыновыхъ, сихъ именныхъ прозваніяхъ, кои по отцу всякій принять и потомству передать можетъ. Выслужившись до штабъ-офицерскаго чина, право или неправо наживши имѣніе, женившись на богатой купчихѣ или бѣдной дворянкѣ, они дѣтямъ своимъ, а еще болѣе внукамъ, передаютъ право безъ малѣйшаго препятствія причислиться къ благороднымъ фамиліямъ, имъ вовсе чуждымъ, и даже затмѣвать ихъ, если чины и состояніе то дозволяютъ. Послѣ того пусть еще гордятся у насъ древніе дворяне, почитающіе себя древними!

Дѣдъ мой, Петръ Ивановичъ Лебедевъ, умеръ въ 1752 году, оставивъ вдову, беременною моею матерью, и старшую восьмилѣтнюю дочь Елисавету. Онъ былъ тогда прапорщикомъ гвардіи Измайловскаго полка, а службу началъ простымъ рядовымъ. Это могло бы заставить подумать, что онъ также ничто иное какъ вѣтвь самовольно привившаяся къ древнему, благородному древу; но вотъ что̀ служитъ дока-

зательствомъ противному: всѣ дворяне и даже князья, вступая тогда въ войско, начинали быть простыми солдатами; а что еще убѣдительнѣе того, матери моей досталось отъ отца по наслѣдству село Лебедевка, при рѣчкѣ Ардымѣ, въ шести верстахъ отъ Пензы, еще донынѣ въ нашемъ семействѣ сохранившееся. Въ кладбищенской, полусгнившей деревянной церкви сказаннаго села находятся съ надписями могилы Ивана Кондратьевича и Ивана Ивановича Лебедевыхъ, прадѣда и дѣда моей матери, надъ прахомъ коихъ по извѣстнымъ временамъ она служила панихиды. Такъ какъ Пенза сдѣлалась городомъ только въ 1666 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то весьма вѣроятно, что Иванъ Кондратьевичъ былъ основателемъ и первымъ вотчинникомъ селенія, которое назвалъ своимъ фамильнымъ именемъ; если же онъ получилъ его по наслѣдству отъ предковъ, то тѣмъ лучше для дворянскаго нашего тщеславія.

Моя бабка, овдовѣвъ, вышла второй разъ замужъ за одного Рязанскаго помѣщика Трескина, прижила съ нимъ дѣтей, но умерла въ молодости и оставила мать мою у вотчима, въ совершенномъ почти ребячествѣ. Вскорѣ потомъ бабка ея съ материнской стороны приняла къ себѣ малютку; но и подъ крыломъ сей послѣдней не долго она осталась. Она была во второмъ бракѣ за однимъ Василіемъ Ивановичемъ Чулковымъ и, не имѣвъ отъ него дѣтей, умирая, отказала ему попеченіе о своей внучкѣ.

Хотя сей г. Чулковъ былъ намъ почти вовсе чужой, но какъ онъ былъ единственный покровитель и единственное воспоминаніе младенческихъ лѣтъ моей матери, такъ рано лишившейся родителей и родныхъ и знавшей ихъ почти только по слуху, то мнѣ желательно сохранить здѣсь трогательное семейное о немъ преданіе.

Родившись въ низкомъ состояніи, онъ, неизвѣстно какъ, попалъ въ придворные истопники на половину цесаревны Елисаветы Петровны; по усердію своему онъ сдѣлался ей извѣстенъ и близокъ и служилъ, какъ божеству, дочери Петра Великаго. Почести на него посыпались съ ея воцареніемъ: онъ вскорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, Александровскимъ кавалеромъ и даже, наконецъ, генералъ-аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не находился. Тогда-то дворянка Кривская, урожденная, хотя Татарская, но все таки княжна Мещерская, не только не погнушалась руки бывшаго истопника, но съ благодарностію приняла его предложеніе. Сей бракъ былъ устроенъ Провидѣніемъ какъ будто для того, чтобы дать защиту круглой сиротѣ, моей матери.

Я знавалъ людей, кои помнили еще царствованіе Елисаветы Петровны и со слезами умиленія вспоминали о немъ. Сія государыня,

съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, получила самое дурное воспитаніе; она выросла среди древнихъ, грубыхъ, но уже не простыхъ и чистыхъ, а Европейскимъ первоначальнымъ образованіемъ испорченныхъ нравовъ тогдашняго времени. Ей было вѣдомо искусство дѣлать подданныхъ счастливыми и заставить чужіе народы уважать имя Русское; но она не знала тѣхъ приличій, кои нынѣ царямъ необходимы, сего кроткаго величія, коимъ Екатерина Вторая умѣла вселять благоговѣйный къ себѣ страхъ. Обхожденіе съ нею было самое простое, хотя и трепетали ея гнѣва, и образъ жизни ея можно было встрѣтить, лѣтъ съ тридцать тому назадъ, между помѣщицами отдаленныхъ губерній.

Во внутренности дворца своего, она была окружена толпою женщинъ изъ простонародья, болтуній, сплетницъ. Суевѣріе, ложные страхи производили въ ней безсонницу, и эти женщины, сидя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея постели, должны были сначала разсказывать ей сказки, а потомъ, когда замѣчали, что она начинаетъ забываться, продолжали между собою разговоръ шепотомъ, чтобы совершенно усыпить ее. Вѣрный слуга Василій Ивановичъ долженъ былъ также тутъ находиться и, не взирая на разницу лѣтъ и званія, являясь опять прежнимъ истопникомъ, смиренно клалъ на полъ тюфячекъ свой подлѣ кровати императрицы и, какъ безсмѣнный стражъ, ложился у ногъ ея. Зная, что государыня не спитъ еще, гнусныя твари въ разговорахъ своихъ часто злословили царедворцевъ, не довольно къ нимъ *чивыхъ*: тогда правдолюбивый Чулковъ тихо возвышалъ голосъ, чтобъ опровергать ихъ клеветы, понося ихъ словами, которыя во дворцѣ слышать бы не должно было, и тѣмъ успокоивалъ раждающіяся подозрѣнія добродушной своей царицы. Случалось, что она, вставая ранѣе утомленнаго старика, тащила его, шутила съ нимъ; а онъ, приподымаясь легонько, потрепывалъ ее, говоря; «охъ, ты моя лебедка бѣлая!».

Не мое дѣло описывать царицу среди великолѣпій пышнаго двора ея, побѣды ея полководцевъ надъ великимъ Фридрихомъ, благоденствіе Россіи подъ ея правленіемъ, раждающіяся при ней художества, театръ и поэзію: для того были Ломоносовы и будутъ еще другіе счастливцы, кои въ исторіи ея изобразятъ золотой вѣкъ Россіи. Мнѣ пришлось сказать нѣсколько словъ о домашнемъ бытѣ старинной боярыни на тронѣ и столько, сколько сіе касалось до благодѣтеля моей матери, предка моего не по крови, а по благодѣяніямъ. Я увѣренъ, что читатели не причтутъ меня къ числу тѣхъ злонамѣренныхъ людей, коими изобилуетъ наше время, кои подобно свиньѣ Крылова, ищутъ одного навоза, не хотятъ [illegible] итъ частной жизни царей отъ

политической и, привязываясь къ однѣмъ человѣческимъ ихъ слабостямъ, стараются затмить весь блескъ ихъ царственныхъ дѣяній.

Лѣтъ четырнадцати мать моя лишилась и попечителя своего, который вспоилъ, вскормилъ ее, берегъ и лелѣялъ, оставилъ ей примѣръ своихъ добродѣтелей и нѣсколько отеческихъ наставленій, но едва выучилъ ее грамотѣ, которую самъ плохо зналъ. Она отправилась въ свое помѣстье, вступила въ управленіе, сдѣлалась полною госпожей и... не погибла. Ангелъ-хранитель ея остался тогда единственнымъ заступникомъ бѣдной сироты; казалось, начертавъ на лицѣ ея свой образъ, онъ въ сердце ея вдохнулъ свою непорочность.

Я не могъ видѣть ея молодости (она родила меня будучи слишкомъ тридцати лѣтъ), но отъ стариковъ, искавшихъ руки ея, много слышалъ о ея разборчивости и красотѣ. Когда я могъ судить объ ней, она уже была въ преклонныхъ лѣтахъ, но и тутъ еще нравилась; для ребенка добрая мать прекраснѣе всего въ мірѣ, а мнѣ казалось и въ совершеннолѣтіи, что такой миловидной старушки я не встрѣчалъ никогда.

Въ слѣдующей главѣ буду говорить о ней пространнѣе, но и здѣсь не утерпѣлъ сказать нѣсколько словъ.

IV.

Говоря о младшихъ сыновьяхъ моего дѣда, сказалъ я, что младшій изъ нихъ былъ мой отецъ и вмѣстѣ съ ними воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ.

Симъ первымъ полезнымъ учебнымъ заведеніемъ Россія обязана Нѣмцамъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, когда они у насъ неистовствовали, безжалостно терзали Россію, грабили ее, унижали, былъ однакоже между ними одинъ знаменитый мужъ, который не довольствовался дарить наше отечество побѣдами, но и думалъ о внутреннемъ его благѣ. Благодарное потомство умѣетъ отличать его отъ единоплеменныхъ ему палачей, и имя Миниха ярко блеститъ среди воспоминаній того мрачнаго времени.

Его мыслію создано, его стараніями, попеченіями устроено первое въ Россіи военное училище. При недостаткѣ въ средствахъ къ домашнему воспитанію, при стремленіи сравниться въ познаніяхъ съ господствовавшими тогда Нѣмцами, лучшіе дворяне, самые вельможи, почитали милостію опредѣленіе дѣтей въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, какъ онъ тогда назывался. Знатные и иностранцы, разумѣется, въ семъ случаѣ предпочитались. Впослѣдствіи, при Елисаветѣ Петровнѣ, когда основатель Корпуса томился въ ссылкѣ, разсад-

никъ просвѣщенныхъ воиновъ, имъ насажденный, процвѣталъ все болѣе и болѣе, и даже наслѣдникъ престола былъ назначенъ его шефомъ. Сіе назначеніе конечно умножило наружный блескъ заведенія, но ничего не прибавило къ пользѣ внутренняго его устройства. Виднὸ, что оно основано было на твердыхъ началахъ: ибо Петръ III, какъ извѣстно, мало заботился о распространеніи наукъ и, подобно своимъ послѣдователямъ, предпочиталъ имъ маршировку. Однакоже, подъ его управленіемъ образовались въ Корпусѣ почти всѣ государственные люди, прославившіе царствованіе Екатерины II, и, чтὸ всего удивительнѣе, ни одинъ почти изъ воспитанныхъ при немъ кадетовъ не былъ причастенъ къ тѣмъ порокамъ, кои безславили и, наконецъ, сгубили несчастнаго государя.

Въ особенности отецъ мой, коего замѣтилъ и полюбилъ онъ еще съ дѣтства, отличался совершенно-дѣвственною чистотою. Пылкій, смѣлый, отважный, онъ однакоже и въ старости готовъ былъ краснѣть отъ всякаго нескромнаго, неблагопристойнаго изреченія, коими изобилуетъ солдатскій языкъ, и коихъ употребленія самъ онъ вовсе не зналъ. Стройный, статный, благообразный, онъ, безъ крайней необходимости, даже передъ слугою, не обнажалъ груди или плеча *).

Можетъ быть, мнѣ не повѣрятъ; но прахомъ его клянусь, что совершеннѣе человѣка, какъ мой отецъ, я не встрѣчалъ. По мнѣнію моему, онъ былъ выродокъ не только въ семействѣ своемъ, но и въ родѣ человѣческомъ. Еслибъ онъ мнѣ былъ и чужой, то мнѣ пріятно было бы изобразить его, какъ самое чудное явленіе въ мірѣ.

Излишество во всемъ бываетъ вредно, и для самыхъ похвальныхъ качествъ есть границы, за коими они превращаются въ слабости и даже въ пороки. Такъ, напримѣръ, излишняя щедрость дѣлается расточительностію, а бережливость скупостію; смѣлость обращается въ дерзость, покорность въ раболѣпство, и благородное чувство собственнаго достоинства въ несносную спѣсь. Мудрость человѣческая состоитъ въ способности избѣгать крайности, и въ этомъ отношеніи я не зналъ человѣка, котораго бы болѣе, какъ отца, можно было назвать l'homme du juste milieu.

Онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ, а дѣйствіями его всегда управлялъ разсудокъ; страстно любилъ женщинъ, а всегда былъ цѣломудренъ и вѣренъ долгу супружества. Другъ порядка, почитатель установленныхъ властей, онъ однакоже никогда не былъ очень любимъ

---

*) Иные, можетъ быть, заключатъ изъ того, что отецъ мой былъ человѣкъ женообразный, жеманный и найдутъ похвалы мои смѣшными. На тѣхъ, кои знавали его, можно сослаться и спросить: смѣхъ или невольное уваженіе производила краска стыда и негодованія, на мужественномъ лицѣ его иногда выступавшая?

начальниками, всегда уважаемъ ими. Точность его ума болѣе всего дѣлала его способнымъ къ математическимъ наукамъ, и онъ примѣрно въ нихъ успѣвалъ, но въ тоже время чрезвычайно любилъ художества и музыку. Въ особенности же имѣлъ онъ страсть къ архитектурѣ: для сосѣдей, для пріятелей, даже иногда просто для знакомыхъ, онъ чертилъ планы домовъ, церквей, заводовъ и потомъ, при производствѣ работъ, помогалъ имъ совѣтами, какъ дешевлѣ и прочнѣе возводить строенія; и все это разумѣется даромъ. Въ провинціяхъ и доселѣ чувствуютъ недостатокъ въ архитекторахъ; проекты маловажныхъ зданій выписываются изъ столицъ. Что́ же было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ? Присутствіе моего отца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находился, въ семъ отношеніи было точно для нихъ благодѣяніемъ. Однимъ словомъ, человѣкъ сей, съ правдолюбіемъ, съ простотою нравовъ древнѣйшихъ временъ, соединялъ всю образованность осмнадцатаго столѣтія.

Слогъ есть человѣкъ, сказалъ кто-то, и справедливость этого изреченія доказывалъ мой отецъ. Не бывъ природнымъ Русскимъ, не имѣвъ никакихъ предъ собою образцовъ (ибо по-русски онъ началъ писать лѣтъ за десять до рожденія Карамзина), Русскія письма его могутъ сами служить образцами. Цѣлую сотню ихъ сохранилъ я какъ святыню, и они могутъ служить тому доказательствомъ. Откуда было взять ему столь чистый слогъ, если не изъ самаго чистаго источника прекрасной души своей? Возможно ли ему было съ такою стройностію, съ такою правильностію выражать мысли, если бы въ самихъ сихъ мысляхъ не было столько ясности и красоты? И это былъ иностранецъ, воспитанникъ Кадетскаго Корпуса 1750-хъ годовъ! И онъ никогда не думалъ быть литераторомъ и, что̀ всего удивительнѣе, въ письмахъ его никогда нельзя найти ни словъ изъ приказнаго слога, сирѣчь, понеже и дондеже, ни сентиментовъ, реверансовъ, онора, конфузіи, словъ иностраннныхъ, коими необразованный еще тогда языкъ нашъ столь изобиловалъ. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ онъ, какъ на природномъ, а на Французскомъ писалъ онъ и говорилъ, хотя безошибочно и правильно, но какъ человѣкъ, который, чувствуя необходимость его въ обществѣ, не безъ усилій ему выучился, и выговоръ на немъ имѣлъ Нѣмецкій.

У людей совѣстливыхъ долгъ и наклонность въ безпрестанномъ состязаніи. Отецъ мой ненавидѣлъ низкія, подлыя или беззаконныя дѣла, но въ равной степени не терпѣлъ также и злословія. Какъ быть? Какъ ненавидѣть зло и не осуждать его? Смѣшной стороны онъ ни въ комъ не видѣлъ, слабости ему подвластныхъ старался увѣщаніемъ исправлять, слабости чужихъ всегда находилъ средство извинять, на порокъ смотрѣлъ въ грозномъ молчаніи. Любопытно было видѣть,

какъ, убѣжденный въ гнусности какого-нибудь нечестивца, послѣ замѣтной внутренней борьбы, онъ иногда съ тяжкимъ вздохомъ произносилъ наконецъ: «какой негодный человѣкъ!» Какъ всякій праведникъ, терпѣлъ онъ много отъ несправедливости людей, отъ начальниковъ и даже отъ подчиненныхъ. Иногда позволялъ онъ себѣ жаловаться на сіи несправедливости, но не примѣшивая ни единаго оскорбительнаго слова для тѣхъ, кои ихъ учинили. Въ обществѣ оставлялъ онъ пересуды безъ вниманія; у себя же дома всегда учтиво просилъ осуждающихъ перемѣнить разговоръ. Изъ сего можно заключить, какъ мало дозволялъ онъ семейству своему порицать ближнихъ. Можетъ-быть сія самая строгость произвела во мнѣ дѣйствіе совсѣмъ противное, сіе чувство нетерпѣнія, съ коимъ такъ трудно переносить мнѣ несправедливости не только ко мнѣ, но и къ другимъ, и сію способность обильными словами облегчать страданія, причиняемыя мнѣ глупостію или злостію людей.

Люди добродушные, какъ мой отецъ, бываютъ обыкновенно нѣсколько лѣнивы, весьма невзыскательны насчетъ опрятности и сами мало ее соблюдаютъ; въ старости сей порокъ дѣлается ощутительнѣе и еще тѣмъ болѣе безобразитъ ее. Съ отцомъ моимъ было совсѣмъ противное: онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ, онъ не знавалъ минуты бездѣйствія и скуки. Съ ранняго утра причесанный, умытый, одѣтый, онъ раздѣвался только, когда ложился спать; халатъ былъ для него эмблемой болѣзни; пятно на мундирѣ или фракѣ почиталъ онъ несчастіемъ не много поменѣе пятна на чести. Таковъ былъ онъ до старости, до послѣдней минуты жизни. Сіе тѣмъ примѣчательнѣе, что въ его молодые годы мы въ Россіи мало знали опрятность, и въ самыхъ знатныхъ домахъ сами барыни были весьма нечистоплотны. Опрятность есть одно изъ малаго числа благодѣяній, коими, по мнѣнію моему, Западу мы обязаны.

Одно изъ воспоминаній объ отцѣ тревожитъ меня и смущаетъ: онъ не былъ набоженъ и всегда избѣгалъ не только споровъ, но и разговоровъ объ религіи. Объяснить это себѣ стараюсь я слѣдующимъ образомъ. Онъ родился и воспитанъ въ Лютеранской вѣрѣ; будучи уже мужемъ и отцомъ семейства, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, врачи отъ него отказались и осудили его на смерть. Матери моей, отчаянной супругѣ, представилась ужасная мысль, что ей, православной, даже и въ будущей жизни невозможно будетъ встрѣтиться съ обожаемымъ ею еретикомъ; пользуясь его безпамятствомъ, она призвала священника и умоляла его совершить надъ нимъ святое мvропомазаніе. Такимъ образомъ поступилъ онъ въ нѣдра Греко-россійской церкви. Едва любовь и вѣра свершили обрядъ, какъ уже лучъ надежды блеснулъ

для моей матери: съ той минуты онъ началъ оживать, воскресъ, узналъ о томъ, что̀ произошло, и не смѣлъ огорчить упрекомъ ту, которая въ выздоровленіи его видѣла чудо небесное. Всѣ дѣянія его были истинно-христіанскія; по присоединеніи къ восточной церкви онъ съ точностію слѣдовалъ ея обрядамъ; но, можетъ быть, чувствуя тайно ложный стыдъ, онъ не любилъ говорить о томъ, что̀ напоминало ему о невольно случившейся съ нимъ перемѣнѣ.

Послѣ всего вышесказаннаго, нужно ли говорить, что онъ былъ нѣжный супругъ и отецъ, постоянный другъ, добрый господинъ, справедливый и пріятный въ обхожденіи начальникъ? Все это, хотя не совсѣмъ обыкновенно, но къ счастію и не весьма рѣдко встрѣчается между людьми. Мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ только то, что̀ отличало его отъ другихъ, представить въ немъ противоположности, согласіе или соединеніе коихъ производило совершенство. Блестящій взглядъ его, разговоръ живой и умный и на устахъ почти всегда улыбка непорочнаго веселія, знакомаго только ему подобнымъ, дѣлали его привлекательнымъ еще и въ старости.

Младшій изо всего многочисленнаго своего семейства, онъ родился 12 Іюня 1740 года; не знаю, когда поступилъ онъ въ Кадетскій Корпусъ, но знаю только, что въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы Петровны былъ уже онъ въ немъ прапорщикомъ и преподавалъ науки кадетамъ, изъ коихъ многіе были ему ровесниками.

Нѣмецкое происхожденіе и совершенное знаніе фронтовой службы ввели его въ особенную милость къ наслѣднику престола. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ III сравнилъ кадетскихъ офицеровъ съ гвардейскими и, щедрый на награды, какъ сынъ и внукъ, въ продолженіи шестимѣсячнаго царствованія своего, произвелъ отца моего въ подпоручики, въ поручики и въ капитанъ-поручики. Приближался Петровъ день, царскія имянины, и баронъ Унгернъ-Штернбергъ, генералъ-адъютантъ и двоюродный дядя моего отца, объявилъ именемъ государя, что въ сей день онъ будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Можно посудить о радости двадцати-двухъ-лѣтняго юноши; онъ изъ Ораніенбаума поскакалъ въ Петербургъ, чтобы закупить все нужное къ обмундировкѣ. Но прежде 29 Іюня было 28-е. Въ этотъ день, проходя утромъ чрезъ Исакіевскую площадь и ничего не вѣдая, онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ караулъ. Екатерина вступила на престолъ.

Тогда попали въ честь Орловы,

а подобно дѣду Пушкина, отецъ мой «въ крѣпость, въ карантинъ». Но онъ не долго въ немъ оставался, не болѣе двухъ недѣль; его выпустили и, не бывши въ числѣ крупныхъ любимцевъ, онъ скоро исчезъ въ толпѣ и возвратился къ своимъ корпуснымъ занятіямъ.

Съ величайшимъ любопытствомъ прислушивался я въ ребячествѣ къ разсказамъ покойнаго отца о благодѣтелѣ его, Петрѣ III-мъ. Онъ не хвалилъ его наружности, объ умѣ слова не было; но за то съ восторгомъ говаривалъ онъ о душевной его добротѣ и безпримѣрной снисходительности къ окружающимъ. Я росъ въ Кіевѣ, никогда не видалъ царей и представлялъ ихъ себѣ хотя и людьми, намъ подобными, но имѣющими еще болѣе важности и величія, чѣмъ самъ митрополитъ. Оттого бывалъ я въ крайнемъ изумленіи, когда слышалъ объ огромнѣйшей чашѣ съ пуншемъ, о цѣлой горѣ курительнаго табаку и о десяткахъ трубокъ, находившихся по вечерамъ въ пріемной у императора, который расхаживалъ, балагурилъ, и если не приневоливалъ, то усердно приглашалъ всѣхъ этимъ потѣшаться. Мнѣ это казалось слишкомъ милостиво.

Около тридцати пяти лѣтъ служилъ мой отецъ Екатеринѣ Второй вѣрой и правдой, всегда съ благоговѣніемъ произносилъ ея имя, никогда не позволялъ себѣ осуждать ея слабостей (о томъ у насъ въ домѣ и помину не было), но за то никогда й не удавалось мнѣ слышать отъ него тѣхъ заслуженныхъ похвалъ, коими всѣ ее превозносили. Съ растроганнымъ видомъ говаривалъ онъ о ея наслѣдникѣ: по увѣренію его (а ему вѣрить было можно) и многихъ другихъ, Павелъ Петровичъ былъ въ дѣтствѣ прекраснѣйшій ребенокъ и между тѣмъ чрезвычайно похожъ на отца своего, который, однакоже, былъ ни хорошъ, ни дуренъ.

Въ 1764 году отецъ мой, послѣ долгой разлуки, посѣтилъ слѣпаго и умирающаго своего отца, принялъ его благословеніе и послѣдній вздохъ (но наслѣдства никакого) и, возвратясь въ Петербургъ, былъ выпущенъ въ армію съ чиномъ премьеръ-майора и опредѣленъ въ генеральный штабъ.

Въ это время съ новымъ жаромъ начали хлопотать о водвореніи у насъ Европейскаго образованія: надобно было открыть ему всѣ отверстія, дабы оно могло въ самую утробу Россіи проникнуть. Въ Германіи вызвались охотники заселять степи, коими Россія столь изобилуетъ. Какъ было тому не обрадоваться? Цѣлыя массы свѣта должны были влиться къ намъ съ тысячами Нѣмецкихъ мужиковъ, изъ коихъ, какъ извѣстно, особенно Баварцы и Вестфальцы отличаются образованностію! Человѣческій родъ примѣтно умножается, особенно между Славянскими племенами; для сбыта излишества населенія у насъ неистощимые запасы пустошей, и эти запасы не за морями, какъ у другихъ, а такъ сказать подъ руками; ихъ безчисленность насъ долго пугала, тогда какъ другія государства, не имѣя таковыхъ, намъ завидовали. Итакъ, сихъ пришельцевъ приняли съ распростертыми объятіями, и

учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ, подъ предсѣдательствомъ самого князя Орлова, тогдашняго фаворита. Императрица Екатерина была еще довольно молода и, несмотря на врожденное въ ней искуество царствовать, по неопытности, не знала еще тогда истинныхъ пользъ своего народа.

Роскошные берега Волги, въ нынѣшней Саратовской губерніи, тогдашней провинціи, были выбраны для принятія дорогихъ гостей. Конечно, поселеніе иностранныхъ колонистовъ менѣе вредно и безразсудно на краю государства, чѣмъ военныя поселенія внутри его; однакоже и пользы отъ того мало: казна тратится, а прибыли не имѣетъ; ибо по прошествіи семидесяти лѣтъ сіи колоніи, кажется, и понынѣ пользуются льготою. Хлѣбопашество въ той сторонѣ ничего отъ того не выиграло; только жители Сарепты размножили сѣяніе табаку и горчицы, чтó и безъ нихъ можно было сдѣлать.

Генералъ-фельдцейгмейстеръ и надъ фортификаціями генералъ-директоръ, князь Орловъ, искалъ между подчиненными своими, военноучеными (а ихъ было такъ мало) людей, коимъ бы можно было поручить смотрѣніе за межеваніемъ земель и размѣщеніемъ на нихъ колонистовъ, и выбралъ двухъ друзей: инженеръ-майора Либгарда и отца моего. Симъ выборомъ была навсегда рѣшена участь послѣдняго.

Саратовъ и Пенза, два провинціальные города, почти въ одно время возникшіе, построены въ двухъ стахъ верстахъ одинъ отъ другаго, и какъ въ старину, такъ и понынѣ находятся въ тѣсномъ союзѣ и безпрестанномъ соперничествѣ или, лучше сказать, соревнованіи; но участь сихъ городовъ совершенно различна.

Первый изъ нихъ стоитъ на берегу величественной Волги, царицы рѣкъ, движущагося моря, и владычествуетъ надъ одною изъ пространнѣйшихъ областей въ государствѣ. Въ сей области находятся и многолюдные уѣзды, хлѣбопашцами, помѣщичьими крестьянами населенные, и плодородныя, широкими рѣками орошаемыя степи, никѣмъ или еще мало обитаемыя, и степи безводныя, и солончаки; въ ней Елтонское озеро, снабжающее солью треть Россіи; въ ней иностранныя колоніи, въ ней Ахтуба и развалины Сарая; въ ней растутъ береза и виноградъ, произведенія Сѣвера и плоды Юга; въ ней и хлѣбопашество, и торговля, и судоходство, и рыбныя ловли, и соляной промыселъ.

Пенза на горѣ возвышается гордо надъ смиренною Сурой. Сія рѣчка, только при устьѣ своемъ достойная названія рѣки, въ одно только время года, и то самое короткое, бываетъ судоходна; она робко и медленно приближается къ спѣсивой Пензѣ и, не смѣя коснуться подошвы ея, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нея протекаетъ *). Гу-

*) Въ сію Суру впадаетъ, однакоже, родимый мой Ардымъ.

бернія Пензенская сжата на маломъ пространствѣ и тѣсно заселена помѣщичьими деревнями. Въ противоположность Саратовскаго разнообразія, въ ней все единообразно, вездѣ равно прекрасные виды, равно прекрасная почва земли, вездѣ изобиліе плодовъ земныхъ и вездѣ недостатокъ въ средствахъ къ ихъ сбыту. Между дворянами вездѣ почти одинаковая невѣжественно-олигархическая спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти одинаковую холопью дерзость или низость.

Однимъ словомъ, сіи двѣ губерніи можно сравнить съ богатымъ купцомъ и довольно-зажиточнымъ дворяниномъ. Но какъ Русское дворянство (нынѣ столь многочисленное) прежде и болѣе другихъ сословій восприяло Европейское образованіе и съ преимуществомъ происхожденія или заслугъ соединяетъ преимущества воспитанія, то купечество весьма естественно оказываетъ ему невольное уваженіе. Въ замѣнъ того, неимущему невозможно презирать деньгами, и сіе возстановляетъ равновѣсіе какъ между обоими сословіями, такъ и между обѣими губерніями.

Поселившись въ Саратовѣ, отецъ мой охотно посѣщалъ Пензу: тамъ находилъ онъ начàла, нѣкоторые признаки общежитія. Въ особенности же свелъ онъ тамъ дружбу съ воеводою, Андреемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ, отличавшимся нѣкоторою образованностію, кроткимъ нравомъ и пріятнымъ обхожденіемъ.

Нѣкогда слобода, а со временъ царствованія Алексѣя Михаиловича провинціальный городъ, Пенза состояла тогда изъ десятка не весьма большихъ деревянныхъ господскихъ хоромъ и нѣсколькихъ сотенъ обывательскихъ домиковъ, изъ коихъ многіе были крыты соломою и имѣли плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многіе сельскіе храмы, съ тѣхъ поръ построенные, и нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ небольшихъ приходскихъ церквей, служили единственнымъ ей украшеніемъ. Чтобы судить о неприхотливости тогдашняго образа жизни Пензенскихъ дворянъ, надобно знать, что ни у одного изъ нихъ не было фаянсовой посуды, у всѣхъ подавали глиняную, муравленую (за то человѣкъ хотя нѣсколько достаточный не садился за столъ безъ двадцати-четырехъ блюдъ, похлебокъ, студеней, взваровъ, пирожныхъ). У одного только Михаила Ильича Мартынова, владѣльца тысячи душъ, болѣе другихъ гостепріимнаго и роскошнаго, было съ полдюжины серебряныхъ ложекъ; ихъ клали предъ почетными гостями, а другія должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дварня, псарня и конюшня поглощали тогда всѣ доходы съ господскихъ имѣній.

Двадцать лѣтъ спустя, когда, при учрежденіи губерній, Пенза возвышена была на степень губернскаго города, въ ней все перемѣ-

нилось. Правильныя улицы, и изъ нихъ иныя мощеныя, украсились каменными двухъ и трехъ-этажными домами и каменными лавками, а въ нихъ показались товары, кои прежде, хотя съ трудомъ, можно было только выписывать изъ Москвы; явилась нѣкоторая опрятность, нѣкоторая бережливость, нѣкоторый вкусъ—необходимые спутники просвѣщенія. Перемѣна во всей Россіи шла гораздо быстрѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ, и безъ пытокъ, безъ насилій. Геній и улыбка Екатерины творили сіи чудеса. Желѣзная трость Петра Великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла скотовъ обращать въ людей.

Что́ касается до Пензы, то пусть позволятъ мнѣ часть успѣховъ приписать присутствію въ ней моего отца, уваженію, которое онъ въ ней пріобрѣлъ, дѣятельности его и его совѣтамъ, которыхъ къ счастію слушались.

Верстахъ въ тринадцати отъ Пензы, по Саратовской дорогѣ, находится небольшое помѣстье Симбухино, носящее фамильное имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдній изъ нихъ, отставной кирасирскій майоръ, Андрей Петровичъ Симбухинъ не имѣлъ никого близкихъ родныхъ и былъ женатъ на Нѣмкѣ; умирая, отказалъ онъ ей съ малолѣтною дочерью помянутое имѣніе.

Неудивительно, что вдовѣ г. Симбухина, живущей, такъ сказать на чужой сторонѣ, полюбился молодой, красивый и всѣми уважаемый землякъ. Едва ея дочь достигла шестнадцатилѣтняго возраста, какъ сама она предложила ее моему отцу. Нетрудно было ему согласиться вступить въ бракъ съ такою молоденькой дѣвочкой, съ нѣкоторымъ состояніемъ, которой могъ онъ надѣяться быть не только супругомъ, но и образователемъ. Сей бракъ былъ счастливъ, но въ семъ мірѣ счастіе бываетъ рѣдко продолжительно: едва прошелъ годъ послѣ замужества Пелагеи Андреевны (такъ звали первую жену отца моего), какъ она родила сына Андрея и черезъ недѣлю спустя вмѣстѣ съ нимъ пошла въ гробъ. Но, какъ бы предчувствуя раннюю кончину свою, она еще во время беременности, по совѣту матери своей, укрѣпила помѣстье свое за отцомъ моимъ. Сіе помѣстье еще и понынѣ находится во владѣніи нашего семейства.

Неутѣшный вдовецъ остался единственнымъ утѣшеніемъ и подпорой горестной, бездѣтной тещѣ: не помня собственной матери своей, коей лишился въ младенчествѣ, онъ въ ней обрѣлъ нѣжнѣйшую мать, а ей замѣнялъ онъ дѣтей, друзей и родныхъ, коихъ у нея не было. Но сія добродѣтельная, благоразумная женщина не хотѣла дарованнаго ей Провидѣніемъ сына осудить на вѣчное вдовство; по прошествіи

траурнаго года, она первая начала ему совѣтовать помышлять о новой женитьбѣ; она сдѣлала болѣе: между дѣвицами, жившими въ Пензѣ, она начала искать достойную его руки.

Между тѣмъ время шло и врачевало горести молодаго вдовца. Еще при жизни первой жены своей, онъ отдавалъ справедливость прелестямъ и дѣвственно-гордому цѣломудрію юной сироты Лебедевой. Не получивъ никакого образованія, въ ней однакоже въ высшей степени господствовало природное чувство, которое Французы называютъ тактомъ. Безъ жеманства другихъ провинціальныхъ дѣвицъ, ея обхожденіе было со всѣми непринужденное, но вселяло какую-то робость въ тѣхъ, кои руки ея искали. Иные пытались однакоже являться съ предложеніями, и хотя получали отказы, но въ нихъ было столь много вѣжливаго и утѣшительнаго для самолюбія неудачныхъ искателей, что не оставалось мѣста досадѣ и злословію.

У сей недоступной дѣвы было однакоже сердце, и оно, противъ воли ея, тайно принадлежало человѣку, о коемъ она не смѣла помышлять, ибо онъ былъ женатъ. Никто не вѣдалъ о томъ, а еще менѣе другихъ тотъ, который былъ любимъ. Онъ былъ уже вновь давно свободенъ и все еще не подозрѣвалъ ничего. Одинъ только женскій опытный взглядъ можетъ проникнуть въ сокровенныя тайны женскаго сердца; въ заботливости объ участи отца моего, теща его подмѣтила неравнодушіе къ нему независимой и непорочной дѣвицы, ея ближайшей сосѣдки, и захотѣла вторично сдѣлать его счастливымъ. «Вы любите другъ друга, сказала она наконецъ обоимъ: женитесь». Тутъ не было отказа, ниже минутной притворной колеблемости. Такимъ образомъ состоялся бракъ, коему я обязанъ жизнію.

V.

Вторая женитьба отца моего была въ 1772 или въ 1773 году, хорошенько не припомню, ибо не имѣлъ несчастія быть свидѣтелемъ брака родителей, какъ съ иными сіе случается. Знаю только навѣрно, что первый ребенокъ отъ сего брака, старшая сестра моя Елисавета, родилась въ Іюнѣ 1774 года.

Вскорѣ послѣ сей второй женитьбы, послѣдовали въ участи отца моего важныя перемѣны. Всего важнѣе было для него оставить Пензу и Саратовъ. Онъ давно уже находился въ одномъ чинѣ, не получалъ никакихъ наградъ, а между тѣмъ весьма добродушный и довольно просвѣщенный начальникъ его, князь Орловъ, былъ къ нему отмѣнно благосклоненъ. Но ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, а съ повы-

шеніемъ его онъ долженъ былъ его лишиться. Наконецъ, по чувству справедливости, онъ рѣшился доставить ему чинъ полковника съ назначеніемъ командиромъ батальона, опять не помню, котораго-то егерскаго корпуса *).

Такъ какъ, вѣроятно, мнѣ не придется болѣе говорить о Саратовѣ, въ коемъ я никогда не бывалъ, то я позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и бросить недовольный взглядъ на службу тамъ отца моего. Мѣсто, которое онъ тамъ занималъ, было что̀ называется самое наживное: въ томъ краю, который называется денежною стороной, какъ Пенза хлѣбною, тамъ гдѣ все гласитъ и понынѣ о прибыли, онъ ничего не пріобрѣлъ, кромѣ двухъ друзей или можетъ быть только пріятелей, совсѣмъ не одинаковаго съ нимъ образа мыслей, но съ коими сохранилъ связи до послѣдняго конца жизни, безъ чего, по мнѣнію моему, онъ весьма могъ обойтись. Это были секретари Саратовской колоніальной конторы, а наконецъ преважные люди и сенаторы: Иванъ Сергѣевичъ Ананьевскій и Петръ Ивановичъ Новосильцовъ.

Можетъ быть, въ толпѣ грубыхъ, жадныхъ чиновниковъ ему пріятно было найдти людей болѣе совѣтливыхъ, болѣе умѣренныхъ и благопристойныхъ. Тогда это было рѣдкостію и могло почитаться почти за честность; нынѣ это сдѣлалось весьма обыкновенно. Впрочемъ и нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подъячему открыли путь до степени государственнаго человѣка и дали семейству его притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ, и пусть мнѣ позволятъ въ семъ случаѣ послѣдовать его примѣру.

Въ Пензѣ было также два человѣка, съ коими отецъ мой имѣлъ тѣсныя, постоянныя связи. Первый изъ нихъ, Ефимъ Петровичъ Чемесовъ, былъ послѣднимъ Пензенскимъ воеводою и въ душѣ былъ старинный дворянинъ. Онъ отличался честностью, прямодушіемъ, веселонравіемъ, незлобіемъ и необычайнымъ здравымъ смысломъ; но по формамъ своимъ, по выраженіямъ, по пріемамъ, по самому произношенію словъ, казался даже и тогда запоздалымъ, казался выходцемъ изъ временъ допетровскихъ. Другой, Богданъ Ильичъ Огаревъ, былъ человѣкъ съ умомъ пріятнымъ и основательнымъ, твердыми и благородными правилами и, въ тогдашнее время, съ большими свѣдѣніями по части

---

*) Тогда егерскихъ полковъ не было, а семь или восемь батальоновъ составляли корпусъ, котораго шефомъ былъ обыкновенно одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ. Батальоны назывались нумерами.

агрономической: сими одними средствами умѣлъ онъ умножить и безъ того уже довольно хорошее состояніе *).

Предъ отъѣздомъ изъ Пензы, родители мои имѣли прискорбіе лишиться той, которая для обоихъ была нѣжнѣйшею матерью. Время было тогда для Россіи самое несчастное; на Востокѣ свирѣпствовалъ Пугачевскій бунтъ и близился къ Пензѣ, на Югѣ чума и война съ Турками. Бѣдная мать моя должна была оторваться отъ теплаго гнѣзда своего, отъ всѣхъ привычекъ, отъ наслажденій первоначальной спокойной супружеской жизни. Она уже имѣла болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, но совсѣмъ не знала свѣта, ибо Пензу можно было тогда назвать тьмою; но у нея былъ вѣрный и нѣжный путеводитель.

Батальонъ, въ который отецъ мой былъ назначенъ, находился тогда на Кубани. Счастіе ему не всегда благопріятствовало: вмѣсто того, чтобъ подъ знаменами Румянцова идти противъ Турокъ и въ блистательной войнѣ сдѣлать себѣ имя, или по крайней мѣрѣ съ Суворовымъ и Михельсономъ спасать отечество отъ внутреннихъ враговъ, онъ долженъ былъ въ безвѣстной, но не менѣе того въ опасной борьбѣ сражаться съ горцами и еще болѣе съ климатомъ и всякаго рода нуждами, среди пустыннаго края, тогда еще не населеннаго Черноморскими казаками. Закавказскія области намъ еще не принадлежали и, подстрекаемые Турками Черкесы всѣхъ наименованій, съ большею безопасностію, съ большею дерзостію на наши войска нападали. Въ это время мать моя жила попеременно то въ Черкасскѣ на Дону, то въ Таганрогѣ, то въ крѣпости Св. Димитрія, нынѣшнемъ Ростовѣ, убѣгая ужасовъ чумы и вездѣ ею настигаемая.

Наконецъ, насталъ миръ и тишина; мои родители посѣтили мирный уголокъ свой, который въ ихъ отсутствіе переставалъ быть мирнымъ, и многихъ знакомыхъ не нашли уже въ немъ; они погибли отъ Пугачева, и между прочимъ добрый пріятель отца моего, воевода Всеволожскій, который вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гуляевымъ былъ сожженъ въ томъ домѣ, въ коемъ заперся отъ злодѣевъ. Изъ Пензы поспѣшили они въ Москву, чтобы видѣть извѣстное торжество на Ходынкѣ.

Матери моей, которая Петербургъ оставила почти въ ребячествѣ, въ первый разъ міръ представился въ такомъ блескѣ. Въ ея лѣта, съ ея воображеніемъ, Московскіе праздники оставили неизгладимыя впечатлѣнія, и она съ живостію умѣла ихъ передавать. Мнѣ всего памятнѣе одинъ разсказъ ея о мученіи, которое она съ великимъ терпѣніемъ перенесла. За полторы сутки до какого-то славнаго бала,

---

*) Я обоихъ знавалъ и помню. Первый изъ нихъ былъ мой крестный отецъ.

была она причесана рукою искуснѣйшаго тогда парикмахера, разумѣется Француза, который двое сутокъ сряду долженъ былъ работать надъ головами всѣхъ желавшихъ быть по модѣ. За то что за прическа! Все тутъ было: и бастіоны, и башни, и ленты, и цвѣты, и блонды, и пудра и помада, и все это воздымалось на аршинъ вышины надъ головою. Правда, и цѣна за то была неимовѣрная; кажется, пять рублей.

Между тѣмъ егерскій корпусъ, въ которомъ служилъ мой отецъ, былъ переведенъ въ страну не менѣе враждебную чѣмъ Кавказъ, но гораздо болѣе пріятную, въ Польшу. Туда отправились мои родители. Съ перваго раздѣла, Русскія войска почти не покидали Польши, хозяйничали въ ней и привыкали видѣть въ ней собственность своихъ царей. Сначала батальонъ отца моего стоялъ въ Люблинѣ, а наконецъ въ самой Варшавѣ.

Природа гораздо сильнѣе искусства; иныхъ женщинъ она одаряетъ такими граціями, которыхъ одно послѣднее дать никакъ не въ состояніи. И потому-то посреди образованныхъ, ловкихъ Полекъ, превосходнѣйшихъ кокетокъ въ мірѣ, мать моя не чувствовала ихъ превосходства и въ глазахъ супруга ничего не теряла отъ сравненія съ ними. Напротивъ того, видя молодую Москальку, умную, пріятную, безъ притворства, безъ претензій, Польскія дамы сами полюбили ее до того, что, наконецъ, и самой ей сдѣлались милы, и сію склонность сохранила она цѣлую жизнь.

Чтό касается до Поляковъ, то въ послѣдствіи она имѣла случай удостовѣриться въ недоброхотствѣ ихъ къ Россіи, а во время пребыванія въ Варшавѣ ничего непріязненнаго не замѣтила: изъ уваженія ли къ дамѣ, скрывали отъ нея вражду къ ея націи, или изъ страха передъ одною знамѣнитѣйшею Русскою дамой, Екатериною Второй? Отцу моему они также показывали любовь и уваженіе, можетъ быть потому, что онъ самъ отличался вѣжливостію формъ отъ другихъ Русскихъ начальниковъ, которые, по правдѣ сказать, мало тамъ церемонились, въ особенности же начальникъ отца моего, генералъ-поручикъ Романіусъ (о которомъ впрочемъ онъ всегда съ большими похвалами отзывался) и пріятель его, гусарскій полковникъ Древицъ, который для Поляковъ былъ истинно несносенъ. Они не могли имѣть противъ нихъ нашей національной вражды, а это была просто жестокость, грубость, которою въ завоеванныхъ земляхъ отличались Нѣмецкіе воины, со временъ Тридцатилѣтней войны.

По случаю рожденія перваго внука Екатерины, столь славнаго Александра Павловича, было во всей арміи большое производство по старшинству. Въ сіе производство попалъ и отецъ мой: онъ пожало-

ванъ полковникомъ въ Нарвскій карабинерный полкъ, сверхъ комплекта [1]). Тогда полковникъ было и чинъ, и мѣсто; названіе полковыхъ командировъ не было употребляемо, а полковники, не имѣющіе полковъ, были приписываемы къ нимъ сверхъ комплекта, какъ бы за урядъ, и могли за то къ нимъ почти и не являться и жить гдѣ угодно, въ ожиданіи назначенія. И потому-то отецъ мой возвратился опять въ свое помѣстье.

Недолго однакоже могъ онъ подышать свободой и заняться хозяйствомъ: ему скоро дали Алексопольскій пѣхотный полкъ, который былъ расположенъ на берегахъ Днѣпра, во вновь занятыхъ тогда степяхъ Новороссійскаго края.

Умы были тогда наполнены Греціей и Востокомъ, которые были любимою мечтой Екатерины. Только не задолго до кончины своей, разсталась она съ нею, когда она уступила мѣсто печальнымъ истинамъ съ Запада, и тогда, вмѣсто того, чтобы разить враговъ просвѣщенія, Екатерина должна была помышлять о борьбѣ съ ужасными его распространителями. Но сіе время еще не пришло, и въ южномъ краѣ, на дорогѣ ведущей въ Константинополь, учреждались этапы и украшались звучными именами не существующихъ Греческихъ городовъ.

Въ память древняго Херсона, гдѣ Св. Владиміръ воспріялъ крещеніе, одинъ изъ подданныхъ Екатерины, но могуществомъ равный сильнѣйшимъ царямъ, захотѣлъ, при устьѣ Днѣпра, поставить новый городъ, такъ сказать, южный Петербургъ. Въ князѣ Потемкинѣ простительно желаніе быть Петромъ Великимъ, когда Россія и понынѣ полна создателей и преобразователей.

Итакъ начали строить Херсонъ. Читателямъ моимъ уже извѣстна страсть моего отца къ архитектурѣ; онъ тутъ находился съ полкомъ. Какое поле или, лучше сказать, какая степь представилась тогда для его дѣятельности! Неутомимо, безвозмездно началъ онъ трудиться надъ планами, и первый красивый домъ построилъ для себя (въ послѣдствіи съ убыткомъ онъ долженъ былъ продать его въ казну). Сіи занятія сблизили его, сдружили съ однимъ «Негромъ, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ» [2]), съ извѣстнымъ инженеръ-генералъ-поручикомъ Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, главнымъ производителемъ, какъ крѣпостныхъ, такъ и строительныхъ работъ.

Явился самъ Потемкинъ. Быстрота исполненія его воли никакъ его не удивила: едва ли Наполеону были люди болѣе послушны. По-

---

[1]) Карабинерные полки были тогда кавалерійскіе на подобіе драгунскихъ.

[2]) Названіе одного романа, впрочемъ не весьма замѣчательнаго, нынѣ совсѣмъ забытаго.

добно ему, окруженный лестію и подлостями, Потемкинъ съ трудомъ могъ отличить отъ нихъ долгъ строгой подчиненности и искреннее уваженіе къ его высокимъ дарованіямъ. И потому-то отецъ мой остался въ толпѣ безчисленныхъ, мало извѣстныхъ ему поклонниковъ и былъ мало замѣченъ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ отдавать справедливость достоинствамъ, когда могъ до нихъ добраться. Въ младенчествѣ моемъ я такъ много слышалъ о семъ гигантѣ, столь внезапно свалившемся тогда во гробъ, что мнѣ невозможно, хотя вкратцѣ, не изобразить его.

Невиданную еще дотолѣ въ вельможѣ силу свою онъ никогда не употреблялъ во зло. Онъ былъ вовсе не мстителенъ, не злопамятенъ; а его всѣ боялись. Онъ былъ отваженъ, властолюбивъ, иногда лѣнивъ до неподвижности, а иногда дѣятеленъ до невозможности. Однимъ словомъ, въ немъ видно было все, чѣмъ славится Русскій народъ, и все то, чѣмъ по справедливости его упрекаютъ; а со всѣмъ тѣмъ онъ Русскими не былъ любимъ. Сіе покажется загадкой, а ее можно объяснить весьма естественно. Не одна привязанность къ нему Императрицы давала ему сіе могущество, но полученная имъ отъ природы нравственная сила характера и ума ему все покоряла: въ немъ страшились не того, что̀ онъ дѣлаетъ, а того, что̀ можетъ дѣлать. Бранныхъ, ругательныхъ словъ, кои многіе изъ начальниковъ себѣ позволяли съ подчиненными, отъ него никто не слыхивалъ; въ немъ совсѣмъ не было того, что̀ привыкли мы называть спѣсью. Но въ простомъ его обхожденіи было нѣчто особенно-обидное; взоръ его, всѣ тѣлодвиженія, казалось, говорили присутствующимъ: «вы не стоите моего гнѣва». Его невзыскательность, снисходительность весьма очевидно проистекали отъ неистощимаго его презрѣнія къ людямъ; а чѣмъ можно болѣе оскорбить ихъ самолюбіе?

Его разсѣянно-прихотливый взглядъ въ обществахъ иногда останавливался или, лучше сказать, скользилъ на пріятномъ лицѣ моей матери. Сего достаточно было, чтобы встревожить совсѣмъ не ревниваго, но благородно-самолюбиваго отца моего. Въ одинъ вечеръ, звѣздоносные шуты тѣшили свѣтлѣйшаго разговорами о женской красотѣ; одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ никогда не видалъ столь прелестной маленькой ножки, какъ у моей матери. «Неужели?» сказалъ Потемкинъ. «Я не примѣтилъ. Когда-нибудь приглашу ее къ себѣ и попрошу показать мнѣ безъ чулка». И не прошло двухъ дней, какъ мой отецъ узналъ о семъ разговорѣ. Можно себѣ вообразить страхъ и гнѣвъ, коимъ онъ вскипѣлъ; онъ представлялъ себѣ отчаяніе супруги, еслибъ ей осмѣлились сдѣлать столь обидное предложеніе. Для предупрежденія всякихъ непріятностей, онъ упросилъ ее отправиться немед-

ленно въ деревню; ничего не подозрѣвая, она изумилась, но должна была повиноваться.

Нѣсколько времени спустя послѣ сей домашней тревоги, о коей виновникъ ея вовсе ничего не зналъ, прибылъ въ Херсонъ Виртембергской принцъ Фридрихъ, для командованія дивизіей, въ которой находился мой отецъ. Это было самое умное и самое капризное созданіе въ мірѣ, столь извѣстный послѣ толстый король Виртембергскій. Уваженія къ высокой его особѣ, точнаго исполненія своихъ обязанностей недостаточно было, чтобъ угодить ему; онъ требовалъ.... онъ требовалъ Богъ знаетъ чего; своенравію, странностямъ его не было предѣловъ. Съ такимъ начальникомъ трудно было ужиться отцу моему; съ перваго взгляда онъ не полюбился Монбельярскому принцу, который всячески началъ его тѣснить, а какъ онъ былъ тиранъ въ полномъ смыслѣ сего слова и тиранъ искусный, то скоро положеніе отца моего сдѣлалось несноснымъ.

Князь Потемкинъ не очень баловалъ Нѣмецкихъ принцевъ, въ нашей службѣ находившихся. Глядя на нихъ не только съ той высоты, на которой стояла тогда Россія, но съ той, на которую мечталъ онъ вознести ее, они казались ему менѣе чѣмъ ничто; но родному брату супруги наслѣдника Россійскаго престола онъ долженъ былъ невольно показывать болѣе уваженія. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, онъ будто наперекоръ ему сталъ болѣе покровительствовать моему отцу. Такъ продолжалось нѣсколько времени до тѣхъ поръ, какъ взаимныя жалобы ихъ наскучили князю Потемкину, и онъ рѣшился развести ихъ. Въ разлукѣ съ женою, съ дѣтьми, посреди такихъ непріятностей, моему отцу самому желательно было отойти съ честію.

Онъ былъ уже лѣтъ семь полковникомъ; ему доставалось въ бригадиры, а въ семъ чинѣ немногимъ оставляли полки. Потемкинъ представилъ его къ чину и вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ его отдалъ другому. Сіе не совсѣмъ было пріятно, но дѣлать было нечего: онъ былъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенъ мыслію близкаго свиданія съ семействомъ и вскорѣ потомъ отправился въ Пензу. Возвратившись туда, онъ недолго дожидался производства: онъ получилъ бригадирскій чинъ, но съ назначеніемъ къ опредѣленію въ оберъ-комендантскую или комендантскую должность *).

---

*) Чтобы генеральскому чину дать болѣе важности, изъ полковниковъ не прямо въ него жаловали: для того надобно было въ бригадирахъ года два подождать. Нѣкоторыхъ считали неспособными къ продолженію военной службы; они оставались въ армейскихъ спискахъ и были кандидатами на губернаторскія или комендантскія мѣста; они въ семъ положеніи иногда цѣлый вѣкъ оставались. Екатерина Вторая всегда призывала къ себѣ тѣхъ, кои были представлены въ губернаторы, нѣсколько разъ разговаривала съ

Не прошло года по прибытіи отца моего въ Пензенскую деревню свою Симбухино, какъ я въ ней родился, среди сельской тишины. Здѣсь кончается біографія моихъ родителей и начинается моя собственная; скоро перестану я быть разскащикомъ слышаннаго, а сдѣлаюсь повѣствователемъ видѣннаго мною.

Я всегда уважалъ старшинство, и потому прежде нежели буду говорить о себѣ, считаю долгомъ поименовать братьевъ и сестеръ, прежде меня увидѣвшихъ свѣтъ. Я уже сказалъ, что сестра моя Елисавета родилась въ 1774 году; послѣ нея Наталья въ 1775-мъ, потомъ братъ Александръ въ 1776-мъ, за нимъ Павелъ въ 1777-мъ и наконецъ Николай въ 1778-мъ. Изъ нихъ одинъ только Александръ жилъ недолго; другіе же всѣ достигли совершеннолѣтія, а нѣкоторые и старости. Первыя пять лѣтъ мои родители всякій годъ имѣли дѣтей; потомъ моя мать начала родить рѣже, но все-таки до меня еще было три сестры, Катерина, Мавра и Анна, изъ коихъ первая умерла пяти лѣтъ, а другія двѣ въ колыбели (читатель не избѣжитъ со мною ни малѣйшей подробности, до семейства моего касающейся). Послѣ меня, черезъ пять лѣтъ, родилась сестра Александра, которая и донынѣ находится въ живыхъ.

Я былъ еще на рукахъ кормилицы, когда въ жизни моихъ родителей произошла важная перемѣна. Вотъ какъ сіе случилось. Князь Потемкинъ, наконецъ, поссорился съ Виртембергскимъ принцемъ и, такъ сказать, почти его прогналъ. Одинъ изъ его любимцевъ, Василій Степановичъ Поповъ, съ которымъ отецъ мой былъ хорошо знакомъ, но не имѣлъ никакихъ связей, разговорился объ немъ съ княземъ и представилъ какъ жертву своенравія принца. Потемкинъ былъ великодушенъ, какъ всѣ люди сильные и умные: онъ началъ съ того, что бригадиру, почти въ отставкѣ жившему, доставилъ генералъ-майорскій чинъ, а потомъ чрезъ г. Попова прислалъ ему письмо, адресованное на имя тогдашняго статсъ-секретаря (послѣ канцлера) Безбородки. Въ семъ письмѣ, выражаясь съ величайшимъ участіемъ о своемъ кліентѣ, онъ требовалъ повелительно, чтобъ ему дано было первое вакантное мѣсто, согласно съ его желаніемъ.

Съ симъ письмомъ оставалось только отцу моему поскакать въ Петербургъ: съ такимъ талисманомъ въ рукѣ хлопотать ему тамъ было нечего. Безбородко объявилъ ему, что открываются двѣ вакансіи: Оло-

---

ними и, не прежде какъ убѣдясь въ ихъ способностяхъ, ихъ къ мѣсту опредѣляла. Заслуженные же, но менѣе способные, назначались въ оберъ-коменданты. Сіи послѣдніе, исключая главной крѣпости, имѣли цѣлый рядъ крѣпостей и гарнизоновъ въ своемъ вѣдѣніи, и сверхъ настоящей своей должности были то, что нынѣ называютъ окружные начальники внутренней стражи.

нецкаго губернатора и Кіевскаго оберъ-коменданта. Онъ предпочелъ послѣднее изъ сихъ двухъ мѣстъ, въ хорошемъ климатѣ, почетное, спокойное и законно-прибыльное, ибо доходы съ тысячи душъ давались на содержаніе занимавшихъ оное. Сіе мѣсто было обѣщано другому, но нельзя было идти противъ воли Потемкина.

Отцу моему было тогда отъ роду 47 лѣтъ. Въ эти лѣта еще позволено бы было помышлять о почестяхъ, о дальнѣйшемъ возвышеніи; но тогда, не такъ какъ въ наше время, довольствовались малымъ и вѣрнымъ, умѣли на пути честей останавливаться. Я не смѣю роптать на отца моего за его выборъ; не могу однакоже не пожалѣть о томъ, что онъ не предпочелъ губернаторское мѣсто, хотя въ каменистой, безлюдной Олонецкой губерніи. Это былъ для него единственный случай сдѣлаться лично извѣстнымъ Императрицѣ; а онъ долженъ былъ знать, что съ нею даромъ никто уменъ не бывалъ.

Кіевъ для меня вторая родина, и потому-то намѣренъ я посвятить ему слѣдующую главу.

VI.

Весною 1788 года, мать моя съ довольно-многочисленнымъ семействомъ изъ Пензы отправилась къ отцу моему, на постоянное жительство въ Кіевъ, гдѣ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находился. Я былъ тогда еще такъ малъ, что этого даже и какъ во снѣ не помню.

Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ охладѣвшее мое сердце, изъ потухающихъ глазъ моихъ воспоминаніе о немъ еще и понынѣ способно извлекать слезы. Въ теченіи всей жизни моей, ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры. Подобно Іерусалиму, сей праотецъ градовъ южной и западной Россіи долго стеналъ подъ игомъ невѣрныхъ; какъ мусульмане у дверей гроба Господня продаютъ христіанамъ позволеніе поклониться ему, такъ Евреи у Поляковъ держали въ немъ на откупѣ православные храмы и безъ платы молящихся въ нихъ не пускали. Уже болѣе полутораста лѣтъ возвращенъ онъ былъ Россіи, а язвы, нанесенныя ему Татарами, Литвою, но болѣе всего Польскимъ правительствомъ, еще не исцѣлились.

Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, что вездѣ являлъ контрасты: нищету и великолѣпіе. Безчисленные храмы его съ позлащенными, какъ жаръ горящими куполами, были окружены низкими, едва надъ землею замѣтными хатами; огромныя, живописныя горы служили ему подножіемъ, а позади его разстилались необозримыя, безко-

нечныя равнины; съ одной стороны была спокойная, величественная Россія, съ другой бунтующая, истерзанная Польша *).

Въ Кіевопечерской крѣпости, гдѣ Лавра и пещеры, въ священномъ Сіонѣ древней Россіи, посреди святыни, примѣровъ благочестія и великихъ отечественныхъ воспоминаній, возрасло счастливое мое младенчество. Тамъ набожная мать и сестры учили меня молиться; тамъ почтенный отецъ не столько словами, сколько примѣромъ, научалъ меня почитать добродѣтель; тамъ все ласкало, нѣжило, лелѣяло меня.

Посреди воспоминаній того быстро протекшаго времени, подобныхъ сладчайшему сну, является мнѣ одна старушка, няня моя или мама, какъ ее называли. Слово мама происходитъ отъ названія матери, и потому-то оно было приличнѣе моей незабвенной Аксиньѣ Ивановнѣ. Своею грудью она вскормила мать мою и потомъ всѣхъ дѣтей ея имѣла на своихъ рукахъ и воспитывала до семилѣтняго возраста. Она была старинная, Русская крѣпостная женщина, не Англичанка, не Швейцарка; но ея усердіе, ея нѣжныя объ насъ попеченія едва не болѣе были для насъ полезны, чѣмъ бы наемная привязанность этихъ иноземокъ. Теперь дѣло другое; но моя мамушка принадлежала къ такому времени, когда господа немного поменѣе чадъ своихъ любили своихъ домочадцевъ, и когда въ глазахъ сихъ послѣднихъ господская власть смягчалась и украшалась отеческою. Просвѣщеніе все это измѣнило; чѣмъ болѣе окцидентальный духъ началъ между нами распространяться, тѣмъ болѣе рабъ и скотъ, плантація и деревня, начали имѣть въ глазахъ нашихъ одинаковое значеніе. Трудно было бы Простакову съ Еремеевной найти до Петра Великаго и нѣсколько времени послѣ него, и хотя утверждаютъ, что комедія *Недоросль* есть картина нашего варварства—неправда: она изображаетъ только полупросвѣщеніе Русскихъ.

Но возвратимся къ Аксиньѣ Ивановнѣ. Она выросла въ домѣ предковъ моихъ по матери, коихъ просвѣщеніе тогдашняго времени, видно, не коснулось, и она всегда съ любовію и слезами объ нихъ вспоминала. Все, чтò преданность имѣетъ благороднаго, являла въ себѣ сія старуха; почтительно и смѣло говорила она съ моими родителями, нѣжно и строго обходилась со мною. Слово: барское дитя, много для нея значило; но оно все-таки было дитя, и она съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла журить и унимать меня. Сохраненію моего здоровья жертвовала она безпрестанно собственнымъ; сего мало, ей обязанъ я и первымъ нравственнымъ воспитаніемъ. Дѣтскимъ языкомъ, приноровленнымъ къ моимъ понятіямъ, говорила она мнѣ о Богѣ, объ

*) Польская граница находилась тогда въ Васильковѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

обязанностяхъ къ Нему человѣка, о любви къ родителямъ, о любви къ ближнему. Даръ Божій была для меня женщина сія.

Была еще другая, о которой съ равнымъ почти удовольствіемъ вспоминаю: жена гарнизоннаго прапорщика, Василиса Тихоновна (фамильнаго имени ея не запомню, потому что у насъ въ домѣ мало объ немъ заботились). Она была природная, чрезвычайно бѣдная Новгородская дворянка, сбытая съ рукъ, вытолкнутая замужъ за проходившаго съ полкомъ столь же бѣднаго офицера. Умная и пріятная женщина, воспитаніе ея было незавидное до того, что она не умѣла грамотѣ; со всѣмъ тѣмъ, ей, дворянкѣ, не могло быть весело водиться съ другими гарнизонными офицершами, совсѣмъ необразованными солдатскими дочерьми; а въ тогдашнее время (я думаю еще и въ нынѣшнее) трудно было прапорщицѣ попасть въ общество къ генеральшѣ. Она однакоже нашла туда дорогу, не искавши ея.

Она повадилась ходить къ Аксиньѣ Ивановнѣ, также умной женщинѣ, хотя и не дворянкѣ; гости ея, разумѣется, не могли быть посѣтителями моей матери, но я пристрастился къ Василисѣ Тихоновнѣ. Она была дородная, свѣжая женщина, лѣтъ сорока; каждая черта ея румяно-смуглаго лица выражала веселость, умъ и доброту, свойства, которыя уже въ малолѣтствѣ имѣли для меня притягательную силу. Но всего привлекательнѣе была для меня ея память и просвѣщенная страсть къ повѣстямъ: мужа и кого умѣла найти пограмотнѣе заставляла она по цѣлымъ вечерамъ читать себѣ романы. *Бову Королевича*, *Петра Золотыхъ Ключей* она терпѣть не могла, вообще сказокъ не любила, но плѣнялась *Тысячью и одною ночью*, прислушиваясь со вниманіемъ; всѣ ихъ знала наизусть и мнѣ потомъ разсказывала; однимъ словомъ, была моя Шехеразада. Бывало только и рѣчей у меня, что объ ней, когда приведутъ меня къ матери. Ей стало любопытно узнать плѣнившую меня красоту; она сама полюбила ее, и сія женщина сдѣлалась наконецъ у насъ домашнею.

Кругъ знакомства моей мамушки былъ довольно отборный. У нея еще было два пріятеля, которые посѣщали ее и слѣдственно и меня. Первый, отецъ Степанъ, духовникъ нашего семейства и священникъ комендантской Воскресенской церкви и Кіевскихъ гарнизонныхъ батальоновъ; другой, Евстафій Яковлевичъ Яновскій, штабъ-лѣкарь тѣхъ же батальоновъ и нашъ домашній тѣлесный врачъ, какъ тотъ былъ духовный. Не могу судить о искусствѣ послѣдняго (ибо, сколько припомню, у насъ въ домѣ всѣ и всегда были здоровы); но помню, что онъ былъ весьма пріятный человѣкъ, небольшаго роста, съ живымъ веселымъ взглядомъ, постоянною улыбкой на устахъ и маленькою лысиной на головѣ, которая не только не безобразила его, но въ цѣ-

ломъ еще умножала оригинальную его пріятность. Онъ былъ Кіевскій бурсакъ, то-есть учился въ духовной академіи; Малороссійскимъ нарѣчіемъ онъ съ жаромъ разсказывалъ происшествія своей Украйны. Отецъ Степанъ разсказывалъ мнѣ про Адама, про Еву, про грѣхопаденіе, Ноевъ ковчегъ и прочее; мамушка про Русскую старину; Василиса Тихоновна сказывала сказки. Я весь былъ слухъ, весь вниманіе, и издали приготовлялся былъ самъ разсказщикомъ.

Во дни оны, Кіевъ былъ проѣзжій, пограничный городъ и почти столица Малороссіи; кругомъ его были расположены войска; въ немъ стекались и воинскія чиновныя лица, и Украинскіе помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и Великороссійскіе набожные дворяне съ семействами для поклоненія святымъ мощамъ, и, наконецъ, просто путешественники, которые для развлеченія посѣщали тогда южную Россію, какъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе края. Сосѣдство съ Польшей, оборонительныя мѣры давали много заботъ отцу моему, и должность Кіевскаго коменданта была тогда совсѣмъ не синекурой, какъ она послѣ сдѣлалась. Къ тому же съ Европейскимъ вкусомъ и Нѣмецкою бережливостію онъ соединялъ Русское хлѣбосольство и былъ, какъ тогда называлось, мастеръ жить. Мѣсто, имъ занимаемое, давало ему средства быть гостепріимнымъ, и онъ всѣхъ порядочныхъ людей радушно угощалъ. Съ утра до вечера нашъ домъ былъ наполненъ гостями.

Ему оставалось тогда мало времени думать о моемъ болѣе растительномъ воспитаніи. У матери моей было также много занятій: повинуясь волѣ отца моего, она большую часть дня должна была посвящать принятію гостей, а утро занималась хозяйственными дѣлами и воспитаніемъ дочерей, которыя подрастали и близились къ возрасту невѣстъ. Опытъ показалъ ей, что можно положиться на Аксинью Ивановну, и она ограничивалась со мною ласками, поцѣлуями, предоставляя маленькія строгости кормилицѣ своей.

Меня довольно часто водили въ гостиную. Тамъ видѣлъ я и ленты, и звѣзды, и много чопорныхъ разряженныхъ барынь. Въ угожденіе ли матери моей или дѣйствительно я былъ такъ миловиденъ, всѣ въ запуски меня хвалили; все мнѣ позволялось: кататься кубаремъ, лазить по кресламъ, любой вѣшаться на шею; кажется, житье бы мнѣ тамъ, а меня все тянуло домой. Какой-то инстинктъ давалъ мнѣ понимать, что въ одномъ мѣстѣ мною забавляются, а въ другомъ меня забавляютъ, и съ первымъ развитіемъ мыслей уже раждалось во мнѣ самолюбіе. Такимъ образомъ всегда предпочиталъ я свое мѣщанское общество чиновной Кіевской аристократіи и свою дѣтскую гостиной моей матери. Чего у меня не было въ дѣтской? И Аксинья Ивановна, и

Василиса Тихоновна! Прибавить ли еще моську Азорку, первую и последнюю собаку, которую я любилъ.

Увы, куда я забрелъ съ своими воспоминаніями! Я чувствую, что въ разсказѣ моемъ нѣтъ ничего занимательнаго; но какой жестокій читатель не проститъ мнѣ продолжительнаго взгляда, который, можетъ быть, въ послѣдній разъ я бросаю на столь же отдаленную, какъ и памятную эпоху моей жизни? Сквозь тьму временъ все еще блеститъ оно мнѣ, сіе время непорочности моей и совершеннаго благополучія.

Золотой вѣкъ мой, сіе блаженное время недолго продолжалось: тогда воспитаніе рано начиналось и оканчивалось. Едва исполнилось мнѣ семь лѣтъ, какъ мнѣ наняли учителя. При братьяхъ моихъ находился одинъ, какъ говорятъ, весьма ученый г. Гагеръ; я долженъ былъ наслѣдовать имъ въ его попеченіяхъ. Но онъ пожелалъ возвратиться въ Германію, свое отечество; ихъ отправили въ Петербургъ, въ пансіонъ, сколько припомню, г. Девеля, а ко мнѣ взяли другаго Нѣмца, Христіана Ивановича Мута.

Уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала тогда революція. Первые ея взрывы уже сбросили мишурную поверхность блестящихъ аристократическихъ обществъ, а вскорѣ потомъ изъ нѣдръ Франціи цѣлые потоки невѣжественнаго дворянства полились на сосѣднія страны, Англію, Германію, Италію. Бѣжать сдѣлалось славою высшихъ Французскихъ сословій, и какъ господа сіи умѣютъ все облекать пышными фразами и щеголеватыми формами, то побѣгъ назвался эмиграціей. Остались во Франціи нѣсколько знаменитыхъ, великодушныхъ жертвъ и святый мученикъ, бывшій король. Его вѣрные подданные издали, внѣ опасностей, старались защищать его воплями и интригами. Со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, на унесенныя съ собою деньги и драгоцѣнности жили они весело и роскошно, ожидая нетерпѣливо минуты возвращенія и мести. Она не пришла, они все прожили, все издержали; надобно было подумать, какъ и чѣмъ промышлять. Отъ познаній эмигрантовъ Нѣмецкая и Англійская ученость не могла ожидать великой пользы: Французская литература въ сихъ земляхъ мало уважалась. Въ Италіи науки были дѣло постороннее, но по художественной части тамъ на Французовъ смотрѣли съ презрѣніемъ, и Гужоны, Жирардоны, Пуссены и Ле-Сюёры едва ли тамъ почитались ваятелями и живописцами. Какъ быть? Французы думаютъ недолго, а иногда и ничего не думаютъ; прежнія свои склонности, служившія имъ забавою, они поспѣшили обратить въ пользу. Франція есть царство и отчизна моды; посредствомъ скипетра ея съ гремушками она владычествуетъ надъ просвѣщенною Европой; въ поваренномъ искусствѣ Французская школа не въ шутку имѣетъ превосходство предъ всѣми другими; во Фран-

ціи всякій родится комедіантомъ, тамъ все поддѣльное, все театральное, все нарумяненное, налакированное; и слава Богу, ибо природа людей ужасаетъ тамъ наготой. Сынамъ сей благословенной страны можно было въ другихъ земляхъ не умирать съ голоду. Многіе изъ нихъ пошли въ актеры и составили труппы въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и другихъ мѣстахъ; для инаго бывшаго артиллериста кухонный огонь замѣнилъ боевый, и на столы гастрономовъ онъ началъ пускать bombes à la Sardanapale; познакомились тогда Нѣмецкія уста съ бешамелемъ, майонезами, но—хвала имъ!—все не отставая отъ родимаго бирсупа и жаренаго митъ-пфлауменъ-ундъ-розиненъ; иной щеголь началъ шить дамскія платья или башмаки, а иной причесывать букли и сочинять шиньоны; однимъ словомъ, кто во что́ гораздъ!

Но потребность забавъ была не въ соразмѣрности съ числомъ забавниковъ, безпрестанно умножавшимся. Нѣмцы мастера избавляться отъ докучливыхъ и вредныхъ гостей; какъ нѣкогда Жидовъ, въ царствованіе Казимира Великаго, уступили они Польшѣ, такъ Французамъ указали на Россію, страну сѣверную, гдѣ дикая природа людей ожидаетъ искусныхъ рукъ воздѣлывателей. Почуя Русскій хлѣбъ, голодные искусники какъ съ цѣпи сорвались, большими стаями ринулись на бѣдную Русь и начали ее просвѣщать по своему. Отецъ мой былъ до нихъ небольшой охотникъ; а впрочемъ когда началось мое ученіе, то и взять ихъ было негдѣ, ибо они въ небольшомъ еще числѣ начали только появляться въ столицахъ. И такъ, по счастью моему, мнѣ на участь достался Нѣмецъ.

Я распространился о такомъ предметѣ, который повидимому не имѣетъ никакого отношенія къ моему воспитанію; но какъ въ послѣдствіи Французская образованность имѣла большое вліяніе на судьбу мою, то я счелъ приличнымъ здѣсь означить начало зла, въ моихъ глазахъ по всей Россіи распространеннаго.

Трудно вообразить себѣ мое отчаяніе, когда изъ нѣжныхъ рукъ моей мамушки упалъ я въ холодныя лапы Германскаго педагога. Я помню только одно, первую ночь, которую провелъ я въ одной съ нимъ комнатѣ, а уже не въ дѣтской: я не могъ заснуть и всю ночь сію горько проплакалъ. Видъ его не суровый и не нѣжный, обхожденіе его не строгое, но и не ласковое, изумляли и мертвили меня, пріученнаго къ демонстраціямъ. Въ глазахъ моихъ въ немъ все напоминало отца моего; но между мною и имъ были всегда нѣжные посредники, мать и сестры, тогда какъ съ учителемъ долженъ былъ я находиться въ безпрерывныхъ, самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

Сказать ли истину? Я только поздно узналъ всю цѣну почтеннаго моего родителя. У него были особенныя понятія насчетъ важности

отеческихъ обязанностей; онѣ казались ему какимъ-то священнодѣйствіемъ, и малѣйшая фамиліярность, особенно съ сыновьями, по мнѣнію его, унижала его въ глазахъ ихъ. Равномѣрно воздерживался онъ съ ними и отъ изъявленій гнѣва; нравоученія дѣлалъ рѣдко, и они имѣли всю краткость оракуловъ; онъ произносилъ ихъ тихо и внятно, но потомъ не дозволялъ ни возраженій, ни даже вопросовъ. Никогда рука его не ласкала моего ребячества, никогда не подымалась на меня для наказанія, и потому-то въ чувствѣ, которое поселилъ онъ во мнѣ, была не любовь, а нѣчто богобоязненное. Можетъ быть, все это весьма нужно съ другими дѣтьми; но у меня оно отняло много счастія, и мнѣ кажется, что и самого Бога, Отца вселенной, надобно представлять дѣтямъ не столько грознымъ судіей, какъ пучиной благости.

Въ послѣдствіи, когда я уже началъ подростать, были нѣкоторые случаи, въ которые, можно сказать, вся страсть его ко мнѣ, долго удержанная, вдругъ, какъ будто противъ воли его, съ необычайною силой обнаруживалась. Я не смѣлъ вѣрить счастію своему, тѣмъ болѣе что вскорѣ потомъ спѣшилъ онъ принять со мною свой прежній, безстрастный и холодный видъ. Родитель строгій и нѣжный! Не смѣю упрекать священную тѣнь твою: ты всѣмъ жертвовалъ тому, что́ почиталъ своимъ долгомъ; но еслибы ранѣе открылъ мнѣ сокровища твоего сердца, то и въ моемъ ранѣе бы увидѣлъ способность любить тебя и добродѣтель.

Съ матерью моею было дѣло совсѣмъ другое: съ нею зналъ я печали и радости, и гнѣвъ, и нѣжнѣйшіе восторги, и слезы, и поцѣлуи; ея владычеству отдано было первоначальное мое воспитаніе; отъ нея получалъ я всѣ первыя впечатлѣнія; и отъ того удивительно ли, что и съ сѣдыми волосами сохранилъ я раздражительность почти женскую и всю пылкость юноши? Но возвратимся къ первому учителю, отъ котораго я безпрестанно отхожу.

Онъ былъ человѣкъ умный и холодный только по наружности. Онъ прибылъ въ Россію въ царствованіе Екатерины, когда блистательнѣйшая изъ Нѣмокъ землякамъ своимъ подавала примѣръ любви и уваженія къ Россіи. Онъ жилъ сначала у Переяславскаго коменданта подполковника Фонъ-Фока, подчиненнаго и друга отца моего, и воспитывалъ старшаго сына его, столь извѣстнаго потомъ Максима Яковлевича. Когда воспитаніе сего послѣдняго кончилось, и его отправили на службу, то Фонъ-Фокъ предложилъ г. Мута для меня въ наставники. Его приняли съ радостію; ибо Адамовъ Адамычей Вральмановъ было тогда довольно въ Россіи, но люди съ нѣкоторыми дарованіями и познаніями были очень рѣдки. Ему самому было довольно лестно перейти изъ комендантскаго дома въ оберъ-комендантскій: онъ

видѣлъ въ этомъ какое-то повышеніе. Вспомнимъ, что онъ былъ Нѣмецъ, и что мѣста и чины уважались тогда не по нынѣшнему.

Сей человѣкъ не только не позволялъ себѣ говорить съ презрѣніемъ о нашихъ обычаяхъ, сколь бы они странны ни казались, но даже они освящались въ глазахъ его древностію. Впрочемъ сіе происходило, можетъ быть, не столько отъ уваженія къ Русскимъ, сколько отъ природной доброты и душевнаго расположенія видѣть во всемъ хорошую сторону. Онъ былъ Лютеранинъ, а всегда отзывался съ похвалами о папѣ, о великолѣпіяхъ духовнаго Рима; остроуміе Французовъ плѣняло его, равно какъ и основательность и разсчетливость Англичанъ. Въ добротѣ и злости, въ умѣ и въ глупости нравились ему разнообразные виды, въ коихъ является природа. Странный человѣкъ: онъ готовъ былъ также хвалить силу медвѣдя, неукротимость тигра, какъ и вѣрность собаки. Изъ сего можно бы заключить, что онъ былъ весьма нестрогихъ правилъ; напротивъ, въ разнообразіи природы онъ искалъ для себя и для воспитанника своего все, что̀ ему казалось лучшимъ.

Еще до г. Мута училъ уже меня Русской грамотѣ по Псалтырю и Часослову нашъ крѣпостной, молодой человѣкъ Александръ Никитинъ, родъ дядьки при братьяхъ моихъ. Разумѣется, я рѣдко принимался за книгу, но метода моего Русскаго учителя была прекрасная: сколь бы ни ничтожны были успѣхи мои въ чтеніи, онъ всегда дивился чудесной понятливости маленькаго барина и тѣмъ возбуждалъ меня къ новымъ чудесамъ. Совсѣмъ противное дѣлалъ г. Мутъ: часто пожималъ онъ плечами, съ состраданіемъ говоря о моей безтолковости; наказывалъ рѣдко и то за явныя ослушанія, и какъ наказывалъ! Ставилъ въ уголъ, на колѣни, а иногда билъ по рукамъ линейкой.

Съ дѣтскимъ простодушіемъ человѣкъ сей соединялъ самую чистѣйшую нравственность; вся жизнь его казалась изъявленіемъ благодарности къ Творцу за то, что Онъ въ глазахъ его такъ украсилъ міръ сей: ибо, какъ уже я выше сказалъ, на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ предметы, его пріятно удивлявшіе. Я чувствовалъ, что онъ достоинъ любви, все сбирался полюбить его и подъ конецъ успѣлъ-таки въ томъ. Онъ же съ своей стороны, сколь ни казался холоденъ, но съ каждымъ днемъ болѣе прилѣплялся къ своему воспитаннику, и хотя онъ того не говорилъ, но я замѣчалъ иногда, что странности моей природы его восхищаютъ.

Онъ имѣлъ удивительную память и познанія, посредствомъ ея пріобрѣтаемыя: зналъ хорошо исторію, географію, зналъ правильно Французскій языкъ, но выговаривалъ на немъ Богъ знаетъ какъ. Что̀ самъ зналъ, тому по-маленьку училъ и меня. Когда я попривыкъ къ

нему и началъ понимать по-нѣмецки, то разговоры съ нимъ начали для меня становиться занимательнѣе; мало-по-малу началъ я даже заимствовать и нѣкоторыя изъ его привычекъ. Напримѣръ, онъ любилъ собирать гербовыя печати со всѣхъ пакетовъ, получаемыхъ отцомъ моимъ и кѣмъ бы то ни было, онъ ихъ потомъ наклеивалъ на большіе листы; мнѣ это понравилось, я скоро началъ тоже дѣлать и могъ узнавать гербы всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи фамилій. Хотя онъ не былъ ботаникъ, но собиралъ разные цвѣты, травы и растенія, клалъ ихъ по листамъ, однимъ словомъ составлялъ herbier, и у меня до сихъ поръ страсть къ коллекціямъ. Все чтó касается до хронологіи достопамятнѣйшихъ происшествій въ мірѣ, до генеологіи знаменитѣйшихъ домовъ въ Европѣ, зналъ онъ наизусть, и въ послѣдствіи по этой части могъ бы и я съ нимъ состязаться.

Нѣкоторое время жили мы съ нимъ, такъ сказать, съ глазу на глазъ, но скоро одиночество мое прекратилось, и общество мое умножилось нѣсколькими товарищами. Средства воспитанія были тогда такъ скудны, что родители у моихъ выпрашивали какъ милости дозволенія дѣтямъ своимъ со мной учиться. Ихъ было трое: сыновья артиллерійскаго генералъ-маіора Нилуса, гарнизоннаго маіора Яхонтова и штабъ-лѣкаря Яновскаго, о которомъ уже я какъ-то говорилъ *). Между ними, какъ хозяйскій сынъ, бралъ я натурально первенство; но г. Мутъ не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго предпочтенія, а иногда въ молчаніи улыбался прилежнѣйшему. Поутру задавалъ онъ намъ уроки, которые мы твердили и должны были сказывать ему передъ обѣдомъ; а онъ между тѣмъ читалъ про себя что-нибудь изъ исторіи и географіи, съ тѣмъ чтобы послѣ обѣда въ видѣ повѣсти намъ это пересказывать. Такимъ образомъ узналъ я исторію Іудеевъ, Ассиріянъ, Мидянъ, Персовъ и Грековъ, но до Рима едва только съ нимъ дошли. Говоря словами Пушкина, мы учились чему-нибудь и какъ-нибудь.

Сверхъ того я бралъ еще другіе уроки: Софійскій каѳедральный протоіерей Сигаревичъ преподавалъ мнѣ Законъ Божій, артилерійскій штыкъ-юнкеръ Скрипкинъ училъ меня ариѳметикѣ и геометріи, на-

---

*) Всѣ они были добрые ребята, простые, провинціальные, гарнизонные мальчики, какъ и я. Всѣ трое шли потомъ по военной службѣ, ни одинъ изъ нихъ не гремѣлъ именемъ въ мірѣ; но всѣ они отличались благородствомъ чувствъ, правилъ и поступковъ, и были утѣшеніемъ и подпорой овдовѣвшихъ матерей. Послѣдній изъ нихъ, кажется, еще живъ; лѣтъ двѣнадцать тому назадъ видѣлъ я его армейскимъ подполковникомъ. Яхонтовъ убитъ въ Фридландѣ, а почтенный другъ мой Нилусъ въ генеральскомъ чинѣ, покрытый ранами и крестами Русскими и иностранными, окончилъ достославный походъ 1812—13 и 14 годовъ, бывши вездѣ примѣромъ храбрости. Прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ и женившись, онъ нашелъ успокоеніе въ окрестностяхъ Одессы, и императоръ Александръ, сохранивъ ему все содержаніе, далъ безсрочный отпускъ.

укамъ, въ коихъ, мимоходомъ сказать, я весьма мало успѣвалъ. Одинъ Малороссійскій виртуозъ, котораго очень хвалили (кажется, звали его Чернецкій), училъ меня играть на фортепіано, а какой-то маляръ училъ рисовать. Не моя вина, если въ обоихъ сихъ искусствахъ я не мастеръ: нашли, что они безполезны и скоро заставили бросить, тогда какъ къ музыкѣ я всегда чувствовалъ особенную склонность. Старшіе братья, выпущенные гораздо послѣ въ кавалерійскіе полки, учили меня ѣздить верхомъ, а про танцы еще рѣчь впереди.

Я обѣщалъ въ началѣ говорить о себѣ очень мало, а теперь ввожу читателя во всѣ подробности ничѣмъ не замѣчательнаго домашняго моего воспитанія. Что дѣлать! Воспоминанія изъ головы моей такъ и лѣзутъ на бумагу. Впрочемъ, Богъ знаетъ, будетъ ли меня кто-нибудь еще читать, а память можетъ ослабѣть. Если Запискамъ симъ не повѣрю прошедшаго, для меня столь занимательнаго, то мало-по-малу оно будетъ изглаживаться изъ памяти, и я напрасно буду искать его въ головѣ моей, тогда какъ имъ однимъ уже начинаю я жить.

Иногда, хотя и весьма рѣдко, собирались у моего учителя по вечерамъ пріятели его, единоземцы: губернскій архитекторъ Гельмерсенъ, пасторъ Граль, аптекарь Бунге, плацъ-маіоръ Брокгаузенъ и капельмейстеръ Диль. Но гораздо чаще посѣщалъ онъ ихъ самъ по очереди и водилъ меня съ собою въ сіи общества, степенныя, спокойно-веселыя. Они были мнѣ совсѣмъ не по вкусу; вечера обыкновенно начинались разговорами о политикѣ, въ которой я тогда ничего не понималъ, замѣчанія выслушивались со вниманіемъ, отвѣты были всегда обдуманы, ибо каждому предшествовало нѣсколько минутъ молчанія; потомъ подавали всѣмъ по трубкѣ, потомъ садились играть въ ламушъ или въ лото, а все оканчивалось стаканомъ пива, нѣсколькими ломтями бутерброда и прощальнымъ дружескимъ рукожатіемъ. Конечно въ сихъ обществахъ много хвалили Германію, но никогда я не слыхалъ ругательствъ на Россію, какъ сіе случалось мнѣ послѣ иногда слышать между Нѣмцами. Мало-по-малу я было самъ сдѣлался Нѣмцемъ, говорилъ не иначе какъ по-нѣмецки, выражался какъ Нѣмецъ, смотрѣлъ маленькимъ Нѣмцемъ, и покойный отецъ мой имѣлъ слабость этому радоваться. Слава Богу, характеръ у меня остался совершенно Русскій.

Не болѣе четырехъ лѣтъ пользовался я наставленіями г. Мута: все тянуло его въ Переяславль, и, не смотря на возраставшую его привязанность къ нашему дому, Нѣмецко-лютеранское семейство г. Фонъ-Фока было ближе къ его сердцу; къ тому же онъ далъ ему слово заняться воспитаніемъ меньшихъ его сыновей, какъ скоро начнутъ подростать. Итакъ онъ оставилъ меня въ началѣ 1797 года,

когда примѣры его и нравоученія могли мнѣ быть болѣе полезны. Я помню прощаніе его со мною: черты его сохранили обычную неподвижность, но изъ глазъ его ручьями текли слезы. Мнѣ случалось потомъ въ самой первой молодости встрѣчаться съ нимъ: лицо его не измѣнялось, а самъ онъ трепеталъ отъ радости.

Недавно узналъ я, что живъ еще сей почтенный старецъ. Когда вступилъ онъ въ домъ нашъ, ему было около сорока лѣтъ; прошло тому болѣе сорока, и слѣдственно ему теперь за восемьдесятъ. Онъ долго оставался въ семействѣ г. Фонъ-Фока, которое послѣ переѣхало въ Бѣлоруссію; наконецъ онъ опять поселился въ окрестностяхъ Переяславля, въ деревнѣ Еввы Яковлевны Дараганъ, старшей дочери Фонъ-Фока, воспитывалъ дѣтей ея, но внукамъ посвятить трудовъ своихъ уже былъ не въ состояніи. Онъ живетъ еще тамъ и понынѣ, среди трехъ поколѣній, предъ нимъ благоговѣющихъ. Съ растроганнымъ сердцемъ читалъ я прошлаго года письмо его къ Петру Яковлевичу, младшему изъ сыновей Фонъ-Фока: оно показало мнѣ, что вечеръ его столь же тихъ и ясенъ, какъ и вся жизнь его была безмятежна.

Хотя въ 1797 году дѣтскій возрастъ мой еще не прошелъ, но какъ это былъ годъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ цѣлой Россіи, равно какъ и въ моей ребячьей жизни, то имъ слѣдуетъ заключить здѣсь главу сію. Въ семъ первомъ періодѣ моего существованія являлись мнѣ однакоже нѣкоторыя примѣчательныя лица, о коихъ я ни слова не упомянулъ, вопреки обѣщанію данному самому себѣ и читателю. И потому прежде всего прошу позволенія обратиться къ нимъ и въ слѣдующей главѣ исправить сдѣланое мною упущеніе.

VII.

Всего памятнѣе мнѣ одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ и коей пріѣздъ приводилъ въ движеніе, можно сказать въ волненіе, весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая, любимая племянница князя Потемкина и жена Польскаго коронного гетмана. Не знаю, гдѣ и какъ познакомилась она съ моею матерью; но она ее полюбила и когда ѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой Церкви, находившейся тогда за границей, хотя только въ 80 верстахъ отъ Кіева, то проѣздомъ чрезъ сей городъ всегда у насъ останавливалась и живала по недѣлѣ и по двѣ. Потемкина уже не было на свѣтѣ; но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, все еще какъ будто бы озарялась его славою. Умнѣйшая изъ пяти сестеръ, урожденныхъ Энгельгартовыхъ, она была ихъ и богаче. Императрица особенно благоволила къ ней и, сверхъ

того, ласкала ее какъ жену довольно сильнаго Польскаго магната, преданнаго Россіи. По всѣмъ симъ причинамъ, знаки уваженія ей оказываемые были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго времени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрятъ, всѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ; а она, умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на то безъ удивленія, нимало не осуждала сего, но, вѣроятно чувствуя все неприличіе такого раболѣпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браницкой было самое свободное, привзненное, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было только замѣтить изъ *ты* и *вы*, которыя они другъ другу говорили.

Могущество Потемкина вызвало изъ Смоленской деревни прекрасныхъ его племянницъ, гдѣ получили они обыкновенное тогдашнее провинціальное воспитаніе. Старшая изъ нихъ, Браницкая, уже неспособна была къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора. Но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ, иные говорятъ въ непозволительныхъ, связяхъ со всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія. Вышедши замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое ея старѣе, въ такой вѣкъ, который нравственностію не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколько разъ спасала его отъ раззоренія и бережливостію своею, можетъ-быть и скупостію, удвоила огромное его состояніе.

Когда я началъ знать ее, она была ни стара, ни молода: станъ ея былъ стройный, хотя не гибкій, лицо отмѣнно-пріятное, свѣжее и серьозно улыбающееся. Любимый нарядъ ея былъ подражаніе костюму Императрицы: длинное нижнее платье съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающее грудь; оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ съ одною огромною, широкою и длинною пряжкой *); а сверхъ его было другое платье, коротенькое безъ рукавовъ и спереди совсѣмъ открытое, которое называлось *гречанкою*. Все это напоминало Востокъ и романическо-государственные виды на него Екатерины Второй.

Портретъ сей чудотворной царицы, списанный искусною рукой Демейса съ оригинальнаго портрета извѣстнаго Лампи, висѣлъ въ гостиной нашего казеннаго дома. Когда, бывало, кто взглянетъ на него,

---

*) Эти пряжки были тогда въ модѣ у всѣхъ дамъ; ихъ называли *пафталями*; онѣ были самой искусной Азіятской работы съ цѣпями, серебряныя, позолоченныя или золотыя, смотря по состоянію, съ бирюзой или съ дорогими каменьями, также смотря по состоянію.

только что не перекрестится; я же рѣшительно почиталъ его иконой. Вдругъ онъ ожилъ передо мною: я увидѣлъ посреди комнаты женщину, которая показалась мнѣ столь же величавою, точно въ такомъ же нарядѣ, также съ лентою черезъ плечо, и вокругъ ея стоящихъ съ подобострастіемъ. Мудрено ли, что въ головѣ пяти или шестилѣтняго мальчика понятія о величествѣ перепутались, и онъ подданную принялъ за государыню? Я обмеръ, но скоро подозвала она меня къ себѣ и осыпала ласками; благосклонность ли ея къ матери моей, или дѣйствительно я такъ ей понравился, я съ той минуты сдѣлался ея маленькимъ любимцемъ. Къ сожалѣнію, тщеславіе не чуждо иногда бываетъ и дѣтямъ; я пристрастился къ ней и, бывало, плакалъ, когда меня къ ней не пускали. Лѣтъ пятнадцать тому *), видѣлъ я ее въ послѣдній разъ и уже смотрѣлъ на нее не тѣми глазами. Она не роза, но жила близъ нея, и отпечатокъ величія Екатерины долго еще блисталъ на ней. Она еще жива, но въ глубокой старости осталась теперь какъ полуразрушенный ея памятникъ.

Мнѣ разсказывали про меня самого одинъ анекдотъ, который, по мнѣнію моему, заслуживаетъ найти мѣсто въ сихъ Запискахъ: онъ покажетъ духъ того времени, которымъ были проникнуты даже мозги малыхъ ребятъ. Прежде еще описаннаго мною появленія графини Браницкой, пріѣзжала она уже въ Кіевъ въ такое время, котораго я не запомню, ибо имѣлъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду. Съ нею былъ старшій сынъ ея, Владиславъ, нынѣшній сенаторъ; мнѣ давали играть съ нимъ, хотя онъ былъ года два или три меня постарѣе. Мы смотрѣли разъ въ окошко на планъ Кіевской крѣпости и на гауптвахту, гдѣ стояли въ караулѣ какіе-то новонабранные Малороссійскіе пѣшіе казаки-стрѣлки, которые были раздѣлены не на полки, а на когорты, и поэтому называли ихъ когортами. Ихъ не успѣли еще обмундировать, и они были въ сѣрыхъ кафтанахъ, какъ ратники 1812 года. Ясновельможный панокъ расхохотался и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «вотъ какіе жолнеры (воины) у васъ Москалей». Я ли или что-то во мнѣ вступилось за честь Русскихъ, и на замѣчаніе его, какъ смѣю такъ говорить съ Польскимъ графомъ (будто есть настоящіе Польскіе графы), отвѣчалъ, что всякій Русскій важнѣе всякаго Поляка. За это, говорятъ, получилъ я пощечину, на которую отвѣчалъ таковою же; и пошла у насъ сильная драка; насъ розняли, и молодаго графа легонько побранили, а меня чуть ли не наказали. Я бы не осмѣлился похвастаться рановременнымъ патріотизмомъ своимъ и, мо-

*) Графиня А. В. Браницкая скончалась въ 1838 году. Поэтому можно опредѣлить приблизительно время, когда Ф. Ф. Вигель началъ писать свои Записки. П. Б.

жетъ быть, самъ ему бы не повѣрилъ, еслибы нѣсколько разъ не слышалъ, какъ про него разсказывали, будто бы со смѣхомъ, однакоже съ видомъ самодовольствія.

Первые годы пребыванія нашего въ Кіевѣ, кажется, ни Французовъ, ни Поляковъ, тамъ совсѣмъ почти не было, а Жидовъ очень мало. Послѣднихъ я нѣсколько времени принималъ за первыхъ, и вотъ почему. Едва началъ я ходить и говорить, какъ зналъ уже, что Спаситель рода человѣческаго былъ Жидами поруганъ, мучимъ и умерщвленъ; еще понятія мои не имѣли настоящей ясности, какъ изо всѣхъ устъ услышалъ я проклятія противъ одного народа, безжалостно пролившаго невинную кровь царя своего, кроткаго, мягкосердаго и который за злобу сего народа платилъ ему отеческою любовію. Все это перепуталось въ головѣ моей, и я долго представлялъ себѣ Французовъ весьма нечистыми (въ чемъ и немного ошибся), въ длинныхъ, черныхъ платьяхъ съ бородами, ермолками и фесиками.

Вдругъ одна Французская чета поселилась въ Кіевѣ, въ самой крѣпости, въ нашемъ сосѣдствѣ. У насъ въ Россіи въ старину истинная наука мало уважалась; все гонялось за блескомъ, всѣ молодые дворяне лѣзли въ гвардію, изъ нея выпускались въ армейскіе полки не менѣе какъ капитанами, а на артилерію, на генеральный штабъ, особенно на инженерный корпусъ смотрѣли съ пренебреженіемъ: сіи части необходимыя для войска, за исключеніемъ малаго числа благомыслящихъ дворянъ, наполнялись обыкновенно или людьми низкаго происхожденія, съ похвальными, природными склонностями къ познаніямъ, или чужестранцами, изъ коихъ, какъ извѣстно, было въ то время на половину бродягъ *). Не знаю, какъ и когда нѣкто г. Шардонъ или де-Шардонъ, какъ онъ требовалъ чтобы къ нему надписывали, вступилъ въ нашу службу инженеромъ. Онъ давно уже въ ней находился и все еще ни слова почти не зналъ по-русски, когда въ генеральскомъ чинѣ назначили его инженернымъ командиромъ въ Кіевъ. Никто не хотѣлъ взять труда доискиваться, откуда онъ родомъ и происхожденіемъ; Французъ да и только: этого было довольно. Дородная его супруга поспѣшила сдѣлать визиты дамамъ и, разумѣется, первую почтила своимъ посѣщеніемъ сосѣдку свою, мать мою. Меня, не знаю почему, всегда водили на показъ пріѣзжимъ гостямъ. Мнѣ сказали, что я увижу Француженку и повели въ гостиную; съ потупленными взорами, съ ужасомъ и ненавистью подступилъ я къ ней; наконецъ, поднялъ глаза, взглянулъ на нее, и весь страхъ мой исчезъ. Я расхохо-

*) Нынѣ мы стали умнѣе и просвѣщеннѣе, и едва ли есть десятая доля.

тался, и какъ ни старались унять меня, это было дѣло невозможное, пока меня не увели.

Представьте себѣ, любезный читатель, старую, полную, румянами крѣпко натертую, смѣющуюся рожу, и посреди ея длинный ястребиный носъ съ двумя широкими отверстіями, источниками двухъ табачныхъ ручьевъ; усы, по коимъ они протекаютъ, потомъ зобъ, тройной подбородокъ и подъ нимъ старую, наморщенную, бронзоваго цвѣта шею и такую же полуоткрытую грудь, украшенную алмазами Тульской работы и осыпанную табакомъ. Все это на огромномъ туловищѣ, въ странномъ, пестромъ нарядѣ, въ платьѣ яркаго цвѣта, разъ тридцать перекроеннаго и перешитаго по послѣдней модѣ. Прибавьте къ этому вокругъ нея атмосферу, которою обыкновенно дышатъ только по близости сельдяныхъ буяновъ. Вы человѣкъ благоразумный, умѣете владѣть собою, и при видѣ ея, вѣроятно, даже не улыбнулись бы; но не требуйте того отъ ребенка, которому красоты сіи случилось столь внезапно созерцать.

Эта Француженка была баба умная, веселая, страстная охотница до свѣтскихъ забавъ, весьма искательная и совсѣмъ невзыскательная, большая мастерица играть въ бостонъ и неутомимая въ семъ упражненіи; не знаю, какъ-то, наконецъ, мы всѣ къ ней принюхались. Къ намъ ѣздить повадилась она очень часто; всякій вечеръ находила у насъ гостей, находила партію и увѣряла, что никого въ свѣтѣ такъ не любитъ, какъ моихъ родителей. Она опрокидывала всѣ понятія, которыя тогда имѣли о важности генеральскаго чина: не было возможности съ ней церемониться; у насъ въ домѣ до того дошло, что только лишь ея хватятся, то, смотря по погодѣ, бывало повелительнымъ тономъ скажутъ: послать карету или человѣка за *Шердоншей*! Такъ называли ее позаочности, но въ глаза поступали съ ней почтительнѣе. У нея спросили: какъ звали батюшку? потомъ изъ семи или восьми именъ, данныхъ ей при крещеніи, выбрали легчайшее для произношенія, и изъ всего этого составили Марью Леонтьевну.

Она меня также удостоивала своего вниманія, отцу моему давала совѣты касательно моего воспитанія, и мнѣ самому дѣлала наставленія. Въ чемъ же они состояли? Держать себя какъ можно прямѣе, стараться лучше выговаривать по-французски (а на этомъ языкѣ говорилъ я тогда хуже чѣмъ она по-русски), наконецъ, стараться быть какъ можно любезнѣе съ маленькими дѣвочками и тѣмъ приготовлять себя къ будущимъ успѣхамъ съ большими. Любопытнымъ, внимательнымъ окомъ смотрѣлъ я часто на сіе странное существо. Мнѣ все хотѣлось вникнуть въ причины мефитизма, ею распространяемаго; ихъ объяснилъ мнѣ съ самымъ важнымъ, съ самымъ ученымъ видомъ учитель мой,

...жины тому дивиться. Приписать ли сіе безкорыстію его ...у въ доходныхъ занятіяхъ? Его все переводили изъ ста... ...ти въ старую крѣпость; строеніемъ же новыхъ въ цар... ...Екатерины занимались Сухтелены, де-Витты, де-Воланы, ...благородные, сколь и ученые и искусные люди, коими насъ ...олландія, единственная западная страна, постоянно Россію ...езнымъ надѣляющая.

...алъ де-Шардонъ былъ въ Кіевѣ покровителемъ одной весьма ... свѣжей и плотной Жидовки, которая не только умѣла пля... ...канатѣ, но даже ходить по проволокѣ. Прежде, бывало, онъ ...ивозилъ къ намъ и даромъ показывалъ Китайскія тѣни, но, ... ее тому, уступилъ ей и право свое. Сего мало, онъ состав... ...ля нея маленькія пьесы, пантомимы, неизвѣстныя еще Кіевля... ...нихъ увидѣли мы ее Коломбиной, а двухъ гдѣ-то избранныхъ ...Арлекиномъ и Пьерро. Все это чрезвычайно умножало доходы ...ей г. Шардона на ея благодарность. Сія женщина дерзостно ...казанно назвала себя мадамъ Россети; слава сего имени не ...еще въ мірѣ, и можетъ быть сама Жидовка почитала его вы... ...нымъ, а можетъ быть и имѣла на него какое-нибудь право.

...це нѣсколько словъ о Шардонѣ и Шардоншѣ: я ничего не ска... ...томъ, были ли они по крайней мѣрѣ добрые люди. Онъ въ ...вѣ бывалъ очень мало, а когда бывалъ, то мало говорилъ; ибо ...іе тогда знали по-французски, а онъ, какъ уже я выше сказалъ, ...ѣлъ или не хотѣлъ выучиться по-русски; однакоже, злодѣй, столько ...на нашемъ языкѣ, чтобы говорить, разсердясь за бездѣлицу на ...и приказывая его раскладывать: «клади его на сюртурокъ ...му сто палкъ!» Что касается до нея, то она была женщина ...гибкость ея характера, а не стана, служитъ тому двойнымъ ...номъ. Главный порокъ ея былъ непостоянство; душою пухъ, ...нь тѣломъ, она быстро мѣняла пріятелей. Дружбою ея ...али комнатамъ немного лучше чѣмъ у другихъ убран... ...удо, но лучше чѣмъ у другихъ освѣщеннымъ, нанятому ...му повару, для всѣхъ открытому столу, и большему, ...числу гостей; но, Боже сохрани, если, бывало, болѣзнь ...скорбь посѣтитъ домъ нашъ: тогда съ ней прощайся; ...печали, а мы ея веселости уже видѣть не можемъ; ... съ духомъ, отъ насъ отлетитъ. Случалось иногда, ...ками стараются ее переманить, и въ томъ успѣ... ...Если, бывало, старая шляпка отниметъ ее у насъ, ... ея легкомыслію подобная, опять намъ ее воз-

Отъ изображенія въ родѣ Гогарта, долженъ я теперь перейти къ картинѣ въ родѣ Рафаэля, и не знаю, другая сія попытка не будетъ ли еще менѣе удачна чѣмъ первая. Не помню, въ 1793-мъ или въ 1794-мъ году, Кіевскій вице-губернаторъ Башиловъ (отецъ сенатора-забавника) пожалованъ былъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ; какъ я его совсѣмъ почти не помню, то и нечего мнѣ о немъ говорить. На его мѣсто прибылъ изъ Москвы князь Василій Алексѣевичъ Хованскій, въ лѣтахъ еще довольно молодыхъ, служившій въ гвардіи до капитановъ и при отставкѣ получившій бригадирскій чинъ *). Въ первой молодости онъ путешествовалъ по всей Европѣ, зналъ иностранные языки, былъ славный музыкантъ, мастеръ танцовать, брался о всемъ судить и, покрытый симъ мишурнымъ блескомъ, совсѣмъ было ослѣпилъ насъ, провинціаловъ. Но въ Русскихъ есть врожденная догадливость, которая въ молодости заглушается страстями, но тѣмъ сильнѣе обнаруживается въ ихъ зрѣлыхъ лѣтахъ; изумленные, увлеченные сначала щеголеватостію формъ, изысканностію фразъ, они начинаютъ потомъ требовать болѣе совершенства, истинныхъ достоинствъ. Когда первое удивленіе прошло, наши Кіевляне увидѣли въ рѣчахъ князя Хованскаго пустословіе, въ дѣлахъ по службѣ совершенное его невѣжество, въ поступкахъ непростительную вѣтренность и тщеславіе. Онъ не являлся даже тогдашнимъ Европейцемъ; въ тонѣ, въ манерахъ его, можно сказать, видна была смѣсь Французскаго не съ Нижегородскимъ, а съ Московскимъ. Совсѣмъ противное случилось съ прибывшею съ нимъ супругою его.

Скромная, тихая, малорѣчивая, просто одѣтая, она съ перваго взгляда много теряла въ сравненіи съ мужемъ, котораго, сверхъ того, года два была и постарѣе. Но скоро обнаружились любезность ея ума, и кротость нрава, и святость ея дѣяній. Она была урожденная Нарышкина и родная племянница фельдмаршала князя Репнина; но въ ней не было замѣтно ни тѣни нынѣшней аристократической гордости, ни слѣдовъ тогдашней барской спѣси. Не будучи красавицей, она имѣла правильныя черты и самую пріятную наружность. На лицѣ ея, необыкновенной бѣлизны и прозрачности, часто проступалъ яркій румянецъ, предвѣстникъ смерти, а улыбка печальнаго ангела придавала

*) Сихъ бригадировъ называли дюжинными, потому что ежегодно ихъ выпускалось по трое изъ каждаго гвардейскаго полка, коихъ было четыре; это были обыкновенно люди добрые, честные, достаточные, но ни къ чему неспособные. Князь Вяземскій ошибается, полагая, что Фонъ-Визинъ комедіей своей заклеймилъ бригадирскій чинъ; его *Бригадаръ* старинный служака, а въ долголѣтнее царствованіе Екатерины отставными изъ гвардіи бригадирами наполнилась Москва, и именно безчисленность, невѣжество и ничтожество Московскихъ бригадировъ составляютъ смѣшную сторону бригадирства. Скорѣе Дмитріевъ убилъ сей чинъ, да еще и положилъ надъ нимъ эпитафію.

лицу сему трогательную прелесть. Она страдала тѣлесными и душевными недугами, но никому о томъ ни слова не поминала, всякій день принимала у себя или бывала въ обществѣ съ видомъ не веселымъ, но ласковымъ, ко всѣмъ привѣтливымъ, никогда себѣ злословія не позволяла, втайнѣ молилась и творила добро, отказывая себѣ иногда въ самонужнѣйшемъ. Dulde, lächle und stirb (терпи, улыбайся и умирай): такъ въ трехъ словахъ одинъ Нѣмецкій писатель изобразилъ судьбу добродѣтельной женщины, какъ будто имѣя въ виду кн. Хованскую.

Домъ вице-губернаторскій находился также въ крѣпости и рядомъ съ нашимъ. Не одно сосѣдство, но взаимная любовь и уваженіе сблизили моихъ родителей съ сею княгиней, и дружба съ нею была совсѣмъ иного рода чѣмъ съ г-жею де-Шардонъ. Отецъ мой, столь же мало расточительный на похвалы, какъ и скупой на порицанія, сознавался однакоже, что въ жизни ничего совершеннѣе не встрѣчалъ. Мать моя, будучи нѣсколько лѣтъ ея постарѣе, была ей послушна, какъ ребенокъ. Пользуясь симъ и чувствуя всю цѣну добрѣйшаго изъ сердецъ, княгиня Хованская съ нѣжностію сестры позволяла себѣ указывать ей на нѣкоторые, впрочемъ, весьма простительные ея недостатки, молила ее воздерживаться отъ нѣкоторой вспыльчивости, любить мужа безъ ревности, дѣтей безъ баловства и, если возможно, еще болѣе облегчать участь, и безъ того уже не тягостную, домашней крѣпостной прислуги; однимъ словомъ, она сдѣлалась ея второю совѣстію. Жаль только, что сама никогда не хотѣла открыть ей тайныхъ мукъ своего сердца, рѣшившись, видно, повѣрять ихъ единому Богу.

Давно уже свѣтъ если не одобряетъ, то, по крайней мѣрѣ, извиняетъ невѣрность мужей. Но когда невѣрность сія выказывается съ величайшимъ безстыдствомъ, съ забвеніемъ всякой благопристойности, какъ бы съ нѣкоторымъ хвастовствомъ, когда предметъ ея достоинъ презрѣнія, то она дѣлается отвратительною даже въ глазахъ безнравственныхъ людей. Князь Хованскій любилъ крѣпостную свою дѣвку, стройную, ловкую, но лицомъ столь же непріятную какъ, говорили, и нравомъ. Рядомъ съ спальною своей жены далъ онъ ей комнату, убранную со всевозможною, по состоянію его, роскошью. Сія несчастная, всегда разряженная какъ кукла, всѣмъ повелѣвала въ домѣ, всѣ трепетали передъ ней; но въ свою очередь, какъ бы повинуясь невольному чувству, нечистое созданіе нѣмѣло, смущалось, когда встрѣчало тихіе взоры своей жертвы. Всѣ эти гадости были баснею цѣлаго города; онѣ принадлежали бы къ разряду обыкновенныхъ, даже сам низкихъ сплетней, еслибы не отравили жизнь посвященную доброд

Для вѣрной супруги, что можетъ быть горестнѣе, унизит сего положенія? Исполняя долгъ христіанки, она по

и несла безъ ропота тяжелый крестъ сей. Но для бѣдной княгини были еще другіе источники скорби: получивъ въ приданое весьма хорошее состояніе, она принесла его въ жертву прихотямъ своего мужа; имѣніе сіе было совсѣмъ разстроено, все въ долгахъ. Въ тоже время умножалась болѣзнь таящаяся въ груди ея, силы изнемогали, и, нѣжно любя трехъ малютокъ, дочерей своихъ, она уже видѣла грозящія имъ нищету и сиротство.

У трехъ дѣвочекъ сихъ были совсѣмъ различные характеры и наружность. Старшая изъ нихъ, Наталья [1]), была умна и только этимъ не походила на отца своего; маленькая спѣсь, насмѣшливость, едва замѣтное кокетство, съ лицомъ весьма пріятнымъ, уже въ ребячествѣ дѣлали ее оригинально-привлекательною; уже тогда было замѣтно, что она, подобно отцу своему, будетъ любить все житейское, и она исполнила свое предназначеніе. (Она давно живетъ въ Москвѣ, тамъ очень извѣстна и замужемъ за столь же извѣстнымъ тамъ почтдиректоромъ Булгаковымъ). Средняя [2]), Прасковья, была дѣвочка смирная, добрая, простая, вся какъ-то сжатая въ комокъ, не хороша собою, и самое неблагообразіе ея не имѣло въ себѣ ничего примѣчательнаго: его можно было назвать общимъ мѣстомъ. Но меньшая, Софія [3]), была, какъ говорили въ старину, вылитая мать. Никакому ребенку не могло быть приличнѣе названіе ангела; тоненькое, эѳирное созданіе, съ прекраснымъ личикомъ и молящими взорами. Ей также, какъ и матери, не суждено было оставаться долго на землѣ, но участь ея была счастливѣе; она вышла за красиваго, благороднаго юношу, который страстно любилъ ее и пошелъ за нею въ могилу. Если еще нужны сравненія, то старшую изъ сихъ сестеръ можно было уподобить молоденькой вакханочкѣ, еще удерживаемой стыдомъ, но готовой скоро его сбросить; меньшая была совершенная сильфида, средняя — гномъ.

Князь Хованскій любилъ хлѣбосольство нашего дома, жена его любила хозяевъ; живши въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, наши семейства видѣлись почти каждый день. Я росъ вмѣстѣ съ миленькими дѣвочками и, признаюсь, общество ихъ предпочиталъ дружбѣ моихъ добрыхъ товарищей. У нихъ не было тогда гувернантки, а няня и учитель, старый Французъ, мусью Фремонъ, который самъ былъ охотникъ буфонить и надъ которымъ всѣ трунили; вскорѣ явился еще Французъ-танцмейстеръ, мусью Потд̑, маленькій, старенькій, худенькій, чопорный и съ пребольшими претензіями на бельомство. Я все болѣе и болѣе дивился, стараясь понять, какъ могутъ цареубійцы быть

[1]) Н. В. Булгакова ум. въ 1841 г. Слѣд. Вигель началъ писать свои Записки до 1841 г.—[2]) Впослѣдствіи супруга Вас. Александр. Обрѣзкова.—[3]) За Прокоп. Ѳед. Соковнинымъ, бабка графа А. В. Бобринскаго. П. Б.

такъ смѣшны. Два раза въ недѣлю ходили мы съ маленькимъ Нилусомъ къ кн. Хованскому брать танцовальные уроки у г. Потò; на каждаго изъ насъ были по двѣ дамы, три маленькія княжны, да еще Настенька Бережецкая, нынѣшняя сенаторша Безроднова, дочь обогатившагося бывшаго таможеннаго чиновника, служившаго въ Казенной Палатѣ подъ покровительствомъ вице-губернатора. Я былъ довольно толстъ, тяжелъ, неповоротливъ и нѣсколько лѣнивъ, и мнѣ отъ Француза иногда доставалось хлыстикомъ по ногамъ, чтобы выше прыгать. И безъ того уже я его терпѣть не могъ; одинъ случай заставилъ меня его возненавидѣть.

Я любилъ подслушивать, когда говорили о любви, и наконецъ, мнѣ самому вошло въ голову, будто я горю чистѣйшимъ пламенемъ къ меньшой изъ княженъ Хованскихъ; разумѣется, я ни слова не смѣлъ о томъ сказать ей, равно какъ и старшей ея сестрѣ, которую также любилъ, но какъ-то иначе. Не надобно забыть, что мнѣ еще тогда не было десяти лѣтъ отъ роду. Вдругъ почувствовалъ я третью страсть, въ ней смѣло открылся и не худо былъ принятъ. У этой маленькой Бережецкой, которая меня годомъ была моложе, были такіе чудесные глазки, и такой поощрительный взоръ, и такія прелестныя губки, что разъ, во время танцовальнаго класса, въ углу, гдѣ я полагалъ, что насъ никто не видитъ, я рѣшился ее поцѣловать, а проклятый Потò очутился тутъ-какъ-тутъ. Онъ раскричался насчетъ безнравственности Русскихъ, у которыхъ даже дѣти заражены порокомъ, и никто не умѣлъ зажать ему ротъ. Я жестоко былъ наказанъ, не тѣмъ, что дóма, хорошенько побранивъ меня, поставили на колѣна, но тѣмъ, что бѣдную дѣвочку за меня высѣкли.

Я и въ ребячествѣ былъ столь же долготерпѣливъ, какъ непокоренъ и упрямъ, когда мѣра терпѣнія моего преисполнялась. Ни угрозы, ни удары хлыстомъ не могли меня сдвинуть съ мѣста; злодѣю-Французу отвѣчалъ я на нихъ презрительно-насмѣшливымъ взоромъ. Я разсказалъ моей матери о рубцахъ, которые покрываютъ мои ноги, и г-ну Потò отказали не совсѣмъ учтивымъ образомъ. Самъ кн. Хованскій, который о танцовальномъ искусствѣ имѣлъ вообще столь высокое мнѣніе, съ видомъ состраданія совѣтовалъ отцу моему не тратить за меня понапрасну денегъ; онъ какъ будто хотѣлъ сказать: «жаль, право, мальчика; изъ него никакого прока не будетъ». Мадамъ Шардонъ, которая всегда присутствовала при нашихъ танцовальныхъ упражненіяхъ, глядя на меня, также пожимала плечами, дивясь, какъ можно даже на полу не выучиться плясать.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, князь Хованскій, не знаю за чѣмъ-то, сколько помнится за Владимирскимъ крестомъ на шею, по-

ѣхалъ въ Петербургъ, оставя жену со всѣми признаками злой чахотки и съ началомъ водяной болѣзни. Оттуда вскорѣ прислалъ онъ для образованія дочерей молодую эмигрантку, мамзель де-Рювиль, съ эмигрантомъ-отцомъ. Онъ скоро куда-то уѣхалъ; а она, полуденный цвѣтокъ, въ варварскую страну заброшенный, какъ будто всѣмъ брезгала и была весьма не сообщительна; но, надобно признаться, имѣла отмѣнный тонъ, вѣжливый и пристойный. Въ обоихъ мнѣ всего памятнѣе костюмъ ихъ, который былъ новостью для всѣхъ жителей Кіева. Онъ былъ въ темно-синемъ, довольно поношенномъ фракѣ, съ непокрытою головой, даже на улицѣ, всегда съ шпагою при бедрѣ и шляпою-блиномъ подъ мышкой; такъ, говорилъ онъ, всегда слѣдуетъ быть легко-кавалерійскому Французскому капитану. Прическа его также была замѣчательна; вмѣсто тупея, волосы его въ самой серединѣ головы дѣлились на двое дорожкою, называемой chemin de Coblence, въ обѣ стороны шли очень гладко и оканчивались надъ ушами огромными туффами à l'aile de pigeon; сзади, вмѣсто обыкновенной косы, какія тогда носили, былъ у него толстый, довольно короткій, вдвое согнутый катоганъ; за неимѣніемъ пудры и помады, то-есть денегъ на покупку оныхъ, все это было туго набито саломъ и мукой. Мамзель Рювиль первая явилась къ намъ съ короткою таліей, опоясанная преширокою лентой, которая спереди на лѣвой сторонѣ завязывалась огромнымъ бантомъ съ длинными концами; у нея увидѣли мы также въ первый разъ короткій шиньонъ, книзу расширяющійся и открывающій весь затылокъ, что̀, кажется, называлось à la guillotine.

Конецъ страданіямъ несчастной княгини Хованской приблизился: она слегла въ постель и съ нея уже болѣе не вставала. Мать моя была при ней неотлучно; кромѣ ея и одной монахини Александры, она никого въ послѣдніе дни своей жизни видѣть не соглашалась. Она велѣла позвать дочерей, благословила ихъ, поручила ихъ моей матери, просила ее взять ихъ къ себѣ до возвращенія отца, потомъ отпустила ихъ и черезъ нѣсколько минутъ отдала Богу праведную душу свою. Погребеніе ея, которое, по позднему осеннему времени, мнѣ позволено было только видѣть въ окно, было самое необыкновенное: не было ни одного экипажа, но цѣлыя толпы, тысячи со стономъ и слезами шли за гробомъ, который важнѣйшіе чиновники несли попеременно съ простолюдинами. Все многочисленное Кіевское духовенство также пѣшкомъ провожало процессію; нѣсколько дней вездѣ встрѣчались печальныя лица, и святый градъ оплакалъ истинно-святую жену. Можно ли повѣрить! Лѣтъ четырнадцать тому назадъ былъ я въ Кіевѣ и не нашелъ почти никого, кто бы ее помнилъ; теперь едва ли сыщется кто-нибудь такой, который слыхалъ объ ней. Я посѣтилъ ея

могилу и нашелъ, что, отъ небреженія, время стерло надпись на ея надгробномъ камнѣ; въ самомъ семействѣ ея объ ней никогда не поминалось. Грустно подумать, что примѣръ столь высокихъ добродѣтелей совсѣмъ потерянъ для людей; но я уже счастливъ тѣмъ, что галлерею мою, гдѣ столько безобразія, могъ украсить ея священнымъ ликомъ и утѣшаюсь надеждою, что когда случайно появятся Записки сіи, когда кости мои будутъ истлѣвать въ утробѣ земли, на поверхности оной ея нетлѣнные останки будутъ чтимы православными.

Возвратясь изъ столицы, князь Хованскій, на печальныя ему привѣтствія, сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу покойной, и тотчасъ же потомъ пустился танцовать на Кіевскихъ балахъ. Ему довольно понравилась дѣвица де-Рювиль, но роялистка древней фамиліи требовала серіозной законной любви. Шардонша ладила сдѣлать ее княгиней; дѣло не состоялось, она уѣхала, и для меня, по крайней мѣрѣ, слухъ объ ней пропалъ на вѣки.

Послѣ смерти княгини Хованской, наши семейства рѣже видѣлись; одинъ несчастный случай опять ихъ на время сблизилъ. Вновь перестроенный комендантскій домъ загорѣлся очень рано утромъ; я жилъ тогда на антресолѣ и еще спалъ. Въ ужасной суматохѣ, не знаю какъ все это случилось, что всѣ меня забыли, и родители, и учитель, и слуга, который за мной ходилъ, и хватились только тогда, какъ весь домъ былъ въ пламени. Лакей князя Хованскаго, высокій, сильный и смѣлый, по прозванію Соколовъ, соколомъ бросился вверхъ и нашелъ, что я преспокойно сплю; не давъ мнѣ опомниться, успѣлъ схватить меня, обернуть въ простыню и сквозь дымъ и пламя бѣгомъ снести по загорѣвшейся уже лѣстницѣ. Я очнулся только на площади, гдѣ нашелъ моихъ родителей. Не стану описывать ни радости ихъ, ни благодарности къ мужественному Соколову. Какъ я былъ босъ и полунагъ, а время было холодное, то меня отнесли въ сосѣдній домъ, къ князю Хованскому; тамъ оставался я недѣли двѣ, пока занали другой домъ, и все опять пришло въ порядокъ.

Семейство князя Хованскаго, коего пребываніе въ Кіевѣ мнѣ пришлось столь подробно описывать, послѣ того недолго въ немъ оставалось. Подобно предмѣстнику его, Башилову, князя Хованскаго сдѣлали оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, и онъ отправился въ Петербургъ. Нѣсколько разъ въ жизни случалось мнѣ встрѣчаться съ нимъ и съ его дочерьми. Онъ всякій разъ припоминалъ мнѣ о пожарѣ и о Соколовѣ, какъ будто почитая самого себя моимъ спасителемъ.

Въ Екатеринино время было еще въ Кіевѣ нѣсколько примѣчательныхъ лицъ, съ коими непремѣнно надобно мнѣ познакомить читателя, дабы дать ему понятіе о тогдашнемъ Кіевскомъ обществѣ. На сіе намѣренъ я посвятить слѣдующую главу.

VIII.

Жилъ-былъ тогда въ Кіевѣ одинъ баринъ, да еще же и князь, который, кажется, почиталъ себя выше обыкновенной знати. Фамилія Дашковыхъ происходила отъ рода князей Смоленскихъ, потомство коихъ, за исключеніемъ Вяземскихъ, при Польскомъ правительствѣ утратило княжеское свое достоинство. Князья Дашковы не размножились, какъ другіе княжескіе роды, и ихъ имя въ Русской исторіи нигдѣ не встрѣчается. Первый и послѣдній блескъ дала ему честолюбивая женщина, которая почитала себя рожденною съ тѣмъ, чтобы располагать судьбою царей. Сынъ ея, послѣдній въ своемъ родѣ, былъ ею воспитанъ на славу; она возила его съ собою по всѣмъ иностраннымъ государствамъ, всему его учила и въ Эдинбургѣ доставила ему дипломъ на званіе доктора правъ, богословія и даже медицины. Но ученіе и самый опытъ не даютъ того, что̀ природа отняла.

Участію матери своей въ возведеніи на престолъ Екатерины Второй былъ обязанъ князь Дашковъ быстрому повышенію въ чинахъ: въ двадцать пять лѣтъ онъ командовалъ уже Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ и стоялъ съ нимъ въ Кіевѣ. Тутъ ему приглянулась одна дѣвочка, дочь облагороженнаго чинами купца Семена Никифоровича Алферова. По высокимъ, философическимъ понятіямъ, которыя почерпнулъ онъ въ своихъ путешествіяхъ, по примѣру Англійскихъ лордовъ, коимъ онъ старался подражать и кои часто ничтожныхъ тварей, изъ одной оригинальности, возводятъ въ званіе супругъ своихъ, онъ долго не задумался, взялъ-да и женился, не бывъ даже серьезно влюбленъ. Сей бракъ поссорилъ его съ матерью, разорвалъ связи его съ обществомъ столицъ и заставилъ его поселиться въ Кіевѣ. Онъ сдалъ полкъ; но, по старой памяти къ услугамъ матери, производство для него не остановилось, и онъ получилъ чины бригадира и генералъ-майора.

Горе ученымъ глупцамъ! Для головы ихъ обширныя познанія тоже, что̀ жирная пища для слабаго желудка: ихъ безпрестанно несетъ вздоромъ.

Самолюбивѣйшій изъ смертныхъ, Дашковъ полагалъ, что способенъ управлять государствомъ и осужденъ былъ скрывать свое величіе въ низенькомъ домѣ самаго грязнаго Кіевскаго переулка. Тамъ собиралъ онъ около себя веселыхъ людей, какихъ могъ найти въ Кіевѣ, шутовъ, всякую иностранную сволочь, и шумомъ сего общества старался заглушить страданія своей гордости. Несчастный утѣшался презрѣніемъ, которое могъ онъ изливать на всѣхъ окружающихъ его, на жену, на тестя, на всю родню ихъ,

Не смотря на несправедливое пренебреженіе, которое онъ также оказывалъ какъ жителямъ того города, который выбралъ онъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, такъ и обычаямъ ихъ, они сначала приглашали его на всѣ праздники свои, на всѣ вечеринки. Онъ былъ красивый, видный мужчина и также, какъ Хованскій, страстный охотникъ до танцевъ, которые тогда были едва ли не болѣе въ модѣ, чѣмъ нынѣ; но онъ не хотѣлъ на вечерахъ сихъ ни одну даму, ни одну дѣвицу пригласить, а съ начала до конца безпрестанно танцовалъ съ одной своей женой. Какъ бы не замѣчая, что есть хозяева, есть гости, онъ безъ церемоніи сажалъ ее къ себѣ на колѣни и цѣловалъ въ засосъ; потомъ, за что-нибудь поссорившись съ ней, при всѣхъ начиналъ ее бить по щекамъ.

Мои родители застали его уже женатаго и сначала, какъ и всѣ другіе, водили съ нимъ знакомство. Досадуя на цѣлый міръ, онъ всѣхъ поносилъ, всѣхъ клеветалъ и тѣмъ уже охолодилъ отца моего. Одинъ вечеръ, будучи у насъ, онъ за что-то прогнѣвался на жену и далъ ей толчка; тогда отецъ мой ему напомнилъ, что онъ не дóма и просилъ для супружескихъ исправленій избрать другое мѣсто. Онъ гордо поглядѣлъ на него, не сказавъ ни слова, потомъ взялъ подъ руку битую жену и вышелъ съ нею съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ отца моего. Сей примѣръ подѣйствовалъ на Кіевлянъ; наскучивъ его отвратительными странностями, одинъ за другимъ перестали къ нему ѣздить и звать его къ себѣ. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ потомъ въ шумномъ своемъ уединеніи, среди грубыхъ, отчаянныхъ наслажденій, ни на что неупотребляемый, забытый дворомъ и ненавидимый обществомъ.

Въ Россіи есть губернскіе и уѣздные города; въ числѣ тѣхъ и другихъ есть такіе, кои должно назвать казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни только должностныя лица; помѣщики же бываютъ въ нихъ только иногда, по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которое черезъ десять лѣтъ, можно сказать, возобновляется во всемъ своемъ составѣ. Кіевъ болѣе чѣмъ всякій другой принадлежалъ къ числу сихъ казенныхъ городовъ.

Малороссія, которая нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Черниговскую и Полтавскую, тогда составлена была изъ трехъ: Кіевской, Черниговской и Новгородско-Сѣверской; бóльшая часть нынѣшей Полтавской губерніи составляла тогдашнюю Кіевскую. Жители Черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе Новгородско-Сѣверскихъ, сохранили или приняли много Русскихъ навыковъ, бы[illegible] ятно подъ владычествомъ Московскихъ государей; жит[illegible] ссіи остались почти такими же казаками, ка[illegible] идкомъ.

во Французскихъ трактирахъ на Страсбургскихъ пирогахъ и Шампанскомъ винѣ. Вотъ у насъ въ Россіи постепенный ходъ просвѣщенія.

Я часто говорилъ о Кіевскихъ балахъ, не описавъ ни одного изъ нихъ, тогда какъ имѣю къ тому возможность, каждую недѣлю видѣвши ихъ у себя дома; ибо дѣтей не только не отсылали къ себѣ въ комнату, но даже возили иногда на нихъ съ собою въ чужіе дома. Они начинались рѣдко позже семи часовъ вечера. Хозяинъ дома открывалъ ихъ обыкновенно Польскимъ *) съ почетнѣйшею изъ дамъ; мущины выступали важно, выдѣлывали па, мѣняли руки, и этотъ церемоніальный маршъ продолжался не менѣе получаса. Потомъ начинались англезы или контрдансы, какъ ихъ называли; рядъ мущинъ становился противъ ряда женщинъ. Старались сколь можно болѣе разнообразить фигуры и самыя названія сихъ контрдансовъ: одному дано было имя Данилы Купера, вѣроятно въ честь композитора его, какого-нибудь Англичанина, Cooper; другому имя Березани, въ честь какой-то побѣды надъ Турками, еще другія назывались Соважъ, Préjugé vaincu, Англійскій променадъ. О мазуркѣ и краковякѣ и слуху еще не было, хотя мы жили въ двухъ шагахъ отъ Польши; также о матрадурѣ и тампетѣ, которые гораздо новѣйшаго изобрѣтенія. Вмѣсто Французской кадрили танцовали какой-то монюмаскъ, а потомъ чего уже не было! Наскучивъ веселыми звуками, принимались иногда за менуэты, а тамъ за аллемандъ, и въ немъ особенно отличался одинъ Нѣмецъ, полусумашедшій нарумяненый докторъ Шёнфогель. Кто бы могъ подумать, вальсовъ еще не знали. На сихъ балахъ можно было видѣть и Малороссійскую метелицу, и голубца, и казачка; плясали и по-русски, и по-цыгански, кто во что̀ гораздъ. Какъ сіи балы всегда должны были начинаться Польскимъ, такъ непремѣнно должны были оканчиваться алагрекомъ, который не что иное былъ какъ нынѣшній, чуть ли не покойный, гросфатеръ.

Когда пожилые люди не волнуются страстями, когда ихъ не мучатъ ни чрезмѣрная алчность къ золоту, ни зависть, ни пожирающее, безпредѣльное честолюбіе, когда они блаженствуютъ подъ сѣнію мудраго и твердаго правительства, которое равно охраняетъ ихъ безопасность и не допускаетъ возможности преступныхъ, дерзкихъ замысловъ: тогда, спокойные духомъ, они дѣлаются почти молоды и готовы иногда рѣзвиться какъ дѣти. Молодые же люди всегда расположены къ веселости, лишь бы имѣли благоразуміе не отказываться прежде-

*) Любимый Польскій былъ тогда сочиненія, кажется, Козловскаго; онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ: „славься симъ Екатерина", по первымъ словамъ, на кои онъ былъ положенъ. Съ какою-то восторженною гордостію ходили тогда Русскіе подъ гремящіе его звуки.

временно отъ юности, блага невозвратнаго. Таковыми были почти всѣ тогда въ Кіевѣ. У одного князя Дашкова начинался новый вѣкъ: у него были уже трубки, и пуншъ, и смѣлое обхожденіе безъ разбора лѣтъ и пола; но за то отъ дома его бѣжали, какъ отъ заразы. Беззаботная же, непринужденная, хотя и пристойная веселость, коей предавались въ описываемыхъ мною собраніяхъ люди разныхъ возрастовъ и состояній, дѣлала всю прелессть старинныхъ нашихъ баловъ. Коноводомъ на нихъ былъ шестидесяти-семилѣтній старикъ-Нѣмецъ, артилерійскій генералъ Нилусъ, отецъ моего товарища; онъ распоряжалъ танцами, приказывалъ музыкантамъ и съ неимовѣрною живостію плясалъ весь вечеръ до упада. Надобно знать также, что онъ былъ подагрикъ; когда сія мучительная болѣзнь его удерживала дома, то отсутствіе его было очень замѣтно, и веселость уменьшалась на вечеринкахъ; но лишь только немного отпуститъ ему, онъ опять явится въ бархатныхъ сапогахъ, и уже сидя, взоромъ, крикомъ, движеніями, хлопаньемъ возбуждаетъ танцующихъ. Всѣ, кои не были записные бостонисты, несмотря на лѣта, участвовали въ танцахъ, и отъ старика Нилуса до меня, осьми или девятилѣтняго мальчика, неудачнаго ученика г. Потò, все бывало въ движеніи. Одного отца моего, не знаю почему, исключая Польскихъ, я никогда не видалъ танцующимъ.

Какъ бы мы теперь казались смѣшны! Сорокъ лѣтъ времени и тысяча двѣсти верстъ разстоянія дѣлаютъ большую разницу въ понятіяхъ и мнѣніяхъ людей. Танцы были нѣкогда пріятнымъ и для здоровья полезнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ, какъ верховая ѣзда, фехтованіе, игра въ воланъ или въ помъ: тогда могъ всякій безъ претензій въ нихъ участвовать. Они сдѣлались исключительною принадлежностію молодости, съ тѣхъ поръ какъ имъ дана цѣль, и они обращены въ средство. Теперь въ состарившихся и въ старѣющихъ, которые танцовать не перестаютъ, позволено подозрѣвать жалкое намѣреніе еще прельщать и нравиться; теперь для немолодыхъ дѣвицъ есть въ обществѣ рѣзкая черта, преступая за кою, онѣ становятся смѣшны, если добровольно не хотятъ покинуть забаву первой молодости; прежде невинному веселію границъ не ставили. Говорятъ, что нынѣшніе танцы способствуютъ сближенію молодыхъ людей обоего пола, что они даютъ имъ средства короче узнать другъ друга и сокращаютъ имъ путь къ браку. Это бы весьма хорошо, но полно такъ ли? Развѣ нынѣ болѣе женятся? Развѣ нынѣ мы видимъ болѣе супружествъ по склонности? А для молодыхъ замужнихъ женщинъ, къ чему нынѣшніе танцы сокращаютъ имъ путь? Не знаю; но мнѣ все кажется, что, въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, однообразный шумъ мазурки или котильона, столь утомительный для слуха, долженъ непремѣнно усы-

пить осторожность дѣвицъ, для нихъ столь необходимую. Безчеловѣчіе къ музыкантамъ, невнимательность, неучтивость ко всѣмъ не танцующимъ, которые во многихъ домахъ, нѣсколько часовъ сряду, состоять въ блокадѣ, запираются непроходимою комнатою и отрѣзываются отъ своихъ шубъ и шинелей: вотъ, по мнѣнію моему, большія неудобства нынѣшнихъ танцевъ.

Я все забываюсь и невольно переношусь въ настоящее время: спѣшу переброситься лѣтъ за сорокъ тому назадъ, въ мой любезный Кіевъ, чтобы продолжать списокъ чиновныхъ особъ обоего пола, составлявшихъ его общество.

Въ Уголовной Палатѣ предсѣдательствовалъ Иванъ Гавриловичъ Вишневской, человѣколюбивѣйшій изъ судей, что̀, кажется, довольно великая похвала для уголовнаго предсѣдателя. Онъ былъ домосѣдъ и, какъ говорили тогда, человѣкъ начитанный и просвѣщенный. Вмѣсто себя посылалъ онъ въ общество дородную жену свою Ульяну Степановну, сестру нашего посланника въ Константинополѣ Тамары, добрую и почтенную даму. Съ нею было у него два сына, которые воспитывались въ Вѣнѣ, и коихъ возвращеніе отняло у Кіевскихъ родителей желаніе посылать дѣтей за границу; да еще куча дочерей, очень хорошихъ дѣвокъ, между коими были и хорошенькія. Замѣчательно то, что при нихъ находилась Русская мамзель, Прасковья Ивановна: другаго прозванія ей не было. Богъ вѣсть гдѣ и какъ выучилась она иностраннымъ языкамъ, была строгой нравственности и имѣла сверхъ того другія познанія, которыя нельзя найдти у выписныхъ мамзелей. Симъ доказываеття, какъ давно можно было бы завести у насъ сей полезный классъ женщинъ.

До Вишневскаго былъ уголовнымъ предсѣдателемъ г. Москотиньевъ совсѣмъ противныхъ ему свойствъ, грубый невѣжа и страшный взяточникъ. Его я совсѣмъ не помню. Вдова его осталась жить въ Кіевѣ, часто насъ посѣщала, и вообще вездѣ ее можно было встрѣтить. Она была до чрезвычайности ко всѣмъ ласкова, ни съ кѣмъ не спорила, никого не пересуживала, все хвалила и всѣмъ старалась угождать, а все ея не любили и довольно сухо принимали; это происходило оттого, что она слыла отмѣнно жестокосердою до́ма: увѣряли, будто двухъ или трехъ несчастныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ своихъ, единственное свое недвижимое имущество, она таскала всякій день за волосы по полу и била плетью. Явное къ ней недоброжелательство не доказываетъ ли сострадальность, добрыя чувства моихъ тогдашнихъ Кіевлянъ?

Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ человѣкъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи, Иванъ Григорьевичъ Туман-

ской, который дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. Онъ судилъ по справедливости и законамъ, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся; а не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ. Его спокойная совѣсть изображалась на спокойномъ лицѣ его вмѣстѣ съ тихимъ веселіемъ, ея неразлучнымъ спутникомъ; скромность его была въ совершенной противоположности съ несносною спѣсью, коею всѣ родные его, однофамильцы, даже до четвертаго поколѣнія, еще и понынѣ одержимы.

Совѣстный судья, Иванъ Михайловичъ Корбе, ужасалъ безобразіемъ, но какъ увѣряли, плѣнялъ умомъ и удивлялъ ученостію, что̀ утверждать я не смѣю, ибо тогда не былъ въ состояніи о томъ судить. Жена его, коей имя не запомню, напротивъ, была хороша собой, хотя и не молода. Сего нельзя было сказать о пяти или шести его дочеряхъ: онѣ всѣ были въ него, одна другой дурнѣе, одна другой добрѣе. Богъ благословилъ сіе семейство; мнѣ сказывали, что всѣ онѣ вышли замужъ очень счастливо.

Говорить ли еще о чиновникахъ, занимавшихъ мѣста̀ нынѣ почитаемыя мелкими, которыя тогда считались крупными и доставляли уваженіе занимавшимъ ихъ, о совѣтникахъ губернскаго правленія и палатъ? Здѣсь еще не мѣсто говорить о постепенномъ упадкѣ сихъ должностей въ общемъ мнѣніи, упадкѣ столь вредномъ для пользы государственной службы; тогда еще искали ихъ и старинные дворяне, и заслуженные чиновники, и люди съ достаткомъ, и получивши ихъ, вмѣстѣ съ семействами своими, играли почетную роль въ губернскихъ городахъ. Платя дань нынѣшнему образу мыслей, я умолчу о многихъ, а о другихъ скажу только нѣсколько словъ.

Въ Губернскомъ Правленіи было тогда только два совѣтника, Николай Ивановичъ Ергольской и Прокофій Ѳедоровичъ Пражевской; строгимъ безкорыстіемъ, умомъ, знаніемъ дѣлъ и какою-то природною важностію, безъ примѣси чванства, могли оба украсить Сенатъ, еслибы въ немъ засѣдали. У перваго изъ нихъ было домашнее горе, добрая и любимая жена, Наталья Егоровна, но которая, къ несчастію, имѣла два порока: была престрашная лгунья и вечеркомъ наединѣ любила выпить. Послѣдній былъ счастливѣе. Странно было видѣть его, малорослаго, рыжеватаго, невзрачнаго, съ женою высокою, дородною, черноволосою, смуглою, всегда и во всемъ ему покорною какъ дитя. Татьяна Екимовна, такъ звали ее, урожденная, если не ошибаюсь, Сахновская, была тѣмъ особенно замѣчательна, что быстрые, огненные ея взоры изображали необыкновенное сердечное добродушіе, и что каждое слово, на выразительномъ Малороссійскомъ нарѣчіи ею произнесенное, подтверждало то, что̀ глаза ея говорили; за то отъ

щалъ домъ нашъ. Всякій разъ призывалъ онъ меня къ себѣ, сажалъ на колѣна и цѣловалъ. Какъ описать мнѣ ощущенія мои при его ласкахъ? Невольный трепетъ, неизъяснимую радость, священный страхъ? Одинъ непорочный отрокъ можетъ сіе чувствовать; нынѣ же, грѣшный, изнуренный пагубными страстями, едва могу себѣ все это припомнить и съ трудомъ выразить. Можетъ быть, въ другомъ мірѣ и языкомъ неземнымъ буду въ состояніи объяснить сіе.

Не задолго до смерти Екатерины угасъ сей свѣтильникъ вѣры. Похороны происходили въ Софійскомъ соборѣ безъ всякой пышности, не было ни катафалка, ни балдахина; меня, какъ малолѣтняго, имъ любимаго, поставили близъ самаго гроба, который довольно низко стоялъ посреди церкви. Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица усопшаго праведника; но что̀ было со мною, когда знаменитый краснорѣчіемъ протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился къ гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: «Пастырь успе, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ!» Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои, которыя и понынѣ могутъ служить образцами, говорилъ онъ еще лучше, нежели писалъ; въ эту минуту онъ былъ очарователенъ: слезы текли ручьями изъ глазъ его, и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа и если въ послѣдствіи я не предпочелъ всему монашескую жизнь, если я остался только твердъ въ правилахъ моей вѣры и не сдѣлался даже набожнымъ: то, видно, нѣтъ во мнѣ той благодати, которая необходима для труднаго и славнаго поприща истиннаго христіанина.

IX.

Я говорилъ обо всѣхъ и обо всемъ, что̀ только могъ припомнить въ первомъ моемъ младенчествѣ, но не сказалъ ни слова о семействѣ моемъ, то-есть о братьяхъ и сестрахъ. О близкихъ сердцу говорить весьма трудно: все похвальное въ нихъ хочется украсить, всѣ несовершенства хотѣлось бы скрыть, а я обѣщался вѣщать одну только истину. Итакъ пусть ее одну только узнаютъ мои читатели.

Лѣта старшихъ сестеръ моихъ и братьевъ имъ уже извѣстны. Воспитаніе ихъ было не худо; ограниченность состоянія, недостатокъ тогдашняго времени въ хорошихъ учителяхъ, а еще болѣе въ гувернанткахъ, и жизнь въ провинціи не дозволили родителямъ моимъ сдѣлать его блестящимъ; для нравственнаго же образованія имъ достаточно было родительскихъ примѣровъ и наставленій. При сестрахъ

моихъ, какъ мнѣ сказывали, являлись по временамъ какія-то мамзели, Нѣмки или Француженки, а можетъ-быть крещеныя Жидовки, которыя за таковыхъ себя выдавали; но доказанныя невѣжество или безнравственность скоро заставляли отсылать ихъ. Пограничный Кіевъ представилъ возможность дать сестрамъ нѣкоторые таланты: ихъ учили танцовать и играть на фортепіано; послѣднее, начатое по минованіи уже ребяческихъ лѣтъ, не имѣло большаго успѣха.

Природа не была скупа къ старшимъ сестрамъ моимъ: лучшій ея подарокъ —доброе сердце, и она обѣихъ имъ надѣлила. Старшая Елисавета умомъ и красотой уступала младшей Натальѣ, но едва ли не превосходила ее въ добросердечіи: въ этомъ сравниться съ нею трудно; ни голубицы, ни агнцы не могутъ быть незлобивѣе. Она никогда не подозрѣвала существованія зла, ниже хотѣла ему повѣрить; она знала, что есть люди раздражительные и опасно сердить ихъ, но ихъ мщенія, хитрой, постоянной злобы она никогда не могла понять. Когда случатся маленькія, семейныя, минутныя междоусобія, или горничныя, употребляя во зло ея снисходительность, не внимательны къ ея требованіямъ, она, бывало, надуется, въ ней замѣтно что-то похожее на досаду; но до гнѣва, до брани, до ссоры она отъ роду не умѣла доходить.

Иные скажутъ, что это доказываетъ необыкновенную слабость характера; но въ соединеніи съ строжайшими правилами нравственности, такая слабость не могла имѣть никакихъ неудобствъ для женщины или даже дѣвицы, которой опредѣлено было долго ничѣмъ не управлять и ни надъ кѣмъ не властвовать. Съ такими милыми свойствами сохранены были и нѣкоторые недостатки: легковѣріе, легкомысліе, чрезмѣрное иногда любопытство; врожденная въ ней набожность съ лѣтами обратилась въ суевѣріе, въ наблюденіе странныхъ, нѣсколько смѣшныхъ формулъ. Все это вмѣстѣ сохранило въ ней, среди преклонныхъ уже лѣтъ, необыкновенную молодость души: она всѣмъ тѣшится какъ дитя, міръ не теряетъ для нея своей свѣжести, своихъ прелестей. Какъ будто нарочно для нея Создатель ниспослалъ въ него надежду: она никогда съ ней не разставалась. Когда тяжкая болѣзнь постигнетъ одного изъ родителей или котораго-нибудь изъ родныхъ, она тиха, печальна, заботлива, но одна только не предается отчаянію; врачи объявляютъ, что опасность съ каждою минутой умножается, она бѣжитъ въ свою комнату, помолится тамъ, поплачетъ передъ образами, и выходитъ оттуда съ лицомъ спокойнымъ, почти веселымъ, какъ будто вынося съ собою жизнь и исцѣленіе. Когда же смерть погаситъ передъ нею послѣдній лучъ надежды, она дѣлается молчалива, грустна, но надежды свои быстро переноситъ въ другой

міръ, совершенно убѣжденная, что милые ея сердцу тамъ блаженствуютъ, и счастлива мыслію о свиданіи съ ними.

Она никогда не была хороша собою, но имѣла весьма правильныя черты, и постоянное выраженіе благосклонности придавало имъ большую пріятность. Были люди, которые искали ея руки, но или ей, или родителямъ не нравились, и Богъ не судилъ ей быть супругой и матерью; она бы могла быть ихъ образцомъ, судя по безпредѣльной любви ея къ роднымъ. Съ самой первой молодости разливала она между ими утѣшеніе и миръ; если кто-нибудь изъ насъ прогнѣваетъ родителей, она не покойна, пока не вымолитъ прощеніе; братьевъ и сестеръ она не только мирила, но старалась предупреждать малѣйшее несогласіе, всему находила извиненіе, всегда готова была вину взять на себя. Обманутыя надежды, безбрачная жизнь, необходимость покорности въ такія лѣта, когда уже можно располагать собою и другими, весьма естественно портятъ нравъ старѣющихъ дѣвицъ; кротость же сестры моей съ лѣтами, кажется, все умножалась. О достохвальныхъ ея подвигахъ мнѣ не разъ придется говорить, если продлятся Записки сіи; покамѣстъ ограничусь сказаннымъ. Счастливъ, если сего достаточно, чтобы заставить полюбить ее. Беззащитное, безобидное существо! У одра полумертвой матери поклялся я быть твоею подпорой, но что̀ бы могъ я для тебя сдѣлать? Награждая твои добродѣтели, самъ Всемогущій, среди старо̀сти, бѣдности, сиротства твоего, послалъ незнакомаго тебѣ благодѣтеля *), который душевною добротой даже съ тобою поспорить можетъ.

Ко второй сестрѣ моей природа еще была щедрѣе. Всѐ называли ее красавицей; это былъ портретъ красивой матери, списанный искуснымъ живописцемъ, который бы захотѣлъ польстить ей; нравомъ же совершенно походила на отца. Тогда какъ старшая сестра вездѣ видѣла друзей и тайны невинной души своей готова была повѣрять каждому, меньшая была осторожна, осмотрительна, даже нѣсколько недовѣрчива, и веселостямъ своего возраста предавалась съ умѣрѐнностію, какъ бы повинуясь необходимости. Не было ли это предчувствіемъ всѣхъ горестей, которыя она должна была испытать въ жизни? Ничего чувствительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе демонстративнаго я не знавалъ; высокія чувства, коимъ тогда не знали даже названія, таились въ глубинѣ ея сердца и иногда изливались въ дѣяніяхъ, но не въ рѣчахъ; старые люди дивились чрезвычайному благоразумію молодой дѣвочки, и въ обхождѐніи съ нею самихъ родите-

---

*) Министръ Блудовъ, выпросившій ей пенсію, на которую [illegible] ъ не имѣла никакого права.

лей замѣтно было какое-то особенное уваженіе. Скромность, чувство приличія и собственнаго достоинства инымъ казались гордостію; но они скоро узнавали ошибку свою, увидя, сколько она строга къ себѣ и снисходительна къ недостаткамъ другихъ. Умъ самый основательный, сужденія всегда логическія, вывели ее рано изъ ряда подругъ и ровесницъ, и тогда какъ они занимались исключительно нарядами и городскими забавами, предметомъ ея нѣжнѣйшихъ попеченій сдѣлался маленькій братъ, который только десятью годами былъ ея моложе.

Мои читатели вспомнятъ, можетъ-быть, о княгинѣ Хованской; сіи двѣ женщины умѣли понять другъ друга, не смотря на великую разницу въ лѣтахъ. Ея примѣру, ея нѣжной любви обязана сестра моя отчасти развитіемъ прекрасныхъ свойствъ, насажденныхъ въ ней природою. Первые годы моей юности, внѣ родительскаго дома, провелъ я вмѣстѣ съ нею, слѣдственно буду часто имѣть случай говорить объ ней и потому считаю лишнимъ здѣсь далѣе распространяться.

Таже самая разница, которую можно было найти въ характерѣ двухъ сестеръ, встрѣчалась также въ обоихъ старшихъ братьяхъ. Оба были исполнены доброты, правдолюбія и чести, но старшій тысячью преимуществами блисталъ передъ младшимъ. Онъ былъ уживчивѣе, уступчивѣе, острѣе и веселонравнѣе, не говоря уже о природныхъ способностяхъ его ко всякаго рода серіознымъ занятіямъ, которыя показалъ онъ въ продолженіи службы. Меньшой же Николай былъ нраву весьма крутаго, чрезвычайно вспыльчивъ и потомъ упрямъ, какъ всѣ люди неодаренные хорошимъ разсудкомъ. Страшная охота спорить, совершенное отсутствіе логики и всегда кривые толки дѣлали его тягостнымъ не только для посторонныхъ, но даже для родныхъ. Намѣренія же его всегда были чисты и похвальны. Изобразивъ его недостатки, мнѣ пріятно отдать справедливость и добрымъ его качествамъ. Замѣтно было, что онъ менѣе всѣхъ любимъ родителями; онъ самъ это зналъ, а со всѣмъ тѣмъ никто изъ насъ не могъ равняться съ нимъ въ безпредѣльной къ нимъ преданности, въ безусловной покорности: онъ видѣлъ въ нихъ нѣчто божественное. Не смотря на безконечные его споры, онъ страстно любилъ сестеръ и особливо брата и съ непритворнымъ удовольствіемъ признавалъ его превосходство надъ собою; сей же послѣдній, въ безпрестанномъ съ нимъ сообществѣ, вѣроятно научился терпѣливости, которою отличается.

Старшій братъ Павелъ былъ весьма недуренъ собою. Одинъ несчастный случай его нѣсколько обезобразилъ: кусокъ фаянса, отскочившій отъ лопнувшей чашки, попалъ ему въ глазъ, когда еще онъ былъ ребенкомъ, и всѣ старанія, чтобъ его вылѣчить потомъ, остались тщетны. Наружность меньшаго не имѣла ничего привлекательнаго:

у него были сѣрые глаза и лице блѣдное, ничего не выражающее, испорченное оспой. Наружные недостатки старался онъ замѣнить франтовствомъ, былъ чистоплотенъ и въ мелочахъ акуратенъ до крайности, имѣлъ однакоже наклонность къ расточительности, но былъ всегда удержанъ страхомъ прогнѣвить родителей. Вообще онъ, кажется, родился болѣе въ братьевъ отца нашего, чѣмъ въ него самого: Нѣмецкая кровь громче въ немъ говорила, чѣмъ въ комъ-либо изъ насъ, и съ малолѣтства курительный табакъ сдѣлался уже одною изъ потребностей его души.

Братья мои получили весьма хорошее воспитаніе. Въ Пензенскомъ уединеніи, въ промежутки времени между полковничествомъ и комендантствомъ, отецъ былъ самъ первымъ ихъ наставникомъ. По пріѣздѣ въ Кіевъ вручилъ онъ ихъ г. Гагеру, и изъ всего, что̀ я слышалъ объ немъ, можно заключить, что онъ имѣлъ основательныя познанія и былъ почтеннаго характера. Въ 1792 году мать моя со всѣми старшими дѣтьми отправилась въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы въ первый разъ показать его дочерямъ, а сыновей окончательнымъ ученіемъ приготовить ко вступленію въ службу и въ свѣтъ. Къ счастію, ей указали весьма хорошій пансіонъ г. Девеля, куда всѣ почтенные, просвѣщенные и благоразумные родители отдавали тогда дѣтей; знатные же своихъ воспитывали до̀ма или за границей, ибо объ аббатѣ Николѣ тогда еще и помину не было. Пристроивши ихъ, она скоро воротилась въ Кіевъ.

Странные были тогда обычаи, въ сіе, впрочемъ, столь счастливое для Россіи время: въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ. Полагали, что они уже всему выучены и спѣшили ихъ отдавать въ службу, чтобъ они ранѣе могли выйти въ чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала нѣжному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были не слѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствовали счастію и возвышенію своихъ дѣтей.

Была еще другая странность, которую можно даже назвать злоупотребленіемъ: въ каждомъ гвардейскомъ полку сотнями считались сержанты, вахмистры, унтеръ-офицеры, каптенармусы, капралы; всѣ они были малолѣтные, живущіе до̀ма и ожидающіе очереди къ производству. Каждому изъ сихъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ соотвѣтствовалъ въ арміи одинъ изъ оберъ-офицерскихъ, и потому при записываніи дѣти получали сіи чины, смотря по связямъ родителей съ начальниками, по покровительству, а иногда и по заслугамъ ихъ.

Благодаря весьма дальнему родству матери моей съ конногвардейскимъ премьеръ-майоромъ, отъ арміи генералъ-поручикомъ Петромъ

Ивановичемъ Боборыкинымъ, насъ всѣхъ троихъ, братьевъ за азбукой, а меня въ колыбели, записали вахмистрами лейбъ-гвардіи въ конный полкъ. Старшинство между тѣмъ сохранялось, и для братьевъ приближалось уже время производства въ офицеры; стоило только подождать годъ-другой; но какимъ мальчикамъ не хочется ранѣе быть на свободѣ? Они убѣдили родителей дозволить имъ, какъ говорилось тогда, подать въ армію и, едва показавшись на службу, они были выпущены 1 Января 1795 года ротмистрами въ Нѣжинскій карабинерный полкъ. Подобная участь въ послѣдствіи ожидала и меня, и я, признаюсь, ожидалъ ея также съ нетерпѣніемъ.

Тотъ полкъ, въ который вышли братья мои, стоялъ тогда на квартирахъ во вновь присоединенной отъ Польши Изяславской губерніи, нынѣшней Волынской, бывшемъ Заславскомъ воеводствѣ, не очень далеко отъ Кіева. По снисходительности начальства и вообще по необращенію въ мирное время строгаго на то вниманія, они большую часть года проводили у родителей. Пріѣздъ ихъ меня совсѣмъ не обрадовалъ: три года отсутствія въ тогдашнія мои лѣта были цѣлая вѣчность, я ихъ совсѣмъ почти не помнилъ и, смотря на ласки, расточаемыя имъ матерью и сестрами, видѣлъ въ нихъ только пришлецевъ, похищающихъ мои права.

Непріязненное къ нимъ чувство еще умножилось, когда они начали мнѣ приказывать, на мнѣ взыскивать. Пусть бы сестры, думалъ я: онѣ бранятъ такимъ нѣжнымъ голосомъ; когда онѣ принуждены даже взять за ухо, отъ прикосновенія ихъ менѣе боли, чѣмъ удовольствія; а эти карабинеры, по какому праву? Сіе право я нынѣ уважаю, право старѣйшинства между родными; оно было тогда освящено обычаемъ и проистекало изъ самыхъ ясныхъ понятій о взаимныхъ обязанностяхъ единокровныхъ. Имъ крѣпится союзъ въ семействахъ; никакой ребенокъ не могъ тогда остаться совершенно сиротой, напрасно смерть похищала у него отца и мать: дяди и тетки, старшіе братья и сестры, при жизни ихъ, уже участвовавшіе въ ихъ обязанностяхъ, тотчасъ заступали ихъ мѣсто и становились естественными покровителями младенца, отрока или даже юноши. Общее мнѣніе поручало имъ беззащитнаго и требовало отъ нихъ строгаго отчета; безжалостный братъ или хищный дядя были имъ преслѣдуемы и были столь же рѣдки, какъ жестокосердые родители; но за то и они находили въ питомцахъ своихъ покорность и нѣжность. Узелъ, прикрѣпляющій дѣтей къ родителямъ, а за неимѣніемъ ихъ къ старшимъ въ родѣ, слугъ къ господамъ и взаимно, сей самый узелъ связывалъ гражданъ между собою и привязывалъ ихъ къ правительству, вѣрѣ и отечеству. Горькая истина!

Всѣ сіи узы до того нынѣ ослабѣли, что стóитъ бездѣлицы, дабы совсѣмъ развязать ихъ. О всегубительный вихорь Запада!

Напрасно будутъ говорить, что народы всегда любятъ правительства, коихъ благотворные законы ограждаютъ ихъ безопасность и собственность, что людямъ необходима какая-либо вѣра, и сія необходимость заставляетъ любить ее, что общія выгоды всегда соединяютъ людей на защиту ихъ, что слуги волею или неволею и теперь повинуются господамъ; что если дѣти и не оказываютъ нынѣ родителямъ принужденнаго уваженія какъ прежде, если позволяютъ себѣ безпрестанно съ ними обо всемъ спорить и смѣются надъ ихъ ветхими предразсудками, то не менѣе того ихъ любятъ по привычкѣ, по воспоминаніямъ о младенчествѣ. Хорошо, еслибъ и такъ; но это дѣйствіе необходимости, разсудка, разсчета, а прежде все это было чувство, и, кажется, что одно всегда бывало сильнѣе другаго.

Настоящее заставляетъ меня часто забывать прошедшее; спѣшу опять въ немъ утѣшиться. Итакъ братья мною командовали; изъ нихъ старшій, а изъ сестеръ средняя преимущественно мною занимались, мнѣ покровительствовали, меня предпочитали, тогда какъ старшая сестра и средній братъ всегда оказывали совершенное пристрастіе къ самой меньшей сестрѣ нашей Александрѣ, которая, какъ уже сказалъ я, была шестью годами меня моложе.

Сія послѣдняя отъ природы получила все, и умъ, и красоту, и доброе сердце; но, къ сожалѣнію, все это напрасно. Если оспа не совсѣмъ ее изуродовала, то по крайней мѣрѣ весьма попортила ея лицо; кожѣ необыкновенной бѣлизны и тонкости и чертамъ самымъ привлекательнымъ дала нѣкоторую грубость и выраженіе не совсѣмъ пріятное, оставивъ ей одни только прекрасные глаза. Дурное воспитаніе еще болѣе испортило ея нравъ и не дало природному уму ея развиться и украситься. Сей Веніаминъ женскаго пола былъ идоломъ покойнаго родителя; не отягченный еще, но уже побѣжденный лѣтами, онъ не могъ сохранить съ нею притворнаго равнодушія, которое показывалъ старшимъ дѣтямъ; вся нѣжность отца, усиленная продолжительнымъ воздержаніемъ отъ ея изъявленія, излилась на малютку, послѣдній плодъ счастливаго его супружества. Ея появленіе всякій разъ рождало улыбку на устахъ его, при ней терялъ онъ обычную свою важность; чадолюбивѣйшая изъ матерей не хотѣла или не смѣла показать ей малѣйшей строгости; старшіе братья и сестры тѣшились ею какъ куклой, а одинъ изъ нихъ, отличающійся нѣкоторою суровостію въ характерѣ, позволялъ ей все съ собою; наконецъ, и мнѣ, который въ ребячествѣ имѣлъ наклонность къ постыднымъ порокамъ зависти и ревности, ни минуту не приходило на сердце ей позавидо-

вать, и мы по близости лѣтъ чрезвычайно другъ друга любили. Все позволялось ей, всѣ ея прихоти исполнялись; долго не рѣшались занимать ее ученіемъ, а когда и принялись за то, никто не смѣлъ ее приневоливать; однимъ словомъ, это было самое избалованное дитя, и если Веніаминъ не сдѣлался, наконецъ, Митрофанушкой въ юбкѣ, то его спасли единственно хорошіе примѣры въ семействѣ, а можетъ быть и счастливые дары природы.

Коротко познакомивъ читателей со всѣмъ моимъ семействомъ, мнѣ предстоитъ теперь обязанность доставить имъ новыя знакомства съ посторонними лицами и приступить къ описанію совсѣмъ новой эпохи въ моей жизни.

X.

Кому изъ пожилыхъ нынѣ людей не памятенъ роковой 1796 годъ? Великія народныя бѣдствія постигли Россію въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины; на Югѣ война пылала съ Турціей, Польша волновалась и угрожала опасностію ея западнымъ границамъ, всѣ ея юго-восточныя области кипѣли ужаснымъ Пугачевскимъ бунтомъ, и моровая язва, опустошивъ южные предѣлы, проникла въ самое сердце ея, Москву. Твердостію, счастіемъ и мудрыми выборами Екатерины зло физическое и нравственное было вездѣ побѣждено, когда Румянцовъ предписывалъ Туркамъ условія мира, Бибиковы, Панины, Суворовы укрощали мятежъ, а Еропкины и Орловы спасали древнюю столицу. Бѣдствія миновались, и наступила для Россіи славная тишина, какой нельзя дотолѣ найти во всѣхъ ея лѣтописяхъ. Тишина не есть однакоже бездѣйствіе: спокойствіе, коимъ болѣе двадцати лѣтъ наслаждалась Россія при Екатеринѣ, можно уподобить лѣтнему зною, когда въ молчаніи поля и лѣсъ, люди и стада ищутъ прохлады, а силою великаго свѣтила зрѣютъ жатва и плоды.

Въ сіи двадцать слишкомъ лѣтъ быстро, хотя сначала едва примѣтно, естественно и непринужденно, просвѣщеніе разливалось по всѣмъ отраслямъ управленія, проникало въ цѣлый составъ народный. Подъ государственное зданіе, наскоро, нетерпѣливою, насильственною рукою Петра Великаго воздвигнутое, подведенъ прочный фундаментъ, котораго оно не имѣло; грубый чертежъ его во многомъ измѣнился, и въ сей передѣлкѣ, приспособленной къ нашему народному быту, соблюдены стройность и пріятность формъ. Народный духъ, болѣе пятидесяти лѣтъ подавляемый сначала Петромъ, а послѣ него Меншиковымъ и Бирономъ, воспрянулъ уже при Елисаветѣ; но въ немъ была замѣтна не столько привязанность къ достоинству Русскаго имени, сколько къ предразсудкамъ, къ варварскимъ обычаямъ старины. Пер-

выя искры національнаго самолюбія, просвѣщеннаго патріотизма показались при Екатеринѣ; при ней родились и вкусъ, и общее мнѣніе, и первыя понятія о чести, о личной свободѣ, о власти законовъ.

Пустоши, необитаемыя степи покрылись при ней селеніями; мало извѣстныя селенія обратились въ многолюдные, губернскіе города, и зацвѣли торговлей и общежитіемъ. Она никого не принуждала, но во всѣхъ умѣла возбуждать желаніе учиться, и Русскіе, какъ будто бы слѣдуя собственному внушенію, стремились сравняться съ народами, многими вѣками въ образованіи ихъ опередившими. Все шло какъ бы само собою, и очарованная ею Россія, упоенная славой, пресыщенная завоеваніями, предавалась какому-то сладкому забвенію, отъ котораго только по временамъ столь же пріятно была пробуждаема громомъ заграничныхъ нашихъ побѣдъ.

Говорятъ, что ея придворные, какъ и вездѣ, пресмыкались, завидовали и клеветали, пристально вглядывались въ царскія слабости, старались угождать имъ и въ тоже время нескромными рѣчами старались поносить ихъ. Но въ дали солнце Россіи являлось намъ во всемъ своемъ блескѣ. Державинъ пѣлъ его, Суворовъ ему служилъ, мы согрѣвались его лучами, мы озарялись его свѣтомъ. Мы блаженствовали, мы ликовали, мы все болѣе и болѣе предавались врожденной намъ безпечности, забывая о прошедшемъ, не думая о будущемъ, какъ будто бы безсмертная дѣлами была также безсмертна и тѣломъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 года ужасная вѣсть о ея внезапной кончинѣ прервала плѣнительный сонъ, въ который погружена была вся Россія. День именинъ моихъ съ покойнымъ отцомъ, 14-го Ноября, былъ днемъ торжественнымъ для нашего семейства и праздникомъ для цѣлаго города. Въ этотъ день съ ранняго утра до обѣденнаго времени посѣтители и даже посѣтительницы являлись безпрестанно съ поздравленіями; между тѣмъ во всѣхъ комнатахъ накрывались столы, за которые тѣсно садились потомъ духовные, воинскіе и гражданскіе чиновники и нѣсколько почетнѣйшихъ Кіевскихъ купцовъ; это былъ, какъ говорилось, пиръ про весь міръ. Лишь только исчезали столы, какъ начинали съѣзжаться на вечеръ и далеко за полночь веселились: самый пріятный и утомительный для насъ день.

Онъ взошелъ какъ обыкновенно: домъ нашъ наполнился всякаго званія людьми; со всѣхъ сторонъ доброжелательныя лица и нельстивыя уста привѣтствовали добраго, всѣми любимаго хозяина и его семейство. Сѣли за обѣдъ, и къ концу его, радость, кажется, болѣе нежели когда-либо блистала на всѣхъ лицахъ и изливалась въ шумныхъ не складныхъ рѣчахъ. Вотъ уже встали изъ-за стола, уже наступилъ вечеръ, и молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала первыхъ ударовъ смычка,

какъ вдругъ вызвали губернатора Милашевича, а за нимъ и отца моего, и чрезъ нѣсколько минутъ они воротились съ видомъ мрачнымъ и безпокойнымъ. Немногіе это замѣтили; но, спустя полчаса, отецъ мой объявилъ, что музыканты отосланы и пляски не будетъ. Старыя барыни приступили къ нему съ убѣжденіями и съ требованіемъ отмѣнить сей безчеловѣчный приговоръ, молоденькія дѣвицы взорами молили его о томъ же; онъ остался непреклоненъ; одна мать моя, которая знала, что онъ никогда не дѣйствовалъ по капризамъ и подозрѣвала важную тайну, была сильно встревожена. Вечеръ прошелъ довольно скучно, и всѣ рано разъѣхались по домамъ.

На другой день поутру весь городъ узналъ ужасную тайну. Проѣхавшій наканунѣ изъ Петербурга курьеръ къ фельдмаршалу графу Румянцову, генералъ-губернатору Малороссіи, съ подорожной, на которой было выставлено имя Павла Перваго, былъ остановленъ на почтѣ и проведенъ къ губернатору, который тогда находился у отца моего, и они оба узнали отъ него нѣкоторыя подробности о кончинѣ Екатерины Второй, которыхъ никому не спѣшили сообщить. Ночью пріѣхалъ другой курьеръ съ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Павла.

Какъ описать видѣнное мною? Я помню всеобщее оцѣпенѣніе; я помню, какъ сквозь слезы поздравляли другъ друга съ новымъ государемъ; помню изъявленіе надежды, что онъ будетъ милосердъ къ своимъ подданнымъ, тогда какъ печальные взоры говорили всѣмъ противное. Молва заносила къ намъ вѣсти о его раздражительномъ и слабомъ характерѣ, по коему онъ невольно покорялся той, предъ коею всѣ смирялись; намъ разсказывали о его странностяхъ, о его мрачномъ житьѣ въ Гатчинѣ, среди лѣса и болотъ, въ семъ Минтурнѣ *), гдѣ онъ помышлялъ о мести. Многіе видѣли въ немъ жертву, но жертву озлобленную, и при имени его чувство состраданія сливалось съ какимъ-то тайнымъ ужасомъ. Онъ явился на тронѣ, и Россія въ безмолвіи, съ благоговѣніемъ и трепетомъ преклонила колѣна предъ сыномъ Екатерины и правнукомъ Петра.

Первыя извѣстія, полученныя потомъ изъ Петербурга, многихъ обрадовали: щедроты лились рѣкою. Но благоразумные люди разсчитывали, что если такъ продлится, то наружные знаки отличія потеряютъ всю цѣну, а раздача денегъ и деревень скоро истощитъ государство; впрочемъ, они приписывали сіе избытку радости при достиженіи давно желаемаго вѣнца.

---

*) Минтурнъ—городъ въ древнемъ Лаціумѣ, гдѣ скрывался изгнанный Марій. П. Б.

Вскорѣ потомъ другія извѣстія, быстро одно за другимъ приходящія, всѣхъ изумили. Явно преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому государю. Какъ святой Реми завоевателю Клодовигу, казалось, онъ говорилъ Русскому народу: жги что̀ ты боготворилъ и боготвори что̀ ты жогъ. Минерва въ баснословіи не имѣла матери, а сыну Минервы можно было бы забыть, что онъ имѣлъ отца.

Всѣ окружавшіе Петра III были призваны ко двору и осыпаны милостями. Вѣроятно, въ спискѣ не столь важныхъ лицъ при немъ находившихся, нашлось и имя отца моего; такъ должно полагать: ибо, безъ всякаго представленія, безъ всякой извѣстной причины, вдругъ получилъ онъ милостивый рескриптъ отъ царя и на шею Анненскій крестъ, огромную бляху, составленную изъ красныхъ и бѣлыхъ стеколъ, изображающихъ яхонты и алмазы. Награда нынѣ маловажная, даже обидная для генерала, но въ первые мѣсяцы царствованія Павла она почиталась лестною; отмѣнивъ раздачу орденовъ, учрежденныхъ Екатериною, Георгіевскаго и Владимирскаго, онъ хотѣлъ замѣнить ихъ своимъ наслѣдственнымъ Голштинскимъ и для того раздѣлилъ его на три степени, почитая вторую наравнѣ съ второю степенью Владимирскаго ордена. Получивъ крестъ отъ сына Петра III и въ память его, отецъ мой надѣлъ оный съ растроганнымъ сердцемъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Екатерины, 6 Декабря, скончался близъ Кіева одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея полководцевъ, Румянцовъ-Задунайскій. Онъ съ давняго времени жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ташани, во ста верстахъ отъ Кіева, и оттуда управлялъ Малороссіей, то-есть имѣлъ главное наблюденіе надъ ходомъ въ ней дѣлъ, но все время нашего тамъ пребыванія ни разу не посѣтилъ Кіева. Заслуженные воины, поклонники отечественной воинской славы, съ разныхъ сторонъ стекались къ нему какъ на богомолье. Изъ подчиненныхъ его отецъ мой, имъ особенно любимый, раза два или три въ годъ посѣщалъ его и гостилъ у него по недѣлѣ. Преданный ему душею, онъ не безъ сожалѣнія видѣлъ, что благорасположеніе его раздѣляетъ онъ съ княземъ Дашковымъ, и сіе, можетъ быть, умножило его отвращеніе къ сему человѣку. Графъ Румянцовъ воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ при Аннѣ Ивановнѣ, слѣдственно тогда еще былъ напитанъ Германскимъ духомъ; подъ начальствомъ графа Фермора сражался съ великимъ Фридерикомъ и, среди самыхъ побѣдъ нашихъ надъ вѣнчаннымъ полководцемъ, дивился его искусству и генію; въ послѣдствіи имѣлъ случай узнать его лично и безъ восторга не могъ

выѣзжалъ и которая потомъ болѣе шести лѣтъ [illegible] я толпы для прогулокъ. [illegible]; иные

Хвалясь вниманіемъ Румянцова къ покойному [illegible] пра- забылъ похвастаться ласками къ нему Суворова. Это еще было, на [illegible]въ. Кубани, гдѣ Суворовъ сражался съ горцами и жилъ съ молодою, добродушною женой, которую отмѣнно тогда любилъ. Она была красавица въ Русскомъ вкусѣ, бѣла, румяна и полна, ума не высокаго, съ воспитаніемъ стариннымъ. Въ Таганрогѣ и Черкасскѣ, среди тогдашнихъ казачекъ, пріятно было встрѣтиться Русскимъ барынямъ, и она очень сдружилась съ моею матерью. Самъ Суворовъ, навѣщая жену, очень полюбилъ ее, былъ съ нею чрезвычайно любезенъ и часто при ней геніально дурачился. Но съ тѣхъ поръ мои родители уже съ ними нигдѣ не встрѣчались.

Великій Суворовъ, Оденъ Русскаго воинства, вдругъ былъ отставленъ, какъ простой офицеръ и посланъ жить въ деревню. Не знаю, насильственная смерть герцога Ангіенскаго произвела ли во Франціи между роялистами тотъ ужасъ, коимъ сіе извѣстіе поразило всю Россію. Она содрогнулась. Симъ ударомъ, нанесеннымъ національной чести, властелинъ хотѣлъ какъ будто показать, что ни заслуги, ни добродѣтели, ниже самая слава не могутъ спасти отъ его гнѣва, справедливаго или несправедливаго, коль скоро къ возбужденію его поданъ малѣйшій поводъ. Симъ не довольствуясь, по какому-то неосновательному подозрѣнію, онъ велѣлъ схватить всѣхъ адъютантовъ его, всю многочисленную его свиту, посадить въ Кіевской крѣпости, и бѣдный отецъ мой осужденъ былъ стеречь сподвижниковъ великаго человѣка!

Екатерина и Румянцовъ во гробѣ, Суворовъ за-живо похороненный, многіе вельможи, подпоры трона, опрокинутые слѣпымъ самовластіемъ, представляли картину разрушенія Россіи въ началѣ 1797 года. Скоро, скоро отъ прежняго, недавняго ея величія осталась одна только ея колоссальность, служащая подножіемъ маленькой фигурѣ, которая на ней кривлялась и топорщилась.

XI.

Перемѣны шли при Павлѣ съ неимовѣрною быстротой, болѣе еще чѣмъ при Петрѣ; онѣ совершались не годами, не мѣсяцами, а часами. Тридцать пять лѣтъ пріучали насъ почитать себя въ Европѣ; вдругъ мы переброшены въ самую глубину Азіи и должны трепетать передъ восточнымъ владыкою, одѣтымъ однакоже въ мундиръ Прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую Французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ. Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были

и оскорбили тогда ребяческое мое самолюбіе. Безчисленныя толпы гвардейскихъ сержантовъ и вахмистровъ потребованы на службу; иные оставлены въ гвардіи, другіе выпущены въ армію не болѣе какъ прапорщиками, а малолѣтные за неявкою исключены вовсе изъ полковъ. Нѣтъ нужды говорить, что я попалъ въ число послѣднихъ.

Но что̀ значитъ исправленіе мелкихъ злоупотребленій въ сравненіи со всеобщими, губительными распоряженіями, противными политикѣ и здравому разсудку? Начало сего несчастнаго 1797 года, между прочимъ, ознаменовано одною важною государственною ошибкой, коей зловредныя послѣдствія ощущаемъ мы и понынѣ. Сіе дѣло было для меня предметомъ постоянныхъ горестныхъ размышленій, и я позволю себѣ изложить его съ нѣкоторою подробностію.

Остзейскія провинціи были нѣкогда достояніемъ великаго Новгорода и Полоцкихъ князей. Онѣ были обитаемы тѣми же самыми малоумными, смирными, слабыми дикарями, которые нынѣ стонутъ подъ тяжкимъ игомъ жестокосердыхъ своихъ завоевателей, а прежде платили легкую дань своимъ добрымъ и сильнымъ сосѣдямъ. Не задолго до нашествія Татаръ и вторженій Литовскихъ, начали изъ-подтишка въ маломъ числѣ показываться монахи и рыцари на Ливонскихъ берегахъ и съ дозволенія безпечныхъ Новгородцевъ и Полочанъ строить за̀мки и кирки. Когда двѣ кровавыя тучи, одна послѣ другой, съ Востока и Запада, покрыли почти всю раздробленную Россію, тогда и наши Нѣмцы, усиленные прибытіемъ многочисленныхъ сподвижниковъ, начали расширяться на Сѣверѣ. Татары нагрянули, вломились; Нѣмцы же воспользовались гостепріимствомъ и засѣли, мечомъ начали крестить несчастныхъ Эстовъ и скоро захватили два Русскіе го̀рода, Юрьевъ и Ругодивъ, нынѣшніе Дерптъ и Нарву. Еслибы не могущество республикъ Новгородской и Псковской, они бы проникли во внутренность Россіи.

Итакъ хищные враги со всѣхъ сторонъ рвали на части и до того уже междоусобіями раздираемое наше отечество. Какъ оно не погибло, а возродилось, вознеслось, это чудо Провидѣнія, о которомъ здѣсь не мѣсто говорить. Лишь только установилось у насъ единодержавіе, лишь только справились съ Татарами, какъ тотчасъ хватились отнятаго у насъ Нѣмцами. Мужество Баторія не допустило грознаго царя удержать за собою завоеванную уже Ливонію. Безчеловѣчные же ея владѣтели, истребители ея тишины и свободы, давно уже утратили неукротимое мужество предковъ и утопали въ нѣгѣ, въ роскоши, въ развратѣ; тѣснимые сильными государствами, они должны были попеременно признавать надъ собою господство Польши, Даніи и Швеціи. Они принадлежали послѣдней, когда возгорѣлась война между Карломъ

XII и Петромъ Великимъ: перваго ненавидѣли они за отнятіе будто бы какихъ-то правъ, а послѣднему поддались бы неохотно. Правда, дѣло шло объ нихъ и за нихъ, но не съ ними; имъ оставалось ожидать, кому они достанутся.

По праву побѣды и завоеванія, по праву прежняго владѣнія и по Ништадскому трактату, не съ ними, а съ Шведскимъ правительствомъ заключенному, земли, ими захваченныя, возвращены опять Россіи. При сдачѣ одного города, Риги, были сдѣланы нѣкоторыя условія, и они увѣряютъ, будто на сихъ условіяхъ вся Ливонія добровольно покорилась Россійской державѣ. Петръ Великій, извѣстный по своему пристрастію ко всему Европейскому, обрадовался новымъ подданнымъ, просвѣщеннымъ, напудреннымъ и выбритымъ, и утвердилъ всѣ ихъ привиллегіи, вредныя, даже унизительныя для Россіи. Солиманъ, при взятіи Родоса и Англичане въ Мальтѣ не позаботились о правахъ существовавшаго еще ордена; а мы хотѣли показать великодушіе и учтивость хищникамъ нашей собственности. Всѣмъ извѣстно, какъ возблагодарили они насъ за то, сіи завоеванные наши тираны, во время Бирона, да и всякій разъ, когда случай къ тому представлялся. При Екатеринѣ Второй дѣла пошли иначе, сближеніе ихъ съ нами сдѣлалось возможнымъ; но смерть ея навсегда отдѣлила ихъ отъ насъ. Одна Нѣмка, коей поручила она воспитаніе своихъ внукъ, мадамъ Ливенъ, Шарлота Карловна, осыпанная ея милостями, не устыдилась сыну ея представить нѣкоторыя нововведенія, какъ посягательство на священнѣйшія права Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства. Не довольствуясь симъ, она успѣла увѣрить его, что и введеніе Русскаго языка и законовъ въ губерніяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши, есть вопіющее насиліе. Павлу Первому стоило указать на мнимыя несправедливости его матери, чтобы возбудить его къ противодѣйствію.

Не станемъ говорить о справедливости или несправедливости присоединенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи; тому, кто знаетъ хорошо Русскую исторію, разрѣшить вопросъ сей будетъ не трудно. Къ несчастію, Павелъ Первый зналъ ее плохо; онъ переписывался съ Лагарпомъ, который весьма исправно сообщалъ ему литературно-драматическія извѣстія, закулисные анекдоты, Парижскія сплетни; но едва ли зналъ наслѣдникъ Всероссійскій, кѣмъ и когда перенесена столица изъ Кіева во Владиміръ, кто первый у насъ возсталъ противъ Татаръ, какимъ образомъ и кѣмъ Москва освобождена отъ Поляковъ: имена мамзелей, хотя и не дѣвицъ, Лекуврёръ и Клеронъ ему были извѣстнѣе, чѣмъ имена Пожарскаго и Минина.

Жители разорванной на трое несчастной Польши покорялись судьбѣ, начинали привыкать къ новому порядку вещей, особенно же тѣ,

кои по раздѣлу поступили въ подданство къ Россіи. Они были присоединены къ народу Славянскому, не чужому; простой народъ въ томъ краю не переставалъ называть себя Русскимъ, двѣ трети его исповѣдывали Греко-Россійскую вѣру; а остальные, насильно вовлеченные въ латинство и унію, готовы были возвратиться въ нѣдра Православія. Дворянамъ не постыдно было промѣнять имя храбрыхъ Поляковъ на имя доблестныхъ Россіянъ, которое носили ихъ предки. Опредѣляя однихъ только коренныхъ Русскихъ на всѣ мѣста въ новыхъ губерніяхъ, употребляя Поляковъ въ арміи и внутри государства, такъ сказать, тасуя два народа, Екатерина изглаживала слѣды взаимной ихъ вражды. Ея преемникамъ оставалось только, слѣдуя по пути ею проложенному, собирать плоды ея мудрой системы. Примѣръ Смоленска, а еще болѣе Бѣлоруссіи, въ самое короткое время забывшей, что она принадлежала Польшѣ, показалъ на опытѣ, какъ легко и естественно сливаются Славянскія племена подъ однимъ управленіемъ. Какъ подживаетъ переломленный членъ, осторожно перевязанный искуснымъ врачемъ, такъ Украйна начинала было приростать къ Россіи. И вдругъ толчокъ, и пробужденіе усыпленной боли, и волненіе замысловъ, и несбыточныя надежды, и ветхій Литовскій статутъ! Я тогда не въ состояніи былъ чувствовать всю безпредѣльность зла, Россіи причиненнаго; но нынѣ сердце обливается кровію всякій разъ, что̀ вспомнишь, какъ безумно играли судьбами великаго народа.

Въ началѣ сего самаго 1797 года сдѣлано генеральное перемежеваніе губерній, то-есть весьма многія изъ нихъ упразднены и причислены къ сосѣднимъ, въ томъ числѣ и наша Пензенская; но для чего? Это одинъ Богъ знаетъ. Три Малороссійскія губерніи слились въ одну. Кіевъ отъ нихъ отдѣлился и сдѣлался главнымъ городомъ Брацлавской губерніи, наполненной Польскими помѣщиками. Вскорѣ потомъ изъ Дубно, мѣстечка Волынской губерніи, переведены въ него контракты, родъ дворянской биржи, на которую дворяне, въ извѣстное время года, съѣзжались для разнаго рода сдѣлокъ, покупки и продажи имѣній, отдачи капиталовъ въ займы и прочаго. Тутъ опять представляется вопросъ: для чего это? Не съ намѣреніемъ ли сблизить Поляковъ съ Русскими? Но какъ въ это царствованіе все дѣлалось безъ цѣли и по однимъ только прихотямъ, то и отвѣчать опять будетъ трудно.

Итакъ, я въ малолѣтствѣ своемъ сдѣлался свидѣтелемъ великой метаморфозы. Древняя столица великихъ князей Русскихъ, даже при Польскомъ правительствѣ сохранившая себя невредимою отъ Польскаго вліянія, вдругъ ополячилась. Въ продолженіи 1797 года число Русскихъ чиновниковъ и Малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ ней уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличивалось.

Но таковы были слѣдствія направленія, даннаго умамъ въ предшествовавшее царствованіе, что они не только не чуждались общества Русскихъ, но сами искали его, были ласковы до униженія, чтобы не сказать до подлости и даже, какъ умѣли, старались говорить по-русски. О Екатеринѣ говорили съ почтеніемъ и съ восторгомъ о ея сынѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ. Не знаю, ненависть ли къ памяти Екатерины, или безразсудство, въ которомъ ихъ обвиняютъ, рождали ихъ симпатію къ сему царю; но они его дѣйствительно любили. Странное однакоже дѣло: они при немъ не смѣли питать тѣхъ надеждъ, кои съ такою силою обнаруживали при его преемникѣ. Можетъ быть, они чувствовали, что съ нимъ невозможно ни на чтб положиться и что въ иную минуту ему могло бы вздуматься заставить ихъ перемѣнить вѣру: отъ него все бы сталось.

Немного времени спустя послѣ коронаціи императора Павла, не смотря на траурный годъ, начались у насъ въ Кіевѣ потѣхи и празднества. Начальники губерній, сбросивъ трауръ, заботясь объ увеселеніяхъ, дѣлали сіе конечно въ угожденіе царю. Въ одной изъ крытыхъ аллей прекраснаго дворцоваго сада настлали гладкій полъ и надъ нимъ изъ двухъ или трехъ палатокъ сдѣлали наметъ. Въ сей крытой галлереѣ новаго рода, ярко освѣщенной, танцовали два раза въ недѣлю; право входа имѣли въ нее всѣ безъ исключенія, начиная отъ высшихъ классовъ до порядочно одѣтыхъ людей. Сверхъ того всякую недѣлю былъ балъ у военнаго губернатора графа Салтыкова; онъ жилъ тогда въ построенномъ давно, но дотолѣ никѣмъ не обитаемомъ, обширномъ деревянномъ домѣ графа Разумовскаго, который, такъ-сказать, висѣлъ надъ стремниной и изъ коего были чудесные виды за Днѣпръ. Домъ сей казался волшебнымъ, когда, въ лѣтнюю, темную ночь полуденнаго края, онъ блисталъ огнями; сверхъ того, въ царскіе дни были маленькіе фейерверки, иллюминація, и иногда спускались небольшіе воздушные шары; однимъ словомъ, всѣхъ насильно хотѣли заставить веселиться.

Тутъ въ первый разъ увидѣли мы привлекательныхъ Полекъ; онѣ отличались не столько еще красотой и любезностію ума, сколько ловкостію и смѣлостію. Ихъ самонадѣянность, ихъ ласковое, веселое, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько насмѣшливое обхожденіе приводило въ смятеніе нашихъ добрыхъ барынь и барышень; отъ разговоровъ ихъ онѣ часто должны были краснѣть. Чтд касается до меня, то мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу женщинъ. Онѣ къ намъ въ домъ очень часто начали ѣздить; я не зналъ кого предпочесть, которую изъ двухъ Залѣсскихъ, панью ли Гурковскую, или Росцишевскую, или Пупертову? Наше Кіевское общество составляло одно семейство;

и взрослыя, и молодыя дѣвицы, какъ будто видя во мнѣ маленькаго брата, обходились со мной какъ съ мальчикомъ. А эти милыя Польки, онѣ шутили, рѣзвились со мной, щипали меня, и даже съ ребенкомъ не забывали кокетствовать.

Между сими Польками были тогда двѣ старухи, довольно замѣчательныя. Одна изъ нихъ была вдовствующая княгиня Яблоновская, урожденная княжна Корибутъ-Воронецкая, женщина лѣтъ шестидесяти, довольно добрая, не надменная, но тщеславная, не столько глупая, сколько помѣшанная. Двѣ знатныя фамиліи, къ которымъ она принадлежала, были въ родствѣ съ Чарторыйскими и Радзивилами, кои, какъ извѣстно, породнились съ домами Прусскимъ и Виртембергскимъ; она была въ свойствѣ съ Понятовскимъ, который сидѣлъ на Польскомъ тронѣ, и съ Понинскими, изъ коихъ одна была за Курляндскимъ герцогомъ. Все это вскружило голову ея покойному супругу; онъ возмечталъ, что самъ онъ царь, и промотался на милостяхъ къ своимъ подданнымъ. Поврежденіе ума его привилось и къ ней; въ небольшомъ помѣстьѣ Стебловѣ, какъ-то уцѣлѣвшемъ, въ ветхомъ, не весьма обширномъ домѣ, который величала она зáмкомъ и палацомъ, сидѣла она, окруженная портретами родственниковъ своихъ, императоровъ и королей; дворню свою называла дворомъ, имѣла нѣсколько голодныхъ фрейлинъ, пановъ-служонцевъ, а изъ мелкой, дробной шляхты ей не трудно было набрать маршалковъ и шталмейстеровъ; когда же посѣщала сосѣдей, то два казака съ пиками должны были всегда передъ ней ѣхать верхомъ *). Визитныя ея карточки были огромныя панкарты, на которыхъ былъ напечатанъ весь ея титулъ, кастелянша такая-то и такая-то, кавалерша Австрійскаго ордена звѣзднаго креста (dame de la croix étoilée) и владѣтельница города Стеблова. Впрочемъ, она была очень тиха и благосклонна, особливо когда ей говорили о знаменитыхъ ея связяхъ и тѣшили титуломъ свѣтлости. Такія затѣи и такихъ чудаковъ случалось мнѣ послѣ видѣть и внутри Россіи.

Оригинальность другой старухи, также княгини, была инаго рода. Богъ знаетъ какимъ образомъ, однофамильцы или родственники несчастнаго царя Василія Ивановича Шуйскаго остались въ Польшѣ и вступили въ ея подданство; можетъ быть, кто-нибудь и присвоилъ себѣ самовольно сіе униженное имя, никѣмъ не оспариваемое, судьбою гонимое. Какъ бы то ни было, но послѣдній, который носилъ его, жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ясногородкѣ, въ бывшемъ Кіевскомъ воеводствѣ.

*) Сей обычай соблюдается и понынѣ между Польскими помѣщиками въ Украйнѣ. Его бы слѣдовало строго отмѣнить, ибо онъ напоминаетъ давно уже не существующее Польское тиранское владычество надъ храбрымъ народомъ Русскаго племени.

Вдова его слыла вѣкогда красавицей, жила долго и никогда этого не могла забыть. Не знаю какихъ лѣтъ была она, когда мы ее увидѣли, но на взглядъ ей казалось болѣе семидесяти. Какъ бы описать ее? Это былъ вѣнчанный розами изсохшій трупъ, въ которомъ, однакоже, замѣтны еще были признаки жизни; сухощавая, сгорбленная, вся дрожащая старушка, одѣтая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка, предметъ ужаса, состраданія и смѣха. Румяны и бѣлила съ нея сыпались; но она была мрачна, угрюма, и въ очахъ ея впадшихъ неподвижные взоры горѣли какимъ-то страшнымъ жаромъ. Любовь оспаривала у смерти сію жертву, но торжество послѣдней казалось весьма близкимъ. Любопытно было видѣть этотъ мосолъ подлѣ жирной Шардонши; обѣ съ удовольствіемъ говорили объ любви, но для послѣдней была она только веселымъ воспоминаніемъ, а для первой серьезнымъ, вседневнымъ упражненіемъ; и не удивительно: у одной было тощее тѣло, у другой былъ тощій карманъ. Три или четыре Поляка, красивые атлеты, записные обожатели княгини Шуйской, безъ стыда и ревности всюду ее сопровождали; надобно признаться, что въ семъ случаѣ наши Русскіе уступали въ храбрости Полякамъ: ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ вступить въ ея свиту.

У нея было двѣ дочери, изъ коихъ старшая была прекрасна собою, а меньшая весьма не дурна. Въ сію послѣднюю влюбился старшій братъ мой, и дѣло шло на ладъ; но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, да и мать моя, которая въ обществѣ любила видѣть Полекъ, всегда страшилась видѣть ихъ своими невѣстками. Однакоже дурной примѣръ и дурное воспитаніе, видно, не подѣйствовали на этихъ княженъ: обѣ, какъ говорятъ, въ послѣдствіи подавали собою примѣръ цѣломудрія и кротости *).

Изъ Русскихъ домовъ, ни въ одномъ столько Поляковъ не собиралось какъ у насъ; учтивость и образованность хозяина, врожденная любезность и умное добродушіе хозяйки, мѣсто, которое отецъ мой занималъ и что-то гостепріимное, которымъ все у насъ дышало, привлекали ихъ къ намъ. Я часто видѣлъ настоящихъ или такъ-называемыхъ графовъ Чацкаго, Ржевускаго, Грохольскаго, Дульскаго, Олизара и многихъ другихъ, людей отмѣнно вѣжливыхъ, хорошаго тона, остатки лучшаго Варшавскаго общества. Нужно ли повторять здѣсь, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи? Отечество за отечество, они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнули въ дугу.

*) Старшая была замужемъ за Русскимъ полковникомъ Марченкой. Оставшійся [illegible] одинъ изъ Петербургскихъ гостиныхъ блисталъ свѣжестью лица и [illegible] и, кажется, болѣе [illegible].

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать здѣсь нѣсколько словъ о Полякахъ вообще, тѣмъ болѣе, что мнѣ не скоро придется опять говорить объ нихъ. При описаніи событій настоящаго времени, я долженъ буду представить ихъ, какъ народъ совсѣмъ другой; ибо разныя происшествія, для нихъ благопріятныя или пагубныя, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ имѣли вліяніе на судьбу ихъ, во многомъ измѣнили ихъ характеръ. Итакъ я позволяю себѣ теперь объяснить мысли мои о прежнихъ Полякахъ.

Славянскія племена, основавшіяся на Сѣверо-востокѣ Европы, въ странахъ почти неизвѣстныхъ, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ слились въ одинъ могущественный народъ, который назывался Русскимъ. Другія племена Славянскія, подвигавшіяся на Западъ, раздробились на мелкія княжества; иныя изъ нихъ втѣснились въ самое сердце Германіи, но встрѣтившись съ силою оружія Карла Великаго, а потомъ императора Оттона, не только были побѣждены, но и вошли въ составъ народовъ Германскихъ. Между сими западными и сѣверо-восточными Славянами образовалось не весьма обширное государство и отъ тѣхъ и отъ другихъ начало отдѣльно существовать. Поляки, не смотря на слабость силъ своихъ, какъ всѣ единоплеменные имъ народы, властолюбивые, храбрые, даже дерзкіе, не хотѣли признать передъ собою первенства безконечной, бездонной Россіи и не устрашились вступить въ опасное для нихъ соперничество. Рѣдко побѣдители, часто, весьма часто побѣждаемые, они избѣгнули завоеванія, благодаря кровавымъ междоусобіямъ князей, слѣдствіямъ пагубной удѣльной системы; но еще болѣе они симъ были обязаны для самихъ Русскихъ непонятному, тайному влеченію на Югъ, куда стремились они за славою, за золотомъ и гдѣ обрѣли они лучшее сокровище: сохранившій ихъ въ бѣдствіяхъ спасительный свѣтъ христіанской вѣры.

Симъ свѣтомъ озарились Русскіе и Поляки почти въ одно и тоже время; но первые приняли Греко-восточную вѣру, послѣдніе Латинскую. Несогласія двухъ церквей умножили несогласія двухъ народовъ; они приняли направленія совсѣмъ противоположныя, и препятствія къ ихъ соединенію сдѣлались неодолимы. Когда внезапно гнѣвъ Божій наложилъ на Русскій народъ ярмо Татарское, тогда Польша начала добровольно налагать на себя иго западныхъ народовъ; сосѣдство съ Нѣмцами, зависимость отъ папы, а болѣе всего прельщенія Франціи развратили нравы ея жителей, испортили ихъ языкъ и породили безчисленные безпорядки, коихъ она не преставала быть жертвою.

Посреди двухвѣковыхъ жестокихъ испытаній, Русскіе сохранили нравы и обычаи предковъ, утвердились въ любви къ отечеству, научились терпѣнію, не переставали презирать хищныхъ своихъ властите-

лей, гнушаться ихъ вѣрою и, какъ драгоцѣнный металлъ, вышли чисты изъ горнила плѣна Монгольскаго. А бѣдная Польша! Все болѣе и болѣе предавалась она обычаямъ Запада, принимала къ себѣ феодальныя, готическія учрежденія, совсѣмъ не сродныя Славянскимъ племенамъ, сначала лишилась Силезіи, а потомъ Нѣмецкій орденъ отрѣзалъ ее отъ моря. Скоро, подобно Богеміи, превратилась бы она въ Нѣмецкое курфиршество, и существованіе ея, какъ независимаго государства, должно было прекратиться; но брачный союзъ католички Ядвиги съ язычникомъ Ягелло перемѣнилъ судьбу ея, и варвары. Литовцы дали ей новую жизнь, новыя силы.

Симъ возрожденіемъ воспользовался одинъ только духовный Римъ; въ послѣдствіи оно сдѣлалось вредно для Россіи, а для Польши было безполезно. Правда, распространивъ въ Литвѣ Римско-католическую вѣру, она взяла въ ней перевѣсъ, начала въ ней преобладать и, такъ сказать, всосала ее наконецъ въ себя со всѣми ея обширными, блестящими завоеваніями. Но что значитъ распространеніе предѣловъ государства, когда въ немъ теряется духъ народности? Бѣдная Польша! Изгнанные отовсюду Жиды стеклись въ нее и обратили ее въ помойную яму Европы. Сіи вѣчные враги рода христіанскаго стали между господами и ихъ вассалами, первымъ облегчили средства къ полученію и умноженію доходовъ и тѣмъ умножили склонность къ расточительности, послѣднихъ изнурили до невозможности поборами; развращали и разоряли тѣхъ и другихъ. Бравши все на откупъ, они вездѣ истребили вкусъ къ домашнему и сельскому хозяйству. Высшіе классы предались отъ того праздности, а бѣдный простой народъ доведенъ ими до безнадежности, до безчувственности, до истуканства, почти до состоянія скотовъ.

Потомъ начали на Польскомъ тронѣ являться Француженки *). Ихъ вліяніе на судьбу Польши было самое пагубное. Онѣ взялись образовать въ ней прекрасный полъ и совершенно въ томъ успѣли. Жены и дѣвы Славянскія славились дотолѣ своею непорочностію, набожностію, трогательною покорностію ко власти родителей и супружеской; отъ сего тяжкаго ига избавили ихъ Француженки: онѣ сдѣлали болѣе, онѣ научили ихъ распалять страсти въ мущинахъ, возбуждать въ нихъ и месть, и злобу, однимъ словомъ, научили ихъ надъ ними властвовать. Сдѣлавшись честолюбивыми, алчными, ничѣмъ не удержи-

---

*) Марія де-Гонзагъ де-Неверъ была замужемъ за послѣднимъ Владиславомъ и потомъ вышла за роднаго брата его, къ тому же кардинала, Яна Казиміра, который отрекся отъ духовнаго званія и сдѣлался королемъ. Дѣвица д'Аркіенъ была женою Іоанна Собѣскаго. Въ числѣ Польскихъ королевъ не надобно забывать и женоподобнаго Генриха

ваемыя, ни страхомъ Божіимъ, ни законами человѣческими, могли ли Польки не забыть обязанностей супругъ и матерей? Бракъ, ими безпрестанно разрываемый, потерялъ всю святость свою и обратился въ законное наложничество; онѣ сами превратились въ очаровательныхъ Цирцей; какая-то волшебная сила заступила въ нихъ мѣсто силы небесной, коею прежде они были одарены, и тогда-то въ Польшѣ, говоря словами незабвеннаго, вѣчно-милаго поэта нашего, прекрасный полъ

. . . . . утратилъ навсегда
Стройность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Но что́ же дѣлали тогда мущины? Какими глазами смотрѣли они на сей ужасный переворотъ? Ихъ также Француженки увѣрили, что ревность постыдный порокъ, свойственный однимъ только варварамъ, что въ просвѣщенныхъ земляхъ женщины должны быть свободны какъ воздухъ, какъ солнечный свѣтъ, что ими составляются, поддерживаются и украшаются общества, что малѣйшая прихоть ихъ должна быть закономъ для мущинъ и что сіи послѣдніе одними угожденіями могутъ имъ быть любезны. Вотъ наши Поляки принялись посвоему рыцарствовать, пить Венгерское вино изъ женскихъ башмаковъ и отечество свое обратили въ царство женщинъ и пародію Франціи.

Къ умноженію золъ и безпорядковъ, нагрянули іезуиты и съ извѣстною ихъ хитростію овладѣли умами. На праздность, расточительность, тщеславіе, легкомысліе Поляковъ смотрѣли они снисходительнымъ окомъ; ничего отъ нихъ не требовали, кромѣ слѣпаго повиновенія Римской власти; главный догматъ ихъ, что нѣтъ преступленія, которое бы не могло быть отпущено католику, и нѣтъ добродѣтельной жизни, которая бы могла спасти еретика, сдѣлалъ богатыхъ Поляковъ совершенно необузданными. Я не хочу входить въ разсмотрѣніе чудовищнаго образованія Польши, королевства и республики въ одно время, и многихъ другихъ разрушительныхъ причинъ, но скажу только: могло ли ожидать славной будущности государство, коимъ управляли женщины, іезуиты и Жиды, то-есть, страсти, обманъ и корысть? Горьки были для Польши плоды Европейскаго образованія!

Когда всѣ язвы сіи не глубоко еще проникли въ цѣлый составъ Польши, она встрѣтилась опять съ сестрой своею, сосѣдкой-соперницей. Но она предстала ей не въ прежнемъ уже видѣ малолюднаго княжества, хранимаго только одною отвагою своихъ жителей; она явилась ей могущею, грозною, обогащенною ея же безчисленными потерями. Поюнѣвшая же, изъ пепла, какъ фениксъ, возникшая Россія была также сильна своею новою молодостію и въ тоже время опытомъ,

гихъ городахъ вновь пріобрѣтеннаго края. По крайней мѣрѣ съ этой стороны твореніе Екатерины еще не начинало разрушаться, ея духомъ еще исполнена была Россія, и государственныя лица, совѣтники царскіе въ дѣлахъ политическихъ, все еще шли путемъ, ею начертаннымъ.

XII.

На преобразованіе войска было обращено главнѣйшее вниманіе императора. Подобно отцу, онъ былъ страстенъ къ фронту и всегда восхищался порядкомъ и устройствомъ, кои видѣлъ въ Прусской арміи. Въ послѣднее время Екатерины дисциплина дѣйствительно нѣсколько ослабѣла въ нашемъ войскѣ, но ее можно было возстановить менѣе крутыми средствами; я даже не знаю, необходима ли она столько для Русскихъ воиновъ, сколько для Нѣмцовъ.

Названія армій, корпусовъ и бригадъ не существовали первые два года при Павлѣ Первомъ. Была одна только армія безъ главнокомандующаго, раздѣленная на двѣнадцать дивизій, и каждая изъ нихъ имѣла по два инспектора, одного по пѣхотѣ и артилеріи, а другаго— по кавалеріи. Такимъ образомъ генералы остались бы безъ занятія, еслибы каждому изъ нихъ не дано было по полку съ названіемъ шефа. Все это я очень помню, ибо жилъ тогда въ крѣпости и мечталь только о военной службѣ.

Изъ инвалидныхъ, болѣе чѣмъ гарнизонныхъ, Кіевскихъ батальоновъ, велѣно вдругъ составить гарнизонный полкъ, совсѣмъ на полевой ногѣ. Всѣ старые изувѣченные солдаты отосланы въ инвалидныя команды и замѣнены новонабранными рекрутами. Отецъ мой, который былъ шефомъ этого полка и который долженъ былъ отвыкнуть отъ фронтовой службы, но который нѣкогда былъ кадетскимъ офицеромъ Петра III, вспомнилъ молодость и сдѣлалъ чудеса. Несмотря даже на недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ, черезъ три мѣсяця полкъ его ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ старымъ линейнымъ полкамъ. Это было доведено до свѣдѣнія императора, и онъ не замедлилъ наградить его чиномъ генералъ-лейтенанта, который, впрочемъ, ему слѣдовалъ и по старшинству.

Чтобъ удостовѣриться въ успѣхахъ предпринятаго имъ военнаго преобразованія, сверхъ инспекторовъ, находившихся при каждой дивизіи, Павелъ Первый разсылалъ еще инспектовать полки приближенныхъ своихъ, такъ-называемыхъ Гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники. Это были по большей части лю[illegible]ые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные [illegible] за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди

находили убѣжище въ Гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ Гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастіе имъ также улыбнулось, они закипѣли местію: разъѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили. Изъ сихъ злодѣевъ болѣе всѣхъ былъ извѣстенъ своею лютостію одинъ бѣглый Прусскій гусаръ, именемъ Линденеръ, котораго Павелъ произвелъ въ генералы. Въ кавалерійскихъ полкахъ долго помнили его имя; онъ сотнями считалъ людей, коихъ удалось ему погубить; наконецъ дошло до того, что, несмотря на покровительство императора, преслѣдуемый общею ненавистію, онъ долженъ былъ оставить службу и куда-то скрылся. У насъ былъ свой терроризмъ.

Войска, въ Кіевской губерніи расположенныя, были счастливѣе другихъ. Узнали, что пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Баратынскій *), о которомъ дотолѣ не слыхивали. Всѣ вздрогнули, всѣ ожидали видѣть людоѣда; тѣмъ пріятнѣе всѣ были изумлены, когда узнали сего почтеннаго, тогда еще довольно молодаго человѣка, благонамѣреннаго, ласковаго, съ столь же пріятными формами лица, какъ и обхожденія. Казалось, онъ пріѣхалъ не столько осматривать полки, сколько учить ихъ по новому уставу, и онъ дѣлалъ сіе съ чрезвычайнымъ усердіемъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, какъ будто обязанный наравнѣ съ ихъ начальниками отвѣчать за ихъ исправность. Онъ охотно разговаривалъ о своемъ государѣ и благодѣтелѣ, увѣряя всѣхъ въ извѣстной ему добротѣ его сердца, стараясь всѣхъ успокоить на счетъ ужасовъ его гнѣва и чуть-чуть было не заставилъ полюбить его.

Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ инспекторъ, другой Гатчинецъ, молодой Измайловскій полковникъ Малютинъ: новый страхъ, новое успокоеніе. Этотъ Малютинъ былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его

---

*) Отецъ извѣстнаго поэта Баратынскаго. Онъ не долго оставался въ милости; вскорѣ узнали въ Кіевѣ съ прискорбіемъ, что онъ отставленъ отъ службы и едва ли не сосланъ въ деревню.

къ щегольству, порокъ непростительный въ глазахъ Павла Перваго, такъ какъ цинизмъ казался ему почти добродѣтелью.

Въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ Малютинъ дѣлалъ смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій. Его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки, Нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе Русскимъ. Онъ не скрывалъ, сколь тяжко ему *поникнуть лавровой главой* почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому; но Малютинъ не былъ, видно, потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена.

Послѣ такого героя, отцу моему уже не стыдно было представить новый полкъ свой на смотръ г. Малютину. Мнѣ въ первый разъ случилось тутъ увидѣть покойнаго отца передъ фронтомъ. Я не могъ имъ налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лѣтъ, но всѣмъ кто тутъ былъ показался онъ двадцатью годами моложе. Самъ Малютинъ удостоилъ его величайшихъ похвалъ.

Мимоходомъ сказалъ я нѣсколько словъ о графѣ Ферзенѣ. Я никакъ не могу симъ ограничиться; ибо сей человѣкъ, коего именемъ украшаются наши военныя лѣтописи, былъ частымъ посѣтителемъ нашего дома, и мнѣ не рѣдко удавалось слышать любопытный его разговоръ. Онъ былъ тщедушенъ, роста небольшаго, имѣлъ носъ длинный, щеки впалыя, лицо блѣдное; голосъ его былъ тихъ, и наружность всегда спокойна, даже тогда какъ говорилъ онъ съ жаромъ; только одни глаза его разгорались огнемъ ума и чувства. Воинъ Екатерины, онъ, подобно ей, всѣми силами пламенной души своей, прилѣпился къ нашему великому отечеству и служилъ ему не какъ наемникъ, а какъ преданнѣйшій сынъ. Германія сдѣлалась ему вовсе чуждою; несправедливость ея сыновъ противъ народа, его благороднымъ сердцемъ избраннаго, противъ земли, подательницы побѣдъ и славы, его жестоко оскорбляла. Когда соотечественники его сдѣлались образцами для нашего войска, онъ не скрывалъ намѣренія оставить службу, прибавляя, что если возгорится у насъ война съ Пруссіей, либо съ Австріей, то онъ опять готовъ вступить въ нее, хотя бы простымъ рядовымъ.

Домашнія несогласія давно разлучили его съ женой, и единственнаго сына своего онъ видѣлъ только въ колыбели. Этотъ сынъ, молоденькій мальчикъ, вызванный имъ изъ Лифляндіи, къ горю его, пріѣхалъ въ Кіевъ. «Посудите», говорилъ Ферзенъ отцу моему, «каково мнѣ глядѣть на него? И глупъ, и ни слова не знаетъ по-русски». А между тѣмъ ни одинъ портретъ, ни одна статуя ни могли быть такъ схожи съ подлинникомъ какъ отецъ съ сыномъ: послѣдній былъ совершенно старикъ Ферзенъ, помолодѣвшій и не одушевленный.

Примѣчательно, что при Екатеринѣ всѣ Нѣмцы, служившіе въ нашей арміи, дѣлались наконецъ Русскими. Взаимная ихъ ненависть съ нами, возбужденная при Аннѣ Іоанновнѣ, не совсѣмъ потухла еще при Елисаветѣ Петровнѣ и на минуту опять было пробудилась при Петрѣ III, но искусствомъ Екатерины совершенно погашена. При ней одинъ Нѣмецкій генералъ обрекъ себя на вѣрную погибель, чтобы цѣною ея купить для Россіи побѣду, которую онъ не долженъ былъ раздѣлять: Вейсманъ былъ Русскимъ Леонидомъ, какъ образовавшійся при ней Барклай былъ послѣ Русскимъ Эпаминондомъ. Нельзя винить Нѣмцевъ, если въ послѣдующія царствованія они начали отдѣляться отъ насъ, составлять между собою какое-то братство и обратились наконецъ въ status in statu. Безпрестанно оказываемое предпочтеніе Лифляндскому дворянству передъ корeнными жителями Россіи должно было возгордить его и озлобить послѣднихъ. Веселая безпечность Русская мститъ покамѣстъ Нѣмцамъ одними эпиграммами, точно такъ какъ праотцы наши злились тайкомъ и подтрунивали надъ Татарами. Если ничто не перемѣнится, то рано или поздно должно ожидать ужасныхъ послѣдствій для нихъ или для насъ; лучше бы, кажется, примиреніемъ стараться предупредить ихъ.

Мнѣ необходимо говорить теперь о вельможѣ, въ 1797 году начальствовавшемъ въ Кіевѣ. Его пребываніе въ семъ городѣ имѣло большое вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ членовъ моего семейства и на мою собственную. Въ предыдущей главѣ, кажется, упомянулъ уже я о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. Въ немъ можно было видѣть типъ стариннаго барства, но уже привыкшаго къ Европейскому образу жизни; онъ любилъ жить не столько прихотливо какъ широко, имѣлъ многочисленную, но хорошо одѣтую прислугу, дорогіе экипажи, красивыхъ лошадей, блестящую сбрую; если не всякій, то по крайней мѣрѣ весьма многіе имѣли право ежедневно садиться за его обильный и вкусный столъ. Въ обхожденіи его, весьма простомъ, былъ всегда замѣтенъ навыкъ первенства и начальства; вообще онъ былъ ума не высокаго, однакоже не безъ способностей и сметливости; онъ не чуждъ былъ даже хитрости, но она въ немъ такъ перемѣшана была съ добродушіемъ, что его же за то хвалили. Какъ воинъ, онъ болѣе былъ извѣстенъ храбростію, чѣмъ искусствомъ.

Семейство его находилось въ Петербургѣ. Кто въ званіи генералъ-губернатора не любитъ одиночества, тотъ чувствовать его не будетъ: къ графу Салтыкову каждый вечеръ собирались на бостонъ, иногда даже и дамы. Но для перемѣны любилъ онъ разъ или два въ недѣлю проводить вечера у насъ, и обыкновенно въ сопровожденіи Алексѣева, любимѣйшаго изъ своихъ адъютантовъ.

Вдова его слыла нѣкогда красавицей, жила долго и никогда этого не могла забыть. Не знаю какихъ лѣтъ была она, когда мы ее увидѣли, но на взглядъ ей казалось болѣе семисядесяти. Какъ бы описать ее? Это былъ вѣнчанный розами изсохшій трупъ, въ которомъ, однакоже, замѣтны еще были признаки жизни; сухощавая, сгорбленная, вся дрожащая старушка, одѣтая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка, предметъ ужаса, состраданія и смѣха. Румяны и бѣлила съ нея сыпались; но она была мрачна, угрюма, и въ очахъ ея впадшихъ неподвижные взоры горѣли какимъ-то страшнымъ жаромъ. Любовь оспаривала у смерти сію жертву, но торжество послѣдней казалось весьма близкимъ. Любопытно было видѣть этотъ мосолъ подлѣ жирной Шардонши; обѣ съ удовольствіемъ говорили объ любви, но для послѣдней была она только веселымъ воспоминаніемъ, а для первой серьезнымъ, вседневнымъ упражненіемъ; и не удивительно: у одной было тощее тѣло, у другой былъ тощій карманъ. Три или четыре Поляка, красивые атлеты, записные обожатели княгини Шуйской, безъ стыда и ревности всюду ее сопровождали; надобно признаться, что въ семъ случаѣ наши Русскіе уступали въ храбрости Полякамъ: ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ вступить въ ея свиту.

У нея было двѣ дочери, изъ коихъ старшая была прекрасна собою, а меньшая весьма не дурна. Въ сію послѣднюю влюбился старшій братъ мой, и дѣло шло на ладъ; но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, да и мать моя, которая въ обществѣ любила видѣть Полекъ, всегда страшилась видѣть ихъ своими невѣстками. Однакоже дурной примѣръ и дурное воспитаніе, видно, не подѣйствовали на этихъ княженъ: обѣ, какъ говорятъ, въ послѣдствіи подавали собою примѣръ цѣломудрія и кротости*).

Изъ Русскихъ домовъ, ни въ одномъ столько Поляковъ не собиралось какъ у насъ; учтивость и образованность хозяина, врожденная любезность и умное добродушіе хозяйки, мѣсто, которое отецъ мой занималъ и что-то гостепріимное, которымъ все у насъ дышало, привлекали ихъ къ намъ. Я часто видѣлъ настоящихъ или такъ-называемыхъ графовъ Чацкаго, Ржевускаго, Грохольскаго, Дульскаго, Олизара и многихъ другихъ, людей отмѣнно вѣжливыхъ, хорошаго тона, остатки лучшаго Варшавскаго общества. Нужно ли повторять здѣсь, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи? Отечество за отечество, они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнули въ дугу.

---

*) Старшая была замужемъ за Русскимъ полковникомъ Марченкой. Оставшійся послѣ нея единственный сынъ въ Петербургскихъ гостиныхъ блисталъ свѣжестью лица и франтовствомъ и, кажется, болѣе ничѣмъ.

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать здѣсь нѣсколько словъ о Полякахъ вообще, тѣмъ болѣе, что мнѣ не скоро придется опять говорить объ нихъ. При описаніи событій настоящаго времени, я долженъ буду представить ихъ, какъ народъ совсѣмъ другой; ибо разныя происшествія, для нихъ благопріятныя или пагубныя, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ имѣли вліяніе на судьбу ихъ, во многомъ измѣнили ихъ характеръ. Итакъ я позволяю себѣ теперь объяснить мысли мои о прежнихъ Полякахъ.

Славянскія племена, основавшіяся на Сѣверо-востокѣ Европы, въ странахъ почти неизвѣстныхъ, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ слились въ одинъ могущественный народъ, который назывался Русскимъ. Другія племена Славянскія, подвигавшіяся на Западъ, раздробились на мелкія княжества; иныя изъ нихъ втѣснились въ самое сердце Германіи, но встрѣтившись съ силою оружія Карла Великаго, а потомъ императора Оттона, не только были побѣждены, но и вошли въ составъ народовъ Германскихъ. Между сими западными и сѣверо-восточными Славянами образовалось не весьма обширное государство и отъ тѣхъ и отъ другихъ начало отдѣльно существовать. Поляки, не смотря на слабость силъ своихъ, какъ всѣ единоплеменные имъ народы, властолюбивые, храбрые, даже дерзкіе, не хотѣли признать передъ собою первенства безконечной, бездонной Россіи и не устрашились вступить въ опасное для нихъ соперничество. Рѣдко побѣдители, часто, весьма часто побѣждаемые, они избѣгнули завоеванія, благодаря кровавымъ междоусобіямъ князей, слѣдствіямъ пагубной удѣльной системы; но еще болѣе они симъ были обязаны для самихъ Русскихъ непонятному, тайному влеченію на Югъ, куда стремились они за славою, за золотомъ и гдѣ обрѣли они лучшее сокровище: сохранившій ихъ въ бѣдствіяхъ спасительный свѣтъ христіанской вѣры.

Симъ свѣтомъ озарились Русскіе и Поляки почти въ одно и тоже время; но первые приняли Греко-восточную вѣру, послѣдніе Латинскую. Несогласія двухъ церквей умножили несогласія двухъ народовъ; они приняли направленія совсѣмъ противоположныя, и препятствія къ ихъ соединенію сдѣлались неодолимы. Когда внезапно гнѣвъ Божій наложилъ на Русскій народъ ярмо Татарское, тогда Польша начала добровольно налагать на себя иго западныхъ народовъ; сосѣдство съ Нѣмцами, зависимость отъ папы, а болѣе всего прельщенія Франціи развратили нравы ея жителей, испортили ихъ языкъ и породили безчисленные безпорядки, коихъ она не преставала быть жертвою.

Посреди двухвѣковыхъ жестокихъ испытаній, Русскіе сохранили нравы и обычаи предковъ, утвердились въ любви къ отечеству, научились терпѣнію, не переставали презирать хищныхъ своихъ властите-

лей, гнушаться ихъ вѣрою и, какъ драгоцѣнный металлъ, вышли чисты изъ горнила, плѣна Монгольскаго. А бѣдная Польша! Все болѣе и болѣе предавалась она обычаямъ Запада, принимала къ себѣ феодальныя, готическія учрежденія, совсѣмъ не сродныя Славянскимъ племенамъ, сначала лишилась Силезіи, а потомъ Нѣмецкій орденъ отрѣзалъ ее отъ моря. Скоро, подобно Богеміи, превратилась бы она въ Нѣмецкое курфиршество, и существованіе ея, какъ независимаго государства, должно было прекратиться; но брачный союзъ католички Ядвиги съ язычникомъ Ягелло перемѣнилъ судьбу ея, и варвары. Литовцы дали ей новую жизнь, новыя силы.

Симъ возрожденіемъ воспользовался одинъ только духовный Римъ; въ послѣдствіи оно сдѣлалось вредно для Россіи, а для Польши было безполезно. Правда, распространивъ въ Литвѣ Римско-католическую вѣру, она взяла въ ней перевѣсъ, начала̀ въ ней преобладать и, такъ сказать, всосала ее наконецъ въ себя со всѣми ея обширными, блестящими завоеваніями. Но что̀ значитъ распространеніе предѣловъ государства, когда въ немъ теряется духъ народности? Бѣдная Польша! Изгнанные отовсюду Жиды стеклись въ нее и обратили ее въ помойную яму Европы. Сіи вѣчные враги рода христіанскаго стали между господами и ихъ вассалами, первымъ облегчили средства къ полученію и умноженію доходовъ и тѣмъ умножили склонность къ расточительности, послѣднихъ изнуряли до невозможности поборами; развращали и раззоряли тѣхъ и другихъ. Бравши все на откупъ, они вездѣ истребили вкусъ къ домашнему и сельскому хозяйству. Высшіе классы предались отъ того праздности, а бѣдный простой народъ доведенъ ими до безнадежности, до безчувственности, до истуканства, почти до состоянія скотовъ.

Потомъ начали на Польскомъ тронѣ являться Француженки *). Ихъ вліяніе на судьбу Польши было самое пагубное. Онѣ взялись образовать въ ней прекрасный полъ и совершенно въ томъ успѣли. Жены и дѣвы Славянскія славились дотолѣ своею непорочностію, набожностію, трогательною покорностію ко власти родителей и супружеской; отъ сего тяжкаго ига избавили ихъ Француженки: онѣ сдѣлали болѣе, онѣ научили ихъ распалять страсти въ мущинахъ, возбуждать въ нихъ и месть, и злобу, однимъ словомъ, научили ихъ надъ ними властвовать. Сдѣлавшись честолюбивыми, алчными, ничѣмъ не удержи-

*) Марія де-Гонзагъ де-Неверъ была замужемъ за послѣднимъ Владиславомъ и потомъ вышла за роднаго брата его, къ тому же кардинала, Яна Казимира, который отрекся отъ [illegible]чаго званія и сдѣлался королемъ. Дѣвица д'Аркіенъ была женою Іоанна Со[illegible]ъ Польскихъ королевъ не надобно забывать и женоподобнаго Генриха

ваемыя, ни страхомъ Божіимъ, ни законами человѣческими, могли ли Польки не забыть обязанностей супругъ и матерей? Бракъ, ими безпрестанно разрываемый, потерялъ всю святость свою и обратился въ законное наложничество; онѣ сами превратились въ очаровательныхъ Цирцей; какая-то волшебная сила заступила въ нихъ мѣсто силы небесной, коею прежде они были одарены, и тогда-то въ Польшѣ, говоря словами незабвеннаго, вѣчно-милаго поэта нашего, прекрасный полъ

. . . . . утратилъ навсегда
Стройность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Но что́ же дѣлали тогда мущины? Какими глазами смотрѣли они на сей ужасный переворотъ? Ихъ также Француженки увѣрили, что ревность постыдный порокъ, свойственный однимъ только варварамъ, что въ просвѣщенныхъ земляхъ женщины должны быть свободны какъ воздухъ, какъ солнечный свѣтъ, что ими составляются, поддерживаются и украшаются общества, что малѣйшая прихоть ихъ должна быть закономъ для мущинъ и что сіи послѣдніе одними угожденіями могутъ имъ быть любезны. Вотъ наши Поляки принялись посвоему рыцарствовать, пить Венгерское вино изъ женскихъ башмаковъ и отечество свое обратили въ царство женщинъ и пародію Франціи.

Къ умноженію золъ и безпорядковъ, нагрянули іезуиты и съ извѣстною ихъ хитростію овладѣли умами. На праздность, расточительность, тщеславіе, легкомысліе Поляковъ смотрѣли они снисходительнымъ окомъ; ничего отъ нихъ не требовали, кромѣ слѣпаго повиновенія Римской власти; главный догматъ ихъ, что нѣтъ преступленія, которое бы не могло быть отпущено католику, и нѣтъ добродѣтельной жизни, которая бы могла спасти еретика, сдѣлалъ богатыхъ Поляковъ совершенно необузданными. Я не хочу входить въ разсмотрѣніе чудовищнаго образованія Польши, королевства и республики въ одно время, и многихъ другихъ разрушительныхъ причинъ, но скажу только: могло ли ожидать славной будущности государство, коимъ управляли женщины, іезуиты и Жиды, то-есть, страсти, обманъ и корысть? Горьки были для Польши плоды Европейскаго образованія!

Когда всѣ язвы сіи не глубоко еще проникли въ цѣлый составъ Польши, она встрѣтилась опять съ сестрой своею, сосѣдкой-соперницей. Но она предстала ей не въ прежнемъ уже видѣ малолюднаго княжества, хранимаго только одною отвагою своихъ жителей; она явилась ей могущею, грозною, обогащенною ея же безчисленными потерями. Поюнѣвшая же, изъ пепла, какъ фениксъ, возникшая Россія была также сильна своею новою молодостію и въ тоже время опытомъ,

гихъ городахъ вновь пріобрѣтеннаго края. По крайней мѣрѣ съ этой стороны твореніе Екатерины еще не начинало разрушаться, ея духомъ еще исполнена была Россія, и государственныя лица, совѣтники царскіе въ дѣлахъ политическихъ, все еще шли путемъ, ею начертаннымъ.

XII.

На преобразованіе войска было обращено главнѣйшее вниманіе императора. Подобно отцу, онъ былъ страстенъ къ фронту и всегда восхищался порядкомъ и устройствомъ, кои видѣлъ въ Прусской арміи. Въ послѣднее время Екатерины дисциплина дѣйствительно нѣсколько ослабѣла въ нашемъ войскѣ, но ее можно было возстановить менѣе крутыми средствами; я даже не знаю, необходима ли она столько для Русскихъ воиновъ, сколько для Нѣмцовъ.

Названія армій, корпусовъ и бригадъ не существовали первые два года при Павлѣ Первомъ. Была одна только армія безъ главнокомандующаго, раздѣленная на двѣнадцать дивизій, и каждая изъ нихъ имѣла по два инспектора, одного по пѣхотѣ и артилеріи, а другаго— по кавалеріи. Такимъ образомъ генералы остались бы безъ занятія, еслибы каждому изъ нихъ не дано было по полку съ названіемъ шефа. Все это я очень помню, ибо жилъ тогда въ крѣпости и мечталъ только о военной службѣ.

Изъ инвалидныхъ, болѣе чѣмъ гарнизонныхъ, Кіевскихъ батальоновъ, велѣно вдругъ составить гарнизонный полкъ, совсѣмъ на полевой ногѣ. Всѣ старые изувѣченные солдаты отосланы въ инвалидныя команды и замѣнены новонабранными рекрутами. Отецъ мой, который былъ шефомъ этого полка и который долженъ былъ отвыкнуть отъ фронтовой службы, но который нѣкогда былъ кадетскимъ офицеромъ Петра III, вспомнилъ молодость и сдѣлалъ чудеса. Несмотря даже на недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ, черезъ три мѣсяца полкъ его ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ старымъ линейнымъ полкамъ. Это было доведено до свѣдѣнія императора, и онъ не замедлилъ наградить его чиномъ генералъ-лейтенанта, который, впрочемъ, ему слѣдовалъ и по старшинству.

Чтобъ удостовѣриться въ успѣхахъ предпринятаго имъ военнаго преобразованія, сверхъ инспекторовъ, находившихся при каждой дивизіи, Павелъ Первый разсылалъ еще инспектовать полки приближенныхъ своихъ, такъ-называемыхъ Гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники. Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди

находили убѣжище въ Гатчинскихъ баталі[illegible] обратясь въ машины, безъ всякаго неудово[illegible] день отъ наслѣдника брань, а можетъ быт[illegible], [illegible] сими подлыми людьми были и чрезвычайно [illegible] болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на [illegible] и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, [illegible] улыбнулось, они закипѣли местію: разъѣзжая по пол[illegible] ли жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отлича[illegible] пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на [illegible] Изъ сихъ злодѣевъ болѣе всѣхъ былъ извѣстенъ своею [illegible] бѣглый Прусскій гусаръ, именемъ Линденеръ, котораго [illegible] извелъ въ генералы. Въ кавалерійскихъ полкахъ долго п[illegible] имя; онъ сотнями считалъ людей, коихъ удалось ему погуби[illegible] вецъ дошло до того, что, несмотря на покровительство импер[illegible], преслѣдуемый общею ненавистію, онъ долженъ былъ оставить сл[illegible] и куда-то скрылся. У насъ былъ свой терроризмъ.

Войска, въ Кіевской губерніи расположенныя, были счастлив[illegible] другихъ. Узнали, что пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Баратынскій *), о которомъ дотолѣ не слыхивали. Всѣ вздрогнули, всѣ ожидали видѣть людоѣда; тѣмъ пріятнѣе всѣ были изумлены, когда узнали сего почтеннаго, тогда еще довольно молодаго человѣка, благонамѣреннаго, ласковаго, съ столь же пріятными формами лица, какъ и обхожденія. Казалось, онъ пріѣхалъ не столько осматривать полки, сколько учить ихъ по новому уставу, и онъ дѣлалъ сіе съ чрезвычайнымъ усердіемъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, какъ будто обязанный наравнѣ съ ихъ начальниками отвѣчать за ихъ исправность. Онъ охотно разговаривалъ о своемъ государѣ и благодѣтелѣ, увѣряя всѣхъ въ извѣстной ему добротѣ его сердца, стараясь всѣхъ успокоить на счетъ ужасовъ его гнѣва и чуть-чуть было не заставилъ полюбить его.

Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ инспекторъ, другой Гатчинецъ, молодой Измайловскій полковникъ Малютинъ: новый страхъ, новое успокоеніе. Этотъ Малютинъ былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его

---

*) Отецъ извѣстнаго поэта Баратынскаго. Онъ не долго оставался въ милости; вскорѣ узнали въ Кіевѣ съ прискорбіемъ, что онъ отставленъ отъ службы и едва ли не сосланъ въ деревню.

къ щегольству, порокъ непростительный въ глазахъ Павла Перваго, такъ какъ цинизмъ казался ему почти добродѣтелью.

Въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ Малютинъ дѣлалъ смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій. Его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки, Нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе Русскимъ. Онъ не скрывалъ, сколь тяжко ему *поникнуть лавровой главой* почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому; но Малютинъ не былъ, видно, потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена.

Послѣ такого героя, отцу моему уже не стыдно было представить новый полкъ свой на смотръ г. Малютину. Мнѣ въ первый разъ случилось тутъ увидѣть покойнаго отца передъ фронтомъ. Я не могъ имъ налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лѣтъ, но всѣмъ кто тутъ былъ показался онъ двадцатью годами моложе. Самъ Малютинъ удостоилъ его величайшихъ похвалъ.

Мимоходомъ сказалъ я нѣсколько словъ о графѣ Ферзенѣ. Я никакъ не могу симъ ограничиться; ибо сей человѣкъ, коего именемъ украшаются наши военныя лѣтописи, былъ частымъ посѣтителемъ нашего дома, и мнѣ не рѣдко удавалось слышать любопытный его разговоръ. Онъ былъ тщедушенъ, роста небольшаго, имѣлъ носъ длинный, щеки впалыя, лицо блѣдное; голосъ его былъ тихъ, и наружность всегда спокойна, даже тогда какъ говорилъ онъ съ жаромъ; только одни глаза его разгорались огнемъ ума и чувства. Воинъ Екатерины, онъ, подобно ей, всѣми силами пламенной души своей, прилѣпился къ нашему великому отечеству и служилъ ему не какъ наемникъ, а какъ преданнѣйшій сынъ. Германія сдѣлалась ему вовсе чуждою; несправедливость ея сыновъ противъ народа, его благороднымъ сердцемъ избраннаго, противъ земли, подательницы побѣдъ и славы, его жестоко оскорбляла. Когда соотечественники его сдѣлались образцами для нашего войска, онъ не скрывалъ намѣренія оставить службу, прибавляя, что если возгорится у насъ война съ Пруссіей, либо съ Австріей, то онъ опять готовъ вступить въ нее, хотя бы простымъ рядовымъ.

Домашнія несогласія давно разлучили его съ женой, и единственнаго сына своего онъ видѣлъ только въ колыбели. Этотъ сынъ, молоденькій мальчикъ, вызванный имъ изъ Лифляндіи, къ горю его, пріѣхалъ въ Кіевъ. «Посудите», говорилъ Ферзенъ отцу моему, «каково мнѣ глядѣть на него? И глупъ, и ни слова не знаетъ по-русски». А тѣмъ ни одинъ портретъ, ни одна статуя ни могли быть такъ подлинникомъ какъ отецъ съ сыномъ: послѣдній былъ со старикъ Ферзенъ, помолодѣвшій и не одушевленный.

Примѣчательно, что при Екатеринѣ всѣ Нѣмцы, служившіе въ нашей арміи, дѣлались наконецъ Русскими. Взаимная ихъ ненависть съ нами, возбужденная при Аннѣ Іоанновнѣ, не совсѣмъ потухла еще при Елисаветѣ Петровнѣ и на минуту опять было пробудилась при Петрѣ III, но искусствомъ Екатерины совершенно погашена. При ней одинъ Нѣмецкій генералъ обрекъ себя на вѣрную погибель, чтобы цѣною ея купить для Россіи побѣду, которую онъ не долженъ былъ раздѣлять: Вейсманъ былъ Русскимъ Леонидомъ, какъ образовавшійся при ней Барклай былъ послѣ Русскимъ Эпаминондомъ. Нельзя винить Нѣмцевъ, если въ послѣдующія царствованія они начали отдѣляться отъ насъ, составлять между собою какое-то братство и обратились наконецъ въ status in statu. Безпрестанно оказываемое предпочтеніе Ливонскому дворянству передъ коренными жителями Россіи должно было возгордить его и озлобить послѣднихъ. Веселая безпечность Русская мститъ покамѣстъ Нѣмцамъ одними эпиграммами, точно такъ какъ праотцы наши злились тайкомъ и подтрунивали надъ Татарами. Если ничто не перемѣнится, то рано или поздно должно ожидать ужасныхъ послѣдствій для нихъ или для насъ; лучше бы, кажется, примиреніемъ стараться предупредить ихъ.

Мнѣ необходимо говорить теперь о вельможѣ, въ 1797 году начальствовавшемъ въ Кіевѣ. Его пребываніе въ семъ городѣ имѣло большое вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ членовъ моего семейства и на мою собственную. Въ предыдущей главѣ, кажется, упомянулъ уже я о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. Въ немъ можно было видѣть типъ стариннаго барства, но уже привыкшаго къ Европейскому образу жизни; онъ любилъ жить не столько прихотливо какъ широко, имѣлъ многочисленную, но хорошо одѣтую прислугу, дорогіе экипажи, красивыхъ лошадей, блестящую сбрую; если не всякій, то по крайней мѣрѣ весьма многіе имѣли право ежедневно садиться за его обильный и вкусный столъ. Въ обхожденіи его, весьма простомъ, былъ всегда замѣтенъ навыкъ первенства и начальства; вообще онъ былъ ума не высокаго, однакоже не безъ способностей и сметливости; онъ не чуждъ былъ даже хитрости, но она въ немъ такъ перемѣшана была съ добродушіемъ, что его же за то хвалили. Какъ воинъ, онъ болѣе былъ извѣстенъ храбростію, чѣмъ искусствомъ.

Семейство его находилось въ Петербургѣ. Кто въ званіи генералъ-губернатора не любитъ одиночества, тотъ чувствовать его не будетъ: къ графу Салтыкову каждый вечеръ собирались на бостонъ, иногда даже и дамы. Но для перемѣны любилъ онъ разъ или два въ недѣлю проводить вечера у насъ, и обыкновенно въ сопровожденіи Алексѣева, любимѣйшаго изъ своихъ адъютантовъ.

Необыкновенная привязанность графа Ивана Петровича къ этому молодому человѣку, носящему прозваніе, которое могъ всякій принять, и котораго, сверхъ того, звали еще Ильей Ивановичемъ, заставляла думать, что онъ его побочный сынъ. Но онъ былъ просто небогатый дворянинъ Московской губерніи, рано лишившійся отца, и по симъ двумъ причинамъ не получивъ никакого образованія, еще въ дѣтствѣ былъ отданъ въ военную службу. Графъ Салтыковъ, который прежде командовалъ конною гвардіей, увидѣлъ у себя на ординарцахъ хорошенькаго, живаго, проворнаго мальчика, у котораго любовь и усердіе къ начальству и службѣ были написаны на лицѣ, велѣлъ чаще его наряжать, полюбилъ его и наконецъ оставилъ при себѣ.

У этого Алексѣева была самая счастливая физіономія, самый счастливый характеръ; я не зналъ почти людей, которые бы его не любили и ни одного, котораго бы онъ не любилъ. Апатія равнодушныхъ людей спасаетъ ихъ отъ враговъ, они обыкновенно ихъ не имѣютъ, но за то не имѣютъ и друзей; Алексѣевъ же былъ исполненъ огня и былъ веселый другъ вселенной. Случалось, иногда онъ вскипитъ, но тотчасъ же и простынетъ; съ нимъ бывали часто минуты гнѣва, но часовъ досады онъ не знавалъ. Его филантропія не была дѣйствіемъ разсудка, слѣдствіемъ правилъ (гдѣ было ему взять ихъ?), но горячее, врожденное сердечное чувство, коего притягательная сила дѣйствовала на все его окружавшее. Это былъ геній доброты. Чтó дѣлать, если другаго генія въ немъ было?

Умному отцу моему и умной сестрѣ Натальѣ съ самаго начала полюбилось въ немъ что-то такое, чтò лучше богатства, ума и знатности: прекрасная душа въ стройномъ тѣлѣ, которая отражалась на свѣжемъ какъ утро, румяномъ, красивомъ лицѣ. Онъ влюбился въ сестру мою и, видно, очень страстно, потому что обыкновенно-смѣлый, онъ сдѣлался робокъ и долго не рѣшался открыться. Дочери знаютъ только что любить; а матери, забывая, что сами тоже дѣлали, гордясь красотою и достоинствами дочерей, болѣе чѣмъ цѣнили собственныя, всегда бываютъ разборчивы. Наша мать, которая въ цѣлой Россіи не видѣла столь завиднаго жениха, котораго бы, по ея мнѣнію, любимая дочь ея не была достойна, разумѣется, обидѣлась предложеніемъ двадцати-пяти-лѣтняго адъютанта, майора, у котораго всего только было 40 душъ. Но всѣ его любили, всѣ были въ заговорѣ противъ нея; самъ старый фельдмаршалъ принялся сватать; какъ человѣкъ придворный, не поскупился на убѣжденія, на обѣщанія, и она почти противъ воли принуждена была, наконецъ, дать свое согласіе.

Въ нашемъ семействѣ было одно маленькое существо, которому ...ей не нравился еще болѣе чѣмъ матери моей: это былъ я.

Свободное обхожденіе съ сестрой моей мущины, который наканунѣ еще былъ намъ постороннимъ, мнѣ казалось верхомъ неблагопристойности, которая должна была стыдомъ покрыть сестру и всѣхъ ея родныхъ. Я сказалъ уже, что любилъ ее, и въ тайной досадѣ моей было много ревности. Мнѣ трудно было привыкнуть къ мысли, что она перестанетъ носить одно со мною фамильное имя.

Не прошло мѣсяца послѣ сговора, который былъ 14-го Октября 1797 года, какъ графъ Салтыковъ получилъ извѣстіе, что онъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Москву. Сіе извѣстіе, возвѣщающее отцу моему разлуку съ дочерью, его опечалило, но матери моей подало надежду, что скорый отъѣздъ Алексѣева, а потомъ продолжительное отсутствіе, отдалятъ не совсѣмъ пріятный для нея бракъ, а можетъ-быть и не дадутъ ему состояться. Напрасно: графъ Салтыковъ, который тогда пользовался особою довѣренностію царя и вслѣдствіе ея большими правами, уѣзжая объявилъ, что онъ адъютанта своего оставляетъ въ Кіевѣ на неопредѣленное время.

Итакъ двойное горе: надобно было приготовляться въ одно время и къ свадьбѣ, и къ разлукѣ. Среди сихъ приготовленій, отцу моему пришло на мысль отправить меня съ зятемъ и сестрой, коей попеченіямъ, несмотря на ея молодость, можно было поручить меня съ полною довѣренностію. Около года у меня не было учителя: послѣ отъѣзда г. Мута, старались безуспѣшно пріискать кого-нибудь на его мѣсто, и я жилъ въ праздности, пагубной для столь нѣжнаго возраста. У меня была особливая комната, и при мнѣ находились изъ крѣпостныхъ людей пьяный дядька Быковъ для присмотра за мною, и шаловливый мальчикъ для прислуги. Первый обыкновенно напивался тайкомъ, только не отъ меня; а я старался скрывать его порокъ, сколько изъ состраданія къ нему, столько изъ опасенія, что заступившій его мѣсто будетъ мнѣ менѣе потворствовать; наконецъ, однакоже, его наказали и прогнали.

Къ счастію, я страстно любилъ читать, и мнѣ открыта была маленькая библіотека отца моего, вся состоявшая изъ Нѣмецкихъ книгъ; я зналъ хорошо по-нѣмецки и нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку разъ перечитывалъ. Болѣе всего любилъ я путешествія, исторію и географію, описанія земель и происшествій; Шрёкка и Бюшинга зналъ я почти наизусть, также и басни Геллерта, хотя не любилъ тогда поэзію; но за то какой же Геллертъ поэтъ?—Въ такомъ положеніи мнѣ оставаться было невозможно; чтó бы изъ меня вышло? Дѣло рѣшено, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ и везти меня доучиваться въ Москву.

Послѣ отъѣзда графа Салтыкова, отецъ мой около мѣсяца исправлялъ должность военнаго губернатора, до прибытія вновь назначеннаго въ сію должность генерала Розенберга. Когда новый начальникъ пріѣдетъ въ провинцію, то первое дѣло ея жителей сравнивать его съ предмѣстникомъ: по склонности людей къ перемѣнѣ, сравненія сіи бываютъ рѣдко въ пользу оставляющаго мѣсто. Сіе, однакоже, случилось въ Кіевѣ, когда увидѣли Розенберга. Какой контрастъ! Старый Нѣмецъ, который столицу видѣлъ только въ первой молодости, который болѣе двадцати лѣтъ жилъ въ забытьи и чѣмъ-то командовалъ, то на Кавказѣ, то въ Крыму, человѣкъ весьма небогатый, а еще болѣе разчетливый, чтобы не сказать скупой, невзначай, какъ часто бывало въ то время, попалъ по старшинству на мѣсто знатнаго Русскаго барина, жившаго пышно, всѣмъ милостиво улыбавшагося. Розенбергъ никогда не улыбался, а былъ однакоже, вечельчакъ, то что̀ Нѣмцы называютъ «брудеръ люстихъ», и безпрестанно любилъ пошучивать; но извѣстно, что веселость Нѣмца всегда тяжела и несообщительна и веселитъ его только самого. То ли дѣло Французы!

Этотъ г. Розенбергъ былъ великій чудакъ; онъ никогда не хотѣлъ жениться, а до того любилъ женскій полъ, что дѣвки у него подавали чай и даже, говорятъ, служили за столомъ, что̀, впрочемъ, въ Кіевѣ бывало не часто; ибо признавъ отца моего за земляка, онъ въ домѣ у насъ почти поселился и всякій день обѣдалъ. Онъ у себя дома не выпускалъ трубки изо рта, а какъ при дамахъ тогда вѣжливость дѣлать сего не позволяла, то отъ насъ, кажется, ѣздилъ онъ домой только покурить. Въ царскіе дни, всѣ обѣденные столы, долженъ былъ, какъ говорилось тогда, справлять отецъ мой, любезный ландманъ (землякъ): это было гораздо экономнѣе для г. Розенберга. Когда насъ съ сестрой уже не было въ Кіевѣ, пріѣхали туда принцъ Конде съ герцогомъ Ангіенскимъ и со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ и прожили тамъ три дня; показывая отвращеніе отъ Французовъ и извиняясь незнаніемъ Французскаго языка, Розенбергъ предоставилъ отцу моему заниматься ими и ихъ угощать *).

Приближались для меня дни радости и дни печали: первое путешествіе и первая разлука съ семействомъ. Что̀ касается до свадьбы сестры моей, то я съ чувствомъ дѣтскаго удовольствія приготовлялся держать надъ нею вѣнецъ, такъ какъ старшій братъ мой назначенъ былъ въ шаферы къ жениху. Но и въ семъ утѣшеніи мнѣ было отка-

---

*) Странная была участь генерала Розенберга. До шестидесяти пяти лѣтъ, никогда не оставляя военной службы, онъ не видалъ войны. Въ первый разъ увидѣлъ онъ непріятельскій огонь въ Италіянскую компанію 1799 года; хладнокровнымъ мужествомъ и тъ военнаго дѣла заставилъ онъ Суворова жалѣть, что не ранѣе былъ употребленъ

зано: на бѣду мою, въ самый день свадьбы пріѣхалъ средній братъ изъ Петербурга, куда онъ отъ полку былъ посыланъ для наученія кавалерійской службѣ. Итакъ я долженъ былъ удовольствоваться послѣднею ролью, то-есть нести только образъ.

Кстати о братьяхъ: я было и позабылъ сказать, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины, за какіе то подвиги при усмиреніи какихъ-то мятежниковъ въ западныхъ губерніяхъ, произвели ихъ въ майоры, тогда какъ у старшаго еще не было и пуху на подбородкѣ. Такъ какъ при Павлѣ нельзя было часто отлучаться отъ полку, а родители наши желали имѣть при себѣ котораго нибудь изъ сыновей, то и выпросили они, чтобы старшаго, любимѣйшаго, будто бы по неспособности къ кавалеріи, перевели въ пѣхоту, изъ Нѣжинскаго карабинернаго (тогда уже кирасирскаго) въ Кіевскій гренадерскій полкъ, который тогда квартировалъ въ самомъ Кіевѣ.

Свадьбу сыграли мы 20-го Января 1798 года, а въ путь отправились 16-го Февраля. Въ слѣдующей главѣ вступаю я въ новый міръ и повлеку въ него за собою читателя, если онъ не остановится, наскучивъ мелочными моими разсказами.

XIII.

Есть чувствованія, которыя не только другимъ, но и самому себѣ объяснить весьма трудно. Первый разъ въ жизни покидалъ я все родимое, все мнѣ любезное, священный Кіевъ и благословенное семейство, въ которомъ я родился. Какъ будто нарочно, все сдѣлалось передъ отъѣздомъ ко мнѣ ласковѣе, самъ отецъ мой мнѣ началъ улыбаться; даже дворовые люди наши и женщины находили сказать мнѣ что-нибудь необыкновенно-нѣжное. Безпрестанно былъ я въ горестномъ волненіи, и слезы нерѣдко навертывались на глазахъ моихъ, но въ тоже время сердце было наполнено неописаннымъ восторгомъ. Какъ часто изъ окошекъ своихъ, любопытнымъ, жаднымъ взоромъ глядѣлъ я на Заднѣпровье, на этотъ густой, темный боръ, для меня заповѣдной, какъ будто заколдованный, который сколько разъ уже то зеленѣлъ, то чернѣлъ въ глазахъ моихъ. Никогда еще не ступалъ я въ него ногой; теперь проникну въ глубину его; что я говорю? Онъ только занавѣсь, скрывающая отъ меня незнакомый мнѣ міръ: его увижу я, его узнаю. Голова моя была полна слышанными разсказами про Москву бѣлокаменную, про ея обширность, ея великолѣпіе, ея сорокъ-сороковъ церквей. Въ семъ расположеніи духа, съ печалію и радостію вмѣстѣ, выѣхалъ я изъ Кіева.

тамъ помолиться Иверской Богоматери; вокругъ часовни, гдѣ поставленъ ея образъ, въ двухъ узкихъ отверстіяхъ, ведущихъ къ Кремлю, безпрестанно кипитъ народъ, ломятся экипажи. Во время молебна мнѣ все казалось, что подлѣ насъ идутъ на приступъ.

Квартира, которую дали зятю моему въ казенномъ домѣ, называемомъ Тверскимъ, или Чернышовскимъ, или домомъ главнокомандующаго, была просторна, довольно красива, а мнѣ показалась даже великолѣпна. Мы занимали комнатъ двѣнадцать въ одномъ изъ загнутыхъ флигелей внутри двора сказаннаго дома. Изъ окошекъ были видны только высокія палаты, въ коихъ жилъ начальникъ Москвы и зятя моего и предъ коимъ нашъ флигель казался на колѣняхъ, да еще не весьма обширный дворъ, съ утра до вечера наполненный каретами, въ коихъ пріѣзжали не къ намъ съ посѣщеніями, а съ поклоненіемъ къ фельдмаршалу и женѣ его.

Сестрѣ моей нужно было нѣсколько дней, чтобъ обмундироваться по модѣ и приготовиться предстать предъ графиней Салтыковой, коей надменностію всѣхъ пугали. Обрядъ сей совершился не совсѣмъ къ ея удовольствію. Потомъ пустилась она развозить рекомендательныя письма, данныя ей отъ родителей, и имѣла причины быть болѣе довольна сдѣланными ей пріемами. Двѣ статсъ-дамы, фельдмаршальша графиня Каменская и княгиня Долгорукова, жена князя Юрія Владимировича, предмѣстника графа Салтыкова, не замедлили сами сдѣлать ей визиты и осыпали ласками робкую провинціалку. Обѣ бывали въ Кіевѣ и были очень знакомы съ нашею матерью; первая же одинъ разъ провела въ немъ цѣлое лѣто. Другія дамы, менѣе знатныя, оказали пріѣзжей еще болѣе вѣжливости; но графиня Салтыкова не обратила ни малѣйшаго вниманія на бѣдную сестру мою, никогда къ себѣ не приглашала, дозволяя развѣ только по временамъ къ себѣ являться. Это было совсѣмъ неободрительно, это было даже безчеловѣчно въ отношеніи къ молодой женщинѣ, которая, по тогдашнимъ понятіямъ, находилась, такъ сказать, при дворѣ ея сіятельства.

Сія графиня, Дарья Петровна Салтыкова, была между тѣмъ женщина чрезвычайно умная и отмѣнно добродушная. Наружности своей, отъ природы суровой, старалась она, по примѣру Екатерины, придать нѣкоторую величественность и тѣмъ пугала не коротко ее знавшихъ. Она была, дѣйствительно, самой строгой добродѣтели; примѣромъ и наставленіями старалась внушить она ее дочерямъ, но была, можетъ быть, слишкомъ снисходительна къ единственному сыну и вообще въ постороннихъ расположена была видѣть одну только хорошую сторону. Будучи дочерью графа Чернышова, болѣе двадцати лѣтъ Русскаго посла въ Лондонѣ и Парижѣ, она всю первую

молодость провела за границей и оттого не совсѣмъ свободно объяснялась по-русски, тогда какъ Французскій языкъ не былъ еще въ столь общемъ употребленіи, какъ нынѣ. Сіе затрудненіе дѣлало ее часто молчаливою съ другими женщинами; но за то она строго соблюдала всѣ формы вѣжливости, всѣмъ безъ изъятія платила визиты, и у себя была внимательною къ каждому, никого не оставляя безъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ.

Отчего же столь почтенная женщина показывала болѣе чѣмъ холодность существу, ничѣмъ ее не оскорбившему, существу, которое имѣло даже нужду въ ея покровительствѣ? Это надобно объяснить. Графиня Салтыкова была превыше мужа своего столько же умомъ, сколько нравственностью; частыя его невѣрности, несмотря на преклонныя лѣта, не могли отъ нея совершенно укрыться; она никогда не унизилась до ревности, но съ отвращеніемъ смотрѣла на невоздержность супруга. У нея въ домѣ находилась тогда одна Француженка, madame Laurent, ловкая, хитрая, довольно пригожая и не старая, въ качествѣ болѣе собесѣдницы чѣмъ гувернантки при взрослыхъ ея дочеряхъ; сверхъ того имѣла она особую, секретную должность при самомъ графѣ Салтыковѣ: она умѣла пользоваться въ одно время довѣренностію жены и нѣжностію мужа. Преувеличенныя похвалы графа Салтыкова красотѣ невѣсты любимаго имъ адъютанта возбудили мерзкія подозрѣнія въ душѣ Француженки; она поспѣшила сообщить ихъ обманутой графинѣ еще прежде нашего пріѣзда.

Опасенія госпожи Лоранъ должны были исчезнуть, коль скоро она только увидѣла сестру мою; порокъ узнаётъ тотчасъ добродѣтель по тайному стыду, который она въ немъ производитъ; но она не вдругъ еще успокоилась. Графъ Салтыковъ поступилъ въ семъ случаѣ благоразумно и деликатно: онъ только одинъ разъ, по пріѣздѣ ихъ, навѣстилъ молодыхъ супруговъ. Можно легко себѣ представить весь ужасъ положенія несчастной тогда сестры моей. Дотолѣ уважаемая, любимая и достойная того и другаго, она вдругъ встрѣчаетъ забвеніе всякаго приличія въ обхожденіи съ нею жены начальника своего мужа и осуждена жить съ нею въ одномъ домѣ. Она не вдругъ могла постигнуть, отчего это происходитъ; но когда, по инстинкту, коимъ женщины одарены, она вникнула въ причины явнаго презрѣнія, ей оказываемаго, то содрогнулась отъ негодованія. Она, которая почиталась въ Кіевѣ цвѣтомъ непорочности, въ первые дни, въ первыя минуты счастливаго нѣжнѣйшаго союза, подозрѣвается въ измѣнѣ, и въ какой же измѣнѣ? Осмѣливаются считать ее наложницей старика изъ подлыхъ видовъ корыстолюбія. Сей первый, тяжелый крестъ, по-
ей въ жизни, понесла она съ терпѣніемъ, призвавъ на по-

мощь вѣру и чувство собственнаго достоинства. На чужой сторонушкѣ, съ кѣмъ было залетной пташечкѣ раздѣлить жестокую скорбь свою? Кому ее повѣрить? Людямъ ли, едва знакомымъ, или мужу, который въ обѣихъ супругахъ видѣлъ свое провидѣніе, но, не смотря на то, въ изступленіи обиженнаго самолюбія, готовъ бы былъ погубить себя дерзостію противъ нихъ? Или малолѣтнему брату, которому неприлично и опасно было довѣрять такого рода тайны? Но я часто заставалъ ее въ слезахъ передъ иконами; я одинъ былъ свидѣтелемъ ея печали, которую болѣе всего старалась она скрывать отъ мужа, и я почти угадалъ ея тайну.

Впрочемъ, безразсудныя подозрѣнія не выходили изъ тѣснаго круга, въ которомъ родились, и не долго существовали. Прошелъ мѣсяцъ или два, и графиня Салтыкова приглашеніями, привѣтами старалась заставить забыть свою первую несправедливость; но оскорбленная сестра моя осталась непреклонна и долго еще чуждалась ея высокаго общества. Для мужа все это было непонятно; онъ дивился своенравію жены, но не смѣлъ ее упрекать въ томъ.

Мы жили почти въ совершенномъ уединеніи: сестра рѣдко дѣлала и принимала визиты. Шумъ и блескъ были вокругъ стѣнъ нашихъ, а внутри царствовали тишина и молчаніе. Я начиналъ сравнивать настоящее положеніе наше съ прошедшимъ... Тяжело вздохнулъ я; мнѣ казалось, что наша доля самая низкая въ мірѣ. Моральная болѣзнь, врожденная, хотя и не наслѣдственная, которую ни религія, ни разсудокъ, ни опытъ доселѣ совершенно излѣчить не могли, жестокое самолюбіе, источникъ немногихъ для меня наслажденій и безчисленныхъ страданій въ жизни, сія болѣзнь въ первый разъ открылась во мнѣ съ нѣкоторою силою; тогда-то заронились мнѣ въ сердце первыя сѣмяна отвращенія отъ аристократіи, впослѣдствіи столь постоянно развивавшіяся.

Въ Кіевѣ мечталъ я о Москвѣ; въ Москвѣ только и думалъ что о Кіевѣ. Но безъ насъ все уже тамъ перемѣнилось. Въ Мартѣ мѣсяцѣ генералъ Розенбергъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а на его мѣсто назначенъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Сей послѣдній не успѣлъ еще съ Кавказа пріѣхать въ Кіевъ, какъ его перевели въ Каменецъ-Подольскъ, а на его мѣсто назначили... кто бы могъ ожидать? того самаго князя Дашкова, который жилъ въ Кіевѣ брошенный всѣми. Онъ находился шефомъ какого-то полка, былъ за чѣмъ-то вызванъ въ Петербургъ и тамъ до того полюбился императору, что вдругъ получилъ ленту, чинъ генералъ-лейтенанта и мѣсто Кіевскаго военнаго губернатора. Трудно объяснить, что̀ побудило кн. Дашкова говорить царю объ отцѣ моемъ? Чувство ли великодушное

или желаніе мести? Мнѣ пріятно думать, что онъ надѣялся доставить ему новое, высшее назначеніе. Онъ съ видомъ откровенности сказалъ, что ему совѣстно сдѣлаться начальникомъ заслуженнаго человѣка, который старѣе его въ чинѣ и гораздо старѣе лѣтами. Павелъ Первый не задумался, онъ церемониться не любилъ: вдругъ приказалъ безъ всякой другой причины отца моего отставить отъ службы. Лишить почетнаго, выгоднаго мѣста человѣка, который десять лѣтъ занималъ его съ честію, который въ глазахъ его ничѣмъ не провинился и даже былъ ему угоденъ, ему казалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, никакая несправедливость его не устрашала: помазанникъ Божій, онъ твердо вѣровалъ въ свою непогрѣшимость; во всѣхъ жестокихъ проказахъ своихъ видѣлъ онъ волю небесъ.

Будучи въ отставкѣ, не имѣя болѣе средствъ жить въ прежнемъ изобиліи, отецъ мой желалъ оставить Кіевъ, куда личный его непріятель прибылъ начальникомъ, и отправиться въ Пензу, которую онъ любилъ и куда призывали его хозяйственныя дѣла. Къ несчастію, въ послѣдній годъ своей службы, онъ увлекся страстію къ строеніямъ и затѣялъ огромный домъ, который надѣялся или выгодно отдавать внаймы или съ прибылью продать: ему необходимо было его окончить. Князь же Дашковъ, втайнѣ торжествуя, желалъ явить умѣренность, первый посѣтилъ отца моего, и потомъ при всякой встрѣчѣ показывалъ видъ, будто ему вездѣ уступаетъ мѣсто.

Въ Москвѣ жилъ я, между тѣмъ, въ совершенной праздности и скукѣ, не имѣлъ знакомыхъ, не имѣлъ книгъ и нетерпѣливо ожидалъ минуты, когда отдадутъ меня въ какое-нибудь учебное заведеніе. Но зять мой, по своему пекшійся о моемъ благѣ, полагалъ, что для меня будетъ величайшая честь воспитываться вмѣстѣ съ молодымъ графомъ, сыномъ его начальника: у него шли о томъ негоціаціи, и отъ того медлили рѣшить мою участь. Я зналъ о его намѣреніи и трепеталъ отъ ужаса сдѣлаться наперсникомъ Московскаго дофина. Въ Кіевѣ естественнымъ образомъ бралъ я верхъ надъ своими маленькими товарищами, въ Москвѣ я ожидать сего не смѣлъ: но все-таки не хотѣлось мнѣ находиться въ свитѣ сына, какъ зять мой былъ при особѣ отца *). Въ одномъ равенствѣ видѣлъ я свое спасеніе.

Моего мнѣнія не спрашивали, и дѣло было почти полажено. Въ одинъ вечеръ пригласили меня, то-есть призвали, къ знатному моему [illegible]у. Я чувствовалъ, что иду на смотръ: Московское житье сдѣ-[illegible] робкимъ, застѣнчивымъ; но отчаяніе дало мнѣ силы, и я

*) [illegible]чъ началъ я вездѣ, и особенно въ службѣ, [illegible] [illegible]ихъ частицу [illegible].

вооружился невѣдомою мнѣ дотолѣ наглостію. Я нашелъ графчика одного; я ожидалъ найти въ немъ спѣсь, но онъ мнѣ показался въ смущеніи, въ замѣшательствѣ. Притворная смѣлость моя его ободрила, мы начали говорить вздоръ и, какъ водится между мальчиками, черезъ нѣсколько минутъ коротко познакомились. Я уже умягчался душой, какъ вдругъ показались мои судьи, сперва мусью Моринò, наставникъ графа, за нимъ г. Лоранъ, воспитатель его, и, наконецъ, сама г-жа Лоранъ, супруга послѣдняго. Она была вся разряжена и, благосклонно улыбаясь, сказала мнѣ: «bon jour, mon petit»; не имѣя понятія о ея интригахъ, не знаю самъ отъ чего, я весь вспыхнулъ и готовъ былъ въ нее вцѣпиться. Съ трехъ сторонъ посыпались на меня вопросы. Я прескверно говорилъ по-французски; тутъ нарочно я коверкалъ языкъ, вралъ и дурачился. Плеча пожимались, уста насмѣшливо улыбались, и все мнѣ показывало, что я успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Можетъ быть, я и напрасно приписываю себѣ успѣхъ въ семъ дѣлѣ; я не имѣлъ довольно ума и искусства, чтобы прикидываться глупымъ; можетъ быть я показался бы имъ неуклюжимъ и безъ всякихъ усилій; но какъ бы то ни было, я торжествовалъ, чувствуя, что мнѣ не выбрили затылокъ.

Послѣ того я съ сыномъ графа Салтыкова встрѣчался только изрѣдка въ манежѣ отца его, куда ходилъ я учиться верховой ѣздѣ. Онъ всегда ласково протягивалъ мнѣ руку, говоря съ сожалѣніемъ о невозможности намъ часто видѣться. Онъ былъ преблагородный, предобрый малый, не имѣлъ понятія о спѣси, но къ сожалѣнію и ни о чемъ не имѣлъ понятія. Единственный наслѣдникъ большаго состоянія и знатнаго имени, природою не обиженный, онъ достоинъ былъ лучшаго воспитанія. Лораны были просто интриганы и пройдохи, которые мало заботились о своемъ воспитанникѣ, но имѣли по крайней мѣрѣ свѣтское образованіе; поклонникъ же ихъ Моринò, какъ узналъ я послѣ, былъ пошлый дуракъ, совершенный невѣжда и въ обращеніи настоящій мужикъ. Въ то время стоило лишь быть Французомъ, чтобы заслужить довѣренность знатныхъ родителей.

Я сказалъ выше, что у меня въ Москвѣ не было знакомыхъ, забывъ, что одному нечаянному случаю былъ я обязанъ весьма пріятнымъ знакомствомъ. Мы жили въ приходѣ Косьмы и Даміана, куда по воскресеньямъ и по праздникамъ ходилъ я слушать обѣдню; однажды я замѣтилъ группу женщинъ, откуда смотрѣли на меня съ Московскимъ любопытствомъ, которое тогда было гораздо сильнѣе и выразительнѣе, чѣмъ нынѣ. По окончаніи богослуженія, одна изъ сихъ женщинъ, постарѣе другихъ, отдѣлилась отъ группы, подошла ко мнѣ и спросила: «чей ты, голубчикъ?» Я покраснѣлъ отъ сего вопроса, который мнѣ показался обиднымъ, однакоже назвался. За отвѣтомъ моимъ

послѣдовало громкое восклицаніе: «ахъ, Боже мой, какъ я рада; да какъ милъ, какъ хорошъ!» Потомъ пожилая дама потребовала, чтобъ я слѣдовалъ за нею, прибавляя, что она живетъ въ двухъ шагахъ; я отговаривался тѣмъ, что не смѣю ни къ кому ходить безъ позволенія сестры. «Пустое, пустое, батюшка», сказала она, «мы ведемъ тебя не въ худое какое мѣсто; пошлемъ слугу твоего сказать сестрицѣ, что ты у насъ, и она успокоится». Взглянулъ я на нихъ: старыя показались мнѣ такъ добры, молодыя такъ милы, что я пересталъ отговариваться. По узкому переулку пришли мы къ калиткѣ, чрезъ нее вошли въ садъ; потомъ пройдя дворъ, я очутился въ барскихъ, разукрашенныхъ хоромахъ *).

Надобно, однакоже, объяснить причины столь внезапнаго знакомства. Почти за годъ до того, въ Іюльскій палящій зной, у насъ кто-то смотрѣлъ въ окошко и указалъ матери моей старую, дряхлую женщину, которую два дюжихъ лакея болѣе тащатъ, чѣмъ ведутъ подъ руки, а за нею толпу женщинъ въ дорожномъ платьѣ. Изнеможеніе, страданія были на лицѣ старушки; мать моя послала предложить ей карету и просить ее покамѣстъ къ себѣ отдохнуть, чтб приняла она съ благодарностію. Это вышла одна почетная дама, Авдотья Ивановна Талызина, пріѣхавшая на богомолье; у нея что-то изломалось, да и лошади рѣшительно отказались взвезти тяжелый экипажъ ея на крутую, сыпучую, Печерскую гору. Ее успокоили, угостили и не прежде отпустили, пока не пріискали хорошей квартиры. Она была чрезвычайно тронута гостепріимствомъ незнакомыхъ ей людей и потомъ, хотя имѣла намѣреніе посѣщать одни только монастыри и церкви, пріѣзжала и къ намъ, увѣряя, что въ назидательно-веселой бесѣдѣ матери моей находитъ столько же услажденій, какъ и въ молитвѣ.

Съ нею была одна родственница, Александра Николаевна Полтева, зрѣлая дѣва, которая, оплакивая потерю жениха, рѣшилась посвятить себя иноческой жизни въ Кіево-Флоровскомъ монастырѣ: благое намѣреніе, которое сохранила она всю жизнь свою, не приводя его въ исполненіе. Возвращаясь въ Москву, г-жа Талызина поручила ее утѣшеніямъ и попеченіямъ моей матери. Ея-то старшая сестра Анна Николаевна Полтева замѣтила меня въ храмѣ и, узнавъ фамильное имя мое, увлекла съ собою. Она жила у третьей сестры своей, которая была замужемъ за княземъ Петромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, братомъ г-жи Талызиной.

---

*) Это домъ въ Камергерскомъ переулкѣ, нынѣ Ліанозова (гдѣ театръ Горевой). Садъ его и задція строенія еще въ 50-хъ годахъ простирались до переулка Козмодемьянскаго и выходили противъ зданія Тверской Части. П. Б.

Домъ князя Одоевскаго, коего сдѣлался я частымъ посѣтителемъ, не былъ шуменъ, пышенъ, какъ другіе дома богатыхъ въ Москвѣ людей, но онъ былъ, однакоже, вѣрное изображеніе тогдашнихъ нравовъ древней столицы; въ описаніи его вижу я обязанность принятаго мною званія разсказщика. Въ одѣяніи, поступи, въ самомъ выраженіи лицъ господскихъ людей виденъ характеръ господина: тамъ, гдѣ безпорядокъ, они лѣнивы, неопрятны, оборваны; тамъ, гдѣ ихъ содержатъ въ строгости, они одѣты довольно чисто, вытянуты въ струнку, но торопливы и печальны. Видъ спокойствія, довольство, даже тучность домашней прислуги князя Одоевскаго, почтительно-свободное ея обхожденіе съ хозяевами и гостями, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтный порядокъ и чистота показывали, что онъ отечески управляетъ домомъ. Дѣйствительно, онъ былъ баричъ, который, по достиженіи совершеннолѣтія, долго путешествовалъ за границей и, возвратясь оттуда, сохранилъ въ домѣ своемъ обычаи старины, прибавивъ къ нимъ устройство и опрятность, которыя заимствовалъ онъ у Европейскихъ народовъ *).

Онъ былъ сухенькій старичокъ, но весьма живой и, какъ говорятъ Французы, еще зеленый. Мнѣ сказали, что онъ отставной полковникъ; а я, признаюсь, сначала принялъ его за отставнаго камергера. Онъ нисколько не походилъ на тѣхъ отважныхъ Екатерининскихъ полковниковъ, которыхъ прежде я видѣлъ въ Кіевѣ; не смотря на имя его, я даже не вдругъ повѣрилъ, что онъ Русскій: не знаю, природа ли или искусство дали ему совершенно Французскую наружность, хрустальныя ножки и какое-то затрудненіе въ выговорѣ. Но въ домѣ его все напоминало Русское барство, и въ немъ только онъ одинъ былъ аристократъ. Различіе между сими двумя названіями — аристократіей и барствомъ, надѣюсь я объяснить въ другомъ мѣстѣ.

Онъ не гнался за почестями: въ это время бригадирскимъ шитьемъ или камергерскимъ ключомъ заключалось обыкновенно поприще честолюбивѣйшихъ или тщеславнѣйшихъ изъ Москвичей. Онъ жилъ въ кругу родныхъ и коротко-знакомыхъ, довольствовался ихъ любовью и уваженіемъ, наслаждался спокойствіемъ, богатствомъ и воспоминаніемъ молодости, проведенной въ Парижѣ. Тамъ былъ онъ въ концѣ царствованія Лудовика XV и, въ качествѣ Русскаго принца, былъ представленъ ко двору его. Такъ очарователенъ примѣръ старой грѣховодницы-Франціи, что добрый и честный князь завелъ свою мадамъ де-Помпадуръ.

*) Изъ цѣлой Москвы едва ли не у него только была передняя, въ которой можно было дышать не зараженнымъ воздухомъ.

Больная, набожная княгиня рѣдко выходила изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Это было ненужно: какъ въ гостиной, такъ и въ сердцѣ ея супруга, мѣсто ея занимала молодая дворянка, Анна Васильевна Сабурова, неимущая сирота, не столько ею, сколько мужемъ ея призрѣнная. Но это еще не все; была въ одно и тоже время и мадамъ Дюбарри. Видно, въ это время Французскія гувернантки занимали вездѣ болѣе одной должности. Мамзель Дюбуа, которая воспитывала двѣнадцатилѣтнюю дочь князя Одоевскаго, была совершенная красавица и до того мила, что во мнѣ... стыдно сказать, родилось сожалѣніе, что я не дѣвочка и что не она моя наставница. Я не могу понять, какъ согласилась она играть второстепенную ролю, тогда какъ подлѣ дѣвицы Сабуровой казалась она какъ пышный цвѣтъ подлѣ миніатюрнаго скелета; предпочтеніе же Аннѣ Васильевнѣ было очевидно.

Несмотря на эти княжескія прихоти, которыя у насъ въ Россіи могли бы войдти въ пословицу, какъ за границей баронскія фантазіи, совершенное согласіе царствовало въ семъ домѣ. Посѣтителей въ немъ видѣлъ я весьма мало, молодыхъ ни одного; но за то посѣтительницами онъ изобиловалъ. Большая часть изъ нихъ были такъ называемыя Московскія старыя дѣвки. Въ Москвѣ было въ старину одно почтенное, трогательное обыкновеніе: въ каждомъ домѣ, смотря по состоянію, принималось на жительство нѣкоторое число убогихъ дѣвицъ, преимущественно дворянокъ; однѣ старѣлись въ нихъ и даже умирали, другихъ съ хорошимъ приданымъ выдавали замужъ; связи первыхъ съ своими благодѣтельницами отъ времени становились иногда крѣпче, чѣмъ самыя родственныя узы. Въ домахъ женатыхъ людей положеніе сихъ дѣвицъ было не совсѣмъ безопасно, но у вдовъ и у незамужныхъ старушекъ, ихъ общества составляли родъ свѣтскихъ монастырей или, лучше сказать, капитуловъ, коихъ онѣ были канониссами. Ихъ жизнь была дѣятельно-праздная; въ домѣ онѣ кой за-чѣмъ присматривали, исполняли нѣкоторыя коммиссіи своей хозяйки-аббатиссы, раскладывали съ ней гранъ-пасьянсъ, посѣщали иногда подругъ своихъ. Ихъ набожность ограничивалась одними наружными обрядами религіи, но онѣ соблюдали ихъ съ точностію мелочною; онѣ знали всѣ храмовые праздники и тамъ, гдѣ бывало архіерейское служеніе, ими наполнялась половина церкви. Такъ проходила ихъ безпорочная, ихъ безполезная жизнь.

Цѣлыми стаями слетались эти барышни къ своимъ знакомымъ у князя Одоевскаго; бывало спросишь: кто онѣ такія? скажутъ такая-то живетъ у княгини Марьи Ивановны, такая-то у княжны Лисаветы [illegible] ›зя себѣ представить ихъ дѣтскаго добродушія; разго- [illegible] эвинный лепетъ перваго возраста. Онѣ меня чрез-

вычайно любили, осыпали ласками и, будучи сами престрашныя лакомки, и меня прикармливали вареньями и пастилой: сладко мнѣ о нихъ воспоминаніе! Изрѣдка попадаются нынѣ такаго рода женщины, и я всегда встрѣчаю ихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Дому Одоевскихъ останусь я всегда благодаренъ за пріятныя минуты, въ немъ проведенныя, хотя, впрочемъ меня, свѣжаго мальчика, довольно оригинальнаго, любили тамъ и тѣшились мною среди единообразной жизни, какъ забавляются обезьяной, карлицей или попугаемъ. Князя Одоевскаго благодарить мнѣ нечего: онъ, кажется, не любилъ мой полъ, я же былъ не совсѣмъ ребенокъ, и онъ всегда на меня косился. Когда послѣ воротился я въ Москву уже взрослымъ мальчикомъ, то не могъ быть принятъ въ его домѣ, гдѣ, видно, наблюдались всѣ строгія правила гаремовъ.

Мнѣ было весьма трудно уговорить сестру сдѣлать первое посѣщеніе княгинѣ Одоевской; съ каждымъ днемъ она болѣе дичала, но рѣшилась, наконецъ, сіе сдѣлать, чтобы поблагодарить за оказанныя мнѣ ласки. Въ разговорѣ о затрудненіяхъ, куда бы меня лучше пристроить, была призвана на совѣтъ мамзель Дюбуа; она разсыпалась въ похвалахъ пансіону г-жи Форсевиль, своей единоземки. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось учиться въ Университетскомъ пансіонѣ; но Французскій языкъ, коимъ преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшія сословія, былъ вывѣскою совершенства воспитанія; я на немъ объяснялся плохо, а воспитанники университетскіе не славились его знаніемъ. Это замѣтила мамзель Дюбуа, прибавляя, что изъ рукъ г-жи Форсевиль молодые люди выходятъ настоящими Французами. Разсуждая, что мнѣ предназначено быть свѣтскимъ и военнымъ человѣкомъ, а не ученымъ и юристомъ, сестра моя нашла, что дѣйствительно лучше отдать меня къ Французамъ. Видно, на роду у меня было написано не получить основательнаго образованія.

Исполненіе намѣренія предать меня въ руки мадамы замедлилось нѣсколько дней по случаю тревоги, въ которой находилась вся Москва, и особенно свита графа Салтыкова. Ожидали скораго прибытія императора, полки собирались на маневры, и всѣ исполнены были страха, надеждъ и любопытства. Я стоялъ съ трепетомъ 10-го Мая *) на Тверской, подлѣ дома главнокомандующаго, когда Павелъ Первый въ нѣсколькихъ шагахъ проѣхалъ мимо меня. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ съ своимъ наслѣдникомъ и съ улыбкой кланялся (безобразіемъ его я былъ столько же пораженъ, какъ и красотою Александра). Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія своего въ Москвѣ

*) 1798 года. П. Б.

онъ всѣхъ изумилъ своею снисходительностію: щедротами онъ удивить уже не могъ. Войскамъ объявилъ совершенное свое удовольствіе. Шефа одного полка, который былъ дѣйствительно очень дуренъ, онъ наказалъ только тѣмъ, что ничего ему не далъ, но не позволилъ себѣ сдѣлать ему даже выговора; всѣхъ же другихъ завѣшалъ орденами; засыпалъ подарками. Никто не могъ постигнуть причины такого необыкновеннаго благодушія; узнали ее послѣ. Любовь, усмиряющая царя звѣрей, побѣдила и нашего грознаго царя: пылающіе взоры извѣстной Анны Петровны Лопухиной растопили тогда его сердце, которое въ эту минуту умѣло только миловать. Графу Салтыкову пожаловалъ онъ четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, а всѣхъ адъютантовъ его, въ томъ числѣ и зятя моего, произвелъ въ слѣдующіе чины.

Въ пансіонѣ, въ который, наконецъ, отвезли меня, воспитывались дѣти обоего пола, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ содержательницы его. Я ожидалъ найти въ ней другую мамзель Дюбуа; можетъ быть, лѣтъ двадцать до нашего знакомства была она и лучше. Тогда она была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, полная, бѣлая, которая задыхалась отъ здоровья, у которой щеки алѣли всегда отъ удовольствія, когда не багровѣли отъ гнѣва. Она деспотически управляла ввѣренными ей ребятишками, и мнѣ казалось обиднымъ, что меня ставятъ на одну съ ними ногу, тогда какъ почти всѣ они были меня моложе. Я, напротивъ, имѣлъ притязанія на совершенную свободу, коею пользовался соученикъ мой Лутовиновъ, пятнадцати или шестнадцатилѣтній дюжій мальчикъ, который ничему не учился, ничего не дѣлалъ или, лучше сказать, дѣлалъ все что̀ ему было угодно. Еслибъ я былъ нѣсколько постарѣе, то можетъ быть умѣлъ бы присвоить себѣ равныя съ нимъ права; а можетъ быть и нѣтъ, ибо румянецъ осенняго листа, ветчинная свѣжесть г-жи Форсевиль мнѣ были вовсе не по вкусу.

Былъ также и мусью Форсевиль; онъ принадлежалъ къ тому роду незамѣтныхъ мужей, коихъ существованіе поглощается и исчезаетъ въ великой знаменитости супругъ, какъ мужъ г-жи Жоффренъ или г-жи Каталани. Заведеніе находилось подъ его фирмой, но въ немъ почти ни во что̀ онъ не мѣшался. Онъ мало выходилъ изъ своей каморки, прозванный кабинетомъ, развѣ только потому, что въ ней находился маленькій шкафъ, съ двумя дюжинами какихъ-то книгъ, прозванный библіотекой. Тутъ не было ни письменнаго столика, ни даже [illegible]ъницы, а одни станки, да пилы, буравы, всѣ принадлежности [illegible] и столярной работы: все было засорено стружками и опил[illegible] обличало присутствіе болѣе мастероваго, чѣмъ грамотнаго [illegible]а природномъ языкѣ говорилъ онъ какъ простолюдинъ, за

то увѣрялъ, что весьма хорошо знаетъ Англійскій, и взялся два раза въ недѣлю учить меня оному. Недостатокъ ли въ его знаніи или въ моихъ способностяхъ былъ причиною, что я никакихъ успѣховъ не сдѣлалъ. Онъ былъ совершенный сморчокъ, старичишка добрый, по крайней мѣрѣ для меня; довѣренность его ко мнѣ до того простиралась, что изъ учениковъ я только одинъ имѣлъ входъ въ такъ называемый кабинетъ его, гдѣ таинственно предавался онъ своимъ занятіямъ. Онъ долго жилъ въ Англіи и всегда предпочиталъ ее своему отечеству; теперь я увѣренъ, что онъ тамъ былъ ремесленникомъ. Богъ вѣсть, какъ занесло его къ намъ и какъ встрѣтился и совокупился онъ съ Француженкой, въ Россіи родившеюся, хотя безграмотною, но досужею и проворною бабой. Обо всемъ онъ говорилъ равнодушно, кромѣ Англіи; самая покорность его супругѣ, кажется, была не что̀ иное, какъ слѣдствіе уваженія его къ той землѣ, гдѣ королевы женятся.

Пребываніе мое въ пансіонѣ мнѣ сначала полюбилось. Лѣто было прекрасное: отъ барства, шуму, духоты городской, мнѣ казалось, что я перенесенъ въ тихое, сельское уединеніе. Домъ, въ которомъ помѣщался Форсевилевъ пансіонъ, находился у подошвы невысокой горы, на которой построенъ упраздненный Новинскій монастырь; сей пригорокъ заслонялъ намъ видъ городскихъ строеній, а съ другой стороны открывался прекрасный видъ къ Москвѣ-рѣкѣ, на рощи, сады и невысокіе деревянные дома, между ними разсѣянные. Товарищи мои рѣчами и манерами также напоминали деревню: каждый изъ нихъ былъ оттуда прямо привезенъ въ училище, въ Москвѣ никого почти не зналъ и могъ только, въ незанимательныхъ разговорахъ своихъ, познакомить меня съ образомъ жизни нашихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Ихъ было человѣкъ тридцать; каждаго изъ нихъ могъ бы я и теперь назвать по имени и отчеству, хотя, съ самой минуты нашей первой разлуки, я ни съ однимъ не встрѣчался, ни объ одномъ ни слыхивалъ ни слова. Въ пространномъ мірѣ, называемомъ Россія, въ сей цѣлой части свѣта болѣе чѣмъ въ государствѣ, люди, съ которыми долго живешь и бесѣдуешь, не переставая существовать, часто исчезаютъ какъ атомы, теряются въ безъизвѣстности. Куда дѣвались мои товарищи? Не зная ничего о судьбѣ ихъ, но судя по ихъ способностямъ и образу воспитанія, могу съ достовѣрностію разсказать ихъ исторію. Въ пятнадцать или въ шестнадцать лѣтъ ихъ опредѣлили въ армейскіе полки унтеръ-офицерами, потомъ черезъ годъ или два произвели въ прапорщики; одни воспользовались симъ первымъ чиномъ, чтобы выйти въ отставку: другіе, болѣе алчные къ почестямъ, дослужились до поручиковъ или до штабсъ-капитановъ, но наскучивъ службою, также ее оставили. Всѣ

они зарылись въ деревнѣ, начали гоняться за зайцами, бить мужиковъ, обольщать дѣвокъ, потомъ завелись женой и дѣтьми; одни спились, промотались и потомство свое привели въ состояніе однодворцевъ; другіе, болѣе степенные, пошли служить по выборамъ и попали уже вѣрно не болѣе какъ въ засѣдатели или исправники; безъ угрызенія совѣсти, слѣдуя общему примѣру, стали неправо наживаться, чтобы каждаго сына, сколь бы ихъ много ни было, поставить на ту точку, съ которой сами пошли.

Дѣвицы, которыя съ нами воспитывались, обѣдали, а иногда и учились за однимъ съ нами столомъ, жили, однакоже, въ особливой половинѣ. Онѣ были также маленькія провинціалки, но граціознѣе и остроумнѣе мальчиковъ. Изъ двадцати или изъ двадцати пяти, одну только Ложечникову можно было назвать хорошенькою; не знаю, гдѣ умѣли набрать такихъ уродцевъ. Обхожденіе съ ними Форсевильши было болѣе строгое: отъ взгляда ея, отъ одного движенія губъ, бѣднягки приходили въ ужасъ. Болѣе всѣхъ тирански преслѣдовала она бѣдную, четырнадцати или пятнадцати-лѣтнюю Француженку, дочь какого-то пріятеля, которая училась у нея даромъ, а за то употреблялась для разныхъ домашнихъ упражненій безъ платы; расцвѣтающія прелести были ея виною въ глазахъ отцвѣтшей мадамы. Ее звали Лабордъ; она родомъ казалась болѣе изъ Индіи, чѣмъ изъ Франціи: весь пламень Востока и Юга блисталъ въ черныхъ глазахъ ея, самый яркій румянецъ выступалъ на смугло-свѣжихъ ея щекахъ; ея волосы, уста и губы позволилъ бы я себѣ сравнить съ эбеномъ, коралломъ и перлами, еслибъ отъ частаго употребленія сіи сравненія мнѣ самому не надоѣли; выраженіе же лица юной одалиски словами невыразимо. Живши съ ней подъ одною кровлей, видя ее часто, я бы влюбился въ нее, еслибы былъ постарѣе; однакоже, не смотря на отрочество мое, я не былъ къ ней совершенно равнодушенъ, написалъ какой-то вздоръ и всунулъ ей потихоньку въ руку во время танцовальнаго класса, который для дѣвочекъ почти столь же опасенъ, какъ балы для дѣвицъ, а для меня всегда былъ часомъ искушеній. Я ожидалъ отвѣта, но тиранка-Форсевиль имѣла свою тайную полицію: кто-то изъ уродцевъ подсмотрѣлъ и донесъ. На другой день тревога, позоръ и срамъ: призвали виновныхъ, осыпали ихъ ругательствами, самыми грубыми, непристойными укоризнами; я стоялъ какъ вкопанный, не внималъ имъ, а только смотрѣлъ на слезы и на тяжко вздохами волнуемую грудь, и былъ весь раскаяніе. Опредѣлено обоихъ выгнать изъ пансіона, и приговоръ исполненъ въ тотъ же день; меня отослали къ роднымъ, но какъ шуринъ адъютанта главнокомандующаго, я на другой же день воротился съ письменнымъ увѣреніемъ, что дома строго былъ нака-

занъ. Наказаніе мое состояло въ грустныхъ, нѣжныхъ упрекахъ сестры; зять же мой расхохотался, называя меня молодцомъ. Чрезъ три дня явилась и бѣдная Лабордъ, но съ тѣхъ поръ я не смѣлъ уже подходить къ ней, а она на меня даже и глазъ не подымала *). Примѣръ сей не нуженъ, чтобы доказать, сколь опасно воспитывать вмѣстѣ дѣтей разнаго пола; теперь это вывелось, а въ старину полагали, что до пятнадцати лѣтъ всѣ дѣти должны быть столь же безстрастны, какъ грудные младенцы.

Главный вопросъ, который долженъ былъ сдѣлать всякій и который могу я самъ себѣ сдѣлать: да чему же мы тамъ учились? Богъ знаетъ; помнится всему, только элементарно. Эти иностранные пансіоны, коихъ тогда въ Москвѣ считалось до двадцати, были хуже чѣмъ народныя школы, отъ которыхъ отличались только тѣмъ, что въ нихъ преподавались иностранные языки. Учители ходили изъ сихъ школъ давать намъ уроки, которые всегда спѣшили они кончить; одинъ только Нѣмецкій учитель, нѣкто Гильфердингъ, былъ похожъ на что-нибудь. Онъ одинъ только бралъ на себя трудъ разсуждать съ нами и толковать намъ правила грамматики; другіе же разсѣянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчасъ послѣ классовъ. Мы были настоящее училище попугаевъ. Догадливые родители не долго оставляли тутъ дѣтей, а отдавали ихъ потомъ въ пансіонъ Университетскій. Сіе неминуемо должно было со мной случиться, но странность судьбы моей къ тому не допустила.

Четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, пожалованныя императоромъ графу Салтыкову, предоставлены были его выбору. Пользуясь необыкновенною милостью царя, онъ выпросилъ у него позволеніе отправить адъютанта своего, подполковника Алексѣева, чтобы сдѣлать сей выборъ. Оказывая неограниченную довѣренность зятю моему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставлялъ ему безсрочный отпускъ. Въ концѣ Августа собралась сестра моя съ мужемъ въ Кіевъ къ родителямъ, а въ началѣ Сентября оставила меня одного въ Москвѣ.

Мое одиночество показалось мнѣ ужаснымъ, хотя въ положеніи оставленнаго въ пансіонѣ мальчика не было ничего необыкновеннаго. Сестра, отъѣзжая, поручила меня попеченіямъ близкой родственницы мужа своего, не очень старой, но и не весьма молодой дѣвицы, Дарьи Ивановны Корольковой, которая имѣла собственный домъ за Сухаревою башней. Сей доброй и умной, кроткой и твердой женщинѣ недо-

---

*) Я тщетно старался послѣ развѣдать о ея участи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ только узналъ я, что она замужемъ за старымъ, ревнивымъ Нѣмцемъ, клавикордамъ мастеромъ, и что нѣтъ возможности ее видѣть. Милая Лабордъ, я почти увѣренъ, что она погибла во цвѣтѣ лѣтъ жертвою пылкихъ страстей!

ставало только воспитанія; своимъ примѣромъ она доказывала, что оно не всегда бываетъ необходимо для собственнаго счастія и для блага окружающихъ. У нея также жили двѣ барышни, подъ именемъ компаньонокъ, и онѣ всѣ вмѣстѣ старались утѣшать меня. Всякую Субботу или наканунѣ праздника, у подъѣзда пансіона всегда являлся за мною экипажъ и отвозилъ меня къ моей попечительницѣ. Главныя заботы ея обо мнѣ состояли въ томъ, чтобы меня исправно водили у нея въ баню, вычесывали голову, чаще мѣняли бѣлье, и чтобы поутру къ чаю всегда подавали мнѣ свѣжіе крендели. Поведеніемъ моимъ она не могла нахвалиться, и какъ не быть довольну такимъ человѣкомъ, который сидитъ сложивъ руки, все молчитъ и тайкомъ зѣваетъ? Она меня очень полюбила и потому неохотно отпускала меня иногда въ домъ Одоевскихъ, гдѣ, признаюсь, мнѣ всегда было гораздо веселѣе съ губительницей моею Дюбуа.

Письмами своими старался я разжалобить родителей и въ томъ успѣлъ; но не вполнѣ достигъ я своей цѣли, ибо, вмѣсто того чтобъ отдать меня въ Университетскій пансіонъ, велѣно обратно меня отправить въ Кіевъ. Причина тому была нижеслѣдующая. Въ числѣ имѣній князя Потемкина, коимъ наслѣдовали племянницы его, находилось въ Кіевской губерніи село Казацкое, доставшееся на часть княгинѣ Голицыной, женѣ извѣстнаго князя Сергія Ѳеодоровича. Мужъ ея нѣкогда воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ одно время съ отцомъ моимъ, и хотя нѣсколько лѣтъ былъ его моложе, всегда помнилъ его, любилъ и сохранялъ съ нимъ сношенія; она же была родная сестра графини Браницкой. По симъ уваженіямъ (какъ часто говорится въ канцелярскихъ бумагахъ), проѣзжая въ сказанное имѣніе чрезъ Кіевъ, она прямо остановилась у моей матери, хотя до того не была съ ней знакома. Ея супругъ начальствовалъ тогда надъ корпусомъ, посылаемымъ на помощь Австріи противъ Французовъ, а она намѣревалась нѣсколько лѣтъ прожить въ деревнѣ, для поправленія разстроенныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Покойная мать моя, которая съ ней скоро подружилась, не въ состояніи была не говорить о томъ, что̀ ей казалось моею миловидностію и затѣйливостію, и о тяжкой для нея разлукѣ со мною; слушая ее, княгиня Голицына предложила ей взять меня къ себѣ, чтобы не подалеку отъ Кіева воспитываться вмѣстѣ съ ея сыновьями, и прибавила, что многочисленность ея семейства и разные учители дѣлаютъ изъ ея дома настоящій пансіонъ. Предложеніе было принято, и я, ничего о томъ не вѣдая, несказанно возрадовался, въ упованіи вновь узрѣть богоспасаемый градъ Кіевъ.

Одну Московскую барыню, на житье переселившуюся въ Кіевъ и находившуюся тогда въ Москвѣ, по какимъ-то дѣламъ, просила мать

моя привезти меня съ собою. Итакъ госпожа Королькова взяла меня отъ госпожи Форсевиль и передала госпожѣ Турчаниновой: тогда судьба моя была переходить изъ рукъ въ руки къ женщинамъ.

Но прежде чѣмъ отправлюсь изъ Москвы, хочу описать, сколь можно вкратцѣ, какъ особу, съ которою долженъ былъ совершить путешествіе, такъ и семейство ея.

Во время походовъ Миниха и Ласси, маленькой Турченокъ былъ взятъ Русскими въ плѣнъ и привезенъ въ Петербургъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, которая его крестила. Елисавета Петровна отдала его въ услуженіе наслѣднику своему; онъ сдѣлался Кутайсовъ Петра III-го. Господинъ и государь его не имѣлъ времени пожаловать его графомъ или свѣтлѣйшимъ княземъ, и въ день кончины его онъ назывался только Александромъ Александровичемъ Турчаниновымъ, камердинеромъ полковничьяго ранга. При Екатеринѣ онъ скрывался, потомъ на сбереженныя деньги купилъ имѣньице въ Орловской губерніи, потомъ женился на сосѣдкѣ, дѣвицѣ Сибилевой, также съ нѣкоторымъ достаткомъ. Семейство ихъ въ тихомолку плодилось и множилось, равно какъ и состояніе; наконецъ, они имѣли даже домъ въ Москвѣ у Пречистенскихъ воротъ.

Воцареніе Павла пробудило давно заснувшія надежды малаго числа приверженцевъ Петра III; въ числѣ ихъ предсталъ и г. Турчаниновъ предъ новымъ императоромъ, который приказалъ производить ему все содержаніе, кое получалъ онъ при отцѣ его, а сверхъ того выдать ему оное за все время царствованія Екатерины съ наросшими процентами и рекамбіями. Составился значительный капиталъ, на который искалъ онъ купить хорошее имѣніе. Тогда въ Кіевской губерніи продавались за ничто помѣстья князя Станислава Понятовскаго, брата послѣдняго короля; для сбыта ихъ былъ данъ ему самый краткій срокъ, ибо онъ переѣхалъ въ Австрію и не хотѣлъ сдѣлаться Русскимъ подданнымъ. Бывши въ Кіевѣ на богомольѣ, г-жа Турчанинова о томъ провѣдала, купила селеніе Степанцы, состоявшее изъ 1000 душъ, кажется, не болѣе какъ за 60000 рублей и потомъ подвластнаго ей мужа выписала изъ Орла.

Онъ былъ сухенькій, сладенькій старичокъ, который всегда улыбался и до того ко всѣмъ былъ ласковъ, что рождалъ недовѣрчивость. Супруга его, женщина еще видная, соединяла твердость съ добротою душевною; слабость ея, впрочемъ весьма простительная, была желаніе казаться моложе, и потому-то погибшія на лицѣ ея розы и лиліи она весьма неискусно замѣняла искусственными. Изъ многочисленнаго семейства ихъ одна только младшая дочь была примѣчательна и сдѣлалась даже въ послѣдствіи извѣстною.

Не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, она избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала Латинскій и Греческій языки, сбиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у насъ ее знали подъ именемъ философки. Вся Кіевская ученость скрывалась тогда подъ иноческими мантіями въ стѣнахъ Братскаго монастыря; она открыла ее и, чуждая мірскихъ слабостей, не побоялась свести явную, тѣсную дружбу съ нѣкоторыми монахами, преподававшими науки въ духовной академіи. Съ такой высоты вдругъ опустила она вниманіе на маленькаго невѣжду, котораго пугали и странность ея наряда, и мрачное выраженіе ея лица.

Когда она выпросила меня къ себѣ въ гости, и меня въ первый разъ къ ней послали, то я отправился весьма неохотно. Только сей первый шагъ былъ для меня труденъ, а потомъ я надоѣдалъ просьбами о дозволеніи посѣтить ее. Чистота ли ея души, сквозь неопрятную оболочку, сообщалась младенческой душѣ моей, или магнетическая сила ея глазъ, коихъ дѣйствіе испытывали въ послѣдствіи изувѣченныя дѣти, дѣйствовала тогда и на меня: я находился подъ очарованіемъ. Я не нашелъ въ ней и тѣни педантства: всегда веселая, часто шутливая, она объяснялась съ дѣтскою простотой. Правда, иногда бралась она допрашивать меня о томъ, чему я учился, и ужасалась глубинѣ моего невѣдѣнія; но вдругъ потомъ, какъ Пиѳія на треножникѣ, какъ бы содрогаясь отъ вдохновенія, сверкала очами и начинала предрекать мнѣ знаменитость. Увы, пророчества ея столь же мало сбылись, какъ и удалось ея лѣченіе!

Разговоры ея были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно разсказывала мнѣ про связи свои съ почтенными учеными мужами, профессорами Московскаго университета, хвалилась любовію и покровительствомъ стараго Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой. Поэзія доступна понятіямъ младенчествующихъ какъ народовъ, такъ и людей, и хотя она была для меня Халдейскимъ языкомъ, дѣвица Турчанинова заставляла меня иногда читать нѣкоторыя мѣста изъ Россіяды и негодовала, когда неодолимая зѣвота мѣшала мнѣ продолжать сіе чтеніе. Тогда принималась она за мелкія стихотворенія, потчивала меня ими, упрашивала выучить наизусть, и одно только изъ нихъ, «Ода на смерть сына моего», Капниста, мнѣ полюбилось и осталось досѣлѣ у меня въ памяти. Первое знакомство съ Русскими музами сдѣлалъ я въ запыленномъ, засаленномъ кабинетцѣ моей любезной Турчаниновой.

Лѣтъ тридцать спустя, увидѣлъ я ее опять въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ того какъ имя ея надѣлало въ немъ великій шумъ, но столь же

кратковременный какъ и надежды, кои возбудила она въ сердцахъ скорбныхъ родителей обѣщаніемъ исцѣлить ихъ дѣтей. Я не нашелъ въ ней почти никакой перемѣны: черные, прекрасные, мутные и блуждающіе глаза ея все еще горѣли прежнимъ жаромъ; черныя, длинныя нечесанныя космы, какъ и прежде, выбивались изъ подъ черной скуфьи, и вся она, какъ черная труфель въ маслѣ, совершенно сохранилась въ своемъ сальномъ одѣяніи. Я не упомянулъ объ ней, говоря о Кіевѣ; тамъ видѣлъ я еще много другихъ примѣчательныхъ особъ и умолчалъ объ нихъ съ намѣреніемъ послѣ описать ихъ, по мѣрѣ какъ въ совершеннолѣтіи случай опять сводилъ меня съ ними.

Съ ея родительницей я долженъ былъ отправиться, и отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на третій день послѣ Рождества. Я былъ внѣ себя отъ радости; но, въ самую почти минуту сего отъѣзда, къ ней примѣшалось маленькое горе. Младшій сынъ г-жи Турчаниновой, по совѣту сестры, учился въ Университетскомъ пансіонѣ; къ нему пришли товарищи и начали при мнѣ читать *Московскія Вѣдомости*, лежавшія на столѣ. Въ нихъ было помѣщено извѣстіе объ экзаменѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ семъ пансіонѣ происходившемъ, и имена учениковъ, получившихъ награды. Двумъ только даны были золотыя медали; одинъ изъ нихъ г. Кириченко-Астромовъ, находился тутъ на лицо; привѣтствія ему и поздравленія хозяйки были мнѣ какъ острый ножъ. Отецъ его занималъ какую-то маленькую должность въ Кіевѣ, и онъ ласково подошелъ ко мнѣ, называя себя моимъ землякомъ; но я спѣсиво и холодно отвѣчалъ ему, что никогда имени его не слыхивалъ (этой глупости я въ вѣкъ себѣ не прощу). Имя другаго ученика, цѣлой Россіи послѣ знакомое, имя Жуковскаго, было тогда столь же мало извѣстно. Увѣряли, будто онъ Полякъ; другіе утверждали, что онъ Малороссіянинъ; онъ самъ долго не могъ рѣшиться, чѣмъ ему быть и оставался покамѣстъ Русскимъ, славя наше отечество и имъ славимый. Послѣ восторговъ, произведенныхъ во мнѣ его стихами, мнѣ нечего раскаеваться въ зависти, которую возбудило во мнѣ имя его, въ первый разъ какъ я его услышалъ.

XIV.

Несмотря на весьма хорошій гладкій, зимній путь, мы ѣхали медленно на Лихвинъ, Калугу, Бѣлевъ и Болховъ. Близъ новой сей для меня дороги жили родные г-жи Турчаниновой, Панины, Кривцовы и другіе, и она безпрестанно къ нимъ сворачивала. Я сидѣлъ съ ней рядомъ въ четвероместномъ возкѣ, а противъ насъ довольно толстая и безобразная горничная, которую прозвала она бомбой. Я находилъ

довольно разсѣянности въ разговорахъ самой г-жи: она любила разсказывать, я любилъ слушать и узналъ отъ нея множество старинныхъ анекдотовъ и генеалогію знатнѣйшихъ въ Москвѣ домовъ. Страсть ея казаться моложе не покидала ее и дорогой: всякій день покрывала она румянами синеву, которую сильный холодъ производитъ на старыхъ лицахъ; въ городахъ же и въ гостяхъ у родныхъ, вездѣ гдѣ только останавливалась она на сутки, не упускала бѣлиться и проводить себѣ синія жилки, и лицо ея, какъ трехцвѣтное знамя, гордо подымалось противъ законнаго могущества времени.

Украйна была для меня настоящая родина; сильно забилось во мнѣ сердце, когда, послѣ годоваго отсутствія, я опять ее увидѣлъ. Когда въ Есмани, первой Малороссійской станціи, вошелъ я въ хату и услышалъ: «що, пане», то едва не заплакалъ отъ радости. Старая сопутница моя, которая часто бывала недовольна моимъ упрямымъ молчаніемъ, удивилась моей внезапной болтливости: я вступалъ въ разговоры со всѣми мужиками и крестьянками, которыхъ находилъ на станціяхъ. Нарѣчіе Хохловъ, по мнѣнію нашему столь грубое, мнѣ казалось райскимъ пѣніемъ; какъ Батюшкову, знакомыми звуками хотѣлось мнѣ насытить свой жадный слухъ. Но что̀ сдѣлалось со мною, когда, оставя Бровары, сквозь чащу лѣса въ глазахъ моихъ

Какъ звѣздочка зажглася
Глава Печерская съ крестомъ?

Турчаниновой показалось, что я сошелъ съ ума: я крестился, я плакалъ, я дрожалъ. Давно уже зналъ я что̀ такое любовь къ ближнимъ и, къ несчастію, до сихъ поръ не совсѣмъ еще тому разучился; тогда въ первый разъ ощутилъ я, какъ сильно и неодушевленные любимые предметы могутъ говорить нашимъ чувствамъ. Отъ восторга къ восторгу, очутился я наконецъ въ объятіяхъ родителей, сестеръ и братьевъ.

Это было въ половинѣ Генваря 1799 года. Все наше семейство довольно тѣсно помѣщалось тогда въ одномъ флигелѣ, вновь построеннаго, но еще неотдѣланнаго дома на Печерскомъ форштатѣ, близъ Никольскаго монастыря. Отецъ мой жилъ благородно, довольно открыто, но уже не было слѣдовъ маленькой роскоши, въ которой домъ нашъ я оставилъ. Сестра моя медленно оправлялась послѣ первыхъ, мучительныхъ родовъ мертвою дочерью. Братья были оба въ отставкѣ: старшій получилъ ее по просьбѣ, а о меньшомъ прочитали разъ въ приказахъ, что онъ отставляется отъ службы, безъ всякой оговорки. Никто не зналъ причины, и никто тому не удивлялся: это случалось ежедневно, и всякій въ свою очередь могъ того же ожидать. Вообще въ образѣ жизни моихъ родителей нашелъ я большую перемѣну: ме-

нѣе шуму, менѣе суеты, но за то еще болѣе семейственнаго согласія, семейственнаго счастія и тихаго веселія.

Князя Дашкова уже въ Кіевѣ не было. Новымъ поведеніемъ своимъ онъ заставлялъ забывать прежніе свои поступки, съ усердіемъ исправлялъ лежащія на немъ обязанности, и всѣ имъ были довольны. По какому-то недоразумѣнію, или наговору, Богъ вѣсть за что, царь на него прогнѣвался и, безъ всякой церемоніи, просто отставилъ его отъ службы; онъ поклонился и уѣхалъ въ деревню.

Объ немъ бы стали можетъ быть даже жалѣть, но преемникъ его того не допустилъ. Это былъ извѣстный природнымъ умомъ, правдивостію и опытностію въ дѣлахъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, одинъ изъ государственныхъ людей, образованныхъ Екатериной. Воспитанный въ Кадетскомъ Корпусѣ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, въ такое время когда юношество училось Нѣмецкому языку болѣе чѣмъ Французскому, онъ зналъ его лучше другихъ и для того былъ императрицей опредѣленъ губернаторомъ въ Ригу, гдѣ и пробылъ онъ лѣтъ пятнадцать. Онъ имѣлъ отъ нея тайное порученіе, которое онъ одинъ только въ состояніи былъ выполнить: стараться познакомить Нѣмцевъ съ Русскимъ языкомъ и пріучить ихъ къ нашимъ обычаямъ, законамъ и нравамъ. Наружное безобразіе, видъ брюзгливый, всегда недовольный, голосъ грубый, сначала рождали въ подвластныхъ ему отвращеніе и страхъ; твердость воли и что-то откровенное въ обхожденіи вселяли потомъ къ нему довѣренность; наконецъ, благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать кому только могъ, обращала все это въ искреннее къ нему уваженіе. Въ немъ была и Русская хитрость; но онъ не тратилъ ея на мелочи, а употреблялъ для видовъ государственной пользы, не для собственныхъ успѣховъ при дворѣ.

Потомъ былъ онъ генералъ-губернаторомъ Орловскимъ и Курскимъ; въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ имѣлъ онъ постоянное пребываніе и былъ настоящимъ его основателемъ, обстроивъ его, украсивъ и введя въ немъ пріятности общежитія. Курская губернія, коей уѣзды примыкающіе къ Малороссіи были искони наполнены бѣглецами, бродягами, преступниками, при немъ только переставала быть разбойничьимъ вертепомъ. При Павлѣ дали ему въ управленіе Подолію и Волынь; потомъ перевели его въ Малороссію и придали ему наконецъ Кіевъ и Минскую губернію.

Старинную дружбу, сведенную съ отцомъ моимъ въ молодыхъ лѣтахъ, возобновилъ онъ въ старости и часто наединѣ требовалъ его совѣтовъ. Какъ въ Ригѣ плѣнилъ онъ Нѣмцевъ, заставляя ихъ однакоже, какъ говорится, плясать по своей дудкѣ, такъ въ Кіевѣ умѣлъ

[illegible] которые [illegible] были все [illegible], мнѣ [illegible] Сколько [illegible] людей какъ Бе-[illegible] [illegible] наслѣдство [illegible] Екатериной, и [illegible] Россія [illegible] безразсудное царство-[illegible] [illegible].

[illegible] малѣйшей [illegible] за половину [illegible] встрѣчались мнѣ [illegible] знакомиться съ ними, но [illegible] родители мои объ-[illegible] для [illegible] туда. [illegible] вечеръ. [illegible] числахъ Фе-[illegible].

[illegible] весь слѣ-[illegible] сы-[illegible] такъ [illegible] гос-[illegible] [illegible], но обра-[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Бра-[illegible] [illegible] [illegible] Въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] купленa [illegible] Браницкой; [illegible] дру-[illegible] Екатерины, а [illegible] завѣщаны [illegible]. Изо всѣхъ мнѣ болѣе показалась привлекательна [illegible] гора, на вершинѣ [illegible] двуглавый Русскій [illegible] струились живоносные хрустальные [illegible], а [illegible] механизмъ производилъ музыку, которая подра-[illegible]. На полугорѣ сидѣлъ Сатурнъ съ косою за пле-[illegible] рукой опираясь объ часы, а другою держа миніатюрный [illegible] Екатерины [illegible], въ оправѣ изъ стразовъ, [illegible] свое и любуясь ея изображеніемъ.

[illegible] грехъ [illegible], также какъ у графа [illegible] учитель и [illegible] съ гувернанткой, мужъ

съ женой, г-нъ и г-жа Дориньи и мусью Бробекъ. Сверхъ того, жили въ семъ домѣ Польскія и Русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ военныхъ, неимущихъ, довольно образованныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, прикащиковъ надъ деревнями, конюшихъ и тому подобное *). Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ согласіи. Домашняя услуга вся состояла изъ шляхтичей, и въ семъ домѣ, безъ лишнихъ прихотей, все напоминало однакоже феодальное могущество.

Княгиня Голицына, къ которой везли меня, была родная сестра графини Браницкой; но въ это время произошла между ними если не явная ссора, то, по крайней мѣрѣ, сильная простуда родственной любви. Обѣ хотѣли купить Корсунь, помѣстье князя Понятовскаго, которое вмѣстѣ съ окружавшими его деревнями имѣло до восьми тысячъ душъ. У Браницкой были огромные капиталы, а у Голицыной не было даже большаго кредита; слѣдственно первая сторговала имѣніе. Павелъ Первый помирилъ ихъ, купивъ оное для Петра Васильевича Лопухина, отца своей любимицы, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожаловалъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Мать моя взялась довершить примиреніе начатое императоромъ и, кажется, въ томъ успѣла.

Село или мѣстечко Казацкое, въ которое мы пріѣхали, было изъ числа тѣхъ имѣній, кои Польскіе короли раздавали магнатамъ въ Украйнѣ, послѣ раздѣленія ея на Русскую и Польскую и по совершенномъ порабощеніи послѣдней. Магнаты никогда въ нихъ не пріѣзжали, жили въ Варшавѣ или Вильнѣ и получали съ нихъ только доходы; казацкая вольница не страдала отъ панскаго присутствія. Князь Потемкинъ, еще при Польскомъ правительствѣ, властію и деньгами пріобрѣлъ всѣ тѣ имѣнія, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Новороссійскимъ краемъ; по смерти его, они достались его наслѣдникамъ. Проѣзжая чрезъ сіи имѣнія, чрезъ Богуславъ, Корсунь, я не могъ надивиться тому, что вездѣ вижу православныя церкви, вездѣ слышу Малороссійское нарѣчіе и только изрѣдка встрѣчаю Поляковъ. Невѣжество мое, которое, впрочемъ, раздѣлялъ я со всѣми жителями внутренней Россіи, заставляло меня думать, что все находящееся за старою нашею границей есть и было всегда настоящая Польша.

---

*) Нельзя себѣ представить, сколько добрыхъ и честныхъ людей, безъ всякой вины отставленныхъ или выключенныхъ изъ службы, въ сіе мрачное время считалось безъ пропитанія. Они принимали всякія низкія должности въ знатныхъ и помѣщичьихъ домахъ. У князя Куракина жилъ въ деревнѣ одинъ видный собою маіоръ, котораго обязанность состояла только въ томъ, чтобы съ палкою въ рукѣ ходить передъ княземъ, когда онъ изволилъ шествовать въ свою домовую церковь.

Еще не было году, что семейство Голицыныхъ поселилось въ Казацкомъ. Мы пріѣхали туда въ сумерки. Безконечный дворъ, обнесенный тыномъ, въ глубинѣ коего открывались деревянные барскіе хоромы, наскоро выстроенные, а по бокамъ находились шесть довольно просторныхъ мазанокъ, вмѣсто флигелей, и садъ разведенный только осенью и представляющій одни только ряды прутьевъ, все это занесенное снѣгомъ, имѣло въ глазахъ моихъ видъ мрачный и угрюмый. Тѣ, кои вспомнятъ, какъ тяжела мнѣ была мысль сдѣлаться пріемышемъ въ знатномъ домѣ, даже среди шума блестящей столицы, могутъ посудить о томъ, что во мнѣ происходило въ сію истинно-горестную для меня минуту.

Намъ отвели особливыя комнаты. Въ тотъ же самый вечеръ меня представили княгинѣ, и я познакомился какъ съ гувернеромъ, коему меня поручили, такъ и съ маленькими моими товарищами. Я не скажу теперь ни слова о впечатлѣніи, которое произвело на меня мое новое знакомство: ибо всѣхъ членовъ многочисленнаго семейства, среди коего пришлось мнѣ жить, также и всѣ лица, кои, находясь въ семъ домѣ, составляли его общество, намѣренъ я въ послѣдствіи перебрать поодиночкѣ. Права гостепріимства я почитаю священными; но я нимало не нарушу моихъ обязанностей, если о постороннихъ людяхъ скажу истину съ такою же откровенностью, съ какою говорилъ о самыхъ близкихъ родныхъ. Чрезъ два дни родители мои воротились въ Кіевъ, оставивъ меня между людьми мнѣ дотолѣ вовсе незнакомыми.

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня Варвара Васильевна (такъ звали г-жу Голицыну) извѣстій отъ мужа изъ арміи, которая на походѣ находилась тогда въ Литвѣ; съ изступленіемъ бѣшенства скоро получила она письмо его, коимъ онъ ее увѣдомлялъ, что государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, велѣлъ ему жить въ деревнѣ, и что фельдъегерь не замедлитъ привезти его къ намъ. Конечно, было за что подосадовать, но гнѣвъ княгини Голицыной превосходитъ всякое описаніе. Столь ужаснѣйшаго гнѣва я никогда еще не видывалъ; онъ превратилъ ее въ фурію, исказилъ всѣ черты еще прекраснаго ея лица. Забывая, что свидѣтелями она имѣетъ дѣтей и слугъ, она проклинала царя, всѣхъ, народъ и войско, которые ему повинуются, и успокоилась только отъ изнеможенія силъ. Этотъ первый взрывъ яркими чертами освѣтилъ въ глазахъ моихъ весь характеръ той особы, у которой я находился въ зависимости и заставилъ меня въ поступкахъ своихъ быть весьма осторожнымъ.

Дни три спустя послѣ того прибылъ, или былъ привезенъ, самъ князь Голицынъ, въ сопровожденіи втораго сына своего, Ѳедора, от-

ставнаго гвардіи корнета, который отправился къ нему въ армію, въ надеждѣ подъ начальствомъ его опять вступить въ службу, но, встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, вмѣстѣ воротился. Не прошло недѣли, какъ изъ Петербурга прислали старшаго сына его князя Григорія, генералъ-адъютанта и любимца Павла Перваго, внезапно отставленнаго и высланнаго изъ столицы. Это было въ Февралѣ, а въ половинѣ лѣта еще прислали къ намъ третьяго и четвертаго сыновей князя Голицына, Сергія и Михаила, Семеновскихъ офицеровъ, также безъ просьбы отставленныхъ, но не совсѣмъ однакоже безъ вины и причины. Итакъ Казацкое сдѣлалось мѣстомъ заточенія цѣлаго семейства, мнѣ совершенно чуждаго, но которое однакоже я долженъ былъ съ нимъ раздѣлять.

Я не былъ свидѣтелемъ свиданія супруговъ; мы въ это время сидѣли за книгами; когда же кончился классъ, и меня представили хозяину дома, то видъ его, спокойный, довольно - веселый, и ласково-покровительственный мнѣ пріемъ меня чрезвычайно ободрили.

Теперь приступлю къ обѣщанному выше, къ изображенію людей, съ коими прожилъ я около года въ совершенномъ удаленіи отъ міра и коихъ характеръ слѣдственно могъ хорошо изучить. Чтобы успокоить читателя, спѣшу предупредить его, что между ними были лица отмѣнно-замѣчательныя и начинаю съ главы семейства.

Воспитанный въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, князь Сергій Ѳедоровичъ учился съ успѣхомъ математическимъ наукамъ и, исключая Русскаго, зналъ еще хорошо Нѣмецкій языкъ. Вышедъ изъ него, онъ въ обществѣ получилъ навыкъ къ Французскому; знаніе языковъ было тогда не бездѣлица: оно вело къ повышенію. Онъ не принадлежалъ къ знаменитой вѣтви Голицыныхъ, Дмитрія и двухъ Михаиловъ Михаиловичей, коихъ счастіе при Петрѣ Великомъ равнялось великимъ ихъ заслугамъ и коихъ семейства пріобрѣли новую славу въ глазахъ Русскаго народа, падая умилительными жертвами Нѣмецкаго тиранства при Аннѣ Іоанновнѣ. Его отецъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ и не чиновный, и не богатый, и не разсчетливый: прельстившись всѣмъ заграничнымъ, куда какъ-то его занесло, онъ получилъ необоримое отвращеніе ко всему отечественному. Разсказывали, что, по возвращеніи изъ путешествій, онъ тотчасъ завелъ флёровую фабрику и потомъ, гнушаясь названіями ржи и проса, онъ всѣ поля свои засѣялъ Французскимъ табакомъ, и скоро до того раззорился, что наконецъ не на чемъ ему было посѣять и рѣпы. Когда просвѣщеніе блеснетъ передъ полуварварами, то прежде всего хватаются они за роскошь, какъ дѣти, которыя ловятъ огонь.

Къ счастію молодаго сына, онъ вовсе не походилъ на отца; въ немъ билось истинно Русское сердце, онъ былъ наружности пріятной, былъ добръ, уменъ и храбръ: безъ того, не смотря на сіятельное свое происхожденіе, ему бы невозможно было выбиться изъ княжеской толпы *). Много ему способствовало къ тому родство съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ, графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, президентомъ Военной Коллегіи, коего по матери былъ онъ родной племянникъ; а еще болѣе женитьба на племянницѣ князя Потемкина, который, впрочемъ, не очень его любилъ, но не могъ отказать ему въ уваженіи. Тоже самое было и съ другими тогда царскими любимцами.

Это зналъ Павелъ Первый и, вступивъ на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами. Долго это продлиться не могло: только въ Екатеринино время можно было безнаказанно соединять вѣрную службу и преданность престолу съ нѣкоторою независимостію характера. Скоро долженъ былъ князь Голицынъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. Но когда война съ Французами заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины: на Гатчинскихъ фрунтовикахъ трудно бы было выѣхать. Призванный въ Петербургъ, обласканный Голицынъ отправился ко ввѣренному ему корпусу, а вскорѣ потомъ въ ссылку, за какое-то откровенное письмо къ императору.

Онъ былъ тогда полный генералъ и обвѣшенъ всѣми первостепенными орденами, за военные подвиги полученными. Онъ былъ въ

---

*) Наша Россія въ этомъ отношеніи не сходствуетъ ни съ сопредѣльною съ нею Азіей, въ которой рѣдко гдѣ можно найти аристократическія наслѣдственныя права, ни съ сосѣдственною феодальною Европой, гдѣ до конца послѣдняго столѣтія привилегированныя касты такъ много еще толковали о геральдикѣ, о своихъ родословныхъ, о своихъ пергаменахъ и гордились длиннымъ рядомъ предковъ всегда болѣе, чѣмъ богатствомъ, чѣмъ талантами и доблестями. У насъ пути къ славѣ, чинамъ и богатству открыты для всѣхъ состояній; сего мало: новое имя, получившее великую знаменитость, всеобщую извѣстность, самая противоположность низкаго происхожденія и высокой степени, до которой изъ него достигаютъ люди счастливые или способные, имѣетъ для Русскихъ особую привлекательность. Люди, которые, безъ личныхъ достоинствъ, хвастаются предками, у насъ становятся смѣшны; за то вельможи, которые не краснѣютъ отъ родства съ простолюдинами, пріобрѣтаютъ новыя права на уваженіе. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, дворянскимъ достоинствомъ никто не пренебрегаетъ; ибо дворянство имѣетъ у насъ право, какимъ нигдѣ оно въ другихъ земляхъ не пользуется: право собственности надъ единокровными людьми. Въ понятіяхъ о благородствѣ, какъ и во многомъ, у насъ еще можно найти смѣшеніе Европейскаго съ Азіатскимъ. Въ нашемъ холодномъ климатѣ мы привыкли къ [illegible], мы любимъ ее; какъ огромные, каменные домы наши почти ежегодно починиваются и перекрашиваются, чтобы тѣшить наши взоры, такъ и древніе роды должны безпрестанно успѣхами по службѣ или при дворѣ наводить на себя новый лоскъ, чтобъ держаться на нѣкоторой высотѣ въ глазахъ соотечественниковъ.

крѣпости силъ и лѣтъ, ибо ему еще не было пятидесяти, и по его опытности, дѣятельности и безстрашію казалось, что судьба предназначала его быть однимъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ; сіи ожиданія никогда не сбылись. Но можно утвердительно сказать, что еслибъ ему порученъ былъ корпусъ Корсакова или Германа, то слава Русскаго оружія въ Голландіи или Швейцаріи прогремѣла бы тогда не менѣе чѣмъ въ Италіи; самыя важныя происшествія взяли бы тогда, можетъ быть, иной оборотъ.

Росту былъ онъ небольшаго, но сложенія очень плотнаго и чрезвычайно полнокровенъ. Одинъ глазъ его былъ косой, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать; сіе придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый, улыбка же его всегда выражала добродушіе, и это вмѣстѣ дѣлало лицо его весьма примѣчательнымъ. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, онъ другаго чтенія не любилъ; о литературѣ и помину не было. Въ хозяйственныя дѣла онъ не мѣшался; по тогдашнему обычаю, воспитаніе дѣтей предоставлялъ гувернёрамъ и учителямъ. Въ чемъ состояли кабинетныя его занятія, мнѣ неизвѣстно; ибо мы видѣли его только въ обѣденное время, и по вечерамъ онъ долженъ былъ часто скучать. Въ хорошую погоду ѣздилъ онъ прогуливаться въ коляскѣ или верхомъ, а въ вечеру сражался иногда съ кѣмъ-нибудь на шахматной доскѣ и почти всегда побѣждалъ противниковъ. Осень и начало зимы было для него самое лучшее время года: тогда по цѣлымъ днямъ могъ онъ гоняться за зайцами.

Всѣ склонности его были молодецкія. Говорятъ, что смолоду онъ былъ отчаянный игрокъ, часто до послѣдней копѣйки все проигрывалъ, пока фортуна не сдѣлалась къ нему благосклоннѣе, и онъ нѣсколько сотъ тысячъ не пріобрѣлъ игрой; тогда онъ побѣдилъ сію страсть и карты перестал бъ брать въ руки. Къ вину онъ никогда не былъ склоненъ, а страсть къ женщинамъ превратилась у него въ постоянную любовь къ одной. Благородство души его было неимовѣрное, оно не дозволяло зависти ея коснуться. Надобно было видѣть его сердечную радость, его восторги при чтеніи тогда новостей изъ Италіи! Сраженіе при Нови готовъ онъ былъ торжествовать какъ собственную побѣду; за то надобно было видѣть и его глубокую печаль при полученіи извѣстія о Цюрихскомъ дѣлѣ. Изгнанникъ восхищался тѣмъ, что̀ умножало славу правленія его гонителя и рукоплескалъ соперникамъ! Жестокая несправедливость царя не могла перемѣнить его чувствъ къ Россіи. Какой запасъ славныхъ, отличныхъ людей оставила Екатерина! И какъ расточительность ея двухъ наслѣдниковъ умѣла сдѣлать его безполезнымъ!

Какъ домашнимъ, такъ и деревенскимъ хозяйствомъ исключительно занималась княгиня, «его супруга златовласа, Плѣнира сердцемъ и лицомъ» *). Когда я началъ знать ее, такое названіе уже ей не было прилично, хотя черты ея были безподобныя, и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе. Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне; однакоже мужъ не переставалъ быть господиномъ, и хотя всѣмъ она управляла, всѣмъ повелѣвала, но онъ сохранялъ права генеральной инспекціи и контроля: самый благоразумный образъ правленія въ домѣ.

Я худо объяснился, если мои читатели увидятъ въ княгинѣ Голицыной злую женщину: между злою и сердитою разница превеликая. Еслибы гнѣвъ ея иногда не былъ продолжителенъ, то ее просто можно было бы назвать вспыльчивою. Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ и терпѣть не могла противорѣчій; а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать. Сообразуясь съ симъ, можно было избѣжать непріятныхъ съ нею столкновеній, и въ ея управленіи не было замѣтно и тѣни тиранства; но горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностію смягчить его: тогда она забывала все, и свой санъ, и свой полъ, и начинала даже рукамъ давать волю. Разсказывали ужасы, будто бы одинъ разъ она пріятельницу свою, помѣщицу Шевелеву, у себя въ гостиной, при всѣхъ таскала за волосы; будто бы дорогой, измучившись отъ неисправности, въ которой она находилась, она среди поля при себѣ велѣла разложить сопровождавшаго ее засѣдателя и высѣчь плетьми: тогда еще былъ живъ князь Потемкинъ, и не было даже возможности жаловаться на нее. Надобно сказать, однакоже, къ ея чести, что на совершенно беззащитныхъ, напримѣръ на горничныхъ дѣвокъ, никогда рука ея не подымалась.

Съ такимъ нравомъ ей не легко было жить въ обществѣ. Въ столицахъ она обыкновенно вела жизнь уединенную, стараясь окружать себя одними только угодниками и угодницами, а въ деревнѣ тогда не трудно было знатной барынѣ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ обращать въ свои прислужницы. Потому-то ея Зубриловка, въ Саратовской губерніи, была любимымъ ея мѣстопребываніемъ: тамъ степень ея довѣренности указывала мѣста всѣмъ уѣзднымъ барынямъ.

*) Такъ называетъ ее Державинъ въ извѣстномъ стихотвореніи: *Осень во время осады Очакова.*

Получивъ село Казацкое по наслѣдству отъ дяди, она долго не рѣшалась въ него пріѣхать. Однѣ только сильныя привычки удерживали тогда на Сѣверѣ новыхъ помѣщиковъ завоеваннаго края; но они восхищались мыслію, что могутъ, когда захотятъ, поселиться въ тепломъ, прекрасномъ климатѣ; нынѣ, еслибъ государь имѣлъ власть раздавать имѣнія близъ Ниццы и Флоренціи, то получившіе ихъ наши Руссо-Европейцы едва ли бы тому такъ радовались. Княгиню Голицыну къ переселенію побудили другія причины: всѣ эти имѣнія, находящіяся въ рукахъ арендаторовъ, заброшенныя, забытыя Польскими помѣщиками, приносили чрезвычайно мало доходу въ сравненіи съ Великороссійскими деревнями; она хотѣла личнымъ присутствіемъ стараться его умножить.

Часто, часто вздыхала она о своей Зубриловкѣ. Въ благословенной странѣ, среди роскошной природы, она жила какъ въ пустынѣ; вокругъ были одни крупныя помѣстья, и самые ближніе сосѣди во ста верстахъ. Всѣ ея навыки, всѣ ея вкусы были старинные Русскіе. Кому было угождать имъ, кому было раздѣлять ихъ съ нею? Конечно, она бы могла собрать разсѣянныхъ въ округѣ шляхтянокъ, но какъ ихъ подпустить къ себѣ? Въ глазахъ ея онѣ стояли ниже ея служанокъ. Одна своя семья и живущіе въ ней составляли ея безсмѣнное, единообразное общество. Поутру она занималась дѣломъ, за обѣдомъ хорошо кушала (и по большой части одни Русскія блюда); послѣ обѣда она сидѣла *за столикомъ въ софѣ*, какъ изобразилъ ее Державинъ. Скука ее одолѣвала. «Чтó бы намъ дѣлать?» иногда говорила она, «чего бы намъ поѣсть?» И моченыя яблоки, и рябинная пастила, и брусничная вода, и клюковный морсъ, и морошка въ сахарѣ, иногда просто липовый медъ, всѣ Сѣверныя лакомства предпочтительно южнымъ плодамъ, смѣняли другъ друга, чтобы прогонять нашу скуку. Добрая, сердитая княгиня! Истая боярыня! Несмотря на твой постоянно-угрюмый видъ, на твои страшные иногда взоры, я чту, я люблю твою память; прости мнѣ мою откровенность: ты теперь въ обители вѣчной истины и дозволишь мнѣ говорить ее о тебѣ.

Десять сыновей родила княгиня Голицына мужу своему, и одинъ только изъ нихъ умеръ въ малолѣтствѣ. Старшій, князь Григорій, при рожденіи былъ пожалованъ гвардіи капитаномъ, какъ первенецъ изъ внуковъ Потемкина, то-есть сыновей его племянницы. Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, сдѣлалъ его, тогда семнадцатилѣтняго мальчика, полковникомъ и своимъ флигель-адъютантомъ, а года черезъ полтора генералъ-адъютантомъ. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, и цари могутъ, когда имъ угодно, жаловать новорожденныхъ фельдмаршалами; но вотъ чтò удивительно: онъ нѣсколько времени

управлялъ военною канцеляріей и докладывалъ по дѣламъ ея государю, слѣдственно былъ родъ начальника штаба; кто его зналъ прежде и послѣ, тому это покажется вовсе непонятнымъ. Онъ лицомъ походилъ на отца, хотя былъ красивѣе его и ростомъ выше; не имѣлъ пылкаго характера матери, но у нея заимствовалъ страсть первенства надъ мелкими людьми. Его воспитывалъ какой-то баронъ Эйбенъ, который, даромъ что Нѣмецъ, ни самъ ничего не зналъ, ни его ничему не училъ. Много придется мнѣ говорить объ этомъ человѣкѣ въ послѣдствіи времени; теперь сказаннаго здѣсь почитаю достаточнымъ.

Второй сынъ, восьмнадцатилѣтній князь Ѳедоръ, не только въ нашемъ маленькомъ обществѣ, но и въ самомъ блистательномъ, многочисленномъ, былъ бы замѣчателенъ. Получивъ столь же плохое воспитаніе, какъ и братья, онъ пріобрѣлъ, однакоже, въ большомъ свѣтѣ этотъ хорошій тонъ, который человѣку, одаренному умомъ, даетъ такъ много средствъ его выказывать, а неимущему скрывать его недостатки. Болѣе всего помогаетъ онъ обходить затруднительные вопросы, которые могли бы изобличить въ невѣжествѣ: имѣя самыя поверхностныя познанія, можно съ нимъ прослыть едва ли не ученымъ. Во Франціи, гдѣ родился онъ, прикрывались имъ пороки и даже злодѣйства, пока революція не истребила его, какъ безполезный покровъ. Давно уже вывезли его къ намъ молодые, знатные наши путешественники, Шуваловы, Бѣлосельскіе, Чернышовы, но болѣе всего эмигранты распространили его въ лучшемъ обществѣ. Въ немъ образовался князь Ѳедоръ Голицынъ; а какъ Французскій языкъ былъ исключительный органъ хорошаго тона, безъ котораго и понынѣ онъ у насъ не существуетъ, то онъ выражался на немъ такъ свободно и пріятно, какъ я дотолѣ не слыхивалъ.

Казалось, что онъ взялъ себѣ девизомъ: все для большаго свѣта, его успѣховъ и наслажденій. И потому-то я мало зналъ людей, которые бы имѣли столько свѣтской любезности и ума. Лицо Русской кормилицы, бѣлое, полное, широкое, румяное, но съ огненнымъ взглядомъ и привлекательною улыбкой, дѣлали наружность его весьма пріятною; самой необычайной толщинѣ своей умѣлъ онъ въ молодости, посредствомъ туалета, давать щеголеватую форму. Онъ прекрасно пѣлъ романсы и прилежно читалъ романы; въ этомъ, кажется, заключались всѣ его знанія.

Сверхъ того, былъ онъ одаренъ необыкновеннымъ вкусомъ, не тѣмъ изящнымъ вкусомъ, который умѣетъ давать цѣну произведеніямъ ваятеля, зодчаго или живописца и котораго одобреніе почитаютъ они лучшею наградой,—нѣтъ, онъ самъ сознавался, что ничего не смыслитъ въ наружной архитектурѣ, что красоты ея для него не суще-

ствуютъ, и никогда не хотѣлъ взглянуть на картину. Но что касается до внутренняго расположенія комнатъ, до убранства ихъ всѣми драгоцѣнными бездѣлками, то на вымыслы въ этомъ родѣ былъ онъ настоящій геній. Еслибъ онъ остался живъ и захотѣлъ бы себя на то для другихъ употребить, то я увѣренъ, что въ нынѣшнее время онъ бы затмилъ, уничтожилъ Монферрана *).

Еще одну великую способность имѣлъ князь Ѳедоръ: никто въ Россіи не умѣлъ такъ славно приготовлять великолѣпные праздники и быть ихъ распорядителемъ. Съ большимъ состояніемъ, которое наконецъ онъ получилъ и съ маленькою бережливостію, которой никогда онъ не имѣлъ, такіе люди, какъ онъ, служатъ если не подпорою государства, то по крайней мѣрѣ украшеніемъ двора.

Моложе его годомъ, князь Сергій, третій братъ, былъ похожъ на него лицомъ, но лучше его, выше ростомъ и не такъ толстъ. Онъ его взялъ за образецъ, и сіе искусное подражаніе была одна только его блестящая сторона.

Но четвертымъ, Михаиломъ, не безъ причины гордился отецъ; его любила мать, любили братья, товарищи по службѣ, весь домъ, всѣ знакомые. Нельзя было сыскать дурнаго лица столь пріятнаго, въ невысокомъ ростѣ нельзя было найдти болѣе мужественнаго вида; изъ-подъ наморщеннаго чела, изъ подъ нахмуренныхъ всегда бровей, никакіе глаза не выражали столько сердечной доброты, столько веселой смѣлости. Онъ безъ памяти любилъ женщинъ и былъ столько въ нихъ счастливъ, сколько скроменъ на счетъ успѣховъ своихъ. Съ перваго взгляда физіогномистъ могъ узнать въ немъ Русскаго человѣка. Изо всего семейства своего онъ одинъ былъ одаренъ основательнымъ умомъ и любознаніемъ и одинъ былъ бы въ состояніи поддержать весь падшій нынѣ родъ князя Сергѣя Ѳеодоровича. Но смерть всегда выбираетъ лучшія жертвы, и онъ погибъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, имѣя не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

За нимъ слѣдовалъ пятый братъ, Николай, несчастный, больной, искаженный въ ребячествѣ отъ испуга, лишенный разсудка, и который потомъ, двадцати лѣтъ, умеръ на рукахъ у няньки.

Шестой и седьмой, Павелъ и Александръ, были мои товарищи, но двумя или тремя годами моложе меня. Ни тотъ, ни другой далеко не пошли. Первый, весьма плохоголовый, еще въ ребячествѣ имѣлъ

---

*) Французикъ, славный рисовальщикъ и декоратёръ, котораго у насъ указомъ сдѣлали архитекторомъ и которому указомъ велѣно строить мраморный соборъ, на который потребны десятки лѣтъ и десятки милліоновъ. И онъ строитъ его! Пусть скажутъ, что у насъ на Руси нѣтъ болѣе чудесъ.

лакейскія манеры и самыя подлыя наклонности; онъ долго страдалъ слѣдствіями порочной жизни и въ низкихъ должностяхъ старался держать себя вдали не только отъ столичныхъ, но и отъ губернскихъ городовъ. Другой, Александръ, былъ уменъ и храбръ; но ложныя понятія о чести и слишкомъ упрямый нравъ рано остановили его на военномъ поприщѣ, которое бы онъ могъ съ успѣхомъ проходить.

Самые меньшіе, Василій и Владиміръ, едва выходили тогда изъ младенчества. Первый весьма не глупъ и всегда оставался добрымъ и честнымъ человѣкомъ; онъ могъ бы быть человѣкомъ болѣе полезнымъ, но баловство страстной къ нему матери много повредило ему. Вообще всѣ члены этого семейства гибнули, одни въ блестящемъ, другіе въ жалкомъ ничтожествѣ. Болѣе всѣхъ изъ братьевъ надѣлалъ шуму меньшой, Владиміръ, употребляя во зло дары природы. Его называли Аполлономъ, онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣйливаго, и отъ того вся жизнь его была сцѣпленіе проказъ, иногда жестокихъ, иногда преступныхъ, рѣдко безвинныхъ.

Источникомъ всѣхъ непріятностей въ жизни, неудачъ по службѣ, разоренія, для этихъ Голицыныхъ было дурное ихъ воспитаніе.

Отецъ болѣе всего заботился о физическомъ образованіи дѣтей: ему желалось ихъ всѣхъ видѣть молодцами. Конечно, это весьма похвально, особливо въ то время, когда родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародья, воспитывая дѣтей своихъ въ совершенной нѣгѣ, державши ихъ вѣчно въ теплѣ и не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ. Человѣкъ, однакоже, не растеніе, и нужно приготовить его къ перенесенію непогодъ и нравственной атмосферы. Объ этомъ, кажется, никто не думалъ въ томъ домѣ, гдѣ я находился. Молодые князья были искусны во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ: они шибко бѣгали, высоко лазили, славно катались наونькахъ, мастерски перепрыгивали черезъ рвы; смотря по возрасту, у каждаго изъ нихъ были разныхъ величинъ свайки, и они тѣшились ими между собою или дворовыми людьми; зимою и лѣтомъ каждое утро обливали ихъ холодною водой. Развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, *слегка бранилъ.* Дядьки говаривали: «Полноте, ваше сіятельство; вѣдь за васъ на мнѣ взыщутъ».

Что касается до наукъ, то, исключая гувернера, который училъ ихъ по-французски и зналъ хорошо правописаніе, несмотря на то что онъ былъ эмигрантъ, находился еще при нихъ учитель математики,

Имѣя намѣреніе ихъ всѣхъ посвятить военной службѣ, отецъ чувствовалъ всю необходимость для нихъ сей науки.

Будучи воспитанъ какъ благородное дитя, то-есть лѣнивый тѣломъ и мало пріученный къ холоду, новая метода, которой и я долженъ былъ слѣдовать, была мнѣ вовсе не по вкусу. Дѣлать было нечего, и я привыкъ къ ней. Здоровое и крѣпкое сложеніе, которое получилъ я отъ природы, могло бы со временемъ быть обезсилено тѣлеснымъ бездѣйствіемъ, и я весьма благодаренъ дому Голицыныхъ за сохраненіе многихъ физическихъ способностей. Но какъ добро бываетъ рѣдко безъ худа, то въ семъ же домѣ (съ горестію долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомился я съ идеями порока и разврата. Опасность явилась съ той стороны, гдѣ ея менѣе ожидать было можно. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, моложе меня, какъ сказалъ я выше, заговорилъ со мной такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятенъ; я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ.

Кто бы могъ повѣрить? Другой соблазнитель мой былъ самъ нашъ гувернёръ, шевалье де-Роленъ-де-Бельвиль, Французскій подполковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною съ самой первой минуты меня плѣнило. Я еще помнилъ строгую мораль, которую читалъ въ глазахъ г. Мута; недавно разстался съ брюзгливымъ Форсевилемъ, и вдругъ нахожу наставника, который хочетъ увѣрить меня, что я уже не ребенокъ; а въ отроческія лѣта кому не хотѣлось быть постарѣе! Онъ началъ давать мнѣ дружескіе совѣты и одну только неловкость мою исправлять тонкими насмѣшками; я чувствовалъ себя совсѣмъ на свободѣ. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшеюся весной, онъ часто забавлялъ меня остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ какъ всѣ Французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ, и съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ избранный народъ, надъ всѣми другими поставленный. Революціонеры, новые Титаны по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ религія онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однакоже ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно, по мнѣнію его, пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ

именами (не съ сочиненіями) Расина, Мольера и Буало, о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхивалъ, и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть.

Посреди сихъ разговоровъ, вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и разсказывать самые непристойные, даже отвратительные анекдоты. Я не зналъ что́ мнѣ дѣлать: я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда; а онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ. Еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между Французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что́ же такое были ихъ противники?

Изобразивъ поступки этого человѣка, надобно сказать нѣсколько словъ и о наружности его. Онъ былъ высокъ и сухощавъ, имѣлъ самые маленькіе, сѣрые, сверкающіе глаза и огромный носъ, который, описывая правильную дугу, составлялъ четверть круга. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ и никогда не покидалъ крестика Св. Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательства стариннаго дворянства.

И вотъ въ какихъ рукахъ находилась тогда, конечно, половина благороднаго Русскаго юношества! При Павлѣ, въ числѣ другихъ золъ и безпорядковъ, размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы не находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ посчастливилось. Графскій титулъ, который по безчисленности носящихъ его мелкихъ, мало извѣстныхъ дворянъ, во Франціи уже былъ ни почемъ, у насъ тогда еще былъ въ рѣдкость, и наши знатныя или богатыя невѣсты охотно выходили за сихъ мнимознатныхъ людей, особливо когда они имѣли Русскій чинъ. Такимъ образомъ Лавали, Модены, Кенсона́ *) у насъ сдѣлались величайшими аристократами, не только сравнялись съ знаменитѣйшими нашими фамиліями, но начали почитать себя выше ихъ. Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняться за воспитаніе дѣтей: званіе учителя, въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ, казалось намъ немного выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника *мусьи*. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить, ибо прибывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то, слѣдуя нашей пословицѣ (я думаю у нихъ же заимствованной) «плоха честь, когда нечего ѣсть», они разсѣялись по лицу земли Русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе Французскаго языка

*) За одного изъ Кенсона́ вышла дочь описаннаго выше князя П. И. Одоевскаго.

способствовало имъ къ отысканію мѣстъ; скоро, въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза *). Не было у насъ для Французовъ середины: ils devenaient outchitels ou grands seigneurs

Когда между Французами, между эмигрантами, встрѣтится человѣкъ благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіозными чувствами и строгою нравственностью, то надобно говорить объ немъ какъ о диковинкѣ. Такая диковинка находилась у насъ въ селѣ Казацкомъ. Къ сожалѣнію, не ему было поручено воспитаніе наше: онъ только давалъ намъ уроки. Г. Керлерð, о коемъ хочу говорить, не пріѣхалъ, а пришелъ въ Россію съ корпусомъ принца Конде. Какъ искуснаго инженернаго офицера, его бы охотно приняли во всякую иностранную службу; но онъ предпочелъ надѣть лядунку, взять ружье и стать въ ряды простыхъ воиновъ, защитниковъ королевскихъ правъ, кои почитали они священными; когда корпусъ, къ коему принадлежалъ онъ, былъ принятъ въ Русскую службу, то скоро, наскучивъ гарнизонною жизнію, онъ опредѣлился учителемъ въ домъ Голицыныхъ.

Въ этомъ коротенькомъ и крѣпкомъ человѣчкѣ нельзя было предположить ни костей, ни мяса, ни жиру, а одни только мускулы: онъ весь былъ какъ одна только сильная пружина. Родомъ былъ онъ изъ Бретани. Я не знаю, должно ли Бретонцевъ почитать Французами. Изъ завоеванныхъ Кельтическихъ племенъ они одни подъ Римскимъ владычествомъ сохранили нѣкоторую твердость, независимость, честные и дикіе нравы и неблагозвучный свой языкъ, когда вся Галлія приняла обычаи своихъ завоевателей. Гордые ихъ единоплеменники, отдѣленные отъ нихъ проливомъ, также легко переродились въ Англосаксовъ и Норманновъ, коль скоро были ими покорены. Оружіе Франковъ позже всего проникло въ ихъ Арморику, и Вандея была послѣдняя защитница прежняго порядка. Пусть назовутъ ихъ непреклонными или упрямыми; таковы остались они и понынѣ. Таковъ былъ и мой любезный Керлерð.

Онъ съ добродушною настойчивостію побѣдилъ во мнѣ отвращеніе къ математическимъ наукамъ, и въ одно лѣто прошли мы съ нимъ геометрію и алгебру; ему обязанъ я тѣмъ, что не остался совсѣмъ безсчетнымъ. Съ величайшимъ терпѣніемъ училъ онъ маленькихъ князьковъ, но усердно и успѣшно занимался съ шестнадцатилѣтнимъ от-

*) Я зналъ въ Пензенской губерніи одного г. Жедринскаго, у котораго было не болѣе [illegible] обремененныхъ долгами. Его сына воспитывалъ виконтъ де-[illegible]

ставнымъ офицеромъ, княземъ Михаиломъ, который одинъ изъ братьевъ пожелалъ вознаградить потерянное на службѣ время.

И такъ въ семъ домѣ было два Француза. Было еще и два Нѣмца: отставной ротмистръ, который, завѣдывалъ конюшней и смотрѣлъ за лошадьми, и лѣкарь, который морилъ людей; послѣдвій былъ женатъ. Потомъ былъ Грекъ, отставной майоръ, главный управитель надъ деревнями, который всегда улыбался, пришучивалъ и обкрадывалъ своихъ вѣрителей. Въ немъ одно только мнѣ памятно: отъ него ужасно несло курительнымъ табакомъ; цвѣтъ лица онъ имѣлъ совсѣмъ кофейный и ежедневно пилъ по двѣнадцати чашекъ кофе. Всѣхъ вышесказанныхъ, но не вышеименованныхъ особъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, могъ бы я назвать читателю, который впрочемъ немного бы отъ того выигралъ, и горе только одному мнѣ, кому память столь примѣтно измѣняетъ *). Наконецъ, былъ и Полякъ, Загурскій, панъ-экономъ съ своей паньей. Грекъ и Нѣмцы обѣдали съ нами только по праздникамъ и по воскресеньямъ, а шляхтича съ женой, тоже по воскресеньямъ, пускали только по утру съ поклономъ къ княгинѣ, которая милостиво давала имъ цѣловать ручку.

Все это были должностныя лица; но въ нашемъ обществѣ находилась еще два почетные члена, изъ коихъ одинъ давно уже членомъ Россійской Академіи, а другой доселѣ тщетно ожидаетъ сей чести.

Родной племянникъ Александра Петровича Сумарокова, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ старинныхъ писателей, Павелъ Ивановичъ служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергія Ѳедоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Маріи Васильевнѣ Голицыной. Онъ свелъ ее съ ума, гдѣ-то оставилъ, а прижитыхъ съ нею двухъ дѣтей, сына и дочь, отдалъ онъ на воспитаніе въ домъ своего родственника и покровителя. Принужденъ будучи, подобно многимъ, оставить службу при Павлѣ и не имѣя большаго состоянія, онъ находился тогда вмѣстѣ съ ними и гостилъ въ Казацкомъ.

Весьма бы любопытно было сдѣлать психологическое изысканіе, отчего люди, имѣющіе сколько-нибудь разсудка, иногда до того бывають ослѣплены высокимъ о себѣ мнѣніемъ, что выказываютъ его на каждомъ шагу, при каждомъ словѣ, не замѣчая, сколь неприлично сіе въ общежитіи, сколь противно для самолюбія другихъ. Каждый изъ насъ, если только захочетъ взять трудъ разсмотрѣть себя, то найдетъ

*) Чтобъ имѣть по образцику каждой націи, учился съ нами маленькій, красивый Англичанинъ, Джонъ Личъ, сынъ какого-то ремесленника. Я недавно зналъ его архитекторомъ Медико-хирургической Академіи, во что̀ опредѣлилъ его извѣстный его единоземецъ Вилліе, хотя онъ никогда архитектурѣ и не думалъ учиться.

внутреннее, вѣрное чувство, которое поможетъ ему лучше другихъ сдѣлать самому себѣ оцѣнку. Многіе, ужасаясь умственной нищеты своей, холоднымъ молчаніемъ ограждаютъ ее отъ проницательности людей; высокомѣрнымъ обхожденіемъ, какъ плотною мантіей, прикрываютъ они природныя свои рубища. Все это предполагаетъ нѣкоторый разсудокъ, нѣкоторое искусство и слѣдственно нѣкоторый умъ. Но тѣхъ, кои, будучи словоохотны, вѣчно повторяютъ глупое *я*, когда въ ихъ взглядахъ вы всегда видите безсмысленное самодовольство, тѣхъ позволено рѣшительно назвать дураками.

Непомѣрная спѣсь г. Сумарокова превосходила всякое описаніе: никакіе успѣхи не смягчали его гордости; безчисленныя неудачи не могли никогда его образумить. Въ обращеніи со всѣми, кого смолоду не привыкъ онъ почитать выше себя, было всегда что-то грубое, жесткое, нестерпимое. Въ глубокой старости онъ остался также тяжелъ и несносенъ, какъ въ первой молодости; болѣе онъ сдѣлаться не могъ. Два раза былъ онъ губернаторомъ, обѣ губерніи долженъ былъ оставить, истощивъ терпѣніе начальства, подчиненныхъ и жителей; теперь онъ состоитъ инвалиднымъ сенаторомъ.

Онъ одинъ видѣлъ въ себѣ государственнаго человѣка и литературнаго генія; никто даже въ шутку его въ томъ не увѣрялъ. Вѣроятно, у него былъ двойникъ, и ихъ взаимное удивленіе, обожаніе, утѣшало его въ мнимой несправедливости людей. Нельзя думать, чтобы творенія его дошли до потомства; библіоманамъ было бы однакоже не худо ихъ сохранять: они могутъ служить образцами дурнаго слога, дурнаго вкуса, наглости, самохвальства и самой грубой неблагопристойности. Стараясь спасти ихъ отъ забвенія, въ которомъ, можетъ-быть, и самъ потону, спѣшу назвать извѣстнѣйшія: *Досуги Крымскаго судьи*, *Прогулка за границу* и повѣсть: *Өеодора*, которая такая же дура, какъ и самъ сочинитель.

Дочь его, Марія Павловна, нынѣ пожилая дѣва, была тогда двѣнадцатилѣтняя дѣвочка; воспитанная съ дѣтьми другаго пола, она имѣла и сохранила много ухватокъ мальчика. Сыну Сергѣю Павловичу, славному артиллеристу и генералъ-адъютанту, было тогда лѣтъ восемь или девять. Они оба были вовсе не въ отца. Первая необыкновенною любезностію ума, послѣдній заслугами, храбростію и добросердечіемъ всегда искупали недостатки его и пріобрѣтенными въ обществѣ любовію и уваженіемъ украшаютъ незавидную его старость.

Въ Казацкомъ г. Сумарокову не было передъ кѣмъ гордиться: хозяева были къ нему расположены пріязненно, а прочіе уму его вѣвѣрили на слово. Со мной былъ онъ довольно ласковъ, спускался иногда до шутокъ и забавлялся моимъ невѣдѣніемъ, моею неопытно-

стію. Замѣтивъ однакоже возрастающую дружбу мою къ дочери, взаимную, дѣтскую, невинную, онъ прогнѣвался, мнѣ запретилъ къ ней подходить, ей говорить со мною и съ того времени сталъ сурово на меня смотрѣть.

Въ ненастное время пернатые пѣвцы скрываются въ густотѣ лѣса: деревню и домъ князя Голицына избралъ тогда убѣжищемъ одинъ весьма мохнатый пѣвецъ, извѣстный чудесными дарованіями. Я назвалъ его пѣвцомъ мохнатымъ, потому что въ поступи его и манерахъ, въ ростѣ и дородствѣ, равно какъ и въ слогѣ, есть нѣчто медвѣжье: таже сила, таже спокойная угрюмость, при неуклюжествѣ, таже смышленность, затѣйливость и ловкость. Его никто не назоветъ лучшимъ, первѣйшимъ нашимъ поэтомъ; но конечно онъ долго останется извѣстнѣйшимъ, любимѣйшимъ изъ нихъ. Многіе догадаются, что я хочу говорить о Крыловѣ.

Онъ былъ тогда лѣтъ тридцати шести и болѣе двѣнадцати извѣстенъ въ литературѣ. Онъ находился у насъ въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и весьма умнаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ это доселѣ еще непонятно. Отъ того ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? Отъ того ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славой? Какъ бы то ни было, но я не подозрѣвалъ, что каждый день вижу человѣка, коего творенія печатаются, играются на сценѣ и читаются всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибы зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами.

Собственное его молчаніе не можетъ почитаться слѣдствіемъ скромности, а болѣе сметливости: онъ высказывалъ только то, что́ въ состояніи были оцѣнить; истинныя же сокровища ума своего ему не передъ кѣмъ было расточать.

Происхожденіе его мало извѣстно; кажется, онъ долженъ быть сыномъ новаго, мелкаго, бѣднаго дворянина. Природа сама указала ему путь, на которомъ онъ встрѣтился съ фортуной; потому-то онъ мало заботился о службѣ. Но въ Россіи, особливо лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, никакъ нельзя было оставаться безъ чина, и его куда-то записали. Неимущій, безпечный юноша, онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. Такимъ образомъ попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже года два до нашей встрѣчи. Онъ сопутствовалъ ему въ армію въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границей получить новыя впечатлѣнія, пріобрѣсть новыя познанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ.

Въ тучномъ тѣлѣ его обращалась кровь не столь медленно какъ нынѣ, въ немъ было болѣе живости, даже болѣе воображенія; но уже тогда былъ онъ замѣчателенъ неопрятностью, лѣностью и обжорствомъ. Въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ были положены зародыши всѣхъ талантовъ, всѣхъ искусствъ. Природа сказала ему: выбирай любое, и онъ началъ пользоваться ея богатыми дарами, сдѣлался поэтъ, хорошій музыкантъ, математикъ. Скоро тяжестью тѣла какъ бы прикованный къ землѣ и самымъ пошлымъ ея удовольствіямъ, его умъ сталъ рѣже и ниже парить. Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня, коимъ согрѣлась, растопилась бы сія масса, поглотившая у насъ столь много наслажденій. Мы дивимся, мы восхищаемся тѣмъ, что ускользнуло отъ могущества плоти: что бы мы увидѣли, еслибъ она могла быть побѣждена!

Крылова называютъ Русскимъ Лафонтеномъ; тотъ и другой первые баснописцы въ своей землѣ; но какъ поэтъ, мнѣ кажется, Французъ стоитъ выше. Какъ онъ бываетъ иногда трогателенъ, увлекателенъ, напримѣръ въ баснѣ: «Два Голубя»! Читая его, никто не спроситъ: былъ ли онъ добрый человѣкъ? Всякій это почувствуетъ. Еслибъ о Крыловѣ мнѣ сдѣлали сей вопросъ, то я долженъ бы былъ отвѣчать отрицательно. Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротой; въ дѣяніяхъ Крылова, въ его разговорахъ былъ всегда одинъ только разсчетъ; въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ, вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство, а умъ безъ чувства тоже что свѣтъ безъ теплоты. Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ. Никогда не вспоминалъ онъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія; если онъ и завидовалъ другимъ знаменитымъ современнымъ нашимъ писателямъ, то развѣ въ тайнѣ; былъ съ ними привѣтливъ, но никогда ихъ не читалъ, никогда не хотѣлъ говорить о ихъ сочиненіяхъ. Единственную страсть, или лучше сказать что-то похожее на нее, имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ игроковъ, съ коими однакоже прожилъ вѣкъ. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ.

Съ хозяевами домовъ, кои, по привычкѣ, онъ часто посѣщалъ, гдѣ ему было весело, гдѣ его лелѣяли, откармливали, былъ онъ очень ласковъ, любезенъ; но если печаль какая ихъ постигала, онъ неохотно ее раздѣлялъ. Еслибъ его спросили, какое слово въ Русскомъ языкѣ ему кажется нѣжнѣйшимъ, то я увѣренъ, что онъ бы отвѣчалъ: кор-

мидецъ мой. Чтò дѣлать! Видно, сердце у него въ желудкѣ; изъ сего источника почерпнулъ онъ большую часть своихъ мыслей, и надобно сказать правду, онъ имъ нехудо былъ вдохновенъ.

Тотъ, кто остается чуждъ житейскихъ бурь, кто на страсти людей, благородныя или пагубныя, смотритъ съ улыбкою презрѣнія, тотъ не долженъ имѣть ихъ слабостей, а еще менѣе ихъ предразсудковъ. Но таковы несообразности въ каждомъ изъ насъ, такое несогласіе бываетъ между разсудкомъ и наклонностями, что не сыщется нынѣ человѣка, который бы болѣе Крылова благоговѣлъ передъ высокимъ чиномъ или титуломъ, въ глазахъ коего сіятельство или звѣзда имѣли бы болѣе блеска. Положимъ, это слѣдствіе господствовавшаго прежде мнѣнія, подъ вліяніемъ коего онъ выросъ, и я очень далекъ, чтобы видѣть тутъ что-нибудь худое; но зачѣмъ же богатство имѣетъ равное право на его почтительную нѣжность? Отчего же такое жестокое невниманіе ко всѣмъ, кто обиженъ не природой, а фортуной? Гдѣ же твердый мужъ? Гдѣ же философъ? Надобно было видѣть въ Казацкомъ его умное, искусное, смѣлое раболѣпство съ хозяевами; надобно было видѣть, какъ онъ самъ возбуждалъ ихъ къ шуткамъ, какъ часто въ угожденіе имъ трунилъ надъ собою.

Грустно это вспомнить, а еще грустнѣе подумать, что на немъ выпечатанъ весь характеръ простаго Русскаго народа, какимъ сдѣлали его Татарское иго, тиранство Іоанна, крѣпостное надъ нимъ право и желѣзная рука Петра. Часто этотъ народъ долженъ трепетать передъ тѣмъ, чтò онъ презираетъ, и если Крыловъ—вѣрное изображеніе его недостатковъ, то онъ же и представитель его великихъ способностей. Въ простомъ языкѣ его, который иногда употребляетъ онъ и въ разговорѣ, изъ простыхъ его изреченій схватилъ онъ все, чтò показываетъ его глубокомысліе, и безъ лишнихъ украшеній, безъ приправы, составилъ изъ нихъ оригинальныя свои творенія, какъ славный поваръ изъ простыхъ, но самыхъ свѣжихъ припасовъ готовитъ вкусный столъ, который можетъ удовлетворить прихотямъ взыскательнѣйшаго гастронома. Подобно восточнымъ стихотворцамъ, въ коихъ самовластіе не могло заглушить таланта, но кои не дерзаютъ явно говорить истину, рѣшился и онъ яснымъ мыслямъ своимъ, вѣрнымъ наблюденіямъ дать форму аполога.

Несмотря на свою лѣность, онъ отъ скуки предложилъ князю Голицыну преподавать Русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его и слѣдственно и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толковито, также ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не до

вольствовался однимъ Русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него набрался.

Обхожденіемъ его со мной я былъ очень доволенъ: правда, онъ напоминалъ мнѣ иногда о почтеніи, коимъ обязанъ я ребятамъ, молодымъ князьямъ, моимъ товарищамъ, что мнѣ было весьма не по сердцу; но за то маленькому Англичанину Личу при мнѣ говаривалъ онъ, что ему не слѣдуетъ забываться передо мной, генеральскимъ сыномъ.

Чтобы никого не пропустить изъ нашего деревенскаго общества, долженъ я назвать еще два лица: отставнаго капитана Таманскаго, побочнаго сына князя Сергія Өедоровича, и живущую у княгини Русскую барышню, Прасковью Андреевну, которыя ничтожества свои, во время пребыванія моего въ Казацкомъ, совокупили законными брачными узами.

Насъ человѣкъ двадцать каждый день садилось за столъ, но по праздникамъ бывало и болѣе двадцати пяти. Казалось, будто мы океаномъ или непроходимыми горами отдѣлены отъ другихъ частей міра, и только одинъ разъ въ недѣлю, посредствомъ почты, имѣемъ съ нимъ сообщеніе. Меня увѣряли послѣ, будто за нами присматривали; но кажется, кому бы было? Земской полиціи мы въ глаза не видали, а между нами не было ни одного человѣка, который бы когда-либо запятналъ себя предательствомъ.

Почтовые дни были для насъ днями радости. Я зналъ тогда хорошо по-нѣмецки и съ жадностію бросался на Гамбургскія газеты, которыя по прочтеніи вручалъ мнѣ князь съ одобрительною улыбкой. *Московскія Вѣдомости* не менѣе тогда были любопытны: не было нумера, въ коемъ бы не упоминалось о Суворовѣ. Я шелъ за нимъ черезъ Адижъ, Требію и По, за нимъ летѣлъ на высоты Альповъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ Парижѣ; голова моя горѣла, сердце билось при чтеніи блистательныхъ его реляцій. Я дома былъ изнѣженъ и слѣдственно труслива; тутъ откуда взялась бодрость: съ восхищеніемъ мечталъ я объ опасностяхъ, стыдился малѣйшей робости и побѣждалъ ее. Такъ сильно дѣйствуютъ великіе люди, въ отдаленнѣйшихъ отъ насъ мѣстахъ, на самые низшіе классы и на самый нѣжный возрастъ.

Слава Суворова отражалась на пославшемъ его, ослабляла чувство ненависти къ нему, утѣшала угнетенныхъ имъ, ссыльныхъ, и разливала радостный свѣтъ среди скорбной тьмы его царствованія. Дер-

зали даже ликовать, и извѣстія изъ Кіева говорили о безпрестанныхъ тамъ увеселеніяхъ.

Тутъ въ первый разъ узналъ я сладостное чувство любви къ отечеству, меня потомъ никогда не покидавшее; въ этотъ достопамятный для меня годъ познакомился я съ пороками и добродѣтелями, мнѣ дотолѣ неизвѣстными; въ уединенномъ углу Россіи вкусилъ я отъ древа познанія добра и зла. Скудны были мы настоящими происшествіями; но за то, исключая дѣтей, всѣ были богаты воспоминаніями, и потому-то бо́льшая часть разговоровъ проходила въ разсказахъ. Изъ разныхъ странъ собрались тутъ обращики разныхъ націй и состояній; съ обыкновеннымъ вниманіемъ я все выслушивалъ, позволялъ себѣ мѣшаться въ разговоры, дѣлать вопросы и получалъ снисходительные и удовлетворительные отвѣты. Такимъ образомъ, въ самомъ тѣсномъ кругу, въ коемъ прожилъ я тогда близъ года, чрезвычайно расширился кругъ моихъ идей.

Напримѣръ, я узналъ между прочимъ, что знатный родъ и блестящія связи не только замѣняютъ заслуги и чины, кои они доставляютъ или должны доставлять, но стоятъ на высотѣ, для сихъ послѣднихъ недосягаемой. Сію вѣру исповѣдывали всѣ члены семейства, въ коемъ я жилъ; изъ нихъ, кажется, первый князь Ѳедоръ принялъ ее въ тогдашнихъ Петербургскихъ гостиныхъ, куда вывезена была она прямо изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія статскою совѣтницей княгиней Натальей Петровной Голицыной, урожденной графиней Чернышовой, сестрой фельдмаршальши Салтыковой. Находясь въ Парижѣ во время революціи, сія знаменитая дама схватила священный огнь, угасающій во Франціи и возжгла его у насъ на Сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей распространить свѣтъ его въ нашей столицѣ. Составилась компанія на акціяхъ, куда вносимы были тутулы, богатства, кредитъ при дворѣ, знаніе Французскаго языка, а еще болѣе незнаніе Русскаго. Присвоивъ себѣ важныя привилегіи, компанія сія назвалась высшимъ обществомъ и правила Французской аристократіи начала прилаживать къ Русскимъ нравамъ, столь же удачно, какъ въ нынѣшнихъ Французскихъ водевиляхъ маркизы де-Сенваль и виконтессы де-Жюссакъ на нашей сценѣ перерождаются Авдотьями Дмитріевнами и Марьями Семеновнами. Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства, а Павелъ Первый даже покровительствовалъ его, предоставляя себѣ, однакоже, право немилосердно тузить его членовъ, чего Французскіе короли себѣ позволять не могли.

Не одинъ разъ придется мнѣ говорить о семъ высокомъ сословіи, не болѣе какъ съ полсотни лѣтъ у насъ образовавшемся, о пре-

имуществахъ, коими оно пользуется, о сомнительныхъ правахъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Чтобы съ нѣкоторою подробностію изобразить его, я хочу дождаться времени, когда мнѣ дано было почтительно приблизиться къ его святилищамъ; сказанное теперь почитаю покамѣстъ достаточнымъ. Въ малолѣтствѣ не совсѣмъ деликатно давали мнѣ чувствовать его могущество, но оно еще являлось мнѣ какъ огромный блестящій фантомъ, коего образъ сокрытъ былъ отъ меня таинственнымъ покровомъ, коего не видѣлъ я слабыхъ сторонъ и коего власти не зналъ я границъ.

Барская спѣсь, съ примѣсью Французскихъ предразсудковъ, дѣлала самохвальство молодыхъ Голицыныхъ иногда несноснымъ. Ни у одного не было дурнаго сердца, не было даже гордости, но губительное для нихъ въ послѣдствіи тщеславіе и легкомысліе. Имъ все еще грезилась тѣнь дѣдушки Потемкина; изъ словъ ихъ можно было узнать, что они болѣе видятъ въ себѣ побѣжденныхъ сильнымъ противникомъ, чѣмъ караемыхъ грознымъ владыкой. Съ своими слугами они обходились такъ же просто, какъ и съ живущими у нихъ въ домѣ; эта ласка была такого рода, какая оказывается любимой лошади, собакѣ или птицѣ. Такой ласки я снести не могъ и смѣю похвастаться, что умѣлъ отразить покровительственный тонъ, который хотѣли взять со мной молодые люди; съ родителями ихъ было дѣло другое.

Прошло лѣто, наступила осень, и уже близилась зима; съ каждымъ днемъ все у насъ въ деревнѣ становилось мрачнѣе и печальнѣе. Заграничныя извѣстія сдѣлались менѣе радостны, уменьшалась быстрота полета Суворова; сколь ни славенъ былъ переходъ его чрезъ Альпы, но онъ отдалялъ насъ отъ цѣли; наши Французы-роялисты повѣсили голову, а я чуть не плакалъ отъ досады.

Мои родители изъ Кіева отправились въ Москву, чтобы быть при родахъ сестры моей Алексѣевой, которая въ Октябрѣ благополучно и разрѣшилась сыномъ Александромъ. Это извѣстіе меня обрадовало и возгордило: въ первый разъ я сдѣлался дядей.

Къ концу года приготовились для меня новыя перемѣны въ жизни. Тайный іезуитъ, аббатъ Николь, завелъ въ Петербургѣ аристократическій пансіонъ. Онъ объявилъ, что сыновья вельможъ одни только въ немъ будутъ воспитываться; и сколько съ намѣреніемъ затруднить вступленіе въ него дѣтямъ небогатыхъ состояній, столько изъ видовъ корысти положилъ неимовѣрную плату: ежегодно по 1.500 рублей, нынѣшнихъ шесть тысячъ. Обстоятельства способствовали успѣхамъ сего заведенія, которое находилось у Обухова моста, на Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова. Супруга его, княгиня Татьяна Васильевна, отдала сына своего къ аббату Николю, ко-

его чрезвычайно поддерживала; будучи сестрою княгини Голицыной, она письменно и ее убѣждала прислать туда же младшихъ сыновей своихъ, на чтó послѣдняя долго не изъявляла согласія. Но какъ невозможно было наконецъ не подмѣтить безнравственности г. Ролена, такъ какъ совѣстились ему прямо отказать и затруднялись въ пріисканіи ему преемника, то и рѣшились отправить мальчиковъ въ Петербургъ. О семъ намѣреніи увѣдомили также и моихъ родителей, возвращавшихся тогда изъ Москвы.

Едва успѣли они воротиться, какъ прислали за мной довѣреннаго слугу. Исключая Михаила Голицына и учителя Керлерò, я разстался почти безъ всякаго сожалѣнія съ людьми, съ коими, казалось, одна свычка должна уже была меня связать; не меня винить надобно, а ихъ равнодушіе даже между собою, даже другъ къ другу. Въ самое Рождество, отужинавъ, простился я со всѣми довольно холодно и пошелъ къ себѣ спать, съ тѣмъ чтобы до свѣта выѣхать. Странное дѣло! Лишь только пришелъ въ свою комнату и сталъ раздѣваться, какъ мнѣ сдѣлалось грустно. Такъ послѣ со мною бывало и вездѣ, особенно тамъ, гдѣ люди не оказывали мнѣ и не возбуждали во мнѣ большаго участія: вмѣсто ихъ, роднился я съ мѣстами и ихъ только покидалъ, какъ друзей. Менѣе сутокъ пробылъ я въ дорогѣ и далеко за полночь, когда уже у насъ всѣ спали, пріѣхалъ я въ Кіевъ.

XV.

Когда по утру увидѣли меня родители, то едва могли узнать: такъ много съ небольшимъ въ десять мѣсяцевъ измѣнилась моя наружность. Они оставили меня отрокомъ, я предсталъ имъ юношей. Я похудѣлъ, я вытянулся какъ спаржа; въ теплицѣ порока насильственно и быстро я созрѣлъ.

Они не знали чтò со мной дѣлать: мои лѣта требовали еще продолженія учебныхъ занятій, мой ростъ и тогдашніе обычаи дѣлали меня годнымъ для службы. Къ тому же имъ жаль было со мной разстаться; изъ многочисленнаго семейства находился я при нихъ тогда почти одинъ, ибо старшая сестра и старшій братъ остались гостить у замужней сестры въ Москвѣ, а средній братъ поѣхалъ въ Петербургъ попытаться войти опять въ службу.

Въ Кіевѣ былъ тогда одинъ пріѣзжій Нѣмецкій профессоръ, г. Граффъ, человѣкъ ученый и кроткій, который не хотѣлъ заводить школы, а только для образованія въ наукахъ взялъ къ себѣ жить пять или шесть молодыхъ людей. Мой отецъ хотѣлъ меня къ нему отдать; но мать моя, которая весьма была на то согласна, выпросила меня только недѣли на три, чтобы мной потѣшиться.

Въ это время военнымъ губернаторомъ былъ Беклешовъ, но не тотъ, котораго я оставилъ, а меньшой братъ его, Сергѣй Андреевичъ. Старшаго же императоръ еще лѣтомъ вызвалъ въ Петербургъ и сдѣлалъ генералъ-прокуроромъ. Выборы, кои обыкновенно онъ дѣлалъ на удачу, были иногда весьма удачны. Завѣдывая всѣми частями государственнаго управленія, Беклешовъ сохранилъ однакоже военное званіе и военный мундиръ. Императоръ Павелъ, подобно отцу и наслѣдникамъ, имѣлъ отвращеніе отъ гражданскихъ чиновниковъ и отъ гражданской службы, почиталъ подлыми ея занятія, особенно въ нижнихъ должностяхъ, и воспретилъ дворянству первоначально въ нее вступать.

Въ званіи военнаго и гражданскаго чиновника вмѣстѣ, Беклешовъ, дабы въ глазахъ государя облагородить одно званіе другимъ, предложилъ ему составить новый пѣхотный полкъ, подъ именемъ Сенатскаго, и его назначить шефомъ того полка; не ограничивать числа вступающихъ въ него подпрапорщиковъ изъ дворянъ, а симъ послѣднимъ, въ одно время преподавать законовѣдѣніе и учить ихъ фронтовой службѣ. Сія мысль была довольно курьозна, чтобы полюбиться Павлу Первому, и она немедленно была приведена въ исполненіе. Брату моему, находившемуся тогда въ Петербургѣ, поручилъ Беклешовъ написать къ моимъ родителямъ, чтобъ они прислали меня къ нему для опредѣленія въ этотъ полкъ, и не заботились потомъ о моей судьбѣ. Выгоды казались очевидны; сей новый планъ разстроилъ прежній (отдать меня къ г. Граффу) и только ожидали случая, чтобъ отправить меня въ Петербургъ.

Кіевъ оживился тогда контрактами и ярмаркой, но мы съ матерью почти все сидѣли дома, чтобы рѣже разлучаться. Во время вторичнаго отсутствія моего, число незнакомыхъ мнѣ лицъ еще болѣе въ немъ умножилось; должностные же успѣли въ это время раза два перемѣниться, а прежніе, Екатерининскіе, между прочимъ Шардонъ съ Шардоншей, были всѣ въ отставкѣ и тихо доживали вѣкъ.

Одно поразило меня тогда въ Кіевѣ: новые костюмы. Казня въ безумствѣ не камень, какъ говоритъ Жуковскій о Наполеонѣ, а платье, Павелъ вооружился противъ круглыхъ шляпъ, фраковъ, жилетовъ, панталонъ, ботинокъ и сапоговъ съ отворотами, строго запретилъ носить ихъ и велѣлъ замѣнить однобортными кафтанами съ стоячимъ воротникомъ, трехугольными шляпами, камзолами, короткимъ нижнимъ платьемъ и ботфортами. Въ столицахъ уже давно успѣли привыкнуть къ сей уродливости, въ провинціяхъ позже, а къ намъ въ деревню или приказаніе не дошло, или оно въ ней не исполнялось. И мнѣ все платье пришлось перекроить, ибо уже года два ходилъ я въ галстукѣ и снялъ куртку.

Въ первыхъ числахъ Февраля княгиня Варвара Васильевна прислала къ намъ въ домъ двухъ сыновей своихъ, Павла и Александра, чтобы всѣмъ нужнымъ запастись для дальнѣйшаго пути. Сихъ законныхъ сыновей князя Голицына привезъ въ Кіевъ незаконный сынъ его Таманскій, о коемъ въ предыдущей главѣ я, кажется, что-то сказалъ; онъ долженъ былъ сопровождать ихъ до самаго Петербурга. Вотъ и удобный случай меня отправить; имъ воспользовались, наскоро меня снарядили и поручили попеченіямъ и надзору г. Таманскаго.

Этотъ разъ поѣхалъ я уже безъ всякаго восторга, съ однимъ только чувствомъ горести. Въ чужбинѣ такъ мало испыталъ я радостей, что въ будущемъ ничего не смѣлъ себѣ пріятнаго обѣщать. Въ виду у меня были двойныя занятія и военная служба, въ которой, какъ увѣряли, дворяне не имѣющіе офицерскаго чина не избавлялись тогда отъ тѣлесныхъ наказаній. Зима была ужасная и продолжительная; мы сидѣли закутанные въ крытыхъ кибиткахъ и свѣта Божьяго не видѣли. Но насъ было четыре мальчика сорвавшихся съ узды: двое Голицыныхъ, Англичанинъ Личъ и я, а надъ нами Таманскій, котораго никто не слушался, на котораго никто изъ насъ не хотѣлъ глядѣть. Въ такой веселой компаніи скоро можно было забыть горе; Таманскій разчитывался, расплачивался, суетился, а мы, безъ заботъ, даже безъ замѣчаній, скакали день и ночь, мѣняли лошадей, а на станціяхъ только что проказничали и рѣзвились: послѣдній разъ въ жизни былъ я ребенкомъ!

Въ одномъ только Витебскѣ чрезвычайная стужа заставила насъ остановиться на сутки, чтобъ отдохнуть и обогрѣться. Въ Порховѣ узнали мы отъ одного проѣзжаго, что Беклешовъ отставленъ и уже уѣхалъ изъ Петербурга: «Что́ же Сенатскій полкъ?» спросилъ я у проѣзжаго.—«Переименованъ въ Литовскій, отвѣчалъ онъ, у Сената нѣтъ уже гвардіи: одинъ государь можетъ ее имѣть».—«Что́ же со мной будетъ?» подумалъ я и тяжко вздохнулъ.

Наконецъ, 18 Февраля 1800 года, поутру въ Гатчинѣ едва выпивъ чашку чаю въ торопяхъ, къ полдню въ первый разъ я увидѣлъ Петербургъ. Спустившись съ Пулковой горы, наши извощики остановились, чтобы поправить лошадей; я этимъ воспользовался, чтобы въ находившейся тутъ каменной лавочкѣ купить пряничныхъ орѣховъ на послѣднія десять копѣекъ мѣдью, которыя у меня въ карманѣ оставалась; деньги же на прогоны и другія потребности были моими родителями отданы въ распоряженіе г. Таманскаго, который ихъ всѣ уже издержалъ.

У самой заставы объявилъ мнѣ онъ, вѣроятно наскучивъ мною дорогой, что мнѣ открыты всѣ четыре стороны, что онъ взялся меня только довезти, но отнюдь не намѣренъ заботиться обо мнѣ въ столицѣ, и самъ съ молодыми людьми отправился прямо къ княгинѣ Юсуповой. Чтò мнѣ было дѣлать? Изъ писемъ зналъ я, что братъ мой живетъ у одного Кіевскаго пріятеля нашего семейства, артилерійскаго генерала Бѣгичева; но гдѣ? Я думалъ, что объ этомъ знаетъ на заставѣ караульный офицеръ; онъ улыбнулся моему вопросу и совѣтовалъ мнѣ узнать о томъ въ Ордонансъ-Гаузѣ. Онъ находился въ Миліонной, на углу Мошкова переулка; туда я и отправился. Тамъ ничего мнѣ не могли сказать, а полагали, что мнѣ надобно искать его на Литейной, гдѣ живутъ всѣ артилеристы, и что квартиру его мнѣ, вѣроятно, укажетъ первый попавшійся мнѣ артилерійскій солдатъ.

Когда я объявилъ о томъ своему ямщику, то онъ наморщился, однакоже повезъ меня далѣе. Это былъ послѣдній день масляницы; не знаю, хотѣлось ли ему погулять, или дѣйствительно лошади были измучены, но онъ безпрестанно съ нетерпѣніемъ оборачивался ко мнѣ, спрашивая: скоро ли кончатся наши странствованія? Я молчалъ; вдругъ онъ вновь поворотился ко мнѣ съ вопросомъ, много ли я ему дамъ на водку? Мы уже были на Литейной, противъ Арсенала. Я имѣлъ нескромность отвѣчать ему, что у меня нѣтъ ни копѣйки; тогда онъ остановился и самымъ грубымъ образомъ объявилъ мнѣ, что онъ отпрягаетъ лошадей и бросаетъ меня на улицѣ. Со мною, для прислуги, былъ только глупый деревенскій мальчикъ Лёвка, мой ровесникъ. Я обомлѣлъ; онъ, кажется, испугался еще болѣе меня.

Пусть представятъ себѣ положеніе провинціяльнаго недоросля, брошеннаго среди улицъ, которыхъ онъ не знаетъ, въ столицѣ, гдѣ ему никто не знакòмъ, и безъ гроша денегъ. Но этимъ бѣда еще не кончается. Вдругъ налетаетъ полицейскій офицеръ, и кричитъ намъ: «Шапки долой, становись за кибитку!» Только успѣлъ я безмолвно исполнить сіе приказаніе, какъ вижу, что отъ Литейнаго двора несутся сани, запряженныя парой красивыхъ, лихихъ лошадей, покрытыхъ огромными бѣлыми фартуками. Я въ нихъ узналъ самого государя, котораго одинъ разъ уже въ жизни видѣлъ. Онъ сидѣлъ съ императрицей и ѣхалъ кататься на горы, которыя тогда устроены были близъ Смольнаго монастыря. Лишь только промчался царь, полицейскій грозно возопилъ ко мнѣ: какъ смѣю я быть въ запрещенномъ нарядѣ? Но, вѣроятно, тронутый моими лѣтами, невѣдѣніемъ, совѣтовалъ скорѣе куда-нибудь убраться, чтобы меня не взяли на

съѣзжій дворъ. На мнѣ была черная шапка съ длинными ушами, и онѣ недавно передъ тѣмъ были запрещены въ столицѣ.

Между тѣмъ нашъ ямщикъ медлилъ откладывать лошадей, можетъ быть и не посмѣлъ бы сего сдѣлать; но я не зналъ своихъ правъ, и лишь только опомнился отъ испуга, то вмѣстѣ съ Лёвкой прибѣгнулъ къ мольбамъ. Проходящій въ это время солдатъ сказалъ намъ, что генералъ Бѣгичевъ живетъ на концѣ Кирочной улицы, у самаго Таврическаго сада, въ деревянномъ угольномъ домѣ. Берегъ былъ видѣнъ, хота еще въ отдаленіи, и жестокій ямщикъ сѣлъ опять на мѣсто и поѣхалъ далѣе, но во время переѣзда поминутно осыпалъ насъ ужасными ругательствами, изъ коихъ названіе нищихъ было еще самое сносное.

Вотъ, наконецъ, мы въѣхали на дворъ; но чтó же? Новое горе: ни Бѣгичева, ни брата, ни ихъ людей не было дома; всѣ гуляли на масляницѣ или были въ гостяхъ; остались какіе-то два деньщика, которые не только не соглашались пустить меня въ комнату, но даже хотѣли прогнать со двора, принимая Богъ вѣсть за кого. На бѣду и на счастіе мое, ямщикъ нашъ былъ человѣкъ отчаянный, дерзкій: онъ прикрикнулъ на нихъ, ихъ не послушался, проворно отпрягъ лошадей и опрометью ускакалъ.

Мнѣ оставалось только сидѣть въ кибиткѣ и ожидать возвращенія брата. Я то и сдѣлалъ, но мнѣ было скучно и холодно. Я рѣшился оставить Лёвку, а самъ пошелъ ходить по улицѣ, не отдаляясь однакоже отъ жилища своего, то-есть кибитки. Попавшіеся мнѣ какіе-то люди, съ коими завязалъ я разговоръ, сказали мнѣ, что если пойду вдоль Таврическаго сада и потомъ поворочу влѣво, то выйду къ самымъ горамъ и увижу увеселенія Русскаго народа. Любопытство, юношеская вѣтренность и надежда встрѣтить, можетъ быть, брата, заставили меня пойти. Нынѣшній Преображенскій плацъ былъ тогда безконечное поле, занесенное снѣгомъ, на краю котораго едва виднѣлись низкія лачужки; я держался той стороны, которою онъ примыкаетъ къ саду, шелъ медленно, ибо вязнулъ безпрестанно въ глубокомъ снѣгу и былъ отягченъ дорожнымъ платьемъ. Дорóгой я никого не встрѣтилъ, и мнѣ казалось, что я иду степью. Когда, пройдя садъ, заворотилъ я налѣво, то замѣтилъ, что начинаетъ смеркаться и вспомнилъ несчастную свою черную шапку; измученный, истомленный, голодный, ибо ничего этотъ день не ѣлъ, кромѣ пряничныхъ орѣховъ, еще медленнѣе потянулся я назадъ. Когда я воротился, то почти уже смерклось, но я нашелъ счастливую перемѣну въ моихъ дѣлахъ: слуга моего брата пришелъ домой и помогалъ уже Лёвкѣ перетаскивать мои пожитки.

Мнѣ ужасно хотѣлось ѣсть. Къ несчастію, люди г. Бѣгичева не возвращались; безъ нихъ все было заперто, а избавитель мой въ этотъ день прогулялъ свои деньги. Въ комнатѣ, которую братъ мой занималъ, кое-какъ устроили и мнѣ кровать. Я бросился на нее; за недостаткомъ пищи, спѣшилъ укрѣпить себя сномъ и безъ просыпа полсутки проспалъ. Въ эту ночь, не знаю, видѣлъ ли я что во снѣ; но если мнѣ снилось, то вѣрно ужъ съѣстное. Случайное сіе негостепріимство Петербурга оставило во мнѣ непріязненное къ нему впечатлѣніе, которое двѣ трети жизни въ немъ проведенныя не могли совершенно изгладить.

На другой день братъ меня разбудилъ и неодѣтаго повелъ къ нашему хозяину. Онъ былъ самый почтенный, самый добродѣтельный чудакъ, уменъ, благороденъ, но непреклоненъ и дикъ, не любилъ большаго общества. При видѣ малознакомыхъ, сердце его какъ будто замерзало, и онъ обдавалъ ихъ холодомъ, за то оно совершенно таяло съ ближними и пріятелями; наконецъ, страсть его къ трубкѣ довершала сходство его съ однимъ государственнымъ человѣкомъ, котораго я послѣ зналъ. Онъ меня разцѣловалъ и скорѣе велѣлъ накормить завтракомъ. Послѣ того отправились мы съ братомъ по лавкамъ и къ портному, дабы заказать мнѣ нарядъ, въ коемъ бы согласованы были законы моды съ государственными постановленіями. Тутъ только могъ я полюбоваться зданіями Петербурга; наканунѣ мнѣ не до того было.

Я былъ привезенъ въ Петербургъ для опредѣленія въ службу; но куда, теперь сдѣлалось неизвѣстно. Надобно было брату подумать, что изъ меня сдѣлать: продолжать ли меня занимать ученіемъ, или просто отдать въ какой-нибудь полкъ. Онъ ни на что не смѣлъ рѣшиться, не спросясь напередъ родителей, и завелъ о томъ съ ними переписку. Пока онъ получилъ ихъ согласіе, а въ послѣдствіи и полномочіе располагать моею судьбой, пока онъ хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ Пажескій корпусъ, пока ему это обѣщали и водили его, пока, убѣдясь, что ожиданія его тщетны, онъ началъ пріискивать для меня другой родъ службы,—прошло пять мѣсяцевъ. По истеченіи ихъ, наши родители, не видя никакого успѣха, полагая, что забавы Петербурга удерживаютъ въ немъ брата столько же, какъ и хлопоты (въ чемъ и не совсѣмъ ошибались), къ тому же не въ состояніи будучи продолжать издержекъ на наше содержаніе, приказали намъ немедленно отправиться въ Москву и тамъ ожидать новыхъ приказаній.

Въ продолженіи сихъ пяти мѣсяцевъ сдѣлалъ я нѣсколько новыхъ знакомствъ, впрочемъ не весьма интересныхъ; о самыхъ занимательныхъ не могу оставить читателя въ невѣдѣніи.

Мой братъ не былъ знакомъ въ аристократическомъ кругу, который въ Петербургѣ тогда и не очень былъ обширенъ: бо́льшая часть вельможъ жили въ Москвѣ, или въ удаленіи, въ деревнѣ; небольшое число изъ нихъ имѣли дозволеніе путешествовать за границей. Первое знакомство, доставленное мнѣ братомъ, было въ домѣ одного стараго Француза, шевалье де-Лабатъ де-Виванса*), который, вслѣдствіе какого-то поединка, долженъ былъ оставить Францію гораздо прежде революціи и эмиграціи. Вступивъ у насъ въ военную службу, онъ Гасконскою оригинальностію скоро понравился начальникамъ и сдѣлался наконецъ любимцемъ самого князя Потемкина, который, причисливъ его къ своему штату, назначилъ смотрителемъ собственныхъ дворца и сада, нынѣшнихъ Таврическихъ. По смерти Потемкина, они поступили въ казну, а его мѣсто изъ партикулярнаго обратилось въ придворное. При Павлѣ Таврическій дворецъ превращенъ въ казармы лейбъ-гусарскаго полка, а г. Лабатъ, который и его смѣшилъ, сдѣланъ кастеланомъ строившагося Михайловскаго за́мка, и императоръ еще болѣе полюбилъ въ немъ титулъ рыцарскихъ временъ, для него имъ выдуманный.

Оставивъ въ отечествѣ дворянскіе предразсудки, Лабатъ въ Россіи женился на дочери извѣстнаго въ свое время Французскаго парикмахера Марміона. Его супруга хотѣла играть роль знатной дамы, никогда не теряла важности и строгимъ взоромъ часто останавливала неприличные, по мнѣнію ея, порывы веселости своего мужа. Она, къ счастію, рѣдко показывалась; а гостей принимали двѣ дочери ея, добрыя, милыя, весьма уже зрѣлыя, но еще не пожилыя дѣвы, съ которыми мнѣ было чрезвычайно пріятно и весело.

Онъ когда-то былъ одинъ изъ проѣзжихъ, безчисленныхъ посѣтителей нашего дома въ Кіевѣ и за гостепріимство желалъ заплатить услугой. Онъ вызвался брату хлопотать объ опредѣленіи меня въ Пажескій корпусъ у двухъ вельможъ, оберъ-камергера графа Шереметева и оберъ-гофмаршала Нарышкина, съ которыми онъ былъ на короткой ногѣ. Но иное, видно, вышучивать трудно: бояре забавникамъ обѣщаютъ, водятъ ихъ, отшучиваются, и все дѣло наконецъ обращается въ шутку. Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ моему опредѣленію былъ мой ростъ: тогда обыкновенно принимали мальчиковъ двѣнадцати лѣтъ, а я казался семнадцати.

Еще были мы вхожи въ домъ одного пріятеля нашихъ родителей, если только Никита Ивановичъ Пещуровъ могъ быть кому-нибудь пріятелемъ. Онъ вѣровалъ въ одно только могущество при дворѣ; любим-

*) О немъ часто говоритъ Жихаревъ въ своемъ «Дневникѣ». П. Б.

цы царей, любимцы вельможъ и ихъ любимцы составляли его Олимпъ, небесную іерархію, которой онъ униженно кланялся. Что̀ всего страннѣе, онъ не былъ честолюбивъ, не искалъ власти, а любилъ ее въ другихъ; ему нужно было молиться, и какъ праздныя женщины, которыя въ Москвѣ всякое утро таскаются отъ часовень къ соборамъ и отъ приходскихъ церквей къ монастырямъ, такъ и онъ, прежде нежели отправится къ должности, любилъ возить набожность свою по пріемнымъ. За другихъ онъ никогда не хотѣлъ просить, а за себя очень рѣдко. Онъ ѣздилъ безъ всякой нужды; просто пріѣдетъ, подождетъ; выйдетъ бояринъ, скажетъ «здравствуй, братецъ Никита Ивановичъ, каковъ ты?» а онъ съ благодарностію поклонится, слава-молъ Богу, и потомъ на цѣлый день доволенъ, а когда пригласятъ откушать, то и совершенно счастливъ. Говоря всегда съ восхищеніемъ о сильныхъ, онъ никогда не позволялъ себѣ злословить падшихъ, въ ожиданіи, что они когда-нибудь возстанутъ; онъ не шелъ противъ нихъ, а почтительно и молчаливо ихъ убѣгалъ: это была въ одно время и врожденная, и систематическая, и самая откровенная, и самая утонченная подлость. Генеральскій чинъ нашего отца, который въ то время предполагалъ нѣкоторыя важныя связи, давалъ намъ право на его улыбку, по крайней мѣрѣ на ласковый, разсѣянно-покровительственный его пріемъ.

Бывало, мы по праздникамъ дѣлаемъ ему утреннія посѣщенія. Мнѣ памятны: простыня разостланная посреди комнаты, на ней стоящій стулъ и Никита Ивановичъ, на немъ сидящій въ пудрамантелѣ. Мы и нѣкоторыя другія, не весьма высокія, однакоже привилегированныя особы, сидѣли вдоль стѣны въ почтительномъ разстояніи, въ которомъ впрочемъ держали насъ и облака пудры, летѣвшія на тупей г. Пещурова; тѣ, которые стояли сзади его, конечно играли въ мірѣ весьма скромныя роли. Обычай принимать людей ниже себя за туалетомъ былъ, кажется, введенъ императрицей Екатериной; у нея переняли его вельможи, а отъ нихъ, видно, перешелъ онъ и къ подчиненнымъ ихъ. Никита Ивановичъ былъ тогда статскій совѣтникъ и совѣтникъ Ассигнаціоннаго Банка; теперь это менѣе чѣмъ ничто, а тогда, о блаженное время! это было что-то, такъ сказать, полугенеральство, и маленькое его чванство казалось весьма естественнымъ, нимало несмѣшнымъ. Въ теченіе долголѣтней службы своей онъ не имѣлъ случая оказать великихъ услугъ государству, двѣ трети жизни своей онъ подписывалъ ассигнаціи, онъ началъ и кончилъ свое поприще въ этомъ банкѣ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, управляя онымъ. Онъ всегда слылъ самымъ добрымъ человѣкомъ въ Петербургѣ; но, вспоминая его, я никогда не завидовалъ его репутаціи.

О женѣ его говорить мнѣ не хочется; низкіе пороки между женщинами худо образованными въ это время встрѣчались нерѣдко; вино согрѣвало и веселило тогда женскія сердца чаще, чѣмъ любовь. Съ двумя сыновьями его, тогда офицерами Семеновскаго полка *), я сблизился, несмотря на разность нашихъ лѣтъ. Какъ всѣ молодые люди того времени, они были образованы для свѣта и для военной службы, но и въ этомъ не имѣли ничего блестящаго. Они были со всѣми отмѣнно вѣжливы, а ко мнѣ особенно внимательны. Я много имъ обязанъ тѣмъ, что не совсѣмъ праздно провелъ тогда время въ Петербургѣ: они ссудили меня новыми Новостями Флоріана, и я перевелъ ихъ на Русскій языкъ, но уже какъ? Это бы мнѣ любопытно было теперь знать. Я полагаю, что этотъ переводъ не существуетъ; ибо мой братъ, который былъ невеликій литераторъ, хотя любилъ чтеніе, нашелъ, что онъ достоинъ быть напечатанъ и съ этимъ намѣреніемъ взялъ его къ себѣ, а потомъ затерялъ.

Странный былъ составъ маленькой библіотеки молодыхъ Пещуровыхъ, особливо для офицеровъ: полное собраніе сочиненій Флоріана, всѣ творенія Дората, маленькій томъ Буффлера, Театръ Мариво, Письма къ Эмиліи о миѳологіи г. Демутье, Шольё и Лафаръ, Бернисъ и Жанти Бернаръ; все легкое, розовое, амурное, ни одной военной, ни одной Русской книги. Вмѣстѣ съ Версальскими предразсудками вошла у насъ въ моду и Французская литература; въ высшемъ обществѣ знали наизусть классическихъ ея авторовъ, и вѣкъ Людовика XIV ставили выше вѣковъ Августа и Перикла: знатныя дамы съ восхищеніемъ читали Массильйона и Бурдалу, и нѣкоторыя изъ нихъ аббатами приготовлялись уже къ воспріятію католицизма; полупросвѣщенные повѣсы проповѣдывали безбожіе и клялись Вольтеромъ и Дидеротомъ; чувствительные юноши, женщины принадлежащія ко второстепеннымъ обществамъ и молодые литераторы, также чуждые высшему кругу, плѣнялись нѣжностями, мадригалами, гримасными улыбками мелкихъ Французскихъ писателей. Духомъ сего времени созданы Измайловы и Шаликовы съ ихъ отвратительною чувствительностію.

Третій домъ нами посѣщаемый былъ полуаристократическій, не по знатности, не по тону, а по богатству, по связямъ, а еще болѣе по претензіямъ. Мой братъ учился въ пансіонѣ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ Демидовымъ, свелъ и сохранилъ съ нимъ дружбу и сдѣлался домашнимъ у его родителей. Потомки знаменитаго кузнеца, во дни Петра Великаго открытіемъ рудъ и усовершенствованіемъ желѣзныхъ

*) Меньшой убитъ въ Фридландѣ, а старшій [illegible] ъ, въ послѣдствіи губернаторомъ въ Псковѣ.

работъ стяжавшаго столь великое богатство, что каждая изъ раздробленныхъ между многочисленными его правнуками частицъ составляетъ еще милліоны, потомки сіи почти всѣ отличаются желѣзнымъ упрямствомъ и удивительными причудами. Внукъ сего Акинѳія Демидова, Петръ Григорьевичъ, отецъ товарища моего брата, тотъ самый, къ которому мы ѣздили, если всѣхъ ихъ не превосходилъ странностями, то никому и не уступалъ. Я скажу только о тѣхъ, кои въ глазахъ свѣта казались смѣшными, а по моему мнѣнію, ему дѣлаютъ честь.

Около тридцати лѣтъ былъ онъ тогда уже женатъ. Заведенный имъ порядокъ съ тѣхъ поръ ни на волосъ не измѣнялся, и сей порядокъ, кажется, существовалъ еще въ домѣ его отца и дѣда. Въ убранствѣ комнатъ, въ обычаяхъ, въ распредѣленіи времени, во всемъ было замѣтно нѣчто Голандско-нѣмецкое. Сверхъ нижняго жилья, одноэтажный каменный домъ его въ Большой Мѣщанской сохранилъ еще и понынѣ старинный свой фасадъ. Нѣсколько узкихъ длинныхъ комнатъ сего дома были назначены для пріема гостей; гораздо же большее число внутреннихъ, какъ сердце г. Демидова, открывалось только задушевнымъ его друзьямъ. Всѣ онѣ были съ прочными сводами, украшены лѣпными изображеніями; стѣны однихъ были завѣшаны множествомъ хорошихъ и дурныхъ картинъ, въ другихъ онѣ были составлены изъ изразцовъ, въ иныхъ видна была дубовая рѣзная работа; столовые и стѣнные часы, люстры, всѣ мебели одни другимъ соотвѣтствовали: вездѣ встрѣчались опрятность и роскошь Монплезира и маленькаго Екатерингофскаго дворца. Одна изъ комнатъ была убрана Китайскими шелковыми обоями; она называлась чайною, и въ шесть часовъ вечера, не позже, разливали въ ней сей горячій напитокъ, разводили огонь въ каминѣ, и гостямъ мужескаго пола подавали каждому по маленькой бѣлой трубкѣ съ табакомъ: обычай, который конечно ни въ одномъ порядочномъ Петербургскомъ домѣ тогда встрѣтить было невозможно.

Изъ сего можно видѣть, что Петръ Григорьевичъ чрезвычайно любилъ старину *). Однѣ сѣдины и морщины давали право на его привѣтливость; на молодыхъ людей, даже на молодыхъ женщинъ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Ими съ большею любезностію занималась супруга его, Екатерина Алексѣевна, урожденная Жеребцова.

---

*) Старину, а не древность Русскую; ибо Голандско-нѣмецкая, мѣщанская, чистоплотная роскошь, введенная у насъ при Петрѣ Великомъ и не во многихъ домахъ едва сохранившаяся до временъ Екатерины, не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ боярскимъ житьемъ, хлѣбосольнымъ, довольно безпорядочнымъ, не весьма опрятнымъ, которое и доселѣ пробивается сквозь Европейскія утонченности и grand genre нынѣшнихъ аристократовъ.

Родной братъ ея былъ женатъ на извѣстной нѣкогда въ Петербургѣ Ольгѣ Александровнѣ, родной сестрѣ князя Зубова, любимца Екатерины; родная же племянница г. Демидова была замужемъ за однимъ графомъ Головкинымъ, а родной племянникъ, также Демидовъ, женатъ на княжнѣ Лопухиной, родной сестрѣ княгини Гагариной, любимицы Павла Перваго. Столь знатное родство, посѣщавшее сей домъ, давало ему нѣкоторый блескъ; но странности въ немъ встрѣчаемыя всегда удаляли отъ него цвѣтъ тогдашняго лучшаго общества.

Странная мысль вошла тогда брату моему въ голову. Онъ никогда не бывалъ въ домѣ у Григорія Александровича, племянника г. Демидова, а съ молодою, прекрасною, меланхолическою женой его, которую мужъ ревновалъ къ цѣлому свѣту, рѣдко имѣлъ случай разговаривать. Ему показалось, впрочемъ весьма неосновательно, будто она къ нему неравнодушна. Желая казаться болѣе интереснымъ и воспользоваться мнимымъ ея хорошимъ расположеніемъ, онъ сталъ описывать ей братскую ко мнѣ любовь и нѣжныя попеченія о моей участи. Женское ли самолюбіе, которое дало угадать сильное впечатлѣніе сдѣланное на человѣка, хотя не красиваго, но молодаго, смѣлаго и пылкаго, просто ли доброта женскаго сердца возбудили въ ней сострадание къ бѣдному мальчику; но она сама вызвалась говорить обо мнѣ графу Растопчину, министру иностранныхъ дѣлъ, и сдержала слово. Трудно было тогда отказать въ чемъ-нибудь сестрѣ княгини Гагариной, и министръ черезъ нее велѣлъ мнѣ подать просьбу объ опредѣленіи въ службу.

Запрещеніе принимать въ гражданскую службу молодыхъ дворянъ все еще существовало, но изъ сего правила сдѣлано было изъятіе для дипломатической части. Дозволено было при Иностранной Коллегіи имѣть двадцать человѣкъ юнкеровъ 14 класса и десять при Московскомъ ея архивѣ, дабы такимъ образомъ ограничить число привилегированныхъ юношей. Легко себѣ можно представить, какъ много было желающихъ занять такія мѣста и какое нужно было покровительство, чтобы получить ихъ.

Вмѣстѣ съ дворомъ находился тогда графъ Растопчинъ въ Петергофѣ. Надобно было лично подать ему просьбу, и однимъ утромъ мы отправились туда съ братомъ въ наемныхъ дрожкахъ. Этой поѣздки я вѣкъ не забуду. Страхъ былъ во мнѣ сильнѣе радости. Я видѣлъ много вельможъ, ласкавшихъ мое отрочество, робѣть мнѣ, казалось, было нечего; но во всѣхъ официальныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ при Павлѣ былъ сокрытъ какой-то тайный ужасъ, и приближенные его, подобно ему, прослыли грозными. День былъ прекрасный, воздухъ жаркій, но безпрестанно прохлаждаемый вѣтеркомъ, дующимъ со

взморья. Петергофская дорога, по которой ѣхалъ я въ первый разъ, была тогда, въ окрестностяхъ столицы, единственное мѣсто, гдѣ богачи всѣхъ сословій проводили лѣто, люди же другихъ состояній такой прихоти себѣ не дозволяли и жили всѣ въ городѣ. Двадцать шесть верстъ почти безпрерывно тянулась предо мною двойная цѣпь красивыхъ дачъ, нынѣ въ развалинахъ или обращенныхъ въ фабрики, дворцы, барскія палаты, кіоски и пагоды, монументы, мѣстами каскады и фонтаны, каналы и затѣйливые черезъ нихъ мостики; цѣлыя рощи цвѣтовъ, украшающія крыльца и балконы, попеременно мелькали передо мною, и я съ жаднымъ вниманіемъ смотрѣлъ на все то, чѣмъ искусства и произведенія чуждыхъ намъ климатовъ такъ удачно прикрываютъ уродливую Петербургскую природу. Я былъ очарованъ, переходилъ отъ изумленія къ изумленію, и во всю дорогу забылъ и горе свое, и свои надежды.

На заставѣ у Петергофа долженъ былъ я о томъ вспомнить. Караульный офицеръ посмотрѣлъ на насъ съ видомъ подозрительнымъ, спросилъ наши имена, зачѣмъ мы пріѣхали и долго ли пробудемъ; и записавъ все это, потребовалъ, чтобы мы долѣе назначеннаго нами времени не оставались. Растопчинъ жилъ въ деревянныхъ, такъ-называемыхъ кавалерскихъ домикахъ, близко отъ дворца, и чтобы сколь возможно миновать сіе мѣсто ужаса, мы, оставя дрожки наши гдѣ-то въ полѣ, старались пробраться оконечностію нижняго сада. Когда мы пришли, то насъ ввели въ небольшую комнату и, оставя въ ней однихъ, тотчасъ пошли объ насъ докладывать. Мы дожидались недолго: отворилась дверь, и вышелъ графъ Растопчинъ, съ видомъ довольно угрюмымъ. Звѣрообразное, калмыковатое лицо его и свирѣпый взглядъ, когда онъ бывалъ невеселъ, должны были въ каждомъ производить страхъ. Братъ мой назвалъ госпожу Демидову, а у меня чуть не подкосились ноги, когда я безмолвно подалъ просьбу. Принявъ ее, министръ сказалъ только: «хорошо, посмотримъ»; и мы, поклонясь, тѣмъ же путемъ отправились обратно въ Петербургъ.

Не прошло двухъ дней послѣ того, какъ мы получили грозное письмо отъ родителей. Пятимѣсячное пребываніе наше въ столицѣ становилось для нихъ тягостно; они дѣлали всевозможныя пожертвованія, чтобы содержать насъ прилично, но братъ мой, какъ сказалъ я гдѣ-то выше, былъ болѣе чѣмъ неразсчетливъ и надѣлалъ долговъ. Не видя никакого успѣха въ моемъ опредѣленіи, нашъ отецъ рѣшился приказать намъ немедленно оставить Петербургъ и отправиться въ Москву къ зятю и сестрѣ, чтобъ отдать меня тамъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, тогда называвшійся именемъ шефа своего, фельдмаршала графа Салтыкова. Дѣлать было нечего: малѣйшее отлагательство въ испол-

неніи родительской воли казалось дѣломъ невозможнымъ, а согласіе, изъявленное графомъ Растопчинымъ, весьма походило на отказъ. Сборы наши были недолги; нѣсколько дней спустя, съ двумя слугами, сѣли мы въ двѣ телѣги и на перекладныхъ поскакали въ Москву.

Я было и забылъ сказать, что въ это время мы жили въ Коломнѣ, близъ Никольскаго рынка, у добраго дяди нашего Якова Лаврентьевича, въ тѣсной, но уютной и чистенькой квартирѣ его и раздѣляли почти ежедневно скромную его трапезу. Ни одной изъ женъ его тогда при немъ не было, а хозяйствомъ его и его старостію управляла нѣкая Авдотья, служанка-госпожа или кухарка-сударка, какъ иные такихъ женщинъ называютъ. Онъ меня чрезвычайно любилъ и часто бывалъ моимъ защитникомъ отъ брата, съ коимъ житье по истинѣ было несносное. Отъ родителей онъ былъ надо мною уполномоченъ и дѣйствительно не щадилъ стараній, чтобы выгоднымъ образомъ меня пристроить; сіе дало ему высокую мысль о неограниченности его правъ, кои не весьма охотно я соглашался признавать. Онъ былъ восемью годами меня старѣе, но все-таки, по мнѣнію моему, равный мнѣ братъ, и мнѣ все казалось, что въ незрѣломъ мозгу моемъ болѣе идей и соображеній, чѣмъ въ зрѣломъ умѣ его. Безразсудная его взыскательность была въ безпрестанномъ столкновеніи съ моимъ упрямствомъ, съ моимъ самолюбіемъ; ибо тогда, какъ и нынѣ, почиталъ я унизительнымъ не только виниться, но даже и оправдываться. Мое сердитое молчаніе приводило его въ бѣшенство; возставали сильныя бури, и одинъ лишь старый дядя нашъ умѣлъ ихъ усмирять. Грѣха таить нечего: дѣло иногда доходило и до побоевъ.

Прежде нежели оставлю я Петербургъ, молодой городъ, который тогда не праздновалъ еще и перваго своего юбилея, мнѣ хочется вкратцѣ описать его и дать понятіе о тогдашнемъ его состояніи; читатели не только простятъ мнѣ сіе, но можетъ быть и поблагодарятъ за то. Всѣ увѣряютъ, будто, послѣ двадцатилѣтняго или даже десятилѣтняго отсутствія, никто не можетъ узнать Петербурга. Сіе могло быть справедливо при Екатеринѣ; но при ней сдѣлано въ немъ все основное; перемѣны же, которыя съ тѣхъ поръ послѣдовали, суть только прибавленія къ цѣлому (accessoires). Къ несчастію, она усвоила себѣ гибельную мысль Петра Великаго, развила ее и, такъ сказать, осуществила. Всѣ творенія ея носятъ печать вѣчности, и городъ сей, который тридцати-пятилѣтними ея стараніями возвысился и распространился, городъ, которымъ щеголяетъ Россія, забывая, что кости сотенъ тысячъ нашихъ братій, погибшихъ при ископаніи сей бездны, служатъ ему основаніемъ, сей городъ простоитъ въ велелѣпіи столь же долго, какъ и слава царства Русскаго. Безъ Екатерины онъ скоро

потонулъ бы въ болотѣ, среди коего возникъ. Въ моихъ глазахъ онъ какъ зданіе, которое, близъ сорока лѣтъ тому назадъ, увидѣлъ я въ первый разъ совсѣмъ оконченнымъ, но коего нѣкоторыя только части не были совсѣмъ отдѣланы и изъ коихъ многія потомъ изукрасились. Главныя примѣчательнѣйшія строенія тогда уже существовали и почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ находятся и понынѣ: дворцы—Зимній, Аничковскій, Мраморный, Таврическій, три академіи, Большой театръ; кадетскіе корпуса, церкви—Спаса на Сѣнной и Николы Морскаго; стѣны Петропавловской крѣпости и берега Невы, Фонтанки и Екатерининскаго канала были уже выложены гранитомъ, рѣшетка Лѣтняго сада уже изумляла красотой. Михайловскій, что̀ нынѣ Инженерный, за̀мокъ тогда достраивался.

Число и самая величина частныхъ каменныхъ домовъ въ Петербургѣ, съ умноженіемъ народонаселенія, конечно, съ тѣхъ поръ утроились. Послѣдній годъ жизни Екатерины въ немъ жителей, говорятъ, было до полутораста тысячъ; при Павлѣ число сіе значительно уменьшилось, съ тѣмъ, чтобы при наслѣдникѣ его опять быстро увеличиться. Въ Большой Коломнѣ можно встрѣтить теперь болѣе экипажей и народу, чѣмъ тогда на Невскомъ проспектѣ; но сіе происходило не столько отъ недостатка народонаселенія, какъ отъ ежедневныхъ верховыхъ прогулокъ императора. Въ сопровожденіи Кутайсова императоръ всякій день объѣзжалъ обѣ набережныя, обѣ Морскія, всѣ главныя улицы столицы своей; плохо бывало тѣмъ, коихъ нарядъ или физіономія ему не полюбятся. Всѣ ѣдущіе въ каретахъ обязаны были, поровнявшись съ нимъ, останавливаться и, не исключая даже престарѣлыхъ дамъ, выходить изъ нихъ, не смотря ни на какую погоду; мущины же въ такихъ случаяхъ должны были сбрасывать плащи и шубы *). Завидѣвъ его издали, иные пѣшеходы спасались бѣгствомъ, бросались въ первые открытые ворота; но если зоркій взглядъ его замѣчалъ таковыхъ, то полицейскіе драгуны скакали, чтобы схватить ихъ и привести къ нему. Онъ не позволялъ даже бояться; подобно Туркамъ, ему хотѣлось, чтобы мы сдѣлались фаталисты и видѣли въ немъ неизбѣжную судьбу свою.

Одна только часть Петербурга была въ 1800 году еще въ совершенномъ запустѣніи. Невскіе острова были тогда острова необитаемые. На Крестовскомъ—ветхій домъ, на Каменномъ—пустой, невысокій дворецъ и маленькая церковь являли тогда только слѣды че-

*) Одна шутиха, Французская актриса Леруа, поскользнулась со ступеньки и упала къ ногамъ его лошади. Со смѣлостію, свойственною ея націи, она воскликнула къ нему Волтеровымъ стихомъ: Que voulez-vous de plus? Mérope à vos pieds, и онъ расхохотался.

ловѣческаго присутствія. Мосты еще не существовали, сообщенія между островов не было; вездѣ дичь, вездѣ непроходимый лѣсъ и болото. Одинъ разъ братъ возилъ меня туда кататься на шлюбкѣ; дедалъ протоковъ, густая зелень сихъ островов, отражаемая зеркаломъ Невы, меня восхищали; самое глубокое молчаніе, которое вокругъ насъ царствовало и было только прерываемо шумомъ нашихъ веселъ, имѣло что-то величественное. Изрѣдка попадались намъ ялики, нагруженные купеческою семьей и самоваромъ; они приставали къ влажнымъ берегамъ, и гуляющіе, выбравъ какое-нибудь маленькое возвышеніе, располагались на немъ почайничать. Но пѣсенъ мы не слыхали; оглашать сію пустыню звуками заунывнаго Русскаго удальства не было дозволено: они какъ будто выражаютъ тоску по свободѣ.

Ничто такъ меня не прельстило въ Петербургѣ, какъ театръ, который увидѣлъ я первый разъ въ жизни; ибо въ Кіевѣ его не было, а въ Москвѣ меня туда еще не пускали. Нѣсколько о томъ словъ будутъ здѣсь не лишнія. Русской труппы я тогда не видалъ или, лучше сказать, о ней и не слыхалъ; и названіе ни одного изъ актеровъ мнѣ не было извѣстно; знающихъ по-французски въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ не было и десятой доли, и отличающимся знаніемъ сего языка было бы стыдно, еслибъ ихъ увидѣли въ Русскомъ театрѣ: онъ былъ оставленъ толпѣ пріѣзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ. Тощій нашъ репертуаръ ей казался неистощимъ; безъ скуки и утомленія слушала она безпрестанно повторяемыя передъ ней трагедіи Сумарокова и Княжнина; національныя оперы: *Мельникъ*, *Сбитеньщикъ*, *Розана и Любимъ*, *Добрый Солдатъ*, *Θедулъ съ дѣтьми*, *Иванъ Царевичъ* лѣтъ двадцать сряду имѣли ежегодно отъ двадцати до тридцати преставленій. Въ это же время переведенныя съ Итальянскаго оперы придворнаго капельмейстера Мартини *Рѣдкая Вещь* и *Діанино Древо* начали знакомить нашу публику съ хорошею музыкой, а комедіи Фонъ-Визина чистить вкусъ и нравы. Сей вкусъ, однакоже, былъ угрожаемъ порчей отъ драматическихъ произведеній Коцебу, коими переводчики наводнили тогда нашъ театръ.

Когда братъ бывалъ мною доволенъ, что̀ случалось весьма рѣдко, то бралъ съ собою во Французскій театръ. Такъ какъ креселъ было тогда не болѣе двухъ рядовъ, то обыкновенно всѣ ходили въ партеръ, куда за входъ платили только по одному рублю. Всего удалось мнѣ видѣть спектакль три раза, и слѣдственно награды мнѣ за хорошее поведеніе стоили не болѣе трехъ рублей мѣдью. Въ первый разъ играли комедію *Le Vieux Célibataire*, какъ бы въ предзнаменованіе моей будущей судьбы. Я не въ состояніи былъ судить объ искусствѣ, и потому-то, вѣроятно, чудесная игра г-жи Вальвиль не могла

примирить меня съ ея безобразіемъ; старый Офренъ игралъ стараго холостяка и для этой роли мнѣ показался слишкомъ старъ; онъ былъ знаменитый трагическій актеръ: комедія была не его дѣло. Несмотря на все это, я не дышалъ во время представленія, боялся проронить слово; новое удовольствіе, которое ощутилъ я тогда, было столь сильно, что въ этотъ вечеръ далъ я себѣ слово не пропускать спектакля, коль скоро позволено мнѣ будетъ располагать собою и своимъ карманомъ.

Отъ втораго представленія, которое я видѣлъ, я было совсѣмъ сошелъ съ ума. Давали оперу Гретри *Прекрасную Арсену*, коей музыка и тогда была не весьма новая, но всѣхъ еще восхищала. Оркестръ, богатые костюмы, декораціи, превращенія, все меня очаровало, но болѣе всего мадамъ Шевалье—красавица, столь же славная пѣвица, какъ и актриса. Когда она запѣла: et je régnerai dans les cieux, мнѣ казалось, что она меня туда за собою увлекала. Въ послѣдній разъ видѣлъ я вторично эту сирену въ маленькой оперѣ *Le Prisonnier*; ничего не могло быть милѣе, и ни одна актриса меня съ тѣхъ поръ такъ не плѣняла. Послѣ оперы былъ балетъ или дивертисментъ, утвердительно сказать не могу; помню, что были пастухи и пастушки, гирлянды и амуры. Были двѣ молодыя танцовщицы, которыя въ то время другъ у друга оспаривали пальму первенства, и на которыхъ смотрѣлъ я съ большимъ удовольствіемъ, даже тотчасъ послѣ Шевалье. Одна изъ нихъ Француженка, Роза Колинетъ, вышла потомъ замужъ за извѣстнаго балетмейстера Дидло и, кажется, еще и понынѣ находится въ живыхъ; другая—Русская, Берилова, болѣе извѣстная подъ простымъ, нѣжнымъ названіемъ Настеньки, воплощенная грація, которая черезъ годъ или два послѣ того увяла цвѣткомъ. Я никогда не былъ великій охотникъ до балетовъ и всегда полагалъ, что лишь языкъ можетъ говорить уму и сердцу, а одни прыжки и тѣлодвиженія говорятъ только чувственности, и сего рода наслажденія я никогда не искалъ на сценѣ. Привязанность графа Кутайсова *), женатаго человѣка и отца семейства, къ г-жѣ Шевалье и щедрость его къ ней казались многимъ весьма извинительными; но вліяніе ея на дѣла посредствомъ сего временщика, продажное ея покровительство, раздача мѣстъ за деньги всѣхъ возмущали. Увѣряли, будто Кутайсовъ ея любовію дѣлился съ господиномъ своимъ, будто она была прислана сюда съ секретными порученіями отъ Бонапарте, что̀ подвержено сомнѣнію, ибо онъ былъ еще въ Египтѣ, когда она въ Россію пріѣхала; но въ

---

*) Графъ Кутайсовъ до конца († 1830 г. отъ холеры) носилъ на груди вмѣстѣ съ образками портретъ г-жи Шевалье. (Слышано отъ Пр. Никол. Барановой). П. Б.

XVI.

Первая молодость сливается съ телѣгой въ воспоминаніяхъ всѣхъ Русскихъ моихъ современниковъ; ни дорожнаго, ни домашняго комфорта мы столько не знали, какъ нынѣшніе молодые люди. Недавно остроумнѣйшій изъ нашихъ стихотворцевъ *) украсилъ телѣжную ѣзду всею прелестію поэзіи; трогательная шутка его расшевелила мнѣ сердце до самой глубины. Улыбаясь, сквозь слезы, читалъ я прекрасные его стихи къ Орловскому о быломъ мученіи, которое мы такъ весело выносили. Мнѣ казалось, онъ описывалъ первую поѣздку мою изъ Петербурга въ Москву. Все нашелъ я тутъ: и вихрю подобный бѣгъ тройки, и ловкость ухарскаго ямщика, и шляпу его, украшенную даровою лентой, и руку его, вооруженную *вдохновительнымъ кнутомъ*, и русокосыхъ красотокъ, коими любовался, несмотря на боль моихъ реберъ. Ни я, ни онъ, хотя меня моложе, добровольно не согласились бы теперь безъ памяти и скакать, и прыгать по крупнымъ камнямъ и мелкимъ бревешкамъ тогдашней мостовой, а вспоминать о томъ, право, пріятно!

Первую ночь я никакъ не могъ уснуть отъ быстроты и силы движенія, въ коемъ находился; на другую ночь довольно крѣпко заснулъ, а третій день, при безпрестанныхъ толчкахъ, почти весь проспалъ преспокойно. Конечно, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца того, что почиталъ моею пыткой; однакоже, любопытство, коимъ я одаренъ или одержимъ, какъ угодно, не дозволяло мнѣ ни единаго предмета пропустить безъ особаго вниманія: ни башенъ и куполовъ древняго Новагорода, ни Валдайскихъ горъ, ни дѣвокъ и баранокъ, ни Вышневолоцкихъ шлюзовъ, ни сафьянныхъ издѣлій Торжка, ни улицъ Твери, по указу и шнурку выстроенныхъ.

Мы спѣшили пріѣхать въ Москву 20 Іюля, день имянинъ нашего зятя, а прибыли только 21-го передъ разсвѣтомъ, и ни его, ни сестры не нашли въ городѣ: они были это время въ подмосковной графа Салтыкова. Я и забылъ сказать, что зятя моего произвели въ полковники и что вслѣдъ за тѣмъ не безъ причины онъ былъ отставленъ отъ службы. Государь прогнѣвался на графа Салтыкова, который младшую дочь свою выдалъ за графа Орлова, роднаго племянника ненавистныхъ ему Орловыхъ. Онъ безъ церемоніи отставилъ бы его, но былъ удержанъ уваженіемъ къ графинѣ, которая, какъ одна изъ пожилыхъ дамъ, внушала ему къ себѣ почтеніе и которая пріѣзжала въ

*) Князь П. А. Вяземскій (1838). П. Б.

Петербургъ ходатайствовать за мужа. Но чтобы какимъ-нибудь образомъ показать ему свою немилость, отставилъ онъ его адъютантовъ. Итакъ бѣдный Алексѣевъ нѣсколько времени долженъ былъ жить одною помощію своего бывшаго начальника.

Я увидѣлъ Москву съ великимъ удовольствіемъ, какъ старую знакомку; одинъ Кіевъ тогда почиталъ я роднымъ мѣстомъ. Мы въѣхали на квартиру зятя и сестры, которые сохранили ее, по милости главноначальствовавшаго въ Москвѣ, въ томъ же самомъ загнутомъ флигелѣ казеннаго Тверскаго дома, гдѣ жили и прежде. Узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, они дня черезъ два поспѣшили воротиться. Какъ положеніе ихъ, такъ и склонности заставили ихъ жить въ тѣсномъ, неблестящемъ кругу знакомства. Удовольствіе быть вмѣстѣ было одно, которымъ могли мы тогда пользоваться.

Надобно было приготовить меня къ кавалерійской службѣ. Главное было тотчасъ сдѣлано: надѣли на меня ботфорты, которыхъ потомъ при Павлѣ уже я болѣе не снималъ. Я отвыкъ отъ верховой ѣзды, ни въ Казацкомъ, ни въ Петербургѣ не имѣвъ случая въ ней упражняться. Послали меня опять въ тотъ же манежъ графа Салтыкова; близъ мѣсяца по шести разъ въ недѣлю я учился ѣздить, и усилія мои, вѣроятно, были успѣшны, ибо заготовлена уже была просьба къ полковому командиру того полка, куда я долженъ былъ вступить. Мнѣ теперь самому странно о томъ подумать; но вѣдь я Русскій по матери, а изъ Русскаго человѣка можно сдѣлать все, чѣмъ ему велятъ быть: онъ ко всему пригодится. Кто знаетъ, что̀ бъ изъ меня вышло; нимало не было бы удивительно, еслибъ я сдѣлался хорошій наѣздникъ и воинъ. Судьба расположила иначе.

Время и опытъ дали узнать графинѣ Салтыковой милыя и почтенныя свойства моей сестры; она ее душевно уважала, а жалкое состояніе, въ которомъ находились тогда супруги, заставляло ее принимать самое искреннее участіе въ ихъ дѣлахъ. Сестра посѣщала ее гораздо чаще. Въ одинъ вечеръ, между разговорами, она не скрыла отъ нея опасеній своихъ насчетъ моей участи, находя, что незамѣтно было во мнѣ ни охоты, ни способностей къ тому роду службы, который принуждены были для меня избрать, и упомянула о неудачной попыткѣ у графа Растопчина. Услышавъ его имя, графиня воскликнула: «Зачѣмъ же вы мнѣ прежде не сказали! Вѣдь мы съ нимъ большіе друзья; онъ мнѣ ни въ чемъ отказать не можетъ; завтра же пишу къ нему».

Разумѣется, что съ просьбою къ полковому командиру мы пріостановились. Отвѣтъ графа Растопчина не заставилъ себя долго ждать: мы получили его не съ большимъ черезъ недѣлю. Вотъ содержаніе

его письма: «покровительствуемый-де вами давнымъ давно опредѣленъ въ число юнкеровъ при коллегіи положенныхъ, но доселѣ неизвѣстно было, куда онъ дѣвался; если вамъ непремѣнно угодно его имѣть въ Москвѣ, то хотя въ архивѣ комплектъ уже наполненъ, я беру на свою отвѣтственность перевести его туда сверхъ штата».

Служба теперь въ Россіи есть жизнь; почти всѣ у насъ идутъ въ отставку, какъ живые въ могилу, въ которой имъ тѣсно и душно, и изъ которой, при первомъ удобномъ случаѣ, они вырываются. Въ старину, на этотъ счетъ, были благоразумнѣе. Были, однакоже, семейства, и мое въ томъ числѣ, которыя въ отставкѣ видѣли уничиженіе, потерю всѣхъ надеждъ, лишеніе всѣхъ удовольствій самолюбія. Всѣ члены моего семейства, одинъ за другимъ, были удалены отъ службы; самый младшій изъ нихъ вступалъ въ нее, и прямо офицерскимъ чиномъ. Можно себѣ представить, по тогдашнимъ понятіямъ, какую радость сіе происшествіе произвело между нами!

Въ самый день имянинъ сестры моей, 26 Августа, графиня Салтыкова прислала ей письмо министра, вмѣсто подарка; лучшаго она ей сдѣлать не могла. Повезли меня къ обѣднѣ, отслужили молебенъ, послали за портнымъ, заказали мнѣ мундиръ, созвали кого успѣли изъ пріятелей и въ два часа пополудни сѣли пировать. На другой день поручили господину Яковлеву, чиновнику почтамта, представить меня господину Бантышу-Каменскому, его старинному знакомому, а моему новому и первому начальнику. Бумага обо мнѣ еще не была получена, и только въ первыхъ числахъ Сентября началъ являться я на службу въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Эти двѣ недѣли былъ я въ безпрерывномъ восторгѣ: я пользовался всѣми выгодами службы, не подозрѣвая ни одной изъ ея непріятностей. Мнѣ принесли мундиръ. Я не зналъ что̀ дѣлать; прежде нежели облекся я въ сію одежду мужа, robe virile, мнѣ хотѣлось расцѣловать ее *). Я пошелъ благодарить графиню Салтыкову, которую въ первый разъ увидѣлъ и вблизи; она обласкала меня и даже поцѣловала съ чувствомъ содѣяннаго благодѣянія, а на другой день, уже какъ юношу, прислала пригласить обѣдать. До̀ма въ шутку величали меня благородіемъ, а я не шутя тѣмъ гордился. Не одинъ только чинъ 14 класса возвышалъ такъ меня въ глазахъ моихъ; всякое званіе имѣетъ только ту цѣну, которую даетъ ему общее мнѣніе; а молоденькіе децемвиры архива, коллегіи юнкера̀, казались существами привилегированными. Въ Московскихъ обществахъ, на Московскихъ балахъ, архивные юноши

---

*) Ботфорты, которые велѣно было носить штатскимъ, въ службѣ находящимся, а мнѣ ея позволено всѣмъ желающимъ, я уже прежде того надѣлъ.

долго, очень долго заступали мѣсто Екатерининскихъ гвардіи сержантовъ и уступили его, наконецъ, только числу нынѣшнихъ камеръ-юнкеровъ.

Никакая эпоха такъ живо не осталась въ моей памяти, какъ первые мѣсяцы по вступленіи моемъ на службу. Никогда еще, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчалъ я сближенія такихъ противоположностей, соединенія такихъ странностей, какъ въ первомъ мѣстѣ моего служенія. Разсказъ мой о томъ будетъ длиненъ, но для читателя, если въ половину столь занимателенъ, какъ для меня самого, то мнѣ нечего у него просить прощенія.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Москвы, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, старинное, каменное зданіе возвышается на пригоркѣ, коего отлогость, мѣстами усѣянная кустарникомъ, служитъ ему дворомъ. Темные подвалы нижняго его этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показываютъ, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые, во время Петра Великаго, держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій, копій съ договоровъ, ничего нельзя было пріискать безопаснѣе и приличнѣе сего стариннаго каменнаго шкапа, съ желѣзными дверьми, ставнями и кровлею. Все строеніе было наполнено, завалено кипами частью разобранныхъ, частью неразобранныхъ старыхъ дѣлъ: только три комнаты оставлены были для присутствующихъ и канцелярскихъ.

Въ мрачномъ Сентябрѣ, предсталъ я въ мрачной хороминѣ предъ мрачнаго старца, всегда сердитаго и озабоченнаго. Онъ позвалъ какого-то худощаваго, безобразнаго человѣка, съ отвислою, распухшею нижнею губою въ нарывахъ, и указалъ ему на меня. Тотъ меня усадилъ въ той же комнатѣ противъ самаго брюзги-начальника и зачѣмъ-то ушелъ. Прежде нежели онъ воротился, сдѣлался я, какъ новичокъ, предметомъ любопытнаго, но непродолжительнаго вниманія моихъ новыхъ товарищей. Скоро притащилъ безобразный человѣкъ тетрадь чистой бумаги и огромный пукъ полуистлѣвшихъ столбцовъ, наполненныхъ мертвыми для меня буквами, въ чистыхъ обертках съ нумерами и надписями о ихъ содержаніи, и велѣлъ надписи сіи переписывать въ тетрадь. Работа нетрудная, но всякій день это дѣлать и видѣть то что̀ я увидѣлъ, мнѣ показалось тяжело. Тоска уже мной овладѣла, какъ вдругъ легкій, но внятный шопотъ началъ пробѣгать по всей комнатѣ. Я сталъ прислушиваться; отрывистый, шутливый, довольно умный разговоръ окружавшей меня молодежи оживилъ меня и изумилъ. Съ перваго взгляда всѣ лица мнѣ показались печальны, и въ такомъ мѣстѣ я не ожидалъ ни встрѣтить улыбки, ни услышать веселаго

слова. Тихіе вокругъ меня звуки голосовъ мнѣ были столь же пріятны, какъ бы шумъ живаго, игриваго ручейка, среди могильнаго молчанія. Но я скоро замѣтилъ, что разговаривающіе не смѣютъ ни поднять головы, ни возвысить голоса.

Нашъ начальникъ имѣлъ несчастіе лишиться слуха отъ побоевъ разъяренной черни, когда она, во время чумы, вломившись въ комнаты роднаго дяди его, Московскаго архіепископа Амвросія Зертысъ-Каменскаго, убила мудраго своего пастыря. Изъ уваженія къ памяти сего мученика, приложилъ онъ Русское фамильное его имя къ своему Молдавскому прозванію. Дѣдъ его, Константинъ Бантышъ, при Петрѣ Великомъ, прибылъ въ Россію въ свитѣ князя Кантемира, а отецъ вступилъ въ службу и женился на его матери, священнической дочери Каменской, сестрѣ убитаго архіерея.

Итакъ онъ былъ глухъ. Люди одержимые симъ недугомъ бываютъ обыкновенно подозрительны, въ каждомъ движеніи губъ видятъ они предательство. Вотъ почему Николай Николаевичъ, управлявшій архивомъ, не любилъ, чтобы при немъ разговаривали: прилежаніе къ дѣлу, котораго было такъ мало, служило ему предлогомъ требовать всеобщаго молчанія. Сейчасъ мы видѣли, какъ исполнялись, въ этомъ случаѣ, его приказанія.

Наше высшее духовенство, до архіерейскаго сана, обыкновенно ничего не видѣло кромѣ родительской хижины, семинаріи и келій монастырскихъ. Сначала богословскіе диспуты, потомъ уединенная жизнь и молчаніе, среди коего безъ всякаго противорѣчія образуются ихъ мысли и правила, наконецъ неограниченная власть, къ которой переходятъ они вдругъ отъ безпредѣльной покорности, даютъ характеру сихъ людей непреклонность, упрямство, кои, вмѣстѣ съ незнаніемъ приличій общежитія, дѣлаютъ часто сношенія съ ними весьма непріятными. Мужи строгой нравственности, великіе витіи встрѣчаются между ними не рѣдко; но какъ мірскія испытанія не смягчили ихъ сердца, то весьма немногіе изъ нихъ знаютъ христіанскую кротость, которая, я увѣренъ въ томъ, между новѣйшими народами есть основаніе учтивости, неизвѣстной древнимъ.

Г. Каменскій, который выросъ при дядѣ и воспитанъ въ Славяно-греко-латинской академіи, еще съ молода, физическимъ недостаткомъ и склонностію къ кабинетной жизни, былъ удаленъ отъ общественной. Лицо примѣчательное, которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояній: это былъ старый семинаристъ, бѣлый монахъ, свѣтскій архіерей. Со всѣми преосвященными велъ онъ обширную и частую переписку и былъ [illegible] и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; онъ умственно ж[illegible] мірѣ семъ, и, такъ-

сказать, былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свѣтомъ. Послѣ того ничего нѣтъ удивительнаго въ грубомъ его съ нами обращеніи: какъ архимандритъ, онъ въ вѣтреныхъ мальчикахъ видѣлъ только послушниковъ, коихъ надлежитъ держать подъ искусомъ.

Одни робкіе его страшились, другіе бѣсились на него, а иные, благоразумнѣйшіе, оставались весьма равнодушны и очень искусно, почти въ глаза, ему смѣялись. Впрочемъ, бояться было нечего: далѣе ругательствъ и брани тиранство его не простиралось; но для щекотливыхъ самолюбій такое наказаніе, кажется, довольно жестокое. Я принадлежалъ ко всѣмъ тремъ разрядамъ, а какъ лишеніе одного изъ пяти чувствъ замѣняется у людей изощреніемъ другаго, и зрѣніе у него было рысье, то въ глазахъ моихъ читалъ онъ попеременно и страхъ, и досаду, и насмѣшку и отъ того терпѣть меня не могъ. Я былъ какъ обреченная жертва постоянно дурнаго расположенія его духа, ибо сидѣлъ прямо противъ него и былъ безпрестанно подъ молніей его взглядовъ, которая изъ-подъ тучи бровей сверкала мнѣ какъ мечь Дамоклеса. Спросятъ, что̀ могло такъ часто приводить его въ гнѣвъ? Да такъ: если перестанешь писать, заглядишься въ сторону, сдѣлаешь ошибку, или встанешь съ мѣста, чтобъ идти куда-нибудь.

Молодые дворяне, какъ извѣстно, при Екатеринѣ и до нея, вступали единственно въ военную службу, болѣе блестящую, веселую и тогда менѣе трудную чѣмъ гражданская; если въ продолженіи оной переходили въ штатскую, чтобы занять выгодныя мѣста, то собственно званіемъ канцелярскаго гнушались, и оно оставлено было дѣтямъ священно-и церковно-служителей и разночинцевъ. При Павлѣ жестокости военной дисциплины побѣдили неодолимое отвращеніе молодыхъ Русскихъ къ подъяческой службѣ, какъ они ее называли, до того что, наконецъ, запретили имъ въ нее входить. Слѣдственно до того времени Московская молодежь едва ли знала о существованіи Московскаго архива.

Три члена съ равными правами и властію, управляли имъ, раздѣливъ между собою занятія. Двое изъ нихъ, нѣкто Соколовскій и ученый Стриттеръ, въ глубокой уже старости, и третій Бантышъ-Каменскій, немного помоложе ихъ, почти всю жизнь, вдали отъ свѣта, въ пыльной атмосферѣ, перебирали, пересматривали и отряхали безчисленныя рукописи, ихъ храненію ввѣренныя. Нѣсколько несчастныхъ, довольно знающихъ грамоту, чтобы читать и переписывать, изъ скуднаго жалованья, безъ всякой надежды на повышеніе, болѣе въ видѣ слугъ чѣмъ служителей канцелярскихъ ими употреблялись и старѣлись съ ними въ машинальныхъ трудахъ. Вдругъ нарушается тишина сего мирнаго убѣжища; одна волна недорослей - франтовъ гонитъ на архивъ другую; напрасно полный комплектъ юнкеровъ на время затворяетъ въ

него входъ: скоро производство въ переводчики опять его отпираетъ. Старики спѣшатъ удалиться; одинъ изъ нихъ остается, чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ укротить ярость бурныхъ волнъ, смѣшавъ ихъ съ землею, съ старыми подчиненными.

Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ я этотъ архивъ. По разнымъ возрастамъ служившихъ въ немъ юношей и ребятъ, можно было видѣть въ немъ и университетъ, и гимназію, и приходское училище; онъ былъ вмѣстѣ и канцелярія, и кунстъ-камера. Самая ранняя заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ; семидесятилѣтній надворный совѣтникъ Ивановъ сидѣлъ близко отъ одиннадцатилѣтняго переводчика Васильцовскаго; манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щученковыми, которые сморкались въ руку. Подлѣ князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина, молодыхъ людей принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ, богатѣйшимъ фамиліямъ въ Москвѣ, вы бы увидѣли Тархова, въ старомъ фризовомъ сюртукѣ, того урода, который надѣлялъ насъ работой и, во мзду своей снисходительности, выпрашивалъ у насъ старое исподнее платье и камзолы. Конечно, и теперь молодые люди хорошихъ фамилій во множествѣ занимаются, по канцеляріямъ разныхъ вѣдомствъ, съ людьми разныхъ состояній; но теперь это вошло уже въ обыкновеніе, а тогда было ново; къ тому же сослуживцы ихъ, къ какому бы сословію ни принадлежали, и лѣтами, и образованностію, и приличіемъ одѣянія мало, а часто и ничѣмъ, нынѣ отъ нихъ не разнствуютъ.

Въ помощь къ г. Бантышу-Каменскому, управлявшему архивомъ, данъ былъ г. Малиновскій, въ званіи канцеляріи совѣтника или младшаго члена. Лѣтъ двадцать моложе его, сей послѣдній былъ у насъ представителемъ новѣйшихъ временъ. Онъ былъ, уже безъ примѣси, Русскаго и духовнаго происхожденія: ибо протоіерей, отецъ его, находился тогда законоучителемъ въ Московскомъ университетѣ. Контрастъ между нашими двумя начальниками былъ разителенъ. Г. Малиновскій, кисло-сладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, чтò напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ притязаній на свѣтскую любезность. Одинъ обижалъ насъ краткими, энергическими, бранными словами; другой всѣхъ казнилъ безконечными, поучительными, изысканными фразами. Онъ засѣдалъ во второй комнатѣ, немного поменѣе первой, гдѣ всегда копался или ворчалъ г. Каменскій; а въ третьей находился секретарь архива г. Ждановскій, тихій человѣкъ, который ни передъ кѣмъ пикнуть не смѣлъ. Такимъ образомъ, на столь маломъ пространствѣ можно было найдти три разныя формы правленія: въ первой комнатѣ деспотизмъ со всѣми его

ужасами, во второй нѣчто конституціонное, въ третьей совершенное безначаліе. Я не попалъ туда; слѣпой случай располагалъ мѣстами нашего сидѣнія, и онъ мнѣ не благопріятствовалъ.

Изъ сослуживцевъ моихъ одни часто будутъ встрѣчаться мнѣ въ жизни, съ другими, оставивъ архивъ, я мало имѣлъ сношеній. Говорить о первыхъ буду имѣть много случаевъ, а изображеніе послѣднихъ представитъ мало занимательнаго. По большей части, всѣ они, закоренѣлые Москвичи, рѣдко покидали обширное и великолѣпное гнѣздо свое и преспокойно тонутъ или потонули въ неизвѣстности. Ни высокими добродѣтелями они не блистали, ни постыдными пороками не запятнались; если имѣли нѣкоторыя странности, то общія своему времени и мѣсту своего жительства. Мнѣ однакоже весьма памятны сильныя впечатлѣнія, которыя оставили во мнѣ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, и я не могу упустить, чтобы не описать ихъ.

Къ старшему сыну моего главнаго начальника, уже надворному совѣтнику и весьма зрѣлому молодому человѣку, я почувствовалъ омерзѣніе, при первыхъ словахъ, которыя обратилъ онъ ко мнѣ. Не краснѣя, нельзя говорить объ немъ; болѣе ничего я не скажу: его глупостію, его низостію и пороками не стану пачкать сихъ страницъ. Меньшой сынъ, Димитрій, едва выходилъ изъ дѣтства; между нами онъ прослылъ дурачкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался и литераторомъ, и компилаторомъ, и губернаторомъ; но многіе еще и понынѣ раздѣляютъ ребячье наше мнѣніе объ немъ.

Двое братьевъ Евреиновыхъ, взрослые молодые люди, о коихъ я уже упомянулъ, жили въ большомъ свѣтѣ, ко всѣмъ знатнымъ ѣздили на балы. Голова вскружилась у нихъ отъ сего счастія; они бредили имъ и часто, съ самодовольнымъ состраданіемъ, разсказывали мнѣ о томъ, стараясь, но тщетно, возбудить во мнѣ зависть.

Чтó не могли братья Евреиновы, то сдѣлали братья Булгаковы. И было чему позавидовать! Два красавца, лѣтъ по двадцати, сыновья знаменитаго и чиновнаго человѣка, неоднократно прославившагося въ посольствахъ, Якова Ивановича Булгакова, предъ всѣми своими сослуживцами брали неоспоримое первенство какъ въ архивѣ, такъ и въ обществахъ. Они родились въ Константинополѣ отъ чужестранной матери, которая, къ несчастію ихъ, не имѣла тогда мужа. И они носили на себѣ отпечатокъ Востока. Старшій, Александръ, имѣлъ лицо болѣе нѣжное и веселое, выражавшее одну чувственность сладострастія, чтó на молодомъ лицѣ весьма непротивно; меньшой, Константинъ, былъ одаренъ красотою мужественною и тогда уже смотрѣлъ на женщинъ съ видомъ скромнаго побѣдителя, какъ бы приглашая ихъ къ безопасному паденію. Съ самой колыбели сіи братья были связаны

тѣснѣйшею дружбой: одно прекрасное чувство, коимъ могли они хвалиться. Дѣйствуя за одно, къ достиженію желаемаго употребляли двойныя силы и каждымъ успѣхомъ вдвойнѣ наслаждались. Но старшій долженъ былъ чаще заимствовать помощь у младшаго, который въ высшей степени владѣлъ искусствомъ, немногимъ тогда извѣстнымъ: онъ имѣлъ то, чтó Французы называютъ à plomb и чтó по-русски не иначе можно перевесть какъ смѣшеніе наглости съ пристойностію и приличіемъ. И умъ, и любезность, и знаніе, и добродушіе, все имъ приписывалось и старыми, и молодыми, и мущинами, и женщинами; а они имѣли одну только наружную красоту. Сколько разъ потомъ, въ продолженіи жизни моей, готовъ я былъ, глядя на нихъ, воскликнуть, какъ Ипполитъ о Федрѣ: «Боги, кои знаете ихъ и награждаете, неужели за добродѣтели!» Но богъ любви незаконной не награждаетъ, а только всегда покровительствуетъ родившихся подъ его владычествомъ и беззаконный ихъ путь усѣваетъ успѣхами. По неопытности моей, и я нѣкогда вѣровалъ въ ихъ совершенства.

Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ Московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всею скромностію великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутіи всѣхъ дорогъ ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для Его благотворныхъ видовъ; остальные гибнутъ рано, и старшій Тургеневъ не долго оставался на свѣтѣ. Ему завидовать я не смѣлъ; не смотря на свое самолюбіе, я чувствовалъ, что успѣховъ, какіе сулитъ ему будущность, я обѣщать себѣ не могъ. Меньшой братъ его Александръ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ мы его послѣ видѣли: тоненькій, жиденькій, румяный, ласковый мальчикъ, чрезвычайно застѣнчивый.

Этого нельзя было сказать о другомъ молодомъ мальчикѣ, котораго всякій съ перваго взгляда въ нашей толпѣ могъ бы замѣтить. Чрезвычайная живость его, необыкновенная смѣлость слова и взгляда непріятнымъ образомъ меня поразили, и я избѣгалъ съ нимъ разговоровъ; а между тѣмъ, когда онъ велъ рѣчь съ другими, я заслушивался. Въ идеяхъ, кои выражалъ онъ, все мнѣ казалось такъ ново, такъ внезапно, и, всегда лакомый до ума, я невольнымъ образомъ началъ съ нимъ сближаться. Непонятно мнѣ было чувство, которое онъ во мнѣ производилъ: все меня отталкивало отъ него, и все меня къ нему привлекало. Не доказываетъ ли это, что между людьми, какъ и между небесными тѣлами, есть также законы тяготѣнія, гравитаціи? Маленькій Блудовъ былъ тогда блуждающая комета, которая, какъ бы безъ

принадлежитъ названіе великихъ; но иногда и слѣпой случай подсовываетъ подъ царскую руку такихъ людей, коихъ для нѣкоторыхъ должностей и съ величайшими усиліями трудно было бы отъискать. Между Гатчинскими офицерами былъ Пруссакъ Эртель, котораго сама природа создала начальникомъ полиціи: онъ былъ весь составленъ изъ капральской точности и полицейскихъ хитростей. Съ конца 1798 года былъ онъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ. Графъ Салтыковъ сначала никакъ не могъ догадаться, что къ нему приставленъ дядька, а когда убѣдился въ томъ, то началъ искать средствъ отъ него избавиться. Сдѣлать это было нелегко: Эртель пользовался особою довѣренностію Павла I-го, жилъ вдали отъ него и отъ неожиданныхъ его вспышекъ, и сохранялъ тѣсныя связи съ самыми приближенными ему людьми. Не прошло года, и онъ едва не успѣлъ свергнуть самого графа Салтыкова; тотъ покорился необходимости, оставилъ себѣ весь блескъ представительности, оставилъ себѣ гражданскую часть по губерніи и военную по гарнизону, сдѣлался, такъ сказать, гражданскимъ генералъ-губернаторомъ и оберъ-комендантомъ, а полицейскую часть столицы предоставилъ совершенно распоряженіямъ оберъ-полицеймейстера. Эртель былъ человѣкъ живой, веселый, дѣятельный и совсѣмъ немстительный; онъ симъ раздѣломъ остался совершенно доволенъ, сталъ любезничать съ начальникомъ, угождать ему и, чтобы скрѣпить съ нимъ союзъ, испросилъ у него позволенія представить отставнаго, любимаго его адъютанта къ должности полицеймейстера, что̀ онъ и сдѣлалъ прямо отъ себя.

Когда, бывало, попадешь на Эртеля, то трудно отъ него отвязаться, и потому долженъ я еще нѣсколько объ немъ поговорить. Москва весьма его не любила, потому что не любила Павла и никогда не любила большаго порядка. Всѣ знали, сверхъ того, что онъ часто дѣлалъ тайныя донесенія о состояніи умовъ въ старой столицѣ; всякій могъ опасаться сдѣлаться предметомъ обвиненія неотразимаго, часто ложнаго, всегда незаконнаго, и хотя нельзя было указать ни на одинъ примѣръ человѣка чрезъ него пострадавшаго, но ужасъ невидимой гибели, который вокругъ себя распространяютъ такого рода люди, самымъ непріязненнымъ образомъ располагалъ къ нему жителей Москвы. Но они не могли однакоже не согласиться, что цѣль хорошей полиціи, спокойствіе ихъ, была совершенно при немъ достигнута. Въ немъ была врожденная страсть настигать и хватать разбойниковъ и плутовъ, столь же сильная какъ въ кошкѣ ловить крысъ и мышей. Никакой воръ, никакое воровство не могли отъ него укрыться; можно вездѣ было наконецъ держать двери на отперти; ни одинъ большой съѣздъ, ни одно народное увеселеніе не ознаменовались при немъ несчастнымъ

приключеніемъ; на пожарахъ пламень какъ будто гаснулъ отъ его приближенія. Онъ былъ совсѣмъ неспѣсивъ, въ обхожденіи нецеремоненъ и негрубъ, но только жестокъ съ людьми, хотя бы дворянами, коихъ мошенничество было доказано.

Главная, непростительная вина его въ глазахъ Москвичей было строгое наблюденіе за сохраненіемъ странныхъ формъ одѣянія, предписанныхъ императоромъ. Москва разнообразна, пестра и причудлива какъ сама природа: гнуть и тѣснить ее столь же трудно, какъ и безполезно. Въ ней выдуманы слова приволье, раздолье, разгулье, выражающія наклонности ея жителей. Какъ въ старину, такъ и нынѣ, никто почти изъ нихъ не мечталъ о политической свободѣ; за то всякій любилъ совершенную независимость какъ въ общественной, такъ и въ домашней жизни. Между ними и западными вольнодумцами таже разница, чтò между поэтомъ, составившимъ себѣ идеалъ совершенства, котораго всю жизнь онъ проищетъ напрасно, и простымъ человѣкомъ, который скоро найдетъ любимую женщину, безъ великихъ затрудненій женится на ней, и преспокойно въ любви и совѣтѣ проведетъ съ нею вѣкъ. Только не касайся ихъ вседневныхъ привычекъ, ихъ безвинныхъ предразсудковъ, и Москвичи предовольны. Но коль скоро самодержавіе вздумаетъ слишкомъ распрямлять своевольную старушку, она закричитъ голосами тысячи вралей своихъ, тысячи своихъ болтуній, и правительство, если безъ уваженія, то не совсѣмъ однакоже безъ вниманія можетъ оставить безсмысленный сей шумъ. Даже въ царствованіе Павла, удары его самовластія, которые такъ мѣтко, такъ разительно на всѣхъ упадали въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи, смягчались надъ царственной Москвой. Капуа для всѣхъ Нѣмцевъ, она, въ нѣдрахъ своихъ, разогрѣвала ихъ холодность, развеселяла ихъ угрюмость, ослабляла ихъ строгость, уменьшала ихъ разсчетливость и....... самъ Эртель долженъ былъ по времени возчувствовать всесильное ея дѣйствіе. Но въ немъ оставалось еще довольно Нѣмецкаго, чтобы не спастись отъ ея проклятій. Голубушка-Москва любитъ маленькій безпорядокъ; она почитаетъ себя заключенною въ монастырѣ, коль скоро видитъ вокругъ себя порядокъ, слишкомъ строго соблюдаемый. Хорошо ли это? Худо ли это? Богъ знаетъ! Биронъ съ Анной Ивановной бѣжали изъ нея, Елисавета Петровна проводила въ ней половину жизни; первые терзали Россію, при послѣдней она блаженствовала.

Зять мой, человѣкъ недостаточный, поневолѣ принужденъ былъ принять должность полицеймейстера и сдѣлался весьма полезнымъ сотрудникомъ Эртеля, хотя не имѣлъ ничего съ нимъ общаго ни въ правилахъ, ни въ нравѣ. Странное дѣло, онъ съ такою же неутомимою дѣятельностію, какъ и начальникъ его, началъ преслѣдовать безпорядки,

а былъ столько же любимъ, особливо простымъ народомъ, сколько тотъ былъ ненавидимъ. Не отъ того ли, что онъ былъ Русскій? Не отъ того ли, что въ самой строгости Русскаго есть что-то добродушное? Не отъ того ли, что въ нашемъ народѣ чувство справедливости сильнѣе, чѣмъ въ высшихъ классахъ, и что простолюдинъ, пойманный въ преступленіи столь же мало видитъ врага въ исполнителѣ надъ нимъ законовъ, какъ въ камнѣ, о который онъ ушибся, неосторожно на него падая?

Обычай не дозволялъ въ старину Русскимъ боярамъ входить въ подряды и откупа, ни въ какія торговыя дѣла, а еще менѣе отдавать въ наймы палаты свои по частямъ или въ цѣлости. Какъ бы долго ни продолжалось ихъ отсутствіе, жилища ихъ должны были безъ нихъ вдовствовать и въ безмолвіи ожидать ихъ возвращенія, какъ дворцы царскіе. Друзья и родственники имѣли часто, однакоже, право безъ платы и даже безъ позволенія въ нихъ останавливаться. Барыши, золото, одно золото оставлено было людямъ среднихъ состояній въ замѣнъ блестящихъ преимуществъ, коими пользовались одни только знаменитые роды. Заслуги, щедроты монарховъ и бережливость могли только умножать достояніе бояръ. Почтенному сему предразсудку слѣдовали еще болѣе на Западѣ, пока герцогъ Орлеанскій не обратилъ жилища своего въ базаръ и подъ именемъ Королевскаго Дворца не стали разумѣть средоточія Парижской торговли. Чтобы разбогатѣть, князья и графы теперь у насъ, даже самые богатые, употребляютъ одинакія средства съ мѣщанами, строятъ пивоварни, торгуютъ въ кабакахъ и все-таки предъ послѣдними кичатся своими громкими именами; возможно ли, чтобъ ихъ уважали? Поклоненіе златому тельцу равняетъ всѣ состоянія. Не такъ было при Павлѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ. У графа Салтыкова было въ Москвѣ три дома; въ одномъ, на Дмитровкѣ, жила дочь его, г-жа Мятлева съ семействомъ; другой, загородный, служилъ ему для прогулокъ, а третій, маленькій каменный у Тверскихъ воротъ, подлѣ церкви Димитрія Селунскаго, стоялъ совсѣмъ пустой. При новой должности Алексѣева не было положено казенной квартиры; желая избавить его отъ убытковъ наемной, графиня Салтыкова, которой принадлежалъ собственно послѣдній изъ сихъ домовъ, предложила ему помѣститься въ немъ, и мы переѣхали въ него около половины Ноября.

Я тогда вблизи увидѣлъ полицейскую жизнь и чиновниковъ полиціи. Въ Москвѣ въ то время, когда не было столько роскоши, столько потребностей и слѣдственно такой жадности къ прибыли, полицейскіе чиновники, обезпеченные доходами, которые почитались почти законными, не прибѣгали къ ужаснымъ, притѣснительнымъ средствамъ,

чтобъ у бѣдныхъ обывателей выжимать деньги. Частные пристава жили роскошнѣе полицеймейстеровъ, и никто не ставилъ имъ этого въ вину. То что называется нынѣ красть, называлось тогда брать и было дѣйствительно болѣе добровольнымъ даромъ, чѣмъ грабежомъ. Отъ лицъ, какъ слышалъ я, они ничего не принимали; а только общества торговцевъ, мастеровыхъ, въ ихъ части живущихъ, дѣлали между собою умѣренныя складки и по большимъ праздникамъ подносили имъ въ видѣ почтительныхъ приношеній. Почитая себя нѣкоторымъ образомъ честными людьми, они съ успокоенною совѣстію могли безпристрастно исполнять свои обязанности; общее же мнѣніе въ Москвѣ никогда ихъ не клеймило, и бѣдные дворяне, армейскіе офицеры, съ честію служившіе, могли безъ стыда принимать полицейскія должности.

Имѣя офицерское званіе, мнѣ казалось, что я въ правѣ почитать себя совершеннолѣтнимъ. Отецъ мой, который опредѣленіемъ меня въ службу болѣе всѣхъ былъ обрадованъ, въ письмахъ своихъ перемѣнилъ со мною тонъ и изъ Филипушекъ произвелъ меня въ Филиппы Филиповичи; только въ письмахъ и устахъ матери моей долго сохранялъ я еще дѣтское свое имя. Первый разъ въ жизни получилъ я деньги на собственныя, безотчетныя издержки; мнѣ прислали сто рублей, огромную сумму, изъ которой употребленіе я не скоро началъ дѣлать, желая все пріобрѣсть и не умѣя рѣшиться въ выборѣ. Послѣ того прискорбно мнѣ было замѣтить, что узда только опущена, а не совсѣмъ снята еще съ меня: я все еще оставался подъ строгимъ надзоромъ сестры и брата. Впрочемъ, важный шагъ сдѣланъ: мнѣ позволено ходить по улицамъ безъ сопровожденія слуги, чего дотолѣ не было; отъ дурной привычки страхъ вмѣстѣ съ радостію ощутилъ я, когда въ первый разъ увидѣлъ себя такимъ образомъ на свободѣ.

Отлучаясь, долженъ я былъ однакоже всякій разъ спрашиваться и сказывать, куда иду. Три раза въ продолженіи зимы воспользовался я такими позволеніями, чтобы видѣть Московскій театръ, не знаю зачѣмъ названный Петровскимъ, ибо во всемъ городѣ былъ онъ тогда одинъ *). Играли на немъ одни только Русскіе актеры. Изъ нихъ чета Сандуновыхъ болѣе всѣхъ приманивала публику; мужъ игралъ лакейскія роли въ комедіяхъ, а жена была примадонной въ оперѣ; ни тотъ, ни другой мнѣ что-то не понравились. Думая искусно подражать природѣ, Сандуновъ былъ чрезвычайно подлъ на сценѣ; а жена, лѣтъ

*) Онъ сгорѣлъ еще до большаго пожара 1812 года, а въ 1823 перестроенъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

сказать, былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свѣтомъ. Послѣ того ничего нѣтъ удивительнаго въ грубомъ его съ нами обращеніи: какъ архимандритъ, онъ въ вѣтреныхъ мальчикахъ видѣлъ только послушниковъ, коихъ надлежитъ держать подъ искусомъ.

Одни робкіе его страшились, другіе бѣсились на него, а иные, благоразумнѣйшіе, оставались весьма равнодушны и очень искусно, почти въ глаза, ему смѣялись. Впрочемъ, бояться было нечего: далѣе ругательствъ и брани тиранство его не простиралось; но для щекотливыхъ самолюбій такое наказаніе, кажется, довольно жестокое. Я принадлежалъ ко всѣмъ тремъ разрядамъ, а какъ лишеніе одного изъ пяти чувствъ замѣняется у людей изощреніемъ другаго, и зрѣніе у него было рысье, то въ глазахъ моихъ читалъ онъ попеременно и страхъ, и досаду, и насмѣшку и отъ того терпѣть меня не могъ. Я былъ какъ обреченная жертва постоянно дурнаго расположенія его духа, ибо сидѣлъ прямо противъ него и былъ безпрестанно подъ молніей его взглядовъ, которая изъ-подъ тучи бровей сверкала мнѣ какъ мечь Дамоклеса. Спросятъ, что̀ могло такъ часто приводить его въ гнѣвъ? Да такъ: если перестанешь писать, заглядишься въ сторону, сдѣлаешь ошибку, или встанешь съ мѣста, чтобъ идти куда-нибудь.

Молодые дворяне, какъ извѣстно, при Екатеринѣ и до нея, вступали единственно въ военную службу, болѣе блестящую, веселую и тогда менѣе трудную чѣмъ гражданская; если въ продолженіи оной переходили въ штатскую, чтобы занять выгодныя мѣста, то собственно званіемъ канцелярскаго гнушались, и оно оставлено было дѣтямъ священно-и церковно-служителей и разночинцевъ. При Павлѣ жестокости военной дисциплины побѣдили неодолимое отвращеніе молодыхъ Русскихъ къ подъяческой службѣ, какъ они ее называли, до того что, наконецъ, запретили имъ въ нее входить. Слѣдственно до того времени Московская молодежь едва ли знала о существованіи Московскаго архива.

Три члена съ равными правами и властію, управляли имъ, раздѣливъ между собою занятія. Двое изъ нихъ, нѣкто Соколовскій и ученый Стриттеръ, въ глубокой уже старости, и третій Бантышъ-Каменскій, немного помоложе ихъ, почти всю жизнь, вдали отъ свѣта, въ пыльной атмосферѣ, перебирали, пересматривали и отряхали безчисленныя рукописи, ихъ храненію ввѣренныя. Нѣсколько несчастныхъ, довольно знающихъ грамоту, чтобы читать и переписывать, изъ скуднаго жалованья, безъ всякой надежды на повышеніе, болѣе въ видѣ слугъ чѣмъ служителей канцелярскихъ ими употреблялись и старѣлись съ ними въ машинальныхъ трудахъ. Вдругъ нарушается тишина сего мирнаго убѣжища; одна волна недорослей - франтовъ гонитъ на архивъ другую; напрасно полный комплектъ юнкеровъ на время затворяетъ въ

него входъ: скоро производство въ переводчики опять его отпираетъ. Старики спѣшатъ удалиться; одинъ изъ нихъ остается, чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ укротить ярость бурныхъ волнъ, смѣшавъ ихъ съ землею, съ старыми подчиненными.

Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ я этотъ архивъ. По разнымъ возрастамъ служившихъ въ немъ юношей и ребятъ, можно было видѣть въ немъ и университетъ, и гимназію, и приходское училище; онъ былъ вмѣстѣ и канцелярія, и кунстъ-камера. Самая ранняя заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ; семидесятилѣтній надворный совѣтникъ Ивановъ сидѣлъ близко отъ одиннадцатилѣтняго переводчика Васильцовскаго; манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щучeнковыми, которые сморкались въ руку. Подлѣ князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина, молодыхъ людей принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ, богатѣйшимъ фамиліямъ въ Москвѣ, вы бы увидѣли Тархова, въ старомъ фризовомъ сюртукѣ, того урода, который надѣлялъ насъ работой и, во мзду своей снисходительности, выпрашивалъ у насъ старое исподнее платье и камзолы. Конечно, и теперь молодые люди хорошихъ фамилій во множествѣ занимаются, по канцеляріямъ разныхъ вѣдомствъ, съ людьми разныхъ состояній; но теперь это вошло уже въ обыкновеніе, а тогда было ново; къ тому же сослуживцы ихъ, къ какому бы сословію ни принадлежали, и лѣтами, и образованностію, и приличіемъ одѣянія мало, а часто и ничѣмъ, нынѣ отъ нихъ не разнствуютъ.

Въ помощь къ г. Бантышу-Каменскому, управлявшему архивомъ, данъ былъ г. Малиновскій, въ званіи канцеляріи совѣтника или младшаго члена. Лѣтъ двадцать моложе его, сей послѣдній былъ у насъ представителемъ новѣйшихъ временъ. Онъ былъ, уже безъ примѣси, Русскаго и духовнаго происхожденія: ибо протоіерей, отецъ его, находился тогда законоучителемъ въ Московскомъ университетѣ. Контрастъ между нашими двумя начальниками былъ разителенъ. Г. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что̀ напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ притязаній на свѣтскую любезность. Одинъ обижалъ насъ краткими, энергическими, бранными словами; другой всѣхъ казнилъ безконечными, поучительными, изысканными фразами. Онъ засѣдалъ во второй комнатѣ, немного поменѣе первой, гдѣ всегда копался или ворчалъ г. Каменскій; а въ третьей находился секретарь архива г. Ждановскій, тихій человѣкъ, который ни передъ кѣмъ пикнуть не смѣлъ. Такимъ образомъ, на столь маломъ пространствѣ можно было найдти три разныя формы правленія: въ первой комнатѣ деспотизмъ со всѣми его

ужасами, во второй нѣчто конституціонное, въ третьей совершенное безначаліе. Я не попалъ туда; слѣпой случай располагалъ мѣстами нашего сидѣнія, и онъ мнѣ не благопріятствовалъ.

Изъ сослуживцевъ моихъ одни часто будутъ встрѣчаться мнѣ въ жизни, съ другими, оставивъ архивъ, я мало имѣлъ сношеній. Говорить о первыхъ буду имѣть много случаевъ, а изображеніе послѣднихъ представитъ мало занимательнаго. По большей части, всѣ они, закоренѣлые Москвичи, рѣдко покидали обширное и великолѣпное гнѣздо свое и преспокойно тонутъ или потонули въ неизвѣстности. Ни высокими добродѣтелями они не блистали, ни постыдными пороками не запятнались; если имѣли нѣкоторыя странности, то общія своему времени и мѣсту своего жительства. Мнѣ однакоже весьма памятны сильныя впечатлѣнія, которыя оставили во мнѣ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, и я не могу упустить, чтобы не описать ихъ.

Къ старшему сыну моего главнаго начальника, уже надворному совѣтнику и весьма зрѣлому молодому человѣку, я почувствовалъ омерзѣніе, при первыхъ словахъ, которыя обратилъ онъ ко мнѣ. Не краснѣя, нельзя говорить объ немъ; болѣе ничего я не скажу: его глупостію, его низостію и пороками не стану пачкать сихъ страницъ. Меньшой сынъ, Димитрій, едва выходилъ изъ дѣтства; между нами онъ прослылъ дурачкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался и литераторомъ, и компилаторомъ, и губернаторомъ: но многіе еще и понынѣ раздѣляютъ ребячье наше мнѣніе объ немъ.

Двое братьевъ Евреиновыхъ, взрослые молодые люди, о коихъ я уже упомянулъ, жили въ большомъ свѣтѣ, ко всѣмъ знатнымъ ѣздили на балы. Голова вскружилась у нихъ отъ сего счастія; они бредили имъ и часто, съ самодовольнымъ состраданіемъ, разсказывали мнѣ о томъ, стараясь, но тщетно, возбудить во мнѣ зависть.

Чтó не могли братья Евреиновы, то сдѣлали братья Булгаковы. И было чему позавидовать! Два красавца, лѣтъ по двадцати, сыновья знаменитаго и чиновнаго человѣка, неоднократно прославившагося въ посольствахъ, Якова Ивановича Булгакова, предъ всѣми своими сослуживцами брали неоспоримое первенство какъ въ архивѣ, такъ и въ обществахъ. Они родились въ Константинополѣ отъ чужестранной матери, которая, къ несчастію ихъ, не имѣла тогда мужа. И они носили на себѣ отпечатокъ Востока. Старшій, Александръ, имѣлъ лицо болѣе нѣжное и веселое, выражавшее одну чувственность сладострастія, чтó на молодомъ лицѣ весьма непротивно; меньшой, Константинъ, былъ одаренъ красотою мужественною и тогда уже смотрѣлъ на женщинъ съ видомъ скромнаго побѣдителя, какъ бы приглашая ихъ къ безопасному паденію. Съ самой колыбели сіи братья были связаны

тѣснѣйшею дружбой: одно прекрасное чувство, коимъ могли они хвалиться. Дѣйствуя за одно, къ достиженію желаемаго употребляли двойныя силы и каждымъ успѣхомъ вдвойнѣ наслаждались. Но старшій долженъ былъ чаще заимствовать помощь у младшаго, который въ высшей степени владѣлъ искусствомъ, немногимъ тогда извѣстнымъ: онъ имѣлъ то, чтó Французы называютъ à plomb и чтó по-русски не иначе можно перевесть какъ смѣшеніе наглости съ пристойностію и приличіемъ. И умъ, и любезность, и знаніе, и добродушіе, все имъ приписывалось и старыми, и молодыми, и мущинами, и женщинами; а они имѣли одну только наружную красоту. Сколько разъ потомъ, въ продолженіи жизни моей, готовъ я былъ, глядя на нихъ, воскликнуть, какъ Ипполитъ о Федрѣ: «Боги, кои знаете ихъ и награждаете, неужели за добродѣтели!» Но богъ любви незаконной не награждаетъ, а только всегда покровительствуетъ родившихся подъ его владычествомъ и беззаконный ихъ путь усѣваетъ успѣхами. По неопытности моей, и я нѣкогда вѣровалъ въ ихъ совершенства.

Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ Московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всею скромностію великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутіи всѣхъ дорогъ ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для Его благотворныхъ видовъ; остальные гибнутъ рано, и старшій Тургеневъ не долго оставался на свѣтѣ. Ему завидовать я не смѣлъ; не смотря на свое самолюбіе, я чувствовалъ, что успѣховъ, какіе сулитъ ему будущность, я обѣщать себѣ не могъ. Меньшой братъ его Александръ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ мы его послѣ видѣли: тоненькій, жиденькій, румяный, ласковый мальчикъ, чрезвычайно застѣнчивый.

Этого нельзя было сказать о другомъ молодомъ мальчикѣ, котораго всякій съ перваго взгляда въ нашей толпѣ могъ бы замѣтить. Чрезвычайная живость его, необыкновенная смѣлость слова и взгляда непріятнымъ образомъ меня поразили, и я избѣгалъ съ нимъ разговоровъ; а между тѣмъ, когда онъ велъ рѣчь съ другими, я заслушивался. Въ идеяхъ, кои выражалъ онъ, все мнѣ казалось такъ ново, такъ внезапно, и, всегда лакомый до ума, я невольнымъ образомъ началъ съ нимъ сближаться. Непонятно мнѣ было чувство, которое онъ во мнѣ производилъ: все меня отталкивало отъ него, и все меня къ нему привлекало. Не доказываетъ ли это, что между людьми, какъ и между небесными тѣлами, есть так[illegible] тяготѣнія, гравитаціи? Маленькій Блудовъ былъ тогда [illegible] которая, какъ бы безъ

цѣли быстро несясь въ пространство міровъ, могла въ немъ встрѣтить разрушеніе. Я не могъ тогда предвидѣть, что скоро ходъ ея сдѣлается столь правильнымъ, но уже какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ суждено долго обращаться вокругъ нея и даже содѣлаться однимъ изъ ея спутниковъ, когда, достигнувъ созвѣздія министерства, она будетъ сіять въ немъ столь тихимъ, чистымъ и благотворнымъ свѣтомъ.

Жеманство, которое встрѣчалось тогда въ литературѣ, можно было также найти въ манерахъ и обращеніи нѣкоторыхъ молодыхъ людей. Женоподобіе не совсѣмъ почиталось стыдомъ, и ужимки, которыя противно было бы видѣть и въ женщинахъ, казались утонченностями свѣтскаго образованія. Тѣ, которые этимъ промышляли, выказывали какую-то изнѣженность, неприличную нашему полу, не скрывали никакой боязни и, что̀ всего удивительнѣе, не совсѣмъ были смѣшны. Между нами были также два молодца, или лучше сказать, двѣ дѣвочки, которыя въ этомъ родѣ дошли до совершенства, Колычевъ и Ижоринъ. Время ихъ наружность и все вокругъ нихъ измѣнило, но не измѣнило ихъ склонностей и характера; теперь обѣ уже старушки, а послѣдняя весьма добрая и почтенная. Истребляя между нашими молодыми людьми наружныя формы, столь поносныя, особенно для Русскихъ, нынѣшній вѣкъ перенесъ ихъ въ другую крайность и мужественности ихъ часто придаетъ мужиковатость.

Послѣдствія прежняго Французскаго воспитанія сильно между нами обнаруживались: почти всѣ мои товарищи не могли ступить безъ Французскаго языка. Говоря на немъ, хотя многіе дѣлали часто ошибки, но съ Русскою переимчивостію весьма удачно умѣли перенять голосъ и манеры Французовъ, жившихъ у ихъ родителей. Никто однакоже не успѣлъ столько въ томъ, какъ молодой Ефимовичъ; онъ былъ вылитый Французъ: маленькій ростъ, тоненькія ножки, увертки его и самое безобразное его старообразіе, дѣлали его настоящимъ маркизомъ. Для многихъ изъ насъ былъ онъ предметомъ уваженія и подражанія. Впрочемъ онъ былъ не безъ ума, хорошо занимался литературой и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые берутся за все, обѣщаютъ много и изъ которыхъ, наконецъ, не выходитъ ничего.

Исключая двухъ Тургеневыхъ и Блудова, едва ли кто зналъ изъ моихъ товарищей, что есть уже Русская словесность. Живши въ одномъ городѣ съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ, они слыхали объ нихъ, можетъ быть, встрѣчались съ ними, знали, что они что-то пишутъ, но читать ихъ? этого не приходило имъ въ голову. Честь и хвала малому числу избранныхъ юношей-отроковъ, которые, плѣняясь и заграничнымъ просвѣщеніе, не заражались однакоже окружавшими ихъ примѣрами. Геній Россіи съ раннихъ лѣтъ вдохнулъ въ сердца ихъ чув-

ство ея величія, а уму ихъ далъ способность постигать красоты благозвучнаго языка нашего и искусство выражаться на немъ. Увы, сихъ похвалъ я не заслуживалъ. Въ домѣ Голицыныхъ положено основаніе моей галломаніи, которая такъ быстро усилилась въ кругу архивныхъ юношей. Они снабжали меня Французскими книгами, по большей части романами, и я воображалъ, что занимаюсь полезнымъ чтеніемъ, когда пожиралъ ихъ по ночамъ; часто бывалъ я внѣ себя отъ ужасовъ г-жи Радклифъ, кои мучительно пріятнымъ образомъ дѣйствовали на раздражительные нервы моихъ товарищей.

Въ продолженіи зимы занимали насъ переводами съ Французскаго. Не знаю были ли они хороши, по крайней мѣрѣ не мои; а впрочемъ, какъ мнѣ кажется, г. Малиновскій, руководитель нашъ въ семъ дѣлѣ, не весьма былъ въ состояніи о томъ судить. Потомъ г. Бантышъ-Каменскій заставлялъ насъ въ одинъ форматъ переписывать на-чисто древніе грамоты и договоры, съ намѣреніемъ отдать собраніе ихъ потомъ въ печать. Въ послѣдствіи я сдѣлался съ нимъ гораздо смѣлѣе, а онъ ко мнѣ снисходительнѣе. Одна только бѣда: мой почеркъ ему не нравился; въ угожденіе ему я началъ прямить свои литеры по старинному до того, что пишу теперь какъ церковникъ.

Я напрасно хвалюсь иногда твердостію: я всегда былъ довольно человѣкоугодливъ; старшимъ, равнымъ и даже подчиненнымъ всегда готовъ былъ сказать или сдѣлать что-нибудь пріятное; когда же поступки ихъ лично противъ меня, а еще болѣе противъ совѣсти или закона, заставляютъ меня дѣлать противное, они мнѣ становятся ненавистны, ибо лишаютъ меня величайшаго удовольствія. Въ нѣжномъ возрастѣ, кто не чувствовалъ вліянія людей и обстоятельствъ, среди коихъ жилъ? Но ни на кого они столь сильно не дѣйствовали какъ на меня: мнѣ кажется, я былъ восковой. Всякое впечатлѣніе сглаживалось, но не совсѣмъ изглаживалось новымъ; каждое положеніе, въ коемъ я находился, каждое общество, чрезъ кое проходилъ, оставляли на мнѣ слѣды, и такъ-то въ описываемые мною послѣдніе два-три года образовались всѣ странности моего характера. Къ счастію, посреди сего сохранилось во мнѣ чувство справедливости и чести, данное мнѣ природой и первымъ воспитаніемъ и никогда меня не покидавшее.

Мѣсяца черезъ полтора по вступленіи моемъ въ службу, вновь былъ принятъ въ нее и зять мой, отставной полковникъ Алексѣевъ. Причины сего обстоятельства, повидимому маловажнаго, заслуживаютъ, однакоже, чтобъ ихъ объяснить. Въ царяхъ вѣрнѣйшій признакъ высокаго дара господствовать надъ людьми есть искусство открывать способнѣйшихъ и ввѣрять имъ именно тѣ только мѣста, гдѣ они могутъ быть полезны. Съ такимъ искусствомъ цари бываютъ рѣдки, имъ

принадлежитъ названіе великихъ; но иногда и слѣпой случай подсовываетъ подъ царскую руку такихъ людей, коихъ для нѣкоторыхъ должностей и съ величайшими усиліями трудно было бы отъискать. Между Гатчинскими офицерами былъ Пруссакъ Эртель, котораго сама природа создала начальникомъ полиціи: онъ былъ весь составленъ изъ капральской точности и полицейскихъ хитростей. Съ конца 1798 года былъ онъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ. Графъ Салтыковъ сначала никакъ не могъ догадаться, что къ нему приставленъ дядька, а когда убѣдился въ томъ, то началъ искать средствъ отъ него избавиться. Сдѣлать это было нелегко: Эртель пользовался особою довѣренностію Павла І-го, жилъ вдали отъ него и отъ неожиданныхъ его вспышекъ, и сохранялъ тѣсныя связи съ самыми приближенными ему людьми. Не прошло года, и онъ едва не успѣлъ свергнуть самого графа Салтыкова; тотъ покорился необходимости, оставилъ себѣ весь блескъ представительности, оставилъ себѣ гражданскую часть по губерніи и военную по гарнизону, сдѣлался, такъ сказать, гражданскимъ генералъ-губернаторомъ и оберъ-комендантомъ, а полицейскую часть столицы предоставилъ совершенно распоряженіямъ оберъ-полицеймейстера. Эртель былъ человѣкъ живой, веселый, дѣятельный и совсѣмъ немстительный; онъ симъ раздѣломъ остался совершенно доволенъ, сталъ любезничать съ начальникомъ, угождать ему и, чтобы скрѣпить съ нимъ союзъ, испросилъ у него позволенія представить отставнаго, любимаго его адъютанта къ должности полицеймейстера, что̀ онъ и сдѣлалъ прямо отъ себя.

Когда, бывало, попадешь на Эртеля, то трудно отъ него отвязаться, и потому долженъ я еще нѣсколько объ немъ поговорить. Москва весьма его не любила, потому что не любила Павла и никогда не любила большаго порядка. Всѣ знали, сверхъ того, что онъ часто дѣлалъ тайныя донесенія о состояніи умовъ въ старой столицѣ; всякій могъ опасаться сдѣлаться предметомъ обвиненія неотразимаго, часто ложнаго, всегда незаконнаго, и хотя нельзя было указать ни на одинъ примѣръ человѣка чрезъ него пострадавшаго, но ужасъ невидимой гибели, который вокругъ себя распространяютъ такого рода люди, самымъ непріязненнымъ образомъ располагалъ къ нему жителей Москвы. Но они не могли однакоже не согласиться, что цѣль хорошей полиціи, спокойствіе ихъ, была совершенно при немъ достигнута. Въ немъ была врожденная страсть настигать и хватать разбойниковъ и плутовъ, столь же сильная какъ въ кошкѣ ловить крысъ и мышей. Никакой воръ, никакое воровство не могли отъ него укрыться; можно вездѣ было наконецъ держать двери на отперти; ни одинъ большой съѣздъ, ни одно народное увеселеніе не ознаменовались при немъ несчастнымъ

приключеніемъ; на пожарахъ пламень какъ будто гаснулъ отъ его приближенія. Онъ былъ совсѣмъ неспѣсивъ, въ обхожденіи нецеремоненъ и негрубъ, но только жестокъ съ людьми, хотя бы дворянами, коихъ мошенничество было доказано.

Главная, непростительная вина его въ глазахъ Москвичей было строгое наблюденіе за сохраненіемъ странныхъ формъ одѣянія, предписанныхъ императоромъ. Москва разнообразна, пестра и причудлива какъ сама природа: гнуть и тѣснить ее столь же трудно, какъ и безполезно. Въ ней выдуманы слова приволье, раздолье, разгулье, выражающія наклонности ея жителей. Какъ въ старину, такъ и нынѣ, никто почти изъ нихъ не мечталъ о политической свободѣ; за то всякій любилъ совершенную независимость какъ въ общественной, такъ и въ домашней жизни. Между ними и западными вольнодумцами таже разница, что между поэтомъ, составившимъ себѣ идеалъ совершенства, котораго всю жизнь онъ проищетъ напрасно, и простымъ человѣкомъ, который скоро найдетъ любимую женщину, безъ великихъ затрудненій женится на ней, и преспокойно въ любви и совѣтѣ проведетъ съ нею вѣкъ. Только не касайся ихъ вседневныхъ привычекъ, ихъ безвинныхъ предразсудковъ, и Москвичи предовольны. Но коль скоро самодержавіе вздумаетъ слишкомъ распрямлять своевольную старушку, она закричитъ голосами тысячи bралей своихъ, тысячи своихъ болтуній, и правительство, если безъ уваженія, то не совсѣмъ однакоже безъ вниманія можетъ оставить безсмысленный сей шумъ. Даже въ царствованіе Павла, удары его самовластія, которые такъ мѣтко, такъ разительно на всѣхъ упадали въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи, смягчались надъ царственной Москвой. Капуа для всѣхъ Нѣмцевъ, она, въ нѣдрахъ своихъ, разогрѣвала ихъ холодность, развеселяла ихъ угрюмость, ослабляла ихъ строгость, уменьшала ихъ разсчетливость и....... самъ Эртель долженъ былъ по времени возчувствовать всесильное ея дѣйствіе. Но въ немъ оставалось еще довольно Нѣмецкаго, чтобы не спастись отъ ея проклятій. Голубушка-Москва любитъ маленькій безпорядокъ; она почитаетъ себя заключенною въ монастырѣ, коль скоро видитъ вокругъ себя порядокъ, слишкомъ строго соблюдаемый. Хорошо ли это? Худо ли это? Богъ знаетъ! Биронъ съ Анной Ивановной бѣжали изъ нея, Елисавета Петровна проводила въ ней половину жизни; первые терзали Россію, при послѣдней она блаженствовала.

Зять мой, человѣкъ недостаточный, поневолѣ принужденъ былъ принять должность полицеймейстера и сдѣлался весьма полезнымъ сотрудникомъ Эртеля, хотя не имѣлъ ничего съ нимъ общаго ни въ правилахъ, ни въ нравѣ. Странное дѣло, онъ съ такою же неутомимою дѣятельностію, какъ и начальникъ его, началъ преслѣдовать безпорядки,

а былъ столько же любимъ, особливо простымъ народомъ, сколько тотъ былъ ненавидимъ. Не отъ того ли, что онъ былъ Русскій? Не отъ того ли, что въ самой строгости Русскаго есть что-то добродушное? Не отъ того ли, что въ нашемъ народѣ чувство справедливости сильнѣе, чѣмъ въ высшихъ классахъ, и что простолюдинъ, пойманный въ преступленіи столь же мало видитъ врага въ исполнителѣ надъ нимъ законовъ, какъ въ камнѣ, о который онъ ушибся, неосторожно на него падая?

Обычай не дозволялъ въ старину Русскимъ боярамъ входить въ подряды и откупа, ни въ какія торговыя дѣла, а еще менѣе отдавать въ наймы палаты свои по частямъ или въ цѣлости. Какъ бы долго ни продолжалось ихъ отсутствіе, жилища ихъ должны были безъ нихъ вдовствовать и въ безмолвіи ожидать ихъ возвращенія, какъ дворцы царскіе. Друзья и родственники имѣли часто, однакоже, право безъ платы и даже безъ позволенія въ нихъ останавливаться. Барыши, золото, одно золото оставлено было людямъ среднихъ состояній въ замѣнъ блестящихъ преимуществъ, коими пользовались одни только знаменитые роды. Заслуги, щедроты монарховъ и бережливость могли только умножать достояніе бояръ. Почтенному сему предразсудку слѣдовали еще болѣе на Западѣ, пока герцогъ Орлеанскій не обратилъ жилища своего въ базаръ и подъ именемъ Королевскаго Дворца не стали разумѣть средоточія Парижской торговли. Чтобы разбогатѣть, князья и графы теперь у насъ, даже самые богатые, употребляютъ одинакія средства съ мѣщанами, строятъ пивоварни, торгуютъ въ кабакахъ и все-таки предъ послѣдними кичатся своими громкими именами; возможно ли, чтобъ ихъ уважали? Поклоненіе златому тельцу равняетъ всѣ состоянія. Не такъ было при Павлѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ. У графа Салтыкова было въ Москвѣ три дома; въ одномъ, на Дмитровкѣ, жила дочь его, г-жа Мятлева съ семействомъ; другой, загородный, служилъ ему для прогулокъ, а третій, маленькій каменный у Тверскихъ воротъ, подлѣ церкви Димитрія Селунскаго, стоялъ совсѣмъ пустой. При новой должности Алексѣева не было положено казенной квартиры; желая избавить его отъ убытковъ наемной, графиня Салтыкова, которой принадлежалъ собственно послѣдній изъ сихъ домовъ, предложила ему помѣститься въ немъ, и мы переѣхали въ него около половины Ноября.

Я тогда вблизи увидѣлъ полицейскую жизнь и чиновниковъ полиціи. Въ Москвѣ въ то время, когда не было столько роскоши, столько потребностей и слѣдственно такой жадности къ прибыли, полицейскіе чиновники, обезпеченные доходами, которые почитались почти законными, не прибѣгали къ ужаснымъ, притѣснительнымъ средствамъ,

чтобъ у бѣдныхъ обывателей выжимать деньги. Частные пристава жили роскошнѣе полицеймейстеровъ, и никто не ставилъ имъ этого въ вину. То что̀ называется нынѣ красть, называлось тогда брать и было дѣйствительно болѣе добровольнымъ даромъ, чѣмъ грабежомъ. Отъ лицъ, какъ слышалъ я, они ничего не принимали; а только общества торговцевъ, мастеровыхъ, въ ихъ части живущихъ, дѣлали между собою умѣренныя складки и по большимъ праздникамъ подносили имъ въ видѣ почтительныхъ приношеній. Почитая себя нѣкоторымъ образомъ честными людьми, они съ успокоенною совѣстію могли безпристрастно исполнять свои обязанности; общее же мнѣніе въ Москвѣ никогда ихъ не клеймило, и бѣдные дворяне, армейскіе офицеры, съ честію служившіе, могли безъ стыда принимать полицейскія должности.

Имѣя офицерское званіе, мнѣ казалось, что я въ правѣ почитать себя совершеннолѣтнимъ. Отецъ мой, который опредѣленіемъ меня въ службу болѣе всѣхъ былъ обрадованъ, въ письмахъ своихъ перемѣнилъ со мною тонъ и изъ Филипушекъ произвелъ меня въ Филипы Филиповичи; только въ письмахъ и устахъ матери моей долго сохранялъ я еще дѣтское свое имя. Первый разъ въ жизни получилъ я деньги на собственныя, безотчетныя издержки; мнѣ прислали сто рублей, огромную сумму, изъ которой употребленіе я не скоро началъ дѣлать, желая все пріобрѣсть и не умѣя рѣшиться въ выборѣ. Послѣ того прискорбно мнѣ было замѣтить, что узда только опущена, а не совсѣмъ снята еще съ меня: я все еще оставался подъ строгимъ надзоромъ сестры и брата. Впрочемъ, важный шагъ сдѣланъ: мнѣ позволено ходить по улицамъ безъ сопровожденія слуги, чего дотолѣ не было; отъ дурной привычки страхъ вмѣстѣ съ радостію ощутилъ я, когда въ первый разъ увидѣлъ себя такимъ образомъ на свободѣ.

Отлучаясь, долженъ я былъ однакоже всякій разъ спрашиваться и сказывать, куда иду. Три раза въ продолженіи зимы воспользовался я такими позволеніями, чтобы видѣть Московскій театръ, не знаю зачѣмъ названный Петровскимъ, ибо во всемъ городѣ былъ онъ тогда одинъ *). Играли на немъ одни только Русскіе актеры. Изъ нихъ чета Сандуновыхъ болѣе всѣхъ приманивала публику; мужъ игралъ лакейскія роли въ комедіяхъ, а жена была примадонной въ оперѣ; ни тотъ, ни другой мнѣ что-то не понравились. Думая искусно подражать природѣ, Сандуновъ былъ чрезвычайно подлъ на сценѣ; а жена, лѣтъ

*) Онъ сгорѣлъ еще до большаго пожара 1812 года, а въ 1823 перестроенъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

двадцати пяти, не болѣе, почитаемая красавицей, казалась гораздо старѣе, ибо имѣла большія, правильныя черты, черные глаза и волосы, Римскій носъ, и была чрезвычайно дородна. Играя почти всегда роли молодыхъ дѣвочекъ, она была довольно отвратительна; сверхъ того, имѣла привычку часто хохотать самымъ непристойнымъ образомъ. Голосъ ея былъ силенъ, чистъ, но не имѣлъ для меня ни малѣйшей пріятности.

Въ комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ замѣчательны были Плавильщиковъ и Померанцевъ. Первый—литераторъ и актеръ, занималъ главныя роли и по моему былъ очень дуренъ, хотя ему и рукоплескали. Послѣдній превосходно игралъ стариковъ; онъ имѣлъ благородную осанку, нѣжный и трогательный голосъ и, если можно такъ сказать, всю прелесть маститости, настоящей или искусственной. Главная трагическая актриса была госпожа Сахарова. Пусть представятъ себѣ Дидоной Рязанскую или Симбирскую помѣщицу, уже пожилыхъ лѣтъ, мало знакомую съ столицей и великую охотницу декламировать стихи: это была Сахарова. Какъ въ дочери госпожи Синявской, первой женщины, которая у насъ въ Россіи согласилась выступить на сцену и нѣкогда блистала въ *Хоревѣ*, въ *Синавѣ* и *Труворѣ*, въ ней особенно уважалась кулисная ея знатность.

Болѣе изъ тщеславія чѣмъ изъ охоты, многіе богатые помѣщики составляли изъ крѣпостныхъ людей своихъ оркестры и заводили цѣлыя труппы актеровъ, которые, какъ говорили тогда въ насмѣшку, ломали передъ ними камедь. Когда дѣла ихъ разстраивались, они слугъ своихъ заставляли въ губернскихъ городахъ играть за деньги; одинъ между ними, г. Столыпинъ, нашелъ, что выгоднѣе отдать свою труппу внаймы на Московскій театръ, который тогда не находился въ казенномъ управленіи. Содержатель его былъ нѣкто Медоксъ—Жидъ *), вѣроятно, крещеный. Умѣренная плата симъ лицедѣямъ, жалкое одѣяніе, въ коемъ являлись они передъ зрителями, соотвѣтствовали ихъ талантамъ. Все это было ниже посредственности. Жидъ, видно, былъ не очень разсчетливъ; и какъ было ему не раззориться? Всѣ три раза, что зимой я былъ въ театрѣ, видѣлъ я почти пустой партеръ. Когда я слышу строгія замѣчанія критиковъ на нынѣшній Московскій театръ, мнѣ всегда досадно; я вспомню прежній и нахожу, что одного столѣтія мало, чтобы произвесть удивительную между ними разницу.

Въ эту зиму увидѣлъ я и Московскіе балы; два раза былъ я въ Благородномъ Собраніи. Зданіе его построено близъ Кремля, въ центрѣ Москвы, которая сама почитается средоточіемъ нашего отечества. Не одно Московское дворянство, но и дворяне всѣхъ почти Великорос-

*) Медоксъ былъ происхожденія англійскаго. П. Б.

сійскихъ губерній, стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить въ немъ женъ и дочерей. Въ огромной его залѣ, какъ въ величественномъ храмѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, поставленъ былъ кумиръ Екатерины, и никакая зависть къ ея памяти не могла его исторгнуть. Чертогъ въ три яруса, весь бѣлый, весь въ колоннахъ, отъ яркаго освѣщенія весь какъ въ огнѣ горящій, тысячи толпящихся въ немъ посѣтителей и посѣтительницъ, въ лучшихъ нарядахъ, гремящіе въ немъ хоры музыки, и въ концѣ его, на нѣкоторомъ возвышеніи, улыбающійся всеобщему веселью мраморный ликъ Екатерины, какъ во дни ея жизни и нашего блаженства! Симъ чудеснымъ зрѣлищемъ я былъ пораженъ, очарованъ. Когда первое удивленіе прошло, я началъ пристальнѣе разсматривать безчисленное общество, въ коемъ находился; сколько прекрасныхъ лицъ, сколько важныхъ фигуръ и сколько блестящихъ нарядовъ! Но еще болѣе, сколько странныхъ рожъ и одѣяній!

Помѣщики сосѣдственныхъ губерній почитали обязанностію каждый годъ, въ Декабрѣ, со всѣмъ семействомъ отправляться изъ деревни, на собственныхъ лошадяхъ, и пріѣзжать въ Москву около Рождества, а на первой недѣлѣ поста возвращаться опять въ деревню. Сіи поѣздки имъ недорого стоили. Имъ предшествовали обыкновенно на крестьянскихъ лошадяхъ длинные обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупою, мукою и масломъ, со всѣми жизненными припасами. Каждаго ожидалъ собственный деревянный домъ, неприхотливо убранный, съ широкимъ дворомъ и садомъ безъ дорожекъ, заглохшимъ крапивой, но гдѣ можно было, однакоже, найти дюжину дикихъ яблонь и сотню кустовъ малины и смородины. Все Замоскворѣчье было застроено сими помѣщичьими домами. Въ короткое время ихъ пребыванія въ Москвѣ, они не успѣвали дѣлать новыхъ знакомствъ и жили между собою въ обществѣ пріѣзжихъ, деревенскихъ сосѣдей: каждая губернія имѣла свой особый кругъ. Но по Четвергамъ всѣ они соединялись въ большомъ кругу Благороднаго Собранія; тутъ увидятъ они статсъ-дамъ съ портретами, фрейлинъ съ вензелями, а сколько лентъ, сколько крестовъ, сколько богатыхъ одеждъ и алмазовъ! Есть про что̀ цѣлые девять мѣсяцевъ разсказывать въ уѣздѣ, и все это съ удивленіемъ, безъ зависти: недосягаемою для нихъ высотою знати они любовались, какъ путешественникъ блестящею вершиной Эльбруса.

Не одно маленькое тщеславіе проводить вечера вмѣстѣ съ высшими представителями Россійскаго дворянства привлекало ихъ въ Собраніе. Нѣтъ почти Русской семьи, въ которой бы не было полдюжины дочерей: авось ли Дунюшка или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человѣку! Но если хорошій человѣкъ не знако̀мъ ни-

кому изъ ихъ знакомыхъ, какъ быть? И на это есть средство. Въ старину (не знаю, можетъ быть и теперь) существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣтà невѣстъ, описи приданаго и брачныя условія; къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, чтò въ Собраніи не могли высказать дѣвицѣ одни только взгляды жениха. Пусть другіе смѣются, а въ простотѣ сихъ дѣдовскихъ нравовъ я вижу что-то трогательное. Для любопытныхъ наблюдателей было много пищи въ сихъ собраніяхъ; они могли легко замѣтить озабоченныхъ матерей, идущихъ объ руку съ дочерьми, и прочитать въ глазахъ ихъ безпокойную мысль, что можетъ быть въ сію минуту рѣшается ихъ участь; по веселому добродушію на лицахъ провинціяловъ легко можно было отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы.

Московское Благородное Собраніе существуетъ и понынѣ; зала его удивляетъ попрежнему простотою величія, попрежнему украшается единственно изображеніемъ Екатерины, но увы! она уже не форумъ Русскаго дворянства: почти весь годъ стоитъ она пустая; только разъ или два, по случаю пріѣзда царя, или другаго какого торжества, наполняется она опять людьми, но уже не въ такомъ числѣ, въ какомъ прежде собирались они въ нее еженедѣльно. Двѣнадцатый годъ болѣе всего сему Собранію нанесъ рѣшительный ударъ.

Если Москва не изобильна была публичными увеселеніями для образованнаго класса людей, то зато ни въ одномъ городѣ не было столько партикулярныхъ баловъ. Ни одного я не видалъ, меня никуда не звали, а я не имѣлъ ни воли, ни желанія куда-либо самъ называться. Партикулярнымъ баломъ нельзя почитать тотъ, на который и я былъ приглашенъ и который данъ былъ графомъ Салтыковымъ 6 Ноября, послѣдній день, въ который праздновали восшествіе на престолъ императора Павла. Тутъ было нѣчто официяльное; неявка на сей балъ, особенно для знатныхъ и чиновныхъ людей, могла бы почесться неуваженіемъ къ особѣ царя. А никогда еще Москва, какъ въ это время, не была наполнена такими людьми, коихъ у насъ называютъ вельможами, то-есть тѣхъ, кои съ высокимъ чиномъ соединяютъ знаменитость заслугъ, блестящій титулъ и огромное состояніе, и живутъ соотвѣтственно своему сану. Одни, обремененные лѣтами, при Екатеринѣ еще сошли съ поприща, чтобъ успокоиться въ градѣ бояръ; другіе, при Павлѣ, или сами поспѣшили оставить службу, или были отставлены съ позволеніемъ жить, гдѣ пожелаютъ. Всѣ они предстали тутъ, сіи нѣкогда мужи войны и совѣта, съ своими сѣдинами и Андреевскими лентами. Тутъ увидѣлъ я фельдмаршала Каменскаго, бывшаго канцлера Остермана съ братомъ, Еропкина, избавителя Мос-

квы отъ чумы, и прежняго ея начальника Юрія Долгорукаго, оберъ-камергера князя Голицына, обоихъ братьевъ Куракиныхъ, бывшихъ вице-канцлера и генералъ-прокурора, и многихъ другихъ. Не принимая участія въ игрѣ, почти всѣ они сѣли полукружіемъ, и я съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на сонмъ опальныхъ бояръ, какъ на галерею историческихъ портретовъ. Еслибы не было пляски, то можно было бы вообразить себѣ, что они собрались въ думу для совѣщаній о дѣлахъ государственныхъ.

Девятнадцатое столѣтіе началось для меня довольно счастливо. Въ Генварѣ 1801 года произвели меня въ переводчики коллегіи, то-есть въ 10-й классъ, безъ заслугъ, безъ покровительства, а только для того, чтобъ очистить мѣсто желающимъ поступить въ опредѣленное число юнкеровъ. Изъ новонабранныхъ двое имѣли довольно оригинальности, чтобы найти мѣсто въ сихъ Запискахъ.

Молва уже говорила намъ объ одномъ князѣ Козловскомъ, молодомъ мудрецѣ, который имѣлъ намѣреніе опредѣлиться къ намъ въ товарищи, и мы съ любопытствомъ ожидали обѣщанное намъ чудо. Вмѣсто чуда увидѣли мы просто чудака. Правда, толщина не по лѣтамъ, въ голосѣ и походкѣ натуральная важность, а на лицѣ удивительное сходство съ портретами Бурбоновъ старшей линіи, заставили сначала самого г. Бантыша-Каменскаго принять его съ нѣкоторымъ уваженіемъ; разглядѣвъ же его пристальнѣе, узнали мы въ немъ совсѣмъ не педанта, но добраго малаго, сообщительнаго, веселаго и даже легкомысленнаго. Способностей въ немъ было много, учености никакой, даже познаній весьма мало; но онъ славно говорилъ по-французски и порядочно писалъ Русскіе стихи. Откормленный, румяный, онъ всегда смѣялся и смѣшилъ, имѣлъ, однакоже, искусство, не давать себя осмѣивать, несмотря на свое обжорство и умышленный цинизмъ въ нарядѣ, коимъ прикрывалъ онъ бѣдность или скупость родителей.

Оставаясь въ Россіи, добросовѣстно, усердно посвящая себя занятіямъ по какой-либо части управленія, князь Козловскій могъ бы, наконецъ, быть однимъ изъ полезныхъ людей государства. Но онъ въ первой молодости получилъ мѣсто за границей, находился при разныхъ миссіяхъ и нѣсколько лѣтъ въ Сардиніи раздѣлялъ ссылку Сардинскаго короля, при коемъ былъ посланникомъ. Въ послѣдствіи, когда онъ былъ въ Штутгардтѣ, неосновательность его поступковъ заставила правительство отозвать его; но, сдѣлавшись совершенно чуждъ своему отечеству, онъ не захотѣлъ въ него возвратиться. Несчастный, но не первый примѣръ, встрѣчаемый между нашими земляками, для коихъ навыки заграничной жизни дороже родины, священнѣе всѣхъ обязанностей. На это смотрѣли у насъ доселѣ съ преступнымъ равно-

душіемъ. Пользуясь во Франціи приличнымъ содержаніемъ, которое оставило ему правительство, князь Козловскій казался жертвой, прослылъ чуть ли не геніемъ, коему не умѣютъ отдавать справедливость. У кого хороша память и кто много читаетъ, тому куда какъ легко быть геніемъ въ наше время, когда говорится и пишется такъ много умнаго! Необходимость принудила недавно Козловскаго посѣтить Петербургъ, и ему дивились, какъ всему заграничному. Мнѣ казалось, что я вижу предъ собой густую массу, которая болѣе тридцати лѣтъ каталась по Европѣ, получила почти шарообразный видъ и, какъ гіероглифами, вся испещрена идеями, для насъ уже не новыми, и множествомъ несогласныхъ между собою чужихъ мнѣній, которыя по клейкости ея такъ удобно къ ней приставали. Теперь масса сія въ совершенномъ бездѣйствіи остановилась въ Варшавѣ (все-таки какъ будто не въ Россіи) и сохраняется тамъ благодѣяніями презираемаго ею отечества.

Другой новобранникъ былъ Макаровъ, человѣкъ смирный, но не спокойный, ибо тогда уже былъ мучимъ желаніемъ прославиться въ литературѣ. Онъ, Данаида нашей словесности, болѣе тридцати пяти лѣтъ льетъ чернила, наполняетъ журналы и ни на шагъ не подвигается ни въ искусствѣ, ни въ знаменитости. Вообще между тогдашними архивными юношами было довольно талантовъ въ зернѣ; отъ чего, не созрѣвъ, они гибли? Богъ вѣсть, обстоятельства ли и недостатки воспитанія препятствовали ихъ развитію? Обѣщали многіе, а одинъ только сдержалъ слово.

Скоро узнали мы вѣсть непріятную для нашего чинолюбія: далѣе мы ничего не видѣли. Къ концу Февраля графъ Растопчинъ былъ отставленъ, а на его мѣсто первоприсутствующимъ въ Иностранной Коллегіи и начальствующимъ надъ почтовою частію былъ назначенъ графъ Паленъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ и должность Петербургскаго военнаго губернатора. Внезапныя немилости Павла давно уже перестали удивлять; но удаленіе вѣрнѣйшаго, изъ преданныхъ ему, человѣка, который въ продолженіе всего царствованія его ни на минуту не переставалъ пользоваться его довѣренностію, опытнымъ людямъ казалось худымъ предзнаменованіемъ для самого царя; эта перемѣна, по мнѣнію ихъ, должна была повлечь за собою другія важнѣйшія перемѣны. И они не ошиблись, какъ это теперь всѣмъ извѣстно.

XVII.

Опять вступаетъ Россія въ новую блистательную эпоху, въ новый міръ, сначала столь очаровательный. Съ обыкновеннымъ любопытствомъ и необычайнымъ страхомъ ожидала Москва видѣть императора въ половинѣ Мая, на большихъ маневрахъ, которые къ тому времени приготовлялись въ ея окрестностяхъ....

Необыкновенно раннее открытіе весны предшествовало раннему Свѣтлому Воскресенію: еще до половины Марта снѣгъ началъ исчезать, и наступила ясная, совершенно теплая погода. Въ Пятницу на Вербной недѣлѣ, 15 Марта, былъ я въ архивѣ; становилось поздно, многіе уже разошлись по домамъ; изъ начальниковъ оставался одинъ только г. Бантышъ-Каменскій, разбирая какія-то рукописи. Вдругъ вбѣгаетъ меньшой Тургеневъ въ радостномъ изумленіи, краснѣя, только не отъ застѣнчивости, и прерывающимся голосомъ объявляетъ намъ, что Павла нѣтъ уже на свѣтѣ и что царствуетъ Александръ. «Что̀ ты говоришь!» воскликнулъ Каменскій и съ ужасомъ перекрестился. Тотъ продолжаетъ разсказывать нижеслѣдующее.

Проѣзжая черезъ Кремль, онъ увидѣлъ толпу народа вокругъ Успенскаго собора; желая узнать причину такого стеченія, онъ втиснулся во храмъ и нашелъ въ немъ графа Салтыкова съ другими главными должностными лицами, которыя присягаютъ новому императору. Болѣе всего онъ замѣтилъ двухъ генераловъ въ Анненскихъ лентахъ, неумытыхъ, невыбритыхъ, забрызганныхъ грязью. Ему сказали, что одинъ изъ нихъ князь Сергій Долгоруковъ, который привезъ манифестъ о кончинѣ Павла и о воцареніи Александра, а другой бывшій оберъ-полицеймейстеръ Каверинъ, присланный смѣнить Эртеля и вступить въ прежнюю должность. Къ тому прибавили, что видѣли ихъ вмѣстѣ на одной перекладной телѣгѣ скачущими отъ Тверской заставы до дому главнокомандующаго, и что всѣхъ встрѣчающихся они какъ будто взорами поздравляли и привѣтствовали.

Никакого не осталось сомнѣнія. Но какъ это случилось? Онъ даже не былъ боленъ! Все это надѣялся узнать я до̀ма и поспѣшилъ уйти. Отъ Покровки до Тверскихъ воротъ путь не близокъ; я долженъ былъ сдѣлать его пѣшкомъ, ибо денегъ на извощика у меня не было, и вѣроятно въ тревогѣ забыли прислать за мною лошадь. Я болѣе бѣжалъ, чѣмъ шелъ; однакоже внимательно смотрѣлъ на всѣхъ попадавшихся мнѣ въ простыхъ армякахъ, равно какъ и на людей порядочно-одѣтыхъ. Замѣтно было, что важная вѣсть разнесена по всѣмъ частямъ города и уже не тайна для самаго простаго народа. Это одно

изъ тѣхъ воспоминаній, которыхъ время никогда истребить не можетъ: нѣмая, всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ. Возвратившись домой, я никакъ не могъ добиться толку: знакомые безпрестанно пріѣзжали и уѣзжали, всѣ говорили въ одно время, всѣ обнимались, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія; ни слова о покойномъ, чтобы и минутно не помрачить сердечнаго веселія, которое горѣло во всѣхъ глазахъ; ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ. Сей день, столь вождѣленный для всѣхъ, казался вѣстовщикамъ и вѣстовщицамъ особенно благополучнымъ: вездѣ принимали ихъ съ отверстыми объятіями.

Кто бы могъ повѣрить? На восторги, коими наполнена была древняя столица, смотрѣлъ я съ чувствомъ неизъяснимой грусти. Я не зналъ еще...., что вся Россія, торжествующая сіе событіе, принимаетъ за него на себя отвѣтственность; но тайный голосъ какъ будто нашептывалъ мнѣ, что будущее мнѣ и моимъ мало сулитъ радости и что въ немъ бѣдствія и успѣхи, слава и униженіе равно ожидаютъ мое отечество. Я вспомнилъ, что изъ наградъ и милостей, кои бросалъ покойный безъ счету и безъ мѣры на извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему, по заслугамъ или безъ заслугъ, упали на меня два чина, а благодарность — ярмо, отъ котораго я никогда не умѣлъ и не хотѣлъ освобождаться, и я, признаюсь, вздохнулъ о Павлѣ. Сообщить моихъ мыслей, разумѣется, было никакъ невозможно: во мнѣ бы увидѣли сумасшедшаго или общаго врага.

На другой день, 16 числа, къ вечеру, наканунѣ Вербнаго Воскресенія, въ Охотномъ ряду, вокругъ Кремля и Китая, гдѣ продавали вербы, не доставало только качелей, чтобы увидѣть гулянье, которое бываетъ на Святой недѣлѣ: народъ веселился, а отъ каретъ, колясокъ и дрожекъ цѣлой Москвы заперлись сосѣднія улицы....

...Время, все истребляющее, все болѣе и болѣе покрываетъ забвеніемъ странности сего несчастнаго царствованія; послѣдніе памятники его—укрѣпленія Михайловскаго зȧмка и шутовской нарядъ Брызгалова *)—недавно исчезли. Стариковъ, которые были свидѣтелями происшествій и могли основательно судить объ нихъ, остается мало. Для насъ, тогда несовершеннолѣтнихъ, воспоминаніе о семъ времени тоже чтó о краткомъ, удушливомъ снѣ, о кошмарѣ, который мы забыли, коль скоро пересталъ онъ давить насъ. Новыя же поколѣнія, внимая разсказамъ, видятъ болѣе смѣшную, чѣмъ ужасную сторону сей эпохи, чрезъ которую прошло ихъ отечество....

*) Бывшій кастеланъ Михайловскаго зȧмка, чудакъ, болѣе тридцати лѣтъ не снимавшій костюмъ или придворную ливрею, которую носилъ при Павлѣ: малиновый мундиръ, шире и длиннѣе всякаго сертука, съ золотыми позументами, бахромою и кистями.

Итакъ, вдали отъ причинъ ненависти и любви, можно, кажется, безпристрастно судить теперь о человѣкѣ, который.... былъ нашъ Людовикъ XIV-й. Слово сего послѣдняго, которое нынѣ всѣхъ возмущаетъ—l'état c'est moi—принялъ онъ въ точномъ смыслѣ....

Подобно Людовику XI-му имѣлъ онъ своего любимца-брадобрѣя, своего Olivier le Daim; но если далеко стоитъ онъ отъ него въ жестокостяхъ, то еще гораздо далѣе въ искусствѣ правительственномъ. Какая цѣль была у Павла Перваго? Какія препятствія встрѣчалъ онъ? Внутри государства, гдѣ были могущественные враги, коихъ надлежало ему сокрушить для собственной безопасности? Благоустроенное, спокойное, сильное, великое государство получилъ онъ въ наслѣдство отъ той, коей обязанъ былъ жизнію; не терновый, а самый блестящій вѣнецъ оставила ему Екатерина. Что́ еслибы онъ жилъ во времена Людовика XI-го и былъ въ подобныхъ ему обстоятельствахъ!....

Въ наружной политикѣ тоже что́ и во внутреннемъ управленіи: никакой предусмотрительности, никакихъ видовъ, никакой осторожности; одни только царскія его личности. Онъ золъ на революцію и посылаетъ Суворова въ Италію, разсердился на Австрію и приказываетъ арміи воротиться, прогнѣвался на Англію и преждевременно грозитъ ей, а она, какъ увѣряютъ, безъ угрозъ его губитъ. Дѣйствуя безъ всякихъ правилъ, безъ всякаго плана, по однимъ внезапнымъ побужденіямъ.... знаменитому изгнаннику по праву рожденія, королю Французскому, которому далъ онъ убѣжище въ Митавѣ, безъ всякой политической причины велитъ безжалостно въ одни сутки оставить свои владѣнія; посѣтившаго его гостя, короля Шведскаго Густава IV-го, по одному капризу, высылаетъ изъ Петербурга. Онъ жилъ славою и силою Екатерины. Она ихъ стяжала; а онъ, какъ расточительный наслѣдникъ, скоро умѣлъ бы ихъ утратить....

...Состраданіе, признательность, а пуще всего всегдашняя наклонность не покоряться безусловно общему мнѣнію заставляли меня нѣкоторое время быть его защитникомъ. Въ четыре года съ половиною дѣтскаго возраста привыкъ я къ треволненіямъ его царствованія; всякій могъ почитать себя наканунѣ гибели или быстраго повышенія, а эта живость, это лихорадочное состояніе юношеству не совсѣмъ бываетъ противно. Но теперь, какъ начну припоминать безчисленныя, несносныя обиды, какъ общія, такъ и частныя, нанесенныя Россіи и Русскимъ, то трудно бываетъ мнѣ воздержаться отъ глубокаго негодованія.

Сіи поминки Павлу Первому суть послѣднія, которыя я себѣ позволю. Гораздо пріятнѣе мнѣ будетъ говорить о восторгахъ, коими привѣтствовали зарю, весну [illegible]нія.

Послѣ четырехъ лѣтъ, воскресаетъ Екатерина отъ гроба, въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена. Увидимъ послѣ, какъ сдержалъ онъ сіе обѣщаніе.

Но нѣтъ: даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ею управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Не знаю какъ описать то, чтó происходило тогда; всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе.

Приписать сіе должно отчасти хорошему выбору людей, коими всемогущій тогда графъ Паленъ окружилъ молодаго императора. Всѣ они были употребляемы и уважаемы его бабкою. Беклешовъ, Мордвиновъ, Трощинскій, благонамѣренные, умные и опытные люди заняли тогда важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Только три человѣка принесены въ жертву общему негодованію: Обольяниновъ, Кутайсовъ и Эртель. Они уволены отъ службы безъ всякихъ преслѣдованій; первые два никогда въ нее болѣе не вступали, послѣдній не одинъ разъ потомъ правительству пригождался.

Первое употребленіе, которое сдѣлали молодые люди изъ данной имъ воли, была перемѣна костюма: не прошло двухъ дней послѣ извѣстія о кончинѣ Павла, круглыя шляпы явились на улицахъ; дня черезъ четыре стали показываться фраки, панталоны и жилеты, хотя запрещеніе съ нихъ не было снято; впрочемъ, и въ Петербургѣ всѣ переродились въ нѣсколько дней. Къ концу Апрѣля кое-гдѣ еще встрѣчались старинные однобортные кафтаны и камзолы, и то на людяхъ самыхъ бѣдныхъ.

Въ военномъ нарядѣ сдѣланы перемѣны гораздо примѣчательнѣйшія: широкіе и длинные мундиры перешиты въ узкіе и черезъ мѣру короткіе, едва покрывающіе грудь; низкіе отложные воротники сдѣлались стоячими и до того возвысились, что голова казалась въ ящикѣ, и трудно было ее поворачивать. Перешли изъ одной крайности въ другую, и всѣ восхищались новою обмундировкой, которая теперь показалась бы весьма странною. Со временъ Петра Великаго зеленый цвѣтъ былъ національнымъ въ Русской арміи, но до Павла употреблялся одинъ только свѣтлый; преемникъ сохранилъ введенный имъ темнозеленый цвѣтъ.

Траура въ Москвѣ подъ разными предлогами почти никто не носилъ. Да и лучше сказать, въ траурномъ платьѣ я помню одну только вдову генералъ-лейтенантшу Акулину Борисовну Кемпенъ, одну изъ нашихъ Кіевскихъ знакомокъ, которая въ первомъ замужествѣ

была за Московскимъ купцомъ Дудышкинымъ и оттого чрезвычайно гордилась потомъ своимъ чиномъ. Не смотря на необъятную толщину свою, она все лѣто прѣла подъ черною байкой, для того чтобъ имѣть удовольствіе показывать шлейфъ чрезмѣрной длины.

Въ Апрѣлѣ все пришло въ движеніе. Не смотря на распутицу, на разлитіе рѣкъ, на время самое неблагопріятное для путешествій, всѣ дороги покрылись путешественниками: изгнанники спѣшили возвращаться изъ мѣстъ заточенія, отставные или выключенные потянулись толпами, чтобы проситься въ службу, весьма многіе поскакали за тѣмъ только въ Петербургъ, чтобы полюбоваться царемъ. Исключая дѣйствительно порочныхъ и виновныхъ, всѣ желавшіе вступить въ службу были безъ затрудненія въ нее принимаемы. Сотнямъ нажалованныхъ и потомъ выброшенныхъ генераловъ невозможно было дать мѣстъ по чину: имъ велѣно числиться по арміи съ жалованьемъ, въ ожиданіи назначенія; во всѣхъ полкахъ удвоился и утроился комплектъ штабъ-и оберъ-офицеровъ. Сначала средній братъ мой поступилъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ мѣсяца два спустя и старшій опредѣленъ въ провіантскій штатъ. Онъ было пытался проситься въ армію, хотя состояніе здоровья его не позволяло тогда думать ему о фронтѣ; но ему отказали, ибо число просящихся подъ конецъ такъ увеличилось, что не было возможности удовлетворять ихъ желаній. По молодости лѣтъ ему хотѣлось однакоже носить военный мундиръ, который тогда былъ присвоенъ провіантскому вѣдомству; итакъ, несмотря на худую славу его, рѣшился онъ въ него вступить.

Къ числу нашихъ семейныхъ происшествій въ семъ году принадлежитъ и маленькое приращеніе его: сестра моя Алексѣева въ Апрѣлѣ родила втораго и послѣдняго сына своего Николая.

Первые три мѣсяца послѣ кончины Павла графъ Паленъ.... хотѣлъ быть главою государства; старый, преступный временщикъ былъ однакоже обманутъ притворною скромностію молодаго царя и въ одинъ мигъ съ высоты могущества низринутъ въ ссылку. Сей первый примѣръ искусства и рѣшимости новаго государя, боготворимаго и угрожаемаго въ одно время и коего положеніе было не безъ затрудненій, могъ бы удивить и при Павлѣ, когда такія извѣстія почитались самыми обыкновенными. Но Москва и Россія утопали тогда въ веселіи; сіе важное происшествіе едва было замѣчено людьми еще хмѣльными отъ радости. Вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ сдѣлался тогда нашимъ единственнымъ начальникомъ въ Иностранной Коллегіи.

Мы почти не видали, какъ прошло лѣто. Нѣкоторую онаго часть провелъ я за городомъ, въ Марѳинѣ, деревнѣ графа Салтыкова. Отецъ

и дѣдъ его, Петръ Семеновичъ и Семенъ Андреевичъ, такъ же какъ и онъ долго начальствовавшіе въ старой столицѣ, всегда живали лѣтомъ въ семъ наслѣдственномъ помѣстьѣ, которое находится въ тридцати верстахъ отъ Москвы по Дмитровской дорогѣ*). Необширный, двухъэтажный каменный домъ, кудрявой архитектуры возрожденія, стоялъ тамъ тогда на высотѣ надъ широкимъ прудомъ съ островами. Два флигеля, одинаковой вышины и въ одну линію съ нимъ построенные, соединялись съ нимъ галереями и терасами, что́, растягивая фасадъ его, давало ему видъ довольно огромный. Съ одной стороны былъ длинный, регулярный садъ съ безконечными, прямыми, липовыми аллеями, а съ другой примыкала къ нему прекрасная, густая, молодая роща, идущая внизъ по скату горы, до самаго пруда или озера. Пріемнымъ комнатамъ нижняго этажа служило украшеніемъ многочисленное собраніе старинныхъ фамильныхъ портретовъ; бо́льшая же часть верхняго, подъ именемъ оружейной, обращена была въ хранилище не только воинскихъ доспѣховъ, принадлежавшихъ предкамъ, но и всякой домашней утвари, даже платья ихъ и посуды, серебряной и фарфоровой, вышедшей изъ употребленія.

---

*) Въ Россіи со временъ Петра Великаго такіе примѣры чрезвычайно рѣдки. Къ новизнамъ, къ нововведеніямъ, къ коимъ такъ жестоко приневоливалъ онъ насъ, мы до того привыкли, что гнушаемся всякою стариной. Боярскія вотчины дѣлятся, подраздѣляются, чрезъ женщинъ переходятъ въ другіе роды, очень часто проматываются и продаются въ постороннія руки съ семейными воспоминаніями, съ древними храмами и съ гробницами предковъ. Городскіе домы сбываются сыновьями вскорѣ послѣ кончины родителей, или перестраиваются заново, чтобы не оставить и слѣдовъ прежняго варварскаго вкуса, который иногда бываетъ лучше новѣйшаго; одежда отца и дѣда, дорогія вещи имъ принадлежавшія, все что̀ могло бы напомнить о ихъ существованіи, отдается за безцѣнокъ, какъ старье, какъ ветошь; даже изъ фамильныхъ документовъ тѣ, кои не даютъ правъ на какое-нибудь владѣніе, но кои могли бы быть драгоцѣнными памятниками для потомковъ, теряются и гибнутъ отъ небрежности людей равнодушныхъ, какъ къ семейной чести, такъ и къ отечественной славѣ. У насъ нѣтъ прошедшаго. Петръ Великій отсѣкъ его у насъ, и какъ будто нѣтъ и будущаго; лишь бы стало по нашъ вѣкъ, а тамъ хоть не цвѣти Россія. Чудное дѣло! Не Татары, а Западъ, гдѣ исторія, генеалогія и майораты, сдѣлалъ насъ почти кочевымъ народомъ. Не предчувствіе ли это недолговѣчія Россіи? Неужели она, убѣжище и упованіе всѣхъ друзей порядка и тишины, не что̀ иное какъ огромный метеоръ, который столь же быстро погрузится въ глубокій мракъ, сколь свѣтло и величаво онъ вышелъ изъ него? О, помилуй, Господи! Не принадлежитъ уже Марѳино роду Салтыковыхъ: графъ Владиміръ Орловъ купилъ его и отдалъ дочери своей, графинѣ Паниной, которая настроила тамъ виллы и коттеджи; теперь оно пошло переходить изъ роды въ роды. (Послѣднее не оправдалось. П. Б.).

Пріятности сего лѣтняго мѣстопребыванія умножались еще любезностію двухъ хозяекъ, самой графини Салтыковой и старшей дочери ея, Прасковьи Ивановны Мятлевой. Не знаю, откуда могли онѣ взять совершенство неподражаемаго своего тона, всю важность Русскихъ боярынь вмѣстѣ съ непринужденною учтивостію, съ точностію приличій, которыми отличались дюшесы прежнихъ временъ. Еслибъ онѣ были гораздо старѣе, то можно бы было подумать, что часть молодости своей провели онѣ въ палатахъ царя Алексѣя Михайловича, съ сестрами и дочерьми его, а другую при дворѣ Лудовика XIV. Ни развратно-грубая Россія отъ Петра до Екатерины, ни гнусно-развратная Франція отъ регентства до революціи, не могли показать имъ образцовъ достойныхъ ихъ подражанія. Изъ преданія обѣихъ земель составили онѣ себѣ благороднѣйшій характеръ аристократіи, смѣшавъ гостепріимство Русской старины съ образованностію временъ просвѣщеннѣйшихъ.

Великую страсть имѣла г-жа Мятлева являться на сценѣ въ домашнемъ театрѣ, разумѣется, во Французскихъ піесахъ. Бѣлосельскіе и Чернышовы, молодые путешественники, возвратившіеся съ клеймомъ Версали и Фернея, Кобенцели и Сегюры, чужестранные посланники, отличавшіеся любезностію, ввели представленія сіи въ употребленіе при дворѣ Екатерины. Избраннѣйшее общество участвовало въ сихъ просвѣщенныхъ забавахъ, и Эрмитажъ былъ однимъ изъ каналовъ, чрезъ кои нáчало вливаться къ намъ могущество Франціи. Сюрпризы имянинникамъ были тогда также новостію и принадлежностію одного высшаго общества. Большія затѣи приготовлялись тогда въ Мареинѣ къ 23 и 24-му Іюня, днямъ рожденія и имянинъ фельдмаршала.

Вѣроятно лицо мое выражало страсть къ театру, ибо намѣреніе завербовать меня въ число актеровъ заставило пригласить меня въ Мареино. Но какъ не только мнѣ самому никогда не случалось играть, я всего не болѣе семи или восьми разъ бывалъ въ театрѣ: то легко можно себѣ представить, какъ при первой попыткѣ исчезли надежды на удачное мое соучастіе въ предпринимаемомъ важномъ дѣлѣ. Мнѣ, однакоже, не показали ни малѣйшаго неудовольствія; это было-бы уже слишкомъ жестоко: напротивъ, первую робость, застѣнчивость мальчика, взброшеннаго въ едва знакомый ему кругъ, дня черезъ два привѣтствіями, вниманіемъ умѣли превратить въ смѣлое, свободное обхожденіе; и какъ мнѣ все нравилось, то, кажется, я и самъ полюбился. Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь потомъ я такъ живо, такъ искренно, такъ безвинно всѣмъ наслаждался, какъ тогда въ деревнѣ гр. Салтыкова. Начиналась только весна моей жизни, и это было въ первые мѣсяцы владычества Александра, когда въ воображеніи поддан-

ныхъ онъ былъ еще прекраснѣе чѣмъ въ существѣ, когда всѣ стремились ему уподобиться, когда исчезли ужасы, погасли зависть и вражда и, возлюбивъ другъ друга, въ единомысліи всѣ Русскіе мечтали только о добрѣ.... Въ первый разъ былъ я совершенно свободенъ, въ самое благопріятное время года, въ прекрасномъ помѣстьи, гдѣ жили непринужденно, и однѣ веселости смѣнялись другими. Можетъ быть (кто не безъ грѣха, даже и дѣти), любезность ко мнѣ семейства, которое уважалось въ Петербургѣ и коему поклонялась вся Москва, льстила моему самолюбію; можетъ быть, очарованіе маленькаго двора, къ коему начиналъ я принадлежать, сильно на меня подѣйствовало; но все вмѣстѣ исполнило меня чувствомъ такого благосостоянія, что оно выражалось у меня въ словахъ, во взглядахъ, во всѣхъ движеніяхъ. И потому-то, какъ было всѣмъ не улыбаться моей юности и моему счастію!

Графиня Салтыкова съ каждымъ днемъ становилась ко мнѣ милостивѣе. Поощряемый возрастающимъ ея снисхожденіемъ, я рѣшился разъ сказать ей со всею откровенностію, что въ Марѳинѣ я вижу убѣжище, которое равно спасаетъ меня какъ отъ весьма нетягостной власти сестры моей, такъ и отъ тяжкаго ига г. Бантыша-Каменскаго, и она обѣщалась у обоихъ испросить мнѣ дозволеніе еще на нѣкоторое время не разставаться съ моимъ эдемомъ *).

Общество наше было многочисленное. Всякій день пріѣзжали гости изъ Москвы; постоянными же жителями Марѳина были всѣ тѣ, кои должны были участвовать въ сюрпризахъ и представленіяхъ: музыканты, пѣвуны, дамы и дѣвицы, взявшія роли. Между сими послѣдними встрѣтилъ я прежнихъ своихъ знакомокъ, трехъ молоденькихъ княженъ Хованскихъ, дочерей бывшаго Кіевскаго вице-губернатора, который при Павлѣ былъ оберъ-прокуроромъ Синода, а потомъ отставленъ и сосланъ въ Симбирскъ, откуда только что воротился. Сильно забилось во мнѣ сердце при сей встрѣчѣ, и онѣ, кажется, не безъ удовольствія увидѣли товарища своего дѣтства; но взаимныя отношенія наши совсѣмъ уже перемѣнились. Въ меньшихъ я нашелъ еще простодушіе и невинность перваго возраста, но въ старшей, Наталіи, ничего уже не оставалось дѣтскаго. Въ шестнадцать лѣтъ, смѣлые ея взоры уже искали высокихъ жертвъ и, къ счастію, почти на мнѣ не

---

*) Въ это время князь Козловскій, толстый мой товарищъ по службѣ, прислалъ куплеты въ честь графа Салтыкова; на нихъ тотчасъ сдѣлали какую-ту музыку, а автора, какъ слѣдовало, пригласили на праздникъ. Каждый куплетъ оканчивался словами: „довольны мы своей судьбій, Марѳино намъ рай земной“. Онъ это написалъ, а я это чувствовалъ.

останавливались. Плѣнительный голосъ ея всѣхъ удивлялъ, и она готовилась восхищать имъ въ оперѣ Паэзіелло *La Servante Maîtresse.*

Сверхъ того, еще двѣ оперы: одна старинная Французская, *Два охотника*, и Русская *Мельникъ*, да двѣ прескучныя комедіи Маривò были представлены въ три дня, чтò продолжались Марѳинскія увеселенія. Исключая г-жи Мятлевой, которая игрой напоминала мадамъ Вальвиль, и княжны Хованской, которая пѣла и играла какъ записная артистка, всѣ прочіе мнѣ показались довольно плохи; особѐнно же мущины, съ своимъ Нижегородско-французскимъ выговоромъ, совсѣмъ не за свое дѣло взялись. Всего примѣчательнѣе была піеса, интермедія, прологъ или маленькій Русскій водевиль подъ названіемъ: *Только для Марѳина*, сочиненіе Карамзина. Содержаніе, сколько могу припомнить, довòльно обыкновенное: деревенская любовь, соперничество, злые люди, которые препятствуютъ союзу любовниковъ, и нетерпѣливо ожидаемый пріѣздъ изъ арміи добраго господина, графа Петра Семеновича, который ихъ соединяетъ; потомъ великая радость, пѣсни и куплеты оканчиваютъ піесу. Такъ какъ всѣ роли были коротенькія, то одну изъ нихъ, роль бурмистра, мнѣ поручили. Я надѣлъ Русскій кафтанъ, привязалъ себѣ бороду и старался говорить грубымъ голосомъ. Какъ нарочно пришлось спѣть мнѣ слѣдующій куплетъ:

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ старину.
Худо быть намъ ихъ рабами,
Воля портитъ лишь жену.
Дóма имъ не посидится,
Все бы, все бы по гостямъ.
Это право не годится,
Приберемте ихъ къ рукамъ.

Вахмистръ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое,
Не указъ намъ старина.
Воля дѣло золотое, и проч.

Другія представленія даны были въ небольшомъ деревянномъ театрѣ, построенномъ въ саду; но мы играли днемъ, на открытомъ воздухѣ. Въ двухъ верстахъ отъ господскаго дома, среди прекрасной рощи, названной Дарьиной, поляна, состоящая изъ двухъ противоположно-идущихъ отлогостей, образовала природный театръ; сцена заключалась въ правильномъ продолговатомъ полукружіи: тутъ первый разъ въ жизни, чуть ли не въ послѣдній, являлся я передъ публикой.

Самъ Карамзинъ пріѣхалъ наканунѣ представленія, училъ насъ и даже игралъ съ нами графа Петра Семеновича Салтыкова. Я обо-

млѣлъ, когда невзначай пришлось ему сказать мнѣ нѣсколько словъ: власти и заслуженныя почести всегда вселяли во мнѣ уваженіе, но этотъ благоговѣйный страхъ могли произвесть только добродѣтели и высокій талантъ. Встрѣтившись съ симъ необычайнымъ человѣкомъ, я бросаю на время Мареинскія забавы, чтобы предаться наслажденію говорить объ немъ.

Уже былъ онъ извѣстенъ, уже былъ онъ славенъ, уже зависть и клевета въ страшное царствованіе Павла возставали, чтобъ его погубить. Но Богъ Россіи хранилъ его; подъ Его щитомъ, съ кротостію улыбаясь самимъ врагамъ своимъ, шелъ онъ спокойно, смиренно, прекрасною, цвѣтущею стезею, ведущею его къ цѣли, которую, вѣроятно, тогда еще самъ онъ не предугадывалъ. До него не было у насъ инаго слога, кромѣ высокопарнаго или площаднаго; онъ изобрѣлъ новый, благородный и простой, и написалъ имъ путешествіе свое за границу и плѣнительныя повѣсти, кои своею новостію такъ пріятно изумили Россію. Можно сказать, что онъ же создалъ и разговорный у насъ языкъ и былъ основателемъ новой школы, долго поддерживавшей лучшія правила въ литературѣ. Казалось, чего бы болѣе для обыкновеннаго авторскаго самолюбія? Но онъ не зналъ его, а твореніями своими, какъ врожденнымъ добромъ, дѣлился съ читателями. Скоро почувствовалъ онъ еще другое, высшее призваніе; скоро лавры должны были заступить мѣсто розъ, блиставшихъ на молодомъ челѣ его. Не тщетно получилъ онъ отъ природы трудолюбіе и жажду къ познаніямъ, не даромъ даны ему были пламенное сердце, высокій умъ и чистыя уста; ими предназначено ему было вѣщать современникамъ и потомству о древней, почти забытой славѣ предковъ. Онъ долженъ былъ дать новую безконечную жизнь Васильку и Мономаху, Ляпунову и Скопину Шуйскому и грозно судить грознаго царя. Промыслу угодно было, какъ въ чистѣйшемъ сосудѣ, воспалить въ немъ жаръ просвѣщенной любви къ отечеству, угасавшій между высшими сословіями отъ безразсудной страсти къ иноземному,—не грубый, самохвальный патріотизмъ провинціаловъ и невѣждъ. Слѣдуя за духомъ вѣка, напрасно завистливые соперники хотятъ затмить его славу, стараются своими помоями залить священный огонь, имъ распространенный; отъ времени до времени онъ болѣе умножается и усиливается.

Такіе люди посылаются на землю, чтобы производить въ умахъ великіе и счастливые перевороты, и онъ былъ въ Москвѣ кумиромъ всѣхъ благородно-мыслящихъ юношей и всѣхъ женщинъ истинно-чувствительныхъ. Въ тогдашнее еще чинопочитательное время, было даже нѣсколько странно видѣть стариковъ-вельможъ, почти какъ съ равнымъ, въ обхожденіи съ тридцатилѣтнимъ отставнымъ поручикомъ. Мнѣ

не нужно описывать его наружность; портреты его чрезвычайно схожи; они очень вѣрно выражаютъ глубокія думы на его челѣ и добродушіе во взорахъ его; конечно, изображенія его сохраняются у всѣхъ просвѣщенныхъ Россіянъ.

Изъ тьмы Мареинскихъ посѣтителей выбираю я для описанія однихъ только литераторовъ. Тутъ былъ еще одинъ поэтъ, весьма извѣстный въ свое время, болѣе по странностямъ своимъ, чѣмъ по числу и изяществу произведеній. Пушкинъ (не племянникъ, а дядя) Василій Львовичъ почитался въ нѣкоторыхъ Московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя, образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, которая по малочисленности своей и отсутствію дисциплины могла считаться болѣе дворомъ чѣмъ войскомъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида. Онъ казался сначала не тѣмъ чѣмъ былъ дѣйствительно, а тѣмъ чѣмъ ему хотѣлось быть; за важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе; въ восьмнадцать лѣтъ на званыхъ вечерахъ читалъ онъ длинныя тирады изъ трагедій Расина и Вольтера, авторовъ мало извѣстныхъ въ Россіи, и такимъ образомъ знакомилъ ее съ ними; двадцати лѣтъ на домашнихъ театрахъ игралъ уже онъ Оросмана въ *Заирѣ* и писалъ Французскіе куплеты. Какъ мало тогда надобно было для пріобрѣтенія знаменитости! Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножалось еще женитьбой на красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ.

Самъ онъ былъ весьма не красивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна.

Какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева по гвардіи и какъ ровесникъ Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто равнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба дозволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, необиднаго сожалѣнія: не только на преступленія и пороки, даже на странности и слабости людей смотрѣлъ онъ съ грустію и, казалось, радъ бы былъ все человѣчество поднять до себя. Дмитріевъ вѣрно въ шутку посовѣтовалъ ему приняться за Русскіе стихи, а онъ и въ

правду сдѣлался весьма неплохимъ поэтомъ. Онъ писалъ и басни, и коротенькія посланія, и всякаго рода мелочи, и изъ всего этого, подъ конецъ его жизни, составился небольшой томъ, не богатый идеями, но изобильный пріятными звуками и плавными стихами. Главнымъ его недостаткомъ было удивительное его легковѣріе, проистекавшее, впрочемъ, отъ весьма похвальныхъ свойствъ, добросердечія и довѣрчивости къ людямъ; никакія безпрестанно повторяемыя мистификаціи не могли его отъ сей слабости излѣчить. Онъ былъ у насъ то, что̀ во Франціи Poinsinet de Sivry, также авторъ, который нѣсколько мѣсяцевъ жарился передъ каминомъ, чтобы пріучить себя къ обѣщанной ему должности королевскаго экрана.

Въ это время завязывались у насъ первыя сношенія съ Французскою республикой. Еще до кончины Павла отправлены были въ Парижъ сначала графъ Спренгпортенъ, для размѣна плѣнныхъ, а потомъ Колычевъ, для переговоровъ. Въ Маѣ прибылъ въ Петербургъ отъ перваго консула Бонапарте молодой другъ его Дюрокъ, дипломатическимъ агентомъ и картинкой моднаго журнала. Василій Львовичъ мало заботился о политикѣ, но послѣ стиховъ мода была важнѣйшимъ для него дѣломъ. Отъ ея поклоненія близъ четырехъ лѣтъ были мы удерживаемы полицейскими мѣрами; прихотливое божество вновь показалось въ Петербургѣ, и онъ устремился туда, дабы, принявъ ея новые законы, первому привезти ихъ въ Москву. Онъ оставался тамъ столько времени, сколько нужно ему было, чтобы съ ногъ до головы перерядиться. Едва успѣлъ онъ воротиться, какъ явился въ Мареинѣ и всѣхъ изумилъ толстымъ и длиннымъ жабо, короткимъ фрачкомъ и головою въ мелкихъ, курчавыхъ завиткахъ, какъ баранья шерсть, что̀ называлось тогда à la Дюрокъ. Мы скоро съ нимъ познакомились. Въ глазахъ моихъ былъ онъ человѣкъ пожилой, хотя и модникъ; вдругъ сближается онъ съ мальчишкой, беретъ его за руку, потомъ подъ руку, гуляетъ съ нимъ, разсказываетъ ему разнаго рода неблагопристойности про любовные свои успѣхи, однимъ словомъ, братается со мной. Мнѣ это чрезвычайно полюбилось: тогда почитали чинъ чина и годъ года; вдругъ я повысился десятью годами, увидѣлъ въ немъ товарища, почти ровесника, а потомъ началъ смотрѣть на него какъ на шалунишку, и еслибы знакомство наше на нѣкоторое время тогда не прервалось, то скоро сталъ бы унимать его и журить.

Шумная осень должна была смѣнить веселое, урожайное, благословенное лѣто, въ продолженіи коего, казалось, и въ сердцахъ была одна радость. Съ первыхъ чиселъ Августа начали черезъ день, одинъ послѣ другаго, вступать батальоны гвардейскихъ полковъ, коихъ противъ нынѣшняго не было тогда и третьей доли. Всѣ царедворцы и

всѣ помѣщики Московской губерніи, жители Петербурга и дворяне изъ отдаленныхъ провинцій, въ Августѣ же стали съѣзжаться на коронацію. Никогда еще такого стеченія не было; трудно было пріѣзжему сыскать себѣ уголокъ въ обширной Москвѣ, и съ 1-го Сентября она совершенно закипѣла многолюдствомъ и веселіемъ. Общая радость умножалась еще тысячью частныхъ, маленькихъ благополучій: друзья, укрывшіеся въ тишинѣ деревни, не чаявшіе когда-либо увидѣться, встрѣчались тутъ послѣ долгой разлуки; просто знакомые обнимались съ восторгомъ, разсказывая о горестяхъ, перенесенныхъ ими или въ крѣпости или въ Сибири; а сколько семейныхъ свиданій! О своихъ чувствахъ я говорить не буду: мои родители пріѣхали также изъ Кіева съ старшею сестрой и у насъ остановились. Едва ли не въ первый разъ отецъ такъ крѣпко прижалъ меня къ груди, а мать дня два почти не спускала съ меня глазъ.

Толпы народа бросились 5 Сентября за заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу; туда послѣ обѣда прибылъ государь съ молодою супругой. Удовлетворенное любопытство простаго народа, шумныя его восклицанія часто бываютъ похожи на восторгъ; лишь бы ему не мѣшали, онъ ура прокричать готовъ и тирану. Тутъ, говорятъ, было иначе: при видѣ вѣнценосной, юной, красивой четы, всѣ онѣмѣли отъ радости и удивленія; одни лишь взоры высказывали благоговѣйную любовь. Я помню, что къ зятю моему пріѣхалъ въ этотъ день другой полицеймейстеръ Ивашкинъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Петровское, для сохраненія порядка. Они собирались какъ на пиръ: не было и тѣни того страха, той суетливости, съ которою ожидаютъ прибытія даже обыкновеннаго начальника.

На другой день, возвращаясь пѣшкомъ изъ архива и выходя на Тверскую улицу, увидѣлъ я группы людей, разговаривающихъ между собою съ живостію; прислушавшись къ ихъ разсказамъ, я узналъ слѣдующее. Государю вздумалось прогуляться, одному, верхомъ по Московскимъ улицамъ; его узнали, къ нему кинулись, его окружили, его, такъ сказать, стиснули, но не заслоняя ему пути и не замедляя его. Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ младенца своего. Ни крику, ни шуму; но сквозь легкій шепотъ услышалъ онъ вокругъ себя и «батюшка», и «родимый», и «красное наше солнышко», и все чтò въ простонародномъ нашемъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда, все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностію. Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ смотрѣли нѣкогда на королей въ почтитель-

номъ молчаніи; на одной только Руси цари бываютъ иногда такъ смѣло и явно обожаемы. Какое доказательство, что въ нравахъ сей части свѣта совершенная разница съ двумя другими!

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ отъ Тверской заставы до Кремля и оттуда до дворца въ Нѣмецкой Слободѣ устроены были передъ всѣми домами подмостки, въ три и болѣе ярусовъ, чтобы смотрѣть на торжественный въѣздъ императора, который назначенъ былъ 8 Сентября. Съ подмостковъ передъ нашею квартирой глядѣлъ я на сіе шествіе. Ни одного облачка не было на небѣ; этотъ день былъ почти жаркій, также какъ и предшествовавшіе ему и послѣдующіе. На позлащенныя кареты, на великолѣпные цуги, на шитьемъ и галунами покрытые мундиры и ливреи, на весь блескъ сей обыкновенной, хотя къ счастію рѣдко возобновляемой, церемоніи, смотрѣли почти разсѣянно. Всѣ нетерпѣливо ожидали одного человѣка, всѣ взоры въ него вперились, когда онъ появился, и далеко за нимъ слѣдовали. О какъ онъ былъ чудесенъ! Въ сорокъ лѣтъ знали мы его еще молодцомъ и красавцемъ; чтó же былъ онъ въ двадцать три? Онъ почти все время ѣхалъ съ обнаженною (еще не отъ волосъ) головою: ибо у каждой церкви, коихъ въ Москвѣ такъ много, встрѣчаемъ былъ съ хоругвями и иконами и долженъ былъ останавливаться и молиться. Никто такъ прекрасно и вѣрно не выразилъ того чтó мы тогда видѣли и чувствовали, какъ Жуковскій въ извѣстномъ своемъ къ нему посланіи:

Свѣтъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!

Черезъ два дня потомъ было послѣ обѣда гулянье въ Слободскомъ дворцовомъ саду. Вечеръ былъ лѣтній, теплый; тѣснота и давка чрезвычайныя, такъ что инымъ по неволѣ приходилось коснуться самого императора, и многіе, какъ говорили, насладились симъ осязаніемъ.

Только наканунѣ дня коронаціи, 14 числа, погода къ вечеру нѣсколько измѣнилась. Мнѣ этотъ день чрезвычайно памятенъ. Подлѣ Ивановской колокольни, противъ дворца и соборовъ, сдѣланы были мѣста, куда по билетамъ пускались по большей части однѣ только дамы; по чрезвычайной молодости моей, по тѣснотѣ и темнотѣ можно было принять меня за женщину, и я получилъ дамскій билетъ. Въ три или четыре часа по полуночи отправились мы въ каретѣ съ матерью и двумя сестрами; отецъ же мой по чину своему имѣлъ мѣсто въ соборѣ. Странная была эта ночь; сырая мгла лежала на небѣ и на землѣ; стукъ каретъ останавливался у въѣзда въ Кремль, а онъ наполнялся войскомъ и разнаго званія людьми, и не смотря на то, цар-

ствовали въ немъ глубокій мракъ и совершенная тишина. Мало по малу начали увеличиваться глухой гулъ и невнятный говоръ. Когда стало свѣтать, туманъ разсѣялся; но солнце еще не показывалось. Мы могли видѣть только то, что̀ происходило внѣ храма. Когда императоръ изъ дверей его выступилъ въ коронѣ, то солнечный блескъ внезапно освѣтилъ ее и всю величественную процессію, которая довольно близко мимо насъ потянулась. Въ тоже мгновеніе громогласное ура, громъ пушекъ и звонъ въ тысячи колоколовъ раздались въ воздухѣ; все было ослѣпительно и оглушительно въ эти четверть часа, все было радостно, трогательно и восхитительно.

Солнце скрылось опять вмѣстѣ съ государемъ, когда онъ вошелъ во внутренность дворца, облака сгустились, и къ вечеру сталъ накрапывать дождикъ; но при пасмурномъ небѣ, на утомленныхъ лицахъ, въ усталыхъ взорахъ, не переставало блистать веселіе. Влага, наполнявшая воздухъ, отражала чудесно великолѣпную иллюминацію, которая ночью зажглась изъ края въ край Москвы, и восторгъ при видѣ сего безконечнаго зарева могъ только равняться ужасу, съ коимъ, одиннадцать лѣтъ спустя, бѣгущіе жители смотрѣли на ея пожаръ.

Никто не обидѣлся, никто не удивился бережливости царя при раздачѣ милостей въ сей памятный день. Всѣ были напуганы столько же жестокостію, какъ и расточительностію его родителя*). И дѣйствительно, искусство награждать есть великое искусство. Все, что̀ бросается, сыплется безъ осмотрительности, безъ разсчету, теряетъ цѣну, унижается въ глазахъ получающихъ, а еще болѣе въ глазахъ получившихъ; итакъ, нѣкоторымъ образомъ, то что̀ дается однимъ отнимается у другихъ. Средства къ удовлетворенію честолюбія уменьшаются по мѣрѣ какъ возрастаетъ его алчность. Раждается зависть, желаніе такихъ наградъ, коихъ полученіе перестаетъ уже быть лестнымъ. Въ день коронаціи розданы были двѣ Андреевскія ленты и пять или шесть Александровскихъ, менѣе чѣмъ нынѣ иногда въ обыкновенный праздникъ. Зять мой ожидалъ креста, а получилъ перстень

*) За нѣсколько мѣсяцовъ до смерти, императоръ Павелъ, замѣтивъ, что число нажалованныхъ имъ служащихъ генераловъ превосходитъ всякую мѣру, вздумалъ въ одинъ день отставить безъ просьбы шесть неимущихъ гарнизонныхъ генералъ-лейтенантовъ и тридцать таковыхъ же генералъ-маіоровъ, всѣхъ съ чиномъ и мундиромъ, но безъ пенсіи, не оставивъ ни одному изъ нихъ рубля на пропитаніе. Со временъ Петра Великаго до званія полнаго генерала достигали однѣ только военныя знаменитости и, по достиженіи сего высокаго сана, получали обширныя средства къ поддержанію его; одному Павлу дано было творить, безъ всякихъ заслугъ, никому неизвѣстныхъ, нищихъ генералъ-аншефовъ. Всего царствованія Александра едва достаточно было, чтобы привести въ нѣкоторое равновѣсіе состоянія, чины, мѣста и ордена. Послѣ него, кажется, опять это нѣсколько поразстроилось.

съ вензелемъ и остался предоволенъ. Страсть къ формамъ и униформамъ, кажется, въ это царствованіе еще болѣе увеличилась. Одинъ смѣлый и весьма чиновный человѣкъ, отставленный при Павлѣ безъ мундира, получилъ при Александрѣ, какъ милость, дозволеніе носить его, но принялъ оное не иначе, какъ съ условіемъ въ обыкновенные дни пользоваться правомъ надѣвать такъ-называемое партикулярное платье, чего дотолѣ никакъ допускаемо не было. Изъявленное на то согласіе необходимо было распространить и на другихъ военныхъ, съ мундиромъ отставленныхъ, и доставило имъ возможность покойно одѣваться.

Смѣльчакъ этотъ былъ никто иной, какъ князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, у котораго годъ я прожилъ въ деревнѣ. Онъ вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ провинцій. Съ семействомъ своимъ и женою, прибывшею изъ Казацкаго, встрѣтился онъ въ Москвѣ передъ коронаціей. Всѣ старшіе сыновья его были приняты опять въ службу, и домъ его (у Арбатскихъ воротъ) сдѣлался въ это время однимъ изъ самыхъ пріятнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ для меня.

Сколько старыхъ знакомыхъ встрѣтили мои родители! Изъ знатныхъ или случайныхъ людей три человѣка особенно благоволили къ отцу моему. Одинъ изъ нихъ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, изъ почтенія къ памяти своего отца; другой, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, по давнишнему знакомству и сосѣдству въ Пензенской губерніи; оба они были отличаемы и любимы вдовствующею императрицей. О пріязни генералъ-прокурора Беклешова я не одинъ разъ имѣлъ уже случай упоминать.

Новые любимцы, по большей части молодые, смотрѣли на нихъ какъ на людей прошедшаго времени, съ обвѣтшалыми идеями, и готовились скоро затмить ихъ и устранить отъ дѣлъ; но первый годъ сохраняли они еще нѣкоторую силу и вѣсъ.

Желая по возможности возстановить созданное Екатериной, Беклешовъ предложилъ открыть вновь нѣсколько губерній, упраздненныхъ при Павлѣ, и между прочимъ Пензенскую. Нужны были губернаторы; охотниковъ явилось много. Графъ Румянцовъ сказалъ о томъ отцу моему, спросивъ, не пожелаетъ ли онъ еще нѣсколько лѣтъ жизни посвятить царской службѣ? Онъ отклонилъ было сіе предложеніе; но, услышавъ, что Пенза дѣлается опять губернскимъ городомъ (любезная сердцу его Пенза, гдѣ провелъ онъ молодость, гдѣ два раза былъ счастливымъ супругомъ, гдѣ прахъ дѣтей и первой жены его, гдѣ все его имущество) къ несчастію, не могъ устоять противъ желанія въ ней начальствовать. Беклешовъ не хотѣлъ сначала тому вѣрить, по-

лагая, что должность гражданскаго губернатора (хотя и почиталась тогда важнѣе чѣмъ нынѣ) не могла отцу моему казаться лестною, когда всѣ сверстники его давно уже занимали мѣста генералъ-губернаторовъ, убѣдившись, однакоже, въ противномъ, съ своей стороны способствовалъ его назначенію. Сіе случилось передъ самымъ отбытіемъ двора изъ Москвы, около половины Октября. Отцу моему не оставили даже военнаго чина, а переименовали въ тайные совѣтники.

Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія императорской фамиліи, цѣпь празднествъ и увеселеній въ Москвѣ почти не прерывалась. Бояре, то-есть богатые, чиновные и знатные люди, живущіе въ Петербургѣ, придерживались еще тогда обыкновенія имѣть и въ старой столицѣ огромные городскіе и славные загородные дома; имъ удобно было и въ ней угощать царя. Но никто не превзошелъ въ великолѣпіи богатѣйшаго изъ нихъ, графа Шереметева. Отъ заставы, называемой у Креста, до селенія его Останкина на три версты путь ярко былъ освѣщенъ. Роскошное убранство дома, въ прежнемъ видѣ и доселѣ сохранившееся, теперь никого не удивляетъ, а тогда казалось волшебствомъ. Мои родители получали приглашенія отовсюду; но мнѣ случилось быть только на одномъ изъ такихъ праздниковъ, у начальника моего, вице-канцлера князя Куракина.

Сему вельможѣ былъ я передъ тѣмъ представленъ, и особенно-ласковый пріемъ его останется мнѣ навсегда памятнымъ. Это одно изъ тѣхъ лицъ, мимо коихъ въ воспоминаніяхъ, не останавливаясь, никакъ пройдти невозможно: его достохвальныя свойства и извинительныя слабости равно заслуживаютъ быть извѣстными читателямъ. Князь Александръ Борисовичъ, правнукъ того князя Бориса Ивановича, свояка Петра Великаго, который при немъ былъ первымъ посланникомъ въ Парижѣ, выполнилъ въ ихъ семействѣ наслѣдственную съ тѣхъ поръ обязанность образовать свою молодость въ сей такъ-называемой столицѣ просвѣщенія; но до того, какъ внукъ сестры графа Никиты Ивановича Панина, главнаго наставника Павла Перваго, вмѣстѣ съ нимъ воспитывался. Чистосердечная, безкорыстная, безпредѣльная его преданность къ наслѣднику престола была весьма непріятна не столько императрицѣ Екатеринѣ, сколько окружающимъ ее. Онъ долго былъ какъ бы въ опалѣ и, въ званіи отставнаго камергера, жилъ въ богатомъ помѣстьѣ своемъ Надеждинѣ, въ Саратовской и на самой границѣ Пензенской губерніи. Тутъ онъ познакомился съ отцомъ моимъ, посѣщалъ его и по нѣскольку дней иногда живалъ у насъ въ деревнѣ.

Въ великолѣпномъ уединеніи своемъ ... онъ себѣ, на подобіе посѣщенныхъ имъ дворовъ (не зна... ...или Веймарскаго, но вѣрно уже не Кобургска... ...жее на

дворъ. Совершенно бѣдные дворяне за большую плату принимали у него должности главныхъ дворецкихъ, управителей, даже шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; потомъ секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекарь и множество любезниковъ безъ должностей составляли свиту его и оживляли его пустыню. Всякій день, даже въ будни, за столомъ гремѣла у него музыка, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были большіе выходы; раздѣленіе времени, дѣла̀, какъ и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображенія великаго князя Павла Петровича находились у него во всѣхъ комнатахъ; въ саду и рощѣ, тамъ-сямъ встрѣчались не весьма изящные памятники знаменитымъ друзьямъ и родственникамъ.... Онъ наслаждался и мучился воспоминаніями Тріанона и Маріи Антоанеты, посвятилъ ей деревянный храмъ и назвалъ ея именемъ длинную, ведущую къ нему аллею. Въ глуши, изобиліе и пышность, сквозь кои являлись такія державныя затѣи, отнимали у нихъ смѣшную ихъ сторону. Чтó сдѣлалось теперь съ памятниками и храмами? Чтó сдѣлалось теперь съ самимъ Надеждинымъ? О горе!.... *)

Съ молоду князь Куракинъ былъ очень красивъ и получилъ отъ природы крѣпкое, даже атлетическое сложеніе. Но роскошь, которую онъ такъ любилъ и среди коей всегда жилъ, и сладострастіе, къ коему имѣлъ всегдашнюю наклонность, размягчили тѣлесную и душевную его энергію, и эпикуреизмъ былъ виденъ во всѣхъ его движеніяхъ. Когда онъ началъ служебное свое поприще и долго въ продолженіи онаго, честолюбіе въ Россіи умѣрялось удовольствіями наружнаго тщеславія; никто болѣе князя Куракина не увлекался ими, никто болѣе его не любилъ наряжаться. Легкомысленно и раболѣпно онъ не хотѣлъ, однакоже, подчиняться модѣ: онъ хотѣлъ казаться не модникомъ, а великимъ господиномъ и всегда въ бархатѣ или парчѣ, всегда съ алмазными пряжками и пуговицами, перстнями и табатерками. Лучезарное тихонравіе его долго плѣняло и уважалось; но въ новое царствованіе, съ новыми идеями, кои постараюсь объяснить я далѣе, оно дало поводъ сравнивать его съ павлиномъ.

При вступленіи на престолъ Павелъ Первый пожаловалъ его вице-канцлеромъ, осыпалъ богатствами, обвѣшалъ орденами. Года черезъ два онъ отставилъ его отъ службы, сослалъ въ Надеждино; потомъ позволилъ ему жить въ Москвѣ, и незадолго до смерти своей вновь сдѣлалъ его вице-канцлеромъ. Осторожная, довольно плавная, хотя съ нѣкоторыми разстановками, рѣчь его заставляла въ немъ видѣть дипломата; а между тѣмъ, надобно сказать правду, безчисленныя фразы, затвер-

---

*) Оно досталось родному его племяннику, князю Борису Алексѣевичу Куракину.

женныя имъ нѣкогда во Франціи, гдѣ на нихъ такое изобиліе, и отчасти переведенныя имъ даже по-русски, составляли всю политическую его мудрость. За то, какою искусною представительностію, какимъ благородствомъ, какимъ постоянствомъ и нѣжностію въ дружбѣ, замѣнялъ онъ всѣ недостатки свои!

Мнѣ предстояла завидная участь служить при немъ, и онъ самъ вызвался опредѣлить меня въ свою канцелярію; обстоятельства того не позволили. Съ первыхъ чиселъ Октября напала на меня странная и ужасная болѣзнь: я всегда былъ на ногахъ, могъ даже выѣзжать, но вдругъ началъ худѣть, сонъ и аппетитъ меня совершенно покинули, неизъяснимая тоска мною овладѣла; въ одно время чувствовалъ я ознобъ и жаръ, я весь горѣлъ, а спина и ноги были какъ ледъ; память, которой иногда я самъ дивился, внезапно притупѣла; я сохнулъ, я таялъ, и врачи объявили, что въ одну минуту могу угаснуть. Все это было слѣдствіе невоздержности еще не юношеской, а ребячей. О Французы, о шевалье де-Роленъ, какъ мнѣ не проклинать васъ!

Не было возможности и подумать въ такомъ состояніи отправить меня въ Петербургъ. Сестра моя, Алексѣева, скрыла отъ родителей причину и опасность моей болѣзни и уговорила ихъ, выпросивъ мнѣ отпускъ, взять меня съ собою. Они обратились прямо къ князю Куракину, который, щедрый на все, приказалъ Бантышу-Каменскому отпустить меня на шесть мѣсяцевъ. Когда къ сему послѣднему, полумертвый, пріѣхалъ я за паспортомъ, то, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что дѣло безъ него сдѣлалось, а можетъ-быть и по врожденной и привычной вмѣстѣ грубости, сказалъ онъ мнѣ: «Что̀, зачѣмъ ѣдешь? Что̀ будешь дѣлать? Голубей гонять!» Я ничего не умѣлъ ему отвѣчать. Жестокій! Съ этой минуты, право, кажется, я сталъ его ненавидѣть.

Отцу моему должно было спѣшить, чтобы все приготовить къ открытію новой губерніи; для него былъ бы я только настоящее бремя. Итакъ мнѣ оставались нѣжныя попеченія моей безцѣнной матери, которая собиралась обратно въ Кіевъ. Тамъ были у родителей моихъ обширный, новопостроенный домъ и хорошенькій хуторъ за городомъ; тамъ была большая дворня, экипажи, лошади, многочисленные пожитки, все, что̀ копилось и заводилось въ теченіи тринадцати лѣтъ; тамъ были и долги. Одно надобно было заплатить, другое продать и движимость поднять съ мѣста: много заботъ и горя ей предстояло. Въ сумерки 27 Октября, посадили или, лучше сказать, положили меня въ четвероместную карету и, при холодномъ дождѣ, [illegible] ѣгомъ, выѣхали мы печально изъ Москвы.

XVIII.

Насъ было въ каретѣ четверо: мы съ матерью и старшею сестрой Елисаветой, да дѣвица Турчанинова, которую, въ замѣнъ услуги, оказанной ея матерью, отвозили мы въ Кіевъ къ родителямъ. Это была та самая ученая и засаленная Анна Александровна, о которой уже имѣлъ я случай говорить, магнитизерка, цѣломудренная естество-испытательница. За нами слѣдовали двѣ или три кибитки, загроможденныя горничными и тюфяками: тогда еще въ Россіи странствовали по-авраамовски, съ рабынями, рабами и навьюченными верблюдами.

Я сидѣлъ рядомъ съ матерью, а сестра и Турчанинова насупротивъ тѣснились въ углу, чтобы дать мѣсто ногамъ моимъ. Какъ мучительно для всѣхъ насъ было начало этой дороги! Особенно же положеніе бѣдной сестры моей было ужасное. При отъѣздѣ вручили ей медики для меня лѣкарство, объявивъ ей одной, что если до назначеннаго имъ времени оно не подѣйствуетъ, то смерть моя неизбѣжна. Нѣтъ, этой заботливости, которая, по разстройству нервъ моихъ, меня иногда даже сердила, я въ вѣкъ не забуду. Лицо ея отражало безпрестанно выраженіе моего: когда что-то похожее на улыбку показывалось на немъ, она какъ будто на минуту отдыхала отъ страданій. Болѣе двухъ сутокъ продолжалось для нея сіе жестокое волненіе; мы пріѣхали въ Тулу, когда, по мнѣнію ея, наступила рѣшительная минута, и мать моя не могла понять причины неотступныхъ ея моленій, чтобы тамъ остановиться. Переломъ совершился, молодость свое взяла, и сестра ожила вмѣстѣ со мною.

Чѣмъ далѣе подвигались мы на Югъ, тѣмъ воздухъ становился чище и теплѣе. Запасъ жизненныхъ силъ въ тогдашнія мои лѣта бываетъ столь изобиленъ, что возвращеніе ихъ, безъ преувеличенія, можно уподобить быстротѣ потока. Еще нѣсколько дней, и уже я въ состояніи былъ ощутить радость, вступая въ Малороссію и предчувствуя Кіевъ.

Когда мы къ нему подъѣхали, горы его зеленѣлись новою травой, и золотые его куполы горѣли отъ лучей еще яркаго, но уже не знойнаго солнца. Отъ одного взгляда на святый городъ какъ бы чудесно довершилось мое исцѣленіе. Это было въ самый Михайловъ день. Прежде всего остановились мы у Печерской лавры, чтобъ отслужить благодарственный молебенъ за благополучное окончаніе путешествія, начатаго въ столь мрачномъ расположеніи.

Почти два года не былъ я въ Кіевѣ: въ это время сколько перемѣнъ со мною и съ нимъ! Старики и старушки, которыя потихоньку доживали въ немъ вѣкъ, питаясь скуднымъ казеннымъ содержаніемъ,

лишившись его при Павлѣ, скоро переселились на тотъ свѣтъ и оставили нищія семейства. Онъ дождилъ на моря, на вельможъ своихъ, а бѣдныя нивы гибли неорошенныя ни каплей его щедротъ. Помѣщики Малороссійскіе, изъ коихъ одни служили, другіе пріѣзжали пожить въ Кіевѣ, удалились изъ него почти до единаго. Преобладаніе Польши съ каждымъ годомъ увеличивалось; но и сами Поляки, служившіе по выборамъ, жили въ немъ съ семействами своими только два мѣсяца въ году, во время контрактовъ, а остальное время навѣщали ихъ иногда въ деревняхъ. Два полка, стоявшіе въ немъ на квартирахъ, нѣсколько оживляли пустынный видъ его.

Представительницей прежняго, согласнаго, благополучнаго Кіевскаго общества оставалась одна почтенная, умная, добрая и даже еще красивая старушка, о которой не понимаю какъ я забылъ прежде говорить. Впрочемъ, весьма кстати она мнѣ здѣсь пригодилась. Іульяна Константиновна Веселицкая, по первому мужу Бѣлуха-Кохановская, имѣла рѣшительно пристрастіе къ Кіеву; не только власть Поляковъ, нашествіе Татаръ не могло бы заставить ее изъ него выѣхать, тѣмъ болѣе что она долго жила съ ними: второй мужъ ея былъ послѣднимъ Русскимъ посланникомъ при предпослѣднемъ ханѣ Крымскомъ; но онъ дани ему не платилъ, а по состоянію вдовы его, по драгоцѣннымъ вещамъ, коими она владѣла, замѣтно было, что дани онъ самъ отъ него принималъ.

Отъ обоихъ браковъ госпожа Веселицкая имѣла по нѣскольку сыновей и по нѣскольку дочерей; одни были давно женаты, другія за мужемъ. Посреди нѣжно-подобострастнаго, многочисленнаго потомства, коимъ она кротко повелѣвала, казалась она въ домѣ своемъ какою-то царицей. Въ это время выдавала она замужъ одну изъ своихъ внучекъ, и въ день свадьбы нарумянилась, принарядилась, право, хоть бы самой къ вѣнцу. Когда я къ ней явился, по старой привычкѣ, погладила она меня по головѣ, взяла за подбородокъ и поцѣловала въ уста, называя своимъ «гарнымъ хлопцемъ». Вообще постоянное ея веселонравіе, приличная ея лѣтамъ шутливость и Украинскій ея языкъ дѣлали ее для всѣхъ пріятно-оригинальною.

Домъ госпожи Веселицкой былъ столь же веселый, какъ названіе ея и она сама. Хлѣбосольство въ старину имѣло свою худую сторону: неучтиво было не потчивать, неучтиво было не ѣсть, а кушанье было прескверное. У Іульяны Константиновны была другая крайность; подчиваніе шло своимъ порядкомъ, но и безъ него можно было объѣсться: все было свѣжее, хорошее, хотя и не весьма затѣйливое. Въ изящныхъ художествахъ, какъ и въ поваренномъ дѣлѣ, конечно, вкусъ долженъ образоваться; но иногда бываетъ онъ и врожденный, какъ у мо-

ей милой старушки. Ея совѣтамъ и приказаніямъ повара ея были обязаны своимъ искусствомъ; она заимствовала у Москалей блины, ватрушки и кулебяки, усвоила ихъ себѣ, усовершенствовала ихъ приготовленіе и умѣла сочетать ихъ съ Малороссійскими блюдами, варениками и галушками. За ея столомъ сливались обычаи и нравы обѣихъ Россій, Восточной и Западной, Великой и Малой. Въ дѣтствѣ меня рѣдко брали къ ней; теперь никто не осмѣливался препятствовать ей меня кормить, а апетитъ у меня былъ преужасный.

Нельзя себѣ представить, какъ эта женщина была любима и уважаема своими знакомыми. Родственники ея зятей и невѣстокъ и ея собственные, Иваненки, Гудимы, Масюковы и другіе, да и просто знакомые, безпрестанно пріѣзжали изъ-за Днѣпра, единственно за тѣмъ, чтобы съ нею видѣться; одни останавливались у нея, другіе нанимали квартирки; они никуда не выѣзжали: въ ея домѣ видѣли весь Кіевъ и, пробывъ нѣкоторое время, возвращались къ себѣ. Ни одного Поляка нельзя было у нея встрѣтить, за то Русскіе бывали всякій кто хотѣлъ.

А хотѣли того многіе; ибо не было тогда ни одного Русскаго дома, куда бы ежедневно за-просто можно было ѣздить. Гражданскій губернаторъ, г. Коробьинъ, старый артилеристъ, хорошій дворянинъ, добрый и честный человѣкъ и не безъ состоянія, любилъ приглашать иногда къ себѣ земляковъ на обѣдъ или на вечеръ, но большую часть времени проводилъ въ уединеніи. Вице-губернаторъ Четвериковъ и другіе Русскіе чиновники жили всѣ про себя; а въ Кіевѣ, казенномъ городѣ, какъ я сказалъ и прежде, общество только и поддерживается что служащими людьми.

Поляки же, какъ видѣли выше, даже семейные, жили на холостую ногу. Одинъ только изъ нихъ, весьма почтенный человѣкъ, богатый вдовецъ, губернскій маршалъ, тайный совѣтникъ Козловскій, имѣлъ, что̀ называлось, открытый домъ. Когда судьба отечества его рѣшилась, не прежде, чистосердечно сдѣлался онъ преданъ Россіи и двухъ сыновей своихъ опредѣлилъ въ гвардію *). Онъ, безъ различія, принималъ Поляковъ и Русскихъ, и какъ съ тѣми, такъ и съ другими, обходился вѣжливо и ласково.

Всего охотнѣе собирались Поляки не у соотечественника своего, а у Англичанина, который тогда былъ военнымъ или генералъ-губернаторомъ Кіевскимъ. Вслѣдствіе какой-то несчастной исторіи, господинъ Феньшъ или Феньша (Fenshaw) долженъ былъ навсегда оставить свое отечество; онъ пріѣхалъ въ Россію и вступилъ въ военную служ-

*) Одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи командовалъ Преображенскимъ полкомъ.

бу. Ни въ особѣ, ни въ заслугахъ его не было ничего блистательнаго; онъ всегда служилъ въ арміи, полегоньку подвигался въ чинахъ и кое-какъ перебивался, чтобы содержать жену и семейство. Когда его произвели въ полковники, то дали ему Елецкій пѣхотный полкъ и Московскій, вмѣстѣ съ генеральскимъ чиномъ. При Павлѣ, оставаясь не болѣе какъ шефомъ этого полка, онъ успѣлъ въ короткое время получить по старшинству чинъ генерала отъ инфантеріи, и когда предмѣстникъ его, Повало-Швыйковскій, восьмой въ четырехлѣтнее царствованіе Павла Кіевскій военный губернаторъ, чѣмъ-то передъ императоромъ провинился, то сей послѣдній, заглянувъ въ списокъ, назначилъ на его мѣсто неизвѣстнаго ему Феньша. Онъ за что-то ожидалъ также себѣ отставки, когда пришло извѣстіе о кончинѣ царя.

Про него говорили, что въ военномъ дѣлѣ онъ смыслитъ очень мало, въ гражданскомъ же ровно ничего, а попалъ въ начальники двухъ или трехъ губерній! Такіе примѣры теперь уже не рѣдки, и никого болѣе не удивляютъ. Самая наружность его не могла вселить къ нему уваженіе: коротенькій, толстенькій человѣчекъ, не имѣющій ни одной оригинальной черты Англичанъ, съ самыми безцвѣтными характеромъ и физіономіей, не умный и не глупый, не добрый и не злой, не привѣтливый и не грубый. Находили, однакоже, что онъ имѣетъ нѣкоторую ученость, потому что хорошо умѣетъ говорить по англійски и знаетъ что́ такое парламентъ, о которомъ немногіе у насъ тогда слыхали. Жена его, Софья Карловна, была, по крайней мѣрѣ, похожа на что-нибудь: она напоминала собою нянекъ и ключницъ своей націи, и по-французски Англійскимъ нарѣчіемъ говорила очень забавно.

Чета сія забилась въ уголокъ просторнаго деревяннаго дворца, построеннаго Елисаветой Петровной, во вкусѣ всѣхъ публичныхъ зданій ея времени. Чтобъ отыскать ихъ, надобно было проходить рядъ нетопленныхъ комнатъ, изъ коихъ двѣ были обиты атласомъ въ позолоченныхъ, отчасти облупившихся рамахъ: роскошь, которую, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, можно было тогда найти въ одномъ только царскомъ-жилищѣ. Сіи двѣ комнаты изрѣдка отоплялись и освѣщались, и въ нихъ давали они не балы, а балики, на которые приглашаемо было самое отборное общество, то-есть Поляки, иностранцы, да изъ Русскихъ тѣ только, которые знали не одинъ свой отечественный языкъ. Такъ какъ Французскимъ языкомъ промышлялъ я тогда уже очень порядочно и готовъ былъ плясать до упаду, то на сихъ балахъ не только былъ я не лишнимъ, но даже желаемымъ гостемъ. Всѣхъ моложе и лучше бывала тутъ недавно вышедшая замужъ Мошковская, урож-

денная Ворцель; всѣхъ старѣе и страшнѣе овдовѣвшая, все еще полная жизни, Шардонша.

Вотъ въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу члены разнороднаго тогдашняго Кіевскаго общества. Упрямые, милые мои Хохлы показывали твердость, непреклонность, которыя во многихъ случаяхъ намъ бы не худо было перенимать: они жили особнякомъ, удалялись отъ Поляковъ, но съ Русскими обходились какъ съ братьями; домъ г-жи Веселицкой, какъ сказалъ я, былъ ихъ сборнымъ мѣстомъ. Наши же любезные Русаки, столь забывчивые, слишкомъ сообщительные, готовы были водиться со всѣми; нѣкоторые, однакоже, и самые почтенные, недовольные военнымъ губернаторомъ и явно его презирающіе, собирались иногда у гражданскаго, который съ нимъ не совсѣмъ былъ въ ладахъ. Поляки, чуя уже близкое могущество свое въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ становились болѣе наглы и надменны. Главный пріютъ ихъ былъ у Феньша.

Ихъ дерзость обнаружилась еще болѣе, когда передъ Новымъ Годомъ начались контракты и ярмарка. Изъ всѣхъ юго-западныхъ губерній стекались ихъ земляки, и сильные числомъ, они позволяли себѣ въ обществѣ разныя неблагопристойности, а въ городѣ даже безчинства и неистовства, вламываясь ночью насильно въ хижины убогихъ вдовъ, матерей сиротъ-красавицъ, но сосѣдями и работниками всегда съ побоями и стыдомъ были прогоняемы. На балахъ, которые два раза въ недѣлю давались за деньги въ контрактовомъ домѣ, то-есть въ биржевой залѣ, многіе изъ нихъ вздумали являться въ народномъ костюмѣ и даже танцовать мазурку въ шапкахъ, напивались пьяны, дѣлали обиды и думали, что настало опять время ихъ грубой вольницы. Молодые армейскіе офицеры, которые съ воцареніемъ Александра также чувствовали себя болѣе свободными, начали вступаться за себя, за дамъ и за знакомыхъ; отъ того заводились ужасныя ссоры, оканчивавшіяся обыкновенно толчками и пинками, съ коими выпроваживали Поляковъ. Къ счастію, до поединковъ никогда не доходило. Феньшъ, разумѣется, держалъ ихъ сторону и офицеровъ сажалъ подъ караулъ. Но ихъ было множество, и разгнѣванные Поляки, объявивъ, что перестанутъ ѣздить на контрактовые балы, если тѣхъ не прогонятъ, сдержали свое слово; не могли однакоже удержать женъ и дочерей своихъ, которыя ни за что бы не отказались отъ удовольствія танцовать съ ловкими Москаликами. Итакъ поле сраженія и тутъ осталось за Русскими. Къ стыду моему, долженъ признаться, что внутренно былъ я за Поляковъ, вопервыхъ, какъ за побѣжденныхъ, а вовторыхъ, какъ за людей, по мнѣнію моему, болѣе образованныхъ,

Жизнь моя вообще текла весьма пріятно, со всѣми былъ я хорошъ и на тайныя и явныя несогласія смотрѣлъ довольно равнодушно; только пользовался свободой менѣе чѣмъ въ Москвѣ: я даже не имѣлъ права безъ слуги ходить пѣшкомъ по улицѣ. Въ этомъ не было никакой стѣснительной мѣры; но, по старому баловству, матушка все опасалась, чтобъ я не ушибся, или не былъ кѣмъ обиженъ. Изъ молодыхъ людей моего возраста, всего чаще бывалъ я съ прежнимъ моимъ товарищемъ Нилусомъ и съ старшимъ сыномъ Феньша, его адъютантомъ, малымъ весьма добрымъ и веселымъ *).

Для матери моей житье было хлопотливое; она никуда почти не выѣзжала, стараясь сколь можно скорѣе окончить свои домашнія дѣла, и едва къ концу Января успѣла съ ними управиться. Извѣстія изъ Пензы были самыя радостныя: отецъ мой прибылъ въ нее благополучно и былъ встрѣченъ съ восторгомъ; не говоря уже о долголѣтнихъ любви и уваженіи, коими онъ тамъ пользовался, онъ явился туда какъ милостивая грамота, возвращающая прежнее достоинство разжалованному городу. Дворяне, желая угодить правительству, на первомъ съѣздѣ сдѣлали большія пожертвованія для основанія училища, и сумма изъ того составившаяся обращена въ послѣдствіи на учрежденіе губернской гимназіи. Послѣ тьмы, въ которую четыре года старались погрузить Россію, всѣ съ рвеніемъ начали искать въ ней свѣта наукъ. Во время выборовъ помѣщики безпрестанно пировали, объѣдались и опивались, опаивали и окармливали другъ друга.

Наконецъ, пришла и намъ пора туда отправиться. Хотя я всегда чрезвычайно любилъ Кіевъ, хотя маленькая, сердечная, но совсѣмъ безвинная связь, о которой, впрочемъ, не стоило бы и говорить, умножала тогда въ глазахъ моихъ его прелесть, я не безъ удовольствія помышлялъ о сей дорогѣ. Мнѣ казалось, что въ Кіевѣ я какъ принцъ путешествующій инкогнито, а туда ѣду какъ бы на царство. Къ тому же я возбуждаемъ былъ и любопытствомъ увидѣть сторону, которую никогда не видалъ и о которой такъ много слышалъ. Я всегда живалъ на оконечностяхъ Россіи, бывалъ и въ сердцѣ ея, Москвѣ, но во внутреннія, нечистыя, такъ сказать пищеварительныя ея части, Симбирскъ, Пензу, Саратовъ и Тамбовъ, никогда не заглядывалъ.

Итакъ 31 Января, выѣхавъ изъ Кіева не безъ грусти, я однакоже свою страстишку, свой любовный хмѣль проспалъ на первомъ ночлегѣ.

*) Я говорю съ старшимъ въ Россіи, ибо самый старшій всегда оставался въ Англіи. Его мать имѣла неосторожность хвалиться имъ, какъ славнымъ проповѣдникомъ. Мысль, что сынъ ихъ попъ, ее и мужа совершенно уронила въ мнѣніи Русскихъ.

[illegible] Мы проѣхали Курскъ и пріѣхали въ Воронежъ.

Тамъ находился на квартирахъ Малороссійскій кирасирскій полкъ, въ которомъ служилъ третій братъ мой Николай, и у него мы остановились. [illegible] съ дороги въ сильную метель, мы плутали [illegible] и измученные пріѣхали часу въ десятомъ утра. Матушка съ сестрами, старшею и маленькою, цѣлый день посвятили отдохновенію; а меня торопясь братъ повезъ смотрѣть городъ и представлять главнымъ [illegible] лицамъ. Все это было какъ на лету, и я ихъ всѣхъ позабылъ, кромѣ двухъ: шефа братнина полка, генерала князя [illegible], и главнаго Воронежскаго откупщика, который славился въ городѣ за жирный и вкусный обѣдъ и насъ убійственно [illegible]. Про него нѣсколько словъ.

Это былъ [illegible] въ купечествѣ отставной гвардіи полковникъ Ѳедоръ Николаевичъ П.... - С...., праправнукъ древнихъ бояръ, изъ столбовыхъ первый у насъ, который, сбросивъ предразсудки старины, прозрѣлъ будущность Россіи. Мужъ дальновидный по уму [illegible] и по направленію умовъ, онъ предусмотрѣлъ, что скоро не чины, не заслуги, не добродѣтели будутъ въ Россіи доставлять уваженіе и вести къ знатности, а богатство, единое богатство; онъ не погнушался предводительствовать цѣловальниками и собирать дань съ порока и одинъ [illegible], дабы съ потомствомъ и семействомъ (коего еще не имѣлъ*) далеко шагнуть потомъ впередъ

*) Онъ вскорѣ потомъ женился на красавицѣ княжнѣ Щербатовой. Сынъ его женатъ на княжнѣ Гагариной, родной племянницѣ адмирала князя Меншикова. Дочь его за

Послѣ убійственно-сытнаго обѣда, на часокъ завернули мы домой, чтобы навѣстить матушку, а въ пять часовъ были уже въ театрѣ. Изо всѣхъ Русскихъ городовъ въ одномъ только Воронежѣ была тогда вольная труппа, составившаяся изъ охотниковъ и отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ актеровъ. Она не совсѣмъ плохо играла *Ненависть къ людямъ и Раскаяніе*, Коцебу. Въ восемь часовъ былъ я на балѣ у богатаго фабриканта Горденина (который почти наканунѣ выдалъ дочь за дипломата Муратова, въ послѣдствіи Харьковскаго губернатора) и проплясалъ до втораго часа ночи, имѣя въ виду со свѣтомъ отправиться далѣе въ путь. Подвиги неимовѣрные даже въ тридцать лѣтъ, и весьма естественные въ пятнадцать или шестнадцать, когда скука болѣе всего утомляетъ, и забавы служатъ отдохновеніемъ.

Братъ поѣхалъ провожать насъ, получивъ отъ князя Ромодановскаго отпускъ на двѣ недѣли. Опять пустились мы по ухабамъ, какъ по замершимъ волнамъ и, минуя Тамбовъ, безъ дальнихъ приключеній проѣхали степныя мѣста, на Югъ отъ него лежащія. Вотъ, наконецъ, въѣзжаемъ мы въ Пензенскую губернію; это было за полночь. Ужаснѣйшая вьюга, какую могу только запомнить, какъ бы предвѣстіе всѣхъ непріятностей, ожидающихъ моихъ родителей, насъ тутъ встрѣтила. Мы потеряли дорогу, ѣхали цѣликомъ, люди и лошади выбились изъ силъ, и мы готовы были остановиться и, лишь бы не замерзнуть, кое-какъ укутавшись, ожидать дневнаго свѣта, какъ вдругъ завидѣли вблизи небольшую деревню. Скорѣе туда, и въ избѣ, довольно опрятной, согрѣлись и отдохнули. На другой день все было тихо и ясно; крестьяне, узнавъ, что у нихъ ночевала губернаторша, привалили толпой, чтобы помочь намъ, посмотрѣть на насъ и выпроводить на большую дорогу, которая недалеко оттуда пролегала; староста или волостной голова также явился съ хлѣбомъ и солью. Я полюбопытствовалъ спросить названіе сей деревни; мнѣ отвѣчали Чембаръ. Проѣзжая по улицѣ, я видѣлъ однѣ только соломенныя кровли и ветхую, большую, деревянную церковь; мнѣ никакъ не могло придти тогда въ голову, что скоро тутъ будетъ уѣздный городъ, что учредителемъ его будетъ мой отецъ, что въ немъ построится нѣсколько каменныхъ зданій, и что лѣтъ черезъ тридцать Русскій царь проживетъ въ немъ двѣ недѣли, ожидая исцѣленія.

Еще оставалось намъ сдѣлать 120 верстъ. Не смотря на наше губернаторство, на военный мундиръ и крики моего брата, не смотря

высокоумнымъ К. Прибавляетъ ли сіе что-нибудь къ знатности этого семейства? Нѣтъ, ничего; но прибавитъ, если сей послѣдній разбогатѣетъ, какъ онъ надѣется, и если въ Россіи не перемѣнится общее мнѣніе.

на покорность и всеусердіе смотрителей и ямщиковъ, должны мы были имѣть еще одинъ ночлегъ и пробыть болѣе сутокъ въ дорогѣ.

Остановившись въ 13-ти верстахъ отъ Пензы, въ деревнѣ нашей Симбухинѣ, мѣстѣ рожденія моего, отправили мы брата съ извѣстіемъ о нашемъ пріѣздѣ. За нѣсколько дней до того, прибыли изъ Москвы сестра Алексѣева съ маленькимъ сыномъ и провіантскій братъ нашъ Павелъ изъ Казани, куда онъ былъ посланъ по какой-то коммиссіи. Вмѣстѣ съ ними покойный отецъ не замедлилъ прискакать къ намъ. Сдѣлался общій съѣздъ. Давно уже члены согласнаго нашего семейства не бывали всѣ вмѣстѣ; тутъ, исключая зятя, соединились всѣ, можно сказать, живые и мертвые, ибо въ нѣсколькихъ шагахъ лежали усопшіе мои братья и сестры. Въ семействѣ нашемъ любили мы другъ друга по старинѣ, долго не знали *твое* и *мое*, все было общее; можно посудить о нашей радости, сколько разсказовъ, сколько отвѣтовъ, прерываемыхъ новыми вопросами, сколько ласкъ и даже сколько поцѣлуевъ! Сладостные часы мелькнули какъ минута, и когда совсѣмъ почти смерклось, пустились мы въ Пензу.

При имени сего города что-то чудное во мнѣ происходитъ: я чувствую умиленіе и негодованіе вмѣстѣ. Тамъ принялъ я жизнь, тамъ отецъ мой долго вкушалъ верховное въ мірѣ блаженство, тамъ лежитъ онъ съ обѣими своими супругами, тамъ единственная моя собственность. Но тамъ же горестями и страданіями, сократившими дни его, заплатилъ онъ за прошедшія радости; тамъ каждый изъ насъ испыталъ множество непріятностей, оскорбительныхъ для самолюбія.

Совсѣмъ было темно, когда мы въѣхали въ этотъ городъ. Красивые виды его были скрыты отъ глазъ; я не могъ даже замѣтить, что онъ стоитъ на горѣ; чернѣя, мелькнули передо мною избы, домики и домы его. Мнѣ стало грустно, самъ не знаю отъ чего. Ни почетный пріемъ, сдѣланный матери моей у самаго подъѣзда, гдѣ дожидались ея нѣсколько чиновниковъ и городничій *), ни обширный, теплый и ярко на этотъ случай освѣщенный домъ, куда вошли мы, ни радости протекшаго дня, ничто меня не веселило. Сіе было 19 Февраля, въ Среду на масляницѣ; четыре дня увеселеній предстояли мнѣ, и это меня болѣе пугало: я бы хотѣлъ провести ихъ съ семействомъ въ Симбухинѣ. Никого не зналъ я изъ жителей, и заранѣе всѣ они мнѣ не нравились.

Посѣщеніямъ мужскимъ и дамскимъ и разнаго рода приглашеніямъ на другое утро не было конца, такъ что матери моей не оставалось времени ни порядочно отдохнуть, ни сдѣлать визиты, и она по

*) Полицеймейстеры были тогда въ однѣхъ только столицахъ.

неволѣ должна была казаться неучтивою. Въ двадцать, въ тридцать домовъ, одинъ неизвѣстнѣе мнѣ другаго, повезли меня. Всякій день, въ 10 часовъ утра, бывали гдѣ-нибудь завтракъ и блины, а потомъ катанье за городъ, волчья травля, садка или бѣгъ; послѣ того званый обѣдъ, за которымъ обыкновенно слѣдовало при фонаряхъ катанье съ горъ; наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ балъ и ужинъ. Такъ продолжалось четыре дня до самаго чистаго Понедѣльника, и это отчаянное веселіе, этотъ шумъ нѣсколько заглушили непонятную во мнѣ тоску. Я бы болѣе насладился, еслибы сквозь учтивости и ласки, мнѣ оказанныя, проглянуло сколько-нибудь добродушія: его я ни въ комъ не замѣтилъ. Ни живаго, сердечнаго веселія прежнихъ Кіевскихъ баловъ, ни пристойности столичныхъ собраній не нашелъ я тутъ; казалось,

После ужасовъ набѣга
Татаринъ буйный пировалъ.

Какъ праздникъ встрѣтилъ я Великій постъ. Противоположность сырной недѣли и первой поста была въ провинціи, если возможно, еще болѣе рѣзкая, чѣмъ нынѣ. Мы вновь уединились и, какъ бы предвидя, что никогда уже, всѣ безъ изъятія, не будемъ соединены, почти не разставались. Въ день Сборнаго Воскресенія, въ день православія, послѣ обѣдни, сестра и братъ не отлучены были отъ семейства, а разлучились съ нимъ: одна отправилась обратно въ Москву, а другой въ Воронежъ, не съ проклятіями, а съ благословеніемъ родительскимъ.

Прежде нежели я примусь описывать Пензу, ея жителей, духъ ея общества, попрошу у читателя дозволенія на страну, ее окружающую, бросить взглядъ въ историческомъ отношеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкогда пролегалъ тутъ главный путь изъ Россіи въ Орду. Сколько князей и бояръ тутъ проѣхало! Баскаки спѣшили чрезъ сіи мѣста, чтобы грабить нашу землю; великіе князья и митрополиты Московскіе раскидывали тутъ свои шатры, и въ нихъ горестно молили Бога о защитѣ. Монгольское племя, болѣе всѣхъ другихъ привязанное къ кочевой жизни, могло основаться только среди необозримости степей и покидало ихъ тогда только, когда стремилось за добычей. Татары, народъ отъ Монголовъ совершенно отличный и имъ подвластный, давшій имъ свое имя и пережившій ихъ владычество, не столько чуждались осѣдлости. По всѣмъ вѣроятіямъ, Татары, какъ передовое войско Монголовъ, заняли опушку Русской земли, пространство между Волгой и Мокшей, но по малочисленности своей могли на немъ жить только разсѣянно. Для нихъ гористыя и плодородныя мѣста, изобильныя водой и лѣсомъ, представляли удобства, о коихъ Монголы не могли помышлять. Названія мѣстъ и рѣкъ, въ Пензенской и со-

сѣднихъ съ нею губерніяхъ, показываютъ, что тутъ сдѣлалась настоящая Татарія: Ардымъ, Кевда, Мелсита, Кучюкъ, Поръ, Анзыбей, Инсара, Селикса, Чембаръ, самая Пенза и множество другихъ, коихъ и не перечтешь и въ коихъ не сыщешь и слѣдовъ Славянскаго корня *).

Послѣ завоеванія Казани, Русскіе безъ опасенія и безъ спросу стали захватывать земли, занятыя ихъ врагами. Тогда все что̀ было народное было царское, и все что̀ было царское было народное; въ древнія варварскія времена, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, главы народовъ дѣлились славою и богатствомъ съ тѣми кто раздѣлялъ ихъ опасности, съ вѣрными своими сподвижниками, кои за нихъ и съ ними проливали кровь свою. Въ новѣйшее же время человѣколюбіе и просвѣщеніе государей... судятъ о томъ иначе: они усыновляютъ новыхъ подданныхъ, не только равняютъ въ правахъ побѣжденныхъ съ побѣдителями, но даже первымъ передъ послѣдними даютъ неизчетныя преимущества; орудія бросаютъ съ презрѣніемъ и обнимаютъ съ любовію пріобрѣтенія, ими добытыя. Теперь Боже спаси отъ завоеваній! Они суть только тягость, а не сила государства.

Но не о томъ рѣчь. Итакъ Русскіе селились между Татарами. Какъ предки ихъ, подвигаясь на Сѣверо-востокъ, гнали передъ собою Мерю, Весь и Финскія племена, и строили Муромъ, Ростовъ и Суздаль, такъ и они, расширяясь на Юго-востокѣ, тѣснили потомство своихъ властителей и поглощали самое ихъ народонаселеніе. Увѣряютъ, что при Борисѣ Годуновѣ потокъ до того усилился, что начали опасаться, чтобы не изсякнулъ самый источникъ его, и что сіе заставило укрѣпить за помѣщиками живущихъ на землѣ ихъ людей. Кажется, приливъ всего сильнѣе былъ около Пензы, равно какъ и число встрѣченныхъ имъ Татаръ, и оттого сіе мѣсто сдѣлалось средоточіемъ Руссо-татарской помѣси.

Всякій, кто ѣдетъ изъ Москвы, проѣхавъ Арзамасъ, можетъ легко въ томъ убѣдиться: все измѣняется вдругъ, природа и люди; горы становятся все выше и круче, лѣса тѣнистѣе, избы ниже и неопрятнѣе, лица смуглѣе, физіономіи выразительнѣе и суровѣе. Переселившіеся туда Русскіе дворяне переженились на дочеряхъ безчисленныхъ Татарскихъ мурзъ или князей, Маматказиныхъ, Мамлѣевыхъ, Колунчаковыхъ, Девлеткильдѣевыхъ, Чегодаевыхъ, Мансыревыхъ, коихъ потомство встрѣчается во всѣхъ городахъ и селахъ и во многихъ мѣстахъ па-

*) Въ другихъ губерніяхъ: Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, а далѣе Чебоксаръ, Уфа, Бугульма и Белебей суть чисто-татарскія названія. Надобно же было за ними поставить Нѣмецкій *бургъ*—Оренбургъ!

шетъ нынѣ землю. Слѣдственно, и высшій классъ въ томъ краю не совсѣмъ уже Русскій.

На берегу рѣчки Пензы, близъ втока ея въ Суру, стояло самое большое изъ новыхъ селеній. По негостепріимному, неуживчивому, бранчивому нраву его жителей, обрусѣвшихъ Татаръ, или отатарившихся Русскихъ, дано ему было названіе Облай-Слобода. Въ 1666 году (апокалипсическое число) царю Алексѣю Михайловичу угодно было возвести его въ званіе города и дать ему другое имя по рѣкѣ, на которой оно было построено. Съ тѣхъ поръ постоянно управляли имъ воеводы, до самаго учрежденія губерній при Екатеринѣ.

Когда-то отцу моему, какъ Орфею, удавалось плѣнять сихъ лютыхъ звѣрей; по его совѣтамъ, какъ по голосу Амфіона, когда-то поднимались камни и, стройно ложась другъ на друга, образовывали стѣны и домá. Но сіе время прошло; съ тѣхъ поръ простота оставила ихъ черствыя души, а просвѣщеніе не успѣло еще смягчить ихъ. Я гдѣ-то говорилъ уже о Пензѣ и сказалъ, что помѣщики съ своею прислугою составляютъ бóльшую часть, а купцы и мѣщане едва треть ея населенія. Въ такомъ уѣздномъ городѣ, стоящемъ вдали отъ губернскихъ, внѣ главныхъ путей сообщенія, городничій не могъ быть важнымъ лицомъ, а напротивъ долженъ былъ стараться всѣмъ угождать; обществомъ же управляли одни предразсудки и партіи. Самые ужасы Павловыхъ временъ не заглядывали въ сію глушь. Это была республика въ забытомъ углу, какъ Санъ-Марино въ Италіи. Такъ продолжалось пять лѣтъ, и послѣ того во всякомъ начальникѣ, поступающемъ по законамъ и соблюдающемъ порядокъ, должны были сіи люди видѣть тирана.

Надобно знать, какое мнѣніе сами губернаторы и вообще всѣ жители имѣли прежде о высокомъ ихъ званіи. Губернаторъ былъ лучъ сіянія царскаго, хозяинъ губерніи, защитникъ ея правъ, ходатай у престола. Не обремененные тысячью мелочей, какъ нынѣ, не стѣсняемые безчисленными формами, не обязанные безпрестанно отправлять срочныя вѣдомости, коихъ никто не читаетъ, не окруженные лазутчиками, не устрашаемые отвѣтственностію за всякую бездѣлицу, не видящіе равносильныхъ управленій другихъ вѣдомствъ, отъ нихъ вовсе не зависящихъ, спокойные, уважаемые, могли они безпрепятственно творить добро и въ благѣ ввѣреннаго имъ края видѣть собственное. Но и къ достиженію сего завиднаго положенія, охотно сохраняемаго бóльшую часть жизни, были также нужны права, зрѣлый умъ и зрѣлыя лѣта, опытность въ дѣлахъ, несомнительная нравственность, сотворенное себѣ честное имя, уваженіе пріобрѣтенное собственными поступками. Послѣ выбора первыхъ сановниковъ государства, самымъ

труднѣйшимъ почитался выборъ губернаторовъ. Не смотря на безпорядки Павлова правленія, пусть вспомнятъ, кого нашелъ императоръ Александръ и кого сначала опредѣлилъ въ сіи должности. Имена Львова, Панкратьева, Руновскаго, Миклашевскаго, Рунича и другихъ понынѣ произносимы съ душевнымъ уваженіемъ и благословляемы въ тѣхъ мѣстахъ, коими они управляли. Если повѣрятъ мнѣ въ изображеніи отца моего, то кто болѣе его могъ надѣяться украсить собою мѣсто начальника губерніи? А едва прошелъ Мартъ мѣсяцъ, какъ появились уже неудовольствія и несогласія. Я долженъ объяснить здѣсь начало и причину ихъ.

Въ Пензенской губерніи было тогда семейство ***, безобразныхъ гигантовъ, величающихся, высящихся, яко кедры Ливанскіе; и прошелъ вѣкъ мой, и увы! не могъ я сказать: се не бѣ! И кто взыщетъ мѣсто ихъ, тотъ обрѣтетъ еще нечестивое ихъ высокомѣріе въ Симбирскѣ и Саратовѣ. Тамъ живутъ еще старшіе члены семейства ***. Глава его, ..., былъ человѣкъ неглупый, съ большимъ состояніемъ: онъ имѣлъ труппу актеровъ и музыкантовъ, имѣлъ каменный домъ въ Москвѣ, и давалъ балы, какихъ тогда можно было найдти въ ней по двадцати каждый день. Въ чинѣ отставнаго поручика (дѣло дотолѣ неслыханное) былъ онъ разъ выбранъ губернскимъ предводителемъ; если прибавить къ тому чрезвычайно высокій его ростъ, то сколько причинъ, чтобы почитать себя выше обыкновенныхъ смертныхъ! Въ немъ и въ пяти гайдукахъ, имъ порожденныхъ, была странная наклонность не искать власти, но сколько возможно противиться ей, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась.

Огромнѣйшій изъ его дѣтищъ, А. . . . ., служилъ при Павлѣ въ генералъ-прокурорской канцеляріи; тамъ сошелся, сблизился онъ съ человѣкомъ самаго необыкновеннаго ума, о коемъ преждевременно говорить здѣсь не хочу. Отъ него заимствовалъ онъ фразы, мысли, правила, кои къ представляющимся случаямъ прилагалъ потомъ вкривь и вкось. Извѣстно, какъ быстро при Павлѣ вездѣ шло производство: въ двадцать два года былъ онъ уже надворный совѣтникъ и назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Пензу. Природа, дѣлая лишнія усилія, часто истощаетъ себя, и чрезъ мѣру вытягивая великановъ, отнимаетъ у нихъ тѣлесныя силы. Такъ то было съ этимъ ***. Глядя на его ростъ, на его плеча, внимая его грубому и охриплому голосу, можно было принять его за богатыря; но согнутый хребетъ обличалъ его хилость, и въ двадцать лѣтъ не съ большимъ одолѣвающія его хирагра и подагра заставляли его часто носить плисовые сапоги и перчатки. Безсиліе его ума также подавляемо было тяжестію идей, кои почерпнулъ онъ въ разговорахъ съ знаменитымъ другомъ своимъ и

кои составляли все его знаніе... Первые мѣсяцы оставался онъ спокоенъ, принимая участіе въ общемъ веселіи и не разстраивая общаго согласія. Одно происшествіе подало ему поводъ себя обнаружить. Шатающійся въ Пензѣ отставной офицеръ, по имени Чудаковскій, пьяный, дерзкій и развратный, сдѣлалъ одно изъ тѣхъ преступленій, которыя въ Россіи были тогда почти неслыханы: насильственно былъ онъ причиною смерти одной несовершеннолѣтней дѣвочки. По принесенной о томъ жалобѣ, отецъ мой велѣлъ его засадить и предать уголовному суду. *** немедленно вошелъ съ протестомъ, въ коемъ, самымъ неприличнымъ образомъ порицая злоупотребленіе власти, старается оправдывать виновнаго, увлеченнаго яко бы силою любви. Это было въ началѣ Страстной недѣли; все чтò было порядочныхъ людей, пришло въ ужасъ, а въ другихъ сначала сіе возбудило одно только любопытство. Бумагу сію можно почитать манифестомъ зла противъ добра. Безнаказанность такой наглости, нѣсколько времени спустя, ободрила всѣхъ враговъ порядка: знамя было поднято, они спѣшили къ нему... Наконецъ, малѣйшее неудовольствіе на губернатора, за всякую бездѣлицу, за невниманіе, за разсѣянность (чего бы прежде не смѣли и замѣтить) бросало въ составившуюся оппозицію многихъ помѣщиковъ, впрочемъ, не весьма дурныхъ людей, но необразованныхъ и щекотливыхъ.

Нескоро отецъ мой могъ все это понять; служивши долго при Екатеринѣ, когда власть уважали и любили, и нѣсколько времени при Павлѣ, когда трепетали передъ нею, ему не вѣрилось, чтобы было возможно столь несправедливо, безразсудно и нахально возставать противъ нея. Онъ не скрывалъ своего негодованія и жаловался старому другу своему Беклешову; а тотъ съ одной стороны успокоивалъ его конфиденціальными, совершенно пріязненными письмами, а съ другой грозилъ офиціяльно ***, что выкинетъ его изъ службы, если онъ не уймется. Но сей послѣдній умѣлъ скрывать получаемыя имъ бумаги, коихъ содержаніе сдѣлалось извѣстно только по оставленіи имъ должности: казался веселъ, покоенъ и каждый день затѣвалъ новые протесты. Отецъ мой былъ въ отчаяніи, не зная чтò подумать о генералъ - прокурорѣ, а *** ничего не страшился: онъ зналъ чтò происходитъ въ Петербургѣ и ничего такъ не желалъ, какъ, надѣлавъ шуму, явиться туда жертвою двухъ старовѣровъ. Наконецъ, дѣйствительно велѣно ему подать въ отставку, и онъ послалъ просьбу; но она пришла уже къ преемнику Беклешова, который, съ честію его уволивъ, причислилъ къ себѣ. Я не знаю ничего позорнѣе этой краткой борьбы между умнымъ, пылкимъ и благороднымъ старцемъ и безсмысленнымъ, безстрастнымъ и безнравственнымъ юношей.

Въ поступкахъ этого человѣка можно было видѣть нѣчто отчаянно-смѣлое и можно было въ немъ предполагать необычайную силу духа; напротивъ, трудно было сыскать человѣка болѣе его трусливаго. Старшіе братья мои и иные молодые люди говорили ему въ глаза жестокія истины, отъ коихъ всякаго другаго бы взорвало; мнѣ случилось видѣть, какъ одинъ графъ Толстой въ бѣшенствѣ взялъ его за воротъ, но онъ остался непоколебимъ, понюхивалъ табакъ и, величественно улыбаясь, старался все обратить въ шутку. Мнѣ сказывали потомъ, какъ при всѣхъ объявлялъ онъ, что не согласится ни за что̀ въ мірѣ на поединокъ. Подобно одному глупцу нынѣшняго времени, онъ любилъ твердить о своей магистратурѣ; ею, по словамъ его, какъ священною мантіей, прикрывался онъ отъ ножа или кинжала убійцы (чего опасаться, кажется, было трудно), но никогда не упоминалъ о шпагѣ или пулѣ противника, который однакоже могъ бы явиться.

Я видѣлъ только самое начало этой брани, ибо шестимѣсячный срокъ моего отпуска миновался, и далѣе Мая мѣсяца мнѣ въ Пензѣ нельзя было оставаться.

Но и послѣ ***, война не прекращалась. Передъ отъѣздомъ моимъ мнѣ хотѣлось бы показать главныя лица, въ ней подвизавшіяся. Жители Петербурга, привыкшіе съ такимъ презрѣніемъ смотрѣть на все что̀ происходитъ въ провинціяхъ, улыбнутся при чтеніи описываемаго мною и назовутъ это бурею въ стаканѣ воды. Но въ этомъ стаканѣ считается до миліона жителей, и онъ заключаетъ въ себѣ не менѣе десяти Нѣмецкихъ герцогствъ съ ихъ дворами, министрами и войсками. Не бѣда, если легкомысленный и праздный столичный народъ почитаетъ недостойнымъ своего вниманія благосостояніе цѣлой области; но правительству необходимо заботиться о ея спокойствіи и быть осмотрительну въ выборѣ людей, туда посылаемыхъ. Въ изображеніи Пензенскихъ безпорядковъ оно могло бы увидѣть тѣ, которые происходили или происходятъ и нынѣ въ другихъ губерніяхъ.

Мнѣ было очень больно, что земляки мои по сердцу, Малороссіяне, сдѣлались первыми нашими врагами. Изъ совѣтниковъ Черниговскаго губернскаго правленія, Иванъ Андреевичъ Войцеховичъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Пензенской Гражданской Палаты. Его почитали тонкимъ и хитрымъ, а онъ по природѣ былъ только человѣкъ скрытный, но не злой и не коварный. Кажется, къ чему бы ему было хитрить, зачѣмъ бы интриговать? Онъ не былъ ни честолюбивъ, ни алченъ къ деньгамъ, и честность его въ дѣлахъ могла бы обратиться въ пословицу.*) Но у него была жена, гораздо моложе его, Прасковья

*) Во время величайшихъ несогласій съ предсѣдателемъ, мы имѣли дѣло въ Гражданской Палатѣ. Родители мои не хотѣли противъ него подать подозрѣнія и не смотря на то, онъ судилъ бы противъ насъ, еслибы наши требованія были несправедливы; но наше право было неоспоримо, и онъ рѣшилъ совершенно въ пользу нашу.

Акимовна, изъ фамиліи Сулимовъ, самолюбивая и завистливая. Губернаторство моей матери ее мучило, и она къ чему-то придралась, чтобы поссориться и, какъ говорится въ провинціяхъ, разъѣхаться домами. Тогда разъѣхавшійся домъ ея сдѣлался прибѣжищемъ всѣхъ недовольныхъ. Между ними первые явились два единоземца ея, одинъ, Данилевскій (былъ послѣ директоромъ гимназіи), а другой .. видно былъ лицо не весьма примѣчательное, потому что имя его ускользнуло отъ моей памяти. Съ нею ли въ одно время они пріѣхали или прежде? Зачѣмъ они пріѣхали, и за что прогнѣвались на насъ? Кажется, нѣтъ никакой нужды знать, даже мнѣ самому, а кольми паче другимъ: довольно, что они были очень злы. Въ кругу семейства и соотчичей, намъ столь враждебныхъ, могъ ли Иванъ Андреевичъ оставаться совершенно безпристрастнымъ? По крайней мѣрѣ онъ никогда не переставалъ быть скроменъ въ рѣчахъ, учтивъ во встрѣчахъ, не переставалъ также до нѣкоторой степени, какъ Греческій мудрецъ, покоряться неукротимой своей Ксантиппѣ. Въ тридцать лѣтъ, госпожа Войцеховичева могла бы быть довольно недурна собою. Но внутренняя ярость, часто выступавшая на лицо ея, успѣла рано провесть на немъ нѣсколько морщинокъ; улыбка, всегда язвительная, не придавала никакой пріятности устамъ, которыя, какъ увѣряютъ, открывались для одной только хулы; надъ самымъ челомъ ея, среди черныхъ волосъ, являлся уединенно цѣлый густой клокъ сѣдыхъ. Итакъ она была не красавица; не въ состояніи будучи воспалять любовь, она, искусно проповѣдуя независимость и равенство, умѣла возбуждать вражду и мщеніе. Я бы назвалъ ее Пензенскою мадамъ Roland, еслибы не было у нея пріятельницы, необузданностію и дерзостію ее превосходящей.

Низенькая, толстенькая, почти четвероугольная крикунья, Степанида Андреевна Кекъ, была женщина умная, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, украшенная золотымъ вензелемъ Екатерины Второй. Въ ней можно было видѣть разницу между просвѣщеніемъ и образованностію. Занятія ея жизни были новостію для Пензенскихъ барынь: она любила много читать и даже переводить книги, сама учила дѣтей, украшала свой садъ, выписывала рѣдкія растенія, разводила ихъ и прекрасными цвѣтами могла бы снабдить весь городъ. За то всякая баба, торгующая на базарѣ, всякій мужикъ былъ ея вѣжливѣе и пристойнѣе; даже нынѣ, когда приличія свѣта все болѣе и болѣе почитаются предразсудками, ея манеры были бы нестерпимы. Чистосердечная грубость предполагаетъ обыкновенно доброе сердце, а у этой толстушки весь жиръ разведенъ былъ желчью. Ея мужъ, изъ Нѣмцевъ, гдѣ-то служилъ, когда-то получилъ какой-то чинъ, военный или статскій, и разбогатѣлъ, отдавая деньги въ ростъ. Года за два до нашего

пріѣзда, купилъ онъ имѣніе неподалеку отъ Пензы и поселился въ ней съ супругою своею и тещей, также Нѣмками. Про него ничего не говорили, его никогда не видѣли и знали токмо подъ именемъ мужа Кекши. Кажется, онъ помаленьку занимался прежнимъ ремесломъ и въ уединенной тишинѣ любовался только звонкимъ металомъ, умножающимъ невыносимое громогласіе жены его, которая за него разъѣзжала, дѣйствовала, а говорила за десятерыхъ. Мать моя никакъ не умѣла или не хотѣла скрывать, сколь посѣщенія этой женщины ей непріятны; она должна была знать, что въ провинціи изъявленная холодность, хотя впрочемъ безъ малѣйшей неучтивости, разрываетъ знакомство, и что разрывъ знакомства возжигаетъ непримиримую вражду; она боялась оглохнуть и на все рѣшилась.

Къ симъ двумъ пріятельницамъ начали приставать всѣ горделивыя жены Пензы. Ни малѣйшей причины къ неудовольствію имъ не было подаваемо; онѣ искали предлоговъ. Имъ казалось тягостнымъ обыкновеніе, искони, заведенное въ губернскихъ городахъ, съѣзжаться по воскресеньямъ на вечеръ къ губернаторшѣ; къ тому ихъ никто не приневоливалъ, а онѣ требовали невозможнаго: чтобы въ продолженіи недѣли всѣмъ имъ отданы были визиты. Онѣ поудержались и ожидали упрековъ, кои не оставили бы назвать взыскательностію; но ихъ отсутствія не замѣтили, онѣ продлили его и, наконецъ, объявили, что видно общество ихъ не нужно. Цѣлый легіонъ демоновъ въ женскомъ образѣ ополчился тогда противъ моихъ родителей, и еще болѣе противъ доброй моей матери. Въ семъ полчищѣ особенно примѣчательны были только двѣ сестры, старыя, кислонравныя дѣвки, недавно запасшіяся послушными мужьями—Бровцына и Есипова; онѣ были ехиднѣе самой Войцеховичевой и бѣшенѣе Кекши.

Дамъ, хотя и не совсѣмъ достойныхъ сего названія, пустилъ я впередъ, вопервыхъ изъ учтивости и вовторыхъ потому, что непосредственно послѣ *** онѣ первыя повели атаку; да еще по тому уваженію, что женская злость, равно какъ и женская доброта, всегда далеко превосходятъ мужскую. Столь же ничтожныя причины подвигли противъ отца моего и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, живущихъ въ Пензѣ. Могли выйдти непріятности по дѣламъ, по службѣ; можно было жаловаться на несправедливости, претерпѣваемыя отъ подчиненныхъ, но этого ничего не было; наговоры, сплетни, косой взглядъ, вотъ чего достаточно было, чтобы породить ненависть. Отъявленнымъ, главнымъ врагомъ нашимъ почитался нѣкто ст. с. П. А. Г., семидесятилѣтній старикъ, утопавшій въ постыдномъ любострастіи. Владѣя хорошимъ родовымъ имѣніемъ, онъ чрезвычайно умножилъ его экономическими средствами, будучи экономіи директоромъ и потомъ вице-губернато-

ромъ въ Вятской губерніи, населенной какъ извѣстно, почти одними только казенными крестьянами; его экономическая система что-то не понравилась; нашли, что она накладна для казны и не совсѣмъ учтиво отказали ему отъ должности. Онъ пріѣхалъ на житье въ уѣздный тогда городъ Пензу, гдѣ всѣхъ онъ былъ богаче, всѣхъ старѣе лѣтами и чиномъ, гдѣ не весьма строго смотрѣли на средства къ обогащенію и охотно раздѣляли удовольствія ими доставляемыя. Старость его, которую называли маститою, была отмѣнно уважаема: ибо за дешевый, хотя множествомъ блюдъ обремененный, столъ его садилось ежедневно человѣкъ по тридцати. Только что за обоняніе, вкусъ и желудки были у гостей его! Кашами съ горькимъ масломъ, ветчиной со ржавчиной, разными похлебками, вареными часто въ нелуженой посудѣ, потчивалъ ихъ этотъ человѣкъ, въ коемъ тщеславіе спорило съ ужасною скупостію. Однимъ обыкновеннымъ хлѣбосольствомъ не ограничивалось его великолѣпіе; длинный рядъ комнатъ довольно низкаго, одноэтажнаго, деревяннаго дома его былъ убранъ съ большими претензіями; но все тамъ было неопрятно, нечисто какъ совѣсть хозяина. Въ огромномъ мезонинѣ, подавлявшемъ сей низенькій домъ, помѣщался театръ, гдѣ играли доморощенные его актеры и музыканты *). Офиціальная сила отца моего не могла нравиться народности Пензенскаго гранда; къ тому же самая противоположность характеровъ не допускала ихъ сблизиться. Оказывая ему всевозможную учтивость, отецъ мой воздерживался однако отъ всего, что̀ могло произвесть короткость, и одинъ разъ, захворавъ отъ его обѣда, старательно отклонялъ потомъ новыя его приглашенія. Чего же болѣе для совершеннаго разрыва?

Тотъ о коемъ кончилъ я разсказъ, можетъ почитаться добродѣтельнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, о комъ я стану говорить и о комъ безъ омерзѣнія не могу я вспомнить. Нравомъ, сердцемъ, правилами и поступками, равно какъ и лицомъ, фигурой, взглядомъ и голосомъ, я не знавалъ человѣка хуже Семена Алексѣевича **.... Въ немъ одно совершенно отвѣчало другому и равно было гнусно и отвратительно. Распространяться объ немъ я много не буду, опасаясь, чтобы не стошнилось, а скажу только о необыкновенномъ способѣ, который употреблялъ онъ для стяжанія себѣ богатства. Онъ заводилъ тяжбы со всѣми сосѣдями, преимущественно же съ мелкими дворянами; когда онъ приводилъ ихъ въ отчаяніе, то мирился съ ними не иначе какъ съ условіемъ уступить ему ихъ малые участки на низкую цѣну, ко-

---

*) Житье г. Г., подъ именемъ Рукавицына, очень удачно описано въ *Искуситель*, романѣ Загоскина. Тамъ же очень вѣрно изображены бывшій при Екатеринѣ губернаторъ Ступишинъ и родственникъ его Еф. Петр. Чемесовъ, подъ именемъ Двинскаго

торую онъ сполна не выплачивалъ, и они отступались отъ нея, чтобы отъ него какъ-нибудь отвязаться. Когда у другихъ шелъ споръ объ имѣніи, то съ предложеніями о покупкѣ его онъ обращался единственно къ тѣмъ, кои лишались надежды выиграть дѣло и такимъ образомъ, за самую умѣренную цѣну пріобрѣталъ помѣстье и процессъ. Этотъ ябедникъ дѣйствовалъ не подкупомъ, а страхомъ; онъ во всѣхъ судахъ былъ ужасъ и бичъ присутствующихъ, секретарей и повытчиковъ. Когда мы пріѣхали въ Пензу, говорили, что у него въ одно время было тридцать два процесса. Такіе люди рѣдко бываютъ щекотливы, а этотъ еще требовалъ уваженія: дѣло невозможное для человѣка съ честію, каковъ былъ отецъ мой; а вотъ еще и новый злодѣй!

Многочисленное семейство его было примѣчательно родовымъ, наслѣдственнымъ свинообразіемъ. Жена его никуда не показывалась: какая-то ужасная болѣзнь, коей начало приписывали сожитію ея съ мужемъ, до того изуродовала лицо ея, и такъ уже весьма некрасивое, что лишила ее даже носа. Изъ его дѣтей мнѣ особенно памятна одна дочь его, Авдотья, которую, по преувеличеннымъ пропорціямъ тѣла ея, сами родители прозвали Дунаемъ, и у которой была удивительная страсть ловить мухъ и глотать ихъ. Со взоромъ дикаго звѣря, имѣла она туловище коровы и птичій вкусъ: Ламайскіе язычники могли бы почесть ее божествомъ.

На другой дочери его женился нѣсколько лѣтъ потомъ спустя, одинъ изъ главъ коалиціи, игрокъ О.... Выгнанный сперва изъ столицъ, потомъ изъ губернскихъ городовъ, сей смѣлый, но видно не довольно искусный человѣкъ, неоднократно изобличенный въ мошенничествѣ и воровствѣ, избралъ убѣжищемъ свободную тогда Пензу. Довольно уже неопытныхъ юношей, довольно неосторожныхъ мужей прошло чрезъ хищныя его руки, чтобы дать ему средства завести хорошій домъ и жить въ немъ прилично. Нѣкоторая роскошь есть одна изъ приманокъ, одно изъ необходимыхъ условій для промышленниковъ такого рода и обращается имъ подъ конецъ въ привычку и потребность; она домъ его сдѣлала привлекательнымъ. Мѣры при отцѣ моемъ принятыя полиціей къ прекращенію публичныхъ засѣданій въ семъ домѣ ожесточили г. О...., хотя никто не могъ воспретить ему дѣйствовать тайно, и хотя для ловитвы его открыто широкое поле на всѣхъ окрестныхъ ярмаркахъ.

Не высчитывать же мнѣ всѣхъ пакостниковъ, вошедшихъ въ сообщничество съ вышесказанными людьми, всѣхъ подлыхъ ихъ приверженцевъ! Не безъ труда и съ частыми позывами ко рвотѣ могъ изобразить я змѣй, а до ядовитыхъ насѣкомыхъ уже не спущусь. Сіи нечистыя стихіи образовали не тучу, какъ говоритъ пословица, а на-

возную кучу, изъ которой однакоже громъ не переставалъ гремѣть во время управленія отца моего. Она составилась, разумѣется, не въ одинъ день. *** положилъ ея начало, но обстоятельства, въ коихъ находилась тогда вся Россія ее умножили и усилили.

Спросятъ, можетъ быть, какъ человѣкъ съ умомъ и твердостію, какимъ представленъ мой отецъ, могъ не пренебречь дерзостію и происками людей запятнаныхъ, по большей части столь ничтожныхъ? Какъ не умѣлъ онъ обуздать ихъ? Я уже сказалъ выше, что при Павлѣ невинно-гонимые прятались по деревнямъ, а множество справедливо-преслѣдуемыхъ наполнило Пензу. Число—весьма важное дѣло, тамъ гдѣ начальникъ, безъ подпоры въ столицѣ, долженъ вооружаться противъ всякаго рода зла одною своею правотою и благонамѣренностію. И дѣйствительно, онъ долго сражался и часто побѣждалъ; но чего ему это стоило! Времена были необыкновенныя: грубое свободомысліе, которое при Екатеринѣ допустили разойтись по Россіи, притѣсненіями Павла получило нѣкоторую сущность и благостію Александра думало утвердиться. Какъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія пороха и огнестрѣльныхъ орудій, въ эту минуту открытъ новый образъ войны противъ начальствъ и правителей, и первый опытъ сдѣланъ въ Пензѣ. Старому рыцарю, отцу моему, мало помогали сначала щитъ его и копье, добродѣтель и честь; но онъ образумился и убѣдился подъ конецъ, что и одною храбростію можно иногда одолѣвать число и искусство. Стратегическія правила этой войны усовершенствовались нынѣ, когда не только губернаторы, но и сами министры, по ввѣряемымъ имъ частямъ, идутъ какъ на бой; тогда же люди, облекаемые высокою довѣренностію царскою, спокойно садились на мѣста свои, на коихъ по долгу совѣсти и присяги безспорно творили судъ и расправу.

Пусть смѣются надо мной, а въ низкихъ и глупыхъ безпорядкахъ Пензы я и доселѣ вижу глухой, невнятный отголосокъ 1789-го года. Только послѣ двоекратнаго посѣщенія нами Парижа въ 1814 и 1815 годахъ, страшные звуки его начали становиться у насъ понятнѣе и яснѣе. Но какъ либерализмъ и безвѣріе такъ рано забрались въ такое захолустье, когда ни въ Кіевѣ, ни въ Петербургѣ и Москвѣ я, по крайней мѣрѣ, объ нихъ и не слыхивалъ? Кіевъ отъ заблужденій Запада былъ защищаемъ ненавистью и презрѣніемъ къ Польшѣ, откуда могли они въ него проникнуть; въ Петербургѣ и въ Москвѣ видалъ я только людей, напуганныхъ ужасами революціи. Въ нечестивой Пензѣ услышалъ я въ первый разъ насмѣшки надъ религіей, хулы на Бога, эпиграмы на Богородицу отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи; впрочемъ, они толковали уже о Ноноттѣ, о Фреронѣ и объ аббатѣ Гене, и топтали ихъ въ грязь, превознося похвалами *Кан-*

дида и *Бѣлаго Быка*: авторы и сочиненія мнѣ были тогда вовсе неизвѣстны. Я не хочу быть пророкомъ; но, судя о будущемъ по прошедшему и настоящему, и теперь увѣренъ въ душѣ моей, что еслибъ когда-нибудь (помилуй насъ Боже) до дна расколыхалась Россія, еслибъ западные вѣтры надули на нее свирѣпую бурю, то первые ея валы воздыматься будутъ въ Пензѣ *). Во время Пугачевскаго бунта вѣроломствомъ и жестокостію никто не превзошелъ ея жителей; въ 1812 году, изо всѣхъ ополченій одно только Пензенское возмутилось въ самую минуту выступленія противъ непріятеля.

Да, такъ: почти сорокалѣтнее негодованіе мое и по днесь не истощилось; неугасимая ненависть къ Пензѣ и понынѣ наполняетъ мое сердце. Пусть люди добрые, но не знающіе глубокихъ ощущеній, равнодушные къ добру и злу, въ шумѣ свѣтскихъ увеселеній или въ заботахъ службы теряющіе память о иныхъ обязанностяхъ, пусть подозрѣваютъ они меня въ клеветѣ, пусть обвиняютъ въ жестокосердіи, въ ужаснѣйшей злобѣ! Я не ропщу на нихъ: имъ не понять меня. Не всякому дано священное, небесное чувство безпредѣльной сыновней любви, не у всякаго отецъ былъ праведникъ, не у всякаго распинали его, какъ у меня.

Я назвалъ главныхъ злодѣевъ нашихъ, не сказавъ, въ чемъ состояли ихъ нападенія и какой имѣли они успѣхъ. Все это такъ тѣсно связано съ тѣмъ, чтó я видѣлъ потомъ въ Петербургѣ, что отдѣлить отъ того почти невозможно, и я предоставляю себѣ разсказать о томъ въ слѣдующихъ главахъ.

Но и вездѣ не безъ добрыхъ же людей; ихъ было довольно и въ Пензѣ. Не знаю, показались ли бы они такими въ другомъ мѣстѣ, но тамъ ихъ общество было услажденіемъ: нравственности были они не строгой, любезностью ума не плѣняли, о просвѣщеніи уже и не спрашивай, болѣе или менѣе заражены были невѣжественною спѣсью; но многіе изъ нихъ были забавны своими странностями и не были чужды понятіямъ объ обязанностяхъ и достоинствѣ человѣка. Частыя поѣздки мои въ Пензу доставятъ мнѣ много случаевъ говорить о нихъ, и потому ограничусь я теперь описаніемъ вообще ихъ образа жизни.

На самомъ темени высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, гдѣ соборъ, губернаторскій домъ и присутственныя мѣста, идетъ улица, называемая Дворянскою. Ни одной лавки, ни одного купеческаго дома въ ней не находилось. Не весьма вы-

*) Нельзя обвинять ***, что первый бросилъ онъ въ Пензѣ зловредныя сѣмена; но очень удачно сдѣлалъ онъ первую вспашку на почвѣ самой удобной для воспріятія разрушительныхъ идей.

сокія, деревянныя строенія, обыкновенно въ девять окошекъ, довольно въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, жилища аристократіи, украшали ее. Здѣсь жили помѣщики точно также, какъ лѣтомъ въ деревнѣ, гдѣ господскіе хоромы ихъ также широкимъ и длиннымъ дворомъ отдѣлялись отъ регулярнаго сада, гдѣ входъ въ него также находился между конюшнями, сараями и коровникомъ и затрудняемъ былъ соромъ, навозомъ и помоями. Можно изъ сего посудить, какъ рѣдко сады сіи были посѣщаемы: невинныхъ, тихихъ наслажденій тамъ еще не знали, въ чистомъ воздухѣ не имѣли потребности, восхищаться природой не умѣли.

Описавъ расположеніе одного изъ сихъ домовъ, городскихъ или деревенскихъ, могу я дать понятіе о прочихъ: такъ велико было ихъ единобразіе. Невысокая лѣстница обыкновенно сдѣлана была въ пристройкѣ изъ досокъ, коей цѣлая половина дѣлилась еще на двое, для двухъ отхожихъ мѣстъ: господскаго и лакейскаго. Зажавъ носъ, скорѣе иду мимо и вступаю въ переднюю, гдѣ встрѣчаетъ меня другаго рода зловоніе. Толпа дворовыхъ людей наполняетъ ее; всѣ ощипаны, всѣ оборваны; одни лежа на прилавкѣ, другіе сидя или стоя говорятъ вздоръ, то смѣются, то зѣваютъ. Въ одномъ углу поставленъ столъ, на коемъ разложены или камзолъ, или исподнее платье, которое кроится, шьется или починивается; въ другомъ подшиваются подметки подъ сапоги, кои иногда намазываются дегтемъ. Запахъ лука, чеснока и капусты мѣшается тутъ съ другими испареніями сего лѣниваго и вѣтренаго народа. За симъ слѣдуетъ анфилада, состоящая изъ тр хъ комнатъ: залы (она же и столовая) въ четыре окошка, гостиной въ три, и диванной въ два; онѣ составляютъ лицевую сторону, и воздухъ въ нихъ чище. Спальная, уборная и дѣвичья смотрѣли на дворъ, а дѣтскія помѣщались въ антресолѣ. Кабинетъ, поставленный рядомъ съ буфетомъ, уступалъ ему въ величинѣ и, не смотря на свою укромность, казался еще слишкомъ просторнымъ для ученыхъ занятій хозяина и хранилища его книгъ.

Внутреннее убранство было также вездѣ почти одинаковое. Зала была обставлена плетеными стульями и складными столами для игры; гостиная украшалась хрустальною люстрой и въ простѣнкахъ двумя зеркалами съ подстольниками изъ крашенаго дерева; вдоль стѣны, просто выкрашенной, стояло въ серединѣ такого же дерева большое канапе, по бокамъ два маленькихъ, а между ними чинно разставлены были кресла; въ диванной угольной, разумѣется, диванъ. Въ сохраненіи мебелей видна была только бережливость Пензенцевъ; обивка ситцевая, или изъ полинялаго сафьяна, оберегалась чехлами изъ толстаго полотна. Ни воображенія, ни вкуса, ни денегъ на украшеніе комнатъ тогда много не тратилось.

Когда бывалъ званый обѣдъ, то мущины тѣснились въ залѣ, вокругъ накрытаго стола; дамы, люди пожилые и почетные и тѣ, кои садились въ карты, занимали гостиную, дѣвицы укрывались въ гинесеѣ, въ диванной. Всякая пріѣзжающая дама должна была проходить сквозь строй, подавая руку направо и налѣво стоящимъ мущинамъ и цѣлуя ихъ въ щеку; всякій мущина обязанъ былъ сперва войти въ гостиную и обойти всѣхъ сидящихъ дамъ, подходя къ ручкѣ каждой изъ нихъ. За столомъ сначала нѣсколько холодныхъ, потомъ нѣсколько горячихъ, нѣсколько жаренныхъ и нѣсколько хлѣбенныхъ являлись по очереди, а между ними неизбѣжные два бѣлыхъ и два красныхъ соуса дѣлили обѣдъ на двое. Странное обыкновеніе состояло въ обязанности слугъ, подавая кушанье и напитки, называть каждаго гостя по имени.

Вообще Пенза была, какъ Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикетъ въ ней бывалъ иногда мучителенъ. Барыни не садились въ кареты свои или колымаги, не имѣя двухъ лакеевъ сзади; чиновники штабъ-офицерскаго чина отмѣнно дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади; а статскій совѣтникъ не выѣзжалъ безъ шести клячъ, коихъ называлъ онъ цугомъ. Случалось, когда ворота его стояли рядомъ съ сосѣдними, то передній форрейторъ подъѣзжалъ уже къ чужому крыльцу, а онъ не выѣзжалъ еще съ своего двора. Съ воцареніемъ Александра дамы вездѣ перестали пудриться, только въ Пензѣ многія изъ нихъ не кидали обычая носить пудру. Щеголеватостью ни формъ, ни нарядовъ прекрасный полъ въ Пензѣ не отличался, ни даже пріятною наружностію. Только въ первые дни пребыванія моего тамъ, на Масляной, двѣ красавицы мелькнули предо мною, какъ мимолетныя видѣнія: одна генеральша Львова, урожденная Колокольцова, была тутъ проѣздомъ; другая госпожа Бекетова, урожденная Опочинина, три четверти года жила въ Саратовской деревнѣ, и скромная добродѣтель ея часто походила на суровость.

Одинъ почтенный, степенный и богатый человѣкъ, Николай Васильевичъ Смирновъ, жилъ въ Пензѣ прилично и благородно. При малолѣтнемъ сынѣ его былъ гувернеромъ меньшой братъ извѣстнаго уже шевалье де-Ролена. Не имѣя ни любезности, ни ума старшаго брата, онъ былъ гораздо его нравственнѣе. До революціи стоялъ онъ съ полкомъ въ Аяччіо, гдѣ хорошо зналъ семейство Бонапарте и выучился по-италіянски. Чтобы не совсѣмъ праздно проводить мнѣ время, пригласили его посѣщать меня и давать мнѣ Французскіе и Итальянскіе уроки; въ послѣднемъ я не имѣлъ времени сдѣлать большихъ успѣховъ, достаточно, однакоже, чтобы въ послѣдствіи понимать слова въ операхъ; а мнѣ только и было нужно. Изъ Москвы сдѣланы были Ев

генію Ролену выгоднѣйшія предложенія, и онъ оставилъ домъ г. Смирнова. Давно уже срокъ моего отпуска прошелъ, но не знали съ кѣмъ меня отправить, а одного, по глупости моей, не рѣшались; и потому воспользовались отъѣздомъ г. Ролена.

Какъ мнѣ ни жаль было разстаться съ родителями, но я сдѣлалъ сіе не безъ удовольствія, покидая вмѣстѣ съ нимъ непріятную и непріязненную Пензу. Мы выѣхали, помнится, 29-го Мая, въ одной изъ широкихъ и глубокихъ кибитокъ, которыя употреблялись тогда для дальнихъ дорогъ. Путевыя издержки, разумѣется, были на счетъ моихъ родителей. Погода была чудесная, дорога какъ скатерть, я лежалъ какъ въ колыбели, и хотя сухощавый Французъ, у котораго пересчитать можно было косточки, иногда и морщился отъ ѣзды, не совсѣмъ для него покойной, но только на минуту, а потомъ опять начиналъ смѣяться и шутить. Разказамъ его, и весьма занимательнымъ, не было конца, и мнѣ кажется, ни одного путешествія я такъ скоро не совершилъ. До Саранска и далѣе, до самой границы Пензенской губерніи, проворно закладывали намъ лошадей, услуживали намъ и, какъ передъ дофиномъ Пензенскимъ, снимали передо мной шапки. Подъѣзжая къ Арзамасу, пренебреженіе къ проѣзжимъ, мальчику и Французу, сдѣлалось очень примѣтно; я гнѣвался, а Французъ хохоталъ, разсуждая о превратностяхъ міра и паденіи царствъ. По дорогѣ отъ Пензы до Москвы, на Муромъ и Владиміръ я столько разъ потомъ проѣзжалъ, что описаніе ея мнѣ кажется столь же мало любопытно, какъ разсказъ о путешествіи съ Невскаго проспекта на Крестовскій островъ.

Въ Москвѣ нашелъ я сестру и зятя, поселившихся почти за городомъ. Не все же было хорошо при обожаемой мною Екатеринѣ: не довольствуясь отнятіемъ имѣній у монастырей (чѣмъ уменьшились, едва ли не уничтожились власть и вліяніе духовенства, а слѣдственно уваженіе къ нему), князь Потемкинъ нанесъ при ней святотатственную руку на самое существованіе многихъ изъ обителей; въ томъ числѣ упразднены были въ Москвѣ знаменитый нынѣ Симоновъ, и прежде Крутицкій монастыри. Сей послѣдній долго былъ мѣстопребываніемъ епархіальнаго архіерея, коему вмѣстѣ съ епархіей давалъ даже свое имя *). Опустѣвшія кельи его об-

---

*) Нищета составляетъ силу возникающихъ сектъ и религій; но постепенно умножающаяся бѣдность церкви, нѣкогда могущественной и богатой, доказываетъ упадокъ самой вѣры. Зачѣмъ же потрясать алтарь въ Россіи, гдѣ онъ всегда былъ и есть самая твердая, надежнѣйшая опора трона, до того, что понятія объ нихъ сливаются въ названіи престола, обоимъ присвоеннаго? Это и преступленіе, какъ говорилъ Талейранъ, это и политическая ошибка.

ращены были въ казармы полицейскихъ драгунъ. Изъ нихъ сформировалъ Алексѣевъ два эскадрона и былъ назначенъ ихъ командиромъ. Они служили менѣе для пользы, чѣмъ для украшенія полиціи, и были потѣхой для ихъ начальника, который отъ полицейскихъ заботъ отдыхалъ, научая ихъ кавалерійской службѣ. Очень порядочные дворяне соглашались вступить въ сіи эскадроны и носить бѣлый султанъ, коимъ украшались офицеры; промотавшіеся, буйные, молодые купчики плѣнялись также высокими касками, и многіе входили въ нихъ рядовыми. Алексѣевъ баловалъ ихъ, приголубливалъ, иныхъ производилъ въ унтеръ-офицеры, всячески приманивалъ и составилъ изъ того что-то весьма красивое.

Помѣщенія внутри монастыря для него самого не было: архіерейскія келья отдалъ онъ офицерамъ. Но лѣтомъ какъ можно менѣе хотѣлъ онъ разставаться съ своими любезными эскадронами, и потому близко отъ нихъ занялъ онъ пустой, невысокій, деревянный домъ, съ обширнымъ садомъ, принадлежащій отсутствующему его пріятелю князя Жевахову. Туда перевезъ онъ жену и дѣтей, и тамъ нашелъ я ихъ.

Тамъ же провелъ я все лѣто, могу сказать, въ нѣдрахъ природы и полиціи. Оно прошло для меня быстро, слѣдственно чрезвычайно пріятно: я полюбилъ долгія уединенныя прогулки, которыя мнѣ уже не возбранялись. Крутицы находятся между Новоспасскимъ монастыремъ и Симоновымъ, въ равномъ почти разстояніи какъ отъ того, такъ и отъ другаго; въ семъ пространствѣ обыкновенно заключались мои прогулки. Во мнѣ родились новыя чувства, которымъ не было имени; я любилъ безъ предмета, желалъ безъ цѣли, наслаждался безъ всякой чувственности, думалъ безъ мыслей, столь же мало какъ птица, которая летаетъ по ясному небу. Какъ назвать это, сумасшествіемъ или мечтательностію? Знаю только, что мнѣ было очень хорошо и что ничего подобнаго никогда уже послѣ я не ощущалъ. Я полагаю, что это было лихорадочное состояніе самой первой молодости, какой-то избытокъ жизни, безъ всякой причины, безъ всякаго потрясенія готовый на все изливаться. Не въ состояніи будучи выразить того, что̀ я чувствовалъ тогда, пусть позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстахъ, кои были свидѣтелями моего страннаго блаженства.

Пространство, занимаемое бывшимъ Крутицкимъ монастыремъ, очень велико; монахи насадили внутри стѣнъ его прекрасную липовую рощу, а затѣмъ остается еще, также внутри ограды, довольно обширная площадь, чтобы дѣлать на ней кавалерійское ученье. Двойные ворота, служившіе ему входомъ, съ маленькою церковью надъ ними, украшены и понынѣ множествомъ каменныхъ столбчиковъ, на коихъ

искусно высѣчены вѣтви, листья и птицы, покрытые зеленою и другими красками. Новая, большая церковь стоитъ у самаго входа и обращена въ приходскую; старая же соединялась съ бывшими архіерейскими кельями посредствомъ открытой галлереи или переходовъ, также поддержанныхъ кручеными столбчиками, съ навислыми между ими сосульками; но все это не каменное, а муравленное, облитое разноцвѣтною глазурью *). Чудо какъ это было хорошо! Но безъ всякаго присмотра все это билось, ломалось, портилось. Въ самой же церкви сдѣланъ былъ цейхгаузъ. Я полюбопытствовалъ разъ заглянуть туда и, не смотря на мою молодость, смутился духомъ: отъ верху до низу стѣны сохраняли еще изображенія святыхъ угодниковъ, а внутренность завалена сукнами и кожами; на сохранившемся каменномъ алтарѣ, о срамъ, о ужасъ! лежали сѣдла и уздечки. Такой вандализмъ, что право хоть бы въ революціонной Франціи.

Съ Новоспасскимъ монастыремъ почти соединяется бывшій Крутицкій примыкающею къ нему слободкою, а отъ Симонова отдѣлялся тогда длиннымъ полемъ, нынѣ частію застроеннымъ. Симоновская обитель едва начинала тогда вновь подыматься; она все еще казалась опустѣвшею: такъ мало иноковъ еще въ ней собралось. Какъ часто, среди тишины ея, даже въ сумерки, бродилъ я между могильными камнями, безъ робости и печали, а съ какимъ-то душевнымъ спокойствіемъ! Самая смерть въ глазахъ моихъ не имѣла тогда ничего угрюмаго. Мнѣ неизвѣстны были историческія лица двухъ героевъ-отшельниковъ, Осляби и Пересвѣта, похороненныхъ въ старомъ Симоновѣ, во ста саженяхъ отъ новаго; но кто въ Москвѣ не зналъ вымышленнаго лица Бѣдной Лизы? И я не рѣдко посѣщалъ Лизинъ прудъ. Повѣсть Карамзина привлекала чувствительныхъ къ нему на поклоненіе; она первая указала на красоту Симоновскихъ видовъ, открыла вновь дорогу къ забытымъ стѣнамъ его и, вѣроятно, подала мысль о его воскресеніи.

Впрочемъ, не всегда мечтательнымъ, но иногда и положительнымъ, грубымъ наслажденіямъ я предавался. Получивъ не задолго передъ тѣмъ, за открытіе большаго заведенія фальшивыхъ ассигнацій, Аннинскій крестъ на шею, зять мой праздновалъ сіе важное, по тогдашнимъ понятіямъ, для него событіе веселымъ пиршествомъ, и жалѣлъ, что не могъ угостить начальника своего, графа Салтыкова, который съ своею графиней и семействомъ уѣхалъ на все лѣто въ Петербургъ. Случалось, что полиція съ нами любезничала, дѣлая маленькія илюминаціи въ рощѣ и маленькіе фейерверки въ полѣ. Иногда

*) Нѣмецъ баронъ Боде сказывалъ мнѣ, что для возобновленія и украшенія Кремлевскихъ теремовъ бралъ онъ за образецъ единственно Крутицы.

пѣсельники, балалаешники, плясуны, такого рода потѣхи, которыя пріятны только лѣтомъ на открытомъ воздухѣ, забавляли насъ. Иногда въ слѣдъ за этими самыми пѣсельниками, въ темную ночь, спускались мы къ Москвѣ-рѣкѣ и слушали, какъ, съ рожками разъѣзжая въ лодкахъ, они оглашали берега ея. Въ день Преображенія Господня и Успенія Богоматери, вся Москва пѣшкомъ, верхомъ, въ каретахъ и телѣгахъ, подымалась на гулянье вокругъ сосѣднихъ съ нами монастырей.

Просрочивъ и опасаясь грубостей Бантыша-Каменскаго, я не спѣшилъ къ нему явиться; но онъ принялъ меня, о диво! какъ бы ни въ чемъ не бывало. Умный старикъ смѣтилъ, наконецъ, что взыскательность съ мальчиками, кои на годъ или на два записываются въ его архивъ для полученія чина, совсѣмъ неумѣстна, когда все гласитъ о снисходительности.

Но вмѣстѣ съ уменьшеніемъ его строгости, архивъ лишился многихъ пріятностей. Никто уже (и я въ томъ числѣ) такъ часто въ него не ходилъ: скука была ужасная, не съ кѣмъ почти было слова вымолвить. Куда дѣвались всѣ наши молодцы? Одни переселились въ спокойный уже Петербургъ подъ покровительство къ роднымъ; другіе получили мѣстà при миссіяхъ; одни путешествовали за границей, другіе доучивались въ иностранныхъ университетахъ; а иные, не покидая архива, выпросились на лѣто въ деревню. Единственною для меня отрадой были встрѣчи съ двумя сослуживцами, прежнимъ Блудовымъ, и новымъ Губаревымъ. Я нашелъ, что первый чрезвычайно выросъ, потерялъ немного прежней живости (чему причины я тогда не зналъ), за то, кажется, еще болѣе поумнѣлъ; другой былъ добрый, остроумный весельчакъ, который потомъ деревенскую жизнь предпочелъ исканію почестей.

Многіе изъ жителей Москвы и оставшихся моихъ товарищей все твердили о Петербургѣ, жилищѣ свѣтозарнаго ангела, земномъ раѣ, гдѣ люди свободны, блаженствуютъ и трудятся единственно только для добра. Очарованіе все еще длилось. Вѣнчанный юноша уже хладѣлъ въ пламенныхъ объятіяхъ Россіи, уже невѣрные взоры его съ любовію обращались къ Западу; а ея восторги не истощились. Всѣ завидовали тѣмъ счастливцамъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ. Увы, несчастный! Зачѣмъ увлекся я общею молвою! Зачѣмъ послушали меня родители! Зачѣмъ вице-канцлеръ исполнилъ ихъ желаніе! Около половины Августа причисленъ я къ дѣламъ коллегіи, съ тѣмъ чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, поступить въ канцелярію князя Куракина.

Я бы могъ спокойно жить въ безпечной Москвѣ; изрѣдка повышаемый въ чинахъ, я бы до сѣдыхъ волосъ могъ оставаться архив-

нымъ юношей. Въ старикѣ Каменскомъ привычка обращалась въ чувство; я бы сталъ копаться съ нимъ въ древнихъ рукописяхъ и могъ бы сдѣлаться полезнымъ ему сотрудникомъ. А если бы недостаточное состояніе понудило меня искать содержанія болѣе выгоднаго, то сколько мѣстъ въ Москвѣ, гдѣ служба—продолжительный, пріятный сонъ! Кремлевская Экспедиція, Почтамтъ, Опекунскій Совѣтъ и другія. Нѣтъ, всею будущностью, спокойствіемъ всей жизни пожертвовалъ я честолюбію, которое велѣли мнѣ имѣть и котораго даже во мнѣ не было. Кто знаетъ? Не столь разборчивый, я могъ бы встрѣтить скромную, тихую дѣву, безъ причудъ и шумихи Петербургскаго воспитанія; я былъ бы ею счастливъ, а она мною. Въ благорастворенномъ климатѣ, ближе къ природѣ, можетъ быть я полюбилъ бы сельскую жизнь, малый достатокъ жены соединивъ съ собственнымъ; врожденною моею бережливостію я могъ бы ихъ умножить; семейство, научаемое мною умѣренности, наслѣдовало бы моему скромному счастію, и нынѣ ясный день тихо догоралъ бы для меня. Но нѣтъ! На путь жестокихъ испытаній круто своротила меня судьба съ той мирной стези, которую указывали мнѣ и природныя наклонности, и положеніе, въ коемъ я находился.

И что же? Много ли я выигралъ передъ тѣми, кои никогда не знали Петербургской службы? То я прыгалъ, то долженъ былъ на время останавливаться; а они спокойно шли ровнымъ, тихимъ шагомъ, и отъ меня не отставали. И что̀ за жизнь моя была, о Боже! Почти вся она протекла среди болотъ Петрограда, гдѣ воздухъ физически стольже заразителенъ, какъ нравственно. Сколько нуждъ перенесъ я въ семъ городѣ! Какъ постоянно рвался я изъ него! И въ преклонныхъ лѣтахъ еще осужденъ я влачить въ немъ тяжелыя оковы службы.

Но мнѣ ли роптать? Ахъ, нѣтъ! Благодарю Тебя, Господи: по волѣ Твоей, необыкновенный, ненизкій жребій мнѣ выпалъ. Во тьмѣ заблужденій, въ кою ввергнута была моя неопытная, праздная молодость, никогда не переставали свѣтить мнѣ честь и вѣра, и голосъ совѣсти моей, иногда мучительный, никогда не умолкалъ. Близъ четверти столѣтія поставленъ я въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ врагами моей отчизны: то съ иностранцами, коихъ она обогащаетъ и коихъ ненависть возрастаетъ по мѣрѣ ея благодѣяній, то съ неблагодарными единовѣрцами, для коихъ она должна быть свѣтиломъ и упованіемъ; то съ единокровными ея злодѣями, нѣкогда случайно отторгнувшими ея области и насильственно водворившими въ нихъ чуждую ей вѣру, но болѣе всего съ безразсудными ея сынами, не постигающими истинныхъ ея и собственныхъ своихъ пользы и славы. Почти съ перва шага осмѣлился я вступить не въ скрытый, но въ явный [illegible]

Часто, часто изнемогалъ я подъ ихъ ударами; иногда долженъ былъ бѣжать отъ однихъ и вдругъ являлся передъ другими. Благонамѣренное, благотворное мнѣ начальство само скучало иногда неблагоразумнымъ моимъ рвеніемъ, готово было отступиться отъ меня и предать на произволъ обстоятельствъ, но чѣмъ-то было удерживаемо. Недостатокъ въ знаніи, разстроенное здоровье, часто слѣдствіе его —недостатокъ въ дѣятельности, хитрость и сила враговъ, ничто не изумляло меня, ничто не пугало. Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе мое близко; но я еще не погибъ, но я все еще стою, одинъ, цѣлъ и невредимъ. Кто же сіялъ мнѣ въ пропасти? Кто говорилъ мнѣ языкомъ совѣсти моей? Кто спасалъ меня отъ видимыхъ и невидимыхъ силъ? Тотъ, Котораго всегда осмѣливаюсь называть я Русскимъ.

Пусть услышитъ Онъ мольбу благодарнаго и утомленнаго существа! Буди Его воля, если мнѣ суждено до конца дней моихъ мучительно бороться! Но умилосердись, о Боже, пошли конецъ моимъ страданіямъ! Какъ одержимымъ тяжкими болѣзнями, дай вкусить мнѣ предсмертное спокойствіе хотя на малое время; дай окончить мнѣ жизнь и уснуть вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ праотца или праматери городовъ Россійскихъ, въ Москвѣ или въ Кіевѣ, въ виду священнаго Кремля или лавры Печерской, вдали отъ Татарской, ненавистной мнѣ Пензы, отъ Финскаго, постылаго мнѣ Петербурга!

Въ немъ начинается совершенно новая для меня эпоха жизни, чрезвычайно важная для самой Россіи, эпоха нововведеній, все перепортившихъ улучшеній. Я намѣренъ описать ее въ слѣдующихъ уже не главахъ, а томахъ, если достанетъ у меня на то времени, здоровья и терпѣнія. Мнѣ нетрудно было изобразить первые годы моей жизни. Переносясь въ сіе отдаленное время, я начиналъ вновь существовать, живость воспоминаній оживляла мой разсказъ; но отселѣ смѣхъ и шутка должны рѣже показываться въ моемъ повѣствованіи. Я перестаю уже быть мальчикомъ, живу въ одиночествѣ, имѣю собственную волю, дѣйствую по собственному разсудку, смотрю внимательнѣе на ходъ общественныхъ дѣлъ, однимъ словомъ становлюсь гражданиномъ. Въ описаніи предметовъ болѣе важныхъ, не знаю, будетъ ли мнѣ столько удачи?

Въ послѣдній разъ сопровождаемъ я былъ спасительнымъ обо мнѣ попеченіемъ моего семейства; мнѣ не дозволили ѣхать одному. Старшій братъ мой Павелъ, за болѣзнію, опять оставилъ службу; его прислали изъ Пензы въ Москву, чтобъ отвезти меня и устроить на новомъ жительствѣ. Мы отправились 31 Августа, а 4 Сентября 1802 года прибыли въ Петербургъ.

ЗАПИСКИ

ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(съ подлинной рукописи).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892

(1802 г.)

I.

Мы остановились въ «Лондонѣ», въ одномъ изъ двухъ только извѣстныхъ тогда трактировъ и заѣзжихъ домовъ, изъ коихъ другой, Демутовъ, принадлежащій къ малому числу древностей столѣтняго Петербурга, одинъ еще не тронутъ съ мѣста и не перестроенъ.

Большой живости не было замѣтно. Городъ только черезъ десять лѣтъ началъ такъ быстро наполняться жителями; тогда еще населеніемъ онъ не былъ столь богатъ; обычай же проводить лѣто на дачахъ въ два года между всѣми классами уже распространился: съ нихъ не успѣли еще переѣхать, и Петербургъ казался пустъ.

Но если по наружности не было замѣтно большаго движенія, то въ правительственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ была тогда большая дѣятельность; ибо 8 Сентября изданъ достопамятный указъ объ учрежденіи министерствъ.

Дворъ находился тогда въ Гатчинѣ, и потому-то мы не нашли ни генералъ-прокурора Беклешова, къ которому братъ имѣлъ порученіе отъ отца, ни вице-канцлера князя Куракина, къ которому я ходилъ являться. По странному стеченію обстоятельствъ, пріѣздъ мой былъ вторично какъ будто сигналомъ удаленія для Беклешова; меня же другой разъ встрѣтили въ Петербургѣ обманутыя надежды.

Съ учрежденіемъ министерствъ можно сказать уничтожался весь прежній ходъ дѣлъ въ государствѣ и установлялся совершенно новый. Упрямство ли или дальновидность стариковъ заставляла ихъ всѣми силами противиться опаснымъ, по мнѣнію ихъ, перемѣнамъ. Ихъ представили какъ людей, правда, опытныхъ, но искусныхъ только на практикѣ, безъ единой государственной, созидательной мысли. Всѣ они поспорили и покорились необходимости; одинъ Беклешовъ вышелъ въ отставку. Князя Куракина, кажется, не спросясь уволили отъ управленія Иностранною Колегіей и утѣшили его тщеславіе званіемъ канцлера Россійскихъ орденовъ, чтó почиталось тогда въ гражданской службѣ самымъ высшимъ мѣстомъ *).

---

*) Тогда еще не было Государственнаго Совѣта и его председателя.

О неудобствахъ, о вредныхъ послѣдствіяхъ сего важнаго событія, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію пагубнаго для Россіи, долженъ я буду часто, почти безпрестанно, говорить въ сихъ Запискахъ. Здѣсь ограничусь объясненіемъ, какъ умѣю, въ чемъ состояла разница между старымъ и новымъ порядкомъ вещей.

Кажется, простой разсудокъ въ самодержавныхъ государствахъ указываетъ на необходимость колегіальнаго управленія. Тамъ, гдѣ верховная, неограниченная власть находится въ однѣхъ рукахъ, и гласъ народа, чрезъ представителей его, не можетъ до нея доходить, власть главныхъ правительственныхъ лицъ должна быть умѣряема совѣщательными сословіями, составленными изъ мужей болѣе или менѣе опытныхъ. Если сужденія ихъ, споры, даже несогласія нѣсколько замедляютъ ходъ дѣлъ: за то передъ государемъ они одни только обнажаютъ истину, выказываютъ ему способныхъ людей для каждаго мѣста и такимъ образомъ облегчаютъ ему выборы. Такъ было въ Россіи до Петра Великаго. Приказы, думы, суды превратились при немъ въ колегіи; число ихъ умножилось: перемѣнились названія, но не измѣнился существовавшій порядокъ. Предъ обновленною имъ древностію благоговѣли всѣ его преемники до Александра.

Молодость сего государя, по образу мыслей, данному ему воспитаніемъ и по внушеніямъ почти столь же юныхъ совѣтниковъ, пренебрегла опытомъ вѣковъ.... Необходимо будетъ кратко и рѣзко изобразить новыя лица, которыя выступаютъ на сцену.

Всѣхъ старѣе если не лѣтами, то чиномъ, былъ графъ Кочубей, родной племянникъ умершаго канцлера князя Безбородки. Чтобы составить геній одного человѣка, натура часто принуждена бываетъ отобрать умственныя способности у всего рода его. Такъ поступила она съ великимъ Суворовымъ и славнымъ Безбородкой. Окинувъ взоромъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, покойный канцлеръ въ одномъ только изъ нихъ замѣтилъ необыкновенный умъ, то-есть что-то на него самого похожее: смѣтливость, чудесную память и гордую таинственность; и племянника своего, Виктора Павловича, предназначилъ быть преемникомъ счастія своего и знаменитости. Ничего не пощадивъ на его воспитаніе, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отправилъ онъ его въ Лондонскую миссію, къ искусному дипломату, посланнику нашему графу Воронцову, на выучку. Оттуда прямо, черезъ нѣсколько лѣтъ, нашелъ онъ средство, съ чиномъ камергера, перевести его самаго посланникомъ въ Константинополь. До смерти своей сохранивъ при Павлѣ неограниченный кредитъ, онъ сначала вызвалъ его оттуда членомъ Иностранной Колегіи, а потомъ, въ короткое время, успѣлъ доставить ему графское достоинство и званіе вице-канцлера. Одинъ,

безъ дяди, при Павлѣ, Кочубей долго не могъ оставаться и, какъ многіе другіе, былъ сосланъ въ деревню.

Въ царствованіе Александра надобно уже было ему жить собственнымъ умомъ; ему было тогда не съ большимъ тридцать лѣтъ. Онъ пренебрегъ обыкновенными ничтожными занятіями дипломатовъ, по большей части сплетнями хорошаго тона, и хотѣлъ посвятить себя внутреннему преобразованію государства. Передъ соотечественниками ему было чѣмъ блеснуть: онъ лучше другихъ зналъ составъ парламента, права́ его членовъ, прочиталъ всѣхъ Англійскихъ публицистовъ и, какъ львенокъ Крыловой басни, собирался учить звѣрей вить гнѣзда. Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующій взглядъ, надменная учтивость—были блестящія завѣсы, за кои искусно пряталъ онъ свои недостатки, и имя государственнаго человѣка принадлежало ему, когда еще ничѣмъ онъ его не заслужилъ.

Другой сообщникъ въ важномъ предпріятіи былъ тайный, непримиримый врагъ Россіи, слишкомъ извѣстный потомъ, измѣнникъ Чарторыжскій. Изступленнымъ патріотизмомъ его мать заслужила отъ Поляковъ названіе *матки ойчизны*; въ объятіяхъ этой матки, Польской Юдиеи, Русскій Олофернъ нашъ, князь Репнинъ, не потерялъ, однакоже, головы, и ойчизну ея, когда былъ посломъ въ Варшавѣ, заставлялъ трепетать передъ собою. Князь Адамъ былъ плодомъ всѣмъ извѣстнаго сего чудовищнаго союза. Съ малолѣтства напитанный чувствами жесточайшей ненависти къ истинному своему отечеству, онъ посвященъ былъ его же служенію. Нѣсколько времени находился онъ адъютантомъ при Александрѣ Павловичѣ, когда тотъ былъ наслѣдникомъ престола, умѣя угодить ему, и составленную съ нимъ связь сохранилъ почти всю жизнь его. При его воцареніи вызванъ онъ былъ изъ Рима, гдѣ находился посланникомъ нашимъ при Сардинскомъ королѣ, который, лишившись Піемонта, не очень спѣшилъ отправиться въ Сардинію. Чтобы сойтись съ другими любимцами царя, надобно было ему притвориться англоманомъ, чтó ему небольшаго стоило. Кромѣ зла, не могъ онъ желать Россіи, и участіе его въ замышляемомъ ея преобразованіи, по крайней мѣрѣ, показываетъ въ немъ много ума.

Третій соучастникъ былъ двадцатидевятилѣтній Павелъ Строгановъ, единственный сынъ графа Александра Сергѣевича, извѣстнаго покровителя художествъ и Музъ. Совершеннымъ мальчикомъ видѣлъ онъ въ Парижѣ ужáсы революціи и былъ въ восхищеніи отъ сего народнаго волкана. Съ трудомъ могли его извлечь оттуда и перевести въ Лондонъ, гдѣ глазамъ его представилось другое зрѣлище. Тамъ увидѣлъ онъ блестящій призракъ свободы, коимъ искусный деспотизмъ

И вотъ люди, которые, едва достигнувъ зрѣлости, хотѣли быть опекунами Россіи и брались ее перевоспитывать. Нѣтъ сомнѣнія, что они не могли бы имѣть такого успѣха, еслибъ самъ Царь не имѣлъ склонности подражать всему Англинскому. Его воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины Образованіе его ума поручила она Женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ и въ день своего пріѣзда и который карманную республику свою поставилъ образцомъ правленія будущему самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка, котораго женили ранѣе шестнадцати лѣтъ. Не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать. Иногда у себя спрашиваешь: что̀ было бы съ красотою его души, еслибъ любовь къ отечеству сохранила ее, еслибъ ея не исказило безотчетное пристрастіе къ иноземному? И гдѣ бы тогда въ лѣтописяхъ найдти подобнаго ему царя?

Со временъ Петра Великаго судьба велитъ Россіи покорствовать которому-нибудь изъ государствъ или народовъ Европейскихъ и поклоняться ему, какъ идолу. Чтобъ угодить Петру, надобно было сдѣлаться Голандцемъ; Германія владычествовала надъ нами при Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ появился Лашетарди, и начались соблазны Франціи; они умножились и усилились страстію Екатерины Второй къ Французской литературѣ и дружбою ея съ философами восьмнадцатаго вѣка. Петръ III-й и Павелъ I-й хотѣли сдѣлать насъ Прусаками; въ первые годы Александрова царствованія Англія была нашею патроншей. Ужъ не Польша-ли становится нашимъ кумиромъ?

Изъ-за пентархіи, мною описанной, какъ будто скрываясь, выглядывалъ Сперанскій. Сіе ненавистное имя въ первый разъ еще является въ сихъ Запискахъ. Человѣкъ сей быстро возникъ изъ ничтожества. Сынъ сельскаго священника, возросшій подъ сѣнію алтарей, онъ воспитывался сперва во Владимирской семинаріи и учился потомъ въ Александроневской Духовной Академіи. Духъ гордыни рано имъ овладѣлъ; какъ падшіе ангелы, тайно возставалъ онъ противъ самаго Бога и въ первой молодости уже отвергалъ бытіе Его. А между тѣмъ невѣрующій сей дѣлалъ удивительные успѣхи въ богословскихъ наукахъ, и врагъ церкви приготовлялся быть ея служителемъ. Въ лѣта непорочности и чистосердечія пріучалъ онъ такимъ образомъ лживыя уста свои выражать то, чего онъ не думалъ. Можетъ быть, оставаясь въ духовномъ званіи, келейная жизнь дала бы другое направленіе его

мыслямъ, и демонъ, вынужденный хвалить Господа, убѣдился бы, наконецъ, въ истинахъ, кои обязанъ былъ вседневно возвѣщать. Но случайно онъ былъ перенесенъ на сцену мірской жизни.

Меньшой братъ князя Куракина, Алексѣй Борисовичъ, хотѣлъ единственнаго сына своего воспитаніемъ приготовить къ занятію со временемъ одного изъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ и для того просилъ митрополита Гавріила выбрать ему наставника изъ студентовъ или магистровъ Духовной Академіи. Онъ прислалъ ему двухъ, изъ коихъ предпочтенъ Сперанскій *). Въ сей новой сферѣ угождалъ онъ отцу, нравился матери, баловалъ сына и прельщеніями очищалъ себѣ дорогу къ будущимъ успѣхамъ. Онъ причисленъ къ экспедиціи казначейства, коею управлялъ князь Куракинъ; когда же сей послѣдній при Павлѣ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ и пробылъ имъ два года, то можно себѣ представить, какъ побѣжалъ онъ по ступенямъ почестей. При трехъ преемникахъ Куракина, князѣ Лопухинѣ, Беклешовѣ и Обольяниновѣ, былъ онъ также дѣятельно употребленъ и награждаемъ, но не имѣлъ главнаго вліянія на дѣлà.

Фортуну его сдѣлалъ графъ Паленъ, человѣкъ столь же мало, какъ и онъ, проникнутый свѣтомъ христіанской морали. Находясь въ канцеляріи генералъ-прокурорской, онъ въ тоже время былъ правителемъ канцеляріи какой-то коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами, коей Паленъ былъ президентомъ, по званію военнаго губернатора. Имъ былъ онъ представленъ молодому императору, который тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ статсъ-секретаремъ. Замѣтивъ склонность Александра къ нововведеніямъ, онъ предложилъ, какъ первый опытъ, раздѣленіе дѣлъ тогдашняго Императорскаго Совѣта на экспедиціи и взялъ одну изъ нихъ въ свое управленіе.

Никто изъ пяти преобразователей не умѣлъ ничего написать. Сперанскій предложилъ имъ искусное перо свое и, принимая видъ, какъ будто собираетъ ихъ мнѣнія, соглашаетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, дѣйствительно одинъ составилъ проектъ учрежденія министерствъ. Тутъ увидѣлъ онъ всю пустоту претензій людей, почитавшихъ себя у насъ государственными, узналъ все ихъ ничтожество, опытность старцевъ и зрѣлыхъ мужей презиралъ, уважалъ одну только ученость, въ этомъ отношеніи на гражданскомъ поприщѣ рав-

---

*) Оба братья Куракины любили показывать пышность. За двумя студентами послана была цугомъ великолѣпная четвероместная карета съ гербами и ливрейными лакеями. Неопытный въ дѣлахъ свѣта, Сперанскій, говорятъ, до того изумился, что бросился становиться на запятки и рѣшился сѣсть въ карету, послѣдуя только примѣру своего товарища, болѣе смѣлаго.

ныхъ себѣ не видѣлъ и съ тѣхъ поръ пріучился ставить себя выше всѣхъ.

Въ высокихъ, блестящихъ качествахъ ума никто, даже его враги, ему никогда не отказывали. Не смотря на безнравственность его правилъ (хотя и не поведенія), въ другихъ обстоятельствахъ, въ другое время, онъ могъ бы оказать чрезвычайныя услуги государству и пользоваться чистою славой. Онъ былъ еще молодъ, спѣшилъ блеснуть, и въ торопяхъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ списать точьвъ-точь учрежденіе министерствъ, коимъ Французская Директорія надѣялась поболѣе людей привязать къ своему существованію, со всѣмъ преувеличеннымъ его содержаніемъ, со всѣмъ излишествомъ должностей. Въ немъ признали творца, точно также какъ предки наши, не знавшіе Корнеля и Расина, дивились изобрѣтательности Сумарокова и Княжнина. Потомство будетъ умѣть оцѣнить созданія Сперанскаго.

Хотя онъ (пусть простятъ мнѣ сіе простонародное выраженіе) и корчилъ иностранца, но въ немъ замѣтна была отличительная черта истинно-Русскаго человѣка: онъ не зналъ мести, не умѣлъ ненавидѣть. Но за то никто изъ его соотечественниковъ, даже самъ Потемкинъ, такъ глубоко не умѣлъ все презирать, съ тою только разницей, что онъ умѣлъ дѣлать сіе непримѣтно. Я полагаю, что это происходило отъ совершеннаго равнодушія ко всему, кромѣ самого себя и своихъ твореній. Онъ не любилъ дворянства, коего презрѣніе испыталъ онъ къ прежнему своему состоянію; онъ не любилъ религіи, коей правила стѣсняли его дѣйствія и противились его обширнымъ замысламъ; онъ не любилъ монархическаго правленія, которое заслоняло ему путь на самую высоту; онъ не любилъ своего отечества, ибо почиталъ его не довольно просвѣщеннымъ и его недостойнымъ. Тайный недругъ православія, самодержавія и Руси, и въ ней особенно одного сословія, онъ однакоже ихъ не ненавидѣлъ, въ будущемъ довольствуясь мысленно ихъ паденіемъ, не истребленіемъ. Никто никогда ни въ чемъ не могъ его уличить; но кто зналъ его характеръ и правила, тотъ изъ дѣйствій его могъ вывести достовѣрное заключеніе, что всѣ они направлены къ сей отдаленной цѣли. Когда сей зловѣщій духъ показался на нашемъ горизонтѣ, никто его не понялъ; всѣ любили, ласкали его, дивились ему, даже гордились имъ, для всѣхъ былъ онъ надежа-Сперанскій. Неблагодарный! И онъ могъ не любить своего отечества? Только въ послѣдствіи, когда воспарилъ онъ гораздо выше и заключился въ самомъ тѣсномъ кругу, когда онъ окружилъ себя какою-то таинственною, непроницаемою атмосферой, тогда только открылось поле для догадокъ и невыгодныхъ объ немъ толковъ.

Онъ имѣлъ лицо весьма пріятное и бѣлизну молочнаго цвѣта. Голубые взоры его ни на чтó не устремлялись, никогда не блуждали, никогда не потуплялись, но, медленно поворачиваясь въ сторону, какъ будто избѣгали встрѣчи съ другими взорами *); голосъ его былъ тихъ и нѣсколько протяженъ, улыбка принужденно-ласковая. Въ одѣяніи, въ образѣ жизни старался онъ прилаживаться къ господствовавшему вкусу. Къ счастію его, былъ онъ женатъ на дѣвицѣ Стивенсъ, дочери бывшей Англійской гувернантки въ домѣ графини Шуваловой; онъ ея лишился, но сохранилъ много изъ навыковъ ея земли. Напримѣръ, тогда уже завтракалъ онъ въ одиннадцать часовъ, и завтракъ его состоялъ изъ крѣпкаго чая, хлѣба съ масломъ, тонкихъ ломтей ветчины и вареныхъ яицъ. Онъ не зналъ по-англійски; умѣлъ однакоже говорить маленькой дочери своей, нынѣшней Толстой-Багрѣевой: my dear, my pretty child, my sweet girl. Лѣтомъ думалъ онъ ѣздить верхомъ, едва держась на клячѣ съ отрубленнымъ хвостомъ. Вотъ единственно смѣшная его сторона, которую неохотно я представилъ: мнѣ не хотѣлось бы ничего въ немъ видѣть смѣшнаго, а одно удивляющее, ужасающее. Впрочемъ, можетъ-быть, и это было притворство, а не претензія.

Читатель увидитъ далѣе, что мнѣ случилось быть съ нимъ, если не въ близкихъ, то въ частыхъ отношеніяхъ. Я раздѣлялъ всеобщее къ нему уваженіе; но и тогда близъ него мнѣ все казалось, что я слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземнаго міра.

Невозможно было вдругъ разрушить старое, вѣковое зданіе; надобно было напередъ вывести новыя стѣны. Три министерства, иностранныхъ дѣлъ, военное и морское, дѣйствительно, всегда существовали подъ названіемъ государственныхъ колегій: съ другими колегіями ихъ смѣшивать не должно. Президенты трехъ колегій были фельдмаршальскаго чина и ходили прямо съ докладомъ къ царю; члены же ихъ, иногда втораго класса, никогда менѣе четвертаго, управляли экспедиціями (нынѣшними департаментами), на кои были раздѣлены дѣла ихъ. Прочія колегіи не имѣли ни одинаковой съ ними важности, ни равныхъ съ ними правъ. Ихъ президенты, обыкновенно тайные совѣтники, часто и выше, посылали доклады ихъ чрезъ статсъ-секретарей, дѣйствовали, однакоже, совершенно отъ нихъ независимо и чрезъ прокуроровъ состояли только подъ наблюденіемъ генералъ-прокурора. Изъ нихъ одна только медицинская передѣлана тогда въ экспедицію; прочія же колегіи, оставаясь пока въ прежнемъ составѣ и съ прежними

---

*) Одна умная современница Сперанскаго говорила намъ, что глаза у него были точно у издыхающаго теленка (veau expirant), чтò подтверждаютъ нѣкоторые его портреты. П. Б.

названіями, подчинены были вѣдомству пяти вновь учрежденныхъ министерствъ.

Слово министерство было мало употребляемо: ихъ знали болѣе подъ названіемъ департаментовъ, ибо при каждомъ министрѣ находилось ихъ первоначально не болѣе, какъ по одному. Только въ послѣдствіи, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ, превратились иныя въ канцеляріи, а подвѣдомственныя министрамъ колегіи образовались въ департаменты. Иные читатели полюбопытствуютъ, можетъ быть, знать составъ перваго министерства въ Россіи.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ и государственнымъ канцлеромъ назначенъ былъ престарѣлый графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ. Послѣдняя должность, которую занималъ онъ при Екатеринѣ, было мѣсто президента комерцъ-колегіи, гдѣ до того прославился онъ безстыднымъ грабительствомъ, что она принуждена была его выгнать, а Павелъ Первый никогда не хотѣлъ его употребить. Къ брату его, Семену Романовичу, почти двадцать лѣтъ сряду послу нашему въ Лондонѣ, любимцы государя имѣли сыновнее уваженіе; онъ же самъ былъ извѣстенъ угодливостію молодымъ людямъ. Причины гоненія на него были забыты, онъ казался жертвой, былъ уменъ, сговорчивъ, на все согласенъ и, не смотря на внутреннее и наружное его безобразіе, на его неопрятность, на столь же запачканное платье, какъ и репутацію, занялъ онъ первое мѣсто въ государствѣ. Товарищемъ его назначенъ князь Адамъ Чарторыжскій.

Президенты военной и адмиралтействъ-колегій, фельдмаршалы графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ уволены отъ упраздняемыхъ должностей, а вице-президенты сихъ колегій, Вязмитиновъ и Мордвиновъ, назначены министрами. Покорность къ предержащей власти была девизомъ старика Сергѣя Кузьмича. Его доброта и честность были столь же извѣстны, какъ умъ его и дѣятельность: трудолюбіемъ и долговременною безпорочною службой единственно попалъ онъ, наконецъ, въ люди. Къ сожалѣнію, нахожденіе его въ малыхъ чинахъ при лицахъ строгихъ и не весьма вѣжливыхъ начальниковъ оставило въ немъ какое-то раболѣпство, не согласное съ достоинствомъ, которое необходимо для человѣка, поставленнаго на высокую степень. Ни Англійскаго, ни какого другаго иностраннаго, въ немъ рѣшительно ничего не было; въ немъ также никто не могъ бы узнать и древняго Русскаго боярина, а стариннаго, честнаго, вѣрнаго и преданнаго Русскаго холопа. Это былъ не Беклешовъ, и такой человѣкъ долженъ былъ пригодиться при составленіи министерства. Товарища ему не дали, и оттого онъ долѣе могъ усидѣть на мѣстѣ; ибо генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ, управ-

Утверждаютъ, что въ это время благонамѣренный и неопытный Царь, подстрекаемый письмами изъ Женевы отъ учителя своего Лагарпа (кои послѣ имѣлъ я случай читать и даже переписывать), хотѣлъ безъ всякаго приготовленія, единымъ махомъ, издать для Россіи какую-то конституцію. Увѣряютъ, будто приближенные его, не смотря на свое невѣдѣніе и англоманію, столько еще смыслили, чтобы знать великую разницу между Англіей и Россіей, что они убѣдили его на время отложить свое намѣреніе и въ замѣнъ предложили учрежденія министерствъ, какъ первый къ тому шагъ. Хороши бы мы тогда были! Родившись въ Россіи и никогда дотолѣ ея не покидавши, напитанный Русскимъ воздухомъ самодержавія, Александръ любилъ свободу, какъ забаву ума. Въ этомъ отношеніи былъ онъ совершенно Русской человѣкъ: въ жилахъ его вмѣстѣ съ кровію текло властолюбіе, умѣряемое только лѣностію и безпечностію. Дай Русскому народу Нѣмецкое прилежаніе и терпѣливость, и онъ владыка цѣлаго міра. Сейчасъ мы видѣли, какъ, пренебрегая общимъ мнѣніемъ, столь выгоднымъ для Мордвинова, за нѣсколько смѣлыхъ его выраженій, Императоръ внезапно удалилъ его. Съ другой стороны, невѣжественный нашъ народъ и непросвѣщенное наше дворянство и теперь еще въ свободѣ видятъ лишь право своевольничать. Чтó бы произошло отъ столкновенія властей? Богъ знаетъ. А можетъ быть, мы бы мигомъ прошли кровавое время безпорядковъ, и давнымъ давно изъ хаоса образовались бы устройство и народность. Но все-таки лучше, чтобъ наши правнуки собирали плоды понесенныхъ ими опасностей.

Итакъ министерства были первымъ изъ тѣхъ безчисленныхъ опытовъ, кои мы видимъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Долго ли еще намъ будетъ пытаться? Страшно подумать, что эти безпрестанныя пробы могутъ довести насъ, наконецъ, до какого-нибудь ужаснаго представленія.

Я долженъ былъ посвятить изображенію сего важнаго событія, имѣвшаго неисчислимое вліяніе на судьбу моего отечества, моего семейства и мою собственную, всю первую главу второй части сихъ Записокъ. Теперь пора мнѣ возвратиться къ самому себѣ и представить читателю первые шаги малоумнаго мальчика, брошеннаго безъ всякой подпоры въ опасный для каждаго столичный міръ.

II.

Узнавъ о великихъ перемѣнахъ, кои занимали весь городъ, въ недоумѣніи чтò мнѣ дѣлать, я пошелъ отыскивать архивскаго своего знакомца, князя Козловскаго, служившаго въ канцеляріи князя Куракина. Имѣя весьма скудное состояніе, онъ на его иждивеніи жилъ въ самомъ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома. Къ удивленію

моему нашелъ я его въ десятомъ часу по утру на постелѣ, хотя здороваго; онъ дружески протянулъ мнѣ руку, но воскликнулъ: какъ ты здѣсь, зачѣмъ ты пріѣхалъ? Я сказалъ ему причину и пріѣзда моего, и посѣщенія, сказалъ, что пришелъ къ нему развѣдать о всемъ по обстоятельнѣе и требовать его добрыхъ совѣтовъ. Онъ заговорилъ со мной непонятнымъ для меня тогда языкомъ Петербургскихъ гостиныхъ. Я увидѣлъ, что онъ попалъ въ большой свѣтъ, имъ только и бредитъ, и внѣ его все кажется ему ничтожнымъ. Легкомысленный толстякъ очень равнодушно говорилъ о перемѣнѣ, послѣдовавшей съ его начальникомъ, какъ будто она не должна была имѣть никакого вліянія на его участь; онъ оставался въ томъ же кругу, не переставалъ ѣздить въ тѣже общества. Изъ вздора, который онъ мнѣ наговорилъ, могъ я заключить только одно, что, зная мой нравъ, мои привычки, судя по моимъ манерамъ, онъ предсказывалъ мнѣ, что я никогда не буду блистать въ Петербургскомъ свѣтѣ, и что лучше было бы оставаться въ Москвѣ. Дѣло шло совсѣмъ не о томъ, и я вышелъ отъ него очень недоволенъ. По крайней мѣрѣ взялся онъ предупредить обо мнѣ Куракина и сказалъ время, въ которое онъ принимаетъ. Все это было совершенно не нужно; но почему мнѣ было это знать?

Бывшій вице-канцлеръ принялъ меня по обыкновенію своему чрезвычайно ласково, разспросилъ о родителяхъ, о службѣ ни слова, и пригласилъ на другой день на вечеръ. Дѣйствительно, вотъ все, что̀ онъ могъ для меня сдѣлать; а я по невѣдѣнію моему полагалъ, что найду случай просить его о рекомендаціи, чего при всѣхъ сдѣлать не осмѣлился. Вмѣсто того очутился я въ ярко освѣщенныхъ гостиныхъ, наполненныхъ мущинами и дамами самаго высшаго круга, мнѣ вовсе незнакомыми. Князь сидѣлъ за бостономъ и назвалъ меня тѣмъ, кои близко его находились. Козловскій подошелъ ко мнѣ съ видомъ половину-дружескимъ, половину-покровительственнымъ, поговорилъ немного и пожалъ руку, какъ будто поздравляя съ первымъ успѣхомъ, который, можетъ-быть, онъ же и приготовилъ. Мнѣ отъ того было нелегче, я прижался въ уголъ. Къ счастію, сынъ никогда неженатаго хозяина, Сердобинъ имѣлъ человѣколюбіе подойти ко мнѣ и немного заняться мною. Всего несноснѣе, всего досаднѣе показался мнѣ одинъ весьма красивый мальчикъ, самонадѣянный, заносчивый, многорѣчивый, который громогласно, безъ всякаго милосердія, разсуждалъ о Французской литературѣ и театрѣ: это былъ нынѣшній министръ Уваровъ. Тѣ, кои отъ самолюбія застѣнчивы, поймутъ, какъ мучителенъ для меня былъ этотъ вечеръ. Чрезъ нѣсколько дней князь Куракинъ уѣхалъ въ Москву.

Итакъ мнѣ ничего не оставалось какъ потащиться въ колегію и представиться оберъ-секретарю ея, Ильѣ Карловичу Вестману, человѣку очень пріятному, совсѣмъ не похожему на Бантыша и Малиновскаго. Онъ мнѣ сказалъ, что по возможности будутъ занимать меня и пригласилъ, а не приказалъ явиться въ колегію въ такой день, въ который она осчастливлена будетъ посѣщеніемъ канцлера графа Воронцова, товарища его и другихъ ея членовъ. Сіи послѣдніе, исключая столь важныхъ случаевъ, не знали какъ отворяются въ нее двери.

Въ это утро, обыкновенно почти пустые, чертоги колегіи наполнились чиновниками. Можно было ужаснуться собравшагося полчища. Прежніе барьеры при Александрѣ были сняты, число опредѣляемыхъ безъ жалованья ничѣмъ не было ограничено, мода влекла къ сему роду службы, и добрый князь Куракинъ не любилъ никому отказывать. Исключая дежурства, весь этотъ народъ не зналъ никакой другой службы; самолюбіе у многихъ ограничивалось желаніемъ схватить даромъ чина два-три. Тутъ въ одинъ разъ увидѣлъ я всю праздную Петербургскую молодежь; съ удовольствіемъ встрѣтилъ я и возобновилъ знакомство съ архивскими товарищами, Колычевымъ и Ефимовичемъ: въ первые дни пребыванія въ столицѣ, всякую знакомую встрѣчу можно почитать находкой.

Я слѣдовалъ общему примѣру, бывалъ какъ можно рѣже въ колегіи, гдѣ мнѣ нечего было дѣлать и не съ кѣмъ слова молвить. Не имѣя штабъ-офицерскаго чина, я не былъ въ числѣ дежурныхъ, а только дневальныхъ, и въ этомъ званіи долженъ былъ чрезъ каждыя двѣ - три недѣли ночевать въ колегіи, въ ожиданіи будто бы курьеровъ изъ-за границы, которые пріѣзжали прямо въ канцелярію министерства. Ко концу Октября пришла графу Воронцову счастливая идея: онъ велѣлъ раздѣлить между молодыми чиновниками, показывающими нѣкоторую способность, дѣла Петербургскаго архива, и подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Топоркова, дипломата стариннаго покроя, заставить ихъ дѣлать выписки, чтобы по нимъ судить о знаніи и талантахъ каждаго. Мнѣ достались на долю сношенія Россіи съ Венеціянскою республикой. Труда своего я не успѣлъ окончить, ибо скоро потомъ оставилъ колегію, и потому не знаю, какъ бы онъ былъ принятъ; но теперь смѣло могу ручаться, что онъ никуда не годился.

Сколь ни молодъ я былъ, но въ первую зиму пребыванія моего въ Петербургѣ могъ я увидѣть, что въ немъ только двѣ дороги—общество и служба, выводятъ молодыхъ людей изъ безвѣстности, въ коей погрязаютъ изъ нихъ девять десятыхъ. Самые успѣхи въ Русской

литературѣ, коею такъ мало тогда занимались, если они не были чрезвычайные, не могли спасти отъ забвенія.

Высокое общество не совсѣмъ похоже было на нынѣшнее. Оно было не столько еще снимокъ съ прежняго Парижскаго, сколько копія съ Вѣнскаго. Тамъ Венгерскіе магнаты, на собственномъ содержаніи имѣющіе войска, тамъ Нѣмецкіе князья, изъ коихъ многіе пользуются правами, присвоенными владѣтельнымъ государямъ, имперскіе графы, фамиліи коихъ обладаютъ нѣсколькими майоратами, Польскіе, Богемскіе и Итальянскіе роды, соединяющіе древность происхожденій съ огромными богатствами. Изъ нихъ составилась плотная масса, совершенно отдѣленная отъ другихъ сословій, заимствующая часть блеска своего отъ императора и его двора, но самостоятельная, совершенно отъ нихъ независимая. Кому извѣстна Россія, тотъ знаетъ, на какомъ зыблемомъ основаніи поставлена наша, такъ называемая, аристократія. Казалось, подражаніе тутъ дѣло невозможное; однакоже оно отчасти удалось: мы гдѣ чтò подмѣтимъ, то хотя на время, а уже вѣрно искусно переймемъ.

Богатыя фортуны не были еще раздѣлены между потомками, не были еще въ раздробь промотаны. Онѣ принадлежали по большей части людямъ, коимъ титулъ и высокій чинъ давали, хотя иногда новую, но настоящую знатность. Камергерство четвертаго класса и камеръ-юнкерство пятаго сыновьямъ ихъ, однимъ въ двадцать пять, другимъ въ восемнадцать лѣтъ, открывали рано дорогу къ почестямъ. Унизительная, убійственная обязанность переписывать въ канцеляріяхъ бумаги для нихъ не существовала. Предшественники Екатерины, какъ и она сама, какъ и сынъ ея, возводя кого-нибудь на высокую степень, давали ему средства не только поддержать блескъ даруемаго ему титула, но даже разливать его на своихъ потомковъ. Все было въ гармоніи, пока неосмотрительная щедрость Павла Перваго не повысила чинами людей, коихъ *всѣхъ* не въ состояніи былъ онъ обогатить. Въ такомъ положеніи (какъ говорилъ я въ другомъ мѣстѣ) не совсѣмъ было трудно усастой княгинѣ Голицыной, съ умомъ, съ твердымъ характеромъ, безъ всякихъ женскихъ слабостей, сдѣлаться законодательницей и составить нѣчто похожее на аристократію западныхъ государствъ. Къ тому же въ ней самой оставалось еще довольно много Русскаго, чтобы переходъ къ новымъ идеямъ не былъ столь ощутителенъ.

Къ чести сего общества, коего и понынѣ сохранилось еще нѣсколько обращиковъ, должно сказать, что оно отличалось чрезвычайною учтивостію, то-есть ласковою, нимало нецеремонною, строго соблюдаемою, взаимною внимательностію. Холодная же учтивость, безъ малѣйшаго вида пренебреженія, служила ему защитой отъ вторженій

Монарха, стяжали себѣ великое состояніе и сдѣлались первыми вельможами, тонъ общества сталъ примѣтно грубѣть; понятія о чести начали измѣняться и уступать мѣсто всемогуществу золота. Но все это было очень далеко отъ того, до чего мы нынѣ дожили.

Особыя милости двора, кому бы онѣ ни были оказаны, конечно и тогда служили лучшей рекомендаціей въ лучшее общество. Иногда прихоть старой дамы, ея покровительство, иногда докучливость и наглость искателя, въ него и тогда открывали входъ; но эти случаи были рѣдки, и оно почти все составлено было изъ людей въ немъ родившихся, выросшихъ и, такъ сказать, въ день крестинъ своихъ получившихъ отъ него приглашеніе. Новое лицо, неизвѣстное имя человѣка самаго образованнаго, всегда сначала вооружали противъ него. Люди среднихъ лѣтъ, незнакомые съ уставами сего общества, менѣе другихъ могли надѣяться въ него вступить; но они впрочемъ о томъ мало и заботились. Молодость была счастливѣе: тамъ гдѣ нравственность не послѣднее дѣло, робость юноши принимается за добрый знакъ, и всѣ стараются поощрить его.

Принадлежать къ сему обществу было верхомъ желаній моего тщеславія. Въ средствахъ къ тому, казалось, не было недостатка. Отецъ мой готовъ былъ прислать мнѣ письма, которыя открыли бы мнѣ двери двухъ или трехъ знатныхъ домовъ, съ хозяевами коихъ былъ онъ хорошо знакомъ. Было другое средство еще вѣрнѣйшее: князь Ѳеодоръ Голицынъ, съ которымъ провелъ я годъ въ деревнѣ отца его, одаренный изящнымъ тактомъ, былъ однимъ изъ корифеевъ общества; безъ всякой дружбы онъ меня очень любилъ; ему казалось, что нѣкоторою образованностію обязанъ я ему, и онъ мнѣ предложилъ вездѣ меня представить. Но тутъ-то и было первое затрудненіе: просить объ опредѣленіи въ службу, о мѣстѣ, о какомъ-нибудь тяжебномъ дѣлѣ мнѣ никогда не казалось унизительнымъ; а мысль испрашивать, какъ милости, дозволенія къ кому-нибудь ѣздить, меня всегда пугала. Я всегда дожидался приглашеній и почти всегда дожидался ихъ тщетно: неразсчетливѣе, глупѣе моего самолюбія, признаюсь, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ.

Къ тому же, слова Козловскаго и вечеръ у князя Куракина сильно на меня подѣйствовали, лишили меня всей бодрости. Главное же, неодолимое препятствіе было въ пустотѣ моего кармана: надобно было вдвое, втрое болѣе того, чтò давали мнѣ родители, чтобы сколько-нибудь съ пристойностію показываться въ большомъ свѣтѣ. А между тѣмъ, къ несчастію, будучи съ малыхъ лѣтъ въ сообществѣ съ ровесниками, которыхъ фортуна гораздо лучше меня надѣлила, я имѣлъ ихъ вкусы и наклонности, и думалъ, что имѣю равныя съ ними пра-

ва. Безразсудный, я долженъ былъ знать, что я сынъ почтеннаго, но весьма небогатаго отца, и что, подобно ему, одними трудами только мнѣ возможно прокладывать себѣ дорогу. Еслибъ я могъ забыть о томъ, то его мудрые совѣты каждую почту письменно мнѣ о томъ напоминали. Но какого толку спрашивать у молодаго человѣка, едва вышедшаго изъ отрочества?

Нѣкоторое время былъ я какъ сынъ раззорившагося и недавно умершаго богатаго вельможи. Успѣхи въ свѣтѣ, столь легко пріобрѣтаемые моими товарищами, молодыми знакомыми, подробные ихъ разсказы о томъ меня терзали, но, Богъ свидѣтель, не завистію, а неизъяснимымъ, отчаяннымъ уныніемъ. Сколько разъ на чердакѣ, или почти въ подвалѣ, въ уединенной кельѣ моей, при тускломъ свѣтѣ одной сальной свѣчи, сравнивалъ я участь ихъ съ моею; въ эту минуту, когда дурная погода не дозволяла мнѣ даже прогуляться, «они», думалъ я, въ позлащенныхъ салонахъ танцуютъ, любезничаютъ съ дамами. Я не имѣлъ даже утѣшенія нынѣшней безвѣстной молодежи—либеральныхъ идей; я все уважалъ, что̀ другіе уважали, и не умѣлъ еще, какъ нынѣ, становиться на дыбы противъ общаго мнѣнія. О, какъ тяжело мнѣ бывало! Долго, долго не переставалъ я видѣть въ себѣ какое-то отверженное, падшее существо.

Такого рода несчастія могутъ быть только у насъ въ Россіи, гдѣ нѣтъ настоящей аристократіи и гдѣ между ею и другими состояніями не проведена рѣзкая черта, какъ въ нѣкоторыхъ Европейскихъ земляхъ. Въ мое время подобныхъ мнѣ было, вѣрно, очень мало; я, по крайней мѣрѣ, никому не смѣлъ говорить о моихъ страданіяхъ: меня бы осмѣяли. Теперь же, когда кругъ такъ-называемаго большаго свѣта до невѣроятія расширился, когда доступъ къ нему сдѣлался такъ свободенъ и законы его стали такъ снисходительны, не принадлежать къ нему гораздо унизительнѣе, чѣмъ прежде, и предполагаетъ уже или совершенную нищету, или самое дурное поведеніе. Число требующихъ въ немъ пра̀ва гражданства должно быть неимовѣрно, а какъ нѣтъ возможности всѣхъ удовлетворить, то и досада тѣхъ, коимъ не удалось добиться столь ничтожнаго преимущества, должна быть также чрезвычайно велика.

Мнимо-несчастное положеніе мое было, однакоже, весьма благопріятно для пріобрѣтенія и умноженія познаній. Я мало воспользовался этимъ, и это новое прегрѣшеніе въ числѣ тѣхъ, въ коихъ, какъ духовному отцу, долженъ я каяться читателю. Всѣ надежды свои возлагалъ я на службу; а она, какъ увидимъ, что-то долго мнѣ не давалась. Мнѣ иногда ужасно подумать, сколько времени, и са́маго дра-

гоцѣннаго, погубилъ я понапрасну. Я готовъ винить самого себя, но обстоятельства, въ которыхъ находился, еще гораздо болѣе.

Старшій братъ мой, умный провинціалъ, отличающійся непринужденною вѣжливостію, отличный и въ поведеніи армейскій офицеръ, по исключительности, по взыскательности тогдашняго Петербургскаго общества, долженъ былъ казаться въ немъ страннымъ. Онъ это зналъ и имѣлъ благоразуміе не только не искать его, но и, сколь возможно, его чуждаться. Дѣло удивительное! Въ отношеніи къ обществу онъ цѣлымъ поколѣніемъ казался старѣе отца своего. Даже второстепенныя общества Петербурга были не по немъ: онъ ихъ убѣгалъ. Онъ полагалъ, что меньшой братъ его обреченъ быть жертвой бонтона и всѣхъ его прихотей, а меньшой братъ былъ совсѣмъ отъ того не прочь: ему не доставало только путеводителя и денегъ на дорогу. Еще гораздо болѣе имѣлъ братъ мой отвращенія отъ собраній людей развратныхъ: попойки, оргіи, въ то время столь обыкновенныя, казались ему нестерпимы. Гдѣ же собирались умные люди безъ умничанья, какихъ бы лѣтъ они ни были, съ свѣдѣніями, которыя они любили сообщать въ разговорахъ, тамъ, гдѣ были пріятныя, скромныя женщины, безъ лишнихъ вычуръ моды, тамъ только былъ онъ въ своемъ элементѣ. Домашнее житье наше съ симъ братомъ было совершенно согласное; въ упрекахъ, кои рѣдко я заслуживалъ, а еще рѣже позволялъ онъ себѣ, всегда щадилъ онъ мое самолюбіе. Когда замѣчалъ во мнѣ маленькую грусть, спѣшилъ развеселить меня и, сколько позволяли наши скудныя средства, старался доставлять мнѣ всѣ возможныя, безвинныя удовольствія: то покупкой книжки, то билетомъ въ театръ, а иногда и обѣдомъ послаще. Разница съ другимъ братомъ была совершенная; правда, со времени его владычества прошло почти три года: я сдѣлался старѣе и былъ уже въ службѣ.

Братъ мой свелъ знакомство съ однимъ весьма извѣстнымъ въ свое время откупщикомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Злобинымъ; или, лучше сказать, тотъ самъ нашелъ его. Онъ держалъ винный откупъ во всей Пензенской губерніи, и слѣдственно приглашенія его были не совсѣмъ безкорыстны. Счастіе, умъ и смѣлость сего простаго мѣщанина Саратовской губерніи, города Вольска, способствовали ему сдѣлаться въ своемъ родѣ знаменитымъ: онъ самъ разсчитывалъ, что имѣетъ барыша по тысячѣ рублей въ день, сумма въ тогдашнее время необъятная. Старикъ Злобинъ былъ типъ нашихъ православныхъ мужичковъ, то есть человѣкъ и добрый, и хитрый; онъ сохранилъ и поступь, и рѣчи, и поговорки своего первобытнаго состоянія, однимъ словомъ все, даже одежду и бороду. Этимъ самымъ отличился онъ отъ братіи своей, откупщиковъ и, какъ говорится нынѣ, создалъ себѣ позицію въ свѣтѣ. Никогда не

хотѣлъ онъ чиновъ, когда всѣ за ними гонялись, и довольствовался званіемъ именитаго гражданина. Золотыя медали на шеѣ давались тогда купцамъ еще гораздо рѣже, чѣмъ кресты чиновникамъ; ихъ-то онъ и желалъ, и одинъ только (полно, не первый ли?) получилъ таковую съ алмазами. Въ богатомъ Русскомъ кафтанѣ своемъ онъ не оставлялъ по большимъ праздникамъ всегда являться во дворцѣ, и не было въ Петербургѣ ни одного человѣка, который бы не зналъ его. Съ боярами, съ случайными людьми употреблялъ онъ необыкновенную уловку: съ видомъ простодушнымъ, откровеннымъ, въ смѣлыхъ будто выраженіяхъ, умѣлъ онъ всегда льстить ихъ самолюбію, часто угащивалъ ихъ у себя и заставлялъ думать, что онъ съ ними на пріятельской самой короткой ногѣ. Чтобы поддержать сіе мнѣніе, брался онъ за всѣхъ хлопотать и многочисленнымъ кліентамъ своимъ, когда выпрашивалъ, когда вымаливалъ, когда вымучивалъ милости, по большей части, не весьма важныя. Великое достоинство брадатаго мецената состояло въ томъ, что съ молящими его о помощи обходился онъ дружески ласково, совсѣмъ не покровительственно, что̀ въ купцѣ было бы несносно: вообще и тогда богатству кланялись, но только съ условіемъ, чтобъ и оно откланивалось. Такимъ образомъ, задабривая всѣхъ, ставилъ онъ вездѣ себѣ подпоры и распространилъ о себѣ славу, которая, возвращаясь къ своему началу, возвышала его въ глазахъ тѣхъ самыхъ, коимъ ею былъ онъ обязанъ.

Въ немъ было видно и чувство: полжизни проведя въ Петербургѣ, онъ себя и другихъ хотѣлъ увѣрить, что остается въ немъ только для приведенія дѣлъ своихъ къ окончанію; и, дѣйствительно, ни дома, ни дачи не хотѣлъ въ немъ купить. Построенныя имъ заочно каменныя палаты въ Вольскѣ, разведенные безъ него сады, безпрестанно украшалъ онъ, посылая ежегодно разныя драгоцѣнности изъ столицы, гдѣ жилъ онъ какъ на ночлегѣ. При имени родины его, въ которой надѣялся провесть остатокъ жизни, навертывались у него иногда слезы.

Однакоже, ночлегъ его былъ нанятый трехъ-этажный домъ, который хотѣлъ онъ также сколько-нибудь поукрасить: кто-то накупилъ ему картинъ, мебелей и бронзовыхъ вещей и всѣмъ этимъ безъ вкуса и порядка завѣшалъ стѣны, загородилъ комнаты. Но лучшимъ украшеніемъ сего дома была молоденькая его невѣстка, жена единственнаго его сына. Она была меньшая сестра умершей жены Сперанск[illegible] и нѣсколько времени жила у него вмѣстѣ съ матерью, Англича[illegible] Стивенсъ, при оставшейся ему малолѣтней дочери. Тамъ увид[illegible] молодой Злобинъ, не совсѣмъ похожій на отца своего, съ бо[illegible] образованностію, только не свѣтскою, съ плохимъ здор[illegible] печальнымъ и нравомъ угрюмымъ. Онъ плѣнился

нимъ приступали смѣло, и они дѣйствовали довольно откровенно *). Ихъ образъ жизни, предметы ихъ разговоровъ, странность нарядовъ ихъ женъ и дочерей, всегда запоздалыхъ въ модѣ, отдѣляли ихъ даже въ провинціи отъ другихъ обществъ, приближая ихъ однакоже болѣе къ купеческому. Ихъ все-таки клеймили названіемъ подъячихъ, прежде ненавистнымъ, тогда унизительнымъ. Это было не совсѣмъ несправедливо, ибо въ нихъ можно было видѣть потомковъ или преемниковъ тѣхъ безсовѣстныхъ, безчеловѣчныхъ, ненасытныхъ вампировъ, коихъ Капнистъ такъ вѣрно изобразилъ въ комедіи своей *Ябедѣ*, конечно болѣе по воспоминаніямъ, чѣмъ по примѣрамъ, которые имѣлъ передъ глазами. Вѣкъ Екатерины преобразилъ ихъ въ піявокъ, высасывающихъ лишнюю кровь, и тѣмъ составилось второе поколѣніе сего сословія.

Нельзя винить Сперанскаго въ умыслѣ, умноживъ ихъ силу, дать имъ болѣе средствъ воровать; его намѣренія конечно были чище, возвышеннѣе. Какъ всѣ честолюбивые люди, любилъ онъ власть болѣе чѣмъ деньги, и состояніе, совсѣмъ не огромное, которое оставилъ онъ дочери, имѣло (нѣтъ въ томъ сомнѣнія) источникомъ разсчетливость его и испрашиваемыя большія пособія у царей. Въ клевретѣ его, ***, говорила еще дворянская кровь и торжествовали старинныя дворянскія правила: въ мздоимствѣ не только уличаемъ, ни даже подозрѣваемъ онъ никогда не былъ. Они оба, можетъ быть, какъ и я, смотрѣли на сіи безпорядки, какъ на слѣдствіе несчастной необходимости и извиняли ихъ уже вѣрно гораздо болѣе чѣмъ я. Желая облагородить гражданскую службу, Сперанскій думалъ сдѣлать сіе посредствомъ просвѣщенія. По нуждѣ въ добромъ согласіи съ закоренѣлыми въ лихоимствѣ умными людьми, Голиковымъ, Позняркомъ и другими, онъ въ тоже время хотѣлъ въ иныхъ правилахъ воспитывать новое поколѣніе чиновниковъ, которое мысленно составлялъ онъ изъ людей неизвѣстнаго происхожденія. Но на нихъ дѣйствовать могъ онъ не самъ, а чрезъ пріятелей своихъ, подчиненныхъ и сотрудниковъ, Магницкаго, Лубяновскаго, потомъ Кавелина и другихъ приверженцевъ, кои вмѣстѣ съ Европейскимъ образованіемъ проповѣдывали и Европейскую безнравственность.

Канцеляріи министерствъ должны были сдѣлаться нормами и разсадниками для присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ. И дѣйствительно, молодые люди, преимущественно воспитанники духовныхъ академій

---

*) Все это знаю я ни по преданіямъ, ни по опыту, ибо никогда никому ничего не давалъ, и ни отъ кого ничего не получалъ. Не нужно было большаго любопытства, чтобы вникнуть въ сіи тайны, всѣмъ открытыя.

или студенты единственнаго Московскаго Университета, привесли въ нихъ сначала всѣ мечты юности о благѣ, объ общей пользѣ. Жестокія строгости военной службы при Павлѣ заставили недорослей изъ дворянъ искать спасенія въ штатской, а запрещеніе вступать въ нее еще болѣе ихъ къ тому возбудило; но по прежнимъ предразсудкамъ всѣ почти кинулись въ Иностранную Колегію; тутъ вдругъ, при учрежденіи министерствъ, явилась мода въ нихъ изъ нея переходить. Казалось, все способствовало возвышенію въ мнѣніи свѣта презираемаго дотолѣ званія канцелярскихъ чиновниковъ, особенно же приличное содержаніе, которое дано было бѣднымъ, малочиновнымъ людямъ и которое давало имъ средства чисто одѣваться и въ свободное время дозволительныя, не разорительныя, не грубыя удовольствія.

Такимъ образомъ для нашего сословія начался третій періодъ. Нѣсколько лѣтъ все шло какъ нельзя лучше, и тѣ, которые вѣруютъ въ усовершенствованіе рода человѣческаго, должны были на то смотрѣть съ удовольствіемъ. Столь прекрасныя начала стали мало по малу измѣняться; духомъ нечестія, коимъ исполнены были преобразователи, заразилось зрѣющее въ дѣлахъ юношество; сохранявшіе прежніе предразсудки, по большей части изъ дворянъ, были тщательно устраняемы отъ должностей и принуждены были удаляться. Когда въ 1807 году курсъ на звонкую монету сталъ вдругъ упадать, и служащіе начали получать только четвертую долю противъ прежняго, тогда бѣдность сдѣлалась вновь предлогомъ и извиненіемъ ихъ жадности. Либерализмъ и невѣріе развратили ихъ умы и сердца, и цитаты изъ Священнаго Писанія, коими прежніе подъячіе любили приправлять свои разговоры, замѣнились въ устахъ ихъ изреченіями философовъ восьмнадцатаго вѣка и революціонныхъ ораторовъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія, съ умноженіемъ роскоши, усовершенствовалось и искусство неправеднымъ образомъ добывать деньги; далѣе нынѣшняго оно, кажется, идти не можетъ.

Записавшись, я нарушаю порядокъ, принятый мною для повѣствованія и нечувствительно перехожу въ настоящее время. Для избѣжанія сего, довольствуюсь изображеніемъ бюрократическаго типа, какимъ я зналъ его лѣтъ двадцать тому назадъ. Бюрократъ, коль скоро получитъ мѣсто сколько нибудь видное, думаетъ быть министромъ. Онъ дѣлается гордъ, въ обращеніи холоденъ и въ тоже время словоохотливъ, но только съ тѣми, которые въ молчаніи по цѣлымъ часамъ готовы его слушать. Онъ одѣтъ щегольски, имѣетъ хорошаго повара, жену-модницу и фортепіано въ гостиной; живетъ же не очень открыто, принимая только тѣхъ, кто въ немъ имѣетъ нужду или въ комъ онъ имѣетъ нужду. Онъ знаетъ иностранные языки и имѣетъ столько на-

читанности, чтобы съ видомъ ученымъ разсуждать о предметахъ, которые менѣе всего его занимаютъ; о дѣлахъ службы въ обществѣ говоритъ мало: на то есть кабинетъ и департаментъ. Государственная польза, польза человѣчества никогда не приходили ему въ голову; онъ не унизитъ себя даже упоминать объ нихъ и въ ихъ ревнителяхъ видитъ ребяческое слабоуміе. Кромѣ страсти властвовать и наживаться, онъ не имѣетъ ни слабостей, ни пороковъ, но любитъ и поощряетъ ихъ въ другихъ, ибо уважать ему несносно, презирать усладительно. Какъ бы ни мало было занимаемое имъ мѣсто, онъ заставляетъ просителей дожидаться въ передней, обходится съ ними свысока, и даже беретъ взятки, какъ будто собираетъ дань съ побѣжденныхъ. Сотраданія онъ никогда не зналъ, ничего священнаго въ мірѣ для него не было: это былъ просвѣщенный и для большой дороги не довольно смѣлый грабитель *). Я представилъ здѣсь одинъ образецъ совершенства бюрократическаго; не всѣ могутъ съ нимъ равняться, но болѣе или менѣе къ нему приближаются.

Судьба ко мнѣ жестокая и вмѣстѣ милосердая, во дни самой первой молодости, ввергнула меня въ сію пучину, и потомъ всю жизнь мою, какъ Аретузу, провела чистою струей сквозь океанъ низкихъ пороковъ, съ тѣмъ, чтобы къ истоку дней моихъ сберечь мнѣ смѣшанныя съ горестными, сладчайшія воспоминанія.

Вниманіе ко мнѣ Сперанскаго, нѣжное расположеніе его свояченицы брату моему подало мысль, что подъ его руководствомъ и начальствомъ откроется для меня самое блестящее поприще. Едва ли не самъ онъ это предложилъ; я хорошенько не помню, такъ это все ладилось, клеилось само собою. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, коего Сперанскій былъ настоящій создатель, тогда только-что начало образоваться. Оно состояло первоначально изъ одного департамента, раздѣленнаго на три экспедиціи: государственнаго хозяйства (чтó нынѣ хозяйственный департаментъ), государственнаго благоустройства (въ послѣдствіи департаментъ полиціи исполнительной) и медицинскую. Управляющимъ первою изъ нихъ назначенъ былъ тайный совѣтникъ Габлицъ, послѣдней баронъ Кампенгаузенъ, а вторую взялъ самъ Сперанскій. Въ мои лѣта, съ малымъ моимъ смысломъ и знаніемъ, какое мѣсто можно мнѣ было дать, если не писца? Годъ-два переписывая бумаги, неужели я не довольно бы могъ познакомиться съ дѣлами, чтобы самому не въ состояніи быть заняться редакціей? Я уже сказалъ, что съ величайшимъ смиреніемъ готовъ былъ жертвовать покоемъ и самолюбіемъ, въ надеждѣ далеко подвинуться на избранномъ

*) Въ этомъ портретѣ пусть кому угодно будетъ узнать Лубяновскаго.

для меня пути; но лучшія намѣренія мои остались тщетны. При второй экспедиціи положено было учредить статистическое отдѣленіе, составивъ его, подъ управленіемъ ученаго Вирста, изъ десяти образованныхъ молодыхъ людей, въ число коихъ долженъ былъ и я попасть. Вѣрно, тогда въ Петербургѣ и едва ли въ цѣлой Россіи было десять человѣкъ, которые знали что̀ такое статистика, которые слыхали объ этой наукѣ, и къ числу ихъ уже, конечно, я не принадлежалъ. Когда мнѣ сказали о томъ, я со всею самонадѣянностію невѣжества подумалъ: Что̀ за нужда! Увижу, такъ и узнаю.

Тутъ представилось одно обстоятельство, повидимому, весьма благопріятное для моей службы, но которое въ послѣдствіи чрезвычайно ей повредило. Не было еще тогда постановленія, чтобы чинъ, получаемый при отставкѣ, снимался при поступленіи вновь на службу. Кто-то посовѣтовалъ намъ, при переходѣ изъ Иностранной Колегіи въ департаментъ внутреннихъ дѣлъ, симъ воспользоваться, и въ Генварѣ 1803 года при увольненіи произведенъ я колежскимъ ассесоромъ. Я очень обрадовался случаю, какъ говорилось, даромъ схватить чинъ, и какой же чинъ? Штабъ-офицерскій, высокоблагородный, который равнялъ меня съ братьями, семь и восемь лѣтъ меня старѣе! Родные мои также обрадовались но не отецъ, который, съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ во всѣхъ дѣлахъ, симъ огорчился и бранилъ насъ за то. И дѣйствительно, возвышеніе безъ заслугъ (какъ опытъ то жестоко мнѣ доказалъ) обращается въ постоянное препятствіе къ полученію мѣстъ и можетъ только быть полезно богатымъ и знатнымъ людямъ.

Что̀ потомъ со мной случилось, того уже вѣрно никогда ни съ кѣмъ ни бывало: мистификація, которая болѣе двухъ лѣтъ продолжалась. Мнѣ объявилъ Сперанскій, что я могу почитать себя причисленнымъ къ департаменту, что онъ далъ о томъ приказаніе, но что ходить въ него мнѣ нѣтъ никакой надобности; ибо ближе шести мѣсяцевъ статистическое отдѣленіе образоваться не можетъ. Не знаю, хотѣлъ ли онъ меня обманывать, или пренебрегалъ формами, или по множеству важныхъ дѣлъ забылъ о томъ, какъ бы то ни было, я ему повѣрилъ и два года былъ въ отставкѣ, когда всѣ и я самъ себя считалъ въ службѣ. Что̀ всего страннѣе, я лѣтомъ началъ ходить въ экспедицію, кое-чѣмъ занимался тамъ, какъ увидятъ далѣе, и никто не сыскался, кто бы предупредилъ меня, что я дурачусь.

Въ увѣренности, что онъ устроилъ будущую судьбу мою, братъ мой полагалъ, что ему ничего не остается болѣе дѣлать, какъ возвратиться въ Пензу. Онъ нанялъ мнѣ квартирку, приказалъ купить на толкучемъ рынкѣ и поставить въ ней не весьма дорогую, не весьма прочную и не весьма красивую мебель, оставилъ мнѣ небольшое ко-

личество денегъ, небольшой запасъ дровъ и не безъ грусти разстался со мною около половины Февраля.

III.

Съ самаго основанія своего, Петербургъ, главное звѣно пристегнувшее Россію къ Европѣ, представлялъ Вавилонское столпотвореніе, являлъ въ себѣ ужасное смѣшеніе языковъ, обычаевъ и нарядовъ. Но могущество народа, коего послушнымъ усиліямъ былъ онъ обязанъ своимъ вынужденнымъ, почти противуестественнымъ существованіемъ, болѣе всего въ немъ выказывалось: Русскій духъ не переставалъ въ немъ преобладать. Въ наружной архитектурѣ домовъ своихъ, какъ и во внутреннемъ ихъ украшеніи, богатые и знатные люди старались подражать отелямъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія; но все это было гораздо въ большемъ размѣрѣ, какъ сама Россія. Заморскія вина подавались за столомъ, но въ небольшемъ еще количествѣ и для отборныхъ лишь гостей, а наливки, медъ и квасъ обременяли еще сіи столы. Французскія блюда почитались какъ бы необходимымъ церемоніаломъ званыхъ обѣдовъ, а Русскія кушанья, пироги, студени, ботвиньи, оставались привычною, любимою пищей. По примѣру Москвы, въ извѣстные храмовые праздники, лучшее общество не гнушалось еще, въ длинныхъ рядахъ экипажей, являться на такъ-называемыхъ гуляньяхъ; оживляемое какимъ-то сочувствіемъ, оно съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ смотрѣло на народныя увеселенія. Въ образѣ жизни самихъ царедворцевъ и вельможъ, а тѣмъ паче чиновниковъ и купечества, даже въ Петербургѣ, все еще отзывалось Русскою стариной. При Петрѣ Великомъ Европа начала учить насъ, при Аннѣ Ивановнѣ она насъ мучила; но царствованіе Александра есть эпоха совершеннаго нашего ей покоренія. Двадцатипятилѣтнія постоянныя его старанія, если не во всей Россіи, то по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, загнали чувство народности въ послѣдній, самый низшій классъ.

Я не хвалю и не порицаю, а только разсказываю. Начало рѣшительнаго перехода отъ прежней Русской жизни къ европеанизму было для меня чрезвычайно полезно. Всѣ еще гнушались площадною, уличною, трактирною жизнію; особенно молодымъ людямъ благородно рожденнымъ и воспитаннымъ она ставилась въ преступленіе. Обѣдать за свои деньги въ ресторацiяхъ едва ли не почиталось развратомъ; а обѣдать даромъ у дядюшекъ, у тетушекъ, даже у пріятелей родительскихъ, или ихъ коротко-знакомыхъ, было обязанностію *). Съ

*) Я увѣренъ, что между Русскими, въ Петербургѣ живущими, и теперь не менѣе хлѣбосольства чѣмъ прежде; но тогда хотѣли только кормить и сами быть сыты: ни большихъ прихотей у хозяевъ, ни взыскательности у гостей не было. Теперь же вседневный открытый для всѣхъ знакомыхъ столъ не въ состояніи имѣть первые богачи.

самъ былъ умный и почтенный человѣкъ. Онъ съ меньшимъ братомъ Иваномъ Александровичемъ были родные племянники графа Васильева, подъ начальствомъ и руководствомъ коего они начали службу при князѣ Вяземскомъ: канцелярія генералъ-прокурора сего была разсадникомъ полезныхъ для государства людей. Оба они были тайными совѣтниками и управляли экспедиціями казначейства, какъ въ Сентябрѣ 1802 года меньшой умеръ, а старшій, по случаю назначенія графа Васильева министромъ финансовъ, сдѣланъ государственнымъ казначеемъ на его мѣсто, но подъ его же начальствомъ. Немногосложность тогдашней финансовой науки дѣлала изъ него самаго искуснаго человѣка по сей части, и общее мнѣніе предназначало его преемникомъ дяди, какъ сіе въ послѣдствіи и случилось.

Отъ отца имѣлъ я къ нему письмо, которое непремѣнно долженъ былъ ему отдать, чего мнѣ не весьма хотѣлось. У него все было поминистерски; передняя, гдѣ дожидались, чиновники, которые ходили докладывать о приходящихъ: все это меня нѣсколько смущало. Но когда вышелъ хилый, желтенькій, опрятненькій этотъ человѣкъ, привѣтствовалъ меня добродушною улыбкой и обошелся такъ ласково, какъ никто изъ должностныхъ въ Петербургѣ людей, то, кажется, я согласился бы и часто его навѣщать. Къ несчастію, я ему очень полюбился; онъ нашелъ меня столь образованнымъ, что служба въ подвѣдомственной ему части казалась ему для меня неприличною; и когда узналъ, что я попалъ подъ крилѣ генія-Сперанскаго, то поздравилъ меня съ тѣмъ и хотѣлъ его просить за меня, какъ за роднаго. Онъ былъ полуженатъ; впослѣдствіи сама церковь, но тогда одно только время освящало давнишній союзъ его съ какой-то Меланіей Ивановной. И потому онъ у себя не охотно принималъ, исключая самыхъ короткихъ, и едва ли случилось мнѣ три раза въ жизни у него обѣдать. Чтобы меня чаще видѣть (сказалъ онъ мнѣ), желалъ бы онъ познакомить меня съ овдовѣвшею своею невѣсткой, но она тогда была въ самомъ глубокомъ траурѣ.

Сіе сдѣлалось безъ него. Спустя нѣсколько времени, къ неутѣшной вдовѣ Голубцовой изъ Пензенской деревни пріѣхали родители ея, Огаревы, поселились у нея и сдѣлались хозяевами ея дома. О Богданѣ Ильичѣ упомянулъ уже я въ самомъ началѣ сихъ Записокъ. Какъ задушевный другъ моего отца, потребовалъ онъ меня къ себѣ и объявилъ, что если у нихъ я буду иначе какъ у себя дома, то онъ будетъ на меня жаловаться. Когда вспомнишь старину и начнешь объ ней безпристрастно судить, то, право, только о потерѣ эдакихъ людей въ ней пожалѣешь.

Съ Марьей Богдановной Голубцовой жилъ единственный братъ ея, Платонъ Богдановичъ Огаревъ, человѣкъ чрезвычайно добродуш-

ный. Вотъ все что могу объ немъ сказать. Къ сожалѣнію, отецъ его оставилъ ему только большое состояніе; кажется, онъ могъ бы дать ему и много ума. Какъ родительское наслѣдство, предложилъ онъ мнѣ свою дружбу, и хотя онъ былъ меня гораздо старѣе, я охотно принялъ ее, умѣя цѣнить качества сердца. Въ слѣдующее лѣто, когда всѣ родные его уѣхали въ деревню, воспользовался я другимъ его предложеніемъ, жить у него на квартирѣ, и долженъ сознаться, что не одна пріязнь къ нему, но и нужда заставила меня на сіе согласиться.

Пріязненное расположеніе ко мнѣ сестры его, когда прошло время первой супружеской горести, мнѣ показалось еще сильнѣе и нѣжнѣе. Какъ чувствъ ея не могъ я раздѣлять, то мнѣ пришлось притворяться, что я ихъ не понимаю, и до сихъ поръ дивлюсь, какъ могла она мнѣ сіе простить. Это объясняется необыкновенною ея добротою; миновавъ любовь, она даже послѣ не отказывала мнѣ въ дружбѣ. Она была тогда лѣтъ тридцати, чрезвычайно смугла, нехороша собою, отмѣнно слаба умомъ и сердцемъ и часто влюблялась. А какъ, по правиламъ строгаго цѣломудрія, въ коихъ она была воспитана, она искала болѣе мужа чѣмъ любовника, то могла сдѣлать весьма худой выборъ, попасть за мальчика или за какого-нибудь сорванца. Она довольно счастливо сіе избѣжала, хотя второе супружество ея и нельзя назвать совершенно выгоднымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, она вышла за Поляка Сосновскаго, весьма хорошей и извѣстной фамиліи, не столь молодаго, сколь моложаваго красавчика, который весьма долго, искусно и удачно спасалъ лицо свое отъ дѣйствій всесокрушающаго времени. Послѣ полумертвой княгини Шуйской, у которой въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, видѣлъ я его наемнымъ ласкателемъ, соединеніе съ Марьей Богдановной должно было ему казаться весьма пріятнымъ.

Фамилія Голубцовыхъ, по близкому родству съ графомъ Васильевымъ, женатымъ на княжнѣ Урусовой, родственницѣ княгини Вяземской, вдовы генералъ-прокурора, была въ свойствѣ и съ сею послѣднею. Въ домѣ этой княгини, которая одну дочь выдала за Неаполитанскаго посланника дюка-де-Серра-Капріола, а другую за Датскаго Розенкранца, собирался весь дипломатическій корпусъ, слѣдственно и высшій кругъ Петербурга. И потому-то отблески его часто мелькали и у Марьи Богдановны, и еслибъ она умѣла быть столь же любезна какъ и добра, то гостиную свою сдѣлала бы одною изъ самыхъ пріятныхъ въ столицѣ *).

*) У госпожи Сосновской (прежде Голубцовой) былъ отъ перваго мужа сынъ Платонъ, женатый на графинѣ Толстой, внучкѣ княгини Вяземской, который умеръ, будучи довольно молодъ и оставивъ нѣсколько сыновей. Дочь ея, Катерина Ивановна, была лю-

самъ былъ умный и почтенный человѣкъ. Онъ съ меньшимъ братомъ Иваномъ Александровичемъ были родные племянники графа Васильева, подъ начальствомъ и руководствомъ коего они начали службу при князѣ Вяземскомъ: канцелярія генералъ-прокурора сего была разсадникомъ полезныхъ для государства людей. Оба они были тайными совѣтниками и управляли экспедиціями казначейства, какъ въ Сентябрѣ 1802 года меньшой умеръ, а старшій, по случаю назначенія графа Васильева министромъ финансовъ, сдѣланъ государственнымъ казначеемъ на его мѣсто, но подъ его же начальствомъ. Немногосложность тогдашней финансовой науки дѣлала изъ него самаго искуснаго человѣка по сей части, и общее мнѣніе предназначало его преемникомъ дяди, какъ сіе въ послѣдствіи и случилось.

Отъ отца имѣлъ я къ нему письмо, которое непремѣнно долженъ былъ ему отдать, чего мнѣ не весьма хотѣлось. У него все было поминистерски; передняя, гдѣ дожидались, чиновники, которые ходили докладывать о приходящихъ: все это меня нѣсколько смущало. Но когда вышелъ хилый, желтенькій, опрятненькій этотъ человѣкъ, привѣтствовалъ меня добродушною улыбкой и обошелся такъ ласково, какъ никто изъ должностныхъ въ Петербургѣ людей, то, кажется, я согласился бы и часто его навѣщать. Къ несчастію, я ему очень полюбился; онъ нашелъ меня столь образованнымъ, что служба въ подвѣдомственной ему части казалась ему для меня неприличною; и когда узналъ, что я попалъ подъ крилѣ генія-Сперанскаго, то поздравилъ меня съ тѣмъ и хотѣлъ его просить за меня, какъ за роднаго. Онъ былъ полуженатъ; впослѣдствіи сама церковь, но тогда одно только время освящало давнишній союзъ его съ какой-то Меланіей Ивановной. И потому онъ у себя не охотно принималъ, исключая самыхъ короткихъ, и едва ли случилось мнѣ три раза въ жизни у него обѣдать. Чтобы меня чаще видѣть (сказалъ онъ мнѣ), желалъ бы онъ познакомить меня съ овдовѣвшею своею невѣсткой, но она тогда была въ самомъ глубокомъ траурѣ.

Сіе сдѣлалось безъ него. Спустя нѣсколько времени, къ неутѣшной вдовѣ Голубцовой изъ Пензенской деревни пріѣхали родители ея, Огаревы, поселились у нея и сдѣлались хозяевами ея дома. О Богданѣ Ильичѣ упомянулъ уже я въ самомъ началѣ сихъ Записокъ. Какъ задушевный другъ моего отца, потребовалъ онъ меня къ себѣ и объявилъ, что если у нихъ я буду иначе какъ у себя дома, то онъ будетъ на меня жаловаться. Когда вспомнишь старину и начнешь объ ней безпристрастно судить, то, право, только о потерѣ эдакихъ людей въ ней пожалѣешь.

Съ Марьей Богдановной Голубцовой жилъ единственный братъ ея, Платонъ Богдановичъ Огаревъ, человѣкъ чрезвычайно добродуш-

ный. Вотъ все что могу объ немъ сказать. Къ сожалѣнію, отецъ его оставилъ ему только большое состояніе; кажется, онъ могъ бы дать ему и много ума. Какъ родительское наслѣдство, предложилъ онъ мнѣ свою дружбу, и хотя онъ былъ меня гораздо старѣе, я охотно принялъ ее, умѣя цѣнить качества сердца. Въ слѣдующее лѣто, когда всѣ родные его уѣхали въ деревню, воспользовался я другимъ его предложеніемъ, жить у него на квартирѣ, и долженъ сознаться, что не одна пріязнь къ нему, но и нужда заставила меня на сіе согласиться.

Пріязненное расположеніе ко мнѣ сестры его, когда прошло время первой супружеской горести, мнѣ показалось еще сильнѣе и нѣжнѣе. Какъ чувствъ ея не могъ я раздѣлять, то мнѣ пришлось притворяться, что я ихъ не понимаю, и до сихъ поръ дивлюсь, какъ могла она мнѣ сіе простить. Это объясняется необыкновенною ея добротою; миновавъ любовь, она даже послѣ не отказывала мнѣ въ дружбѣ. Она была тогда лѣтъ тридцати, чрезвычайно смугла, нехороша собою, отмѣнно слаба умомъ и сердцемъ и часто влюблялась. А какъ, по правиламъ строгаго цѣломудрія, въ коихъ она была воспитана, она искала болѣе мужа чѣмъ любовника, то могла сдѣлать весьма худой выборъ, попасть за мальчика или за какого-нибудь сорванца. Она довольно счастливо сіе избѣжала, хотя второе супружество ея и нельзя назвать совершенно выгоднымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, она вышла за Поляка Сосновскаго, весьма хорошей и извѣстной фамиліи, не столь молодаго, сколь моложаваго красавчика, который весьма долго, искусно и удачно спасалъ лицо свое отъ дѣйствій всесокрушающаго времени. Послѣ полумертвой княгини Шуйской, у которой въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, видѣлъ я его наемнымъ ласкателемъ, соединеніе съ Марьей Богдановной должно было ему казаться весьма пріятнымъ.

Фамилія Голубцовыхъ, по близкому родству съ графомъ Васильевымъ, женатымъ на княжнѣ Урусовой, родственницѣ княгини Вяземской, вдовы генералъ-прокурора, была въ свойствѣ и съ сею послѣднею. Въ домѣ этой княгини, которая одну дочь выдала за Неаполитанскаго посланника дюка-де-Серра-Капріола, а другую за Датскаго Розенкранца, собирался весь дипломатическій корпусъ, слѣдственно и высшій кругъ Петербурга. И потому-то отблески его часто мелькали и у Марьи Богдановны, и еслибъ она умѣла быть столь же любезна какъ и добра, то гостиную свою сдѣлала бы одною изъ самыхъ пріятныхъ въ столицѣ *).

---

*) У госпожи Сосновской (прежде Голубцовой) былъ отъ перваго мужа сынъ Платонъ, женатый на графинѣ Толстой, внучкѣ княгини Вяземской, который умеръ, будучи довольно молодъ и оставивъ нѣсколько сыновей. Дочь ея, Катерина Ивановна, была лю-

Въ большой связи съ Голубцовыми былъ сенаторъ Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, также старинный другъ моего отца, о которомъ также упомянулъ я въ началѣ сихъ Записокъ и къ которому также я долженъ былъ явиться. Сначала меня пугала жена его, Катерина Александровна; ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца. Когда первый страхъ во мнѣ прошелъ, я сдѣлался у нея въ домѣ какъ свой. Съ старшимъ сыномъ ихъ, моимъ ровесникомъ, я очень сошелся, чтобы не сказать подружился; и, право, не знаю отъ чего, развѣ потому, что его никто терпѣть не могъ, что онъ самъ, кажется, никого не любилъ, а мнѣ одному оказывалъ ласку и пріязнь. Онъ былъ наружности непривлекательной, имѣлъ желтокрасныя щеки, всегда недовольный видъ и весьма спѣсиво вздернутый къ верху крючкомъ не носъ, а подбородокъ. Надобно полагать, что замѣченное имъ всеобщее недоброжелательство дало такое странное расположеніе его лицу, выражающему всегдашнюю готовность отразить насмѣшку или грубость. Нашли, что онъ похожъ на продаваемыхъ тогда деревянныхъ раскрашенныхъ мужичковъ для щелканія орѣховъ, и прозваніе касноазета сохранилъ онъ до смерти и даже послѣ. Гораздо позже отдалился я отъ него, когда узналъ, что правила и поступки его не красивѣе его фигуры. Единственный братъ госпожи Новосильцовой, Ардаліонъ Александровичъ Торсуковъ, былъ оберъ-гофмейстеромъ при дворѣ и женатъ на племянницѣ и наслѣдницѣ знаменитой при Екатеринѣ Марьи Савишны Перекусихиной. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ сестрою, и ихъ два дома составляли почти одинъ; потому-то между всякой всячиной встрѣчался въ нихъ и народъ придворный, и люди хорошаго тона.

Одно семейство, которое встрѣчалъ я вездѣ, съ нѣкоторыми членами коего былъ знакомъ и о житьѣ коего я такъ наслышался, какъ будто самъ бывалъ у нихъ въ домѣ, было тогда весьма примѣчательно. Теперь въ Петербургѣ едва ли кто знаетъ, что такое были Арбеневы, а тогда, бывало, лишь назовешь Асафа Ивелича и Марѳу Ивановну, знакомые и незнакомые люди всѣхъ состояній, всякій знаетъ, о комъ идетъ рѣчь. Сіи супруги прославились своими странностями, а смертію своею нѣсколько времени оставили въ обществѣ пустоту. Честный и добрый старикъ былъ служакой при Екатеринѣ, когда ихъ было такъ мало, и отъ того долго командовалъ при ней Измайловскимъ

бовію и радостію всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Болѣе десяти лѣтъ чувствовалъ къ ней взаимную страсть Виртембергскій посланникъ принцъ Гогенлое - Кирхбергъ. Нѣмецкому князьку неприлично было вступить въ бракъ съ Русской дворянкой, и онъ могъ сіе исполнить тогда только, какъ королекъ его предварительно пожаловалъ ее графинею своего королевства.

полкомъ; манеры его нѣсколько отзывались фронтомъ и отъ того должны были казаться странными въ гостиныхъ. Примѣчательно въ жизни Іоасафа Іевлевича и то, что онъ—изъ малаго числа людей, кои при Павлѣ оставили службу съ честію и миромъ, съ пенсіей и мундиромъ; даже при отставкѣ получилъ онъ чинъ полнаго генерала и остался на житьѣ въ Петербургѣ. Въ Марѳѣ же Ивановнѣ смѣшнымъ казалось то, что, наперекоръ природѣ, она хотѣла оставаться молодою въ шестьдесятъ лѣтъ и для того все у себя красила и перекрашивала, и все это для того только, чтобы лучше понравиться мужу, съ которымъ они жили, какъ голубки. Ихъ домъ, собственный, на Малой Морской, былъ единственное мѣсто, гдѣ самый высшій Петербургскій кругъ встрѣчался съ второстепеннымъ и даже съ третьекласнымъ обществомъ. Въ извиненіе себѣ знатные говорили, что ѣздятъ посмѣяться, а еслибы сказали правду, то для того, чтобы повеселиться. Говорятъ, дѣйствительно, радушіе было старинное, гостепріимство тогдашнее Московское. Всякій вечеръ что́ хозяева не на званомъ балѣ, у нихъ самихъ незваный балъ: наѣдетъ молодежь, домъ набьется биткомъ, все засмѣется, все запляшетъ. Правда, говорятъ, зажгутся сальныя свѣчи, для прохлады разнесется квасъ; уже ничего прихотливаго не спрашивай въ угощеніи; но за то веселіе, самое живое веселіе, которое, право, лучше одной роскоши, замѣнившей его въ настоящее время. Однакоже, и съ такимъ житьемъ, когда принимаешь у себя весь городъ, небольшому состоянію трудно то выдержать и, кажется, Арбеневы не оставили много средствъ жить также весело своему семейству, которое съ тѣхъ поръ удалилось въ провинцію. Какъ ни говори, но чтобъ умѣть постоянно собирать у себя разнородныя общества, необходима въ хозяинѣ или хозяйкѣ особливая приманчивость.

Въ домахъ, гдѣ видѣлъ я сію странную и почтенную чету, у Лабатовыхъ, у тогдашней красавицы Воеводской, которая давала балы, вездѣ играла она самую важную роль: ей принадлежало первое мѣсто на канапе, рука хозяевъ къ столу и лучшіе куски за ужиномъ. Тотъ кругъ, гдѣ на вечерахъ предсѣдательствовала сія чета, былъ довольно обширенъ; къ нему принадлежалъ и домъ Танѣевыхъ, о коемъ послѣ буду говорить, и домъ Морелли-де-Розетти, отставнаго полковника, Французскаго музыканта, который принялъ Итальянское прозваніе, прибавивъ къ нему своевольно графскій титулъ, вышелъ при Потемкинѣ въ чины и женился на достаточной вдовѣ генерала Байкова, и еще многіе другіе. У меня иногда спрашивали, какъ умѣлъ я сдѣлать, чтобы не попасть къ Арбеневымъ, на что́ я отвѣчалъ, что никогда и ни къ кому не любилъ напрашиваться.

[illegible] о тогдашнихъ нарядахъ мужскихъ и жен- [illegible] престолъ въ Парижѣ и которая, повидимому, [illegible]ствуетъ надъ людьми, сама въ свою очередь [illegible]одствующему мнѣнію въ отчизнѣ своей, Франціи, [illegible] ему выраженіемъ. При Лудовикѣ XIV, когда [illegible] съ собой на ходули, необъятные парики по- [illegible] люди какъ бы росли на высокихъ каблукахъ, и ог- [illegible] съ длинными, какъ полотенца изъ кружева, висящими [illegible]плялись къ галстукамъ; женщины тонули въ обшир- [illegible]ахъ, съ тяжелыми накладками, съ фижмами и шлей- [illegible] было преувеличеніе, все топорщилось, гигантствовало, [illegible]ронило. При Лудовикѣ XV, когда забавы и амуры смѣнили славу, платья начали коротѣть и суживаться, парики понижаться и наконецъ исчезать; ихъ замѣнили чопорные тупеи, головы осѣнились голубиными крылышками, ailes de pigeon. При несчастномъ Лудовикѣ XVI, когда философизмъ и Американская война заставили мечтать о свободѣ, Франція отъ свободной сосѣдки своей Англіи перенесла къ себѣ фраки, панталоны и круглыя шляпы; между женщинами появились шпенцеры. Вспыхнула революція, престолъ и церковь пошатнулись и рухнули, всѣ прежнія власти ниспровергнуты, сама мода нѣкоторое время потеряла свое могущество, ничего не умѣла изобрѣтать, кромѣ красныхъ колпаковъ и безштанства, и терористы должны были въ одеждѣ придерживаться старины, причесываться и пудриться. Но новые Бруты и Тимолеоны захотѣли, наконецъ, возстановить у себя образцовую для нихъ древность: пудра брошена съ презрѣніемъ, головы завились а-ла-Титюсъ и а-ла-Каракала, и еслибы республика не скоро начала дохнуть въ рукахъ Бонапарте, то показались бы тоги, сандаліи и латиклавы. Чтó касается до женщинъ, то всѣ онѣ хотѣли казаться древними статуями, съ пьедестала сошедшими: которая одѣлась Корнеліей, которая Аспазіей. Итакъ Французы одѣваются, какъ думаютъ; но зачѣмъ же другимъ націямъ, особливо же нашей отдаленной Россіи, не понимая значенія ихъ нарядовъ, безсмысленно подражать имъ, носить на себѣ ихъ бредни и, такъ сказать, ихъ ливрею? Какъ бы то ни было, но костюмы, коихъ память одно ваяніе сохранило на берегахъ Егейскаго моря и Тибра, возобновлены на Сенѣ и переняты на Невѣ. Еслибы не мундиры и не фраки, то на балы можно было бы тогда глядѣть какъ на древніе барельефы и на Этрускія вазы. И право, было недурно: на молодыхъ женщинахъ и дѣвицахъ все было такъ чисто, просто и свѣжо; собранные въ видѣ діадемы волосы такъ украшали ихъ молодое чело. Не страшась ужасовъ зимы *),

*) Многія сдѣлались тогда жертвами несогласія климата съ одеждой. Между прочимъ прелестная княгиня Тюфякина погибла въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты.

. . . . украсить богатою простотой, и для того, вмѣс . . . . употреблять красное дерево съ бронзо . . . латунью, что было довольно гадко; ткани . . . . замѣнили сафьянами разныхъ цвѣтовъ и кр . . . изъ лошадиной гривы. Прежде простѣнки покр . . . трюмо съ позолотой кругомъ, съ мраморны . . . снизу, а сверху съ хорошенькими картинками, предста . . . обыкновенно идилліи, писанными рукою Буше или въ е . . . Она также свои зеркала стали обдѣлывать въ красное дере . . . бляхами и вмѣсто картинокъ вставлять надъ ними овал . . . стекла, съ подложеннымъ кускомъ синей бумаги *). Шелков . . . также были изгнаны модою, а дѣлались изъ бѣлаго коле . . . или другой холщовой матеріи съ накладкою прорѣзнаго каз . . . мира, по большой части краснаго, съ такого же цвѣта бахрамою . . . кистями. Эта мода вошла къ намъ въ концѣ 1800 года и продолж . . . лась до 1804 или 1805 годовъ. Павелъ ни къ кому не ѣздилъ и если . . . увидѣлъ, то конечно воспретилъ бы ее, какъ якобинизмъ.

Консульское правленіе рѣшительно возстановило во Франціи о . . . щество и его пристойныя увеселенія: тогда родился и вкусъ, бол . . . тонкій, менѣе мѣщанскій, и выказался въ убранствѣ комнатъ. Все д . . . лалось а л'антикъ (открытіе Помпеи и Геркуланума чрезвычайно то . . . способствовало). Парижане мало заботились о Ліонѣ и его мануфакт . . . рахъ, но правителю Франціи надобно было поощрить ихъ: и шелк . . . выя ткани опять явились, но уже по прежнему не натягивались . . . стѣнахъ, а щеголевато драпировались вокругъ нихъ и вокругъ колонн . . . въ иныхъ мѣстахъ ихъ замѣняющихъ. Вездѣ показались албатров . . . вазы, съ изсѣченными митологическими изображеніями, курительни . . . и столики въ видѣ треножниковъ, курульскія кресла, длинныя кушетк . . . гдѣ руки опирались на орловъ, грифоновъ или сфинксовъ. Позолоч . . . ное или крашеное и лакированное дерево давно уже забыто, гадк . . . латунь тоже брошена; а красное дерево, вошедшее во всеобщее уп . . . требленіе, начало украшаться вызолоченными бронзовыми фигурам . . . прекрасной отработки, лирами, головками: медузиными, львиными . . . даже бараньими. Все это пришло къ намъ не ранѣе 1805 года, и . . . моему, въ этомъ родѣ ничего лучше придумать невозможно. Могли . . . жители окрестностей Везувія вообразить себѣ, что черезъ полто . . . тысячи лѣтъ изъ нихъ могилъ весь житейскій ихъ бытъ вдругъ пере . . . детъ въ Гиперборейскія страны? Одно было въ этомъ нѣсколько смѣ . . .

*) Ихъ и нынѣ можно найти въ старыхъ мебельныхъ лавкахъ и въ нѣкоторы . . . Русскихъ трактирахъ, куда ходятъ люди простаго званія.

но: всѣ тѣ вещи, кои у древнихъ были для обыкновеннаго, домашняго употребленія, у Французовъ и у насъ служили однимъ украшеніемъ; напримѣръ, вазы не сохраняли у насъ никакихъ жидкостей, треножники не курились, и лампы въ древнемъ вкусѣ, съ своими длинными носиками, никогда не зажигались.

Теперь отъ внутренняго убранства перейдемъ къ наружному, то-есть къ архитектурѣ. Въ ней также воскресъ вкусъ Римской и Греческой древности. Когда у Персидскаго посла въ 1815 году спросили, нравится ли ему Петербургъ? онъ отвѣчалъ, что сей только-что вновь строящійся городъ будетъ нѣкогда чудесенъ. Это скорѣе можно было сказать въ началѣ царствованія императора Александра, а еще скорѣе въ нынѣшніе годы. Тогда въ одно время начинались конно-гвардейскій манежъ и всѣ, по разнымъ частямъ города разсѣянныя, великолѣпныя гвардейскія казармы, и огромная биржевая зала, одѣтая въ колонны, съ пристанью и набережными вокругъ нея, и быстро подымался Казанскій соборъ съ своею рощей изъ колоннъ и уже примѣтно передразнивалъ церковь Св. Петра въ Римѣ; обывательскіе же трехъ и четырехъ-этажные каменные домы на всѣхъ улицахъ росли не по днямъ, а по часамъ. Въ тоже время чистили и дѣлали судоходною рѣчку Пряжку, бока Мойки выкладывали камнемъ и перегибали черезъ нее чугунные мосты; по Невскому проспекту и на Васильевскомъ острову протягивали булевары и, наконецъ, отъ самой подошвы перестраивали заново старое, кирпичное, съ землянымъ валомъ, Адмиралтейство. Такъ какъ Государь единственнымъ, любимымъ своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ избралъ небольшой Каменно-островскій дворецъ, то вдругъ прервалось угрюмое молчаніе окрестъ-лежащихъ острововъ. Вездѣ на нихъ застучали топоръ и молотъ, и засвистѣла пила; болота ихъ осушились и поросли дачами. Можно себѣ представить, какая строительная дѣятельность была тогда во всемъ Петербургѣ.

Четыре архитектора были тогда извѣстны: двое Русскихъ, Захаровъ и Воронихинъ, Итальянецъ Гваренги и Французъ Томонъ. Первый изъ нихъ, по части зодчества, въ художественной нашей исторіи стоитъ пониже поэта въ архитектурѣ, Баженова, и наровнѣ съ Старовымъ и Кокориновымъ. Надобно было его искусство, чтобы растянутому фасаду Адмиралтейства дать тотъ красивый видъ, ту правильность и гармонію, которыми мы понынѣ любуемся. Другой же, Воронихинъ, былъ холопъ графа Строганова, президента Академіи и мецената художествъ; а какъ въ старину баре, даже и знатные, отдавали мальчиковъ въ ученье, не справляясь съ ихъ склонностями, то, вѣроятно, и Воронихинъ, природой назначенный къ сапожному ремеслу,

захотѣли жилища свои украсить б… …и своего господина
позолоты, стали во всемъ упот… …рхитектурѣ, который
то-есть съ накладною латун… …мъ почеркомъ перепи-
шелковыя и бумажныя зам… …часто ходилъ пѣшкомъ,
нолиной, вытканною изъ… …нъ по огромной синева-
вались огромными тр… …а приклеила къ его лицу.
консолями снизу, а с… …и вкусъ, и его твореніями
ляющими обыкнове… …ожалѣнію, въ это время, ка-
родѣ. Они такж… …Мусью Томонъ или Томасъ де-
съ мѣдными б… …атался, былъ человѣкъ не безъ
ныя стекла, … …оенною имъ Биржею. Онъ также
занавѣси … …листъ и пламенный католикъ; зем-
кора или … …авлявшіе религіозно-легитимистскую
мира, … …стояла за тронъ и церковь, гово-
вне …
ла… …ъ, архитекторъ, конечно, гораздо вы-
у… …въ искусствѣ, которые съ тѣхъ поръ
…ювали. Это Камеронъ, построившій Цар-
…ный тогда былъ живъ, здоровъ и находил-
…но, какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи
…жно было что-нибудь великое поручить Во-
…альность въ сторону: съ такими людьми на-
…рѣетъ, чѣмъ выигрываетъ.

…какъ настоящій фланёръ, часто посѣщалъ я
…торыя мнѣ какъ будто были приказаны. Какъ
…авило, восхищало! И возможно ли перемѣниться
…Нынѣ безъ сердечной горести, безъ глубокаго
…дѣть, какъ громоздятся у насъ дворцы и храмы.
…гляну я на нихъ, невольно вспомню, что крытый
…ерилъ вселенную, а когда воздымались въ немъ Ко-
…ани и Адріановъ мавзолей, то начали появляться
…ывать отдаленныя его провинціи; вспомню, что среди
…ающаго Рима возникла папская власть, которая рас-
…всему христіанству, а когда соорудился Ватиканъ и
…Петра сталъ возноситься на удивленіе всего просвѣ-
…христіанскаго міра, бо̀льшая его половина оторвана отъ него
…а Кальвиномъ; вспомню, что построеніе Аламбры незадолго
…овало покоренію Гренады, и съ того времени, какъ подняла…
…, начался постепенный упадокъ Гишпаніи; вспомню так-
…София, Ипподромъ и Влахернскій дворецъ созидались
… непріятел… …ь. Наконецъ, спрошу у себя,

...ю славу простояли вѣка Египетскія пирамиды, когда поперемѣн... дѣлались добычею Камбиза, Александра Великаго, Юлія Ке... ...ря, Наполеона, и нынѣ, подъ именемъ Мегемета-Али, ...го владычествуетъ надъ ними: Турки, Французы или Ан... ...роскошь, расточительность не есть величіе царское, и ...изящной архитектуры—часто одни только великолѣп... ...крывающія народную нищету.

IV.

Въ отдаленномъ времени, о коемъ пишу, нельзя вдругъ припомнить всѣхъ замѣчательныхъ и пріятныхъ знакомствъ, которыя въ это время я сдѣлалъ. Я было и забылъ одного почтеннаго человѣка, за непосѣщеніе коего получилъ я отъ отца выговоръ и строгое приказаніе къ нему явиться. Это былъ Голандецъ Сухтеленъ, мужъ ученый, кроткій и добродѣтельный, который при Павлѣ на мѣсто Шардона начальствовалъ въ Кіевской крѣпости надъ инженерами; тутъ составилась у нихъ съ отцомъ моимъ дружба, которую одна смерть только прекратила. При Александрѣ былъ онъ его любимцемъ, генералъ-инженеромъ и генералъ-квартирмистромъ, управляя обѣими частями почти независимо отъ Военнаго Министерства, и помѣщался въ великолѣпныхъ покояхъ оставленнаго Михайловскаго зȧмка. Въ длинномъ ряду воспоминаній, кои такъ тревожатъ, утомляютъ душу, встрѣчаются изрѣдка такія, на коихъ она отдыхаетъ, сладостно успокоивается; въ числѣ ихъ находится у меня и Петръ Корниловичъ Сухтеленъ, котораго едва ли я чувствую себя достойнымъ изобразить. Онъ былъ росту небольшаго, нѣсколько сутуловатъ, имѣлъ лицо чистое, на которомъ еще въ старости игралъ румянецъ, и голосъ, коему небольшой недостатокъ въ произношеніи (вмѣсто *ш* говорилъ онъ всегда *с*) придавалъ еще болѣе пріятности. Съ кипящимъ любовію къ добру сердцемъ, при неутомимой дѣятельности, наружность его сохраняла спокойствіе, почти неподвижное, озаряемое легкою улыбкой. Этотъ человѣкъ ужасалъ своимъ знаніемъ, но такъ былъ скроменъ, что не только пугать, но даже удивлять имъ никого не думалъ. Страсть къ учености была въ немъ тихій, неугасаемый жаръ, его жизнь, его отрада, коею готовъ онъ былъ дѣлиться со всѣми, кто болѣе или менѣе поклонялся свѣтильнику наукъ. Тотъ, кто, казалось, не обидѣлъ бы мухи, въ полѣ былъ неустрашимый воинъ, и всевѣдущій сей, въ обществѣ невѣждъ, былъ ласковъ, привѣтливъ, не давая подозрѣвать ...въ своемъ знаніи. Всѣ математическія науки, всѣ отрасли литературы,

философія, богословіе равно ему были знакомы; въ художествахъ былъ онъ вѣрный и искусный судья. Но какъ успѣвалъ онъ копить сокровище своего знанія, когда половина дня поглощаема у него была занятіями по службѣ—это сущая загадка.

Разъ въ недѣлю долженъ былъ я у него обѣдать и, наконецъ, удостоился быть въ его кабинетѣ-библіотекѣ, который заслуживаетъ быть описаннымъ. Можно представить себѣ мое изумленіе, когда вошелъ я въ бывшую тронную залу императора Павла. Она была въ два свѣта; на великолѣпно расписанномъ плафонѣ изображенъ былъ Юпитеръ-Громовержецъ и весь его Олимпъ; подъ вызолоченнымъ карнизомъ видны были гербы всѣхъ княжествъ Россійскихъ; мѣсто, гдѣ былъ тронъ, было замѣтно по сохранившимся надъ нимъ рѣзнымъ фигурамъ, и огромное зеркало въ 12 или 13 аршинъ вышины было въ числѣ забытыхъ или оставленныхъ украшеній. Но стѣны чертога были голы, даже не покрыты краскою; вдоль оныхъ до половины ихъ вышины тѣсно поставлены были выкрашенные простаго дерева шкапы безъ стеколъ и занавѣсокъ. А между тѣмъ ихъ полки поддерживали драгоцѣнности, коимъ могъ позавидовать всякій библіофилъ: кажется, одни Эльзевиры были безъ счету. На серединѣ залы стояли, одинъ за другимъ, престрашные столы съ ящиками до полу, которые въ нѣдрахъ своихъ хранили другія сокровища: рѣдкія рукописи, собранія эстамповъ и медалей, а сверху были обременены неразставленными еще фоліантами. Память о покойномъ государѣ была такъ еще свѣжа, что я невольно вздрогнулъ, и была минута, въ которую мнѣ показалось, что разгнѣванная тѣнь его пронеслась по мирному кабинету мудреца. Какая противоположность! Тамъ, гдѣ еще недавно съ трепетомъ проходили царедворцы, тамъ ежедневно по цѣлымъ часамъ блаженствовалъ мужъ добра и науки.

Онъ былъ настоящій библіоманъ. Это такого рода роскошь, на удовлетвореніе коей болѣе всего потребны время и разчетливость. Генералъ Сухтеленъ, не бѣдный и не богатый, всю жизнь свою употреблялъ половину доходовъ на покупку книгъ и по смерти своей наслѣдникамъ своимъ оставилъ такую библіотеку, которую пріобрѣла казна, ибо ни одинъ частный человѣкъ не въ состояніи былъ купить ее.

Въ обществѣ его, обыкновенно составленномъ изъ знаменитыхъ путешественниковъ, художниковъ и ученыхъ, могъ я тогда быть только слушателемъ. Однакоже всегда быть лицомъ безъ рѣчей могло бы мнѣ, наконецъ, наскучить; отъ сей опасности былъ я огражденъ разговорами дочери его Марьи Петровны, фрейлины, весьма остроумной, оригинальной и даже курьезной дѣвицы, некрасивой собою, чрезвычайно

смѣшливой и немного насмѣшливой. Еще занимательнѣе былъ для меня братъ ея Павелъ Петровичъ, молоденькій мальчикъ, въ офицерскомъ мундирѣ квартирмейстерской части, живой, веселый, добрый, умный, но который, приглядѣвшись ко всему, что имѣетъ истинное достоинство, какъ будто не зналъ ему тогда цѣны и плѣнялся единственно блестящей шумихой гвардейскихъ мундировъ, двора и свѣта. Онъ не долго вздыхалъ о кавалергардскомъ полку, годъ или полтора: съ покровительствомъ такого отца ему не слишкомъ трудно было въ него перейдти. Офицеры этого полка славились тѣмъ, чему въ Русскомъ языкѣ нѣтъ имяни—fatuité, что нельзя перевести названіями самодовольства, хвастовства, чванства; ибо ни которое отдѣльно, но всѣ вмѣстѣ входятъ въ составъ сего недостатка. Эта врожденная склонность почти всѣхъ молодыхъ и многихъ старыхъ Французовъ у насъ сдѣлалась исключительно принадлежностью одного полка, который за то, почти не исключая женщинъ, всѣ терпѣть не могли. Особенно ненавидѣли его гвардейцы другихъ полковъ, начиная съ брата государева Константина Павловича; съ негодованіемъ смотрѣли на первенство его и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто его признавали *). Мой Сухтеленъ также сначала со мною поднялъ носъ; но онъ такъ не ловко чванился, такъ мило пришепетывалъ, что я не могъ на него долго сердиться, и онъ самъ, наконецъ, почувствовалъ, какъ это смѣшно. Когда съ лѣтами прошло его легкомысліе, остались одни его прекрасныя, благородныя свойства. Онъ былъ полезенъ какъ воинъ и какъ гражданинъ, стоялъ уже на высокой степени, начиналъ Россіи замѣнять отца, какъ внезапная смерть похитила его у обоихъ, и переживпій его старецъ осужденъ былъ нѣсколько лѣтъ оплакивать его потерю.

Изо всѣхъ юношей-ровесниковъ чаще всѣхъ видѣлъ я тогда Блудова, товарища моего по службѣ въ Московскомъ архивѣ. Ни въ образѣ воспитанія, ни въ характерѣ, ни въ привычкахъ, ни въ склонностяхъ, ни въ чемъ у насъ ничего не было общаго; мы отправились съ столь различныхъ точекъ, что, казалось, никогда сойдтись не можемъ. Единственный сынъ нѣжной, умной, попечительной и хворой матери, коей былъ онъ и единственною отрадой и упованіемъ, онъ никогда еще не разлучался съ нею, выросъ, такъ сказать, въ теплицѣ ея заботливости, въ тѣсномъ кругу людей ею избранныхъ. Я въ

---

*) Кто бы могъ ожидать, чтобы въ полку, гдѣ на все дѣльное смотрѣли съ презрѣніемъ, коего сущность была искусное наѣздничество, франтовство и фразы, что въ этомъ полку увидимъ мы, наконецъ, знаменитую школу, образовавшую намъ всѣхъ нашихъ великихъ государственныхъ людей? Чернышовъ, Левашовъ, Киселевъ, всѣ эти орлы изъ одного гнѣзда вылетѣли.

Кіевѣ получилъ, можно сказать, площадное воспитаніе; гостиная моихъ родителей была волшебный фонарь, гдѣ безпрестанно однѣ проѣзжія фигуры смѣняли другія, былъ потомъ въ публичномъ заведеніи, жилъ по чужимъ домамъ и изъѣздилъ уже почти половину Россіи. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наше положеніе въ Петербургѣ было сходно: наше одиночество, самолюбіе, которое не допускало насъ искательствомъ пріобрѣтать полезныя знакомства, все это насъ сблизило.

Еще и донынѣ благодарю я Провидѣніе, пославшее мнѣ наставника, едва вышедшаго изъ отроческихъ лѣтъ. Съ самаго рожденія видѣлъ я въ отцѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей; но онѣ стояли такъ высоко передо мною, что я не смѣлъ надѣяться до нихъ когда-либо возвыситься; въ отчаяніи, въ пренебреженіи къ самому себѣ, я почиталъ себя добычей, обреченною пороку. Еслибы былъ я тогда въ частыхъ сношеніяхъ съ угрюмымъ педагогомъ, который бы ежедневно проповѣдовалъ мнѣ о моихъ обязанностяхъ, то еще бы болѣе утвердился въ семъ мнѣніи. Но мнѣ предстала нравственность въ самомъ миломъ видѣ: тотъ, котораго годъ или два назадъ зналъ я умненькимъ шалуномъ, ничего не утративъ изъ веселонравія своего, живости, остроумія, словомъ и дѣломъ строго повиновался всѣмъ уставамъ чести и добродѣтели.

Мнѣ предстоитъ подвигъ трудный: изобразить этого человѣка. Если, увлекаясь пристрастіемъ, умолчу я о слабостяхъ его, то что будетъ съ истиною, съ даннымъ мною обѣщаніемъ? И какъ нѣтъ ничего совершеннаго въ мірѣ, то какое правдоподобіе будетъ имѣть мой разсказъ? А говорить о его недостаткахъ куды не хочется! Впрочемъ, мнѣ бояться нечего: они такъ потоплены блистательными, рѣдкими, въ наше время необычайными качествами, что покажутся развѣ какъ родимое пятнышко на красивомъ лицѣ.

Природа создала его порочнымъ. Она сдѣлала болѣе, она открыла въ немъ два главныхъ источника всѣхъ пороковъ: гордость и лѣность; но въ тоже время вложила въ него искру того небеснаго огня, отъ котораго, рано или поздно, сіи источники должны были изсякнуть, и душа его спозаранку получила удивительную способность быстро воспламеняться отъ малѣйшаго прикосновенія всего изящнаго въ нравственномъ мірѣ. Непорочная любовь съ ея чистѣйшими, нѣжнѣйшими восторгами, и дружба весьма немногимъ прежде, нынѣ же почти никому непонятная, и вѣра съ ея тихими неземными наслажденіями, и честь со всею строгостію ея законовъ, и патріотизмъ со всею возвышенностію чувствъ имъ возбуждаемыхъ, обхватили и проникали сію почти отроческую душу. Все въ ней сдѣлалось поэзія, и

страсть къ ея произведеніямъ была главнѣйшею въ первой молодости Блудова. Можетъ-быть, она отвлекла его отъ другихъ занятій, въ мнѣніи свѣта, болѣе полезныхъ; но она очаровала его юность, расцвѣтила воображеніе и спасла его сердце отъ жестокаго эгоизма, къ которому, грѣха таить нечего, оно имѣло наклонность. Время не могло истребить счастливыхъ впечатлѣній, сею первою эпохою жизни оставленныхъ; ихъ не могло совершенно подавить бремя государственныхъ дѣлъ, и не остыли они отъ холода лѣтъ и высшаго общества, въ которомъ живетъ онъ. И вотъ почему въ Россіи, увы! онъ почти единственный государственный человѣкъ, который о благѣ ея мечтаетъ болѣе чѣмъ о почестяхъ.

Не надобно забыть, что восемнадцатый вѣкъ едва только кончился въ то время, о которомъ пишу. Въ то время невѣріе почиталось непремѣннымъ условіемъ просвѣщенія, и цѣломудріе юноши казалось вѣрнымъ признакомъ его слабоумія. Итакъ Блудову предстояла борьба не только съ самимъ собою, но и съ мнѣніемъ большинства людей. Онъ не хвастался своими чувствами, но и не скрывалъ ихъ; все это въ молодомъ мальчикѣ не показываетъ ли и силу характера и силу убѣжденія? Правда, на мерзости людскія смотрѣлъ онъ не совсѣмъ по-христіански, не съ братскимъ соболѣзнованіемъ, не только съ гордостію и презрѣніемъ, но и съ постоянною досадой, и эпиграмы, коими языкъ и перо его были вооружены какъ иглами, съ обоихъ такъ и сыпались. И ненависть глупцовъ уже почтила его въ первые годы пребыванія его въ Петербургѣ; особенно не взлюбили его молодые люди, много и скверно болтавшіе по-французски: они уже дали ему названія и мешана, и костика.

Всего болѣе нравъ его выказывался въ бесѣдахъ съ молодыми друзьями. Пріучивъ себя къ какому-то первенству между ними, онъ часто какъ будто требовалъ исполненія воли своей и потомъ, какъ бы опомнясь, переходилъ къ неожиданной уступчивости. Глядя со стороны, нельзя было рѣшительно сказать, тиранъ ли онъ друзей своихъ, или ихъ жертва? Это объясню я двумя словами: онъ властвовалъ надъ ними умомъ и покорялся имъ сердцемъ.

Этого человѣка искалъ я, вмѣстѣ и страшился. Трусости сей я не краснѣю и нынѣ готовъ ею похвалиться: я боялся его какъ совѣсти своей. Въ одномъ чувствовалъ я превосходство свое передъ нимъ: мнѣ жаль было видѣть, какъ, при умѣ его, могъ онъ съ такимъ участіемъ, иногда съ восхищеніемъ, говорить о Русской словесности; мнѣ казалось, что между высокопарно-скучнымъ церковнымъ и стихотворнымъ языкомъ нашимъ и гадкимъ языкомъ простонародья неизмѣримое пространство, на срединѣ коего, какъ едва примѣтная точка, стоялъ

Карамзинъ. Какой тутъ быть прозѣ, какимъ стихамъ, думалъ я, и сто́итъ ли о томъ говорить? За то въ мысляхъ о Франціи и энтузіазмѣ къ ней были мы совершенно согласны; въ этомъ онъ былъ мой оракулъ, а Лагарпъ его законодатель. И тутъ являлось его правовѣріе: роялизмъ былъ его политическою, а классики литературною вѣрой.

Кажется, болѣе всего соединяла насъ въ это время страсть къ Французской сценѣ, которая во мнѣ доходила до безумія. Мнѣ случалось не допивать, не доѣдать; случалось довольствоваться людскими щами и кашей, чтобы послѣдній мѣдный рубль нести въ театръ: тамъ была вся услада, все утѣшеніе моей жизни; тамъ я былъ увѣренъ встрѣтить Блудова, и мы оба во всемъ смыслѣ могли называться пилястрами партера, какъ говорятъ Французы.

И вотъ тутъ-то примусь я описывать со всею подробностію (читай меня, иль не читай) любопытнѣйшее занятіе праздной моей молодости. Я говорилъ уже о Петербургскомъ театрѣ при Павлѣ Первомъ, когда я только что прозрѣлъ его. Вскорѣ послѣ кончины сего императора, удалилась или была выслана красавица-пѣвица Шевалье съ балетмейстеромъ мужемъ своимъ, и опера безъ нея осиротѣла. Прошелъ траурный годъ, въ продолженіе коего придворные актеры не могли являться на сценѣ, и о театрѣ, до котораго императоръ Александръ никогда не былъ большой охотникъ, какъ будто позабыли. Но когда весною 1802 года онъ опять былъ открытъ, среди всеобщаго стремленія къ веселостямъ, тогда всѣ почувствовали необходимость его въ столичномъ городѣ. Для самого Государя, тогда еще совершенно молодаго, публичныя увеселенія имѣли еще нѣкоторую заманчивость. Каменный или Большой театръ, воздвигнутый въ Коломнѣ при Екатеринѣ, велѣно архитектору Томону перестроить заново и съ большею противъ прежняго роскошью; а покамѣстъ, дабы не прерывать представленій, отысканъ деревянный или малый театръ, никому неизвѣстный, построенный великолѣпнымъ княземъ Потемкинымъ на дворѣ принадлежавшаго ему Аничковскаго дворца. Самъ директоръ императорскихъ театровъ, расточительный оберъ-камергеръ Нарышкинъ, отправился въ примиренный съ нами Парижъ и навербовалъ тамъ два или три комплекта артистовъ всякаго рода. Все наѣхало, все поспѣло въ послѣдніе мѣсяцы сего 1802 года, первые пребыванія моего въ Петербургѣ. Перестроенный Большой театръ открытъ 30 Ноября; меня чуть не задавили при входѣ, и я все-таки въ него не попалъ. Нѣсколько дней спустя, было воскресеніе Французской оперы, то-есть первый дебютъ знаменитой у насъ Филисъ.

Незабвенная Филисъ! Какими я блаженными минутами ей обязанъ! Девять лѣтъ сряду восхищала она меня. Но не подумайте, читатель,

чтобъ я въ нее хотя сколько-нибудь былъ влюбленъ; это было невозможно, вопервыхъ, потому что я никогда вблизи ея не видывалъ, и потому, вовторыхъ, что на самой сценѣ, не смотря на оптическій обманъ, она мнѣ казалась болѣе дурна, чѣмъ хороша собою. Она была уроженка изъ Бордо и 24 лѣтъ, когда къ намъ пріѣхала. Всѣмъ извѣстно, что подъ жаркимъ, южнымъ небомъ все сладчайшее, плоды и женщины, зрѣютъ гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ, и, не смотря на молодые свои годы, моя Филисъ казалась едва ли не перезрѣлою. У нея же былъ длинный носъ и смуглое лицо, чего я терпѣть не могу. Но все чтѣ только можетъ замѣнить свѣжесть и красоту, все въ ней находилось; все было плѣнительно, очаровательно: и взглядъ ея, и поступь, и игра, и голосъ, когда она имъ говорила, и умѣнье владѣть имъ, когда она пѣла, и умѣнье наряжаться со вкусомъ. Никто не влюблялся въ нее какъ женщину, всѣ обожали какъ пѣвицу и актрису. Въ Парижѣ прелести ея цѣнились выше, чѣмъ у насъ; онѣ произвели страсть и гоненія брата Бонапарте, Іеронима. Видно, что власть семейства перваго консула была очень велика, ибо свободѣ Андріё (мужа или любовника Филисъ) угрожала опасность, и они, сдѣлавъ условія съ Нарышкинымъ, тайно бѣжали въ Россію...

Въ продолженіи 1803 года не проходило почти недѣли, чтобы не было на Французскомъ театрѣ дебюта и одной или двухъ новыхъ піесъ. Въ аристократическомъ обществѣ, между нашими боярами, были Французы и Француженки разныхъ временъ и возрастовъ. По ихъ требованію, въ угожденіе имъ, начали отыскивать всѣ современныя имъ музыкальныя произведенія, и стали восходить до Монсиньи и Рамѡ; къ счастію, современниковъ Лулли никого уже не было. Глюкъ и Пиччини мирно встрѣтились у насъ на одной сценѣ, пропѣтые одними и тѣми же артистами, и одни и тѣже зрители, не давая одному передъ другимъ преимущества, обоимъ съ одинаковымъ равнодушіемъ рукоплескали. Только для немногихъ *Ифигенія*, *Орфей и Эдипъ въ Колонѣ* воскрешали былое; когда хоромъ запѣли *Achille sera votre époux*, говорятъ, старикъ графъ Строгановъ затрепеталъ отъ восторга; когда Андріё, играя Блонделя въ *Рихардѣ Львиномъ Сердцѣ*, несноснымъ голосомъ своимъ затянулъ *O Richard, o mon roi*, одна престарѣлая княгиня, пораженная воспоминаніями, въ ложѣ своей зарыдала. Для нашего же поколѣнія Грётри казался уже ветхъ, и неистощимый Далейракъ былъ часто несносенъ. Но чтѣ я говорю о нашемъ поколѣніи! Поминками о Филисъ не похожъ ли я на тѣхъ, о коихъ сейчасъ говорилъ? Съ тою однакоже разницей, что музыка, отъ коей въ молодости былъ я внѣ себя, является мнѣ нынѣ изрѣдка и противъ воли

моей, какъ старая, давно забытая любовница, вся въ сѣдинахъ и морщинахъ....

Съ Французскимъ театромъ почти неразрывно связаны балеты; они чисто Французскія произведенія. Ихъ составлялъ тогда и потомъ блисталъ въ нихъ примѣчательный Дидло съ женою своею. Увѣряли, что нашимъ молодымъ Русскимъ танцовщикамъ и танцовщицамъ пòтомъ и кровью доставалось плясовое искусство: Дидло, всегда вооруженный престрашнымъ арапникомъ, посредствомъ его (какъ нѣкогда Пото со мною) давалъ имъ уроки. Другой танцовщикъ назывался Дютакъ, и про него кто-то сказалъ, что онъ Нетакъ. Тогда было не то, чтò нынѣ: давали почти одни серьезные балеты, плясовыя трагедіи, *Медея и Язонъ*, *Апеллесъ и Кампаспа*, *Пирамъ и Тизбе*, которые казались еще скучнѣе нынѣшнихъ.

Двору и обществу, какъ ребятамъ, всего хотѣлось: все еще имъ мало было забавъ. Прежняя Итальянская труппа была распущена; имъ захотѣлось новой, а какъ императоръ не былъ охотникъ до музыки, какъ уже сказалъ я, то безъ всякаго казеннаго участія дозволилъ ее только выписать, и вмѣсто всякой другой помощи, велѣлъ отдать ей даромъ, по открытіи Большаго театра, малый, Аничковскій. Антрепренеру Казасси посчастливилось сманить славные таланты, но не удалось пріобрѣсти выгодъ отъ своего предпріятія; онъ едва не сдѣлался банкротомъ, и тогда уже убѣдили Государя бѣдную труппу взять подъ свое покровительство и назвать придворною. А если эта труппа не умѣла сдѣлать Петербурга музыкальнѣе, то видно никогда ему такимъ не быть.... Преимущественно играли они тогда музыку Чимароза, Паэзіэлло, Назолини, Фіораванти. Какъ изученіе Итальянскихъ оперъ требуетъ болѣе времени чѣмъ водевилей, то частымъ повтореніемъ своимъ онѣ скоро надоѣли, и въ 1806 году совсѣмъ прекратилось ихъ здѣсь существованіе.

Не знаю, какъ другимъ молодымъ людямъ, но мнѣ случалось быть въ Нѣмецкомъ и въ Русскомъ театрѣ, какъ и въ балаганахъ о Святой, т. е. очень рѣдко. Я винился знакомымъ, что видѣлъ три Нѣмецкія оперы, именно *Волшебную Флейту* Моцарта, Вѣнскую народную *Донаувейбхенъ* и весьма забавный фарсъ *die Schwestern aus Prag*, и надо мной готовы были смѣяться. Наша новорожденная драматическая литература стояла въ глазахъ нашихъ все-таки выше Нѣмецкой; она была по крайней мѣрѣ блѣдная копія Французской, которая обществомъ почиталась тогда первѣйшею въ мірѣ. Играли, однакоже, Нѣмецкія комедіи и трагедіи передъ Нѣмецкою публикой, которая въ Петербургѣ всегда бываетъ многочисленна и которая тогда бредила Шиллеровыми *Разбойниками* и *Донъ-Карлосомъ*. Въ это время (да

полно, не такъ ли и нынѣ?) на Нѣмецкомъ языкѣ все серіозное казалось мнѣ нестерпимымъ, все пристойно-веселое скучнымъ, все нѣжное отвратительнымъ; нравились мнѣ одни только фарсы. Вотъ отчего остались у меня въ памяти только два искусные забавника, Штейнбергъ и Линденштейнъ, да еще одна молоденькая пѣвица, демоазель Брюкль, совсѣмъ не забавная, но примѣчательная по огромному голосу своему, не скажу пріятному, и по Нѣмецкой постоянности, съ какою слушали ее въ однѣхъ роляхъ болѣе тридцати лѣтъ и съ какою она занимала ихъ.

Русскій театръ, въ первые два-три года Александрова царствованія, оставался еще Россійскимъ театромъ, созданнымъ Сумароковымъ, и почти не подвигался впередъ. Незадолго до пріѣзда моего, представленіе одной новой піесы, *Лиза* или *Торжество благодарности*, весьма ничтожной и давно забытой, было важнымъ происшествіемъ и возбудило не только вниманіе, но и удивленіе публики, и авторъ г. Ильинъ удостоился чести совершенно новой, дотолѣ у насъ неслыханной: его вызвали на сцену. Ободренный симъ примѣромъ, другой, столь же неизвѣстный авторъ г. Ѳедоровъ, слѣдующею весною, вывелъ свою драму, другую Лизу, взятую изъ *Бѣдной Лизы* Карамзина, но имѣлъ успѣхъ уже посредственный. Недолго жалкіе сіи люди одни владѣли Русскою сценой, пока не явились сперва Крыловъ, а вскорѣ потомъ и Шаховской и продлили цѣпь Русскихъ комиковъ, прерванную смертію Княжнина и Фонъ-Визина и молчаніемъ Капниста. Крыловъ, съ которымъ я тогда рѣдко и довольно сухо встрѣчался, пересталъ уже жить по добрымъ людямъ и испытывалъ силы свои въ разныхъ литературныхъ родахъ. Каждый бы ему дался, и тому служатъ доказательствомъ двѣ написанныя имъ въ это время комедіи: *Урокъ дочкамъ* и *Модная лавка*. Но чтобы на этомъ поприщѣ достигнуть возможнаго совершенства, не доставало ему одного—прилежанія. Басни избралъ онъ не потому, чтобы почиталъ ихъ единственною стезею, могущею вести его къ извѣстности и славѣ, а потому что находилъ ее удобнѣйшею, легчайшею и прибыльнѣйшею *). О Шаховскомъ, съ которымъ я послѣ такъ коротко былъ знакомъ, о его слабостяхъ и достоинствахъ, нахожу, что здѣсь еще не мѣсто говорить.

Чтó сказать о лицедѣяхъ нашихъ того времени? Начнемъ съ трагическихъ, съ Яковлева и Каратыгиной. Первому искусство ничего не дало, природа все: мужественное лицо, высокій, стройный станъ,

*) На вопросъ одного умершаго нынѣ поэта, который спрашивалъ его: отчего онъ басни предпочелъ другимъ стихотвореніямъ, онъ отвѣчалъ: „Этотъ родъ понятенъ каждому; его читаютъ и слуги, и дѣти... ну, и скоро рвутъ“.

органъ звучный и громкій, но всѣми дарами ея не умѣлъ онъ воспользоваться. Я не виню его. Говорятъ, что у Дмитревскаго не было образцовъ; напрасно: онъ видѣлъ ихъ за границей и по нимъ образовалъ природный даръ свой, весьма необыкновенный. Когда онъ воротился и показался на сценѣ, въ Петербургѣ не было ни одного иностраннаго театра, и онъ имѣмъ судіями и зрителями дворъ, лучшее общество и много людей, которые сами образцы его видѣли. Яковлевъ игралъ передъ многочисленною толпой, въ которой самая малая часть принадлежала къ среднему состоянію; остальное было ближе къ простонародью, даже къ черни. Какъ актеру не искать рукоплесканій? И какъ, желая нравиться такой публикѣ, не исказить свой талантъ? А какъ въ этомъ родѣ посредственности быть не можетъ, то Яковлевъ былъ мало сказать что плохъ, онъ былъ скверенъ. Отъ неистовыхъ криковъ и частаго употребленія водки голосъ его осипъ, и онъ свирѣпствовалъ истинно каррикатурно. Подруга его на сценѣ, и какъ утверждали въ домашней жизни, госпожа Каратыгина, жена плохаго актера, игравшаго молодыхъ людей въ комедіи, была довольно красива, но играла не хорошо, все всхлипывала, и не глаза, а горло казалось у нея вѣчно исполненнымъ слезъ.

Кто знаетъ? Нынѣ, можетъ-быть, ими бы восхищались; такъ мнѣнія и вкусы перемѣнились. Трагедій было мало; всѣ прежнія, Майковскія, Николевскія и даже нѣкоторыя Сумароковскія брошены, а объ Озеровѣ еще не было слышно. Играли покамѣстъ плохо переведенныя, чудовищныя Нѣмецкія драмы, и ими обуревался, и имъ хлопалъ площадной партеръ.

Въ мірѣ былъ когда-то народъ, у котораго чувство изящнаго проникло во всѣ состоянія; онъ давно уже исчезъ. Былъ другой народъ, завоевавшій богатства цѣлаго свѣта и въ числѣ ихъ, какъ сокровище, захватившій у перваго чистоту и строгость вкуса его; отъ него осталось его громкое имя. Послѣ столѣтій, этотъ правильный вкусъ явился у третьяго народа, нѣкогда второму подвластнаго. Ознаменованныя печатію сего вкуса литературныя произведенія его распространили его вліяніе и языкъ по всей Европѣ, и прежде нежели мечомъ посягнулъ онъ на свободу народовъ, уже ему покорила ихъ лира. Когда этотъ народъ сталъ терзать себя и сосѣдей и все опрокидывать, еще высоко стояла среди него сія вѣнчанная лира, и онъ не переставалъ ей поклоняться; теперь она не разбита, но валяется въ прахѣ. Нѣтъ, классицизмъ и желаніе владѣть міромъ не могли быть врожденнымъ чувствомъ у потомства легкомысленныхъ Галловъ и черствыхъ Франковъ; первый былъ одно подражаніе и долго господствовавшая мода; другое родилось и умерло въ головѣ единаго человѣка,

Итальянца, потомка Римлянъ. Когда Европа уняла Францію, то нѣсколько времени она гнѣвалась, волновалась, но непримѣтнымъ образомъ принимала уставы своихъ сосѣдей, Англичанъ и Нѣмцевъ; все Готеско-тевтоническое, какъ нѣчто родное и такъ непринужденно, въ ней возобладало и выдавило, такъ сказать, мечты о древнемъ величіи Рима. Тѣмъ лучше! Я чуть было не сказалъ для нашей будущности, но вспомнилъ и наше идолопоклонство не одной уже Франціи, но въ совокупности съ ней цѣлой Европѣ.

Какое отступленіе! И все это по случаю игры Яковлева, правда, не понятаго и опередившаго свой вѣкъ. Теперь немного словъ еще о тогдашнемъ нашемъ театрѣ. Комедія шла не много лучше трагедіи. Рахманова, въ роляхъ сердитыхъ, сварливыхъ старухъ, какими были тогда въ Русскихъ провинціяхъ всѣ старухи (отъ бездѣйствія и скуки терзавшія все имъ подвластное) и Пономаревъ, олицетворенное подъячество, были оригинально забавны. Между не выпущенными еще воспитанниками и воспитанницами тогда уже существовавшей Театральной Школы начинали въ комедіи являться талантики.

Пѣвцы и пѣвицы были достойны играемыхъ тогда Русскихъ оперъ. Но между ними было нѣчто чрезвычайно примѣчательное, нѣчто совершенное, это буффъ въ Русскомъ родѣ, Воробьевъ. Онъ смѣшилъ когда онъ пѣлъ, когда онъ говорилъ, когда онъ стоялъ, смотрѣлъ, даже когда онъ только показывался на сценѣ. Жена его, толстенькая, слабоглазая и неуклюжая, занимала первыя роли, обыкновенно царевенъ и княжонъ. Когда число дѣйствующихъ лицъ того требовало, то голоски брали на прокатъ изъ Театральной Школы.

Отъ Русскаго театра весьма естественнымъ образомъ переходишь къ тогдашней Русской литературѣ. Сжатая при Павлѣ, омелѣвшая до Шаликовской приторности при Александрѣ, она стала возвышаться и течь съ быстротою. Еще долженъ повторить, что я совсѣмъ ею не занимался, и если чтò узналъ о самомъ современномъ ходѣ ея, то по изустнымъ преданіямъ Блудова. Но сего достаточно, чтобы вкратцѣ описать тогдашнее ея состояніе. Она, какъ всѣмъ извѣстно, родилась въ Петербургѣ; всѣ прежніе сочинители, отъ Ломоносова до Державина и отъ Тредьяковскаго до Хвостова, въ немъ образовались, жили, служили и писали. Позднѣе Москва сдѣлалась ея центромъ, и она тѣмъ обязана постоянному пребыванію двухъ знаменитыхъ писателей въ стихахъ и прозѣ, Дмитріева и Карамзина. Съ поръ тѣхъ все лучшее въ нашей словесности родится и произростаетъ тамъ, плоды же собираетъ Петербургъ. Съ воцареніемъ Александра, послѣ тягостнаго сна, все благородное воспрянуло, и Карамзинъ, столь привлекательный въ своихъ Бездѣлкахъ, прилежно и сильно принялся за дѣло. Онъ сдѣлался

первымъ издателемъ перваго у насъ журнала, достойнаго сего названія. Его Вѣстникъ Европы началъ насъ знакомить какъ съ ея произведеніями, такъ и съ нашею древностію. Какое мужество, какое терпѣніе и какое безкорыстіе были потребны Карамзину! Какая бѣдность въ матеріялахъ! Какой недостатокъ въ сотрудникахъ! Какое малое число подписчиковъ, и какая низкая цѣна за изданіе! Едва прикрывались издержки, а трудъ шелъ почти даромъ. Онъ принужденъ былъ почти одинъ постоянно заниматься, сочинять, переводить. Но великій писатель достигнулъ своей цѣли; онъ водрузилъ знамя, подъ которое стали собираться молодые таланты и развиваться подъ его сѣнію. Между тѣмъ и самый слогъ Карамзина, дотолѣ красивый, стройный, милый, какъ прелесть молодости, среди упорныхъ, вседневныхъ трудовъ примѣтнымъ образомъ сталъ укрѣпляться и подниматься, и во всей мужественной красотѣ явился въ героѣ-женщинѣ, Маρѳѣ Посадницѣ. Вѣстникъ Европы становился слишкомъ приманчивъ, чтобы быстро не умножилось число его читателей и подписчиковъ; тогда только, когда Карамзинъ могъ ожидать себѣ отъ него прибыли, предоставилъ онъ его людямъ, его ученіемъ образованнымъ.

Въ это же время (и все въ той же Москвѣ) сдѣлались извѣстны два молодые стихотворца, Мерзляковъ и Жуковскій. Мерзляковъ возгремѣлъ одой молодому Императору при полученіи извѣстія о кончинѣ Павла, и она найдена лучшею изъ десяти или пятнадцати другихъ, написанныхъ по случаю сего происшествія. Далѣе слава его не пошла; извѣстность его умножилась. Онъ былъ ученѣйшій изъ нашихъ литераторовъ и подъ конецъ профессоръ въ Московскомъ университетѣ, много и правильно писалъ; но читали его безъ удовольствія. Впослѣдствіи я тоже попытался и нашелъ въ немъ мало вкуса, много педантства.

Участь Жуковскаго была совсѣмъ иная. Какъ новый, какъ ясный мѣсяцъ, имъ такъ часто воспѣтый, народился тогда Жуковскій. Я разъ сказалъ уже, что, не зная его, позавидовалъ золотой его медали. Потомъ много былъ о немъ наслышанъ отъ друга его, Блудова, и хотя лично познакомился съ нимъ годомъ или двумя позже описываемаго времени, не могу отказать себѣ въ удовольствіи говорить о столь примѣчательномъ человѣкѣ.

Бездомный сирота, онъ выросъ въ Бѣлевѣ, среди умнаго и просвѣщеннаго семейства Буниныхъ. Знать Жуковскаго и не любить его было дѣло невозможное, а любить ребенка и баловать его всегда почти одно и тоже; но инымъ дѣтямъ баловство идетъ въ прокъ; такъ, кажется, было и съ нашимъ поэтомъ. Когда онъ былъ уже на своей волѣ, и въ службѣ, и въ лѣтахъ, долго оставался онъ незлоби-

вое, веселое, беапечное дитя. [illegible]
даже просто знакомое, сдѣлалось [illegible]
этой всеобщей любви, разумѣется, [illegible]
[illegible]; ненавистнаго же ему [illegible]
тонъ чувствъ его рано [illegible]
потомъ вся жизнь его, [illegible]
[illegible], вѣчный [illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

Чего-то ожидая, толковать о вздорѣ, переливать, какъ говорится, изъ пустаго въ порожнее съ праздными товарищами моими, весьма не занимательными, было совсѣмъ незабавно. Мнѣ скоро все это надоѣло, я пересталъ ходить въ экспедицію, много одинъ разъ въ мѣсяцъ показывался въ ней, и никто не думалъ съ меня за то взыскивать.

Къ числу странностей моей судьбы принадлежитъ и то, что куда бъ я ни попадалъ, куда бы ни опредѣлялся, никогда не встрѣчалъ я ни одного знакомаго лица: все были новыя, мнѣ дотолѣ неизвѣстныя. Всякій разъ долженъ былъ знакомиться, изучать людей, посреди коихъ долженъ былъ жить. Ни во время ученія, ни на службѣ никто дважды товарищемъ моимъ не бывалъ. Можетъ-быть, это самое пріучило меня такъ наблюдать характеры людей.

Изъ десятка, къ коему я принадлежалъ, только двое или трое заслуживаютъ (и то не очень) найти здѣсь мѣсто. Первымъ, важнѣйшимъ между нами, почитался Александръ Михайловичъ Безобразовъ, хорошій, старинный, столбовой дворянинъ, какъ часто упоминалъ онъ о томъ, въ родственныхъ связяхъ съ лучшими дворянскими фамиліями. Природа захотѣла уподобить его фамильному его имени; а фортуна, ей наперекоръ, взяла къ себѣ на колѣни и доселѣ не перестаетъ ласкать его и тѣшить. Всѣ тѣ успѣхи, кои могутъ дать красота, любезность, высокая нравственность, обширныя свѣдѣнія и умъ свѣтскій, и умъ дѣловой, всѣ сіи успѣхи онъ безъ нихъ получилъ. Какъ же удалось ему? Какъ удается глупцу, который крѣпко на себя надѣется, ни въ чемъ не сомнѣвается, который смѣлъ, безстыденъ, настойчивъ и всякимъ благопріятнымъ случаемъ умѣетъ пользоваться. Онъ былъ совсѣмъ необразованный человѣкъ, а въ молодости камеръ-юнкеръ при дворѣ Александра, не то что нынѣ, и никто не находилъ это страннымъ; онъ былъ уродливо-дуренъ собою, а въ него влюбилась богатая красавица, вопреки волѣ матери, ушла съ нимъ и обвѣнчалась; онъ едва умѣлъ грамотѣ, а написалъ и напечаталъ книжку; онъ ничего не смыслилъ въ дѣлахъ, а попеременно въ трехъ губерніяхъ губернаторъ, ставился другимъ въ примѣръ, давно уже сенаторъ и мѣтитъ въ Государственный Совѣтъ.

О другомъ моемъ сослуживцѣ, Ранцовѣ, потому только здѣсь упоминаю, что онъ былъ мнѣ и землякъ, Пензенскій помѣщикъ, и болѣе другихъ искалъ моего знакомства. Умершій отецъ его, Иванъ Романовичъ, былъ побочный сынъ графа Романа Ларіоновича Воронцова; мать и семейство его постоянно жили въ Петербургѣ и меня часто къ себѣ приглашали. Онъ былъ очень пристоенъ и скроменъ въ обществѣ; но только почтеніемъ къ матери былъ удерживаемъ отъ нетрезвой развратной жизни. Послѣ смерти ея бросилъ службу, уѣхалъ въ Пензенскую деревню и тамъ въ распутствѣ кончилъ вѣкъ.

Одинъ только третій нашъ товарищъ Вельяминовъ-Зерновъ отличался прилежаніемъ и основательными познаніями, но былъ несносно скученъ и неопрятенъ. Онъ послѣ занимался законовѣдѣніемъ, писалъ что-то о законахъ, могъ быть очень полезенъ, но всегда имѣлъ неудачи по службѣ.

Экспедиція государственнаго благоустройства, нынѣ департаментъ полиціи исполнительной, состояла изъ четырехъ отдѣленій. Первымъ, какъ сказалъ я, управлялъ Серебряковъ, добрый человѣкъ, Екатерининскихъ временъ приказная строка. Начальникъ втораго отдѣленія былъ Николай Спиридоновичъ Тихомировъ; онъ слылъ человѣкомъ самымъ благороднымъ и такимъ казался; я его только что видѣлъ, оставался онъ не долго и не знаю, куда дѣвался. Третьимъ отдѣленіемъ управлялъ Магницкій, а четвертымъ Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ, бывшій профессоръ Московскаго университета, самый нестерпимый и злой педантъ, который съ подчиненными обходился какъ съ школьниками. Ни единаго слова мы другъ другу никогда не сказали, за то мѣнялись взорами и читали въ нихъ взаимную ненависть и презрѣніе. Чиновниковъ другихъ отдѣленій я никого не зналъ, но въ нашемъ примѣчательны были два столоначальника.

Первый, Гаврило Семеновичъ Покровскій, былъ въ Александроневской Духовной Академіи соученикъ Сперанскаго, который и заманилъ его въ гражданскую службу. Притворство одного и скромность другаго составляли единственное между ними сходство. Покровскій началъ съ генералъ-прокурорской канцеляріи; потомъ вмѣстѣ съ дѣлами ему ввѣренными перенесенъ изъ нея въ министерство или департаментъ внутреннихъ, гдѣ при тѣхъ же дѣлахъ и кончилъ длинное свое поприще. Есть люди, для которыхъ столъ, коимъ они управляютъ, долженъ быть столбы Геркулесовы; природа, на сей столъ имъ указывая, говоритъ: ты далѣе не пойдешь; но въ Россіи какая-то могущественная сила тянетъ людей вверхъ, иногда противъ воли ихъ. Такимъ образомъ и мой Гаврило Семеновичъ, увлеченный сею силой, и даже въ бореніи съ ней, перелѣзъ черезъ свой столъ и подъ конецъ дней своихъ очутился надъ департаментомъ. Орлиный полетъ Сперанскаго былъ ему не по крыльямъ; онъ не завидовалъ ему, а только имъ любовался. Я не знавалъ человѣка менѣе его словоохотнаго: вотъ то-то былъ молчальникъ. Но за краткостію словъ, за неподвижностію чертъ и взглядовъ видна была сильная страсть, страсть къ бумагамъ, страсть съ утра до вечера надъ ними сидѣть, ихъ перебирать, въ нихъ копаться, наблюдать за правильнымъ ходомъ, заботясь впрочемъ мало о ихъ содержаніи. Это была какая-то болѣзнь, форміазмъ, бумагоніе, разстройство нервъ, которое утихало только отъ бумажна

занія. Въ Петербургѣ знавалъ онъ обыкновенно только ту часть города, чрезъ которую лежала дорога отъ квартиры его къ церкви и въ канцелярію; въ день Свѣтлаго Воскресенія послѣ обѣдни безъ всякаго дѣла сидѣлъ онъ одинъ въ департаментѣ, съ пріѣзда своего въ малолѣтствѣ никогда не бывалъ за заставой, отъ роду не бывалъ въ театрахъ, не посѣщалъ никакихъ гульбищъ; долго не зналъ, гдѣ Лѣтній садъ и когда одинъ разъ потребовали его туда съ дѣлами къ министру, жившему въ маломъ дворцѣ Петра Великаго, то онъ было заплутался.

Совершенную противоположность являлъ въ себѣ другой столоначальникъ, Петръ Петровичъ Кильдюшевскій, весельчакъ, говорунъ, добрый и умный малый. Этому бы утро хорошенько поработать, за то остальное время дня погулять, попировать, только пристойно, съ хорошими и образованными людьми. Какъ это случилось, что онъ попалъ въ Казанскую Семинарію, когда прозваніе у него было Татарское, лицо, фигура и выговоръ какіе-то Чувашскіе? Отецъ его изъ муллъ не перешелъ ли въ православные священники? Онъ неизмѣнно былъ со мною хорошъ; много и часто толковалъ со мною, но не довольно ясно, и я долго не могъ понять, чтó онъ такое, чего ему хочется? Теперь, когда Кильдюшевскіе такъ размножились, съ перваго слова догадался бы я, что онъ либералъ. Это было слѣдствіемъ маленькой слабости: онъ очень хорошо учился, зналъ иностранные языки, даже говорилъ по французски очень смѣшно, однимъ словомъ былъ созданіемъ дѣлъ своихъ, и оттого почиталъ себя великимъ человѣкомъ. Онъ любилъ сердечно и восхищался только тѣми, кто самъ проложилъ дорогу или можетъ ее проложить себѣ, въ число коихъ дѣлалъ честь и меня включать. Отъ обѣихъ отцовскихъ религій, кажется, не оставалось у него ни одной, и оттого-то Бонапарте ставилъ онъ выше Бога, а Сперанскаго выше Бонапарте. Его живость, его нескромность, его всеприсутствіе въ послѣдствіи много повредили ему въ глазахъ правительства, и уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, не по доброй волѣ, долженъ былъ онъ оставить службу. Къ похвалѣ его должно сказать, что отъ мѣстъ имъ занимаемыхъ онъ, кромѣ жалованья, ничего не получалъ; а когда, впослѣдствіи, положеніе его сдѣлалось роскошнѣе, то еще въ похвалу ему скажу, что онъ тѣмъ обязанъ былъ честной и счастливой игрѣ. Онъ былъ самый усердный членъ Англійскаго клуба, долго веселилъ его своими любезными странностями и опечалилъ только своею смертію.

Служеніе мое въ департаменнѣ внутреннихъ дѣлъ имѣло еще одну невыгодную, можно сказать мучительную сторону. Губернаторы находились въ прямой зависимости отъ министра и его департамента;

слѣдственно отецъ мой былъ въ самыхъ частыхъ съ ними сношеніяхъ; слѣдственно, состоя тамъ на службѣ, обязанъ я былъ находиться его повѣреннымъ, его постояннымъ ходатаемъ, если не заступникомъ. Тогда люди ранѣе зрѣли, ранѣе старѣлись; въ тогдашнія мои лѣта, нынѣ мнѣ только что вступить въ университетъ или приготовляться къ вступленію въ него: тогда отъ меня требовали опытности и дѣятельности. А чтó могъ я дѣлать? Ничьею довѣренностью не могъ я пользоваться. Сперанскій пересталъ пускать меня къ себѣ, а до Кочубея было высоко какъ до царя. Между тѣмъ, ***, получившій мѣсто начальника отдѣленія въ департаментѣ юстиціи и распространявшій здѣсь свои связи, подбивалъ отсюда безпрестанно Пензенскихъ негодяевъ къ продолженію наступательной войны.

Чтó тогда происходило въ Пензѣ, тому трудно повѣрить. Мнѣ бы теперь самому казалось, что память меня обманываетъ, если бы не имѣлъ въ рукахъ письменныхъ доказательствъ, копій съ жалобъ, посылаемыхъ къ министру. Пригласитъ ли кто моего отца обѣдать, онъ осмѣлится занемочь и пришлетъ извиниться, за эту грубость жалуются Кочубею; какой-нибудь мерзавецъ до того ли себя дурно ведетъ, что даже въ Пензѣ закрываются ему всѣ дома, онъ называетъ это гоненіемъ моего отца и приноситъ жалобу; побранятся ли два помѣщика, идутъ на судъ къ отцу моему, грозно требуя отъ него справедливости, и когда онъ имъ докажетъ, что это сущій вздоръ, они мирятся, а не менѣе того жалуются высшему начальству, что въ ихъ городѣ нѣтъ суда. Разумѣется, здѣсь этому смѣются, хотя ***, чрезъ коего подаются просьбы, и умѣетъ всякое подобное дѣло выставить въ дурномъ видѣ. Но снисходительное министерство, не терпя никакихъ жестокостей, обращается къ губернатору съ требованіемъ поясненій, а къ губернскому предводителю съ порученіемъ склонить просителей къ оставленію дѣла, повидимому не заключающему въ себѣ большой важности. Еженедѣльная переписка съ родителями имѣла предметомъ почти исключительно всѣ эти непріятности. По словамъ брата почитали меня весьма близкимъ къ Сперанскому, дивились моей вѣтренности, моей безпечности и не могли понять, какъ возможно такъ мало заниматься отцовскими дѣлами. Я не зналъ чтó отвѣчать, иногда даже лгалъ, чтобы сколько-нибудь успокоить бѣднаго моего родителя.

Вѣчная эта тревога, волненіе, разстроили здоровье отца моего до того, что въ концѣ Августа впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, получилъ желчную, нервическую горячку, отъ которой чрезъ нѣсколько недѣль единый Богъ, а ужъ конечно не тогдашніе Пензенскіе врачи, его избавили. По выздоровленіи его умолялъ я его всячески, чтобы пріѣхалъ въ столицу; онъ самъ имѣлъ намѣреніе это сдѣлать въ началѣ зимы,

чтобы выйдти наконецъ изъ несноснаго положенія, изъ разговоровъ съ Кочубеемъ и другими министрами усмотрѣть, можетъ ли онъ далѣе продолжать службу или долженъ ее бросить.

Одно семейное обстоятельство тому воспрепятствовало и заставило сію поѣздку на нѣкоторое время отложить. Средній братъ мой Николай, какъ видѣли выше, стоялъ съ Малороссійскимъ кирасирскимъ полкомъ въ Воронежѣ. Онъ влюбился тамъ въ одну молоденькую дѣвочку. Со временъ Петра Великаго, два трудолюбивыя купеческія семейства, Горденины и Тулиновы, водворили промышленность въ Воронежѣ, устроили близъ него первыя суконныя фабрики. Не знаю, чтó сдѣлалось съ Гордениными, объ нихъ что-то не слыхать; но Тулиновы, хотя въ послѣдствіи времени и раздѣлились на нѣсколько вѣтвей, хотя уже давно получили дворянское достоинство, и хотя нынѣ нѣкоторые изъ нихъ служатъ въ гвардіи, а другіе имѣютъ придворные чины, никогда не хотѣли удалиться отъ источника своей извѣстности и богатства. Одинъ изъ нихъ, предобрѣйшій и препочтеннѣйшій человѣкъ, отставной отъ арміи капитанъ, Иванъ Ивановичъ, въ числѣ другихъ дѣтей имѣлъ дочку Варвару, не столь красивую, какъ миловидную. Въ семнадцать или въ восемнадцать лѣтъ, съ удивительною бѣлизною, съ вѣчно играющимъ румянцемъ, съ добротою и нѣжностію въ голубыхъ взорахъ, какъ не понравиться? Пылкій братъ мой сдѣлался безъ ума отъ нея. Не скоро могъ онъ получить ея руку. Зная его крутой нравъ, родители колебались ее выдать; но разсудивъ, вѣроятно, что столь почтительный сынъ, столь нѣжный братъ, долженъ быть непремѣнно и примѣрнымъ мужемъ, какъ вообще прекраснымъ семьяниномъ, рѣшились изъявить свое согласіе и не ошиблись въ своемъ предположеніи.

Будущій тесть моего брата не имѣлъ большаго состоянія: невдали отъ Воронежа прекрасное помѣстье Рамонъ, да суконная фабрика, отъ которой въ тѣ поры прибыль была незначительная, вотъ все, чтó онъ имѣлъ. Запретительная система 1808 года, какъ ни вредна была для Россіи во многихъ отношеніяхъ, для фабрикантовъ была очень выгодна; съ тѣхъ поръ положеніе родныхъ моего брата примѣтнымъ образомъ стало улучшаться. Почти единственный примѣръ въ Россіи: родъ Тулиновыхъ, не оставляя одного дѣла и города въ теченіи болѣе полутораста лѣтъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, все усовершенствовалъ издѣлія своихъ мануфактуръ и умножалъ свое благосостояніе. Тогда же Иванъ Ивановичъ, кромѣ приличнаго приданаго и небольшаго капитала, ничего за дочерью дать не могъ. А какъ у насъ въ семействѣ давно уже дурной обычай за богатствомъ не гоняться, то мои родители никакого препятствія не поставили сыну, когда онъ началъ просить ихъ благословенія. Сговору назначено быть въ Не-

сяцѣ, а свадьбѣ въ Январѣ 1804 года, послѣ чего въ Февралѣ молодые съ поклономъ должны были явиться въ Пензу. Такъ и случилось, и только въ Мартѣ по послѣднему зимнему пути могли родители мои предпринять путешествіе въ Петербургъ.

Они прибыли 23-го числа и нашли меня въ довольно просторныхъ комнатахъ, изрядно меблированныхъ, на Невскомъ Проспектѣ, для ихъ пріѣзда за нѣсколько дней передъ тѣмъ нанятыхъ, но совсѣмъ не топленныхъ, ибо у меня было много жару въ крови и ни гроша денегъ въ карманѣ. Радость свиданія на нѣсколько минутъ могла согрѣть моихъ родителей, но потомъ надобно было поспѣшнѣе послать за дровами.

Точно такъ какъ я съ малою опытностію моею предвидѣлъ, пріѣздъ моего отца имѣлъ на дѣла его самое полезное вліяніе. Первый пріемъ Кочубея былъ обыкновенный его пріемъ, учтивый, холодный, важный, но послѣ двухъ или трехъ свиданій онъ совершенно перемѣнился. Надобно отдать справедливость этому Кочубею: онъ имѣлъ одно достоинство, которое исключительно должно бы принадлежать царямъ. Въ немъ была удивительная способность выбирать людей, умѣть ихъ употреблять и знать имъ цѣну. Отъ природы бѣденъ, онъ былъ самый искусный оцѣнщикъ чужихъ сокровищъ и безъ собственныхъ капиталовъ, однимъ кредитомъ, былъ цѣлый вѣкъ богатъ. Онъ увидѣлъ, сколь мнѣніе, внушенное ему насчетъ отца моего, было ошибочно и всѣми силами старался загладить свою ошибку. Другіе министры: графъ Румянцовъ, графъ Васильевъ, Вязмитиновъ встрѣтили отца моего дружелюбно. Только двое: полуотставной Трощинскій, возбуждаемый земляками своими, Пензенскими хохлами, да недавно поступившій, на мѣсто уволеннаго Державина, князь Лопухинъ, бывшій при Павлѣ генералъ-прокуроромъ, къ которому *** попалъ въ милость, не скрывали даже своего недоброжелательства.

Десять лѣтъ не бывалъ отецъ мой въ Петербургѣ; сколько перемѣнъ нашелъ онъ въ немъ! Но изъ старыхъ знакомыхъ никто къ нему не перемѣнился. Самые почетнѣйшіе изъ нихъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, Сухтеленъ, Беклешовъ, Кіевскій знакомый генералъ Розенбергъ, всѣ неоднократно его посѣщали. Офиціальныя-же отношенія не столь были лестны. Государь при представленіи не удостоилъ его ни единымъ словомъ. Министры почли излишнимъ прислать ему визитныя карточки, и Сперанскій, только что директоръ департамента, сдѣлавъ сіе, почиталъ оное со стороны своей необычайною вѣжливостію. Не знаю, не было-ли принято за правило чрезъ мѣру возвышать министровъ и унижать званіе губернаторовъ? Если было, то видимъ плоды сей мудрой системы.

Пребываніе моихъ родителей въ Петербургѣ не могло быть продолжительно; сопряженныя съ тѣмъ издержки для ихъ состоянія были слишкомъ обременительны. Весьма было замѣтно, что отецъ мой, обнесенный графу Кочубею, симъ послѣднимъ не съ выгодной стороны былъ представленъ самому Государю. Надѣясь на время, чтобы сіе исправить и выпросить ему наружный знакъ отличія, который бы въ провинціи могъ произвесть полезное для него дѣйствіе, онъ покамѣстъ предложилъ ему представить къ наградамъ всѣхъ чиновниковъ, которые, по мнѣнію его, то заслуживаютъ, и чрезъ нѣсколько дней всѣмъ безъ исключенія оныя испросилъ: это по тогдашнему было очень важно. Послѣ того отцу моему, обезпеченному насчетъ будущей защиты Кочубея, оставалось только приготовиться къ отъѣзду.

Желаніе матери моей было не такъ скоро со мною разставаться; да и мнѣ самому хотѣлось на время отдохнуть не отъ трудовъ, а отъ нуждъ мною претерпѣнныхъ въ столицѣ. Итакъ рѣшено было ѣхать я мнѣ, но напередъ испросить совсѣмъ ненужное дозволеніе министра. По сему случаю былъ я отцомъ лично ему представленъ. Я увидѣлъ его въ первый разъ и не оробѣлъ отъ его важности; онъ съ улыбкой сквозь зубы сказалъ мнѣ что-то, кажется, пріятное и ободрительное. Сперанскій объявилъ отцу, что пачпорта мнѣ не нужно, что это въ числѣ отброшенныхъ формальностей; какъ было ему не повѣрить? Но уже тутъ видно было не забвеніе, а дурной умыселъ держать меня безъ службы. До сихъ поръ не могу понять глупаго стыда своего, который заставилъ меня это важное для меня обстоятельство утаить отъ родителей. Но какъ бы то ни было, 22-го Мая мы оставили Петербургъ.

Эти тысячу четыреста верстъ между Петербургомъ и Пензой, это пространство, по которому въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сновалъ я, какъ челнокъ у ткача, описывать мнѣ нечего; скажу только, что меня посадили одного въ препокойную, вновь купленную коляску, и что сидя въ ней и вспоминая кибитки и телѣги, въ которыхъ я по этой дорогѣ катался, мнѣ казалось, что я въ раю.

По пріѣздѣ въ Москву, мы недѣли на двѣ остановились въ ней у зятя Алексѣева. Въ это время, передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, послѣдовала тамъ важная перемѣна. Я было и забылъ сказать, что графиня Дарья Петровна Салтыкова, съ сопровожденіи супруга своего, отправившись въ Декабрѣ 1802 года изъ Петербурга, отъ разстроеннаго желудка занемогла дорогой и скончалась на станціи Хотиловѣ. Ударъ этотъ такъ поразилъ бѣднаго старика, что съ тѣхъ поръ какъ умственныя, такъ и тѣлесныя его силы примѣтно начали слабѣть. Не въ состояніи будучи далѣе продолжать службу, онъ въ концѣ Апрѣля

уволенъ отъ должности, и за нѣсколько дней до насъ прибылъ назначенный на его мѣсто многореченный Беклешовъ, дважды генералъ-прокуроръ.

Первый выѣздъ въ Москвѣ отца моего былъ къ новому военному губернатору, который тотъ же день пригласилъ его обѣдать, а на другой день пріѣхалъ самъ вечеромъ съ гражданскимъ губернаторомъ Барановымъ и Кіевскимъ знакомымъ княземъ Хованскимъ на бостонъ. Такія пріязненныя отношенія были очень полезны Алексѣеву, который увидѣлъ, что съ графомъ Салтыковымъ онъ не всего лишился.

Я замѣтилъ, что полицеймейстерская должность зятя моего въ глазахъ Московской публики очень упала, самъ же онъ сталъ еще болѣе любимъ. Полиція тогда только и уважаема, когда она страшна; а въ первые годы царствованія Александра, кромѣ настоящихъ преступниковъ, кому и чего было бояться? А все шло, какъ нельзя лучше. Русскихъ надобно сколько нибудь баловать, чтобъ они не шалили: однимъ страхомъ ихъ удержишь, можетъ-быть, а не исправишь.

Двѣ недѣли, проведенныя нами въ тогдашней Москвѣ, прошли какъ двѣ блаженныя минуты. Я не люблю этихъ мимолетныхъ радостей; лучше бы ихъ не знать, или бы онѣ были продолжительнѣе.

Мы поѣхали не прямо въ Пензу, а сдѣлали верстъ триста крюку, чтобъ въ Воронежѣ познакомиться съ новыми родными. До Тулы была мнѣ знакомая дорога; Ефремовъ и Елецъ были только для меня новые города. Съ нами не случилось никакого важнаго приключенія, кромѣ одного, которое однакоже не имѣло несчастныхъ послѣдствій, коихъ ожидать было можно. Сдѣлалась гроза, и мы съ сестрой Елисаветой сидѣли закутавшись въ коляскѣ, какъ ужасный громовой ударъ, какихъ я не запомню, испугалъ лошадей, и онѣ безъ памяти понесли насъ внизъ по прекрутой и превысокой горѣ надъ самою станціей Пальнóй; отъ проливнаго дождя сдѣлавшаяся грязь могла одна удержать стремленіе нашего бѣга и спасти нашу жизнь. Сестра моя, великая трусиха, помертвѣла, да и я едва ли менѣе ея испугался. Чтобъ дать понятіе о сей горѣ, скажу, что окрестные помѣщики вѣрить не хотятъ, чтобъ Альпы и Пиринеи могли быть выше и ужаснѣе ея.

Мы нашли городъ пустымъ; всѣ разъѣхались по деревнямъ, кромѣ Тулиновыхъ, которые, бывъ предварены, ожидали нашего пріѣзда. Благословенная семья, патріархальные нравы, но не безъ просвѣщенія. Семейство сіе состояло тогда, исключая отсутствующей дочери, моей невѣстки *), изъ мужа съ женой, двадцати двухъ или двадцати-трех-

*) Тотчасъ послѣ свадьбы брата моего, Малороссійскій кирасирскій полкъ былъ переведенъ изъ Воронежа въ городокъ Гадячъ Полтавской губерніи. Тамъ находились молодые супруги.

лѣтняго сына Алексѣя, другаго сына Димитрія, лѣтъ четырнадцати, и маленькой двѣнадцатилѣтней дочери. Рѣдко случалось мнѣ встрѣчать столько кротости и добродушія, вмѣстѣ съ умомъ и пристойностію, какъ въ тещѣ брата моего, Аннѣ Семеновнѣ. Старшій сынъ былъ добрый малый, но принадлежалъ болѣе къ нынѣшнему, чѣмъ къ своему времени: деньги предпочиталъ онъ знаніямъ и почестямъ, и до того мечталъ безпрестанно о богатствѣ, что лишился наконецъ ума. Отецъ Тулиновъ, какъ сказалъ я прежде, былъ добрый и почтенный человѣкъ, съ стариннымъ воспитаніемъ и старинными правилами. О двухъ другихъ дѣтяхъ, тогда еще малолѣтныхъ, кажется, говорить здѣсь нечего.

Семейство Тулиновыхъ, столь извѣстное въ Воронежѣ по своему гостепріимству, удвоило старанія, чтобъ насъ лучше принять; можетъ, быть, по старой пословицѣ: не для зятя собаки, а для милаго дитяти; но кажется и родство съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ мой отецъ, должно было для нихъ быть лестно. Собственный домъ ихъ, каменный, двухъ-этажный, хорошо и прилично убранный, съ большою усадьбой, находился почти за городомъ, и мы могли почитать себя какъ бы въ гостяхъ у помѣщика-сосѣда. Два раза былъ я въ Воронежѣ, а не могу сказать, чтобы видѣлъ этотъ городъ; первый разъ зимой въ темнотѣ и во время вьюги катался я въ немъ закутанный, другой разъ почти въ него не въѣзжалъ.

Пробывъ не болѣе двухъ дней въ Воронежѣ, мы пустились далѣе въ Тамбовъ, куда прибыли подъ вечеръ, ночевали у нашего знакомаго почтъ-директора Треборна и на другой день обѣдали у него. Время становилось самое жаркое, и мы рѣшились ѣхать ночью, своротивъ съ большой дороги на другую, кратчайшую, черезъ степь, по которой намъ выставлены были лошади. Нельзя выразить того удовольствія, которое чувствуешь въ первой молодости, когда во время ночной прохлады, въ покойномъ экипажѣ, летишь по благовонной степи, по гладкой, какъ полъ, дорогѣ; какъ сладостно засыпаешь, и по временамъ какъ сладостно просыпаешься! Это испыталъ я въ ту ночь, въ которую оставили мы Тамбовъ.

Опять и по той же дорогѣ приблизился я къ Пензенской губерніи, но уже не ночью, а днемъ, не въ ужасную вьюгу, а среди палящаго зноя. Чембаръ назывался уже городомъ и былъ все еще деревней; однакоже пять или шесть домиковъ, съ крышами изъ досокъ, въ полтора года въ немъ выросли. Въ одномъ изъ нихъ мы остановились, и пока отецъ мой пошелъ по избамъ, въ которыхъ помѣщались присутственныя мѣста, насъ посѣтила сперва нотабельная персона въ городѣ, купчиха Коробчиха, ни дать ни взять Пошлепкина изъ комедіи *Ревизоръ*, пустилась всѣхъ ругать, болѣе всѣхъ городничиху

Реймерсъ и потомъ какъ ей, такъ и другимъ судейшамъ, одна за другой прибывавшимъ, кланяться въ поясъ. Но чтó всѣ сіи уѣздные оригиналы, противъ тѣхъ, кои ожидаютъ меня въ Пензѣ!

VI.

Всю злость свою на этотъ городъ излилъ я при первомъ его описаніи; теперь постараюсь быть умѣреннѣе, чтобы не надоѣсть повтореніями. Я надѣюсь даже быть забавенъ, съ помощію многихъ чудаковъ, представителей образа мыслей и духа того времени. Не знаю, благорастворенный ли воздухъ лѣтній на меня дѣйствовалъ, или, зная Пензу по опыту, я вооружился противъ нея терпѣніемъ; какъ бы ни было, на этотъ разъ прибылъ я въ нее съ какою-то тихою покорностію къ волѣ судебъ.

Дни два или три спустя послѣ нашего пріѣзда (однакоже не по сему случаю) городъ вдругъ наполнился и оживился: наступила Петровская ярмарка, которая начинается съ Иванова дня, съ 24 Іюня, и продолжается недѣлю, до 1 Іюля. Тутъ увидѣлъ я первый разъ въ жизни сіе ежегодное, но для провинціи тѣмъ не менѣе, важное событіе *).

Внизу подъ горой, на которой построена Пенза, въ малонаселенной части ея, среди довольно обширной площади, стоитъ церковь апостоловъ Петра и Павла. Въ день праздника сихъ святыхъ, вокругъ церкви собирался народъ и происходилъ торгъ. Но какъ жители, покупатели, купцы и товары размножились и стало тѣсно, то и перенесли лавки немного отдаль, на пространное поле, которое тоже получило названіе площади, потому что окраено едва виднѣющимися лачужками.

Тутъ стояли ряды, сколоченные изъ досокъ и крытые лубками; между ними была также лубками крытая дорога для проходящихъ. Вездѣ сквозило, отовсюду могли проникать солнце, дождь и пыль. Съ утра до вечера можно было тутъ находить разряженныхъ дамъ и дѣвицъ и услужливыхъ кавалеровъ. Но покупать можно было только по утру, и то довольно рано: остальное время дня ряды дѣлались мѣстомъ всеобщаго свиданія. Не терпящія пѣшеходства, по большей части весьма тучныя барыни, съ дочерьми, толстенькими барышнями, преспокойно садились на широкіе прилавки, не оставляя бѣдному торговцу

*) Во время Кіевскихъ контрактовъ видѣлъ я уже ярмарку, но она не имѣла ничего похожаго на наши внутреннія ярмарки. Тамъ бываетъ она зимой, въ Январѣ, и на Подолѣ всѣ обывательскіе домики обращаются въ теплыя лавки, куда заѣзжаютъ одни только покупатели.

ни полъ-аршина для показа товаровъ. Вокругъ суетились франты, и съ ихъ ужимками, вотъ какъ обыкновенно начинался разговоръ: «Что́ покупаете-съ?» — «Да ничего, батюшка, ни къ чему приступу нѣтъ»; а купецъ: «Помилуйте, сударыня, да почти за свою цѣну отдаю», и такъ далѣе. Такъ по нѣсколькимъ часамъ оставались неподвижны сіи массы, и часто маски въ тоже время: сдвинуть ихъ съ мѣста было совершенно невозможно; не помогли бы ни убѣжденія, ни самыя учтивыя просьбы, а начальству бѣда бы была въ это вступаться. А между тѣмъ, это одна только въ году эпоха, въ которую можно было запасаться всѣмъ привознымъ *). И потому-то матери семействъ, жены чиновниковъ, бѣдныя помѣщицы, въ простенькихъ платьяхъ, чѣмъ свѣтъ спѣшили дѣлать закупки, до прибытія дурацкой аристократіи.

Одна весьма важная торговля начиналась только въ рядахъ, но условія ея совершались послѣ ярмарки. Это былъ ловъ сердецъ и приданыхъ: какъ на Азіатскихъ базарахъ, на прилавкахъ, взрослыя дѣвки также выставлялись, какъ товаръ.

Помѣщикамъ и ихъ семействамъ, съѣхавшимся почти изо всей губерніи, можно было бы, кажется, умѣть пріятнымъ образомъ недѣльку повеселиться. И было бы гдѣ: вокругъ Пензы, въ одной и въ двухъ верстахъ отъ нея, есть прелестныя рощицы; нѣтъ, они предпочитали грязь, пыль и духоту ярморочную. Одно увеселеніе, которое похоже на что нибудь, бывало въ Петровъ день: это назывался воксалъ или балъ въ регулярномъ саду г. Горихвостова, куда въ этотъ день платили за входъ. Садъ былъ не великъ; но *галдарея*, какъ еще говорили тогда, была преогромная, правда, однако, также досчатая. Она была обита выбѣленою холстиной и украшена пребольшущею жестяною люстрой; въ окнахъ же стояли деревянные треугольники, къ коимъ прибивались желѣзные шандалы. Тутъ довершались побѣды красоты: статуи, кои какъ вкопанныя сидѣли на ярмаркѣ, здѣсь одушевлялись, приходили въ сильное движеніе, при блескѣ сальныхъ свѣчъ и звукахъ громкой музыки.

Кстати объ увеселеніяхъ. Кто бы могъ повѣрить? Въ это время было въ Пензѣ три театра и три труппы актеровъ. Такое чудо нужно объяснить. У насъ все такъ шло съ временъ Петра Великаго: кроется крыша, когда нѣтъ еще фундамента; были уже университеты, академіи, гимназіи, когда еще не было ни учителей ни учениковъ; вездѣ

---

*) Замѣчательно также, что Пензенскіе купцы, коихъ число и состояніе столь малы, передъ самою ярмаркой стараются выписывать свой товаръ, зная напередъ, что только въ это время можетъ онъ почти весь быть распроданъ. И отъ того-то въ остальные мѣсяцы года въ Пензѣ ничего почти нельзя было на[illegible]

были театры, когда не было ни піесъ, ни сколько-нибудь порядочныхъ актеровъ. Право жаль, что, забывъ пословицу: поспѣшишь да людей насмѣшишь, мы надорвались, гоняясь за Европой. Итакъ въ Пензѣ три театра, оттого что полубарскія затѣи, забытыя въ Петербургѣ, кое-гдѣ еще встрѣчались въ Москвѣ, а въ провинціяхъ были еще во всей силѣ обычая.

Труппа г. Горихвостова посвящена была игранію оперъ и исключительно Итальянской музыкѣ; особенно славилась въ ней какая-то Аринушка. Сія труппа играла даромъ для увеселенія почтенной публики, собиравшейся у почтеннаго г. Горихвостова. Я къ этому обществу не принадлежалъ, сихъ пѣвицъ не слыхахъ и крайне о томъ жалѣю: это въ карикатурномъ родѣ должно было быть совершенство.

Григорій Васильевичъ Гладковъ *), самый безобразный, самый безнравственный, жестокій, но довольно умный человѣкъ, съ нѣкоторыми свѣдѣніями, имѣлъ пристрастіе къ театру. Подлѣ дома своего, на городской площади, построилъ онъ небольшой, однакоже каменный театръ, и въ немъ все было, какъ водится, и партеръ, и ложи и сцена. На эту сцену выгонялъ онъ всю дворню свою отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портомойки. Онъ предпочиталъ трагедіи и драмы, но для перемѣны заставлялъ иногда играть и комедіи. Послѣднія шли хуже, если могло быть только что-нибудь хуже первыхъ. Все это были какія-то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось побоями, и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ, сквозь румяна и бѣлила, были иногда замѣтны синія пятна. Эти представленія я видѣлъ, но что̀ сказать мнѣ объ нихъ? Даже и вспомнить и жалко, и гадко. За деньги (которыя, разумѣется, получалъ господинъ) играли несчастные по зимамъ. Зрители принадлежали не къ самому высшему состоянію.

Самаго стариннаго покроя баринъ, носастый и брюхастый Василій Ивановичъ Кожинъ, безъ всякой особой къ тому склонности, изъ подражанія, или такъ для препровожденія времени, затѣялъ также у себя камедь; и что̀ удивительнѣе, сдѣлалъ сіе удачнѣе другихъ. Но о труппѣ его потолкуемъ послѣ; а теперь поговоримъ о томъ, что̀ занимательнѣе, о его домашней жизни. Почти до шестидесяти лѣтъ прожилъ онъ холостой, въ деревнѣ, рѣдко изъ нея выѣзжая, какъ вдругъ въ сосѣдствѣ его появилась одна старая, на помадѣ, на духахъ и на блондахъ промотавшаяся сіятельная чета. Князь Василій Сергѣевичъ и княгиня Настасья Ивановна Долгоруковы, въ близкомъ родствѣ со

---

*) Братъ его Иванъ Васильевичъ былъ при Александрѣ оберъ-полицеймейстеромъ въ обѣихъ столицахъ.

всѣми знатнѣйшими фамиліями, имѣя сыновей генераловъ, при концѣ дней своихъ принуждены были поселиться въ оставшейся имъ Пензенской деревнѣ. Съ ними была дочка Катерина Васильевна, сорокалѣтняя дѣва; не знаю была ли она разборчива въ Москвѣ, но въ глуши, куда она попалась, *рада-рада ужъ была*, чтобъ выйти... за Василія Ивановича; добрые сосѣди это дѣло какъ-то состряпали. Она была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, безъ Французскаго языка не могла дохнуть, а на немъ между сосѣдями ей не было съ кѣмъ слова молвить. Цѣлый вѣкъ съ старымъ медвѣдемъ, хотя смирнымъ, ручнымъ, но прожить въ его берлогѣ! Это ужасно. Дѣло рѣшено; она купила въ Пензѣ обширный, ветхій, деревянный домъ и перевезла въ него мужа со всѣми его театральными затѣями. Благодарю за то судьбу мою: во всякій пріѣздъ мой въ Пензу, они были моею отрадой.

Есть странности, коихъ прелесть на словахъ или перомъ никакъ передать невозможно: надобно было ихъ видѣть. Странности сихъ супруговъ происходили отъ сочетанія въ нихъ всевозможныхъ противоположностей. У обоихъ было добрѣйшее сердце, но въ немъ дворянская спѣсь чрезвычайно умножилась княжескимъ родствомъ. Надобно было видѣть ихъ обхожденіе; слова *ты* они не знали между собой. Еслибъ онъ былъ женатъ на великой княжнѣ, то, кажется, болѣе почтенія онъ не могъ бы ей оказывать; она платила ему тѣмъ же, стараясь другимъ дать чувствовать, что молодая жена обязана уважать стараго лѣтами мужа.

Трудно было назвать ее уродливою, а красивою еще труднѣе: какъ для красоты женской, такъ и для безобразія есть нѣкоторыя условія; она имъ всѣмъ была чуждою. Похожаго на ея лицо я нигдѣ не встрѣчалъ и увѣренъ, что никто не встрѣтитъ. Все то, что́ у другихъ бываетъ продолговато, у нея было совершенно круглое, и глаза, и носъ, и ротъ. Съ брюшкомъ нѣсколько скривленнымъ, она никогда не была, но вѣчно казалась, беременною. Цвѣтъ лица у нея былъ свѣтло-мѣдный, тѣло плотное, но не регулярное какъ у Василія Львовича Пушкина, если въ сихъ Запискахъ его кто припомнитъ. Съ нимъ имѣла она много сходства и въ характерѣ: была также добродушна, чрезвычайно легковѣрна и также хотѣла всѣхъ любить и всѣми быть любимою. Но чего въ немъ не было, она была безмѣрно вспыльчива; гнѣвъ ея бывалъ мгновененъ, но ужасенъ, и казалось, что въ углу ея добрѣйшаго сердца хранится для запаса злость безъ всякаго употребленія; но когда нужда потребуетъ, она является, и тогда бѣда! Самыя жесточайшія, язвительныя истины осыпаютъ оскорбителя Катерины Васильевны. Вообще до глубокой старости на ней оставался отпечатокъ первобытнаго Смольнаго воспитанія; она со

лую откровенность. Пороки, или лучше сказать, недостатки ея были малочисленны и безвредны для общества: она была неопрятна, скупа и прожорлива, любила ѣздить по чужимъ обѣдамъ и подъ именемъ ридикюля всегда носила съ собою огромный мѣшокъ, куда клала фрукты, сласти, конфеты, на сихъ обѣдахъ собираемые, и ими же потомъ у себя гостей потчивала. Въ дополненіе скажу, что она говорила голосомъ удушливо-перхотнымъ и къ тому же картавила.

Одно не могу я похвалить въ ней: ея безчеловѣчный эгоизмъ. Со строгою супружескою вѣрностью, съ безчувствіемъ, съ равнодушіемъ, хотѣла она плѣнять; не раздѣляя ихъ, возбуждать сильныя страсти, сводить людей съ ума. Многіе прикидывались влюбленными: тогда поглядѣли бы вы, съ какимъ гордымъ самодовольствіемъ смотрѣла она на свои мнимыя жертвы! Въ числѣ ихъ былъ и я; а Василій Ивановичъ и не думалъ ко мнѣ ревновать: онъ зналъ, что полубогиня не можетъ имѣть слабостей, и даже соболѣзновалъ робкой моей любви. Въ его отсутствіе, она дѣлалась иногда гораздо смѣлѣе, но разумѣется до извѣстныхъ границъ, которыя мы съ ея супругомъ умѣли ей ставить: когда она казалась встревоженною, изумленною, я становился отчаянно почтительнымъ и удалялся. Не знаю, отчего эта мистификація могла меня нѣкоторое время занимать; я думаю, отъ скуки.

У такихъ добрыхъ господъ-содержателей труппа не могла быть иначе какъ веселою, прекуріозною. Кожинымъ удалось гдѣ-то нанять вольнаго актера Грузинова, который препорядочно зналъ свое дѣло; да и между дѣвками ихъ нашлась одна, Дуняша, у которой, невзначай, былъ природный талантъ. Катерина Васильевна, помня, какъ въ Смольномъ сама госпожа Лафонъ учила ее играть Гоеолію, преподавала свои наставленія, кои въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, были безполезны; ея актеры могли играть однѣ только комедіи съ пѣніемъ и безъ пѣнія. Эту труппу называли губернаторскою, ибо мой отецъ дѣйствительно ей покровительствовалъ и для ея представленій выпросилъ у предводителей пребольшую залу дворянскаго собранія, исключая выборовъ почти всегда пустую. Завелось, чтобы туда ѣздили (разумѣется, за деньги) люди лучшаго тона, какія бы ни были ихъ политическія мнѣнія. Къ Гладкову же въ партеръ ходила одна чернь, а въ ложи ѣздила зѣвать злѣйшая оппозиція, къ которой однакоже онъ самъ отнюдь не принадлежалъ.

Этотъ разъ прожилъ я въ Пензѣ не съ большимъ пять мѣсяцевъ, но дѣлалъ изъ нея частыя отлучки. Первая поѣздка моя была вскорѣ послѣ Петровской ярмарки, Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда, въ село Зубриловку, о которомъ было помянуто въ первой части Записокъ. Въ проѣздъ нашъ чрезъ Москву, обѣдалъ у насъ мо-

лодой, великій господинъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, также читателю знакомый, и взялъ съ моихъ родителей слово отпустить меня въ ихъ деревню къ 5 Іюля, дню именинъ отца его. За годъ до того, будучи Рижскимъ военнымъ губернаторомъ, князь Сергій Ѳедоровичъ, по какому-то небольшому неудовольствію, вышелъ въ отставку и поѣхалъ жить на зиму, какъ всѣ тогдашніе бояре, въ Москву, а на лѣто въ свою Зубриловку. Въ Казацкомъ мнѣ такъ ее расхвалили, что я съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ туда отправился.

Мнѣ надобно было сдѣлать 130 верстъ проселочными дорогами, но я вездѣ находилъ славныхъ лошадей за умѣренную цѣну. Сперва ночевалъ я въ нашемъ Симбухинѣ, а потомъ въ тридцати верстахъ оттуда, въ селѣ Бекетовкѣ, нашелъ я Хоперъ почти ручейкомъ, и во всю дорогу рѣдко разставался съ его берегами. Если онъ самъ выбралъ мѣста, чрезъ кои началъ протекать, то надобно предполагать въ немъ много вкуса, ибо они очаровательны; взялъ бы онъ немного лѣвѣе, и онъ былъ бы въ пустынѣ, а тутъ, что̀ за виды, что̀ за рощи, или лучше сказать, что за лѣса, темные, но не дремучіе! Проѣзжая ими въ лѣтній день, дышешь какою-то жаркою, душистою влагой, подобною (но во сто разъ лучше) тѣмъ парамъ, которые поднимаются съ горячей плитки, когда льютъ на нее спиртовые духи. Досадно, что я никогда не умѣлъ описывать природу, ни чувствъ, которыя она во мнѣ производитъ; право жаль, ибо, любуясь ея красотами, я всегда дѣлаюсь чрезвычайно добръ и вселюбителенъ. Между тѣмъ, по всей дорогѣ безпрестанно находишься въ нѣсколькихъ верстахъ, иногда даже въ нѣсколькихъ сотняхъ сажень, отъ голой степи, которая начинается внезапно и тянется на сотни верстъ, какъ великій постъ, въ одну минуту прерывающій шумную масляницу. Вѣрно послѣдній ямщикъ, который везъ меня къ вечеру, былъ, какъ и я, обвороженъ прелестью воздуха и неба, что, не замѣтивъ узкаго Хопра, переѣхалъ чрезъ него, сбился съ дороги, и мы попали въ степь, гдѣ, плутавъ нѣсколько времени, только послѣ полуночи, почти передъ разсвѣтомъ, могъ я пріѣхать въ Зубриловку. Тамъ, однакоже, по заведенному славному порядку, мнѣ тотчасъ отвели хорошую комнату съ хорошею постелью.

Когда я проснулся и одѣлся, то было уже около десяти часовъ утра, и всѣ, для поздравленія хозяина-именинника, собирались въ залу, гдѣ поставленъ былъ завтракъ. Я какъ будто предугадалъ, что взялъ съ собою мундиръ; ибо всѣ пріѣзжіе гости, сосѣдніе дворяне и даже самые сыновья князя были при мундирахъ, при шпагахъ, и кто ихъ имѣлъ, при орденахъ. Кому нынѣ изъ отставныхъ вельможъ будетъ оказана подобная почесть? Теперь сбылась гадкая Русская пословица, что отъ кого чаютъ, того только и величаютъ.

Хотя ему было не въ диковинку, но князь Голицынъ былъ тронутъ сими знаками уваженія и вообще со всѣми обошелся скорѣе какъ съ дорогими гостями, чѣмъ съ людьми, пріѣхавшими къ нему на поклоненіе. Объ немъ говорить нечего, онъ ко мнѣ всегда былъ очень добръ; да и сама сердитая княгиня была этотъ разъ со мною безмѣрно ласкова.

Зубриловка есть одно изъ немногихъ мѣстъ въ Россіи, подобныхъ палацамъ и замкамъ, коими усѣяна Польша. Тамъ Славянское племя долго и тщетно гнули подъ феодальныя формы: ни Радзивилы, ни Сапѣги, ни Чарторыйскіе, не смотря на несмѣтныя богатства, на многочисленныя дружины, ихъ окружавшія, никогда не могли сдѣлаться совершенно независимыми владѣтелями, какъ высокіе бароны въ Германіи, Франціи и Италіи. Ихъ неограниченная, ихъ необузданная власть, все оставалась насиліе, не законъ. Въ Россіи удѣльные князья являли когда-то и что-то тому подобное; съ истребленіемъ удѣлизма, съ утвержденіемъ единодержавія, намѣстники государевы, начальники городовъ и областей, съ ограниченною властью, получали помѣстья, вмѣсто жалованья, и вѣроятно палаты для жительства. Хоромы владѣющихъ помѣстьями, какъ и богатыхъ вотчинниковъ, въ старинное неприхотливое время, могли отличаться отъ избъ простолюдиновъ только бо́льшимъ размѣромъ и бо́льшею опрятностью. Мало-по-малу блескъ двора сталъ привлекать богатыхъ владѣльцевъ въ Москву, а исканіе мѣстъ и почестей удерживать ихъ въ ней; съ улучшеніемъ вкуса, съ умноженіемъ потребностей начали строиться шире и прочнѣе, и тогда деревянная Москва сдѣлалась Москвою бѣлокаменною. Какъ видно изъ исторіи, не одни опальные царедворцы и воеводы ссылались въ свои деревни; но и другіе, послуживъ Богу и Царю, удалялись на отдохновеніе въ свои родовыя или жалованныя имѣнія. Долго существовалъ сей обычай, и въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ нерѣдко можно было найдти маститую старость вельможи, окруженную всеобщимъ благоговѣніемъ и отражающую блескъ, заимствованный ею отъ свѣтлаго лица государева (я говорю ея языкомъ), при коемъ она нѣкогда находилась. Въ такого рода жизни, кажется, нѣтъ ничего феодальнаго.

Нѣсколько позже, привычка къ солнцу не дозволяла далеко отдаляться отъ лучей его. Тогда, кажется, родилось названіе подмосковныхъ и умножилась цѣнность ихъ. Тогда, не переставая быть царедворцемъ, не покидая любезныхъ ему золотыхъ цѣпей, могъ бояринъ на лѣто освобождаться отъ ихъ тягости, такъ однакоже, чтобы, при первомъ позывѣ царя или честолюбія своего, могъ онъ скорѣе возложить ихъ на себя. Во временныхъ убѣжищахъ начали, на подобіе

царскихъ, заводиться въ маломъ видѣ дворцы и сады, а въ отдаленныхъ богатыхъ вотчинахъ, ветхія зданія господскія стали клониться къ паденію и замѣняться, гдѣ волостною избой, гдѣ домикомъ для прикащика или управителя.

Но время текло, нравы мѣнялись, и строился Петербургъ. Съ начала однакоже, въ новую столицу перенесены обычаи старой, и среди окрестностей первой явилось великолѣпіе по большей части уже новыхъ боярскихъ фамилій, въ Гостилицахъ, въ Славянкѣ, въ Коировѣ, въ Мурзинкѣ, въ Муринѣ, въ Парголовѣ. Это было не надолго, это казалось слишкомъ далеко отъ двора, и всѣ названныя места опустѣли. Тогда богатыя, прекрасныя дачи по Петербургской дорогѣ, на царскомъ пути, всѣ разряженныя, съ обѣихъ сторонъ вытянулись почтительнымъ фрунтомъ. Кто бы могъ прежде ожидать? И онѣ брошены, и онѣ распроданы подъ фабрики. Нынѣ, въ самомъ Царскомъ Селѣ, въ Павловскомъ, въ Петергофѣ или на островахъ, поближе къ Каменному и Елагину дворцамъ, Русская знать, въ хорошенькихъ, разубранныхъ уютныхъ дачкахъ гнѣздится, жмется, какъ дворня въ людскихъ. И эти люди называютъ себя аристократами!

Въ старину, то-есть какъ говорится въ Россіи, лѣтъ сорокъ тому назадъ, всѣ отставные вельможи полагали, что имъ нигдѣ приличнѣе жить нельзя какъ въ отставной столицѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не оставляли ея во все лѣто, имѣя въ самомъ городѣ сады, въ десять или въ двѣнадцать разъ болѣе иныхъ Каменноостровскихъ дачъ; другіе ѣздили въ свои подмосковныя, кои продолжали беречь и украшать; немногіе, какъ князь Сергій Ѳеодоровичъ, отправлялись въ дальнія деревни.

Итакъ Зубриловка его, равно и лежащее въ тридцати верстахъ отъ нея, село Надеждино, князя Куракина, еще красовались тогда и славились не только во всемъ околоткѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ. Грустно теперь подумать объ нихъ. Чтὸ сдѣлалось и съ вами, Ташань, Батуринъ, гдѣ долго и тихо догасали два фельдмаршала, герой Россіи и геній доброты? Гдѣ ихъ потомство, и кому вы нынѣ принадлежите? А ты, Бѣлая Церковь, мѣсто знаменитое въ лѣтописяхъ воинственной, вольной Украйны, чтὸ стало съ тобою? Пятидесятилѣтнія просвѣщенныя старанія одной Русской женщины превратили степь твою въ безконечный прелестный вертоградъ; ты сдѣлалась добычею горделивой, злой, неблагодарной Польки, ея невѣстки, ненавистницы имени Русскаго, и она обрекла тебя забвенію и запустѣнію.

Какъ въ предшествующую ночь, за Хопромъ, верчусь я все около Зубриловки, и насилу могу въ нее попасть. Деревня построена въ низу и отдѣляется прудомъ и плотиною отъ горы, на которой

стоитъ господскій домъ, каменный, трехъ-этажный. Въ соединеніи съ двумя большими каменными-же двухъ-этажными флигелями, посредствомъ двухъ предлинныхъ оранжерей и имѣя подлѣ себя церковь, величиною превосходящую самый большой уѣздный соборъ, домъ сей, вся эта масса зданій представляются глазу довольно поразительно. Исключая той горы, на которой находятся строенія, съ лѣвой ея стороны, есть еще двѣ другія гораздо ея выше; всѣ они покрыты густымъ лѣсомъ, а въ ихъ промежуткахъ долины, ущелья и пригорки чрезвычайно разнообразятъ мѣстоположеніе и безпрестанно производятъ новые виды. Горы сіи наполнены родниками, которые изъ боковъ ихъ вырываются сильно бьющими ключами [1]). Легко можно повѣрить, послѣ такого Эдема, какою пустыней должно было казаться, хотя и въ лучшемъ климатѣ, плоское Казацкое: на его равнинѣ только что было гарцовать казакамъ.

Только вокругъ господскаго дома видна рука искусства, но и тутъ, въ этихъ бассейнахъ, каскадахъ, сильно помогала ей природа. Имѣніе сіе было не родовое; князь Голицынъ купилъ его и потомъ три года сряду стоялъ въ немъ на безсмѣнныхъ квартирахъ съ двадцати-четырехъ-эскадроннымъ Смоленскимъ драгунскимъ полкомъ, коего онъ былъ начальникомъ. Утверждаютъ, что всѣ построенія Зубриловки были дѣло рукъ солдатскихъ; это извиняется дурнымъ обычаемъ: полкъ давался тогда какъ аренда, и въ самомъ Петербургѣ, начальники гвардіи симъ дешевымъ способомъ возводили себѣ дома.

Хотя я былъ въ новомъ мѣстѣ, однакоже въ знакомой сторонѣ: всѣ сыновья князя Сергѣя Ѳеодоровича (исключая Михаила, который служилъ тогда въ Семеновскомъ полку) были на лицо. Меньшіе, Василій и Владиміръ, все еще находились въ малолѣтствѣ; двое постарѣе ихъ, Павелъ и Александръ, прежніе мои соученики, только что взяты изъ пансіона аббата Николя, гдѣ кончили ученіе [2]); Ѳеодоръ былъ камергеромъ и въ отпуску, Сергѣй и Григорій въ отставкѣ.

Сей послѣдній при новомъ Государѣ вступилъ было въ службу, не генералъ-адъютантомъ какъ прежде, а генералъ-майоромъ по арміи;

---

[1]) Насъ князь Сергій, третій сынъ хозяина, повезъ кататься въ открытыхъ линейкахъ, чтобы показать намъ окрестности. Мы остановились и вышли погулять по одной долинѣ, исполненной благоуханія и пересѣченной свѣтлыми бѣгущими ручьями. Я бы назвалъ ее долиной счастія, готовъ бы построить тамъ домикъ и оставаться въ ней вѣкъ. Съ нами первою гостьей была генеральша, Агнія Дмитріевна Ступишина, наша Пензенская и бывшая губернаторша; она не могла понять, зачѣмъ мы тутъ остановились. „Помилуй, батюшка, князь Сергѣй Сергѣевичъ, куда ты насъ это завезъ, сказала она, али деревьевъ-то не видали, али травы?“ Меня такъ и взорвало.

[2]) Чтò это было за ученье! Всѣ воспитанники этого пансіона, которые знаютъ что-нибудь, начали учиться уже по выходѣ изъ него.

но въ вслѣдъ за отцомъ опять ее оставилъ. Во время коронаціи Александра, женился онъ на молодой дѣвицѣ, графинѣ Катеринѣ Ивановнѣ Сологубъ, дочери извѣстной при Екатеринѣ красавицы Натальи Львовны и племянницѣ Александра и Димитрія Львовичей Нарышкиныхъ. Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, кои, къ чести прежняго времени и къ стыду настоящаго, встрѣчались тогда чаще чѣмъ нынѣ. Ихъ образцомъ была императрица Елисавета Алексѣевна. Пріятности лица молодой княгини Голицыной были ничто въ сравненіи съ ея скромною любезностію: не покидая земли, она все казалась на дорогѣ къ небу, и еслибы могла быть убыль въ ангелахъ, то, я увѣренъ, что изъ такихъ существъ дѣлали бы ихъ новый наборъ.

Житье въ Зубриловкѣ мнѣ показалось славное; оно напоминало, какъ богатые и знатные баре живали въ старину. Нѣтъ лишнихъ прихотей, но всего вдоволь; столъ изобильный, сытный и вкусный, прислуга многочисленная, ворота настежъ, сосѣди, мелкіе дворяне, такъ и валятъ, но не обременяя собою: предовольны, когда хозяинъ скажетъ имъ привѣтливыхъ слова два-три. Князь Өедоръ, мой милый аристократъ, будущій владѣлецъ Зубриловки, тогда уже поговаривалъ объ vie de château, объ удовольствіи по временамъ удаляться въ свой замокъ, среди малаго, но избраннаго круга; толпу же сосѣдей показывать только въ важныхъ случаяхъ, на празднествахъ, какъ декорацію. Они съ отцомъ имѣли разныя понятія о деревенской жизни.

Пробывъ въ отсутствіи четыре или пять дней, воротился я въ Пензу. Она нѣсколько присмирѣла послѣ тѣхъ отзывовъ, которые сообщены были ей изъ Петербурга. *** въ ней не было, и по заочности не могъ бы онъ такъ сильно на нее дѣйствовать, еслибъ, какъ Илія возносясь, не бросилъ онъ мантіи своей, какъ Елисею, нѣкоему г. Бекетову.

Преемникомъ его былъ въ званіи прокурора г. Ламановъ, человѣкъ тихій и благородный; но въ немъ оставался онъ не болѣе полутора года, бывъ переведенъ вице-губернаторомъ во вновь учрежденную Томскую губернію. Тогда отставной маіоръ Бекетовъ, по ходатайству друга своего, ***, произведенъ въ надворные совѣтники и назначенъ на его мѣсто. Въ умѣ и познаніяхъ этотъ человѣкъ отсталъ даже отъ ***, но въ дерзости и безнравственности его самого превзошелъ.

Онъ былъ двоюродный братъ знаменитаго нашего поэта Дмитріева; къ тому же его звали Аполлонъ Николаевичъ, поэтому почиталъ онъ себя въ обязанности быть въ знакомствѣ съ музами и въ правѣ судить о литературѣ. И по этой части былъ онъ оракуломъ въ Пензѣ, то есть его сужденія принимались слѣпо, почтительно, но въ

тоже время невнимательно, какъ о дѣлѣ постороннемъ, ни до кого не касающемся, какъ рѣчь на непонятномъ языкѣ. А что̀ это было за глубочайшее невѣжество!

Первый годъ своего прокурорства онъ былъ довольно умѣренъ, пристоенъ; мы были тогда знакомы, и онъ просилъ меня съ скромною гордостію заглянуть въ оставленное имъ для службы его сельское убѣжище. На возвратномъ пути изъ Зубриловки долженъ я былъ перемѣнить лошадей въ селѣ его Черкасскомъ, и въ отсутствіе хозяина, но по его приглашенію, пошелъ смотрѣть его домъ. Онъ былъ каменный, двухъэтажный и поставленъ совсѣмъ поперекъ большой дороги; съ правой стороны была роща, съ лѣвой садъ; малое пространство между ними и домомъ было еще наполнено двумя откосами или пантдусами въ нихъ ведущими. Только подлѣ самаго дома, подъ откосами, съ обѣихъ сторонъ оставлено было для проѣзда по аркѣ, дабы никто не могъ ни проѣхать, ни пройти, не полюбуясь, не подивясь причудливости г. Бекетова. Внутренность дома отвѣчала наружности его: вездѣ безпорядокъ, по моему совсѣмъ непріятный, вездѣ претензіи на странность, все не на своемъ мѣстѣ. Напримѣръ, среди кабинета его нашелъ я гипсовую статую Амура (я ожидалъ найти Бахуса) съ извѣстною надписью, qui que tu sois, на столикѣ визитную карточку хозяина, на которой написано: pour prendre congé; наконецъ на крытой соломою конюшнѣ замѣтилъ я honny soit qui mal y pense. И что̀ всего страннѣе, г. Бекетовъ прескверно говорилъ по-французски и не могъ почти слова сказать безъ ошибки.

Описывая первый пріѣздъ мой въ Пензу, упомянулъ уже я о госпожѣ Бекетовой, красотѣ холодной и суровой, блиставшей какъ солнце на снѣжныхъ равнинахъ. Такія женщины въ многочисленныхъ обществахъ служатъ ему только наружнымъ украшеніемъ, но въ семейной жизни они ея благополучіе. Какъ бы не замѣчая пороковъ мужа и слабостей отца, Прасковья Петровна Бекетова обоихъ почтительно и нѣжно любила, какъ долгъ, для матери была утѣшеніе, Провидѣніе для дѣтей, и она осталась до конца жизни набожною, благотворною, любимою и всепочитаемою. Какъ я всякому люблю отдавать справедливость, то и о самомъ Бекетовѣ долженъ сказать, что въ поступкахъ противъ жены его нечѣмъ было упрекнуть, равно какъ и въ лихоимствѣ. Эти двѣ обязанности почиталъ онъ священными.

Родители Бекетовой также находились тогда въ Пензѣ. Отецъ ея, Петръ Михайловичъ Опочининъ былъ добръ и слабъ характеромъ. Онъ былъ богатый Ярославскій помѣщикъ, но въ первой половинѣ жизни, черезчуръ любя ея наслажденія, какъ многіе другіе наши дво-

и остороженъ, что не хотѣлъ дать себя и людей своихъ даромъ зарѣзать. Сила мятежниковъ была уже такъ велика, что при первомъ появленіи его бы истребили; онъ довольствовался вести партизанскую войну, нападать врасплохъ на отряды вражьи, отбивать конвои, затруднять сообщенія, спасать бѣгущихъ отъ злодѣевъ, сохранять духъ повиновенія въ крестьянахъ. Онъ ничего не бралъ у жителей, ничего не стоилъ казнѣ, и содержалъ команду свою единственно отхваченнымъ у мятежниковъ. Удивительно, что такіе подвиги не были награждены, но въ нихъ самихъ находилъ онъ уже себѣ награду; ибо этою эпохой, по всей справедливости, всю жизнь свою гордился. Нѣсколько времени былъ онъ потомъ провинціальнымъ прокуроромъ и наконецъ воеводою (съ нимъ и прекратилось Пензенское воеводство). Такъ какъ маленькое тщеславіе всегда бываетъ слабая сторона добродушныхъ людей, то и онъ не былъ его чуждъ: на низкомъ каменномъ жильѣ построилъ онъ обширный деревянный домъ, понынѣ еще существующій, и сколь возможно лучше, по тогдашнему времени, его убралъ; почитая себя представителемъ царской власти, онъ назвалъ его дворцомъ, и когда въ торжественные дни послѣ молебна приглашалъ онъ къ себѣ чиновниковъ обѣдать, то всегда говорилъ: «Покорно прошу ко мнѣ во дворецъ».

Большую страсть имѣлъ онъ къ чтенію: все, что было писано, печатано по-русски, подлинники и переводы, по какой бы части наукъ, о какомъ бы предметѣ то ни было, все онъ прочиталъ, но все безъ разбора, безъ системы, и еслибъ онъ приготовленъ былъ образованіемъ, то конечно былъ бы ученѣйшимъ тогда человѣкомъ. Страсть къ наукамъ изобразилъ очень хорошо въ немъ Загоскинъ, въ романѣ своемъ *Искуситель*. Но еще болѣе былъ онъ падокъ на умъ; умныхъ людей обожалъ онъ, и потому ни мало ни удивительно особенное пристрастіе его къ единственной сестрѣ своей, вышесказанной Елисаветѣ Петровнѣ Леонтьевой. Несмотря на то, онъ однакоже сначала не хотѣлъ никакого принять участія въ ссорѣ ея съ нашимъ семействомъ. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ честностію, съ благородствомъ души, не соединялъ онъ тѣхъ строгихъ, твердыхъ правилъ, коими руководствовался отецъ мой; былъ снисходителенъ къ негодяямъ: довольствуясь на нихъ не походить, онъ выслушивалъ ихъ вранье и жалобы, оспаривалъ ихъ, потомъ молчалъ и, наконецъ, чуть ли не готовъ былъ съ ними соглашаться. Къ тому же онъ старѣлъ, слабѣлъ, начиналъ слѣпнуть и съ каждымъ днемъ становился подвластнѣе хитрой сестрѣ своей. Онъ не побранился, не поссорился съ отцомъ моимъ, къ тому не было ни малѣйшаго повода; но онъ вдругъ остылъ къ нему и такъ остался до смерти

своей. Впрочемъ съ обѣихъ сторонъ никто не слыхалъ отъ нихъ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго осужденія.

Когда отецъ мой прибылъ въ Пензу на губернаторство, тогда дворянство, обрадованное его пріѣздомъ, желая чѣмъ нибудь ему угодить, не нашло ничего лучше, какъ друга его Чемесова единогласно избрать своимъ губернскимъ предводителемъ. Тѣже самые люди, прибѣгая къ нему потомъ, старались увѣрить его, что долгъ и безпристрастіе требуютъ отъ него, чтобъ онъ былъ защитникомъ ихъ правъ противъ насилія; но ему не было случая за нихъ вступаться: никто не думалъ нападать на нихъ. Желая сколько нибудь сблизиться съ ослѣпленнымъ другомъ, отецъ мой, будучи въ Петербургѣ, настоятельно, убѣдительно, чрезъ Кочубея выпросилъ ему чинъ статскаго совѣтника. Сначала это старика было потѣшило; но Леонтьева скоро успѣла его увѣрить, что это сдѣлано было съ намѣреніемъ его унизить, и онъ почиталъ это жесточайшею обидой. Я былъ крестный сынъ его и, слѣдуя старому обычаю, по духовному родству обязанъ былъ его посѣщать. Какъ онъ, такъ и семейство его всегда встрѣчали меня съ распростертыми объятіями.

Семейство сіе было многочисленное; у него было четыре сына и пять дочерей. Супруга его, Марѳа Адріановна, имѣла въ себѣ много оригинальнаго, была типомъ старинной дворянской спѣси и фамиліи Чемесовыхъ и Киселевыхъ, къ коимъ принадлежала по замужеству и происхожденію, почитала выше всѣхъ другихъ дворянскихъ родовъ въ Россіи. Она вела жизнь самую праздную; ни деревенскимъ, ни домашнимъ хозяйствомъ, ни воспитаніемъ дѣтей, ни даже угощеніемъ посѣщавшихъ ее, она никогда не занималась; не понимала другой любви, кромѣ супружеской, не предавалась особенной набожности, не любила выѣзжать, не думала о нарядахъ, не умѣла играть въ карты; а между тѣмъ никогда не знала скуки. Тьфу-пропасть, скажутъ иные, да что же она дѣлала? А вотъ что: у ней была чудесная желѣзная память, вмѣстѣ (чему трудно повѣрить) съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и удивительною скромностію. Она любила собирать вѣсти, но не разглашать ихъ; она ихъ копила, прятала и, не обременяя ее, наполняла ими память свою. Она была мастерица выспрашивать; все, что отъ нея болѣе или менѣе зависѣло, служанки, даже мелкія дворянки и чиновницы не смѣли къ ней являться безъ короба вѣстей. Однакоже, далѣе Пензенской губерніи, изъ которой она никогда не выѣзжала, ни любопытство, ни свѣдѣнія ея не простирались. Зато уже въ ней знала она рѣшительно все: годъ, мѣсяцъ и день рожденія каждаго изъ дворянъ, у [illegible] сколько земли, сколько долгу и кому онъ долженъ [illegible] мъ домѣ извѣстна ей была вся его под-

наготная, она знала имена всѣхъ дворовыхъ людей и женщинъ, ихъ родство, ихъ поведеніе, милостивое или жестокое обращеніе съ ними господъ; ничего не записывая, всему вела она вѣрный счетъ. Въ этой женщинѣ можно было предполагать много философіи, она ни къ кому не имѣла пристрастія и никогда не чувствовала гнѣва, она была откровенна, правдолюбива и не терпѣла лжи; но сіи качества были иногда бичомъ общества. Вообще она рѣдко говорила о томъ, что̀ знала, но иногда совсѣмъ неожиданно приходила ей фантазія при всѣхъ начинать свои допросы. «Скажите, матушка, сколько вамъ лѣтъ?» или: «Какъ велико ваше состояніе?» Молодыя женщины, переходящія въ зрѣлыя лѣта, обыкновенно отъ словъ сихъ блѣднѣли: не было возможности утаить отъ нея ни одной недѣли; обличенія, доказательства были у нея тотчасъ готовы. «Не правда, случалось мнѣ слышать, я помню, это было тогда-то и такъ-то». И всѣ сіи публичныя испытанія дѣлались съ убійственнымъ хладнокровіемъ неумолимаго судьи. Имя Мараы было дано ей очень кстати, ибо ей можно было сказать, какъ въ Св. Писаніи: *Марѳа, Марѳа, печешися о многихъ.*

Всѣ четыре сына Ефима Петровича служили; одинъ изъ нихъ достигъ генеральскаго чина, но ни который изъ нихъ не возвысилъ его имени, ни продлилъ его рода. Объ одной изъ дочерей его впослѣдствіи долженъ буду говорить съ подробностію.

Людей умѣренныхъ, которые не интриговали, избѣгали ссоръ съ нашими непріятелями, но и не дружились съ ними, въ глаза и за глаза были почтительны къ начальству, но и не искали съ нимъ короткости, однимъ словомъ, держались середины, такихъ людей было немного; почти всѣ они не были родомъ изъ Пензы, а находились въ ней только на службѣ. Перваго назову я вице-губернатора Сергѣя Яковлевича Тинькова, человѣка довольно пожилаго, малорослаго и щедушнаго, добраго и честнаго, который при Екатеринѣ еще былъ вице-губернаторомъ въ Тулѣ *). Его не любили, но онъ какъ-то всегда ускользалъ отъ Пензенской злости. Жену его Анѳису Никаноровну, урожденную Анненкову, я бы назвалъ Пензенской Шардоншей: она столь же широка была въ объемѣ, также была нашею вседневною, также румянилась до самыхъ рѣсницъ; два ряда крѣпкихъ, хотя и зеленыхъ, зубовъ посредствомъ постоянной улыбки она также всегда выставляла и также любила свѣтскія увеселенія, то есть хорошій, вкусный обѣдъ, наряды и бостонъ.

---

*) Утѣшительно было бы думать, что добродушіе доставляетъ долговѣчіе. Тиньковъ недавно только что умеръ 97 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ Тиньковымъ засѣдалъ въ Казенной Палатѣ совѣтникъ ея, Аѳанасій Аѳанасіевичъ Докторовъ, двоюродный братъ извѣстнаго у насъ генерала. Онъ былъ Орловскій помѣщикъ, попромотавшійся, попроигравшійся старый франтъ, который служилъ по необходимости. Казались въ немъ странны не дѣянія его, а манеры, нарядъ и какой-то особенный, весьма забавный Французскій языкъ. Тогда въ платьѣ все было просто, гладко, одноцвѣтно; его же полосатые фраки, пестрые клѣтчатые жилеты, тканные, вязанные, вышитые, размалеванные отличали его ото всѣхъ; въ пятьдесятъ лѣтъ онъ румянился, сурмилъ брови, чернилъ себѣ волосы. Слѣдуя старинной модѣ, носилъ онъ двое часовъ, или, по крайней мѣрѣ, двѣ цѣпочки отъ нихъ, томпаковыя, или симилоровыя съ брелоками, которыя длинно висѣли изъ жилетныхъ его кармановъ и которыми онъ поигрывалъ, побрякивалъ. Передъ этимъ, былъ онъ директоромъ училищъ въ Перми и Тобольскѣ, и тамъ имѣлъ онъ случай набрать множество если не драгоцѣнныхъ, то самоцвѣтныхъ каменьевъ и употребить ихъ на разные мелкіе предметы, табатерочки изъ яшмы и порфира, перстеньки бирюзовые, аметистовые, коими покрыты были его пальцы и, наконецъ, двѣ цѣпочки изъ разныхъ камешковъ, которыя сверхъ жилета носилъ онъ крестообразно; всего же примѣчательнѣе въ его сокровищницѣ былъ огромный лаллъ, который при важныхъ оказіяхъ, въ видѣ застежки, являлся у него на груди.

Человѣкъ этотъ былъ опасенъ; онъ смѣшилъ при первомъ на него взглядѣ, и селадонство его, его ужимочная учтивость позволяли думать, что можно смѣяться надъ нимъ безнаказанно. Но бѣда, если онъ то замѣтитъ; голосъ его возвысится, глаза нальются кровію, онъ распѣтушится, заговоритъ о шпагѣ и заговоритъ серьезно. Страсть къ игрѣ его не покидала, и онъ въ ней почти всегда былъ несчастливъ. Любопытно было видѣть, съ какою учтивою улыбкою человѣкъ этотъ, обремененный семействомъ, проигрывалъ иногда послѣдній свой рубль; все заложить, все продать готовъ былъ онъ, чтобы быть исправнымъ въ платежѣ игорнаго долга. Своего, кажется, у него ничего не было, и онъ жилъ помощію богатаго брата глухой жены своей, Варвары Ѳедоровны, Орловскаго Креза, графа Степана Ѳедоровича Толстаго. О другомъ его ресурсѣ мнѣ что-то совѣстно говорить; по званію совѣтника Казенной Палаты онъ долженъ былъ находиться въ рекрутскомъ присутствіи, и эта обязанность доставляла ему средства и жить, и проживать. Какія противорѣчія бываютъ въ человѣкѣ! Съ весьма здравымъ разсудкомъ Докторовъ такъ дурачился и съ такою щекотливостію въ отношеніи къ чести прибѣгалъ къ средствамъ столь беззаконнымъ, можно сказать, столь безчеловѣчнымъ!

Дочери его были слегка помазаны свѣтскимъ образованіемъ и чрезвычайно какъ ломались. Въ молодости онѣ были несносны своимъ жеманствомъ, а нынѣ, въ старости почтенны твердостію, съ какою умѣютъ переносить бѣдность. Одна изъ нихъ пошла въ гувернантки и добросовѣстно, прилежно и съ великимъ успѣхомъ занимается воспитаніемъ дѣвицъ; другая всегда имѣла страсть къ живописи, пишетъ портреты и тѣмъ пристойно себя содержитъ. Право, можно подумать, что дѣло идетъ о Французскихъ эмигранткахъ.

По обстоятельствамъ, болѣе чѣмъ по склонности, принадлежалъ къ умѣренной партіи одинъ изъ почетнѣйшихъ жителей Пензы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Егоръ Михайловичъ Жедринскій. Въ Петербургѣ провелъ онъ всю молодость свою, которую умѣлъ продлить за сорокъ лѣтъ. Онъ служилъ въ гвардіи, былъ только что сержантомъ въ Семеновскомъ полку, какъ нечаянный бракъ вывелъ его въ люди. Начальникъ этого полка, генералъ-аншефъ и Андреевскій кавалеръ Ѳедоръ Ивановичъ Вадковскій, долженъ былъ, какъ говорятъ, поспѣшить замужествомъ старшей изъ своихъ дочерей; надобно было сыскать жениха не слишкомъ взыскательнаго и потомъ наградить его за снисходительность. Это доставило Жедринскому не только скорое повышеніе, но и знакомство съ людьми лучшаго тогда общества въ Петербургѣ. Когда онъ овдовѣлъ, изъ гвардіи капитановъ вышелъ въ отставку бригадиромъ и пріѣхалъ потомъ въ Пензу предсѣдателемъ Гражданской Палаты, то отъ всѣхъ ея жителей постоянно отличался неизвѣстною имъ пристойностію въ разговорахъ и вѣжливостію въ обращеніи, особенно съ дамами. Хотя онъ былъ весьма уже не молодъ и некрасивъ собою, но съ любезностію, которой въ другихъ тогда не было, умѣлъ еще нравиться женщинамъ. Читалъ онъ мало, и такъ называемый духъ философіи и правила разврата, непосредственно отъ него вытекающія, почерпнулъ онъ, кажется, изъ разговоровъ, а не изъ книгъ. Потому-то безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти соблазнилъ онъ одну сиротку, Нѣмку, дворянку Раутенштернъ, жившую въ домѣ Чемесовыхъ. Когда состояніе ея сдѣлалось несомнѣнно, и стыдъ ея сталъ всѣмъ извѣстенъ въ маленькомъ городѣ, тогда она должна была лишиться покровительства своихъ благодѣтелей и могла найти убѣжище только у самого похитителя ея чести: вступиться за нее было некому, она была круглая сирота. Къ счастію ея, человѣкъ безъ сердца, воплощенный грѣхъ, прилѣпился къ младенцу, ею рожденному: безъ того онъ бы ее прогналъ. Вѣрно уже не ради Христа, Коего божества онъ не признавалъ, вѣрно не изъ сострадація, котораго никогда не зналъ, далъ онъ ей уголокъ, завъ быть его ключницей и нянькой его ребенка; всегда обр

онъ ее потомъ своимъ презрѣніемъ, не уважая въ ней даже своей жертвы и матери своего сына.

Въ совершенномъ заточеніи, не смѣя никому показать лица своего, такъ провела лучшіе годы своей жизни хорошенькая, скромная дѣвушка, рожденная для добродѣтели, которой, разъ измѣнивъ ей, всегда потомъ оставалась она вѣрна. Мальчикъ подросталъ, отецъ отсѣкъ первый слогъ фамильнаго своего имени и оставилъ ему названіе Дринскаго. По связямъ, которыя сохранилъ онъ еще въ Петербургѣ, незаконнаго сына его записали сержантомъ въ гвардію и даже, слѣдуя тогдашнему злоупотребленію, въ малолѣтствѣ выпустили капитаномъ въ какой-то армейскій полкъ, стоявшій въ Пензѣ. Съ кончиною Екатерины, съ упраздненіемъ Пензенской губерніи, кончилась какъ его служба, такъ и служба несовершеннолѣтняго его сына.

Нѣжность къ сему сыну, неотступныя мольбы его, и участіе, которое самые равнодушные люди принимали въ злополучной судьбѣ бѣдной Раутенштернъ, въ началѣ царствованія Александра, заставили сѣдаго Ловеласа съ нею обвѣнчаться и болѣе для того, чтобы узаконить сына и дать ему свое имя. Нескоро бѣдная женщина рѣшилась показаться между людьми, несмотря на свое новое превосходительство, все искала послѣдняго мѣста въ обществѣ и долго еще сидѣла въ немъ, потупя взоры, какъ преступница.

Старику Жедринскому было болѣе семидесяти лѣтъ, когда жена его была полна, свѣжа и имѣла блестящіе взгляды. Но онъ былъ еще привѣтливъ, опрятенъ, говорилъ неглупо, подшучивалъ довольно остро и по большей части на счетъ добродѣтели, церкви, духовныхъ лицъ и обрядовъ. Не смотря на его ласки ко мнѣ, я чувствовалъ тайное отвращеніе отъ сего повапленаго гроба; я все видѣлъ печать ада въ сардонической улыбкѣ, до ушей обнажавшей беззубый ротъ его, и мнѣ казалось, что, говоря о немъ совсѣмъ не въ смыслѣ брани, можно было употребить названіе стараго чорта. Наказаніемъ его была страсть къ игрѣ; отъ нея онъ былъ весь опутанъ долгами, и это дѣлало его еще искательнѣе, ко всѣмъ ласковѣе. Не надѣясь много выиграть, но и не опасаясь проиграть, онъ съ госпожею Тиньковой былъ ежевечернимъ партнеромъ моего отца, который, не уважая его, но по сочувствію старыхъ людей къ другимъ старикамъ, жалѣлъ о немъ и не одинъ разъ имѣлъ случай дѣлать ему одолженія.

Совершенно въ его духѣ, въ его правилахъ былъ воспитанъ любимый сынъ его, Владиміръ Егоровичъ; но въ немъ было болѣе чувства и гораздо менѣе ума, чѣмъ въ отцѣ. Еще въ ребячествѣ, самъ ...ель наставлялъ его во всѣхъ карточныхъ играхъ; и въ двѣнад- ...› сидѣлъ уже онъ съ большими за бостономъ; впослѣдствіи

Господинъ и госпожа Дубенскіе, Григорій Львовичъ и Анна Егоровна, привязаны были не столько къ лицу, какъ къ мѣсту губернатора, и отъ одного къ другому переходили по наслѣдству. Онъ былъ молчаливъ и довольно угрюмъ, а она добрая женщина, большая болтунья и первая вѣстовщица въ городѣ. Между ними существовало странное условіе, предписанное мужемъ: она, которая наединѣ трепетала отъ его взгляда, должна была при людяхъ на него покрикивать, а онъ отмалчиваться и казаться у нея въ загонѣ.

Нѣкто Андрей Сергѣевичъ Мартыновъ, весьма еще не старый помѣщикъ и богатѣйшій женихъ въ провинціи, также какъ и Дубенскіе, любилъ безъ памяти власть; но свѣтской ему было мало: онъ прибавилъ еще къ ней духовную и былъ всегда на безсмѣнныхъ ординарцахъ какъ у епископа, такъ и у начальника губерніи. Въ его гостинной, на первомъ мѣстѣ, всегда висѣло изображеніе архіерея между портретами губернатора и губернаторши, разумѣется, господствующими: по мѣрѣ какъ назначаемы были новые, высылались они въ залу, гдѣ, по прошествіи двухъ десятковъ лѣтъ, составилась презанимательная портретная галерея.

Я бы никогда не кончилъ, еслибъ захотѣлъ представить всѣхъ странныхъ людей, коими тогда населена была Пенза. Я выбиралъ любопытнѣйшихъ изъ нихъ, а остальныхъ берегу въ запасѣ для будущихъ посѣщеній. Но объ одномъ человѣкѣ не могу здѣсь умолчать: онъ былъ мнѣ слишкомъ памятенъ.

Тяжкій, горькій опытъ показалъ мнѣ, что въ нашей Россіи каждый честный, умный и благородно-мыслящій человѣкъ, коему ввѣряется начальство, долженъ имѣть своего плута. При опредѣленіи отца моего, рекомендовали ему въ Москвѣ нѣкоего Арфалова или Арфалоса, бывшаго секретаремъ при Курскомъ губернаторѣ Бурнашевѣ, человѣкѣ извѣстномъ и почтенномъ, и вмѣстѣ съ нимъ оставившаго службу: это одно уже говорило въ его пользу. Огромная голова, высоко поднятая, твердый голосъ, смѣлая поступь, все, что̀ служитъ вывѣской честности, все это къ нему могло возбудить довѣренность самыхъ опытныхъ людей; но гордость, злоба, хитрая месть и алчность до времени скрывались за этою личиной. Онъ родомъ былъ Грекъ, не знавшій, однакоже, природнаго языка своего; но родился ли онъ въ Россіи или въ малолѣтствѣ вывезенъ откуда нибудь? Къ какому состоянію принадлежалъ онъ, гдѣ учился и какъ поступилъ на службу? Все это умѣлъ онъ задергивать непроницаемою завѣсой. Онъ былъ чрезвычайно уменъ и трудолюбивъ, и коварство Грека, какъ броню, облекъ еще въ Русское подъячество. Ему нуженъ былъ одинъ только человѣкъ, начальникъ его; но и съ нимъ отвергалъ онъ обыкновенныя

средства униженій и лести. Съ нимъ позволялъ онъ себѣ иногда отрывистыя возраженія, но видя настойчивость, отвѣчалъ на нее неодобрительнымъ молчаніемъ, за которымъ всегда слѣдовало быстрое исполненіе приказаній. Онъ старался изучить характеръ начальника, съ каждымъ днемъ становиться ему необходимѣе и мало-по-малу успѣвалъ увѣрить его, что за него готовъ онъ и въ огонь, и въ воду. Сильнѣйшій государственный человѣкъ въ послѣдніе годы жизни Александра слѣдовалъ этой же самой методѣ; но Арфаловъ можетъ почитаться изобрѣтателемъ ея.

Грустно было видѣть, какъ дерзкій этотъ мошенникъ овладѣлъ старостію бѣднаго отца моего. По большей части онъ же былъ причиной негодованія на него, а прикидывался добровольною жертвой, за вѣрность къ нему радостно выносящею отъ всѣхъ гоненія и такимъ образомъ нечестіе свое сплеталъ съ честію почтеннаго моего родителя. Почти со всѣми обходился онъ холодно, сухо; въ случаѣ же нужды всегда у него были готовы рѣзкіе обидные отвѣты: какое было ему дѣло! Будучи только секретаремъ губернатора, изъ-за него дѣйствовалъ онъ, какъ изъ-за укрѣпленія; смѣнятъ его, что̀ за бѣда? Онъ примется за другаго. Съ самаго начала возненавидѣли мы другъ друга, никогда не говорили и не кланялись; и какъ ни молодъ я былъ, какъ ни робокъ при отцѣ, не страшась его гнѣва, при первомъ словѣ объ Арфаловѣ приходила ко мнѣ чудесная смѣлость, и я принимался его обвинять. Бѣдность, въ которой жилъ онъ съ своимъ семействомъ, была всегда побѣдоноснымъ отвѣтомъ въ устахъ моего родителя. Только при его преемникѣ построилъ онъ каменный домъ и купилъ деревню.

Чтобы скорѣе забыть этого человѣка, отправимся въ дорогу, на ярмарку, въ Саранскъ. Она обыкновенно бываетъ въ половинѣ Августа, около Успеньева дня, вскорѣ послѣ Макарьевской, которая отъ нея была не далеко и оканчивалась тогда къ 1-му Августа. Всѣ на сей послѣдней нераспроданные товары привозились на Саранскую, гдѣ и продавались дешевле, отчего она была богаче и многолюднѣе Пензенской. Сверхъ того, въ уѣздныхъ городкахъ, на небольшомъ пространствѣ, въ хорошее время года, ярмарки всегда бываютъ живѣе, кипучѣе, чѣмъ въ губернскихъ городахъ; на нихъ что-то похожее на лагерное житье, или на ту беззаботную, безцеремонную жизнь, которую ведутъ на минеральныхъ водахъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ тамъ съ моимъ семействомъ, чрезвычайно возвеселили духъ мой. Только для того, чтобы показать, какъ мало въ это время дворяне брезгали мѣстами, и какъ они еще были уважены, скажу, что городничимъ въ Саранскѣ былъ тогда человѣкъ извѣстной фамиліи, имѣвшій тысячу душъ, братъ сенатора, Алексѣй Ѳедоровичъ Желтухинъ.

Въ самый день Успенія былъ въ Саранскѣ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Саратовъ, оберъ-камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ и остановился въ немъ на цѣлыя сутки. Зачѣмъ бы, кажется, человѣку, который совсѣмъ не былъ хозяинъ, предпринимать столь трудныя путешествія въ дальнія свои деревни? Особенно тогда, какъ на столь великомъ пространствѣ, при каждомъ шагѣ долженъ былъ онъ встрѣчать недостатокъ и худое качество съѣстныхъ припасовъ? За тѣмъ-то именно онъ и ѣздилъ. Крѣпкое сложеніе самаго Русскаго человѣка онъ нѣсколько поразстроилъ вседневною, изысканною, прихотливою пищей; впрочемъ, здоровье его цвѣло, но вкусъ иногда притуплялся; доктора, вмѣсто діэты, совѣтовали ему путешествовать по Россіи, онъ долженъ былъ проголодаться; однимъ словомъ, въ Саратовъ ѣздилъ онъ за апетитомъ. Отецъ мой былъ съ нимъ знакомъ, и я было забылъ, что передъ этимъ, въ Апрѣлѣ, онъ меня ему представилъ, и первый разъ въ жизни былъ я у него въ Петербургѣ на истинно-аристократическомъ балѣ.

Кому тогда въ Россіи не извѣстны были наслѣдственные веселость духа, умъ, острота и любезность этихъ Нарышкиныхъ, не столько потѣшниковъ, какъ часто утѣшителей дальнихъ родственниковъ своихъ, членовъ императорской фамиліи. Старина еще показывалась въ широкомъ ихъ боярскомъ житьѣ, когда уже всѣ удовольствія новой образованной жизни блистали въ ихъ бесѣдахъ; и сія встрѣча, сіе соединеніе лучшаго изъ двухъ разныхъ временъ, дѣлаетъ ихъ незабвенными. Особенно, говорятъ, былъ примѣчателенъ Левъ Александровичъ, отецъ того, о комъ пишу; у того, говорятъ, все подавай на столъ и всѣхъ давай за столъ, и сколько бѣдныхъ дворянъ, возвращаясь въ свою провинцію, хвалились тѣмъ, что у него обѣдали: они могли думать, что были при дворѣ, ибо дворъ и Нарышкины всегда въ совокупности тогда являлись мыслямъ *). Александръ Львовичъ былъ уже гораздо разборчивѣе, а еще болѣе сыновья его.

Но и онъ сохранялъ еще въ себѣ типъ прежняго вельможества. Онъ не зналъ, чтó такое неучтивость, со всѣми, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, не только былъ ласковъ, даже фамильяренъ, безъ малѣйшаго, однакоже, урона своего достоинства. Вообще эти люди, съ пьедестала своего, какъ-то свободно, безбоязненно нагибались, какъ будто чувствуя, что упасть имъ никакъ невозможно. Будучи и въ Петербургѣ ко всѣмъ привѣтливъ, въ провинціи Нарышкинъ былъ особенно любезенъ съ гу-

*) Кто бы могъ ожидать! Когда я сіе пишу, ни одного Нарышкина нѣтъ при дворѣ, хотя еще ихъ довольно есть въ Россіи. Когда всѣ при дворѣ, то, видно, Нарышкинымъ нѣтъ уже тамъ мѣста.

бернаторомъ и его сыномъ. Тутъ случился одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, у котораго поваръ почитался и былъ дѣйствительно лучшимъ во всей губерніи; къ нему позвалъ отецъ мой его обѣдать, а къ себѣ на вечеръ и ужинъ; въ дорогѣ тѣмъ и другимъ остался онъ чрезвычайно доволенъ. Съ нимъ былъ меньшой сынъ его, Кирила Александровичъ, съ которымъ въ Петербургѣ пришлось мнѣ сказать слова два-три; тутъ я съ нимъ немного поболѣе познакомился, но гораздо короче въ слѣдующемъ году.

Возвратясь въ Пензу, я опять недолго въ ней оставался: отцу моему въ Сентябрѣ нужно было объѣзжать губернію, и онъ взялъ меня съ собою. Въ столь отдаленное время и въ столь отдаленной провинціи, проѣздъ губернатора могъ нѣсколько походить на тріумфальное шествіе; вездѣ ожиданія, вездѣ суета, вездѣ встрѣчи, вездѣ толпы народа, которыя стоятъ съ почтеніемъ, смотрятъ съ любопытствомъ; во всѣхъ уѣздныхъ городахъ лучшія квартиры, во всѣхъ деревняхъ лучшія комнаты господскаго дома. Обозрѣніе судовъ, тюремъ, дорогъ, мостовъ, переправъ, множество заботъ, у самихъ губернаторовъ отнимали все, что̀ такія путешествія могли имѣть для нихъ пріятнаго. Но губернаторскому сыну оставались одни только удовольствія: наперерывъ старались угостить его, доставить ему разнаго рода наслажденія, разумѣется самыя грубыя, матеріальныя, и между ними, сказать ли правду?.. и довольно постыдныя, кои юноша, менѣе пылкій и болѣе цѣломудренный, чѣмъ я, отвергъ бы съ презрѣніемъ. Но что̀ дѣлать, такъ ужъ тогда водилось.

Между селами въ Пензенской губерніи, Екатериною произведенными въ города, считались два: Мокшанъ и Городище, которыя, если возможно, были еще хуже Чембара. За то Краснослободскъ, Саранскъ, и Инсаръ, по народонаселенію своему, по торговлѣ и по числу церквей, и тогда уже были достойны названія городовъ. Многіе и понынѣ смѣются надъ бѣдностію и ничтожествомъ всѣхъ этихъ мѣстечекъ, разсыпанныхъ въ Россіи, именующихся городами, забывая, что каждое изъ нихъ можетъ быть зародышемъ большаго города и не примѣчая великихъ перемѣнъ, отъ одного только даннаго имъ имени въ нихъ послѣдовавшихъ. Еслибы одни только правильность линій, чистота и порядокъ ихъ отличали отъ другихъ казенныхъ селеній, то и тѣмъ бы они много выиграли. Какъ часто видимъ мы людей низкаго состоянія, мѣщанъ, даже простыхъ крестьянъ, внезапно разбогатѣвшихъ счастіемъ и оборотливостію въ торговыхъ дѣлахъ; любовь къ родимому мѣсту есть замѣчательная черта въ сихъ выходцахъ изъ бѣдности; къ ней примѣшивается маленькое тщеславіе, и они, на удивленіе и на зависть земляковъ, громоздятъ каменныя палаты. Глядя на нихъ и же-

лая не совершенно отъ нихъ отстать и заслужить имя настоящихъ горожанъ, другіе также начинаютъ строить опрятные домики и могутъ имѣть надежду съ нѣкоторою выгодою отдавать ихъ въ наймы судьямъ и канцелярскимъ. Раздробленіе имѣній и потребность общежитія также способствуютъ умноженію жителей въ сихъ городкахъ; самые мелкопомѣстные дворяне все уже не прежніе варвары, три времени года потрудясь въ полѣ надъ хлѣбопашествомъ своимъ, зимой скучаютъ въ домикахъ своихъ, занесенныхъ снѣгомъ; дороговизна губернскихъ городовъ пугаетъ ихъ бѣдность, а въ уѣздныхъ вмѣстѣ съ должностными лицами могутъ они составить нѣчто похожее на общество.

Разумѣется, я здѣсь говорю не объ уѣздныхъ городахъ, кои, будучи прибрежны большимъ рѣкамъ, ведутъ обширную торговлю, или имѣютъ давно заведенную промышленность, которая годъ отъ году болѣе процвѣтаетъ, но только о городкахъ, кои, лишены будучи всѣхъ способовъ, кромѣ тѣхъ, на кои я указалъ, однакоже, не падаютъ, а по маленьку все идутъ впередъ. Въ продолженіи почти сорока лѣтъ, неоднократно со вниманіемъ проѣзжая черезъ нихъ, я утвердительно могу сказать, что всѣ эти центрики растутъ и расширяются. Они порождены великою мыслію Екатерины, отъ нея ведутъ свое начало и развѣ тогда только погибнутъ, когда исчезнетъ объ ней память. Шестидесятилѣтняя жизнь для города младенчество, а наши ребята-города, право, не тощаютъ, а примѣтно укрѣпляются.

Усердствуя, если не благосостоянію, которое доставляютъ только время и труды, то по крайней мѣрѣ украшенію Пензенскихъ уѣздныхъ городовъ, отецъ мой выпросилъ чрезъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы, раздавъ ихъ дворянамъ, подъ вѣрные залоги, на положенные сроки, изъ капитала и процента, въ семь лѣтъ выстроить въ каждомъ изъ девяти городовъ большое каменное двухъ-этажное зданіе съ таковыми же флигелями, для присутственныхъ мѣстъ и жительства городничаго. Мнѣ пріятно теперь вспомнить, что всѣ сіи города сохраняютъ понынѣ памятники полезной заботливости отца моего *).

Изъ числа помѣщиковъ, коихъ посѣтили мы на семъ пути, двое-трое жили истинно по-барски; это были братья Хрущовы, Араповъ и Вельяшевъ. Если когда-нибудь случится мнѣ опять встрѣтиться съ ними въ моихъ воспоминаніяхъ, то, можетъ быть, скажу объ нихъ нѣ-

---

*) Я забылъ сказать, что отецъ мой склонилъ помѣщика Колокольцова продать въ казну за двадцать тысячъ рублей ассигнаціями два каменные дома, одинъ трехъэтажный, а другой двухъ-этажный, которые по тогдашнему стоили полтораста тысячъ, и успѣлъ только за оказанную имъ умѣренность выпросить ему монаршее благоволеніе. Одинъ изъ сихъ домовъ доселѣ губернаторскій.

сколько словъ. Теперь поговорю объ одномъ пріѣзжемъ изъ Петербурга баринѣ, у котораго въ деревнѣ довольно скучно (для меня по крайней мѣрѣ) должны мы были пробыть почти сутки. Еще въ Кіевѣ, останавливаясь съ кавалерійскимъ полкомъ, коимъ онъ начальствовалъ, Михайло Алексѣевичъ Обрѣзковъ познакомился съ моими родителями. При Павлѣ подвергся онъ общей участи, былъ произведенъ генераломъ, украшенъ лентой, потомъ отставленъ и сосланъ; при Александрѣ опять былъ принятъ въ службу, но сначала только числился въ ней и жилъ, гдѣ хотѣлъ. Послѣ покойной жены его, урожденной Талызиной, досталось ему съ дѣтьми богатое наслѣдство въ Пензенской губерніи,—безконечная лѣсная дача, при коей устроилъ онъ обширный винокуренный заводъ; въ это имѣніе, которое тогда было единственнымъ источникомъ его доходовъ, пріѣзжалъ онъ по временамъ хозяйничать.

Отецъ его былъ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ; тамъ нашелъ онъ себѣ жену, въ этой странной кастѣ, въ этой помѣси, составленной изъ людей всѣхъ Европейскихъ націй, не имѣющихъ отечества и употребляемыхъ миссіями всѣхъ державъ; отъ нея произошелъ нашъ Обрѣзковъ и, кажется, наслѣдовалъ всей безнравственности ея родственниковъ. Есть пороки, которые вредятъ успѣхамъ человѣка, имъ подвластнаго, которые даже губятъ его; есть напротивъ другіе, которые способствуютъ его возвышенію, обогащенію. Одни только послѣдніе имѣлъ г. Обрѣзковъ. Отъ Востока, гдѣ онъ родился, принялъ онъ вмѣстѣ съ жизнію неутомимую алчность къ ея наслажденіямъ; а Европа восемнадцатаго вѣка научила его дѣйствовать осторожно, но не отступать ни отъ какихъ средствъ къ достиженію желаемаго. Онъ получилъ прекрасное свѣтское образованіе, имѣлъ много основательности, особенно разсчетливости въ умѣ; но ни единаго похвальнаго, благороднаго чувства, я увѣренъ въ томъ, не ощутилъ онъ ни разу въ душѣ своей. Не знаю, чему болѣе можно было дивиться, безумію ли его спѣси, или безстыдству его подлости? Отъ одного къ другому никто еще, какъ онъ, такъ быстро не умѣлъ переходить: сегодня имѣетъ онъ въ васъ нужду, хотя не очень великую, и готовъ вмѣсто ковра разстилаться подъ ногами вашими; но она удовлетворена, вы ему безполезны, и завтра же станетъ онъ васъ мѣрять глазами и обдастъ презрительнымъ, нестерпимымъ холодомъ. Въ Петербургѣ жилъ онъ въ самомъ аристократическомъ кругу и (еще разъ прошу позволенія заимствовать у Французскаго языка, чего нѣтъ въ нашемъ), владѣя въ совершенствѣ жаргономъ большаго свѣта, постоянно въ немъ удерживался. Тамъ разумѣется былъ онъ умѣреннѣе, тамъ съ каждымъ умѣлъ онъ очень тонко оттѣнять свое обхожденіе; только внѣ его предавался

онъ крайностямъ и готовъ былъ плевать на ту руку, которую вчера лизалъ.

Страсть его (никогда истинная любовь) къ женскому полу и желаніе ему нравиться тогда уже начинали его дѣлать смѣшнымъ. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакоже, онъ еще очень молодилъ себя. Онъ былъ небольшаго роста, тонокъ, строенъ и чрезвычайно ловко танцовалъ; искусственная бѣлизна его лица спорила съ искусственною чернотой его волосъ, и яркій искусственный румянецъ покрывалъ его щеки; но раннее употребленіе косметическихъ средствъ повредило его кожѣ: она уже тогда казалась выкрашенною подошвой. Ничто не могло быть совершеннѣе механизма его наряда и въ изобрѣтеніи его непремѣнно долженъ былъ участвовать какой-нибудь скульпторъ: такъ было все пропорціонально, такъ все хорошо пригнато, гдѣ дополнено, гдѣ убавлено; вездѣ шнурованіе, тамъ винтъ, тамъ пружина; и въ этой бронѣ, въ которой выступалъ онъ противъ спокойствія женскихъ сердецъ, всѣ тѣлодвиженія его были такъ свободны, что никто не могъ бы подозрѣвать тутъ чего-нибудь поддѣльнаго. Чтобъ открыть всѣ таинства сего туалета, нуженъ былъ зоркій, любопытный мой взглядъ; по тѣснотѣ деревенскаго дома его, я спалъ съ нимъ почти въ одной комнатѣ; онъ вставалъ очень рано, а я, притворясь спящимъ, въ открытую дверь, полуоткрытымъ глазомъ могъ прозрѣть весь этотъ снарядъ и даже самую подошву лица его, къ утру уже полинявшую и пожелтѣвшую.

Туже самую осень посѣтилъ онъ насъ въ Пензѣ, остановился у насъ въ домѣ, прожилъ двѣ недѣли и по собственному выбору помѣщался въ занимаемыхъ мною комнатахъ; но дверь уже не отворялась, и я могъ его видѣть только въ полномъ блескѣ и устройствѣ. Онъ вставалъ всегда рано; иногда, когда я лежалъ еще въ постели, заходилъ онъ ко мнѣ и журилъ за лѣность, безъ церемоніи садясь ко мнѣ на кровать. Иногда необыкновенныя его ласки меня смущали, но онъ расточалъ ихъ всему семейству, всему дому и не оставлялъ безъ вниманія даже любимой собачки моей матери.

Полгода спустя, сдѣланъ онъ генералъ-кригскомисаромъ. Въ семъ званіи оставался онъ не болѣе двухъ лѣтъ; хищничество его сдѣлалось такъ очевидно, что, несмотря на сильное покровительство, онъ удаленъ отъ должности и преданъ суду, который однакоже оправдалъ его. Послѣ того пріискалъ онъ другое мѣсто, гдѣ болѣе наживы и менѣе отвѣтственности, мѣсто директора департамента внѣшней торговли, и очень долго занималъ его. Въ званіи сенатора сохранялъ онъ военный чинъ и мундиръ и продолжалъ въ немъ тянуться и пялиться; подъ конецъ съ размалеванной рожей казался онъ даже страшенъ Но

когда производство въ дѣйствительные тайные совѣтники лишило его эполетовъ, то съ отчаянія умылъ онъ лицо, бросилъ шнуровки и парики, обнажилъ сѣдины свои и принялъ человѣческій видъ.

Нѣсколько лѣтъ еще въ знакомствѣ со мною продолжалъ онъ оказывать прежнюю благосклонность; всѣ сношенія мои съ нимъ должны были прекратиться службой отца моего. При первой встрѣчѣ послѣ того, показалъ онъ мнѣ столь удивильное, столь наглое высокомѣріе, что съ тѣхъ поръ довольствовался я мѣняться съ нимъ презрительными взглядами. Гораздо послѣ, когда мнѣ счастіе нѣсколько улыбнулось, встрѣтясь со мною, вздумалъ онъ дружелюбно протянуть мнѣ руку; я обрадовался случаю, вспомня, что у него хирагра, схватилъ ее и такъ сильно сжалъ, что онъ долженъ быть закричать, послѣ чего отошелъ я съ извиненіемъ и поклономъ.

Нѣтъ, гнусенъ былъ человѣкъ, и скверна объ немъ память! Я говорю *былъ*, ибо въ живыхъ его не почитаю, хотя физически онъ не умиралъ. Его гордость, безчувствіе, эгоизмъ, сребролюбіе, развратъ безъ примѣси малѣйшей добродѣтели, нынѣ жестоко наказаны. Тамъ, гдѣ другіе находятъ награду и вѣнецъ долговременно понесенныхъ трудовъ, тамъ, гдѣ другихъ ожидаетъ уваженіе людей въ высокомъ чинѣ и глубокой старости, тамъ подавляется онъ всеобщимъ презрѣніемъ. Тотъ, который всю жизнь прельщеніями и деньгами соблазнялъ невинность и кучу жертвъ принесъ своему сластолюбію, на старости палъ безоруженъ въ сѣти, разставленныя распутницей, которая безъ большаго искусства умѣла превратить ихъ въ брачныя узы. Мгновенно прежній міръ исчезъ передъ нимъ: знакомые, родные, даже дѣти его оставили. Симъ послѣднимъ долженъ былъ онъ отдать родовое имѣніе первой жены, а награбленное скоро похитила у него вторая. Недуги, тѣлесныя страданія посѣтили его, и на одрѣ болѣзни онъ не утѣшенъ даже присутствіемъ той безстыдной женщины, которой онъ всѣмъ пожертвовалъ: она разъѣзжаетъ, тѣшится и рѣдко его навѣщаетъ. Сколько лѣтъ такимъ образомъ онъ уже не живетъ и умереть не можетъ! Если онъ сохранилъ разсудокъ и память, то ничего ужаснѣе сего положенія я не знаю. Симъ примѣромъ не хочетъ ли справедливое Небо устрашить ему подобныхъ? Или въ милосердіи Своемъ еще на этомъ свѣтѣ, для очищенія отъ грѣховъ, не послало ли Оно ему сей несчастный бракъ?—Я не понимаю, какъ столь ничтожное воспоминаніе могло такъ далеко меня увлечь. Вѣдь вышелъ цѣлый эпизодъ, который, можетъ-быть, я весьма не кстати здѣсь вклеилъ.

Прежде нежели оставлю Пензу, долженъ я поговорить о родственникахъ, которыхъ я въ ней имѣлъ и о коихъ я доселѣ умалчивалъ, потому что [illegible] деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Тетка моей

онъ крайностямъ и готовъ былъ плевать на ту руку, которую вче лизалъ.

Страсть его (никогда истинная любовь) къ женскому полу и ж ланіе ему нравиться тогда уже начинали его дѣлать смѣшнымъ. Е было за сорокъ лѣтъ; однакоже, онъ еще очень молодилъ себя. С былъ небольшаго роста, тонокъ, строенъ и чрезвычайно ловко тан валъ; искусственная бѣлизна его лица спорила съ искусственною ч нотой его волосъ, и яркій искусственный румянецъ покрывалъ щеки; но раннее употребленіе косметическихъ средствъ повредило кожѣ: она уже тогда казалась выкрашенною подошвой. Ничто не мо быть совершеннѣе механизма его наряда и въ изобрѣтеніи его неп мѣнно долженъ былъ участвовать какой-нибудь скульпторъ: такъ бы все пропорціонально, такъ все хорошо пригнато, гдѣ дополнено, убавлено; вездѣ шнурованіе, тамъ винтъ, тамъ пружина; и въ э бронѣ, въ которой выступалъ онъ противъ спокойствія женскихъ с децъ, всѣ тѣлодвиженія его были такъ свободны, что никто не могъ подозрѣвать тутъ чего-нибудь поддѣльнаго. Чтобъ открыть всѣ та ства сего туалета, нуженъ былъ зоркій, любопытный мой взглядъ; тѣснотѣ деревенскаго дома его, я спалъ съ нимъ почти въ одной к натѣ; онъ вставалъ очень рано, а я, притворясь спящимъ, въ отк тую дверь, полуоткрытымъ глазомъ могъ прозрѣть весь этотъ снар и даже самую подошву лица его, къ утру уже полинявшую и пож тѣвшую.

Туже самую осень посѣтилъ онъ насъ въ Пензѣ, останови у насъ въ домѣ, прожилъ двѣ недѣли и по собственному выбору мѣщался въ занимаемыхъ мною комнатахъ; но дверь уже не отво лась, и я могъ его видѣть только въ полномъ блескѣ и устройст Онъ вставалъ всегда рано; иногда, когда я лежалъ еще въ посте заходилъ онъ ко мнѣ и журилъ за лѣность, безъ церемоніи садясь мнѣ на кровать. Иногда необыкновенныя его ласки меня смущали, онъ расточалъ ихъ всему семейству, всему дому и не оставлялъ б вниманія даже любимой собачки моей матери.

Полгода спустя, сдѣланъ онъ генералъ-кригскомисаромъ. Въ се званіи оставался онъ не болѣе двухъ лѣтъ; хищничество его сдѣ лось такъ очевидно, что, несмотря на сильное покровительство, удаленъ отъ должности и преданъ суду, который однакоже оправд его. Послѣ того пріискалъ онъ другое мѣсто, гдѣ болѣе наживы менѣе отвѣтственности, мѣсто директора департамента внѣшней т говли, и очень долго занималъ его. Въ званіи сенатора сохранялъ военный чинъ и мундиръ и продолжалъ въ немъ тянуться и пялить подъ конецъ съ размалеванной рожей казался онъ даже страшенъ

когда производство въ дѣйствительные тайные совѣтники лишило его эполетовъ, то съ отчаянія умылъ онъ лицо, бросилъ шнуровки и парики, обнажилъ сѣдины свои и принялъ человѣческій видъ.

Нѣсколько лѣтъ еще въ знакомствѣ со мною продолжалъ онъ оказывать прежнюю благосклонность; всѣ сношенія мои съ нимъ должны были прекратиться службой отца моего. При первой встрѣчѣ послѣ того, показалъ онъ мнѣ столь удивильное, столь наглое высокомѣріе, что съ тѣхъ поръ довольствовался я мѣняться съ нимъ презрительными взглядами. Гораздо послѣ, когда мнѣ счастіе нѣсколько улыбнулось, встрѣтясь со мною, вздумалъ онъ дружелюбно протянуть мнѣ руку; я обрадовался случаю, вспомня, что у него хирагра, схватилъ ее и такъ сильно сжалъ, что онъ долженъ быть закричать, послѣ чего отошелъ я съ извиненіемъ и поклономъ.

Нѣтъ, гнусенъ былъ человѣкъ, и скверна объ немъ память! Я говорю *былъ*, ибо въ живыхъ его не почитаю, хотя физически онъ не умиралъ. Его гордость, безчувствіе, эгоизмъ, сребролюбіе, развратъ безъ примѣси малѣйшей добродѣтели, нынѣ жестоко наказаны. Тамъ, гдѣ другіе находятъ награду и вѣнецъ долговременно понесенныхъ трудовъ, тамъ, гдѣ другихъ ожидаетъ уваженіе людей въ высокомъ чинѣ и глубокой старости, тамъ подавляется онъ всеобщимъ презрѣніемъ. Тотъ, который всю жизнь прельщеніями и деньгами соблазнялъ невинность и кучу жертвъ принесъ своему сластолюбію, на старости палъ безоруженъ въ сѣти, разставленныя распутницей, которая безъ большаго искусства умѣла превратить ихъ въ брачныя узы. Мгновенно прежній міръ исчезъ передъ нимъ: знакомые, родные, даже дѣти его оставили. Симъ послѣднимъ долженъ былъ онъ отдать родовое имѣніе первой жены, а награбленное скоро похитила у него вторая. Недуги, тѣлесныя страданія посѣтили его, и на одрѣ болѣзни онъ не утѣшенъ даже присутствіемъ той безстыдной женщины, которой онъ всѣмъ пожертвовалъ: она разъѣзжаетъ, тѣшится и рѣдко его навѣщаетъ. Сколько лѣтъ такимъ образомъ онъ уже не живетъ и умереть не можетъ! Если онъ сохранилъ разсудокъ и память, то ничего ужаснѣе сего положенія я не знаю. Симъ примѣромъ не хочетъ ли справедливое Небо устрашить ему подобныхъ? Или въ милосердіи Своемъ еще на этомъ свѣтѣ, для очищенія отъ грѣховъ, не послало ли Оно ему сей несчастный бракъ?—Я не понимаю, какъ столь ничтожное воспоминаніе могло такъ далеко меня увлечь. Вѣдь вышелъ цѣлый эпизодъ, который, можетъ-быть, я весьма не кстати здѣсь вклеилъ.

Прежде нежели оставлю Пензу, долженъ я поговорить о родственникахъ, которыхъ я въ ней имѣлъ и о коихъ я доселѣ умалчивалъ, потому что они жили болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Тетка моей

онъ крайностямъ и готовъ былъ плевать на ту руку, которую вчер: лизалъ.

Страсть его (никогда истинная любовь) къ женскому полу и же ланіе ему нравиться тогда уже начинали его дѣлать смѣшнымъ. Ем было за сорокъ лѣтъ; однакоже, онъ еще очень молодилъ себя. Он былъ небольшаго роста, тонокъ, строенъ и чрезвычайно ловко танцс валъ; искусственная бѣлизна его лица спорила съ искусственною чеј нотой его волосъ, и яркій искусственный румянецъ покрывалъ ег щеки; но раннее употребленіе косметическихъ средствъ повредило ег кожѣ: она уже тогда казалась выкрашенною подошвой. Ничто не могл быть совершеннѣе механизма его наряда и въ изобрѣтеніи его непрє мѣнно долженъ былъ участвовать какой-нибудь скульпторъ: такъ был все пропорціонально, такъ все хорошо пригнато, гдѣ дополнено, гд убавлено; вездѣ шнурованіе, тамъ винтъ, тамъ пружина; и въ это бронѣ, въ которой выступалъ онъ противъ спокойствія женскихъ сеј децъ, всѣ тѣлодвиженія его были такъ свободны, что никто не могъ б подозрѣвать тутъ чего-нибудь поддѣльнаго. Чтобъ открыть всѣ таиı ства сего туалета, нуженъ былъ зоркій, любопытный мой взглядъ; п тѣснотѣ деревенскаго дома его, я спалъ съ нимъ почти въ одной ком натѣ; онъ вставалъ очень рано, а я, притворясь спящимъ, въ откры тую дверь, полуоткрытымъ глазомъ могъ прозрѣть весь этотъ снаряд и даже самую подошву лица его, къ утру уже полинявшую и пожел тѣвшую.

Туже самую осень посѣтилъ онъ насъ въ Пензѣ, остановилс у насъ въ домѣ, прожилъ двѣ недѣли и по собственному выбору пс мѣщался въ занимаемыхъ мною комнатахъ; но дверь уже не отворı лась, и я могъ его видѣть только въ полномъ блескѣ и устройствѣ Онъ вставалъ всегда рано; иногда, когда я лежалъ еще въ постел заходилъ онъ ко мнѣ и журилъ за лѣность, безъ церемоніи садясь к мнѣ на кровать. Иногда необыкновенныя его ласки меня смущали, г онъ расточалъ ихъ всему семейству, всему дому и не оставлялъ без вниманія даже любимой собачки моей матери.

Полгода спустя, сдѣланъ онъ генералъ-кригскомисаромъ. Въ сем званіи оставался онъ не болѣе двухъ лѣтъ; хищничество его сдѣла лось такъ очевидно, что, несмотря на сильное покровительство, он удаленъ отъ должности и преданъ суду, который однакоже оправдал его. Послѣ того пріискалъ онъ другое мѣсто, гдѣ болѣе наживы менѣе отвѣтственности, мѣсто директора департамента внѣшней то говли, и очень долго занималъ его. Въ званіи сенатора сохранялъ он военный чинъ и мундиръ и продолжалъ въ немъ тянуться и пялитьс подъ конецъ съ размалеванной рожей казался онъ даже страшенъ В

когда производство въ дѣйствительные тайные совѣтники лишило его эполетовъ, то съ отчаянія умылъ онъ лицо, бросилъ шнуровки и парики, обнажилъ сѣдины свои и принялъ человѣческій видъ.

Нѣсколько лѣтъ еще въ знакомствѣ со мною продолжалъ онъ оказывать прежнюю благосклонность; всѣ сношенія мои съ нимъ должны были прекратиться службой отца моего. При первой встрѣчѣ послѣ того, показалъ онъ мнѣ столь удивильное, столь наглое высокомѣріе, что съ тѣхъ поръ довольствовался я мѣняться съ нимъ презрительными взглядами. Гораздо послѣ, когда мнѣ счастіе нѣсколько улыбнулось, встрѣтясь со мною, вздумалъ онъ дружелюбно протянуть мнѣ руку; я обрадовался случаю, вспомня, что у него хирагра, схватилъ ее и такъ сильно сжалъ, что онъ долженъ быть закричать, послѣ чего отошелъ я съ извиненіемъ и поклономъ.

Нѣтъ, гнусенъ былъ человѣкъ, и скверна объ немъ память! Я говорю *былъ*, ибо въ живыхъ его не почитаю, хотя физически онъ не умиралъ. Его гордость, безчувствіе, эгоизмъ, сребролюбіе, развратъ безъ примѣси малѣйшей добродѣтели, нынѣ жестоко наказаны. Тамъ, гдѣ другіе находятъ награду и вѣнецъ долговременно понесенныхъ трудовъ, тамъ, гдѣ другихъ ожидаетъ уваженіе людей въ высокомъ чинѣ и глубокой старости, тамъ подавляется онъ всеобщимъ презрѣніемъ. Тотъ, который всю жизнь прельщеніями и деньгами соблазнялъ невинность и кучу жертвъ принесъ своему сластолюбію, на старости палъ безоруженъ въ сѣти, разставленныя распутницей, которая безъ большаго искусства умѣла превратить ихъ въ брачныя узы. Мгновенно прежній міръ исчезъ передъ нимъ: знакомые, родные, даже дѣти его оставили. Симъ послѣднимъ долженъ былъ онъ отдать родовое имѣніе первой жены, а награбленное скоро похитила у него вторая. Недуги, тѣлесныя страданія посѣтили его, и на одрѣ болѣзни онъ не утѣшенъ даже присутствіемъ той безстыдной женщины, которой онъ всѣмъ пожертвовалъ: она разъѣзжаетъ, тѣшится и рѣдко его навѣщаетъ. Сколько лѣтъ такимъ образомъ онъ уже не живетъ и умереть не можетъ! Если онъ сохранилъ разсудокъ и память, то ничего ужаснѣе сего положенія я не знаю. Симъ примѣромъ не хочетъ ли справедливое Небо устрашить ему подобныхъ? Или въ милосердіи Своемъ еще на этомъ свѣтѣ, для очищенія отъ грѣховъ, не послало ли Оно ему сей несчастный бракъ?—Я не понимаю, какъ столь ничтожное воспоминаніе могло такъ далеко меня увлечь. Вѣдь вышелъ цѣлый эпизодъ, который, можетъ-быть, я весьма не кстати здѣсь вклеилъ.

Прежде нежели оставлю Пензу, долженъ я поговорить о родственникахъ, которыхъ я въ ней имѣлъ и о коихъ я доселѣ умалчивалъ, потому что они жили болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Тетка моя

матери была второю женою Михаила Ильича Мартынова, у котораго ихъ было три; слѣдственно только дѣти втораго брака его были довольно въ близкомъ съ нами родствѣ. Изъ нихъ находилось тогда въ Пензѣ двое: Ѳедоръ Михайловичъ Мартыновъ и Наталья Михайловна Загоскина. Первый былъ не послѣдній въ Пензѣ чудакъ. О немъ нельзя говорить, не объяснивъ напередъ, что̀ такое была супруга его, послѣдняя, какъ говорили, изъ своего роду и, кажется, послѣдняя въ родѣ тѣхъ женщинъ прежняго вѣка, коихъ Фонъ-Визинъ и Капнистъ такъ вѣрно изобразили, а Рахманова такъ удачно представляла на сценѣ. Она предпочитала деревенское житье городскому и постоянно имѣла пребываніе, въ сорока верстахъ отъ Пензы, въ селеніи своемъ Кучкахъ. Тамъ, среди сельской тишины, почти ежедневно свирѣпствовали бури ея гнѣва; тамъ все трепетало передъ ней, тамъ била она дѣвокъ, сѣкла мужиковъ и терзала словами двухъ взрослыхъ падчерицъ. Но коль скоро завидитъ издали приближающуюся коляску или телѣжку на ресорахъ, спѣшитъ укротить свое бѣшенство и всякаго пріѣзжаго, внутренно посылая къ чорту, встрѣчаетъ съ отверстыми объятіями и словами: «Ахъ, батюшка, отецъ ты мой родной! Да какъ тебя Богъ занесъ, да какъ разодолжилъ, что пожаловалъ.» Потомъ, угощая дорогаго гостя, выжимала она улыбку на уста и нѣжнымъ голосомъ говорила слугамъ: «Другъ мой, голубчикъ Андрюша, подай это, прими то-то», а Ѳедя и Андрюша дрожали какъ листъ, ибо при улыбкѣ взоры ея сверкали еще яростію.

Мужъ ея былъ совсѣмъ тому противное, ни къ кому не ласковъ, ко всѣмъ доброжелателенъ. Въ обществѣ иногда бывалъ онъ довольно непріятенъ, всѣхъ прерывалъ, говорилъ громко, хохоталъ во все горло. Самый добрый и честный крикунъ, часто враль, а иногда и лгунъ по легковѣрію, потому что готовъ былъ повторять всякій слышанный имъ вздоръ, всякую умышленно сказанную нелѣпость, нужно ли къ этому прибавить, что въ Пензѣ былъ онъ первымъ вѣстовщикомъ? Съ такими склонностями и съ такою женою ему не очень весело было оставаться въ деревнѣ, и отъ того бо̀льшую часть времени проводилъ онъ въ городѣ, гдѣ имѣлъ скромную квартиру: зачѣмъ ему бо̀льшая, когда съ утра до ночи разъѣзжалъ онъ по гостямъ, собиралъ и развозилъ новости? Впрочемъ, съ сожительницею своею былъ онъ всегда въ совершенномъ согласіи, потому что злодѣйка любила его безъ памяти, берегла и тѣшила, потому что онъ былъ простосердеченъ, а она хитра, потому что онъ не имѣлъ большаго достатка, а она весьма хорошее состояніе и, наконецъ, потому что она одна занималась хозяйствомъ, предоставляя ему въ полное распоряженіе в[illegible]
которое, какъ мы видѣли, онъ съ такою пользою уп[illegible]

Глядя на сіе супружество, казалось, что видишь союзъ пѣтуха съ кошкою.

Потомство этого Михаила Ильича Мартынова, отъ всѣхъ трехъ браковъ, при многихъ похвальныхъ качествахъ, отличалось однимъ общимъ порокомъ—удивительнымъ чванствомъ, которое проявлялось въ разныхъ видахъ, смотря по характеру, положенію или образу воспитанія каждаго изъ происходящихъ отъ него лицъ. Такъ напримѣръ, Ѳеодоръ Михайловичъ чванился тѣмъ, что остался старшимъ въ родѣ Мартыновыхъ и, на подобіе сеніоровъ въ Нѣмецкихъ княжескихъ домахъ (о существованіи коихъ впрочемъ онъ не вѣдалъ), хотѣлъ быть главою многочисленнаго потомства отца своего, требуя отъ членовъ сего семейства знаковъ не только покорности, но и подобострастія, и тѣмъ не только не раздражалъ, даже потѣшалъ ихъ тщеславіе. Другое было въ немъ еще забавнѣе: это притязаніе на ученость, хотя въ Пензѣ, и въ то время, немногіе превосходили его въ невѣжествѣ. Въ доказательство просвѣщеннаго вкуса и любви къ наукамъ, завелъ онъ у себя въ деревнѣ кабинетъ рѣдкостей. Чтò это такое было, трудно себѣ представить! Сову ли кто убьетъ, ужа ли поймаетъ, скорѣе несетъ къ доброму барину; изъ одной велитъ онъ набить чучелу, кожу съ другаго натянетъ на палку. Пріятели, родные, старались посѣщать его не всегда съ пустыми руками, но не разорялись на покупку игрушекъ, коими дарили стараго ребенка: кто доставитъ ему заржавленный кусокъ желѣза, увѣряя, что это отломокъ сѣкиры или бердыша, найденный на древнемъ полѣ битвы; иной привезетъ ему свиной клыкъ, выдавая его за зубъ какого-нибудь рѣдкаго Американскаго дикаго звѣря; изъ Петербурга насылались ему купленные на толкучемъ рынкѣ подъ именемъ картинъ намалеванныя корки. Немногіе совѣстились и надѣляли его довольно порядочными вещицами. Для сего драгоцѣннаго собранія не было, однакоже, особеннаго помѣщенія; все это громоздилось въ трехъ низенькихъ пріемныхъ его комнатахъ, столовой и двухъ гостиныхъ; поворотиться бывало трудно, и особенно непріятно обѣдать посреди чучелъ. Странно въ немъ и то, что онъ увѣренъ былъ и другихъ увѣрялъ, будто читалъ всѣхъ иностранныхъ писателей, котораго бы при немъ ни назвали, только не помнитъ содержанія ихъ твореній; когда же начнутъ ему доказывать, что они никогда не были переведены на Русскій языкъ, а другаго кромѣ его онъ не знаетъ, то другихъ возраженій, кромѣ грубостей, онъ не находитъ.

Сестра, гораздо моложе его, не совсѣмъ была чуждою Марты[illegible]ой спѣси; но сія спѣсь едва была замѣтна среди любезности ея, [illegible]вости ко всѣмъ.

Въ Пензѣ не находилось хозяйки дома болѣе пріятной Натальи Михайловны Загоскиной. Замѣчено, что тяжкія испытанія разнымъ образомъ дѣйствуютъ на людей: они болѣе раздражаютъ злыхъ, а добрыхъ научаютъ терпѣнію и снисходительности. Такъ было съ Натальей Михайловной. Почти въ ребячествѣ выдали ее за человѣка, хотя молодаго, но весьма страннаго. Съ самыми кипящими страстями, Николай Михайловичъ Загоскинъ любилъ добродѣтель и исполненъ былъ религіозныхъ чувствъ; безъ родителей, безъ совѣтовъ, совершенно свободный, хотѣлъ онъ отъ силы страстей оградиться неодолимымъ оплотомъ и затворился въ стѣнахъ монастыря. Тамъ болѣе года постился онъ, молился и готовъ былъ принять постриженіе, а плоть все одолѣвала духъ. Добросовѣстные монахи убѣдили его предпочесть супружество, какъ состояніе истинно-христіанское, если не столь святое, какъ монашество. Какъ онъ былъ весьма не бѣденъ, не старъ и не дуренъ собою, то легко было найти ему невѣсту, и въ награду за его добросердечіе Небо послало ему дѣвочку кроткую, умную и веселую. Съ нею обрѣлъ онъ счастіе, а она только благоразуміемъ и осторожностію могла наконецъ до него достигнуть; непримѣтно исправляя ихъ, должна была она переносить кучу странностей, которыя были слѣдствіемъ борьбы человѣческихъ слабостей съ упорною волею побѣдить ихъ. Проведя нѣсколько лѣтъ съ нимъ въ добровольномъ заточеніи, она умѣла извлечь его изъ него вмѣстѣ съ народившимся семействомъ.

Сіе семейство уже тогда было многочисленно. Нынѣ столь извѣстный Загоскинъ былъ первымъ плодомъ сего брака, и странности, которыя первые примѣры и первое воспитаніе въ немъ оставили, ни временемъ, ни треніемъ объ людей высшихъ сословій не могли быть изглажены. Ему было тогда лѣтъ четырнадцать, и уже по тогдашнему обычаю его готовили на службу, хотя ученіе его не только не было кончено, мнѣ кажется даже не было начато. Имя Миши, коимъ звали его, было ему весьма прилично; дюжій и неуклюжій какъ медвѣженокъ, имѣлъ онъ довольно суровое, но свѣжее и красивое личико. Мнѣ онъ не нравился по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ многіе и теперь имѣютъ несправедливость не любить его: прежде не зналъ онъ существованія приличій свѣта, а послѣ мало объ нихъ заботился. Многіе и тогда обижались слишкомъ фамильярнымъ его обхожденіемъ. Какъ истинно-Русскій весельчакъ, любилъ онъ всегда безъ желчи, безъ злости, безъ малѣйшаго дурнаго умысла, подшучивать въ глаза надъ слабостями людей и такимъ образомъ, задѣвая самыя чувствительныя струны ихъ самолюбія, часто творилъ изъ нихъ непримиримыхъ себѣ враговъ; потомъ онъ же удивлялся и готовъ былъ сказать: да, и

жется, за что̀ бы? Не только тогда, но и гораздо послѣ не могъ я подозрѣвать удивительнаго, оригинальнаго таланта, который такъ внезапно и ярко въ немъ развился; при всегдашней его разсѣянности, которая давала ему видъ легкомыслія, могъ ли я предполагать въ немъ тѣ постоянныя, глубокія наблюденія, кои снабдили сочиненія его столь живыми, вѣрно изображенными картинами? Кто бы какъ ни любилъ перо его, но кто узнаетъ сердце, которое имъ водило, тотъ полюбитъ человѣка, я увѣренъ въ томъ, еще болѣе, чѣмъ автора. Я скажу объ немъ, какъ Іисусъ объ Магдалинѣ: многое должно ему простить, ибо много любилъ онъ добро, исполненіе своихъ обязанностей, много любилъ Бога, отечество свое и весь родъ человѣческій. Его отпускали въ Петербургъ со мною, поручая его братскимъ моимъ объ немъ попеченіямъ. Ну, умѣли же найти ему наставника!

Во время нашихъ сборовъ, явился въ Пензѣ умный, богатый и бородатый Василій Алексѣевичъ Злобинъ, на обратномъ пути въ Петербургъ изъ Вольска и Саратова. Мнѣ теперь совѣстно вспомнить, какъ тогда за нимъ ухаживали: лучшаго пріема нельзя было бы сдѣлать вельможѣ; всѣ чиновники ходили къ нему являться, и у губернатора обѣдалъ онъ всякій день, занимая, какъ пріѣзжій гость, первое мѣсто. Послѣ того, кажется, трудно новыя поколѣнія слишкомъ упрекать въ поклоненіи злату. Однакожъ не мнѣ осуждать почести, оказанныя Злобину: онъ въ это время самымъ любезнымъ образомъ вызвался сдѣлать мнѣ великое одолженіе. Привыкнувъ къ нѣгѣ, онъ ѣхалъ одинъ въ просторной четвероместной каретѣ; я захворалъ, и онъ предложилъ мнѣ половину оной, съ обѣщаніемъ дорогой оберегать меня. Наши двѣ зимнія кибитки, моя и Загоскина, примкнули къ его поѣзду, и мы 4 Ноября отправились въ путь.

Старики прежде неохотно входили въ сужденія съ молодежью, и я Злобина зналъ только поверхностно; но тутъ, запершись въ каретѣ, въ безпрестанныхъ съ нимъ разговорахъ, увидѣлъ я, сколько, безъ всякаго ученія, въ простомъ Русскомъ человѣкѣ можетъ быть природнаго ума: въ каждомъ словѣ сколько толку, какой великій смыслъ! Иногда онъ меня имъ ужасалъ. Порабощеніе у насъ никогда до того не простиралось, чтобы, какъ у невольниковъ древняго міра и Новаго Свѣта, оно у крѣпостныхъ нашихъ отнимало даже время на размышленіе, а опасеніе проговориться заставляло ихъ быть осторожными въ рѣчахъ и краткими въ выраженіяхъ. Изъ того произошли милліоны поговорокъ и пословицъ, составляющихъ народную мудрость, которая изъ рода въ родъ переходя, какъ умственное наслѣдство, все болѣе обогащается новыми мыслями. Въ этомъ, мнѣ кажется, ни одинъ народъ не сравнится съ нашимъ.

Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ выпалъ снѣгъ, стали морозы и сдѣлалось первопутье; оттого мы не ѣхали, а летѣли, и хотя по откупнымъ дѣламъ Злобинъ долженъ былъ останавливаться въ Саранскѣ и Арзамасѣ и промѣшкалъ въ обоихъ болѣе полутора сутокъ, все-таки пріѣхали мы въ Москву 8 числа, въ самый Михайловъ день. Тутъ мы разстались: онъ на другой день поѣхалъ далѣе, а я остался погостить у сестры.

Чтô сказать мнѣ о тогдашней Москвѣ? Трудно изобразить вихорь. Съ самаго вступленія на престолъ императора Александра, каждая зима походила въ ней на шумную недѣлю масленицы. Я помню, какъ малолѣтнимъ случилось мнѣ быть въ комнатѣ, гдѣ изъ большихъ бутылей переливали наливки въ жестяной чанъ, а изъ него разливали по бутылкамъ, и какъ, не проглотивъ ни капли, я опьянѣлъ отъ одного пріятнаго ягодно-спиртоваго запаху. Тоже было со мною и въ Москвѣ: не имѣя ни много знакомыхъ, ни намѣренія долго въ ней оставаться, я подобно другимъ не веселился, а отъ однихъ разказовъ объ обѣдахъ и приготовленій на балы кружилась у меня голова. Въ ночи съ 28 на 29 Ноября поскакалъ я въ Петербургъ.

Дорôгой случилось со мной нѣчто довольно забавное. Въ Твери остановился я въ извѣстномъ трактирѣ Итальянца Гальяни (который давно уже померъ, но котораго имя до сихъ поръ сохранила заведенная имъ гостиница). Я прôголодался, промерзъ и спросилъ поѣсть; тутъ были офицеры какого-то кавалерійскаго полку, которые кого-то угощали, кого-то провожали и меня очень ласково пригласили съ собой обѣдать. Я даромъ наѣлся и, уступая потчиванію, еще болѣе напился, потомъ поблагодарилъ ихъ и пошелъ ложиться въ кибитку. Я проснулся передъ разсвѣтомъ и когда спросилъ, скоро ли пріѣдемъ на станцію, мнѣ сказали, что мы проѣхали Валдай и что я проспалъ болѣе двухъ сотъ верстъ. Чѣмъ свѣтъ, 1-го Декабря, прибылъ я въ неизбѣжный мнѣ Петербургъ, пробывъ не съ большимъ двое сутокъ въ дорогѣ. Я не знаю, какъ это случилось: я не ѣхалъ на курьерскихъ, не имѣлъ права торопить, слуга мой ничего лишняго не платилъ; но видно, счастіе приходило ко мнѣ во снѣ и приводило съ собой лихія тройки и лихихъ ямщиковъ.

VII.

Вотъ уже третій разъ, чтô я пріѣзжаю въ Петербургъ, подумалъ я; неужели и нынѣ не болѣе посчастливится мнѣ въ немъ, какъ было доселѣ? Теперь я пріѣхалъ одинъ, никтô не привозилъ меня, и даже я самъ привезъ младаго птенца, совсѣмъ не питомца Музъ, но который впослѣдствіи долженъ былъ содѣлаться однимъ изъ ихъ отличнѣйшихъ служителей. Теперь надлежало мнѣ самому промышлять о себѣ,

Какъ неимущіе провинціалы, начали мы съ Ямской и оттуда, сдѣлавъ нѣсколько поисковъ во внутренность города и открывъ довольно удобную квартирку неподалеку отъ Невскаго Проспекта, черезъ три дня съ Загоскинымъ въ нее переѣхали.

Едва счелъ я нужнымъ явиться къ Сперанскому и, не объявляя ему о моемъ намѣреніи, мимо его прямо графу Кочубею подалъ прошеніе, въ коемъ объяснилъ всю странность положенія моего. Опредѣленіе меня въ министерство не заставило себя долго дожидаться; черезъ два дня подписана бумага, но не совсѣмъ согласно съ моимъ желаніемъ и требованіемъ: ибо найдено невозможнымъ зачислить мнѣ въ службу все то время, въ которое ничего офиціальнаго обо мнѣ не было. Я и тѣмъ остался доволенъ; попавъ разъ на мѣсто, могъ я изъ него пріискивать другую, болѣе пріятную или выгодную службу. Пока я фиктивно служилъ, то ходилъ еще иногда въ экспедицію, а со дня опредѣленія въ нее, началъ забывать, какъ отворяются ея двери.

Веселость, царствующую въ Москвѣ, можно было также найти тогда и въ Петербургѣ, и въ той же степени, но въ умѣреннѣйшемъ, болѣе пристойномъ видѣ. Сколько припомню, я не видалъ тогда мрачныхъ лицъ, не слыхалъ недовольныхъ рѣчей. На награды были очень скупы; попасть въ службу ко двору, кромѣ тѣхъ, коимъ знатный родъ, вмѣстѣ съ богатствомъ, давалъ на то право, никто не смѣлъ и помышлять; доступъ въ большой свѣтъ былъ очень труденъ; ничто не возбуждало ни чрезмѣрнаго честолюбія, ни тщеславія, слѣдственно и зависти, и всякій жилъ про себя, отъ всего сердца веселясь въ своемъ кругу и не думая о лучшемъ. Дворъ отличался болѣе величіемъ, чѣмъ изысканностію и разорительною прихотливостію роскоши; въ частныхъ домахъ вмѣсто нея было изобиліе и съ златою умѣренностію всѣ души были въ покоѣ.

Меня одного, можетъ быть, терзало тогда желаніе чего-то лучшаго, чего-то высшаго. Прежняя скудость и разсчетливость Петербургской моей жизни мнѣ вдругъ наскучила; я сталъ гораздо лучше одѣваться, чаще нанимать лошадей, искать знакомствъ, ѣздить по вечерамъ и баламъ. Все это было гораздо забавнѣе, но кошелекъ мой примѣтно сталъ тощать, и я начиналъ (чего дотолѣ никогда не было) думать о томъ, гдѣ бы, въ случаѣ нужды, занять мнѣ денегъ? Изъ сихъ затрудненій былъ я выведенъ однимъ представившимся къ тому весьма удобнымъ случаемъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1805 года всѣ начали толковать о посольствѣ, отправляемомъ въ Китай. Въ аристократическомъ мірѣ только о томъ и было разговоровъ; потому что знатный баринъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ церемоніймейстеръ, графъ Юрій Алек-

сандровичъ Головкинъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. Столь многочисленнаго посольства никогда еще никуда отправляемо не было: оно должно было составиться изъ военныхъ, ученыхъ, духовныхъ лицъ и гражданскихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Чего же лучше? сказалъ я себѣ и, много не подумавъ, началъ проситься о причисленіи меня къ свитѣ сего посольства.

Пользуясь ласковымъ приглашеніемъ Александра Львовича Нарышкина, сдѣланнымъ въ Саранскѣ и ободренный ласковымъ его пріемомъ въ Петербургѣ, раза два или три въ зиму былъ я у него на балахъ, удостоился даже нѣсколькихъ словъ отъ его Марьи Алексѣевны, и на вечерахъ сихъ почти успѣлъ побѣдить гордую свою застѣнчивость. Графъ Головкинъ былъ женатъ на родной сестрѣ его, Катеринѣ Львовнѣ, и почти всякій день бывалъ у него. Какого мнѣ пути еще искать было? Но я вспомнилъ, что, передъ этимъ лѣтъ за пять, тотъ же самый Нарышкинъ все обѣщалъ опредѣлить меня пажемъ и ничего не сдѣлалъ. Какъ быть? Другаго средства не было, и я приступилъ къ нему съ своею просьбой. На этотъ разъ стоило мнѣ только намекнуть добрѣйшему Александру Львовичу о моемъ желаніи, и на другой же день письмо графа Головкина къ графу Кочубею испрашивало его согласія на временное увольненіе меня изъ его вѣдомства. Я даже не успѣлъ еще быть представленъ послу, и мнѣ пришлось являться къ нему и благодарить его въ одно время.

Не польза наукъ, коихъ не было во мнѣ положено и первоначальнаго основанія, заставляла меня предпринять столь отдаленное путешествіе, ни даже любопытство увидѣть землю, никѣмъ изъ Русскихъ моихъ современниковъ тогда не посѣщенную: поѣздка въ Германію мнѣ показалась бы гораздо привлекательнѣе. Я уже признался въ томъ, какія причины побуждали меня рѣшиться на двухгодовое странствованіе: я былъ угрожаемъ совершеннымъ безденежьемъ. Подъ именемъ дворянина посольства, опредѣленъ я былъ въ число его канцелярскихъ служителей; каждому изъ нихъ назначено по шести сотъ рублей серебромъ годоваго жалованья и, сверхъ прогоновъ, по тысячѣ рублей на подъемъ. Въ мои разсчеты входила также и родительская помощь; ибо я увѣренъ былъ, что отецъ, одобривъ мое намѣреніе, въ семъ случаѣ не пожалѣетъ для меня денегъ, въ чемъ и не ошибся.

Съ какою цѣлію было отправляемо столь великолѣпное посольство? Вотъ о чемъ не догадался я даже спросить. Я былъ матросъ, который, сѣвъ на корабль, не подумаетъ узнать, зачѣмъ онъ плыветъ въ Ость-Индію, Бразилію или Канаду. При сей мысли мнѣ право стыдно иногда бываетъ самого себя; но какъ я вспомню бо̀льшую часть моихъ товарищей, которые, какъ мнѣ кажется, также въ этомъ

предпріятіи видѣли одну продолжительную, веселую прогулку, то и нахожу себя извинительнымъ.

Признаюсь, я и до сихъ поръ полагаю, что само правительство въ этотъ дѣлѣ не имѣло никакого твердаго намѣренія и въ Китай посылало Головкина, такъ, на всякій случай, на удачу, на авось. Все было такъ молодо, такъ зелено, все дѣлалось такъ необдуманно; но всѣ побужденія были великія, прекрасныя. Молодость царя имѣла нужду въ дѣятельности, а продолжающійся миръ съ Европейскими державами давалъ ей мало пищи; тогда въ благородныхъ порывахъ своихъ обратился онъ къ Востоку и къ другимъ частямъ свѣта, дабы и первые мирные годы царствованія своего ознаменовать какими нибудь полезными, памятными событіями. Вотъ почему Русскіе корабли подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго сдѣлали первое путешествіе вокругъ свѣта; съ ними Рѣзановъ отправленъ былъ посланникомъ въ Японію; ему же поручено было въ Америкѣ стараться о распространеніи нашей торговли и нашихъ владѣній; на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей строились новые города, открывались новые порты; за Кавказомъ Циціановъ велъ счастливую, славную войну съ Персіянами; надобно было, наконецъ, подумать и о Китайцахъ, отдаленнѣйшихъ нашихъ сосѣдяхъ. Тутъ явились Іезуиты, съ предложеніемъ усердныхъ услугъ, Іезуиты, которые при Екатеринѣ и до нея, при Польскомъ правительствѣ, имѣли столицу свою въ Полоцкѣ, а со временъ Павла поселились и въ Петербургѣ. Ихъ предложенія были чистосердечны: не зная никакой національности, сія папская милиція готова всегда удружить правительству, коего покровительствомъ она пользуется или отъ коего имѣетъ право его ожидать. Патеръ Груберъ, генералъ Ордена, чрезъ миссіонеровъ своихъ, имѣвшихъ тогда большое вліяніе въ Пекинѣ, приготовилъ Китайское правительство къ благосклонному намъ пріему. Князь Чарторыйскій управлялъ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ и, способствуя нашимъ затѣямъ, съ столь великими издержками сопряженнымъ, можетъ быть внутренно смѣялся надъ ними. Нѣтъ, въ Россіи не должно было ожидать благословеннаго окончанія дѣлу, начатому подъ руководствомъ Поляка и Римско-католическихъ монаховъ.

При Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ, когда Нѣмцы такъ заботились о пользѣ и чести Русскихъ, Савва Владиславичъ Рагузинскій, посланникъ ихъ, безъ всякой причины, вѣроятно изъ одной учтивости, отступился отъ владѣній нашихъ по самую рѣку Амуръ, на берегу которой наши крѣпостцы составляли уже цѣлую линію и былъ выстроенъ городъ Албазинъ. Сія земля, Даурія, имѣющая до полуторы тысячи верстъ протяженія и изобилующая всѣми дарами природы, до сихъ

ливость, которую въ роскошной, мотоватой нашей Россіи позволяли себѣ называть скупостію.

Съ поверхностными познаніями, кои онъ имѣлъ, могъ онъ въ обществѣ, гдѣ никогда не углубляются въ обсуживаемые предметы и скользятъ по нимъ, казаться свѣдущимъ во всѣхъ наукахъ. Только въ дѣлахъ это было все ничтожество Русскихъ знатныхъ господъ новѣйшихъ временъ. За то, что за выходъ, что за важность, что за представительность!

И это все было бы очень хорошо, еслибъ по крайней мѣрѣ дали ему сколько нибудь дѣльнаго и просвѣщеннаго секретаря посольства; но и тутъ умѣли сдѣлать выборъ еще хуже самого Головкина. Одинъ нахалъ, по имени Левъ Сергѣевичъ Байковъ, служившій въ конной гвардіи, подбился къ графу Маркову и въ 1801 году въ званіи канцелярскаго служителя поѣхалъ съ нимъ въ Парижъ; послѣ разрыва съ Бонапарте, онъ послѣдній изъ нашихъ оттуда выѣхалъ. Въ трехгодичное свое тамъ пребываніе, онъ исполнился не революціоннаго духа, который при первомъ консулѣ началъ исчезать, но нестерпимаго, неблагопристойнаго тона новой Франціи. Магницкій, его товарищъ, въ сравненіи съ нимъ казался скромнымъ; однимъ словомъ, съ ногъ до головы, въ немъ было что-то такое непотребное, что порядочной женщинѣ, кажется, не краснѣя нельзя было съ нимъ говорить. Въ буйной молодости цесаревичъ Константинъ Павловичъ охотно окружалъ себя подобными людьми; ихъ наглые пороки казались ему молодечествомъ, и Байковъ былъ въ числѣ его любимцевъ. Эта связь, смѣлость его и разсказы о Парижѣ дали ему большой ходъ въ обществѣ. Его пожаловали камеръ-юнкеромъ, хотя ему было гораздо за тридцать лѣтъ; но это для того, чтобы доставить ему пятый классъ и право на мѣсто перваго секретаря посольства въ Китай. Къ занятію сего мѣста считали его болѣе кого-либо способнымъ: онъ умѣлъ къ кому захочетъ подольститься, ничего не стыдился, не зналъ совѣсти, лгалъ безъ милосердія. Какъ же ему было не провести или, по-просту сказать, не надуть Китайцевъ?

Второй секретарь былъ уже настоящій, природный Французъ графъ Ламбертъ *), который однакоже гораздо менѣе имъ казался, чѣмъ оба предыдущія лица. Какъ иностранецъ въ Русской службѣ, старался онъ съ ними ладить, хотя впрочемъ нельзя было его упрекнуть въ гибкости характера; онъ былъ довольно вѣжливъ, но холоденъ,

*) Его братъ былъ однимъ изъ извѣстныхъ, храбрѣйшихъ генераловъ нашей арміи. Солдаты его очень любили, находя въ немъ совершенно Русскаго человѣка. Они были эмигранты.

осторожен, скуп на слова и до того спѣсив, что никому почти не кланялся, а только легким, едва замѣтным наклоненіем головы давал знать, что отвѣчает на поклон. Перед этим, кажется, был он употреблен при миссіях наших в Копенгагенѣ и Мадритѣ; но дипломатических способностей, видно, в нем или не было, или их не умѣли оцѣнить: ибо, не смотря на предпочтеніе, даваемое у нас иностранцам для занятія посланническаго мѣста, он впослѣдствіи никогда его получить не мог.

Третій секретарь посольства назывался Андрей Михайлович Доброславскій, который ни доброй, ни худой славы никогда заслужить не мог. Он был в числѣ тѣх людей смирных, трудолюбивых, покорных, бездарных, можно сказать удобных, коих начальство так любит и мало уважает, которые в тихомолку продолжают службу и непримѣтно ее оставляют. Этот был уже совсѣм не Француз, ибо ничего не знал кромѣ Русскаго языка, и хотя на нем говорил чисто, а все-таки с примѣсью Украинскаго нарѣчія. Находясь в Коммерц-Коллегіи, из которой он никогда не выходил, знал он хорошо только одну таможенную часть; там сдѣлался он извѣстен президенту коллегіи графу Головкину, который (я было и позабыл сказать), по званію сенатора, получил порученіе обозрѣть и ревизовать всѣ губерніи, чрез кои он должен был проскакать. И на сей предмет взял он с собою сего великаго искусника.

Вот все почти, что составляло дипломатическую или дѣловую, письменную часть посольства; за тѣм слѣдовала ученая часть, и наконец мы, которые молодостію, развязностію, красивым нарядом, даже самым числом, должны были служить к возвышенію блеска посольства и важности посла.

И в этом отношеніи, без хвастовства скажу, все было очень удовлетворительно. Из аристократических гостиных молодые люди так и ринулись в невиданное, неслыханное посольство. Семи мѣст кавалеров и стольких же дворян посольства не было достаточно, чтоб опредѣлить всѣх просившихся, и это особенно шевелило мое самолюбіе: с кѣм ни встрѣтишься из знакомой молодежи, всякій спрашивает с недовольным видом (по крайней мѣрѣ мнѣ так казалось), какія у нас дѣлаются приготовленія, скоро ли поѣдем; а как ни браним мы зависть, как ни презираем ею, а все болѣе из того хлопочем, чтобы произвесть ее. Во время странствованія успѣем мы познакомиться с моими спутниками, но считаю не лишним на первый случай здѣсь их представить.

Между кавалерами, первыми стояли по списку два дѣйствительныхъ камергера, Васильчиковъ и князь Голицынъ. Алексѣй Васильевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ братьевъ Васильчиковыхъ, изъ коихъ Иларіонъ Васильевичъ болѣе всѣхъ возвысился въ почестяхъ и сдѣлался извѣстнѣе. Ихъ рыцарями назвать было не можно; имя благородныхъ витязей имъ было приличнѣе, ибо всѣ они были Русскіе дворяне въ душѣ, и давно уже Псковская губернія гордится ихъ родомъ. Нашъ Васильчиковъ былъ не слишкомъ высокаго ума, за то высокъ былъ онъ сердцемъ, и еслибъ одного усердія, прилежанія было достаточно, чтобъ сдѣлаться искуснымъ въ дѣлахъ гражданской службы, то могъ бы онъ быть со временемъ лучшимъ изъ нашихъ государственныхъ людей.– Ни объ одномъ Голицынѣ скоро нельзя будетъ говорить безъ его родословной въ рукѣ: до того они размножились. Голицына, который находился при посольствѣ, звали Димитрій Николаевичъ; онъ былъ сынъ одного богатаго князя Николая Алексѣевича и княгини Марьи Адамовны, урожденной Олсуфьевой, и съ братомъ своимъ оставались они единственными потомками знаменитаго Димитрія Михайловича, пережившаго двухъ меньшихъ братьевъ, фельдмаршаловъ, Михайловъ Михайловичей, и, по милости Бирона, кончившаго дни въ ссылкѣ. Объяснивъ такимъ образомъ родословную этого Голицына, кажется болѣе объ немъ сказать нечего, развѣ только то, что онъ былъ добрый малый, безъ претензій, чрезвычайно угреватъ и не виденъ собою. Онъ умеръ смертію героевъ на войнѣ съ Французами.

За тѣмъ слѣдуютъ четыре камеръ-юнкера: Нарышкинъ, Бенкендорфъ, Гурьевъ и Нелидовъ. Я уже сказалъ, что съ Кириломъ Александровичемъ познакомился я въ Саранскѣ; послѣ того въ Петербургѣ, въ домѣ отца его, знакомство сіе сдѣлалось короче; во время же путешествія нашего, его пріязнь, его постоянно хорошее ко мнѣ расположеніе не одинъ разъ были мнѣ весьма полезны. Онъ былъ примѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ сливались и смѣшивались два противоположные характера его родителей: онъ соединялъ въ себѣ Нарышкинское барство, роскошество и даже шутливость вмѣстѣ съ крутымъ нравомъ, благородными чувствами, бережливостію и аристократическою гордостію матери своей Марьи Алексѣевны. Онъ былъ еще весьма молодъ, но умѣлъ брать какой-то верхъ надъ своими товарищами, къ чему впрочемъ ему много способствовала любовь къ нему посла, по женѣ роднаго его дяди.

Константинъ Бенкендорфъ былъ меньшой и единственный братъ послѣ всѣмъ столь извѣстнаго, Александра Христофоровича. Онъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ знакомыхъ своихъ, оставилъ по себѣ самую пріятную память. Не трудно было любить его: онъ былъ чрезвычайно

намъ, къ коимъ не одинъ разъ нанимался онъ въ любовники, сохранялъ онъ его по привычкѣ и съ мужчинами. Взыскательность этихъ барынь провела уже нѣсколько морщинъ по лбу его, и вообще онъ, Васильчиковъ и Нелидовъ почитались у насъ стариками, потому что они были лѣтъ тридцати или безъ малаго, а мы лѣтъ двадцати или около того.

Между нами, семью дворянами посольства, самый знатный былъ Николай Ивановичъ (не знаю почему) Перовскій, побочный сынъ графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго; такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ и показывалъ то. У родителя его, какъ у Людовика XIV-го, были такія дѣти отъ разныхъ, не браковъ, а сожитій. Этотъ былъ отъ перваго, но воспитывался не въ родительскомъ домѣ, а у тетки Наталіи Кириловны Загряжской, гдѣ съ малолѣтства дышалъ онъ придворной атмосферой. И надобно сказать правду, онъ имѣлъ все, что̀ отличаетъ Русскаго аристократа: манеры большаго свѣта, совершенное знаніе Французскаго языка, а во всемъ прочемъ большое невѣжество. Другіе братья его, рожденные отъ послѣдующихъ сожитій, такъ же, какъ и онъ, получили названіе свое отъ Перовой рощи подъ Москвой, принадлежащей ихъ отцу, но, кажется, были имъ болѣе любимы и передъ старшимъ имѣли преимущество носить отческое его имя и называться Алексѣевичами. Они получили тщательное воспитаніе людей средняго состоянія, долженствующихъ пробиться службой и трудами. Онъ теперь почти ничто; они занимаютъ первыя мѣста въ государствѣ. Незаконнорожденныя дѣти находятся вообще въ фальшивомъ положеніи: природа даетъ имъ права̀, въ коихъ отказываютъ имъ законы; они стоятъ выше и ниже людей обыкновенныхъ состояній, такъ сказать внѣ общества; они не иначе какъ штурмомъ могутъ въ немъ брать свои мѣста. Въ этомъ случаѣ нашъ Перовскій былъ истинный герой: грудью шелъ онъ впередъ, продирался, затиралъ слабыхъ, обходилъ сильныхъ; дивились его дерзости, смѣялись надъ нею, но не мѣшали ему; и онъ, равный всѣмъ высшимъ, преспокойно сталъ смотрѣть великимъ бариномъ.

Исключая сына сенатора Теплова, также ничѣмъ кромѣ дурацкой спѣси непримѣчательнаго, да еще меня, Перовскій никого изъ другихъ товарищей своихъ не удостоивалъ разговорами. Сіи остальные собратія мои были нижеслѣдующіе.

Францъ Александровичъ Юни, маленькій, сухощавый, старообразный, увертливый Нѣмчикъ, не безъ ума, не безъ способностей, не безъ хитрости и слегка балагуръ. Онъ высоко не лѣзъ; едва знаемый графомъ Головкинымъ, онъ все увивался около Байкова и вмѣстѣ съ

[illegible] Доброславскимъ и нѣкоторыми другими составлялъ его [illegible] партію.

[illegible]ѣевъ, коллежскій ассесоръ, лѣтъ тридцати отъ роду, слу[illegible] въ Иностранной Коллегіи и не зналъ ни одного иностраннаго [illegible] Непонятно, какъ его всунули въ это посольство. Онъ былъ [illegible] простъ и толстъ, неопрятенъ, лѣнивъ и вѣчно заспанъ; онъ, [illegible] какъ будто былъ налитъ растопленнымъ жиромъ; когда шелъ онъ, [illegible] его тропетало какъ несомый на блюдѣ картофельный кисель; когда же лежалъ онъ, то похожъ былъ на засаленный тюфякъ.

Живой и веселый мальчикъ, Александръ Хвостовъ, сынъ столь извѣстнаго чрезвычайными порученіями въ Константинополь, эпикуреизмомъ, остроумный шутками и стихами Александра Семеновича Хвостова, былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ для меня сотоварищей. О послѣднемъ, также весьма молодомъ мальчикѣ, Клементѣ, рѣшительно нечего сказать.

Столь же принужденное молчаніе долженъ я хранить и въ разсужденіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, о которыхъ говорить не стóить, но о коихъ упомянуть я считаю обязанностію. Напримѣръ, чтó бы я сказалъ о казначеѣ посольства, надворномъ совѣтникѣ Осиповѣ, о коммиссарѣ посольства, коллежскомъ совѣтникѣ Алексѣевѣ, о двухъ фельдъегеряхъ офицерскаго чина, Штосѣ и Михайловѣ? Наконецъ, объ аптекарѣ Гельмѣ? Ибо чего не было у насъ, въ нашей подвижной колоніи! Только изъ этого народа надобно изъять одного человѣка или, если вѣрнѣе говорить, изъ этого стада хочется мнѣ выхватить одну паршивую овцу.

У вышесказаннаго коммиссара Алексѣева, которому самому дѣлать было нечего, былъ еще помощникъ Эдуаръ Карловичъ Цирлейнъ. Сынъ бѣднаго Нѣмецкаго ремесленника, онъ выучился немножко порусски и по-французски и, съ этимъ малымъ запасомъ, пустился въ службу и дошелъ до того, чего люди съ достоинствами не часто достигаютъ. Онъ былъ маленькій, гаденькій, гниленькій, совсѣмъ пустой и безграмотный человѣкъ и въ посольствѣ почитался послѣднимъ изъ послѣднихъ. Головкинъ, у котораго служилъ онъ въ Церемоніальномъ Департаментѣ, взялъ его съ собою болѣе какъ прислугу, чѣмъ въ видѣ чиновника. Этотъ Нѣмецъ былъ еще скромнѣе Нѣмца Юни. Куда ему до Байкова! Онъ водилъ дружбу съ камердинеромъ посла и съ его поваромъ и по-пріятельски ходилъ къ нимъ завтракать. Долго послѣ того, изъ Церемоніальнаго Департамента перешелъ онъ въ Петербургскій Почтамтъ, гдѣ и понынѣ занимаетъ мѣсто равное званію старшаго столоначальника: выше сего по недостатку въ способностяхъ [illegible]ъ никакъ стать не можетъ. И въ этомъ званіи онъ превосходитель-

ный, весь въ лентахъ и звѣздахъ, и получаетъ огромное содержаніе; чѣмъ могъ онъ заслужить сіе въ столь пустыхъ должностяхъ? Но онъ Нѣмецъ; а у насъ Нѣмецъ, лишь попади на тропу, безъ заслугъ, безъ стараній, одною силою существующаго между ними согласія, такъ и начнетъ подыматься вверхъ. Я не изъ зависти сіе говорю: можно ли завидовать Цирлейну? Еще менѣе изъ злобы: онъ малый смирный, и еслибы хотѣлъ, то и мухи не умѣлъ бы обидѣть; но мнѣ досадно и стыдно за Россію.

Еще не кончено, еще не всѣ названы и описаны, еще были при посольствѣ: исторіографъ, три переводчика, профессоръ живописи изъ Академіи Художествъ и съ нимъ два воспитанника, изъ нея выпущенныхъ, для снятія видовъ и костюмовъ; наконецъ, докторъ медицины, штабъ-лѣкарь и аптекарь, котораго я уже назвалъ.

Званіе или, пожалуй, должность исторіографа дана была меньшому брату почтеннаго генерала Сухтелена. Чтó такое былъ онъ въ Голландіи, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно дворянинъ, ибо все семейство называлось фанъ-Сухтеленъ; но какія у него тамъ были занятія, какое мѣсто? Вотъ чего въ самомъ короткомъ съ нимъ знакомствѣ не могъ я у него вывѣдать. Видно, это мѣсто было не послѣднее, когда, въ соотвѣтственность тому, приняли его въ Русскую службу прямо коллежскимъ совѣтникомъ, передъ самымъ отправленіемъ въ Китай. Ему было гораздо за пятьдесятъ лѣтъ, чуть ли не подъ шестьдесятъ, и ничто уже въ немъ не было молодо: ни завидное его здоровье, поддерживаемое однакоже тщательными стараніями о его сохраненіи, ни самая всегдашняя веселость его, часто забавная, но никогда не живая. Въ немъ было слишкомъ много ума, хладнокровія и лѣности, чтобъ имѣть злое сердце; за то и чувствительности искать въ немъ было бы напрасно. Руфъ (то-есть Рохъ) Корниловичъ Сухтеленъ, былъ человѣкъ нынѣшняго времени, наиприятнѣйшій эгоистъ. Тогда еще ихъ было у насъ мало, и они почитались добрѣйшими людьми; и дѣйствительно, онъ словомъ никого не захотѣлъ бы обидѣть, по заочности едва задѣлъ бы человѣка легкою шуткой (все опасаясь сдѣлать изъ него врага, не изъ чего другаго), но уже не пошевелилъ бы пальцемъ, чтобъ оказать малѣйшую услугу. Онъ все житейское размѣрилъ по масштабу; вычислилъ всѣ пріятности жизни, равно какъ и всю тягость ея, всѣ ея страданія, и нашелъ, что въ совершенномъ спокойствіи духа и тѣла можно единственно обрѣсти блаженство въ мірѣ. Онъ спѣшилъ погасить въ себѣ первыя искры страстей и, размысливъ, какъ много стоитъ труда сдѣлать самого себя счастливымъ, счелъ излишнимъ пещись не только объ общемъ благѣ людей, но и кого-либо изъ нихъ въ особенности; всю нѣжную заботливость свою обращалъ

ствѣ людей средняго роста, достался на долю Китайскому посольству. Онъ былъ, какъ сухарикъ, тоненькій и крошечный, тихъ нравомъ, нѣженъ сердцемъ, пылокъ воображеніемъ. Путешествіе, которое начиналъ онъ съ нами, было для него не первое въ этомъ родѣ: лѣтъ двѣнадцать передъ этимъ, находился онъ въ свитѣ Кутузова, когда, послѣ Ясскаго мира, ѣздилъ онъ посломъ въ Константинополь; восточные обычаи ему уже были извѣстны. Онъ былъ тогда еще невинный юноша и любилъ предаваться мечтаніямъ, среди коихъ одинъ разъ забрелъ онъ въ какое-то мѣсто, далеко отъ жилищъ, гдѣ былъ встрѣченъ наединѣ неистовымъ янычаромъ, который жестоко оскорбилъ его честь; сіе происшествіе сильно подѣйствовало на его нервы и навсегда оставило въ немъ примѣтную робость. Онъ съ ребячества исполненъ былъ религіознаго чувства; на бѣду его, явились мистическіе писатели, Сведенборгъ, Эккартсгаузенъ и Юнгъ-Штиллингъ; чтеніе сихъ авторовъ, въ которое погрузился онъ, изсушило и безъ того уже тощій мозгъ его. Онъ сталъ грезить на яву и всѣмъ разсказывать, какъ на Невскомъ Проспектѣ, среди дня, видѣлъ онъ отца своего, давно уже умершаго, въ алмазныхъ сапогахъ; житель другаго міра не могъ сообщаться съ нимъ языкомъ смертныхъ, а хотѣлъ показать ему, что онъ на пути къ вѣчному блаженству. Въ Петербургѣ все предвѣщало, что бѣдный духовидѣцъ будетъ жертвой и забавой вѣтреной нашей молодежи. Мнѣ одному былъ онъ жалокъ: его простодушіе, его дѣтская улыбка, когда изрѣдка бывалъ онъ веселъ, даже неудовольствіе, которое показывалъ онъ, какъ ребенокъ, который дуется и не смѣетъ заплакать, все располагало меня къ состраданію, котораго не понимаю какъ другіе не раздѣляли.

Никакого сожалѣнія не возбуждалъ во мнѣ другой чудакъ, также отмѣченный еще въ Петербургѣ мѣломъ и назначенный кандидатомъ въ придворные шуты Головкина; этотъ былъ зубастъ, громогласенъ и всѣмъ такъ и рѣзалъ правду. Русскій живописецъ, Андрей Ефимовичъ Мартыновъ, дѣйствительно былъ чрезвычайно смѣшонъ. Онъ былъ не безъ таланта, и хотя онъ почиталъ себя выше Рубенса и едва ли не выше Рафаэля, имя его не блеститъ въ художественной нашей лѣтописи, и Академія не гордится его произведеніями. Виноватъ и каюсь: маленькою лестью успѣлъ я овладѣть имъ, и когда бывало разсержусь на кого изъ сильныхъ, то заряжу его своею злостію и изъ устъ его, какъ изъ отверстія пистолета, пущу выстрѣлъ. Бывало, бѣсясь, расхохочутся; но въ послѣдствіи, замѣчая, что не всегда онъ неудачно замахивается, а иногда довольно тяжело умѣетъ ранить, стали рѣже его дразнить и болѣе остерегаться.

находившійся въ Польской службѣ и перешедшій потомъ изъ нея въ Русскую. Съ отличнымъ образованіемъ и большою опытностію, онъ умѣлъ со всѣми быть хорошъ. Не добръ и не золъ, не безобразенъ и не красивъ, а какъ умный и ученый, если не великій богачъ, то по крайней мѣрѣ достаточный человѣкъ, онъ находился въ посольствѣ, вѣроятно какъ и вездѣ, не возбуждая ничего чрезвычайнаго и не творя ничего отмѣнно замѣчательнаго. Никого не обгоняя и не отставая ни отъ кого, всю жизнь прослужилъ онъ въ военной службѣ, бывалъ въ сраженіяхъ, и никогда не далъ молвѣ ничего сказать о себѣ. Золотая посредственность, а не просто посредственность была его удѣломъ. Онъ давно полный генералъ, но по глубокой старости, кажется, нигдѣ не употребляется.

Капитанъ Теслевъ и четыре подпоручика, Теннеръ, Ивановъ, Богдановичъ и Мошинскій, даны были въ его распоряженіе, гдѣ будетъ возможно, для снятія плановъ въ Китаѣ. Всѣ они какъ будто были выточены по формѣ, данной генераломъ Сухтеленомъ, ихъ начальникомъ и образователемъ; имъ отзывалось отъ нихъ: такое же какъ и въ немъ смиреніе безъ низости, и ученыя свѣдѣнія безъ педантства. Чувствительный Ивановъ рано кончилъ жизнь самоубійствомъ, а Мошинскій пропалъ для меня безъ вѣсти. Другіе же всѣ генералы, и одинъ изъ нихъ, Теслевъ, исправляетъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора.

Кажется, конецъ; но нѣтъ, еще не совсѣмъ. Какія-то еще двѣ-три фигуры въ рясахъ, какъ будто сквозь туманъ являются моей памяти, и между ними немного болѣе явственное лицо двадцати-пятилѣтняго архимандрита Аполлоса, начальника духовной миссіи, отправленной съ нами для смѣны прежней, для коей кончился положенный десятилѣтній срокъ. Архимандрита, его монаховъ и студентовъ мы рѣдко, почти никогда не видѣли; наши сильные не больно уважали православіе: Головкинъ былъ реформатъ, Потоцкій католикъ, а Байковъ не принадлежалъ ни къ какой вѣрѣ. Мнѣ Аполлосъ казался что-то жалокъ. Ему не было болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду, а въ отношеніи къ свѣту это еще младенчество для человѣка, который никогда не покидалъ стѣнъ Духовной Академіи. Еслибы молодой монахъ, при всей неопытности своей, хотя и въ другую часть свѣта, въ новый для него міръ, подобно предшественникамъ своимъ, отправленъ былъ обыкновеннымъ путемъ и порядкомъ, то послѣ десяти лѣтъ, созрѣвъ въ Пекинѣ, онъ со свѣдѣніями, другимъ мало извѣстными, воротился бы въ отечество свое примѣчательнымъ лицомъ. Но на его несчастіе онъ попался въ вертлявое, насмѣшливое посольство, не былъ съ нимъ принятъ и послѣ меня, говорятъ, надѣлалъ какихъ-то глупо-

могли бы служить имъ образцами: такъ
ные и ужасающіе предметы въ нихъ с
стойностію автора.

Странности его были замѣтны въ
одно время и небреженъ, и чистоплотен
кроѣ платья своего, но всегда былъ и
недосугамъ не имѣлъ онъ времени дать
почти до плечъ у него развѣвались, к
пѣнія, хваталъ онъ ножницы и самъ ст
вкривь и вкось, послѣ чего, разумѣетс
ческой. Въ отношеніи къ Головкину, ве
но, не подавалъ ему ни малѣйшаго по
и не баловалъ излишнею почтительност
уку, онъ заслонилъ себя ею отъ наши
среди ихъ. Онъ былъ немного кривобок
выше лѣваго; имѣлъ лицо блѣдное, ч
голубые и, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, точ

Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ же
или пятнадцати дочерей графа Потоцк
переводѣ Поляки называли Щенснымъ,
потому, что онъ весьма счастливо из
ству; сыновья же сего Феликса, чтобі
измѣняли новому, а дочери измѣняли
была за нашимъ Яномъ Потоцкимъ, зва
непостоянна, какъ всѣ Польки, ни болѣ
безъ памяти, хотя она была хромая
могла, потому что почитала горбатымъ.
нашего путешествія, она бѣжала отъ н
комъ; но по крайней мѣрѣ не хотѣла, п
чественницамъ, вмѣшивать религію въ дѣ
съ нимъ и не выходила ни за кого зам
онъ зарѣзался бритвою.

Профессоръ астрономіи, статскій с
въ посольствѣ старшимъ между своими
о его знаніи? По наукѣ своей онъ да
препрославленъ; только нѣсколько слов
терѣ. Онъ былъ длинный, сухощавый, у
дитый и взыскательный старикъ. Съ
онъ Головкину и окружавшей его моло
дость, старался посолъ держать его нар
ми, которые и по лѣтамъ могли бы го

же Шубертъ, забывая, что онъ князь звѣздочетовъ, мало дорожилъ своимъ достоинствомъ и предпочиталъ ему свѣтскія отличія; онъ видѣлъ въ себѣ генерала, потому что на шляпѣ имѣлъ плюмажъ, а на шеѣ сіяющій огромный Анненскій крестъ, еще довольно рѣдкій, носящихъ который простой народъ величалъ тогда превосходительствомъ. При немъ офиціально находился шестнадцатилѣтній его сынокъ, ласковый, бѣлокуренькій мальчикъ, нынѣ сѣдовласый несносный старикъ, тогда по квартирмейстерской части едва произведенный подпоручикъ, нынѣ генералъ-квартирмейстеръ.

Другіе профессора, коихъ было четыре, немного болѣе могли похвалиться расположеніемъ къ себѣ посла, и если Шубертъ довольно явно ненавидѣлъ его, то и они тайкомъ не менѣе его презирали. И по моему это было бы несправедливо, еслибъ сіе чувство съ обѣихъ сторонъ не было взаимное. Презрительное негодованіе едва было замѣтно только въ Клапротѣ, и онъ дѣйствительно изъ нихъ болѣе всѣхъ заслуживалъ уваженія. Въ послѣдствіи отомстилъ онъ посольству маленькою Нѣмецкою брошюркой, въ которой представилъ все безразсудство главныхъ его дѣйствующихъ лицъ. Онъ зинимался, кажется, частію историческою и словесною.

Для занятій по части естественной исторіи посланы были три профессора, Редовскій по минералогіи, Адамсъ по зоологіи и Пансперъ по ботаникѣ. Всѣ четверо были ребята довольно молодые; одинъ только Редовскій перешелъ за тридцать лѣтъ. Онъ былъ Прусскій Полякъ, Адамсъ же Русскій Нѣмецъ; первый ничего не зналъ ни по-польски, ни по-русски, другой плохо говорилъ по-нѣмецки и вообще совсѣмъ не похожъ былъ на ученаго. А еще менѣе Пансперъ, невысокій, но плотный, широкоплечій, плосколицый, обжорливый здоровякъ, мало говорившій и повидимому мало думавшій и мало занимавшійся до того, что многіе сомнѣвались въ его знаніи. Трое, Клапротъ, Редовскій и Пансперъ были выписаны изъ Германіи, одинъ только Адамсъ доморощенный. Примѣчательнѣе и пріятнѣе всѣхъ мнѣ казался Редовскій, человѣкъ кроткій, влюбленный въ науку, при весьма незавидномъ здоровьѣ. Онъ одинъ только не воротился изъ Китайскаго посольства: на обратномъ пути онъ остался въ Сибири и за новыми открытіями отправился сначала по Ленѣ въ Якутскъ, а оттуда въ Охотскъ, гдѣ и погибъ отъ убійственнаго его климата.

Подъ начальствомъ графа Потоцкаго и начальникомъ надъ офицерами свиты по квартирмейстерской части поставленъ былъ полковникъ Ѳеодоръ Филиппович Довре, полу-Французъ, родомъ изъ Бра- (когда онъ принадлежалъ еще Австріи), въ первой молодости

находившійся въ Польской службѣ и перешедшій потомъ изъ нея въ Русскую. Съ отличнымъ образованіемъ и большою опытностію, онъ умѣлъ со всѣми быть хорошъ. Не добръ и не золъ, не безобразенъ и не красивъ, а какъ умный и ученый, если не великій богачъ, то по крайней мѣрѣ достаточный человѣкъ, онъ находился въ посольствѣ, вѣроятно какъ и вездѣ, не возбуждая ничего чрезвычайнаго и не творя ничего отмѣнно замѣчательнаго. Никого не обгоняя и не отставая ни отъ кого, всю жизнь прослужилъ онъ въ военной службѣ, бывалъ въ сраженіяхъ, и никогда не далъ молвѣ ничего сказать о себѣ. Золотая посредственность, а не просто посредственность была его удѣломъ. Онъ давно полный генералъ, но по глубокой старости, кажется, нигдѣ не употребляется.

Капитанъ Теслевъ и четыре подпоручика, Теннеръ, Ивановъ, Богдановичъ и Мошинскій, даны были въ его распоряженіе, гдѣ будетъ возможно, для снятія плановъ въ Китаѣ. Всѣ они какъ будто были выточены по формѣ, данной генераломъ Сухтеленомъ, ихъ начальникомъ и образователемъ; имъ отзывалось отъ нихъ: такое же какъ и въ немъ смиреніе безъ низости, и ученыя свѣдѣнія безъ педантства. Чувствительный Ивановъ рано кончилъ жизнь самоубійствомъ, а Мошинскій пропалъ для меня безъ вѣсти. Другіе же всѣ генералы, и одинъ изъ нихъ, Теслевъ, исправляетъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора.

Кажется, конецъ; но нѣтъ, еще не совсѣмъ. Какія-то еще двѣ-три фигуры въ рясахъ, какъ будто сквозь туманъ являются моей памяти, и между ними немного болѣе явственное лицо двадцати-пятилѣтняго архимандрита Аполлоса, начальника духовной миссіи, отправленной съ нами для смѣны прежней, для коей кончился положенный десятилѣтній срокъ. Архимандрита, его монаховъ и студентовъ мы рѣдко, почти никогда не видѣли; наши сильные не больно уважали православіе: Головкинъ былъ реформатъ, Потоцкій католикъ, а Байковъ не принадлежалъ ни къ какой вѣрѣ. Мнѣ Аполлосъ казался что-то жалокъ. Ему не было болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду, а въ отношеніи къ свѣту это еще младенчество для человѣка, который никогда не покидалъ стѣнъ Духовной Академіи. Еслибы молодой монахъ, при всей неопытности своей, хотя и въ другую часть свѣта, въ новый для него міръ, подобно предшественникамъ своимъ, отправленъ былъ обыкновеннымъ путемъ и порядкомъ, то послѣ десяти лѣтъ, созрѣвъ въ Пекинѣ, онъ со свѣдѣніями, другимъ мало извѣстными, воротился бы въ отечество свое примѣчательнымъ лицомъ. Но на его несчастіе онъ попался въ вертлявое, насмѣшливое посольство, не былъ съ нимъ принятъ и послѣ меня, говорятъ, надѣлалъ какихъ-то глупо-

онъ возненавидѣлъ меня; не смѣю сказать, чтобъ онъ боялся меня, но по крайней мѣрѣ не позволялъ себѣ ни малѣйшей неучтивости; былъ только что холоденъ и тайкомъ только противъ меня одного старался возбуждать посла. Чтò же вышло изъ того? Правда, я одинъ только сдѣлался предметомъ если не гоненій, то частыхъ придирокъ и нападокъ. Напримѣръ, если я опоздаю на дежурство или по болѣзни не могу на него явиться, то именемъ Головкина посылается докторъ Реманъ меня свидѣтельствовать; иногда какое нибудь нескромное слово мое перетолковывается Байковымъ. За тѣмъ обыкновенно слѣдовали наединѣ личныя объясненія съ посломъ; я ихъ не боялся: я уже зналъ какъ обходиться съ Французами; маленькая лесть, всунутая въ оправданіе, тотчасъ обезоруживала его, и дѣла мои шли потомъ лучше прежняго. Байкову никакъ не удалось тогда почать меня.

Отъ дѣлъ посольства перейду я на нѣсколько строкъ къ семейнымъ дѣламъ моимъ. Какъ будто мнѣ на смѣну, прибылъ братъ мой Павелъ, старшій и отставной. Онъ не долго имъ оставался, ибо слѣдующимъ лѣтомъ опять вступилъ въ проклятый провіантскій штатъ. Онъ остановился у меня, и намъ втроемъ съ Загоскинымъ было немного тѣсненько. Тутъ надобно сказать, чтò и съ симъ послѣднимъ сдѣлалось: по протекціи Злобина, когда впрочемъ никакой протекціи на то не было нужно, опредѣлили его въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова, и мнѣ казалось, что канцелярскія занятія и ему не совсѣмъ по сердцу.

Другой братъ мой, Николай, ожидалъ тогда быть отцомъ. Женатые люди, кои не имѣютъ высокихъ чиновъ, рѣдко остаются въ военной службѣ, особливо когда нѣтъ войны. Неудобныя помѣщенія въ маленькихъ городахъ, иногда въ бѣдныхъ селеніяхъ, частые переходы дѣлаютъ для семействъ ихъ жизнь весьма тягостною. Братъ мой подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ чиномъ подполковника. Въ тоже время (2 Марта 1805 года) жена родила ему сына, которому въ честь родителя моего, конечно уже не мнѣ, дано было имя Филипа. Супруги были довольно молоды, чтобы надѣяться видѣть его большимъ; но имъ не суждено было испытать великихъ горестей и радостей родительскихъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Воронежѣ, они къ концу лѣта пріѣхали на житье въ Пензу.

Отъ сего города не слишкомъ далеко пролегала дорога въ Сибирь. Я улучилъ удобную минуту, чтобы, мимо Байкова, выпросить у графа Головкина дозволеніе отправиться сперва одному для прощанія съ родителями, а потомъ уже въ Казани дожидаться прибытія посольства. Въ разговорахъ съ глазу на глазъ, посолъ всегда былъ ко мнѣ весьма

снисходителенъ. И такъ 21 Мая, благословясь, отправился я въ дальній свой путь.

VIII.

Послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, нѣсколько времени еще длилось въ немъ очарованіе, въ которомъ близъ пяти лѣтъ находилась вся земля Русская и которое неоднократно усиливался я изобразить. Но уже приближался конецъ блаженнаго времени, того незабвеннаго пятилѣтія, которое не для меня одного быстро просіяло, какъ одинъ только веселый, ясный, праздничный день. Пока я странствовалъ среди отдаленнѣйшихъ населеній Россіи, происходила въ ней ощутительная перемѣна, и наступала вторая эпоха царствованія Александра. Когда, послѣ кратковременнаго отсутствія, водворился я въ счастливое дотолѣ мое отечество, то многое въ немъ измѣнилось; поколебалась вѣра въ его несокрушимость; на долго, можетъ быть, на всегда нарушены взаимныя любовь и довѣренность царя и народа.

Здѣсь долженъ я проститься съ мечтами моей молодости, хотя она тогда была еще во всей силѣ перваго цвѣта; здѣсь позволю я себѣ взглянуть на Европу, то-есть на Францію, начинавшую въ ней владычествовать, на Францію, источникъ нашихъ золъ, на эту Францію, на которую смотрѣлъ я доселѣ только что съ удовольствіемъ, какъ на модную лавку или на книжный магазинъ.

Бонапарте, отнынѣ императоръ Наполеонъ, еще и безъ сего титула спокойно въ ней царствовалъ. Когда ступени сооружаемаго имъ престола обагрилъ онъ кровію Бурбона, то болѣе всѣхъ Русскій дворъ изъявилъ негодованіе. Екатерининскій Марковъ находился тогда въ Парижѣ; онъ думалъ, что онъ въ Варшавѣ и имѣетъ дѣло съ Польскимъ сеймомъ, и поведеніемъ своимъ ускорилъ разрывъ; но отъ разрыва до войны еще не близко. Въ отвѣтъ на упреки и угрозы Европейскихъ государей, надѣлъ на себя Наполеонъ и лавровый вѣнецъ Кесарей и Августовъ, и желѣзную корону Карла Великаго; такимъ образомъ всемірно объявлялъ онъ притязанія свои на равное имъ владычество и, несмотря на тысячелѣтнюю давность, во второй разъ хотѣлъ воскресить Западную имперію.

Между тѣмъ Англія хотѣла въ этомъ видѣть одно только неосторожное его тщеславіе и, замѣчая сколь жестоко тѣмъ оскорбляются права Австрійской имперіи, такъ смирно и не страшно носящей названіе Римской, она старалась возбудить не только ее одну къ войнѣ, но посредствомъ преданныхъ ей министровъ и отдаленную Россію. Всѣ эти тайны кабинетовъ были неизвѣстны публикѣ, мнѣ кажется › того, что она ими мало занималась, и при отъѣздѣ моемъ предвѣщало еще скораго поднятія оружія.

Съ безпечностію силы (какъ столь удачно выразился пѣвецъ двѣнадцатаго года) смотрѣла Россія на грозныя тучи, собирающіяся на Западѣ. Она измѣряла пространство, отъ бурныхъ мѣстъ ее отдѣляющее, помнила Суворова и Нови, помнила, какъ одинъ ея батальйонъ возстановлялъ Неаполитанское королевство, и думала, что всегда будетъ время унять затѣйника. Но когда блеснуло передъ ней кровавое солнце Аустерлица, она изумилась, не скрыла своего неудовольствія и тѣмъ возбудила его и безъ того уже въ охладѣвшей къ ней душѣ Императора.

Отъ величественнаго и печальнаго зрѣлища, на которое указалъ я здѣсь, скорѣе перекидываюсь въ телѣгу, въ которой такъ радостно мчался я по Московской дорогѣ. Много мнѣ было съ нею хлопотъ, отъ необыкновенной ея постройки болѣе изъ прутьевъ, чѣмъ изъ дерева. Это была просто Польская бричка, за дешевую цѣну добытая мною въ Петербургѣ, длинная, укладистая и легкая. Къ несчастію, я первый показалъ такого рода экипажъ; она новостію своею удивляла ямщиковъ и огромностію пугала ихъ; называли ее то баней, то анбаромъ; они вѣрить не хотѣли, чтобы, не уморивъ тройки, можно было ее везти. Тщетно въ ихъ присутствіи, вмѣстѣ съ слугою моимъ, употребляя легкое усиліе, приводилъ я ее въ движеніе: они предполагали тутъ особенную какую-нибудъ уловку или колдовство, и я увѣренъ въ томъ, что еслибъ я не имѣлъ подорожной по казенной надобности, то мнѣ рѣшительно отказали бы въ требуемомъ мною числѣ лошадей.

Москву нашелъ я столь же полною жителей какъ и зимой. Въ концѣ Мая дворяне не слишкомъ торопились въ свои подмосковныя: любили тогда повеселиться и отъ столичнаго шума не очень спѣшили къ сельской тишинѣ. Къ тому же, большая часть помѣщиковъ, въ Москвѣ живущихъ, мало была знакома съ мелочною роскошью и долгами: имъ не нужно было двѣ трети года жить нищенски въ деревнѣ, чтобы три мѣсяца поблистать въ ней зимой наравнѣ съ другими.

Одѣвшись въ нарядный свой костюмъ, спѣшилъ я въ немъ явиться къ начальнику столицы, Беклешову, и когда онъ не обратилъ на него никакого вниманія, то мнѣ стало очень обидно. «Мнѣ теперь некогда съ тобой много толковать, сказалъ мнѣ сей старый другъ отца моего, а пріѣзжай-ка сегодня обѣдать: тогда поговоримъ». Я надѣялся, что за столомъ будетъ что-нибудь болѣе лестное для моего самолюбія; но и тутъ ошибся: старики мало удостоивали молодыхъ своими разговорами, и все ограничилось двумя-тремя маловажными вопросами. Мнѣ было предосадно, и разумѣется, послѣ того я его не видѣлъ: видно, что я начиналъ уже идти за вѣкомъ.

къ себѣ и, соблюдая сію нравственную діету, долго и спокойно прожилъ вѣкъ.

Онъ тогда только оставилъ Голландію, когда Французская революція проникла въ нее съ оружіемъ и, пріѣхавъ къ брату въ Россію, всюду потомъ за нимъ слѣдовалъ. Находясь подъ крыломъ у ангела, вездѣ должно было ему казаться раемъ: холостой, но окруженный почтительнымъ къ нему, любезнымъ семействомъ, котораго не имѣлъ онъ труда ни воспитывать, ни содержать, имѣлъ онъ всякаго рода утѣшенія, и дни его текли безъ заботъ, но не безъ дѣла. Онъ любилъ читать и проводилъ жизнь у обильнаго для того источника: въ библіотекѣ брата своего. Чего онъ не зналъ? И что за необъятная, и съ тѣмъ вмѣстѣ для свѣта безполезная была въ немъ ученость! Въ первой молодости, когда въ числѣ не совсѣмъ потухшихъ страстей оставалось въ немъ сильное любопытство, ѣздилъ онъ за Океанъ, въ Голландскую Гвіану. Этотъ подвигъ, для него самого неимовѣрный, до того поражалъ его, что онъ никогда не упускалъ случая объ немъ поговорить, и я самъ столько разъ слышалъ названія Демерари, Эссеквибо и Суринама, что затвердилъ ихъ. Семейство генерала Сухтелена иногда скучало сими частыми повтореніями и, можетъ-быть, желая, чтобы новое впечатлѣніе изгладило старое, и свѣжіе любопытнѣйшіе разсказы замѣнили надоѣвшіе ему, уговорило старика отправиться въ Китай.

Изъ трехъ переводчиковъ, одинъ былъ для Монгольскаго языка, другой для Китайскаго, третій для Латинскаго, необходимаго въ сношеніяхъ нашихъ съ іезуитскими миссіонерами. Первый изъ нихъ, надворный совѣтникъ Игумновъ дожидался насъ на Китайской границѣ. Другой былъ коллежскій ассессоръ Владыкинъ, крещеный Киргизъ, который, не знаю какимъ образомъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Китаѣ, выучился трудному его языку, и потому былъ опредѣленъ въ Иностранную Коллегію и получалъ въ ней чины. Онъ мало говорилъ, много улыбался и почитался у насъ не столько человѣкомъ, какъ запасною вещью, необходимою только на границѣ и за границей. Третій былъ коллежскій ассесоръ Христіанъ Андреевичъ Струве, отъ котораго не такъ легко отдѣлаешься, какъ отъ двухъ предъидущихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ Россіи дипломатическая часть, служитъ въ ней фамилія Струве безпрерывно, исключительно; она плодуща и многочисленна, и потому нѣтъ у насъ почти миссіи, въ которой не былъ бы приткнутъ какой-нибудь Струве. Это цѣлый родъ общихъ мѣстъ, все люди самые обыкновенные, никогда выше, никогда ниже посредственности, которыхъ употреблять не безполезно, слишкомъ возвышать трудно. Изъ нихъ выродокъ, то-есть какъ карло въ семей-

ствѣ людей средняго роста, достался на долю Китайскому посольству. Онъ былъ, какъ сухарикъ, тоненькій и крошечный, тихъ нравомъ, нѣженъ сердцемъ, пылокъ воображеніемъ. Путешествіе, которое начиналъ онъ съ нами, было для него не первое въ этомъ родѣ: лѣтъ двѣнадцать передъ этимъ, находился онъ въ свитѣ Кутузова, когда, послѣ Ясскаго мира, ѣздилъ онъ посломъ въ Константинополь; восточные обычаи ему уже были извѣстны. Онъ былъ тогда еще невинный юноша и любилъ предаваться мечтаніямъ, среди коихъ одинъ разъ забрелъ онъ въ какое-то мѣсто, далеко отъ жилищъ, гдѣ былъ встрѣченъ наединѣ неистовымъ янычаромъ, который жестоко оскорбилъ его честь; сіе происшествіе сильно подѣйствовало на его нервы и навсегда оставило въ немъ примѣтную робость. Онъ съ ребячества исполненъ былъ религіознаго чувства; на бѣду его, явились мистическіе писатели, Сведенборгъ, Эккартсгаузенъ и Юнгъ-Штиллингъ; чтеніе сихъ авторовъ, въ которое погрузился онъ, изсушило и безъ того уже тощій мозгъ его. Онъ сталъ грезить на яву и всѣмъ разсказывать, какъ на Невскомъ Проспектѣ, среди дня, видѣлъ онъ отца своего, давно уже умершаго, въ алмазныхъ сапогахъ; житель другаго міра не могъ сообщаться съ нимъ языкомъ смертныхъ, а хотѣлъ показать ему, что онъ на пути къ вѣчному блаженству. Въ Петербургѣ все предвѣщало, что бѣдный духовидѣцъ будетъ жертвой и забавой вѣтреной нашей молодежи. Мнѣ одному былъ онъ жалокъ: его простодушіе, его дѣтская улыбка, когда изрѣдка бывалъ онъ веселъ, даже неудовольствіе, которое показывалъ онъ, какъ ребенокъ, который дуется и не смѣетъ заплакать, все располагало меня къ состраданію, котораго не понимаю какъ другіе не раздѣляли.

Никакого сожалѣнія не возбуждалъ во мнѣ другой чудакъ, также отмѣченный еще въ Петербургѣ мѣломъ и назначенный кандидатомъ въ придворные шуты Головкина; этотъ былъ зубастъ, громогласенъ и всѣмъ такъ и рѣзалъ правду. Русскій живописецъ, Андрей Ефимовичъ Мартыновъ, дѣйствительно былъ чрезвычайно смѣшонъ. Онъ былъ не безъ таланта, и хотя онъ почиталъ себя выше Рубенса и едва ли не выше Рафаэля, имя его не блеститъ въ художественной нашей лѣтописи, и Академія не гордится его произведеніями. Виноватъ и каюсь: маленькою лестью успѣлъ я овладѣть имъ, и когда бывало разсержусь на кого изъ сильныхъ, то заряжу его своею злостію и изъ устъ его, какъ изъ отверстія пистолета, пущу выстрѣлъ. Бывало, бѣсясь, расхохочутся; но въ послѣдствіи, замѣчая, что не всегда онъ неудачно замахивается, а иногда довольно тяжело умѣетъ ранить, стали рѣже его дразнить и болѣе остерегаться.

могли бы служить имъ образцами: такъ всѣ безобразные, отвратительные и ужасающіе предметы въ нихъ скрашены искусствомъ и пристойностію автора.

Странности его были замѣтны въ самомъ нарядѣ; онъ былъ въ одно время и небреженъ, и чистоплотенъ, совсѣмъ не заботился о покроѣ платья своего, но всегда былъ изысканно опрятенъ. Иногда по недосугамъ не имѣлъ онъ времени дать обрѣзать себѣ волосы, и они почти до плечъ у него развѣвались, какъ вдругъ, въ минуту нетерпѣнія, хваталъ онъ ножницы и самъ стригъ ихъ у себя на головѣ и вкривь и вкось, послѣ чего, разумѣется, смѣшилъ всѣхъ своею прической. Въ отношеніи къ Головкину, велъ онъ себя отмѣнно прилично, не подавалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, за то и не баловалъ излишнею почтительностію. Всегда углубленный въ науку, онъ заслонилъ себя ею отъ нашихъ сплетенъ, хотя и жилъ посреди ихъ. Онъ былъ немного кривобокъ, и правое плечо было у него выше лѣваго; имѣлъ лицо блѣдное, черты довольно пріятныя, глаза голубые и, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, точно помѣшанные.

Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ на одной изъ двѣнадцати или пятнадцати дочерей графа Потоцкаго же, Феликса, котораго въ переводѣ Поляки называли Щенснымъ, то есть Счастливымъ, вѣроятно потому, что онъ весьма счастливо измѣнилъ старому своему отечеству; сыновья же сего Феликса, чтобы загладить его преступленіе, измѣняли новому, а дочери измѣняли только мужьямъ. Ту, которая была за нашимъ Яномъ Потоцкимъ, звали Констанція, хотя она была непостоянна, какъ всѣ Польки, ни болѣе, ни менѣе, и мужъ любилъ ее безъ памяти, хотя она была хромая и хотя она его терпѣть не могла, потому что почитала горбатымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ нашего путешествія, она бѣжала отъ него съ какимъ-то родственникомъ; но по крайней мѣрѣ не хотѣла, подобно другимъ своимъ соотечественницамъ, вмѣшивать религію въ дѣла распутства, не разводилась съ нимъ и не выходила ни за кого замужъ. Въ отчаяніи о ея потерѣ онъ зарѣзался бритвою.

Профессоръ астрономіи, статскій совѣтникъ Шубертъ, почитался въ посольствѣ старшимъ между своими собратіями. Чтò мнѣ говорить о его знаніи? По наукѣ своей онъ давно уже у насъ знаменитъ и препрославленъ; только нѣсколько словъ о его наружности и характерѣ. Онъ былъ длинный, сухощавый, учтивый, но иногда весьма сердитый и взыскательный старикъ. Съ самаго начала не полюбился онъ Головкину и окружавшей его молодежи. Чтобъ осадить его гордость, старался посолъ держать его наравнѣ съ другими профессорами, которые и по лѣтамъ могли бы годиться ему въ сыновья. Самъ

находившійся въ Польской службѣ и перешедшій потомъ изъ нея въ Русскую. Съ отличнымъ образованіемъ и большою опытностію, онъ умѣлъ со всѣми быть хорошъ. Не добръ и не золъ, не безобразенъ и не красивъ, а какъ умный и ученый, если не великій богачъ, то по крайней мѣрѣ достаточный человѣкъ, онъ находился въ посольствѣ, вѣроятно какъ и вездѣ, не возбуждая ничего чрезвычайнаго и не творя ничего отмѣнно замѣчательнаго. Никого не обгоняя и не отставая ни отъ кого, всю жизнь прослужилъ онъ въ военной службѣ, бывалъ въ сраженіяхъ, и никогда не далъ молвѣ ничего сказать о себѣ. Золотая посредственность, а не просто посредственность была его удѣломъ. Онъ давно полный генералъ, но по глубокой старости, кажется, нигдѣ не употребляется.

Капитанъ Теслевъ и четыре подпоручика, Теннеръ, Ивановъ, Богдановичъ и Мошинскій, даны были въ его распоряженіе, гдѣ будетъ возможно, для снятія плановъ въ Китаѣ. Всѣ они какъ будто были выточены по формѣ, данной генераломъ Сухтеленомъ, ихъ начальникомъ и образователемъ; имъ отзывалось отъ нихъ: такое же какъ и въ немъ смиреніе безъ низости, и ученыя свѣдѣнія безъ педантства. Чувствительный Ивановъ рано кончилъ жизнь самоубійствомъ, а Мошинскій пропалъ для меня безъ вѣсти. Другіе же всѣ генералы, и одинъ изъ нихъ, Теслевъ, исправляетъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора.

Кажется, конецъ; но нѣтъ, еще не совсѣмъ. Какія-то еще двѣ-три фигуры въ рясахъ, какъ будто сквозь туманъ являются моей памяти, и между ними немного болѣе явственное лицо двадцати-пяти-лѣтняго архимандрита Аполлоса, начальника духовной миссіи, отправленной съ нами для смѣны прежней, для коей кончился положенный десятилѣтній срокъ. Архимандрита, его монаховъ и студентовъ мы рѣдко, почти никогда не видѣли; наши сильные не больно уважали православіе: Головкинъ былъ реформатъ, Потоцкій католикъ, а Байковъ не принадлежалъ ни къ какой вѣрѣ. Мнѣ Аполлосъ казался что-то жалокъ. Ему не было болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду, а въ отношеніи къ свѣту это еще младенчество для человѣка, который никогда не покидалъ стѣнъ Духовной Академіи. Еслибы молодой монахъ, при всей неопытности своей, хотя и въ другую часть свѣта, въ новый для него міръ, подобно предшественникамъ своимъ, отправленъ былъ обыкновеннымъ путемъ и порядкомъ, то послѣ десяти лѣтъ, созрѣвъ въ Пекинѣ, онъ со свѣдѣніями, другимъ мало извѣстными, воротился бы въ отечество свое примѣчательнымъ лицомъ. Но на его несчастіе онъ попался въ вертлявое, насмѣшливое посольство, не былъ съ нимъ принятъ и послѣ меня, говорятъ, надѣлалъ какихъ-то глупо-

стей. Дорого и долго онъ за нихъ платилъ; ибо, какъ я слышалъ, онъ и понынѣ только что архимандритомъ въ какомъ-то отдаленномъ монастырѣ.

Приготовленія наши къ отъѣзду были самыя веселыя и забавныя. Въ нѣжномъ попеченіи о подчиненныхъ, самъ посолъ, разумѣется, по-французски, сочинилъ для нихъ длинную инструкцію, съ которой до сихъ поръ храню я копію и въ которой предписываетъ онъ имъ разныя средства къ предохраненію себя отъ великихъ бѣдствій, угрожающимъ имъ на ужасномъ пути, имъ предстоящемъ. Хотя бы пораспросилъ онъ немного Сибиряковъ, чтобы не быть такъ смѣшнымъ! Право, можно было подумать, что чрезъ Нубію и Абиссинію надлежитъ намъ проникнуть во внутренность Африки. Сіе твореніе мудраго его предвѣдѣнія читали мы всѣ и даже переписывали съ благоговѣніемъ.

Исключая военныхъ, всѣмъ чинамъ посольства, какого бы вѣдомства они ни были, выпросилъ графъ Головкинъ мундиръ Иностранной Коллегіи, который тогда былъ очень простъ: зеленый съ бѣлыми пуговицами и чернымъ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами. Онъ сдѣлалъ болѣе: онъ испросилъ дозволеніе украсить его богатымъ серебрянымъ шитьемъ, котораго онъ тогда еще не имѣлъ и, вмѣсто обыкновенныхъ статскихъ шпажекъ, носить намъ форменныя военныя сабли, на черной лакированной, черезъ плечо носимой, перевязи, съ вызолоченными, бронзовыми двуглавымъ орломъ и вензелемъ императора. Въ дополненіе, вмѣсто шляпъ даны намъ были зеленыя фуражки, похожія и на киверъ, и на каску, также съ прибавкой серебрянаго шитья. Какъ хотѣлось симъ нарядомъ щегольнуть намъ въ Петербургѣ! Но какъ театральный костюмъ, имѣли мы право надѣть его только при выходѣ на сцену, то-есть при выѣздѣ за заставу.

Мои занятія въ Петербургѣ при посольствѣ были довольно маловажны: они ограничивались еженедѣльнымъ дежурствомъ въ залѣ (она же и канцелярія) посла, которая служила входомъ прямо въ его кабинетъ. Отъ переписки бумагъ уклонялся я не отъ лѣни, а вопервыхъ потому, что изъ моихъ товарищей только три плебейскія фигуры, Карнѣевъ, Юня и Клементъ, были на то посвящены, и потому вовторыхъ, что сіе поставило бы меня въ зависимость или отъ Байкова, который мнѣ казался нестерпимъ, или отъ Доброславскаго, который былъ мнѣ жалко-смѣшонъ. Вмѣстѣ съ патриціями Перовскимъ и Тепловымъ старался я все становиться въ рядъ величаво-праздныхъ камеръ-юнкеровъ и лѣзъ прямо къ послу. Не знаю, худо ли, хорошо ли я дѣлалъ, что не скрывалъ отвращенія своего отъ Байкова. Еслибъ я болѣе умѣлъ владѣть собою, то, можетъ-быть, онъ меня бы полюбилъ, за то сдѣлался бы со мною фамильяренъ и сталъ бы повелѣвать. Но

онъ возненавидѣлъ меня; не смѣю сказать, чтобъ онъ боялся меня, но по крайней мѣрѣ не позволялъ себѣ ни малѣйшей неучтивости; былъ только что холоденъ и тайкомъ только противъ меня одного старался возбуждать посла. Что же вышло изъ того? Правда, я одинъ только сдѣлался предметомъ если не гоненій, то частыхъ придирокъ и нападокъ. Напримѣръ, если я опоздаю на дежурство или по болѣзни не могу на него явиться, то именемъ Головкина посылается докторъ Реманъ меня свидѣтельствовать; иногда какое нибудь нескромное слово мое перетолковывается Байковымъ. За тѣмъ обыкновенно слѣдовали наединѣ личныя объясненія съ посломъ; я ихъ не боялся: я уже зналъ какъ обходиться съ Французами; маленькая лесть, всунутая въ оправданіе, тотчасъ обезоруживала его, и дѣла мои шли потомъ лучше прежняго. Байкову никакъ не удалось тогда почать меня.

Отъ дѣлъ посольства перейду я на нѣсколько строкъ къ семейнымъ дѣламъ моимъ. Какъ будто мнѣ на смѣну, прибылъ братъ мой Павелъ, старшій и отставной. Онъ не долго имъ оставался, ибо слѣдующимъ лѣтомъ опять вступилъ въ проклятый провіантскій штатъ. Онъ остановился у меня, и намъ втроемъ съ Загоскинымъ было немного тѣсненько. Тутъ надобно сказать, что и съ симъ послѣднимъ сдѣлалось: по протекціи Злобина, когда впрочемъ никакой протекціи на то не было нужно, опредѣлили его въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова, и мнѣ казалось, что канцелярскія занятія и ему не совсѣмъ по сердцу.

Другой братъ мой, Николай, ожидалъ тогда быть отцомъ. Женатые люди, кои не имѣютъ высокихъ чиновъ, рѣдко остаются въ военной службѣ, особливо когда нѣтъ войны. Неудобныя помѣщенія въ маленькихъ городахъ, иногда въ бѣдныхъ селеніяхъ, частые переходы дѣлаютъ для семействъ ихъ жизнь весьма тягостною. Братъ мой подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ чиномъ подполковника. Въ тоже время (2 Марта 1805 года) жена родила ему сына, которому въ честь родителя моего, конечно уже не мнѣ, дано было имя Филипа. Супруги были довольно молоды, чтобы надѣяться видѣть его большимъ; но имъ не суждено было испытать великихъ горестей и радостей родительскихъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Воронежѣ, они къ концу лѣта пріѣхали на житье въ Пензу.

Отъ сего города не слишкомъ далеко пролегала дорога въ Сибирь. Я улучилъ удобную минуту, чтобы, мимо Байкова, выпросить у графа Головкина дозволеніе отправиться сперва одному для прощанія съ родителями, а потомъ уже въ Казани дожидаться прибытія посольства. Въ разговорахъ съ глазу на глазъ, посолъ всегда былъ ко мнѣ весьма

снисходителенъ. И такъ 21 Мая, благословясь, отправился я въ дальній свой путь.

VIII.

Послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, нѣсколько времени еще длилось въ немъ очарованіе, въ которомъ близъ пяти лѣтъ находилась вся земля Русская и которое неоднократно усиливался я изобразить. Но уже приближался конецъ блаженнаго времени, того незабвеннаго пятилѣтія, которое не для меня одного быстро просіяло, какъ одинъ только веселый, ясный, праздничный день. Пока я странствовалъ среди отдаленнѣйшихъ населеній Россіи, происходила въ ней ощутительная перемѣна, и наступала вторая эпоха царствованія Александра. Когда, послѣ кратковременнаго отсутствія, водворился я въ счастливое дотолѣ мое отечество, то многое въ немъ измѣнилось; поколебалась вѣра въ его несокрушимость; на долго, можетъ быть, на всегда нарушены взаимныя любовь и довѣренность царя и народа.

Здѣсь долженъ я проститься съ мечтами моей молодости, хотя она тогда была еще во всей силѣ перваго цвѣта; здѣсь позволю я себѣ взглянуть на Европу, то-есть на Францію, начинавшую въ ней владычествовать, на Францію, источникъ нашихъ золъ, на эту Францію, на которую смотрѣлъ я доселѣ только что съ удовольствіемъ, какъ на модную лавку или на книжный магазинъ.

Бонапарте, отнынѣ императоръ Наполеонъ, еще и безъ сего титула спокойно въ ней царствовалъ. Когда ступени сооружаемаго имъ престола обагрилъ онъ кровію Бурбона, то болѣе всѣхъ Русскій дворъ изъявилъ негодованіе. Екатерининскій Марковъ находился тогда въ Парижѣ; онъ думалъ, что онъ въ Варшавѣ и имѣетъ дѣло съ Польскимъ сеймомъ, и поведеніемъ своимъ ускорилъ разрывъ; но отъ разрыва до войны еще не близко. Въ отвѣтъ на упреки и угрозы Европейскихъ государей, надѣлъ на себя Наполеонъ и лавровый вѣнецъ Кесарей и Августовъ, и желѣзную корону Карла Великаго; такимъ образомъ всемірно объявлялъ онъ притязанія свои на равное имъ владычество и, несмотря на тысячелѣтнюю давность, во второй разъ хотѣлъ воскресить Западную имперію.

Между тѣмъ Англія хотѣла въ этомъ видѣть одно только неосторожное его тщеславіе и, замѣчая сколь жестоко тѣмъ оскорбляются права Австрійской имперіи, такъ смирно и не страшно носящей названіе Римской, она старалась возбудить не только ее одну къ войнѣ, но посредствомъ преданныхъ ей министровъ и отдаленную Россію. Всѣ эти тайны кабинетовъ были неизвѣстны публикѣ, мнѣ кажется болѣе отъ того, что она ими мало занималась, и при отъѣздѣ моемъ ничто не предвѣщало еще скораго поднятія оружія.

Съ безпечностію силы (какъ столь удачно выразился пѣвецъ двѣнадцатаго года) смотрѣла Россія на грозныя тучи, собирающіяся на Западѣ. Она измѣряла пространство, отъ бурныхъ мѣстъ ее отдѣляющее, помнила Суворова и Нови, помнила, какъ одинъ ея батальйонъ возстановлялъ Неаполитанское королевство, и думала, что всегда будетъ время унять затѣйника. Но когда блеснуло передъ ней кровавое солнце Аустерлица, она изумилась, не скрыла своего неудовольствія и тѣмъ возбудила его и безъ того уже въ охладѣвшей къ ней душѣ Императора.

Отъ величественнаго и печальнаго зрѣлища, на которое указалъ я здѣсь, скорѣе перекидываюсь въ телѣгу, въ которой такъ радостно мчался я по Московской дорогѣ. Много мнѣ было съ нею хлопотъ, отъ необыкновенной ея постройки болѣе изъ прутьевъ, чѣмъ изъ дерева. Это была просто Польская бричка, за дешевую цѣну добытая мною въ Петербургѣ, длинная, укладистая и легкая. Къ несчастію, я первый показалъ такого рода экипажъ; она новостію своею удивляла ямщиковъ и огромностію пугала ихъ; называли ее то баней, то анбаромъ; они вѣрить не хотѣли, чтобы, не уморивъ тройки, можно было ее везти. Тщетно въ ихъ присутствіи, вмѣстѣ съ слугою моимъ, употребляя легкое усиліе, приводилъ я ее въ движеніе: они предполагали тутъ особенную какую-нибудь уловку или колдовство, и я увѣренъ въ томъ, что еслибъ я не имѣлъ подорожной по казенной надобности, то мнѣ рѣшительно отказали бы въ требуемомъ мною числѣ лошадей.

Москву нашелъ я столь же полною жителей какъ и зимой. Въ концѣ Мая дворяне не слишкомъ торопились въ свои подмосковныя: любили тогда повеселиться и отъ столичнаго шума не очень спѣшили къ сельской тишинѣ. Къ тому же, большая часть помѣщиковъ, въ Москвѣ живущихъ, мало была знакома съ мелочною роскошью и долгами: имъ не нужно было двѣ трети года жить нищенски въ деревнѣ, чтобы три мѣсяца поблистать въ ней зимой наравнѣ съ другими.

Одѣвшись въ нарядный свой костюмъ, спѣшилъ я въ немъ явиться къ начальнику столицы, Беклешову, и когда онъ не обратилъ на него никакого вниманія, то мнѣ стало очень обидно. «Мнѣ теперь некогда съ тобой много толковать, сказалъ мнѣ сей старый другъ отца моего, а пріѣзжай-ка сегодня обѣдать: тогда поговоримъ». Я надѣялся, что за столомъ будетъ что-нибудь болѣе лестное для моего самолюбія; но и тутъ ошибся: старики мало удостоивали молодыхъ своими разговорами, и все ограничилось двумя-тремя маловажными вопросами. Мнѣ было предосадно, и разумѣется, послѣ того я его не видѣлъ: видно, что я начиналъ уже идти за вѣкомъ.

Не смотря на то, я не оставилъ однакоже, чтобы не побывать у другихъ довольно важныхъ лицъ и былъ счастливѣе. Москвичи на все курьозное смотрятъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ и меня не оставили безъ замѣчанія. Между прочимъ, посѣтилъ я и прежняго своего начальника, Бантышъ-Каменскаго, который принялъ меня очень ласково, пригласилъ обѣдать и предложилъ мнѣ навѣдываться въ архивъ для прочтенія весьма важныхъ документовъ, относящихся къ прежнимъ Китайскимъ посольствамъ. Мнѣ было не до того, мнѣ хотѣлось нагуляться въ Москвѣ; впрочемъ еслибъ и была охота заняться, то не достало бы на то времени. Раза два побывалъ я въ архивѣ и довольно разсѣянно пробѣжалъ данныя мнѣ бумаги, что̀ весьма не полюбилось Николаю Николаевичу и, кажется, не возвысило меня въ его мнѣніи.

Я всего пробылъ тогда съ недѣлю въ Москвѣ и жилъ почти за городомъ, остановившись у зятя и сестры въ Крутицкихъ казармахъ, гдѣ для начальника выстроены были вновь прекрасныя деревянныя хоромы въ два жилья, съ прекраснымъ видомъ на Москву-рѣку. Добрѣйшая моя чета пользовалась въ это время всѣмъ возможнымъ на свѣтѣ счастіемъ. Графъ Салтыковъ купилъ для бывшаго, любимаго своего адъютанта хорошенькую, прибыльную подмосковную; безбѣдное состояніе, молодость, здоровье, спокойная совѣсть, совершенное между собою согласіе, всеобщая любовь, миленькіе, подростающіе сынки, все это дѣлало существованіе ихъ завиднымъ, все украшалось для нихъ цвѣтами. Увы, тернія были впереди, и близко! И сколько такихъ гнѣздъ разрушено было потомъ западными вихрями!

Въ первый разъ увидѣлъ я съ удовольствіемъ Пензу. Въ ней никого почти не было, кромѣ моего семейства: исключая служащихъ, всѣ разъѣхались по деревнямъ, а собираться на ярмарку еще было не время. Безпокойства моей матери насчетъ опасностей, которыя, по ея мнѣнію, мнѣ предстояли, радость моего отца, который наконецъ начиналъ во мнѣ видѣть что-то дѣльное, умножали, если возможно, ихъ нѣжность ко мнѣ, а меня дѣлали совершенно счастливымъ. Окруженный одними родными, пріятелями и приверженцами отца моего, я вполнѣ насладился удовольствіемъ быть такъ искренно любимымъ и, хотя на малое время, могъ обрѣсти рай среди самаго Пензенскаго ада. Но пріятное никогда не бываетъ продолжительно: отпраздновавъ самымъ веселымъ образомъ, въ селѣ нашемъ Симбухинѣ, день рожденія отца моего, 12 Іюня, чрезъ нѣсколько дней надобно было думать о разлукѣ. Медлить было невозможно, ибо съ первыхъ чиселъ Іюня посольство должно было отдѣленіями начать отправляться въ путь; а

какъ распоряженія сдѣланы были послѣ меня, то я и не зналъ, къ которому принадлежу.

Снаряжая меня въ дорогу, не одпѣми деньгами снабдили меня родители, но и многими нужными для меня вещами; сверхъ того, отняли у себя необходимаго почти для нихъ крѣпостнаго человѣка, берейтора Гаврилу Олисова, и дали мнѣ въ услуженіе на все время моего странствованія. Мать и сестры со слезами разстались со мною 17 Іюня у заставы, а до перваго уѣзднаго городка, въ сорока верстахъ отъ Пензы находящагося, взялся меня проводить г. де-Руссель.

За это доброе дѣло и за доброе ко мнѣ расположеніе обязанъ я, кажется, заплатить ему какою-нибудь услугой и думаю, что сдѣлаю сіе, передавъ имя его потомству, если только мое до него дойдетъ. До перваго еще открытія Пензенской губерніи, былъ онъ нарочно выписанъ изъ Франціи, чтобы быть учителемъ въ домѣ воеводы Чемесова; но какъ и черезъ кого, этого я не вѣдаю. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ соотечественниковъ своихъ онъ первый явился въ Пензѣ, и потому-то не диво, что онъ въ ней дивомъ казался. Кажется, онъ былъ простой селянинъ (какъ сіе произношеніемъ его доказывалось), но смѣтливый, предпріимчивый и кое-какъ выучившійся грамотѣ, и Россія своимъ варварствомъ не столько испугала его, какъ приманила. Когда онъ прибылъ въ нее, то почти никого не нашелъ съ кѣмъ бы оворить на природномъ языкѣ, и чтобъ учить по-французски, долженъ былъ самъ напередъ выучиться по-русски: такимъ образомъ Руссель совсѣмъ обрусѣлъ. Онъ былъ молодъ и дюжъ и, говорятъ, имѣлъ довольно прибыльные любовные успѣхи. Когда онъ понакопилъ нѣсколько денегъ, то взялся за умъ, то-есть принялся за торговлю; и какъ онъ былъ добръ, честенъ и внушалъ къ себѣ довѣренность, то скоро и нажился. Только то странно, что когда онъ сдѣлался Русскимъ купцомъ и изъ Жанъ Жозефа переименовалъ себя въ Иваны Осиповичи, то къ простому имени своему вздумалъ прибавить Французское благородное *де.* Наконецъ, въ званіи прикащика управлялъ онъ виннымъ откупомъ въ Городищѣ, куда онъ провожалъ меня и гдѣ онъ имѣлъ домъ лучше и опрятнѣе другихъ. Никакая Русская барышня въ старину не пошла бы за иностранца, учителя или купца, и потому де-Руссель долженъ былъ удовольствоваться супружествомъ съ Нѣмкой-колонистской, съ которою и имѣлъ уже взрослыхъ сыновей. Все это: онъ самъ, нажитое имѣніе и прижитое семейство какъ-то вдругъ исчезло, все осталось, все легло въ землѣ Русской.

Рано по утру оставилъ я Городище и простился съ добрымъ Иваномъ Осиповичемъ, который въ немъ угостилъ и успокоилъ меня. Дорога изъ Пензы въ Симбирскъ самая безмолвная, самая уединен-

ная, какъ всѣ дороги въ Россіи, кои, далеко отъ столицъ и въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ, служатъ только соединѣніемъ двухъ губернскихъ городовъ. Отъ Городища я проѣхалъ верстъ полтораста, во весь день не встрѣтивъ болѣе двухъ или трехъ крестьянскихъ телѣгъ. На всемъ этомъ протяженіи, не слишкомъ широкій путь лежалъ мнѣ черезъ лѣсъ, и я смотрѣлъ на небо сквозь продолговатое, узкое отверстіе. Лишь только переѣдешь за Суру, начинаются вѣковыя дубравы, черезъ кои нѣкогда безъ имени она протекала; долго, почти до половины прошедшаго столѣтія сѣкира не нарушала ихъ молчанія, и подъ тѣнію ихъ пять зимнихъ мѣсяцевъ накопившіеся снѣга, тая три лѣтнихъ, питали ея воды и весь годъ дѣлали ее судоходною. Берега сей рѣки, нынѣ рѣчки, начинали уже обнажаться; но когда въ это время проѣзжалъ я безконечный Засурскій лѣсъ, кажется, что хищная рука форштмейстеровъ не проникала еще въ глубину его священнаго мрака, не вырубался онъ для варенія хмѣльнаго напитка, развратителя Русскаго народа, не рѣдѣлъ онъ отъ мотовства распутныхъ дворянскихъ наслѣдниковъ, нынѣ въ одинъ день цѣлыя десятины его поглощающихъ, и явился мнѣ во всемъ своемъ величіи.

Одни чувствуютъ, другіе чувствуютъ и умѣютъ выражаться. Я принадлежалъ къ числу первыхъ и потому съ восторгомъ, года полтора спустя, прочиталъ я въ Шатобріанѣ описаніе своихъ ощущеній. Все, что̀ говоритъ онъ о пустынныхъ лѣсахъ Америки, могло относиться тогда и къ Засурскому; тоже шумное молчаніе, тѣже невнятные звуки, невѣдомо откуда выходящіе, тотъ же благоуханной влагой умѣряемый жаръ. Жужжаніе миліардовъ невидимыхъ насѣкомыхъ, щебетанье и чириканіе милліоновъ птицъ, перескакиваніе бѣлокъ, трепетанье и чоканье вѣтвей, хрустѣнье листьевъ и хвороста подъ ногами идущаго звѣря, все сливалось въ одинъ тихій гулъ, все бору давало голосъ, какъ говоритъ Шатобріанъ. Могли же близко тутъ быть волки, медвѣди, а мнѣ и въ голову не приходило бояться: такъ былъ я очарованъ, такъ все окружающее меня казалось мнѣ спокойно, торжественно, хвалебно.

Прелестное въ мірѣ всегда бываетъ и опасно: Засурскій лѣсъ не однихъ лютыхъ звѣрей скрывалъ тогда въ своей чащѣ, но и недобрыхъ людей. Это узналъ я, когда, выѣхавъ изъ него въ открытыя мѣста и подъѣзжая къ одному уѣздному городу, замѣтилъ множество разставленныхъ пикетовъ. Въ этомъ городѣ, который не знаю почему названъ Корсунемъ (когда онъ ничего не имѣетъ общаго съ Херсономъ и Херсонисомъ) бываетъ одна изъ многолюднѣйшихъ ярмарокъ въ Россіи, и на везущихъ на нее товары дѣлались еще изъ сего лѣса частыя нападенія. Не смотря на средства къ обогащенію, Корсунь-

столь же мало представляетъ примѣчательнаго какъ и другой городокъ, Тагай, который я въ тотъ же день проѣхалъ.

Мнѣ не судьба была видѣть Симбирскъ. Я подъѣзжалъ къ нему ночью; передъ разсвѣтомъ пошелъ проливной дождь, отъ котораго защитился я всѣми застежками моей брички, и не смѣлъ изъ нея выглянуть: такимъ образомъ пріѣхалъ я на весьма незавидный почтовый дворъ. Я спѣшилъ ѣхать, дождь не унимался, и я выѣхалъ изъ Симбирска также укрытый какъ и въѣхалъ въ него.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска погода разгулялась, и небо опять просіяло, но вскорѣ потомъ сокрылось отъ глазъ моихъ; крѣпкій сонъ одолѣлъ меня, и я проспалъ почти до самаго вечера. Выѣхавъ изъ одной грязной деревни, гдѣ долженъ я былъ починить колесо, гдѣ поѣлъ и напился чаю, узналъ я, что зовутъ ее городъ Буинскъ. На другой день часу въ десятомъ утра пріѣхалъ я въ Услонъ, деревню въ семи верстахъ отъ Казани, на превысокомъ и прекрутомъ берегу Волги лежащую. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я издали нашу Татарскую столицу и у ногъ моихъ царицу рѣкъ въ настоящей красѣ ея. Я говорю въ настоящей, а не въ полной, ибо она возвратилась уже изъ ежегоднаго посѣщенія, которое она дѣлаетъ Казани и вошла въ берега свои. Но и тутъ переправа черезъ нее была продолжительна и мнѣ показалась опасна. Ровно въ двѣнадцать часовъ 21 Іюня пріѣхалъ я въ Казань.

Я изъ Петербурга имѣлъ письмо къ одному молодому человѣку отъ отца его, богатаго купца Василья Васильевича Евреинова, который въ столицѣ хлопоталъ по дѣламъ своимъ, видѣлъ меня у Злобина и предложилъ остановиться въ собственномъ его Казанскомъ домѣ. Этотъ домъ находился близъ крѣпости, противъ Гостиннаго двора, на самой главной улицѣ, которой имя я теперь забылъ. Я прямо туда въѣхалъ, но мнѣ сказали, что молодой хозяинъ кому-то домъ свой отдалъ на лѣто, а самъ живетъ за городомъ на мыльномъ заводѣ. Куда мнѣ было дѣваться? Мнѣ рядомъ указали на Нѣмецкій трактиръ.

Хозяиномъ его былъ Иванъ Иванычъ Шварцъ; столь же пошлое имя между Нѣмцами, какъ Смирновъ и Поповъ между Русскими. Мнѣ все въ немъ показалось *шварцъ*, и рожа, и душа, и я, кажется, не ошибся. Нельзя себѣ представить, какъ Нѣмцы въ старину у насъ бывали дерзки! По всему было видно, что этотъ человѣкъ изъ простыхъ мужиковъ; онъ былъ грубіянъ и плутъ, съ проѣзжими обходился невѣжливо и дралъ съ нихъ безъ милосердія, а у него останавливалось и ему покровительствовало губернское начальство; за то, разумѣется, и съ нимъ былъ онъ почтителенъ и угодливъ. Пріѣзжіе изъ уѣздовъ и сосѣднихъ губерній въ это время скупились и стыдились жить

въ гостиницахъ; а родные и знакомые, преслѣдуя своимъ гостепріимствомъ, ихъ до того не допускали. Одна только необходимость заставляла никому незнакомыхъ людей, какъ и я, селиться въ единственномъ заѣзжемъ домѣ сего большаго города; и потому-то Шварцъ вымещалъ на нихъ свои недоборы и видѣлъ въ нихъ беззащитныя жертвы своей алчности. Онъ былъ не простой трактирщикъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержатель клуба или благороднаго собранія: оно помѣщалось въ семъ же самомъ домѣ и имѣло пребольшую залу, въ которой по зимамъ танцовали.

Какъ отъ публичнаго лица въ Казани, надѣялся я отъ г. Шварца узнать что-нибудь на счетъ проѣзда чиновниковъ посольства. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что мало о томъ заботится, но слышалъ однакоже, что какіе-то посольскіе обозы проходили черезъ Казань. Уставъ отъ дороги, я послѣ обѣда легъ отдохнуть, а слугу своего послалъ между тѣмъ поразвѣдать о томъ въ городѣ. Онъ ходилъ не даромъ и къ вечеру пришелъ мнѣ сказать, что улицы черезъ двѣ отъ нашего жилища, одинъ купеческій, пустой, просторный, каменный домъ отведенъ подъ постой для посольства, что всѣ принадлежащіе къ нему въ немъ останавливаются и что даже въ это время наполненъ онъ пріѣзжими.

Рано по утру на другой день пошелъ я туда и нашелъ Шуберта съ сыномъ, Довре со всѣми его офицерами и лѣкаря Гарри. Мы дотолѣ были мало знакомы, но, какъ будто на чужой сторонѣ, встрѣтились дружески. Вотъ что̀ узналъ я отъ нихъ: чтобы не имѣть затрудненія въ лошадяхъ, графъ Головкинъ раздѣлилъ весь нашъ поѣздъ на десять, не помню, на двѣнадцать отдѣленій, отправляя ихъ черезъ три или четыре дня одно послѣ другаго. Графъ Потоцкій съ четырьмя профессорами открывалъ шествіе; за нимъ слѣдовала духовная миссія; Шубертъ и Довре составляли третье отдѣленіе. Въ слѣдующихъ за тѣмъ отдѣленіяхъ, каждое подъ управленіемъ котораго-нибудь изъ нестоль важныхъ чиновниковъ, Осипова, Алексѣева, Корнѣева и другихъ, везены были всѣ тяжести посольства: богатые подарки императору и его двору, палатки на всякій случай, множество дорожной складной мебели, большой казенный серебряный сервизъ для нашего употребленія, и мало ли чего, между прочимъ цѣлый оркестръ музыкантовъ. Всю эту истинно царскую помпу заключалъ посолъ со штатомъ своимъ и канцеляріей. Меня къ тому Байковъ не допустилъ, а приписалъ къ предпослѣднему отдѣленію, коимъ заправлялъ камеръ-юнкеръ Нелидовъ. Слѣдственно долго еще мнѣ было дожидаться своей очереди, и мнѣ предстояло довольно времени, чтобъ изучить Казань и соскучиться въ ней.

Любезные мои товарищи приглашали меня умѣститься съ ними, но сего предложенія я принять не могъ. Правда, домъ снаружи и внутри былъ очень хорошо выбѣленъ, за то болѣе уже не спрашивай: ни зеркальца, ни занавѣски; двѣ, много три досчатыя кровати и нѣсколько большихъ столовъ изъ простаго дерева составляли всю его меблировку. Старику Шуберту отвели уголокъ попокойнѣе; прочіе же жили съ неприхотливостію совершенно-военною; каждая комната была въ одно время и спальня, и столовая, и чертежная, ибо столы были покрыты планами и рисунками, и всѣ спали, кажется, въ повалку.

Погулявъ по городу, прежде нежели возвратился я домой, зашелъ я въ домъ Евреинова, чтобъ узнать, какимъ образомъ могу я сыну доставить письмо данное мнѣ отцемъ. Я взошелъ по лѣстницѣ; не встрѣтивъ никого въ передней и пройдя первую большую комнату, во второй нашелъ я сидящихъ три дамы: одну старую и двухъ молодыхъ; я извинился передъ ними въ своей нескромности и объяснилъ причину моего внезапнаго посѣщенія; онѣ просили меня сѣсть, и знакомство сдѣлалось у насъ очень скоро. Пожилая барыня была Анна Давыдовна Кикина, урожденная Панчулидзева, сестра весьма извѣстнаго въ нашихъ мѣстахъ Саратовскаго вице-губернатора; другія же двѣ были ея дочери, одна замужняя и одна дѣвица. Мужъ старшей дочери, служащій въ провіантскомъ штатѣ подполковникъ Шеваревъ, находился въ какомъ-то свойствѣ съ Евреиновыми и жилъ тутъ у нихъ даромъ. Ничего не могло быть благосклоннѣе моихъ новыхъ знакомокъ; онѣ взяли у меня письмо къ хозяину дома и, какъ приближался обѣденный часъ, то-есть было болѣе двѣнадцати часовъ полудня, пригласили съ собой обѣдать. Вскорѣ пришелъ и зять госпожи Кикиной, и мы сѣли за столъ. Анна Давыдовна должна была смолоду быть очень хороша собою: Грузинскія правильныя черты сочетались на лицѣ ея съ бѣлизною сѣверныхъ женщинъ; въ ней виденъ былъ тотъ природный умъ, который угадываетъ законы общежитія; старшая дочь ея, Шеварева, была хороша и глупа, меньшая дурна и ума самаго пріятнаго; о зятѣ не стоитъ говорить. Я чрезвычайно обрадовался сему первому нечаянному знакомству. Пенза, которая отъ Казани отдѣлена одною только Симбирскою губерніей, тогда почти столь же мало имѣла съ ней сношеній, какъ съ Гамбургомъ, и потому изъ нея я ни къ кому не могъ быть адресованъ.

Тотъ же день, въ сумерки, пріѣхалъ ко мнѣ получившій уже письмо отъ отца своего, Иванъ Васильевичъ Евреиновъ и сталъ убѣдительно просить меня переѣхать къ нему на заводъ, который хотя и находился въ двухъ съ половиною верстахъ отъ мѣста моего жительства, но былъ смеженъ съ городомъ. Для пѣшехода разстояніе ужас-

ное! Возраженія мои побѣдилъ онъ обѣщаніемъ дать къ полное распоряженіе мое легонькія дрожки съ парою борзыхъ, отчаянныхъ коней, которые, по моему велѣнію, въ одинъ мигъ вихремъ будутъ переносить меня куда угодно. Противъ этого устоять я не могъ; нервы у меня не были разстроены, я не былъ такимъ трусомъ какъ нынѣ, и скакать мнѣ казалось блаженствомъ. Уже было поздно, и мы положили, что перенесеніе мое совершится въ слѣдующее утро.

Три чистыя, покойныя комнаты, которыя самъ онъ занималъ, уступилъ мнѣ хозяинъ мой и перешелъ на отцовскую половину. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти; высокій, сухощавый и смуглый, добрый и степенный, своею бережливостію, разсчетливостію, трудами безпрестанно поправлявшій дѣла отца своего, котораго предпріимчивость часто грозила имъ разореніемъ. Я началъ жить на всемъ готовомъ, но скучая уединеніемъ, велъ себя весьма нескромно, цѣлый день разъѣзжалъ и возвращался домой только что обѣдать и ночевать. А добрый мой хозяинъ хотя бы взглядомъ упрекнулъ меня за невниманіе къ нему. Не понимаю, изъ чего онъ бился? И говоря языкомъ нынѣшняго вѣка, спрашиваю у себя, на какую потребу былъ ему молодой человѣкъ, котораго онъ дотолѣ вовсе не зналъ и въ это время мало видѣлъ? Да такъ просто, представился случай одолжить, а такіе люди ни за что̀ его не пропустятъ. Если онъ ожидалъ благодарности то и въ этомъ ошибся; ибо вскорѣ потомъ забылъ я одолженіе его и его самого, и только теперь съ чувствомъ о томъ вспоминаю. Пусть нынѣ поищутъ подобныхъ ему людей!

Житье въ Казани для свитскихъ офицеровъ было еще пріятнѣе: жители ея носили ихъ на рукахъ; не довольствуясь каждый день звать ихъ обѣдать, они посылали къ нимъ на домъ множество съѣстнаго сухарей, кренделей, пироговъ, пирожковъ и тому подобное. Эти господа не безъ сожалѣнія разставались съ симъ городомъ, и дабы сдѣлать меня участникомъ и преемникомъ изобилія, въ коимъ они находились полковникъ Довре, наканунѣ отъѣзда своего, повезъ меня въ нѣкоторые изъ тѣхъ домовъ, съ коими успѣлъ познакомиться.

Между прочимъ заѣхали мы къ одному члену Военной Коллегіи генералъ-маіору Петру Дмитріевичу Бестужеву-Рюмину, который находился тутъ на слѣдствіи по одному пустому дѣлу въ провіантской коммиссіи; онъ давно его кончилъ, но медлилъ отъѣздомъ, чтобы продлить пріятную для него роль ревизора. Онъ прежде того былъ адъютантомъ у Наслѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ шпіономъ, приставленнымъ къ нему Павломъ Первымъ, о чемъ Императоръ узналъ по восшествіи на престолъ; разумѣется, что онъ его при себѣ не оставилъ, однакоже и не почелъ его достойнымъ своей мести. Это былъ г

человѣкъ въ мірѣ, который тщетно силился придать себѣ какую-то важность: природа и обстоятельства тому препятствовали. Онъ нахальнымъ образомъ поселился въ домѣ у губернатора, который тогда былъ въ отсутствіи, и безъ его вѣдома, на его счетъ, приказывалъ готовить себѣ кушанье и даже на сіи обѣды звалъ гостей.

Пока мы съ нимъ разговаривали, пріѣхалъ губернаторъ изъ дороги, и наморщась, весь запыленный, вошелъ въ комнату. Бестужевъ встрѣтилъ его какъ ни въ чемъ не бывало, а мы съ Довре натурально ему представились. Онъ, какъ умѣлъ, насъ привѣтствовалъ и пригласилъ на другой день обѣдать. Довре, поблагодаря, извинился отъѣздомъ.

Этотъ губернаторъ, Борисъ Александровичъ Мансуровъ, былъ человѣкъ вдовый, довольно пожилой, отмѣнно добрый, до губернаторства находившійся все въ военной службѣ. Не знаю почему искалъ я въ немъ сходства съ отцомъ моимъ, но кромѣ доброты и честности никакого не находилъ; вообще онъ былъ очень любимъ, но мало уважаемъ, чтó происходило отъ вредной для власти со всѣми фамильярности. Дня въ два мы коротко съ нимъ познакомились, и онъ успѣлъ уже мнѣ жаловаться на безстыдство Бестужева, который мало что безъ его приглашенія живетъ въ его домѣ, но и позволяетъ себѣ въ немъ хозяйничать.

Видно, я казался ему менѣе тягостнымъ, ибо онъ признался мнѣ, что болѣе для того желаетъ выжить Бестужева, чтобы меня помѣстить у себя. Дѣло было трудное, едва ли возможное, и потому губернаторъ придумалъ другое средство, чтобы приблизить меня къ себѣ. Въ Казани было два брата, Порфирій и Христофоръ Львовичи Молоствовы, весьма богатые и уважаемые помѣщики, которые лѣтомъ жили въ деревнѣ. Съ ними, и особенно съ первымъ, жилъ Мансуровъ въ тѣсной дружбѣ. Домъ сего Порфирія Молоствова находился напротивъ губернаторскаго, и располагая имъ какъ собственнымъ, онъ предложилъ мнѣ занять въ немъ двѣ-три комнаты. Онъ былъ не слишкомъ веселаго нрава, но любилъ веселость и молодежь, и ею окружалъ себя. Въ числѣ его приближенныхъ находился, по моему, тогда не совсѣмъ молодой человѣкъ, Андрей Андреевичъ Нечаевъ, шуринъ Молоствова, который также жилъ въ семъ домѣ и которому поручилъ онъ угощать меня.

О перемѣщеніи своемъ гордо возвѣстилъ я Евреинову, какъ будто объ освобожденіи отъ плѣна. Добродушіе сего почтеннаго человѣка заставило его думать, что онъ чѣмъ-нибудь не угодилъ мнѣ, оскорбилъ меня: онъ началъ извиняться; тогда я почувствовалъ что-то похожее на угрызеніе совѣсти и первыми ласковыми словами спѣшилъ успокоить.

Тутъ началась для меня самая веселая жизнь, въ холостой губернаторской компаніи, такъ что я не имѣлъ никакой нужды ѣздить въ тѣ дома, куда Довре возилъ меня знакомить и которые лѣтомъ никогда, или по крайней-мѣрѣ на короткое время, разставались съ городомъ. Примѣчательны были только два семейства, коимъ я былъ представленъ и коихъ, въ свою очередь, не излишнимъ считаю представить здѣсь читателю.

Отставной сенаторъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Желтухинъ, жилъ тогда въ Казани. При Екатеринѣ былъ онъ Вятскимъ губернаторомъ. Жителей сей губерніи, почти все казенныхъ крестьянъ, управляющіе оною, кажется, и понынѣ почитаютъ своими собственными; видно, что г. Желтухинъ слишкомъ сильно въ томъ убѣдился, ибо его призвали къ отвѣту въ Петербургъ. Судъ продолжался, медлилъ приговоромъ, а покамѣстъ тѣснилъ обвиненнаго и все высосанное имъ мало-по-малу изъ него выжималъ. Наступило грозное царствованіе Павла, и Желтухинъ рѣшился на отчаянное средство. Онъ явился въ пріемный день у генералъ-прокурора съ запечатаннымъ огромнымъ пакетомъ въ рукахъ. Въ короткихъ словахъ изобразилъ онъ униженіе, въ которомъ находится, униженіе, которое терпитъ, и при всѣхъ просилъ тщательно разсмотрѣть заключенныя въ пакетѣ бумаги, которыя по его увѣренію послужатъ къ совершенному его оправданію. Вельможа, котораго благодарность не позволяетъ мнѣ назвать, довольно разсѣянно приказалъ секретарю принять пакетъ изъ рукъ его и отнести къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ наединѣ принялся онъ разсматривать документы и насчиталъ, говорятъ, до ста тысячъ неоспоримыхъ доказательствъ въ его пользу; вытребовалъ дѣло, доложилъ Императору, и черезъ два дня Желтухинъ изъ подсудимаго въ Сенатѣ пересѣлъ въ судящіе. Тутъ поспѣшилъ онъ вознаградить себя за понесенные убытки и сдѣлалъ хорошо, ибо при Павлѣ, какъ извѣстно, даже на неподвижномъ мѣстѣ сенатора никто долго усидѣть не могъ. Онъ былъ отставленъ и высланъ изъ столицы.

Сей почтенный человѣкъ былъ не любящъ, не любезенъ и не любимъ. Жилъ онъ уединенно, посѣщали его немногіе; но при встрѣчахъ всѣ оказывали ему тѣ знаки уваженія, въ которыхъ тогда лѣтамъ и званію отказывать было не позволено. Когда Довре привезъ меня къ нему, онъ поблагодарилъ и его, и меня. Братъ его Алексѣй Ѳедоровичъ, о коемъ мимоходомъ я упомянулъ, былъ городничимъ въ Саранскѣ и находился подъ начальствомъ отца моего; это одно уже располагало его быть со мною ласковымъ, и дня два спустя прислалъ онъ звать меня обѣдать. Этого обѣда я не забуду. Я не говорю о столѣ, который могъ быть очень хорошъ или очень дуренъ, я не

судить о томъ, ибо все, что у меня было передъ глазами, отнимало у меня апетитъ. Насъ было только четверо: хозяинъ съ женою и дочерью, да я четвертый. Никогда, ни прежде, ни послѣ не встрѣчалъ я лицъ, болѣе выражающихъ злобу, какъ лица обоихъ супруговъ, Θедора Θедоровича и Анны Николаевны, урожденной Мельгуновой. Между тѣмъ привычная улыбка не покидала ихъ устъ, но въ ней было что-то презрительное и злорадное, (съ такою улыбкою убиваютъ врага), и она становилась нѣжнѣе, когда только взоры супруговъ, созданныхъ другъ для друга, встрѣчались между собою. Разговоръ со мною хозяина былъ вѣжливый, совсѣмъ не глупый, но весьма обыкновенный; видно, что въ приглашеніи меня послѣдовалъ онъ только принятому обычаю. А я охотно бы избавилъ его отъ того. Худоба, блѣдность и вѣчный трепетъ слугъ, глубокая печаль и страхи, изображенные на чертахъ замужней, разводной его дочери Каховской *), молчаніе ея и потупленные взоры, все мнѣ показывало, что я нахожуся въ царствѣ ужаса, какъ городская молва вслѣдъ за тѣмъ мнѣ подтвердила. Вставши отъ стола, я спѣшилъ вонъ, и къ счастію меня не удерживали. Выходя изъ сего дома, мнѣ пришла смѣшная мысль сравнивать себя съ Даніиломъ, когда по милосердію Божію онъ исходилъ невредимъ изъ львиной ямы.

Другое семейство, съ которымъ меня познакомили, также слыло немного добрѣе Желтухиныхъ, но по крайней мѣрѣ не посѣтители его могли на то жаловаться.

У Ивана Осиповича и Натальи Ипатовны Юшковыхъ было пять сыновей и столько же дочерей, отъ сорока лѣтъ до пятнадцати и ниже; и это было менѣе половины нарожденныхъ ими дѣтей; бóльшую же половину они похоронили. Только у насъ въ Россіи, и то въ старину, смотрѣли безъ удивленія на такое плодородіе семействъ, коимъ болѣе принадлежитъ названіе рода или племени. Никуда такъ охотно не стекаются гости какъ въ тѣ дома, гдѣ между хозяевами можно встрѣтить оба пола и всѣ возрасты. Вотъ почему домъ Юшковыхъ почитался и былъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ веселыхъ въ Казани. Старшіе сыновья служили въ Преображенскомъ полку; двое изъ нихъ, одинъ недавно вышедшій въ отставку, а другой по болѣзни въ отпуску, находились тогда при родителяхъ и помогали имъ принимать гостей.

---

*) Сверхъ того было у нихъ еще четыре сына, изъ коихъ двое сдѣлались извѣстны. Старшій Сергѣй Θедоровичъ былъ трусъ и глупъ; другой Петръ Θедоровичъ уменъ ыбръ; но оба злы и жестоки. Оба кончили жизнь генералъ-лейтенантами; послѣдній эедсѣдателемъ Молдавскаго Дивана во время послѣдней Турецкой войны.

Не въ столь веселый, но болѣе пріятный домъ повезъ меня губернаторъ Мансуровъ: ко вдовѣ одного изъ предмѣстниковъ своихъ, князя Семена Михайловича Баратаева, матери пяти красавицъ. Одну изъ нихъ и, какъ увѣряли меня, самую прелестную, я не нашелъ: смерть похитила ее у семейства за мѣсяцъ до моего пріѣзда. Черное платье и печальный видъ дѣлали еще трогательнѣе красоту четырехъ оставшихся. Безъ блестящаго воспитанія, безъ малѣйшаго кокетства, всѣ онѣ были привлекательны, и какъ ни хороши были собою, поговоривъ съ ними немного, можно было почувствовать, что наружность ихъ только красивый футляръ, вмѣщающій въ себѣ нѣчто болѣе драгоцѣнное, ангельскую душу. Какъ мать, такъ и дочери, были привѣтливы и скромны, и все въ домѣ семъ показывало благочестіе и пристойность.

Какъ бы мнѣ не позабыть пару добрыхъ людей, которые сами старались со мной познакомиться: старика коменданта, генералъ-майора Кастелли и жену его Софью Васильевну, урожденную Нелюбову. Съ Итальянскимъ прозваніемъ, былъ онъ простой Русскій солдатъ, не зналъ никакого иностраннаго языка и даже походомъ Суворова въ Италію, въ которомъ находился, не умѣлъ воспользоваться, чтобы выучиться по-итальянски. Жена его имѣла недостатокъ, дурную привычку (порокомъ, право, назвать грѣшно) все разсказываемое преувеличивать. Примѣчательно, что въ ней это было врожденное, общее со всѣми членами ея семейства; братья, сестры, всѣ безъ краснаго словца ступить не могли. Изъ нихъ я помню одну, генеральшу Елисавету Васильевну Репнинскую, которую знавалъ я въ Кіевѣ, и артилерійскаго генерала Василья Васильевича Нелюбова, которые искусство сіе доводили до совершенства; и онъ самъ, бывало, шутя говорилъ: «Нелюбова не слушай, а лгать не мѣшай». Добродушіе Казанцевъ не дозволяло имъ оспаривать госпожу Кастелли, ни поднимать ее на смѣхъ.

Не знаю, что̀ мнѣ сказать объ обществѣ, въ которомъ я жилъ. Молодыхъ людей, служащихъ и не служащихъ, окружавшихъ тогда губернатора, всѣхъ до одного я помню; но сдѣлаю будто ихъ перезабылъ, потому что, право, они того сто̀ятъ: ни одного порока, ни одной доблести. Каковы были они, таково было Казанское общество, или по крайней мѣрѣ та часть его, которую въ трехнедѣльное пребываніе успѣлъ я узнать. А между тѣмъ собирались, разговаривали безъ умолку, толковали, а о чемъ? Богъ вѣсть, хотя бы о собакахъ или объ урожаѣ. Анъ нѣтъ! ни пересудовъ и злословія, ни политики, ни литературы, а такъ какой-нибудь вздоръ взбредетъ, не на умъ, который тутъ не вмѣшивался, а на языкъ, и какъ на жерновѣ начнетъ перемалываться. Однакоже не худо ли я дѣлаю, что почти съ

пренебреженіемъ говорю о томъ, что̀ меня самого тѣшило и тогда какъ я самъ все зря говорилъ? Вспоминая вѣчныя претензіи, вѣчную клевету, грубыя, иногда язвительныя шутки Пензенскія, я какъ будто успокоивался веселымъ, безвиннымъ Казанскимъ пустословіемъ.

Новорожденный Казанскій Университетъ видѣлъ я въ пеленкахъ. Кончились первые его экзамены, и я присутствовалъ на торжественномъ актѣ, когда призы раздавались студентамъ. Строеніе было довольно обширно, не то что́ послѣ, когда его распространили; но нынѣ нѣтъ ни одной гимназіи, которой публичныя испытанія не представляли бы зрѣлища, болѣе уваженія возбуждающаго. Чтобы дать понятіе о степени младенческаго его ничтожества, скажу только, что Яковкинъ былъ его ректоромъ.

Дважды пламя пожирало Казань, послѣ того какъ я былъ въ семъ городѣ, и онъ, говорятъ, въ новой красотѣ подымался изъ развалинъ. Съ тѣхъ поръ какъ я его видѣлъ, долженъ былъ онъ перемѣниться, и можетъ быть теперь я не узналъ бы его. Но и тогда, по населенію, по числу и прочности зданій, если не по красотѣ, могъ онъ дѣйствительно почитаться третьимъ Русскимъ городомъ: ибо Рига Нѣмецкій, Вильно Польскій, а Одесса Вавилонскій городъ. Сначала ожидалъ и искалъ я въ Казани Азіятской физіономіи, но вездѣ передо мной подымались куполы съ крестами, и только издали глаза мои открыли потомъ минареты. Казань, сколько могла, старалась рабски все перенимать у побѣдительницы своей, Москвы; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтія Россія повелительно, а не всепокорно дѣлала завоеванія, какъ въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ. Не знаю почему госпожа Сталь называла Москву Татарскимъ Римомъ; гораздо справедливѣе и основательнѣе можно было назвать Казань Татарскою Москвой: также кремль, также древніе соборы и храмы, въ одномъ стилѣ и современные Московскимъ церквамъ, ибо новое зодчество началось у насъ при обоихъ Іоаннахъ. Купцы, чиновнички и мелкіе дворяне, также какъ въ Москвѣ за Москвой-рѣкой и за Яузой, жили здѣсь за Казанкой и за Булакомъ. Сплошное каменное строеніе было при мнѣ только по Большой улицѣ и вокругъ такъ-называемаго Чернаго озера; тутъ были всѣ публичныя зданія, торговля, и жило лучшее дворянство; въ другихъ кварталахъ каменное строеніе мѣшалось съ деревяннымъ.

На самыхъ окраинахъ города поселены были первобытные жители Казани, побѣжденное племя Татарское. Тамъ только, когда я жилъ на заводѣ Евреинова, могъ я часто ихъ встрѣчать. Я заходилъ въ ихъ мечети и безвозбранно смотрѣлъ на ихъ моленіе. Я любилъ ихъ смѣлый, откровенный взглядъ, ихъ довѣрчивый характеръ; одной

храбрости Русскихъ они бы не уступили, но хитрость и соединенныя силы ихъ задавили. Примѣчательно, что хотя они народъ торговый, а никто изъ нихъ не богатѣетъ подобно Русскимъ купцамъ, которые въ глазахъ ихъ дѣлаются милліонерами; стало быть и въ оборотливости наши ихъ превзошли. Изъ ихъ древностей видѣлъ я только въ крѣпости какіе-то переходы, бывшіе при царицѣ Сумбекѣ и носящіе ея имя. Въ окрестностяхъ Казани посѣтилъ я одинъ только весьма не замѣчательный Хижицкій монастырь, мѣсто погребенія богатыхъ людей, куда ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ собора.

Внутренность видѣнныхъ мною домовъ богатствомъ и обширностію мало разнствовали отъ Пензенскихъ; только я замѣтилъ, что бумажныя обои продолжали здѣсь быть въ употребленіи, когда въ Москвѣ и даже Пензѣ они совсѣмъ были брошены. Одинъ только губернаторскій казенный домъ, не знаю у кого купленный, великолѣпіемъ превосходилъ другіе; къ украшенію его много послужила Китайская торговля. Большая гостиная была обита шелковою матеріей, по которой въ Китайскомъ вкусѣ очень пестро разрисованы были цвѣты и листья; въ диванной стѣны были настоящія Китайскія, разноцвѣтныя, лакированныя, и на нихъ были выпуклыя фигуры, какъ будто изъ финифти.

Былъ также въ Казани и театръ, пребольшущій, деревянный, посреди одной изъ ея площадей; но лѣтомъ на немъ не играли. Содержатель его, Петръ Васильевичъ Есиповъ, былъ одинъ изъ тѣхъ Русскихъ дворянъ, ушибенныхъ театромъ, которые имъ же потомъ лѣчились. Онъ жилъ тогда въ деревнѣ, я думаю, единственной, ему оставшейся, верстахъ въ сорока отъ Казани, и съ самаго пріѣзда моего слышалъ я все о замышляемомъ на него набѣгѣ губернатора съ своимъ обществомъ: въ семъ предпріятіи долженъ былъ я участвовать. Почти передъ самымъ концомъ пребыванія моего въ Казани собрались, наконецъ, на сію партію удовольствія, какъ говорятъ Французы. Предувѣдомленный о нашемъ нашествіи, хозяинъ ожидалъ насъ твердою ногой. Какъ эта поѣздка была для меня единственною въ своемъ родѣ, то нѣтъ возможности не поразсказать объ ней.

Насъ восемь человѣкъ отправилось въ линейкѣ, въ томъ числѣ губернаторъ и Бестужевъ. Это было въ шесть часовъ вечера; многіе другіе, въ разныхъ экипажахъ, пустились еще съ утра. Мы ѣхали не шибко, перемѣняли лошадей и переправлялись черезъ Волгу, а между тѣмъ не видѣли, какъ проѣхали болѣе сорока верстъ; всю дорогу смѣялись, а чему? какъ говоритъ нашъ простой народъ, своему смѣху. Генералъ Бестужевъ, развеселясь, также хотѣлъ насъ потѣшить; онъ не умѣлъ пѣть, но прекрасно насвистывалъ, даже съ варіаціями, всѣ извѣстныя пѣсни. Часу въ двѣнадцатомъ могли мы только пріѣхать,

но домъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и хозяинъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ съ музыкой и пѣніемъ. Черезъ полчаса мы были за ужиномъ.

Господинъ Есиповъ былъ рано состарившійся холостякъ, добрый и пустой человѣкъ, который никакого понятія не имѣлъ о порядкѣ, не умѣлъ ни въ чемъ себѣ отказывать и чувственнымъ наслажденіямъ своимъ не зналъ ни мѣры, ни границъ. Онъ насъ употчивалъ по своему. Я зналъ, что дамы его не посѣщаютъ и крайне удивился, увидѣвъ съ дюжину довольно нарядныхъ женщинъ, которыя что-то больно почтительно обошлись съ губернаторомъ: все это были Фени, Матреши, Ариши, крѣпостныя актрисы Есиповской труппы. Я еще болѣе изумился, когда онѣ пошли съ нами къ столу, и когда, въ противность тогдашняго обычая, чтобы женщины садились всѣ на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами, такъ что я очутился промежъ двухъ красавицъ. Я очень проголодался; столъ былъ заставленъ блюдами и обставленъ бутылками; внѣ себя я думалъ, что всякаго рода удовольствія ожидаютъ меня. Какъ жестоко былъ я обманутъ! Первый кусокъ, который хотѣлъ я пропустить, остановился у меня въ горлѣ. Я думалъ голодъ утолить питьемъ: еще хуже. Не было хозяевъ; слѣдственно, къ счастію, некому было заставлять меня ѣсть; за то гости и гостьи приневоливали пить. Не знаю, какое названіе можно было дать этимъ ужаснымъ напиткамъ, этимъ отравленнымъ помоямъ. Это какое-то смѣшеніе водокъ, винъ, настоекъ съ примѣсью, кажется, пива, и все это подслащенное медомъ, подкрашенное сандаломъ. Этого мало, настойчивыя приглашенія сопровождались горячими лобзаніями дѣвъ съ припѣвами: «Обнимай сосѣдъ сосѣда, поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, подливай сосѣдъ сосѣду». Я пилъ, и мнѣ былъ девятнадцатый годъ отъ роду; можно себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа я находился! На другомъ концѣ стола сидѣли, можно ли повѣрить? актеры и музыканты Есипова, то-есть слуги его, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили намъ и потомъ опять за него садились. Въ Шотландіи, говорятъ, существовалъ обычай, чтобы господа и служители одного клана садились за одинъ столъ; въ этомъ можно видѣть нѣчто патріархальное, а тутъ какая была патріархальность!

Сатурналіи, вакханаліи сіи продолжались гораздо далеко за полночь. Когда кончился ужинъ, я съ любопытствомъ ожидалъ, какому новому обряду насъ подвергнутъ. Самому простому: исключая губернатора и Бестужева, которымъ отвели особыя комнаты, проводили насъ всѣхъ въ просторную горницу, родъ пустой залы, и пожелали намъ доброй ночи. На полу лежали тюфячки, подушки и шерстяныя одѣяла, отнятыя на время у актеровъ и актрисъ. Я нагнулся, чтобы взглянуть на подлежащую мнѣ простыню и вздрогнулъ отъ ея пестро-

Сопутники мои, вѣроятно зная напередъ обычаи сего дома,
ино стали раздѣваться и весело бросились на поганыя свои ложа.
чего было дѣлать, я долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру. Раз-
оряченный виномъ, или тѣмъ что называли симъ именемъ, разъярен-
лый поцѣлуями, я млѣлъ, я кипѣлъ. Жаръ крови моей и воображенія
можетъ быть, наконецъ, бы утихъ, еслибы темнота и молчаніе водво-
рились вокругъ меня; самый отвратительный запахъ коровьяго тух-
лаго масла, коимъ напитано было мое изголовье, не помѣшалъ бы
мнѣ успокоиться; но при свѣтѣ сальныхъ свѣчъ, калякапье, дурацкій
нашъ дорожный разговоръ возобновился, и другіе, пріѣхавшіе прежде
насъ, подливали въ него новый вздоръ. Не одинъ разъ подымалъ я не
грозный, но молящій голосъ; полупьяные смѣялись надо мной, не столь
учтиво, какъ справедливо, называя меня нѣженкой. Одинъ за другимъ
начали засыпать; но когда послѣдніе два болтуна умолкли, занялась
заря, которая безпрепятственно вливалась въ наши окошки безъ за-
навѣсъ. Между тѣмъ, сверху мухи и комары, снизу клопы и блохи,
всѣ колючія насѣкомыя объявили мнѣ жестокую войну. Ни на минуту
не сомкнувъ очей, истерзанный, я всталъ, кое-какъ одѣлся и побрелъ
въ садъ, чтобъ освѣжиться утреннимъ воздухомъ. Такъ кончилась для
меня сія адская ночь.

Солнце освѣтило мнѣ печальное зрѣлище. Длинныя аллеи пре-
красно насаженнаго сада, съ безподобными липами и дубами, заросли
не только высокою травой, въ иныхъ мѣстахъ даже кустарникомъ;
изрядныя статуи, къ счастію, не мраморныя, а гипсовыя, были всѣ въ
инвалидномъ состояніи; изъ довольно красиваго фонтана, прежде, го-
ворятъ, высоко бившаго воду, она легонько сочилась. Взглядъ на домъ
былъ еще непріятнѣе; онъ былъ длинный, на каменномъ жильѣ, во
вкусѣ большихъ деревянныхъ домовъ временъ Елисаветы Петровны,
обшитый тесомъ, съ частыми пилястрами и разными фестонами на
карнизахъ, съ полукруглымъ наружнымъ крыльцомъ, ведущимъ сперва
въ деревянной терассѣ; всѣ ступени были перегнивши, наружны
украшенія поломаны, иныя обвалились; если запустѣніе было въ сад
то раззореніе въ домѣ. Одинъ только новопостроенный театръ въ б
содержался въ порядкѣ. Видно, что отецъ жилъ бариномъ, а с
фигляромъ.

Вся честная компанія собралась къ чаю; послѣ того всѣ п
лись за карты; никто не подумалъ пойдти прогуляться. Я прис
къ губернатору съ просьбою, даже съ требованіемъ, велѣть м
телѣгу съ парою лошадей, чтобы воротиться въ Казань, и изо
ему весь ужасъ ночи, проведенной безъ сна. Вздумали было
...ная горесть всегда бываетъ трогательна и краснор...

вняли и начали совѣтоваться какъ бы утѣшить меня и успокоить на слѣдующую ночь. Мансурову необходимо было спать одному: онъ имѣлъ на то свои причины (всѣ губернаторы, бывшіе и настоящіе, пользуются нѣкоторыми господскими правами); Бестужевъ, хотя и генералъ, ихъ не имѣлъ; положено было поставить мнѣ кровать въ его комнатѣ и даже занавѣской оградить меня отъ свѣта и насѣкомыхъ. За обѣдомъ я ѣлъ какъ Французъ, на обратномъ походѣ въ 1812 году; онъ былъ шуменъ, веселъ, но болѣе пристоенъ чѣмъ ужинъ, ибо драматическихъ артистовъ съ нами не было: всѣ они наряжались и готовились тотчасъ послѣ обѣда потѣшить насъ оперой *Коза рара* или *Рѣдкая вещь*. Играли и пѣли они, какъ всѣ тогдашніе провинціальные актеры, не хуже, не лучше. Наученный опытомъ, я былъ остороженъ за ужиномъ, надежда меня болѣе не оживляла, я отворачивался отъ поцѣлуевъ, не слушалъ припѣвовъ, и опричь кваса ничего не хотѣлъ пить. Послѣ спокойной ночи, проведенной съ почтеннымъ Бестужевымъ, я всталъ, и мы въ той же линейкѣ, но другою дорогой отправились обратно въ Казань. Ну, господинъ Есиповъ! На томъ свѣтѣ да отпустятся тебѣ твои прегрѣшенія, а здѣсь ты былъ хуже Буянова и опаснѣе Опаснаго Сосѣда. На половинѣ дороги заѣхали мы обѣдать къ сестрѣ и зятю Есипова, бригадиру Ѳедору Ѳедоровичу Геркену, которые, кажется, рѣдко съ нимъ видѣлись и совсѣмъ инымъ образомъ жили, какъ онъ.

Отдѣленія посольства черезъ три-четыре дня слѣдовали одно за другимъ, останавливаясь въ Казани для починки и отдыха, такъ что иногда одно настигало другое и гнало впередъ, ибо для каждаго потребно было не менѣе сорока лошадей. Чиновники, ими управлявшіе и ихъ сопровождавшіе, иные меня навѣщали, у другихъ я навѣдывался; отъ нихъ узналъ я, что посолъ намѣренъ, отправивъ послѣднее отдѣленіе, не ранѣе какъ спустя двѣ недѣли послѣ него, выѣхать изъ Петербурга. Однимъ утромъ, не хозяинъ, а угоститель мой, г. Нечаевъ, сказалъ мнѣ, возвратясь отъ губернатора, что въ рапортѣ, поданномъ ему о пріѣзжихъ, находится камеръ-юнкеръ Нелидовъ съ отдѣленіемъ своимъ, состоящимъ по большей части изъ чиновниковъ. Это было для меня почти сигналомъ отъѣзда. Я пошелъ отыскивать временнаго, дорожнаго своего начальника и нашелъ его вмѣстѣ съ Сухтеленомъ въ трактирѣ у Шварца; (въ каменномъ пустомъ домѣ, гдѣ всѣ посольскіе останавливались, они жить не захотѣли. Въ немъ остались дворяне посольства, Хвостовъ и Клементъ, аптекарь Гельмъ и обозъ отдѣленія).

Съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣтилъ я большое согласіе въ этомъ странствующемъ обществѣ. Кротость Нелидова, спокойный духъ

лалъ ручкой, какъ бы мысленными поцѣлуями желая изъявить ему свою благодарность; похваламъ ему не было конца, равно какъ и брани Юшковымъ. Я умиралъ со смѣху и не замѣчалъ, что тутъ есть нѣчто обидное, презрительное отъ иностранца и жителя столицы къ Русскимъ и провинціаламъ, коихъ они почитаютъ обязанными имъ угождать. Мы спали также хорошо какъ и ужинали.

Мы едва успѣли проснуться часу въ десятомъ, какъ нагрянули братья Юшковы, на собственныхъ лихихъ шестеркахъ. Нелидовъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно вѣжливо, а Сухтеленъ очень холодно. Хозяинъ сунулся было съ завтракомъ, но они едва дозволили намъ выпить по чашкѣ чаю. Въ двадцати верстахъ было ихъ селеніе Гоньба съ винокуреннымъ заводомъ, на берегу широкой рѣки Вятки и у самой переправы черезъ нее. Повара съ ранняго утра были туда отправлены, и тамъ происходила страшная стряпня, чтобы сколько-нибудь вознаградить за тщетныя наши ожиданія наканунѣ. Не болѣе какъ въ часъ прилетѣли мы туда на борзыхъ коняхъ и въ просторной избѣ прикащика нашли уже накрытый столъ. Скоро сталъ онъ гнуться подъ тяжестію приносимыхъ блюдъ, и Сухтеленъ у Юшковыхъ начиналъ уже пожимать руку. Пресыщенный, упоенный старикъ былъ растроганъ, и когда въ лодкѣ, переплывъ рѣку, гостепріимные братья на другомъ берегу ея стали съ нами прощаться, онъ съ нѣжностію ихъ поцаловалъ. «Вотъ примѣръ, говорилъ онъ мнѣ потомъ наставительно, что никогда не надобно спѣшить съ сужденіями своими о людяхъ». А я позволилъ себѣ замѣтить ему, что кажется только въ Россіи можно быть такъ взыскательну съ незнакомыми, и онъ замолчалъ.

Этотъ случай напомнилъ намъ, что необходимо нужно заботиться о дальнѣйшемъ нашемъ продовольствіи. Я предложилъ Нелидову слѣдующій планъ. У каждаго изъ насъ было по одному слугѣ; камердинеръ Нелидова, какъ Метръ-Жакъ, былъ въ тоже время и поваръ; отъ первой должности каждый день надлежало увольнять его на все то время, что онъ будетъ заниматься другою, а покамѣстъ всѣ наши люди должны находиться къ услугамъ его господина. Вотъ еще другое. Я успѣлъ замѣтить, что молодому Клементу хочется играть какую-нибудь роль, хотя бы весьма не важную; его надзору были поручены три или четыре началки *) съ нами отправленныя. Но этого было мало

*) Началки эти были четвероугольные, продолговатые ящики, величиною съ карету, [illegible] на [illegible] и [illegible]. Онѣ чѣмъ-то были плотно набиты; можетъ быть, въ [illegible] и [illegible] Пайкова, а можетъ быть золотыя или серебряныя вещи, назва[illegible] подарокъ [illegible] двору. Храненіе ихъ было строго намъ наказано, со[illegible] было намъ неизвѣстно.

для его дѣятельности. Онъ былъ очень чинопочитателенъ, а какъ онъ находился въ четырнадцатомъ классѣ, а Нелидовъ въ пятомъ, то мнѣ пришло въ голову создать для него новую должность, родъ адъютанта при начальникѣ нашего отдѣленія. Въ семъ званіи, долженъ онъ будетъ каждое утро ранѣе отправляться для заготовленія провіанта въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ назначенъ обѣдъ и съ Метръ-Жакомъ тамъ насъ дожидаться. Скромный Нелидовъ боялся обидѣть его такимъ предложеніемъ, но я взялся сдѣлать оное отъ его имени и имѣлъ совершенный успѣхъ. Новыя заботы чрезвычайно полюбились Клементу и польстили его честолюбію, которое между людьми въ такихъ разныхъ видахъ является.

Отъ рѣки Вятки начинаются селенія того народа или Финскаго племени, которому она дала свое имя, равно какъ и всей области и главному ея городу, прежнему Хлынову. Тогда была рабочая пора; жители сіи, Вотяки, цѣлый день были въ полѣ, и мы мало ихъ видѣли. Они рослѣе, дороднѣе и опрятнѣе другихъ Чухонцевъ, но мнѣ показались столь же безсмысленны. Языкъ ихъ долженъ быть не весьма благозвученъ, судя по названіямъ ихъ деревень, въ коихъ учреждены были станціи: Какси, Можги, Пумсы, Бокчегурты, Чемошуры. Они пугали избалованный мой слухъ, ибо тогда всѣ романисты и поэты именами старались ласкать его: нынѣ съ такими именами не только можно написать героическую поэму, но пожалуй втереть ихъ и въ идиллію.

Мы ѣхали дремучими лѣсами, почти того не примѣчая; просѣка были сажень во ста ширины, и вѣчно подлѣ тѣни, мы никогда не знали ея: а жаръ былъ лѣтне-сѣверный, то-есть нестерпимый. Потому-то рѣшились мы ѣхать только ночью, а днемъ отдыхать; станціонныя же избы представляли къ тому большія удобства, ибо просторомъ своимъ онѣ бы въ маленькихъ городахъ могли называться домами. Лѣсу было вдоволь, щадить его было нечего, и строеніе сихъ избъ стоило не дорого.

Во время отдыха на одной изъ сихъ станцій, мы съ удивленіемъ увидѣли вошедшаго къ намъ офицера въ Преображенскомъ мундирѣ. Это былъ графъ Толстой Ѳедоръ Ивановичъ, доселѣ столь извѣстный подъ именемъ Американца. Онъ дѣлалъ путешествіе вокругъ свѣта съ Крузенштерномъ и Рѣзановымъ, со всѣми перессорился, всѣхъ перессорилъ, какъ опасный человѣкъ былъ высаженъ на берегъ въ Камчаткѣ и сухимъ путемъ возвращался въ Петербургъ. Чего про него не разсказывали! Будто бы въ отрочествѣ имѣлъ онъ страсть ловить крысъ и лягушекъ, перочиннымъ ножикомъ разрѣзывать имъ брюхо и по цѣлымъ часамъ тѣшиться ихъ смертельною мукою; будто бы во

заставила посадить въ себя сперва воеводу; это было пустое мѣсто, которому лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ велѣно быть губернскимъ городомъ, и оно послушалось, но только медленно. Торговля есть первое условіе существованія новыхъ городовъ; и здѣсь, хотя слабо, но она одна его поддерживала. Десятокъ каменныхъ двухъэтажныхъ купеческихъ домовъ красовались уже въ сторонѣ на берегу Камы, тогда какъ главный въѣздъ и главныя улицы находились въ томъ видѣ, въ которомъ ночью не столько узрѣли мы, какъ угадали ихъ. Утромъ мы еще болѣе изумились пустотѣ города Перми: только одна узкая дорога посреди улицы была наѣзжена; все остальное обратилось въ тучные луга, на которыхъ паслись сотни гусей.

Пріѣхавшій прежде насъ и зажившійся за починками, казначей посольства Осиповъ напугалъ насъ разсказомъ о начальникѣ губерніи, котораго представилъ сущимъ медвѣдемъ. Это былъ Карлъ Өедоровичъ Модерахъ, сынъ одного учителя математики въ кадетскомъ корпусѣ, какъ я слышалъ отъ отца моего. Вѣрно, сынъ хорошо учился у отца, ибо въ свое время почитался у насъ однимъ изъ лучшихъ инженеровъ; по его проекту и подъ его наблюденіемъ берегà Фонтанки выложены были гранитомъ. Года за два до смерти Екатерины назначенъ онъ былъ губернаторомъ въ Пермь и съ тѣхъ поръ никогда не выѣзжалъ изъ своей губерніи; мысль о благѣ ввѣреннаго ему края такъ овладѣла имъ, что онъ день отлучки почиталъ вреднымъ для него; однакоже и по заочности былъ онъ уважаемъ и награждаемъ при Павлѣ и при Александрѣ. И въ этомъ самомъ 1805 году къ Пермской его губерніи прибавили ему Вятскую, поставивъ его надъ обѣими генералъ-губернаторомъ; въ Пермь же покамѣстъ губернатора не назначали. По истинѣ онъ не былъ любезенъ, сей камергерской добродѣтели въ немъ не было; уединенная и вмѣстѣ дѣятельная жизнь въ отдаленномъ мѣстѣ хоть кого заставитъ потерять желаніе и забыть о способахъ нравиться, кольми паче людей серіозныхъ, со строгою нравственностію. Модерахъ былъ честенъ, добръ, уменъ и свѣдущъ въ дѣлахъ; но какъ все великими трудами пріобрѣтенное цѣнится болѣе, чѣмъ даровое, то и генералъ-губернаторство свое, кажется, ставилъ онъ наравнѣ съ владѣтельнымъ герцогствомъ. Къ тому же, какъ въ Перми нѣтъ другихъ дворянъ, какъ богатыхъ заводчиковъ, живущихъ въ столицахъ, то болѣе десяти лѣтъ и не видѣлъ онъ никого кромѣ подчиненныхъ, а между проѣзжими по большей части мелкихъ чиновниковъ и ссыльныхъ: вотъ чтò обращенію его давало холодность, сухость, которыя не совсѣмъ были пріятны.

Мы нарядились въ мундиры и пошли къ нему in corpore. Рядомъ съ его домомъ былъ другой, одинаковой съ нимъ величины, въ кото-

[illegible]

[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Софья [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Степановича [illegible] [illegible] [illegible] Екатеринбургскаго полка, который [illegible] [illegible] и [illegible] на квартирахъ. [illegible] [illegible] [illegible], а [illegible] [illegible] къ родителямъ. Она была двадцати трехъ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Отъ [illegible] [illegible] и [illegible] все наше [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] Сутеевъ [illegible] [illegible], а [illegible] [illegible] [illegible]! Отъ же на шутку [illegible] за то болѣе всѣхъ [illegible], [illegible], и каждый изъ насъ [illegible] могъ считать себя [illegible]. Чудесная сія женщина была [illegible] съ тѣмъ и прочь всѣхъ тѣхъ, [illegible] [illegible] и [illegible]: свободно [illegible] [illegible], наслаждалась всѣми [illegible] [illegible] [illegible], читая журналы, знала все, что про-

исходитъ въ Европѣ. Разумѣется, что нашъ отъѣздъ былъ еще отложенъ; насъ тотъ же день пригласили еще на вечеръ.

Исключая Сухтелена (старика и брата генералъ-инженера), Модерахъ почти никого изъ насъ не замѣчалъ. Надобно думать, что старшія дочери, въ отсутствіе наше, шепнули ему что-нибудь для насъ выгодное, представивъ людьми довольно порядочными и, можетъ-быть, кто знаетъ, женихами для меньшихъ его дочерей; потому что вечеромъ былъ онъ внимательнѣе и привѣтливѣе къ намъ. Были собраны какіе-то два-три аматёра, чтобы сопровождать (аккомпанировать) одну изъ сихъ младшихъ дочерей, которая передъ нами хотѣла блеснуть музыкальнымъ искусствомъ, довольно страннымъ для женщины: она играла на скрипкѣ. Но еслибъ она играла и на контрабасѣ, то я мало бы тому подивился, бывъ совершенно углубленъ въ созерцаніе сестры ея, Пѣвцовой *). Сія чародѣйка, желая продлить наше пребываніе въ Перми, заставила зятя своего, Энгельгардта, пригласить насъ на другой день къ себѣ обѣдать. Третій день, 22 Іюля, былъ табельный, именины императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ который генералъ-губернатору надлежало дать офиціальный обѣдъ. Какъ Модерахъ былъ бѣденъ и разсчетливъ, то отпраздновали мы сей день партикулярнымъ образомъ. На обѣдъ, на балъ и на ужинъ пригласилъ насъ Пермскій амфитріонъ, губернскій казначей Дягилевъ, у котораго въ этотъ день жена была именинница. Мы было хотѣли отговориться, но Софья Карловна намъ не велѣла. Мы знали одно только семейство Модераха; тутъ увидѣли мы все Пермское общество, и я нашелъ, что оно двумя десятками годовъ отстало отъ Пензенскаго и Казанскаго. Мущины безъ всенижайшаго поклона не подходили къ дамамъ и говорили имъ съ безпрестаннымъ словоерсомъ. Итакъ вмѣсто однѣхъ сутокъ, прожили мы почти пять, и только 23 Іюля вырвались изъ пустаго города, оживленнаго присутствіемъ одного превосходнаго существа.

Объ немъ были всѣ помышленія, всѣ разговоры согласныхъ соперниковъ въ первый день разлуки съ нимъ; но дорожныя впечатлѣнія, какъ бы сильны ни были, скоро изглаживаются новыми. На другой же день, по прибытіи въ уѣздный городъ Кунгуръ, свѣжія прелести двадцатилѣтней городничихи, княгини Маматказиной, жены шестидесятипятилѣтняго городничаго, насъ взволновали: взоры ея и даже слова сулили намъ счастіе и конечно по одиночкѣ каждому умѣли бы дать его; но къ сожалѣнію, мы ѣхали толпой и не могли долго останавливаться.

*) Будучи вдовою, она была назначена начальницей Екатерининскаго Института въ Москвѣ.

Городъ Кунгуръ, самый старинный въ Пермской губерніи, былъ прежде мѣстопребываніемъ воеводы и, такъ сказать, столицей Біарміи или Великой Перми, когда города сего имени еще не было. Онъ не имѣлъ и третей доли пространства занимаемаго Пермью, за то жителей втрое болѣе. Все въ немъ возвѣщало жизнь и дѣйствіе, и онъ казался въ отношеніи къ Перми какъ плотный, здоровый старичокъ, невысокаго росту, къ длинному, вытянутому юношѣ, который едва держится на ногахъ. Строеніе въ немъ было довольно не регулярно; но оно стоитъ на высокомъ мѣстѣ, въ пріятномъ положеніи и орошается двумя рѣчками, коихъ берега столь же красивы какъ и названіе: ихъ зовутъ Ирень и Сильва.

Съ самаго въѣзда въ Пермскую губернію ощутительна въ ней становилась рука Модераха: онъ устроилъ въ ней такія дороги, съ которыми можно было бы обойдтись безъ шоссе. Посрыты горы, накатаны, убиты дороги, со спусками для воды въ канавы, прорытыя по бокамъ; для предохраненія откосовъ горъ отъ осыпи, укрѣплены онѣ простыми плетнями во всю ихъ высоту и за нихъ брошены сѣмена разныхъ растеній; проростая сквозь сіи плетни, обвивая ихъ и покрывая ихъ цвѣтами онѣ давали имъ видъ пестрыхъ тканей и занавѣсокъ. По ту сторону Перми дороги сіи недавно были кончены, а къ Кунгуру и за нимъ уже успѣли утвердиться. Къ несчастію, да, точно можно сказать, къ несчастію, черезъ нѣсколько лѣтъ провѣдали о томъ въ Петербургѣ и, видя съ какими малыми средствами и какъ успѣшно произведены сіи работы, вздумали имъ подражать. Забыли только, что Модерахъ дѣлалъ все исподволь, годъ за годомъ, со знаніемъ инженера и съ бережливостію Нѣмца. Въ Великороссійскихъ же нашихъ губерніяхъ, гдѣ всему велятъ кипѣть, построеніе новыхъ дорогъ перепортило, истребило только старыя, разорило жителей, обогатило надсмотрщиковъ и губернаторамъ доставило награды.

Въ пятидесяти верстахъ отъ Кунгура, начинается непримѣтно постепенное возвышеніе Уральскаго хребта, и тутъ ступаешь на землю, чреватую металическими богатствами. Тутъ, не далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ двухъ, находится желѣзный Суксунскій заводъ, принадлежавшій Николаю Никитичу Демидову. О его роскоши и о скупости вмѣстѣ гласятъ Россія, Франція и Италія; но знаетъ ли кто, слыхалъ ли кто о безпримѣрномъ гостепріимствѣ, заведенномъ имъ на Суксунскомъ заводѣ? Всякій проѣзжій, какого бы званія онъ ни былъ, въ одиночку или съ обозомъ, казеннымъ или собственнымъ, имѣетъ право на семъ заводѣ остановиться и требовать, чтобы въ экипажахъ или повозкахъ его починки, какъ бы велики ни ...аны были даромъ. Сего мало: во все время что продолжается

бія починка, имѣетъ онъ, также даромъ, квартиру со столомъ, а въ зимнее время съ отопленіемъ и съ освѣщеніемъ.

Сими щедротами мы воспользовались и хорошо сдѣлали, что въ этомъ случаѣ не поспѣсивились. Наши экипажи были въ жалкомъ состояніи по неопытности или небрежности служителей при насъ находящихся, и мы о томъ не догадывались; по осмотрѣ оказалось, что потребуется по крайней мѣрѣ полторы сутки на ихъ совершенную починку. Намъ отвели просторный и покойный домъ, достаточно снабженный мебелью, и доставили съѣстныхъ припасовъ сутокъ на трое. Управитель Пермяковъ, простой крестьянинъ съ бородою, котораго по всей справедливости можно было назвать господиномъ Пермяковымъ (такъ онъ былъ уменъ и учтивъ), явился къ намъ, какъ сказалъ онъ, за приказаніями и съ просьбою посѣтить его жилище. Оно было въ каменномъ домѣ о двухъ этажахъ, съ пребольшимъ садомъ надъ пребольшимъ прудомъ; полы лоснились чистотою; главнымъ украшеніемъ просто выбѣленныхъ комнатъ были картины, довольно искусно писанныя на жести; всѣ онѣ были произведенія мастеровъ другаго дальняго Демидовскаго завода, называемаго Тагильскимъ. Отъ скуки ходили мы бродить по окрестностямъ и находили мѣста живописныя; когда бы не климатъ, тутъ можно бы было вѣкъ остаться. Производства работъ на заводѣ мы не могли видѣть, ибо рабочіе лѣтомъ трудятся въ полѣ.

Русское населеніе, по большой Сибирской дорогѣ, какъ будто на двое разрѣзываетъ Пермскую губернію, отбросивъ Пермяковъ, Зырянъ и Вогуличей, коренныхъ, первобытныхъ жителей на Сѣверъ, а на Югъ Тептерей и Башкирцевъ. Сіи послѣдніе не разъ бунтовали и принимались за оружіе; для обузданія ихъ выстроенъ былъ рядъ крѣпостей по восточной отлогости Урала. Когда Башкирцы присмирѣли, укрѣпленія пали, и только имена крѣпостей Ачитской, Бисерской, Киргишанской, Кленовской сохранились селеніямъ заступившимъ ихъ мѣсто. Мы мѣняли въ нихъ лошадей; одно только, называемое Кленовская крѣпость, мнѣ показалось примѣчательно и осталось памятно по ужасу произведенному во мнѣ мѣстами его окружающими, мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ, оврагами, пропастями, на каждой верстѣ встрѣчаемыми.

Казенный Билимбаевскій заводъ находился на самой вершинѣ Урала; слѣдующая же за нимъ станція Рѣшета на противоположномъ спускѣ. Мы не замѣтили какъ перевалились чрезъ эту знаменитую цѣпь Уральскихъ горъ; болѣе ста верстъ, все на изволокъ въѣзжали мы и немного круче стали спускаться. Ужаснѣйшая гроза встрѣтила насъ на рубежѣ Европы и Азіи; молнія поминутно сверкала, дождь водопадомъ лился съ неба, и эхо невидимыхъ для насъ горъ повторя-

огромной величины и превосходной работы, малахитовыя, порфировыя, яшмовыя разныхъ цвѣтовъ вазы, также табакерки и другія издѣлія для продажи. Ходили за городъ, видѣли лагерь Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, коего шефа, мужа нашей Пѣвцовой, все еще не было; подлѣ самаго почти лагеря любовались богатыми, тамъ дешевыми, мраморными памятниками надъ усопшими, въ монастырѣ поставленными.

Отъ Екатеринбурга пролегаютъ двѣ дороги во внутренность Сибири: одна идетъ на Тобольскъ, другая чрезъ уѣздный городъ Ишимъ, и послѣдняя тремя стами верстами короче первой. Мы избрали послѣднюю, тѣмъ болѣе, что на ней было для насъ приготовлено большее число лошадей. Съ первой станціи Косулиной, гдѣ дорога дѣлится на двое, своротили мы вправо и чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхали на казенный, чугуноплавильный Каменскій заводъ. Какъ для жителей Петербурга отработка чугуна не представляетъ ничего новаго, то и отклонили мы предложеніе идти смотрѣть ее; но какъ заводы въ Сибири суть настоящіе города, то и воспользовались приглашеніемъ управляющаго провести у него вечеръ и ночь. Это было съ 31-го Іюля на 1-е Августа. Когда мы встали чтобы продолжать путь, то съ чувствомъ не совсѣмъ пріятнымъ нашли, что воздухъ сдѣлался вдругъ гораздо свѣжѣе; и въ Россіи Августъ почитается осеннимъ мѣсяцемъ, а мы ѣхали въ Сибирь.

Мы стали болѣе торопиться, чтобы менѣе времени провести въ дорогѣ, и для того начали скакать день и ночь. Такимъ образомъ рѣшительно не видѣлъ я заштатнаго города Долматова, ибо спалъ, когда перемѣняли въ немъ лошадей; въ уѣздномъ же за тѣмъ городѣ Шадринскѣ мы едва кое-что успѣли перекусить. Спѣшили, мучились мы напрасно, проѣзжая чрезъ мѣста изобильныя, пріятныя, гдѣ вездѣ можно было найдти припасы и чистые, удобные ночлеги; тамъ только, гдѣ нѣтъ ихъ, надобно вести скаковую жизнь въ коляскѣ. Чрезмѣрно уставши, на общемъ совѣтѣ положили мы остановиться и переночевать въ селѣ Сопининѣ и тамъ проститься съ Пермскою губерніей и Модерахомъ, то-есть съ прекрасными его дорогами. Однакоже въ этомъ селеніи не могъ я много отдохнуть: мнѣ отвели особую избу, гдѣ первый разъ въ жизни увидѣлъ я человѣка съ рваными ноздрями; это былъ ея хозяинъ. Каюсь въ своей трусости: я заставилъ солдата нашего отдѣленія ночевать съ собою.

Грустною улыбкой встрѣтила насъ Тобольская губернія: стало опять жарче, но небо покрылось сѣрыми тучами, и теплый, тихій, мелкій дождикъ началъ портить дорогу и безъ того незавидную, когда мы прибыли на станцію Мостовскую, людное и зажиточное селеніе съ самымъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Послѣ этой станціи, отъѣхавъ

верстъ сто, за рѣчкою Тоболомъ, которая шириною съ Каму, природа начинаетъ примѣтно дурнѣть, болотныя мѣста показываются чаще, и лѣсъ становится мельче. Тутъ, на одной изъ станцій, помнится Голышмановой, остановились мы въ необыкновенномъ жилищѣ, составленномъ изъ четырехъ флигелей, соединенныхъ между собою переходами. Хозяинъ съ бородой и въ простомъ крестьянскомъ платьѣ встрѣтилъ насъ съ учтивостію и привѣтами образованныхъ людей; на скромный вопросъ кѣмъ-то изъ насъ сдѣланный: кто онъ таковъ,—отвѣчалъ онъ нахмурясь и очень сухо, что простой мужикъ; потомъ удалился и не возвращался, но прислалъ намъ довольно порядочный обѣдъ.

На безлюдьи, говоритъ пословица, и Ѳома человѣкъ, и въ малонаселенныхъ мѣстахъ смотрятъ на малые города почти какъ на маленькія столицы; мы сами, Петербургскіе жители, подъѣзжая къ Ишиму, видѣли въ немъ какъ будто нѣчто важное. Этотъ чистенькій городъ былъ не очень малъ. Во время нашего проѣзда гордился и славился онъ тѣмъ, что былъ мѣстомъ рожденія колежскаго совѣтника Бакулина, перваго министра, то-есть правителя канцеляріи господина Селифонтова, генералъ-губернатора всея Сибири, и лѣтнимъ мѣстопребываніемъ госпожи Бакулиной, которая въ немъ жила и царствовала. Я самъ видѣлъ, какъ, встрѣтясь на улицѣ съ сопровождавшимъ насъ въ прогулкѣ городничимъ, она величественно, почти повелительно съ нимъ говорила и какъ подобострастно, съ непокрытою и опущенною головой, отвѣчалъ онъ ей. Увы, все это могущество и слава скоро должны были исчезнуть какъ дымъ!

Отъѣхавъ верстъ триста отъ Ишима, у станціи Крупенской, мы переправились черезъ знаменитый Иртышъ, въ водахъ котораго погибъ Ермакъ, нашъ Кортесъ, нашъ Пизарро. Я тогда прочелъ еще немного Русскихъ стиховъ, но это немногое зналъ наизустъ: какъ мнѣ обидно показалось, когда я увидѣлъ что Иртышъ, въ этомъ мѣстѣ, совсѣмъ не крутитъ и не сверкаетъ какъ у Димитріева, а въ ровныхъ берегахъ медленно катитъ желтоватую, отъ глины погустѣвшую волну.

Вдоль этой дороги, отъ самаго въѣзда въ Тобольскую губернію, находились мы въ близкомъ разстояніи отъ Сибирской линіи, по которой регулярныя войска и казаки охраняютъ эту сторону отъ вторженій Киргизъ-кайсацкихъ. Но они вѣдь не Черкесы; однакоже иногда сквозь кордонъ, не пробивались они, а прокрадывались, не отважно дѣйствовали, а говоря словами жителей, пошаливали, то-есть захватывали стада и кое-когда ихъ стерегущихъ. Разсказы о томъ возбудили если не опасенія наши, то по крайней мѣрѣ вниманіе. Однажды, поднявъ верхъ коляски, по ровной дорогѣ, мы съ Сухтеленомъ медленно ѣхали на усталыхъ коняхъ и крѣпко заснули, какъ вдругъ про-

буждены были страшнымъ топотомъ, ржаньемъ и криками. Старикъ и молодой, оба онѣмѣли; съ ужасомъ брошенный другъ на друга взглядъ сказалъ: мы въ плѣну! Мы не смѣли выглянуть и чувствовали, что вокругъ насъ несутся эскадроны. Что̀ же вышло? Цѣлыя сотни, «косяки», какъ ихъ тамъ называють, цѣлые табуны лошадей перегонялись жителями съ одного пастбищнаго мѣста на другое. Можно себѣ представить, какъ смѣшно и стыдно намъ стало самихъ себя.

Ужаснѣе сего происшествія въ сихъ ужасныхъ мѣстахъ мы ничего не видѣли. Еслибъ я былъ одаренъ живымъ воображеніемъ нынѣшнихъ Французскихъ писателей, то какими прелестными выдумками могъ бы украсить свой разсказъ; хочется, да не могу, какъ-то совѣстно: хотя я и путешествовалъ, а все лгать не выучился. Вотъ-таки, напримѣръ, недавно появился романъ г. Александра Дюма, подъ названіемъ Метръ-д'Армъ. У меня волосы становились дыбомъ, когда я читалъ о всѣхъ лишеніяхъ и мученіяхъ, претерпѣнныхъ бѣднымъ мусью Метръ-д'Армъ, на пути изъ Казани въ Тобольскъ; а между тѣмъ лѣтъ за тридцать прежде описываемаго имъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ преспокойно проѣхалъ я взадъ и впередъ, находя вездѣ селенія, просторныя, чистыя, теплыя избы, въ которыхъ днемъ сытно ѣлъ, а ночью сладко спалъ. Еслибъ я имѣлъ случай встрѣтиться съ сочинителемъ, то со всѣмъ уваженіемъ къ его великому таланту, позволилъ бы себѣ сказать ему: «Послушайте, г. Александръ Дюма, не будьте правдивы, это всякому Французу дозволено; но по крайней мѣрѣ будьте скольконибудь правдоподобны. Вѣдь всѣ нынѣ смѣются надъ вашимъ же соотечественникомъ Левальяномъ, который никогда не бывалъ во внутренности Африки, хотя вмѣсто дичи и настрѣлялъ тамъ множество тигровъ и гіэнъ. Вы также всѣхъ волковъ и медвѣдей изо всей Россіи загнали на встрѣчу вашему Метръ-д'Армъ; вы изъ нихъ составили цѣлыя полчища, и на необитаемой, безпредѣльной, снѣжной равнинѣ, при сорока градусахъ мороза и при свѣтѣ сѣвернаго сіянія, заставляете его съ ними сражаться. Несчастный, если онъ и побѣдилъ, то какъ онъ не умеръ или не сошелъ съ ума! Нѣтъ, г. Дюма, вы слишкомъ безчеловѣчны». Что̀ дѣлать! У Французовъ такъ уже ведется: между ними есть нѣкоторыя условныя истины, которымъ они вѣрятъ болѣе чѣмъ настоящимъ.

Надобно сказать правду, что мѣста, чрезъ кои мы проѣзжали, совсѣмъ не были привлекательны красотою, что въ избахъ тараканы хозяйничали и жили въ совершенномъ согласіи съ людьми, и наконецъ, что все это было лишь приготовленіемъ къ величайшимъ непріятностямъ путешествія и къ воззрѣнію на настоящее безобразіе природы. Мы приближались къ Барабинской степи.

за отвратительный запахъ мы почувствовали! Какъ
ера, которая въ этомъ состояніи порождаетъ обы-
столь извѣстную подъ именемъ Сибирской язвы! Пока
лько людей успѣли уже ею заразиться.
самую дорогу невозможно; о подобной ей могутъ
олько тѣ, кои зимой, въ дождливое время, ѣздили по
амъ. Почти не подвигаясь, плыли мы по смрадному
сь изъ сей пучины золъ. Какъ жалко было смотрѣть
ѣдныя твари тщетно рвались, чтобы поскакать; кнута
о: ихъ подстрекали тысячи живыхъ иголокъ. Почуя сы-
кія насѣкомыя, гиганты въ сравненіи съ нашими, подня-
щелей, въ которыхъ прятались отъ солнечнаго свѣта
скоты оставались имъ въ жертву; люди же были одѣты
ваны: у каждаго изъ насъ, не исключая ямщиковъ, на
а сѣтка изъ лошадиной гривы, сквозь которую трудно было
голстымъ комарамъ и мошкамъ; случалось однакоже, что,
лжину въ перчаткѣ, они запускаютъ чрезъ нее свое жало, и
нѣсколько часовъ пухнетъ рука. На ночлегахъ вокругъ избъ
ихъ защищались мы отъ сихъ злодѣевъ безпрестаннымъ
ъ.

ловѣкъ человѣка осуждаетъ часто на вѣчную муку; это иногда
яло меня думать, что адъ его выдумка. И еслибъ онъ дѣлалъ
мести, а то по большей части для своихъ выгодъ, для при-
Кто бы добровольно пожелалъ остаться въ Барабѣ? Конечно,
тельство поступало справедливо, заселяя ее людьми, ссылаемыми
еступленія. Но чѣмъ же виноваты ихъ несчастные потомки? А
чемъ, еслибы не было по ней цѣпи деревень, то было бы почти
рвано сообщеніе между Восточною и Западною Сибирью. Какъ
бѣдные жители малорослы, худощавы, какая синеватая блѣдность
крываетъ ихъ лица! Жилища ихъ однакоже не такъ дурны, какъ
я можно ожидать въ мѣстахъ совершенно безлѣсныхъ, у людей, ко-
орые ни пастыри, ни хлѣбопашцы; ибо у нихъ нѣтъ ни луговъ, ни
іолей, годныхъ для засѣва. Избы ихъ суть постоялые дворы для без-
конечныхъ обозовъ, которые всю зиму тутъ тянутся. Симъ промы-
сломъ, равно какъ и рыболовлей, живутъ они; иные наживаются и
отъ того не слишкомъ жалуются на судьбу свою. Зима для нихъ луч-
шее время года, здоровое и прибыльное, и они начинаютъ оживать,
когда природа замираетъ.

Страданія наши наконецъ прекратились; топи, туманы, дожди, непогодь, все исчезло вмѣстѣ съ Барабой. Мы благополучно достигли до Чаускаго острога, принадлежащаго вѣдомству Колывано-Воскресен-

къ горныхъ заводовъ. Главное ихъ мѣсто, городъ Барнаулъ, былъ ѳернскимъ въ бывшемъ при Екатеринѣ Колыванскомъ намѣстничеѣ, при Павлѣ упраздненномъ. Польза края заставила, при Алекндрѣ, учредить вновь третью Сибирскую губернію, и она въ началѣ 304 года открыта въ Томскѣ, куда мы ѣхали. Губернаторомъ тамъ ылъ Василій Семеновичъ Хвостовъ, родной дядя ѣхавшаго съ нами юлодаго человѣка.

Когда мы отдыхали въ Чаускомъ острогѣ, ѣхавшій изъ Томска чиновникъ горнаго вѣдомства сказалъ намъ, что губернаторъ только что воротился изъ дальняго путешествія въ сѣверную часть своей губерніи. Молодой Хвостовъ изъявилъ Нелидову желаніе скорѣе увидѣться съ дядей; видя, что есть возможность отлучаться изъ отдѣленія, и мнѣ пришла охота ему сопутствовать, а Нелидовъ не умѣлъ иначе сдѣлать какъ дать свое согласіе на наши предложенія. И такъ въ туже ночь, вдвоемъ, поскакали мы въ Томскъ.

Селенія, черезъ кои мы проѣзжали, принадлежали всѣ горному управленію. Меня удивили въ нихъ просторъ и опрятность двухъэтажныхъ деревянныхъ домовъ и видъ довольства и зажиточности мужиковъ; не знаю, къ чему отнести ихъ благосостояніе, къ собственному ли ихъ трудолюбію, къ мѣстнымъ ли выгодамъ, или къ попеченіямъ о нихъ начальства. Къ сожалѣнію, я не могъ вполнѣ насладиться удовольствіемъ такого зрѣлища: я бодро выдержалъ муку Барабинскую, а тутъ первый разъ еще въ дорогѣ почувствовалъ себя нездоровымъ. Во время двухчасовой переправы черезъ необъятную Обь, тутъ же среди парома варилась уха на славу, изъ самыхъ лучшихъ рыбъ, и стоила бездѣлицу; я заплатилъ за нее, но не въ состояніи былъ даже прикоснуться къ ней губами. Чѣмъ хуже я себя чувствовалъ, тѣмъ болѣе торопилъ своего товарища и, пробывъ въ дорогѣ не съ большимъ сутки, 18 Августа на разсвѣтѣ пріѣхалъ въ новый губернскій городъ.

Губернаторъ былъ уже на ногахъ, съ нѣжностію облобызалъ племянничка и со мной обошелся очень ласково. Между тѣмъ я успѣлъ уже выздоровѣть; чѣмъ же я вылѣчился? Чѣмъ такъ часто лѣчится молодость: однимъ краснымъ днемъ. Домъ, который занималъ Василій Семеновичъ, былъ незавидный, разумѣется, для губернатора. Будучи вдовъ и безъ семейства, сказалъ онъ, помѣщеніе для него одного кажется ему достаточнымъ; но только жалѣетъ о томъ, прибавилъ онъ, что не можетъ удержать у себя столь любезныхъ гостей. И потому какъ можно ближе отъ себя приказалъ намъ отвести покойную квартиру.

Онъ былъ человѣкъ тучный, тяжеловѣсный, степенный и разсудительный, всю живость ума предоставившій брату своему Александру Семеновичу; лицо онъ имѣлъ багровое, говорилъ тихо и размѣрно, дѣйствовалъ осторожно, однакоже не медленно. Если прибавить къ тому, что онъ былъ самыхъ честныхъ правилъ и исполненъ человѣколюбія, то надобно признаться, что лучшихъ качествъ для занимаемаго имъ мѣста требовать не можно. Впослѣдствіи увидимъ, какъ съ нимъ было поступлено. Въ Томскѣ видна была прочная основа для губернскаго города. Замѣтно было, что онъ поднялся самъ собою, выросъ естественнымъ образомъ, безъ усилій правительства, и что, слѣдуя теченію времени, онъ отъ младенчества постепенно перешелъ въ зрѣлый возрастъ. Въ немъ считалось болѣе восьми тысячъ жителей и шесть или семь каменныхъ церквей, исключая двухъ; дома же всѣ были деревянные. Общества никакого не было; мѣстà еще не всѣ были заняты, а тѣ, кои на нихъ были назначены, не всѣ еще прибыли.

У губернатора за обѣдомъ, къ удивленію нашему, встрѣтили мы Довре́ съ его свитскими офицерами. Они ѣхали еще тише насъ; дорóгой фуры ихъ всѣ поломались, и уже нѣсколько дней жили они въ Томскѣ, чтобы совершенно ихъ вычинить; нетерпѣливый Шубертъ съ сыномъ ускакалъ впередъ. Впрочемъ это было уже не въ первый разъ, что мы догоняли и обгоняли посольскіе транспорты, которые тѣми же причинами были останавливаемы; также и они насъ обгоняли иногда. Порядокъ шествія нашего былъ вовсе разрушенъ. Цѣлыми сутками послѣ насъ прибылъ Нелидовъ съ Сухтеленомъ, когда еще Доврѐ не уѣхалъ, и чтобъ имѣть лошадей въ дорогѣ, по неволѣ должны были они на нѣсколько дней тутъ остановиться.

Скучно, томительно было намъ въ Томскѣ. Губернаторъ былъ человѣкъ прекрасный, даже багровый, сказалъ я выше, но слишкомъ серіозный, и предметы разговоровъ его мнѣ казались совсѣмъ не занимательны; Сухтелену полюбился онъ болѣе всѣхъ, ибо хорошо кормилъ насъ. Дни стояли ясные, но начинали коротѣть, а ночью небо покрывалось обыкновенно тучами, такъ что зги было не видать. Нелидовъ съ отдѣленіемъ жилъ на другомъ концѣ города, въ полуторѣ верстѣ отъ насъ и спозаранку убирался домой; во всемъ городѣ мало еще было дрожекъ, а объ извощикахъ уже и не спрашивай; чтобъ увидѣться съ своими товарищами, должны мы были ночью съ фонаремъ въ рукахъ странствовать по пустымъ улицамъ.

Вдругъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что за нимъ слѣдуетъ самъ посолъ со свитою своею. Какая быстрота и какая дѣятельность! Онъ только въ половинѣ Іюля оставилъ Петербургъ и въ одинъ мѣсяцъ успѣлъ не только сдѣлать 4500 верстъ и промчаться черезъ во-

семь или девять губерній, но на бѣгу обревизовать въ нихъ дѣла и на лету написать о томъ донесенія. Мы ахнули, ибо Доврѐ только что наканунѣ выѣхалъ: посолъ, можетъ быть, не захочетъ остановиться, мы должны будемъ его пропустить, на нѣсколько дней остаться въ Томскѣ и обратиться въ хвостъ главы нашей, Головкина.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда курьера узнали мы, что губернаторъ поѣхалъ самъ встрѣтить посла на берегу рѣки Томи и проводить его оттуда въ приготовленный для него каменный домъ купца Мыльникова, лучшій въ городѣ. Мы не замедлили туда явиться во всей формѣ и были привѣтствованы милостиво. Мы нашли его окруженнаго Байковымъ, Ламбертомъ, Нарышкинымъ, Доброславскимъ, Реманомъ; другіе чиновники еще не прибыли, а нѣкоторые съ его дозволенія изъ Екатеринбурга отдѣлились отъ него, чтобы взглянуть на Тобольскъ. Онъ объявилъ намъ, что намѣренъ три дня пробыть въ Томскѣ, чтобы осмотрѣть присутственныя мѣста; они едва были открыты, и крайней надобности въ томъ не было, но отъ Екатеринбурга скакалъ онъ безъ памяти, и ему хотѣлось отдохнуть. Вслѣдствіе того и приказалъ онъ намъ немедленно отправиться и дожидаться его въ первомъ городѣ, до котораго однакоже было еще пятьсотъ верстъ.

Мы съ Хвостовымъ преспокойно легли спать и на другой день не слишкомъ рано отправились. На второй станціи нашли мы Клемента, Гельма и нашъ обозъ, примкнули къ нимъ и вмѣстѣ пустились гнаться за Сухтеленомъ и Нелидовымъ, которые, желая въ точности выполнить приказаніе начальника, еще до свѣту выѣхали. Мы догнали ихъ только ночью на одной станціи, на которой рѣшились они нѣсколько часовъ отдохнуть и насъ дождаться.

Мы шибко ѣхали тѣми безпредѣльными лѣсами, которые неизвѣстны старому міру. Во времена Тацита существовали они въ отчизнѣ Тевтоновъ, въ глухой тогда Германіи и имъ были описаны; въ Америкѣ поэтически вдохновенъ ими былъ Шатобріанъ; въ Засурскомъ лѣсѣ видѣлъ я ихъ обращикъ. Но не мнѣ дано изобразить ихъ величественный ужасъ. Гдѣ мы ни ѣхали дотолѣ, исключая Барабинской пустыни, вездѣ пахло жильемъ; а тутъ начинаешь чувствовать отсутствіе населенія. Правда, каждая станція деревня, но другихъ мы не видѣли; еще далѣе, и находишь болѣе почтовыхъ дворовъ, нежели селеній. Между тѣмъ положеніе мѣстъ становится тутъ опять болѣе и болѣе гористо. Ачинская крѣпость, тогда посадъ, а послѣ насъ уѣздный городъ Ачинскъ, вѣроятно былъ укрѣпленъ не для защиты отъ непріятелей, а отъ разбойниковъ, въ ущельяхъ гнѣздившихся. Слѣдуютъ за тѣмъ двѣ ужасныя станціи, Большія и Малыя Кемчуги, каждая по 35 верстъ; пространство между ними наполнено вертепами.

Посреди сихъ мрачныхъ мѣстъ находится открытое, и на немъ является вамъ чистенькій и веселенькій городокъ: это Красноярскъ, гдѣ намъ велѣно было дожидаться проѣзда посла. Мы все подвигались на Востокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на Югъ, и отъ того-то внутри Сибири, къ концу Августа, въ Красноярскѣ встрѣчены еще были красными днями. Чтó можетъ быть лучше? Мы имѣли жаръ съ прохладой. Впрочемъ, не насъ однихъ погода хотѣла собой попотчивать: она тутъ круглый годъ поступаетъ такъ съ жителями, какъ они насъ увѣряли. Болѣе двѣнадцати пасмурныхъ дней не бываетъ у нихъ въ году, сказывали они намъ, то-есть по одному на мѣсяцъ, и обыкновенно въ эти дни или сыплетъ снѣгъ, или ливмя льетъ дождикъ, покрываетъ или освѣжаетъ землю, а потомъ дѣлается опять чисто, дѣлается жаръ или морозъ. Не завидно ли это покажется Петербургскимъ жителямъ и особливо жительницамъ? Старухи шестидесяти и болѣе лѣтъ сохраняютъ въ этомъ чудномъ городкѣ здоровье и всѣ признаки его: бѣлые зубы, алыя щеки и черные волосы. Величайшимъ же украшеніемъ Красноярску служитъ Енисей, рѣка-море, которой нѣтъ равной, нѣтъ подобной ни въ Европѣ, ни въ Россіи. Здѣсь не клубится безпредѣльный Енисей, какъ сказалъ первый изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ *), можетъ быть далѣе, можетъ быть въ другое время, а передъ нами столь же величаво, какъ и быстро, катилъ онъ прозрачныя, какъ стекло, студеныя струи свои. А за нимъ вдали, какъ будто вблизи, рисовались и красовались высокія Саянскія горы, отрасль Алтайскихъ. Величайшая изъ нихъ казалась досягаемою для руки, а была въ 20 верстахъ отъ Енисея; отличающая ее отъ другихъ горъ нагота служила доказательствомъ недавняго ея существованія: лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, силою подземнаго огня, часто тутъ колеблющаго землю, была она вытолкнута изъ нѣдръ ея и воздвигнута на этомъ мѣстѣ.

Насъ посѣтилъ одинъ ученый, который имѣлъ постоянное пребываніе въ этомъ городѣ. Г. Спасскій посвятилъ себя изысканію всѣхъ предметовъ, могущихъ сколько-нибудь объяснить древность Сибири. Онъ полагалъ, что вѣроятное переселеніе черезъ нее народовъ должно было оставить за собою ихъ слѣдъ, и всюду искалъ его. Для того лазилъ онъ по горамъ, списывалъ на ребрахъ ихъ изсѣченныя надписи на непонятномъ языкѣ, съ удивительнымъ чутьемъ угадывалъ мѣстà старыхъ могилъ и довольно удачно иногда въ нихъ рылся. Такимъ образомъ составилъ онъ себѣ изрядный музей изъ хартій, оружій и маленькихъ бурхановъ или мѣдныхъ идоловъ. Труды его были признаны полезными, одобряемы и поддерживаемы Академіей Наукъ.

*) А. С. Хомяковъ. П. Б.

Знатные люди въ Россіи ничего долго вынести не могутъ, ни труда, ни покоя, ни даже веселья. Графъ Головкинъ прискакалъ, когда мы еще не ожидали его, кажется, на другой день послѣ насъ; побѣжалъ взглянуть на стѣны присутственныхъ мѣстъ, пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать, много шутилъ за столомъ, а послѣ обѣда опять сѣлъ въ коляску. Черезъ два дня и мы за нимъ послѣдовали.

Отъ Канскаго острога, нынѣ города, и рѣки Кана, одной изъ главнѣйшихъ между второстепенными Сибирскими рѣками, начиналась Иркутская губернія. Безконечный лѣсъ и тутъ продолжаетъ тянуться въ ужасной красотѣ съ столѣтними дубами своими, вѣковыми кедрами и необъятными лиственницами. Одно происшествіе, тутъ случившееся со мною, довольно ужасно, чтобы разсказать здѣсь объ немъ. Начинало смеркаться, и тучи заволакивали небо. Сухтеленъ пожелалъ остановиться на весьма хорошемъ почтовомъ дворѣ, куда мы пріѣхали. Спѣшить было не къ чему; но я разсчитывалъ, что еще рано, что мы легко можемъ сдѣлать одну станцію, мнѣ хотѣлось выиграть ее, и я уговорилъ Нелидова не слушать старика. Онъ разсердился на меня за то и не пустилъ къ себѣ въ коляску; я же преспокойно залегъ въ кладовую, на этотъ разъ ссылочную мою бричку и крѣпко заснулъ, лишь только тронулись съ мѣста. Жестоко былъ я наказанъ за неуваженіе къ старости: когда я проснулся, измученныя лошади, самыя худшія изъ всѣхъ, которыхъ намъ дали, стояли неподвижно, не смотря на усилія и побои ямщика и моего Гаврилы; а между тѣмъ дождь, котораго во снѣ не слыхалъ я, болѣе часа лилъ какъ изъ ведра. Ночь была такая, что хоть глазъ выколи, а отъ спутниковъ моихъ мы давнымъ-давно отстали. Мнѣ объявлено, что другаго средства нѣтъ, какъ отпрячь одну изъ четырехъ лошадей, самую крѣпкую, сѣсть на нее и шажкомъ за свѣжими конями поѣхать на станцію, до которой однакоже было болѣе шести верстъ. Меня взяло раздумье, кому изъ насъ ѣхать. Страшная рожа ямщика, которую видѣлъ я съ вечера, и грубый, охриплый голосъ его, который я слышалъ, заставляли меня подозрѣвать со стороны его дурной умыселъ—привести къ намъ своихъ товарищей; оставаться съ нимъ было не весело, а ѣхать одному, лѣсомъ, въ такую ночь, также не совсѣмъ было пріятно. Я рѣшился однакоже на послѣднее; перекрестясь, трюхъ-трюхъ потащился я верхомъ, весь орошаемый сверху шумнымъ водопадомъ. Сбиться съ пути было невозможно: широкая просѣка шла на тысячу верстъ, боковыхъ, проселочныхъ дорогъ не было. Не знаю, проѣхалъ ли я болѣе половины предлежащаго мнѣ пространства, какъ вдругъ услышалъ въ лѣсу страшное завываніе стаи волковъ. Я обмеръ; конь мой вздрогнулъ, то останавливался, то пытался идти рысью. Снаружи леденѣлъ я отъ сы-

рости и холода, снутри кровь начинала застывать въ жилахъ моихъ. Машинально, безъ памяти сидѣлъ я, и теперь не понимаю какъ меня пронесло.

Привычный конь самъ собою остановился у крыльца почтоваго дома, изъ котораго высыпали любопытные. Меня должно было снять, и всѣ изумились моей блѣдности, когда ввели меня въ комнату. Разспрашивать было нечего: еще и тутъ былъ слышанъ вой. Когда я немного опомнился, первое слово мое было моленіе о помощи оставленнымъ мною въ лѣсу, и тотчасъ за ними были посланы вооруженные ямщики. Всѣ съ безпокойствомъ старались меня отогрѣть, напоить горячимъ; самъ Сухтеленъ много хлопоталъ, сопровождая однакоже заботливость свою ворчаньемъ и упреками. Странно, что я забылъ названіе сихъ станцій: видно, страхъ отшибъ у меня память.

Слѣдующую ночь провели мы въ жалкомъ городѣ Нижнеудинскѣ, въ которомъ отъ общества выстроенъ былъ особливый домъ для проѣзжихъ по казенной надобности. Мы еще не успѣли встать съ постели, какъ явилось четыре проѣзжихъ, именно тѣ, кои, сопутствуя послу, оставили его, чтобъ увидѣть Тобольскъ: Васильчиковъ, Бенкендорфъ, Гурьевъ и Перовской. Мы одѣлись и, заказавъ общій большой обѣдъ, пошли съ ними прогуливаться не столько по городу какъ вокругъ его: ибо въ немъ видѣть было нечего. Такъ-какъ эти господа ѣхали въ двухъ колаксахъ, и не могло быть большой разницы въ числѣ лошадей, то и согласились мы отправиться компаніей до Иркутска, къ которому подъѣзжая, казалось, мы на послѣдней станціи; и дѣйствительно, до него оставалась бездѣлица, всего только пять-сотъ верстъ. За обѣдомъ, Бенкендорфъ довольно разсѣянно сказалъ намъ одну вѣсть, которую мы столь же равнодушно и спокойно приняли: въ Тобольскѣ получено было извѣстіе, что гвардія начинаетъ выступать изъ Петербурга. Противъ кого? Да, разумѣется, противъ Французовъ; когда мы воротимся изъ Пекина, то успѣемъ еще узнать о побѣдахъ нашихъ, подумалъ я.

Менѣе сутокъ проѣхали мы вмѣстѣ съ нашими же новыми товарищами; наша медленность, тяжесть нашихъ фуръ, дурная привычка каждый день ночевать, имъ не понравились, и они насъ кинули. Однакоже, на бѣду одного изъ нихъ, рѣшились они переночевать въ одной деревнѣ, на берегу широкой рѣки, которой имя не вспомню: ихъ было такъ много. Гурьевъ не согласился, оставилъ коляску свою Бенкендорфу, а самъ съ однимъ слугой, переправясь черезъ рѣку, поскакалъ въ перекладной телѣгѣ, чтобы первому явиться къ послу въ Иркутскѣ, мѣстѣ общаго нашего сборища. Оставшіеся еще не спали, когда услышали нѣсколько глухо до нихъ дошедшихъ выстрѣловъ и думали, что

онъ въ потьмахъ изволитъ тѣшиться; каково было ихъ удивленіе, когда по утру на слѣдующей станціи нашли они его истерзаннаго, почти помѣшаннаго. Вотъ что́ случилось съ нимъ. Едва успѣлъ онъ отъѣхать три версты отъ переправы, какъ нѣкто стоявшій посреди дороги, имъ въ темнотѣ не замѣченный, схватилъ лошадей его и остановилъ ихъ. Гурьевъ, полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ человѣкомъ, не трусилъ, выстрѣлилъ въ него и не попалъ; въ туже минуту самъ услышалъ нѣсколько выстрѣловъ и увидѣлъ себя спереди, сзади и съ боковъ окруженнымъ вооруженными людьми, выскочившими изъ лѣса. Сопротивленіе было невозможно; они обезоружили его, связали какъ его, такъ и слугу и ямщика, и всѣхъ трехъ вмѣстѣ съ лошадьми и телѣгой поволокли въ глубину лѣса. Тамъ отыскали они знакомую имъ поляну, остановились на ней, завязали глаза тремъ плѣнникамъ своимъ, а ихъ самихъ, стоймя, руками назадъ, привязали къ деревьямъ; потомъ разложили огонь, открыли чемоданъ и стали въ немъ копаться.

Обыскъ вѣроятно не отвѣчалъ ихъ ожиданіямъ, ибо они начали съ досадою говорить о сдѣланной ими ошибкѣ. Изъ словъ ихъ видно было, что они поджидали какого-то купеческаго прикащика съ десятками тысячъ рублей, и что́ же нашли? немного платья, немного бѣлья, вышитый мундиръ, который могъ быть для нихъ уликой, и денегъ только что на прогоны. Пошли между ними совѣщанія, отъ коихъ бѣднаго Гурьева по кожѣ подирало; мнѣнія были несогласны: одни требовали чтобы людей зарѣзать, а лошадей и пожитки увезти; другіе, болѣе склонные къ милосердію, полагали, что надлежитъ довольствоваться малой наживой, захваченныхъ же ими слѣдуетъ выпроводить на большую дорогу, взявъ съ нихъ напередъ клятвенное обѣщаніе, что, во мзду даруемой имъ жизни, они никому не будутъ говорить о томъ что̀ съ ними происходило. Спорили долго, наконецъ остановились на мысли однаго разбойничьяго доктринёра, чтобы взять деньги и золотые часы, а плѣнниковъ, не убивая и не отвязывая, предоставить произволу судьбы. Приговоръ исполненъ, они удалились.

Я не люблю Гурьева, но и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ сострадания объ ужасѣ его положенія. Подобно мнѣ, и еще болѣе беззащитенъ, могъ онъ ожидать нападенія хищныхъ звѣрей. Занялась заря и поднялись насѣкомыя, Сибирскія страшныя насѣкомыя и начали покрывать язвами всѣ открытыя части его тѣла. Среди этой пытки въ безпамятствѣ рвался и метался онъ, и отъ того веревки, коими онъ былъ прикрѣпленъ, вытягиваясь, оставили нѣкоторую свободу его рукамъ; онъ воспользовался тѣмъ, вооружился терпѣніемъ и наконецъ высвободилъ какъ себя, такъ и сомучимыхъ своихъ. Лошади, телѣга, чемоданъ, все тутъ было, и даже одинъ забытый разбойниками пред-

метъ, который онъ не оставилъ взять съ собою: длинный ножъ съ примѣчательною рукоятью. Не безъ труда выбрался онъ на дорогу и пріѣхалъ на станцію, почти вмѣстѣ съ товарищами своими, которые эту ночь весьма спокойно проспали.

По представленному Гурьевымъ ножу, виновные были потомъ отысканы. Въ близости отъ сей дороги существовала казенная суконная фабрика, основанная при князѣ Потемкинѣ, когда сей необыкновенный человѣкъ мечталъ между прочимъ и о завоеваніи Китая; туда изъ Россіи ссылались на вѣчную работу люди пойманные въ разбоѣ; за ними былъ плохой присмотръ, и нѣкоторые изъ нихъ, шатаясь, по старой привычкѣ, брались за прежнее ремесло.

На свѣжіе, на горячіе слѣды пріѣхали мы на станцію, черезъ нѣсколько часовъ послѣ прбисшествія, о которомъ съ великими подробностями разсказалъ намъ станціонный смотритель. Слѣдующую ночь, разумѣется, остановились мы, хотя находились близко отъ Иркутска. Сія ночь была послѣдняя, которую провелъ я въ обществѣ моихъ, скажу, милыхъ спутниковъ, всегда снисходительныхъ, всегда веселыхъ. Во время продолжительнаго пути кто ни ссорится? А мы два мѣсяца на большой дорогѣ жили душа въ душу.

Хотя мы и были въ Сибири, но все-таки на самомъ Югѣ ея, подъ 52-мъ градусомъ сѣверной широты, и отъ того-то Сентябрь совсѣмъ не Сентябремъ смотрѣлъ на насъ: погода стояла прекрасная, такая, какъ въ Петербургѣ иногда бываетъ она невзначай среди Августа. Въ день Рождества Богородицы, 8 числа, остановились мы въ виду Иркутска, у Вознесенскаго монастыря, вошли въ церковь, исключая еретиковъ Сухтелена и Гельма, приложились къ мощамъ Св. Иннокентія, просвѣтителя сихъ странъ. Потомъ начали мы переправляться черезъ широкую Ангару, рѣку-потокъ, съ яростію вырвавшуюся изъ Байкала; быстрѣе и прозрачнѣе ея, кажется, нѣтъ рѣки въ мірѣ: на глубокомъ днѣ ея видны всѣ песчинки. Долго продолжалась церемонія нашей переправы, ибо далеко надобно было подыматься противъ теченія, чтобъ оттуда стрѣлой спуститься къ пристани. Весь Иркутскъ, на ровномъ мѣстѣ, вытянутъ по Ангарѣ. Солнце такъ и сіяло, чтó придавало ему какой-то праздничный видъ, когда мы подплыли къ нему. Надобно было случиться, чтобы посолъ, который жилъ на самомъ берегу, вышелъ въ это время прогуляться; но онъ вышелъ не инкогнито, а въ шитьѣ, въ лентахъ и звѣздахъ, въ сопровожденіи всей собравшейся, многочисленной свиты своей, когда кругомъ народъ валилъ, чтобы поглазѣть на его величіе. Онъ остановился у пристани и первый въ Иркутскѣ встрѣтилъ насъ ласковыми словами. Глаза мои въ толпѣ устремились на Гурьева; красныхъ пятенъ не было на лицѣ его, но онъ

похудѣлъ, и я разчелъ, что нѣсколько фунтовъ жиру должно было въ немъ растаять въ жаркую для него ночь. Тутъ же при послѣ былъ и городничій, который сталъ разводить насъ, то-есть далъ по проводнику, чтобы указать назначенную каждому изъ насъ квартиру. Въ этой суматохѣ мы не успѣли порядочно проститься.

Я еще тогда не брился, слѣдственно туалетъ мой не могъ долго продолжаться; помѣстили же меня близко отъ посла, и я поспѣшилъ къ его обѣденному столу, на который сдѣлалъ онъ намъ общее приглашеніе.

Домъ, гдѣ онъ имѣлъ жительство, былъ выстроенъ при Екатеринѣ генералъ-губернаторомъ Якоби, который такъ долго начальствовалъ въ Иркутскѣ и еще долѣе находился потомъ подъ судомъ. Его называли дворцомъ, всѣ генералъ-губернаторы жили въ немъ, и послѣдній, тутъ находящійся, Силифонтовъ уступилъ его пріѣзжему гостю. Домъ этотъ былъ деревянный, въ одинъ этажъ, но чрезвычайно длиненъ и высокъ; комнаты были огромныя, особенно три: пріемная зала, столовая и большая гостиная; первыя двѣ были пестро расписаны по штукатуркѣ, послѣдняя обита зеленымъ атласомъ въ позолоченныхъ рамкахъ. Посвятивъ нѣсколько дней отдохновенію, посолъ первый разъ принималъ въ сихъ чертогахъ; все посольство на лицо, до пятидесяти человѣкъ вмѣстѣ наполняли ихъ и садились за одинъ столъ, за которымъ находились и мѣстные начальники: генералъ-губернаторъ Селифонтовъ, бывшій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Лебедевъ, гражданскій губернаторъ Корниловъ, вицъ-губернаторъ Шишковъ и многіе другіе. Въ боковой комнатѣ гремѣла музыка, отличный поваръ Французъ приготовлялъ обѣдъ, который подавали на богатомъ казенномъ серебрянномъ сервизѣ, и тщеславный графъ Головкинъ сіялъ веселіемъ.

Начиная съ этого дня, сіи торжественные, сіи пышные обѣды сдѣлались ежедневными; мы имѣли право, а отнюдь не обязанность, являться на нихъ, хотя впрочемъ въ этомъ только состояла тогда вся служба наша. Мы бы могли въ иные дни пользоваться и приглашеніями Иркутскихъ жителей; мы не получили ихъ, ибо сіи жители были одни чиновники и купцы. Мы часто слышали похвалы какому-то старинному Русскому хлѣбосольству; если оно и существовало когда-нибудь, то въ одномъ только дворянскомъ сословіи: можетъ ли въ мірѣ быть что-нибудь негостепріимнѣе Русскаго купечества? Обычай и тщеславіе заставляютъ нашихъ купцовъ праздновать крестины и имянины, свадьбы и похороны; тогда только, безъ мѣры и безъ вкуса, кормятъ они званыхъ на убой; остальное же время, двери на запоръ, въ кругу своего семейства довольствуются они самою умѣренною, простонародною пи-

щею. Въ нашъ разсчетливый вѣкъ и дворяне начинаютъ перенимать у купцовъ. Въ знойныхъ пустыняхъ Аравіи гостепріимство между Бедуинами есть исполненіе долга, предписываемаго Кораномъ; такого гостепріимства мы имѣть не обязаны: у насъ вездѣ постоялые дворы, заѣзжіе дома и гостинницы. Въ Европѣ гостепріимство есть слѣдствіе потребности въ общежитіи; мы его также имѣть не можемъ, ибо сей потребности не чувствуемъ.

Между Иркутскими купцами, ведущими обширную торговлю съ Китаемъ, были миліонщики, Мыльниковы, Сибиряковы и другіе; но всѣ они оставались вѣрны стариннымъ Русскимъ, отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ: въ каменныхъ домахъ большія комнаты содержали въ совершенной чистотѣ, и для того никогда въ нихъ не ходили, ежились въ двухъ-трехъ чуланахъ, спали на сундукахъ, въ коихъ прятали свое золото, и при неимовѣрной, даже смѣшной дешевизнѣ, ѣли съ семьею одну солянку, запивали ее квасомъ или пивомъ.

Совсѣмъ не таковъ былъ купчикъ, къ которому судьба привела меня на квартиру. Алексѣй Ивановъ Полевой, родомъ изъ Курска, лѣтъ сорока съ небольшимъ, былъ весьма не богатъ, но весьма торовато, словоохотенъ и любознателенъ. Жена у него была красавица, хотя уже дочь выдана замужъ; онъ держалъ ее на заперти, и мы, кажется, другъ другу очень понравились. Онъ гордился не столько ею самою, какъ ея рожденьемъ: у нихъ былъ девятилѣтній сынишка, Николай, нѣжненькій, бѣленькій, худенькій мальчикъ, который влюбленъ былъ въ грамоту и бредилъ стихами. Съ худой ли, съ хорошей ли стороны онъ теперь извѣстенъ всей Россіи. Я всякій день ходилъ обѣдать къ послу и только вечеромъ зналъ хлѣбосольство моихъ хозяевъ. Можно было подумать, что они хотятъ меня окормить. Насытясь отъ Французскаго обѣда, я за ужиномъ безъ пощады опоражнивалъ Русскія блюда; не знаю, кого изъ супруговъ мнѣ благодарить или бранить за сіе пресыщеніе. Я думаю однакоже скорѣе жену.

Никакой нужды не имѣлъ я искать въ Иркутскѣ знакомства; я не успѣлъ еще хорошенько свести его въ Петербургѣ со многими изъ моихъ товарищей, въ Иркутскѣ сдѣлалось это скорѣе, и мы проводили вечера во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Къ счастію, погода не мѣнялась, и пѣшеходство не было для насъ тягостію. Нѣкоторые изъ насъ сочли однакоже неизлишнею учтивостію сдѣлать утренніе визиты двумъ старшимъ начальникамъ, генералъ-губернатору и гражданскому губернатору, о которыхъ необходимо приходится мнѣ здѣсь говорить.

Семидесятилѣтній старецъ, Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ, еще дюжій и плотный, хотя не весьма большаго роста, былъ въ молодости

своей морякъ. Нечаянный случай сдѣлалъ его лично извѣстнымъ Екатеринѣ, которая, угадавъ въ немъ хорошаго губернатора, въ семъ званіи назначила его въ Рязань; надобно полагать, что она не раскаевалась въ семъ выборѣ, потому что девять лѣтъ спустя сдѣлала его генералъ-губернаторомъ Пермскимъ и Тобольскимъ. Съ упраздненіемъ сего мѣста при Павлѣ посаженъ онъ въ Сенатъ и долго слылъ въ немъ чудомъ безкорыстія и правосудія. Между тѣмъ Тобольская губернія почиталась внутреннею, а Иркутская, пограничная, находилась подъ управленіемъ военныхъ губернаторовъ. Когда въ 1803 году признали за благо изъ сихъ двухъ губерній сдѣлать три, подъ общимъ названіемъ Сибирскихъ, поставивъ надъ ними одного генералъ-губернатора, то общее мнѣніе на сіе мѣсто призвало Селифонтова. Онъ сначала отговаривался и насилу принялъ должность, многотрудную для добросовѣстнаго человѣка. Онъ поселился въ знакомомъ ему Тобольскѣ и, оставивъ тамъ все семейство свое, пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Иркутскъ, когда на бѣду его и на несчастіе Сибири судьба пригнала въ нее Китайское наше посольство.

Съ появленіемъ Головкина наступило полное его затмѣніе. Онъ не кичился, не соперничалъ съ нимъ, но, будучи въ одномъ съ нимъ чинѣ и званіи сенатора, не хотѣлъ слишкомъ кланяться. Отъ самой Москвы, посолъ встрѣтилъ перваго человѣка, который не согнулъ передъ нимъ колѣна и почиталъ себя ему равнымъ: этого гордость его перенести не могла. Были, можетъ-быть, нѣкоторые безпорядки: на такомъ обширномъ пространствѣ какъ исправить ихъ въ короткое время? Правитель канцеляріи, Бакулинъ, немного чванился и пользовался недозволенными выгодами; но отъ нихъ былъ онъ только что сытъ, а отнюдь не богатѣлъ. Ни объ одной вопіющей несправедливости мы не слыхали: веселость, довольство и изобиліе между людьми простаго званія, которое вездѣ встрѣчали мы, служили явнымъ доказательствомъ добраго управленія. Грубыя шутки Байкова, которыя имѣли мы глупость повторять, дошли до жителей, а люди всегда готовы жаловаться изъ пустяковъ, когда подается имъ малѣйшій къ тому поводъ. Не знаю, что̀ именно писалъ Головкинъ въ Петербургъ, лишь знаю, что въ донесеніяхъ своихъ представилъ положеніе Сибири въ самомъ черномъ видѣ.

Почтенный Алексѣй Михайловичъ Корниловъ, къ сожалѣнію, также не совсѣмъ ладилъ съ Селифонтовымъ, и отъ этого былъ въ большой милости у посла. Домъ его могъ почитаться единственнымъ въ Иркутскѣ; миловидная и добродушная жена его Александра Ефремовна, урожденная Фанъ-деръ-Флитъ, въ немъ угощала насъ и своею непринужденною, можно сказать, неумышленною любезностію всѣмъ нравилась.

Въ день коронаціи, 15 Сентября, была она хозяйкою на многолюдномъ, и, говорятъ, престранномъ балѣ, который городу давалъ Головкинъ. Я не опишу его, ибо простудившись не былъ на немъ.

О прибытіи своемъ въ Иркутскъ, графъ Головкинъ, чрезъ нарочно посланнаго курьера на границу, увѣдомилъ Китайское правительство; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ онъ ему подробный списокъ о всѣхъ находившихся при немъ чиновникахъ и служителяхъ. На посланіе свое не замедлилъ онъ получить отвѣтъ, въ коемъ правительство сіе, всегда склонное къ подозрѣніямъ, непремѣнно требовало отъ него уменьшенія свиты. Желая показать снисходительность, графъ послалъ новый списокъ съ значительною убавкою его сопровождающихъ. Тайна сихъ переговоровъ была извѣстна только Байкову и Ламберту; надобно однакоже было, наконецъ, объявить объ ней, и какъ посолъ вообще не любилъ старости и въ особенности чувствовалъ отвращеніе отъ астронома Шуберта, то онъ съ сыномъ первые были пожертвованы. Можно себѣ представить бѣшенство надменнаго старика: онъ въ туже минуту потребовалъ подорожную и на другой же день уѣхалъ изъ Иркутска.

Между тѣмъ съ нимъ поступили вѣжливо въ сравненіи съ тѣми, отъ коихъ сочли нужнымъ скрыть ихъ выключку. Ихъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, потащили на границу, чтобы, въ минуту переѣзда черезъ нее, сказать имъ: «теперь ступайте назадъ». Я находился въ числѣ ихъ.

Полагая, что за тѣмъ нѣтъ ужъ никакихъ препятствій ко вступленію ему въ Зайцынское царство, посолъ началъ приготовляться къ отъѣзду. Прежде всего надобно было отправить наши тяжести, накопившіяся въ Иркутскѣ. Я никакъ не могъ думать, что буду имѣть честь, вслѣдствіе новаго распредѣленія, сдѣлаться начальникомъ перваго обознаго отдѣленія. Я узналъ руку Байкова, который хотѣлъ низвести меня на степень низшаго разряда чиновниковъ. Чтò было дѣлать? Я повиновался, утѣшаясь надеждою, что буду въ Китаѣ, если хотятъ обратить меня въ нужнаго человѣка. На меня взвалили съ полдюжины зеркаловъ, которыя, необъятною своею величиной, должны были ужаснуть и прельстить Китайцевъ; не думалъ ли Байковъ, что я разобью ихъ? Но мнѣ дали двухъ проворныхъ унтеръ-офицеровъ, которые отъ самаго Петербурга во всю дорогу неотлучно при нихъ находились.

Предводительствуя зеркалами, первый и одинъ отправился я изъ Иркутска 22 Сентября послѣ обѣда. Тутъ кончается для меня Сибирь и начинается все то, чтò имѣлъ я общаго съ Китаемъ. Для описанія того нужна мнѣ особая глава.

X.

Только что выѣдешь изъ Иркутска, начинаются чрезвычайно высокія горы, покрытыя лѣсомъ, по обѣимъ сторонамъ Ангары. У подошвы сихъ горъ, по берегу сей быстрой рѣки, въ нѣсколько часовъ проѣхавъ шестьдесятъ верстъ, увидѣлъ я Байкалъ, изъ котораго она вытекаетъ. Далѣе, направо и налѣво, тѣже самыя горы, все болѣе и болѣе воздымаясь, идутъ на нѣсколько сотъ верстъ вокругъ всего этого чуднаго озера, прозваннаго съ семъ краю сердитымъ и святымъ моремъ. Они обхватываютъ его на всемъ его протяженіи и образуютъ какъ бы продолговатую чашу, на днѣ которой колыхаются его воды.

Обыкновенно, отъ Лисвинишнаго мыса, на которымъ я остановился, до Зимовья Голоустнаго, дѣлаютъ еще шестьдесятъ верстъ вдоль Байкала, чтобы переправиться черезъ него въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ только 55 верстъ ширины. Но тутъ, у истока Ангары, нашелъ я суда, назначенныя для перевозки тяжестей посольства. Немного поодаль, въ сторонѣ, стоялъ на якорѣ единственный фрегатъ сего моря и дожидался посла и его свиты, имъ управлялъ какой-то флотскій офицеръ.

Какъ я на Лисвинишный мысъ пріѣхалъ вечеромъ поздно, то и не могъ ранѣе слѣдующаго утра начать нагрузку порученныхъ моему надзору огромныхъ ящиковъ, что̀ надлежало дѣлать съ величайшею осторожностію. Весь этотъ день, 23-е число, былъ на то употребленъ: какъ въ семъ дѣлѣ я ничего не смыслилъ, то и положился совершенно на своихъ унтеръ-офицеровъ, а самъ, пользуясь наипріятнѣйшею погодой, карабкался по горамъ, чтобъ открывать оттуда удивительные, хотя и пустынные виды.

Суда на Байкалѣ, называемыя досчаниками, суть не что̀ иное, какъ большія барки, немного болѣе тѣхъ, кои ходятъ по Волгѣ, ими также управляютъ лоцманы, которые въ знаніи мореплаванія должны уступить простымъ матросамъ. Я никакъ не подозрѣвалъ опасности своего положенія, когда безтрепетно ступилъ на свой досчаникъ 24-го числа, часу во второмъ по полудни. Въ это утро, какъ и наканунѣ, погода стояла довольно тихая, намъ дулъ попутный вѣтеръ, не съ большимъ сто верстъ должны мы были переплыть, и я разчитывалъ, что буду ночевать на противномъ берегу.

Лишь только вышли мы въ открытое море, какъ сталъ накрапывать дождикъ, и вѣтеръ началъ мѣняться. Я этого не замѣтилъ, а отъ дождя укрылся внизу, гдѣ было довольно свѣтло, чтобы мнѣ приняться за чтеніе. Когда стало смеркаться, вышелъ я на палубу и

спросилъ: далеко ли мы еще отъ пристани? Тутъ узналъ я, что мы плывемъ сами не знаемъ куда, что иногда берегъ теряется изъ вида, иногда опять открывается, но что утвердительно сказать гдѣ мы, никакъ невозможно и что, вѣроятно, будемъ мы кататься во всю ночь. Это меня крайне озадачило; однакоже я подумалъ, что качка усыпитъ меня, а утромъ мы опять найдемъ дорогу. Между тѣмъ, вѣтеръ, часто мѣняясь, около полуночи до того усилился, что сдѣлалось страшно; съ своей стороны, дождь не только не уменьшался, но по временамъ казался воздушнымъ моремъ, и я ни на минуту не могъ заснуть. Мои унтеръ-офицеры, люди Петербургскіе, старались скрыть отъ меня опасность; но, при свѣтѣ фонаря, я прочелъ ее въ отчаянныхъ взорахъ лоцмана и его работниковъ. Итакъ я могу похвастать, что разъ въ жизни видѣлъ морскую бурю; представить же ее не берусь. Читая описаніе кораблекрушеній въ романахъ Эжена Сю и капитана Марріэта, которые въ этомъ дѣлѣ великіе мастерà, мнѣ всегда становится и страшно и скучно; куда же мнѣ за ними гнаться! Однакоже, все было какъ слѣдовало, все шло обыкновеннымъ порядкомъ: и паруса рвались, и снасти трещали, равно какъ и самый корпусъ утлой нашей ладьи. Я не молился, не плакалъ, не роптала, не клялъ на судьбу свою, а просто какъ-то одурѣлъ. Но скорѣе къ концу; утромъ все опять утихло, прояснилось, мы открыли дорогу и передъ вечеромъ причалили къ длинной косѣ, ведущей къ такъ-называемому Посольскому монастырю.

Тутъ были двѣ-три избы для странниковъ и тройка съ телѣгой, чтобы посылать за лошадьми въ слободку, находящуюся у сказаннаго монастыря. Съ слугою своимъ и имуществомъ сѣлъ я въ телѣгу и поскакалъ, поручивъ команду свою старшему изъ унтеръ-офицеровъ и уполномочивъ его дѣйствовать въ мое отсутствіе по своему усмотрѣнію. Пока продолжалась выгрузка, думалъ я отдохнуть въ стѣнахъ святой обители. Когда я подъѣхалъ къ ней, ударили въ колоколъ къ вечернѣ, я отъ души перекрестился и вошелъ въ церковь. Это было наканунѣ Іоанна Богослова, и въ семъ монастырѣ, называемомъ Преображенскимъ (Посольскимъ не знаю почему) былъ придѣлъ во имя сего евангелиста; можно себѣ представить, какъ усердно молился я ему. Игуменъ позвалъ меня къ себѣ и сталъ подчивать, чѣмъ бы вы думали? ломтями разрѣзаннаго большаго огурца, пересыпанными мелкимъ сахаромъ. А я, который полторы сутки ничего въ ротъ не бралъ, кромѣ чаю и вареныхъ скверыхъ омулей (Байкальскихъ сельдей), и которому такъ нужно было укрѣпить себя пищей, я чуть было къ чорту не послалъ святаго отца и съ братіей. Вообще же въ [illegible] стырѣ, въ коемъ самая ограда была деревянная и одна то[illegible] ая.

ная, какъ показалось мнѣ, царствуютъ такое невѣжество, грубость, нищета и нечистота, что я не рѣшился въ немъ остаться. Выпросивъ лоскутъ бумаги, написалъ я къ унтеръ-офицеру, что поручаю ему свою бричку и продолжаю время его владычества до прiѣзда въ первый городъ, гдѣ я буду его дожидаться. Какъ люди, которые во всемъ себѣ отказываютъ, чтобы послѣ вполнѣ насладиться, такъ не щадя покоя, чтобы скорѣе добиться его, ѣхалъ я всю ночь и, сдѣлавъ полтораста верстъ, прибылъ рано поутру въ уѣздный городъ Верхнеудинскъ. Онъ былъ гораздо обширнѣе, красивѣе и опрятнѣе Нижнеудинска и почитался первымъ въ этомъ Забайкальскомъ краѣ. Въ немъ болѣе пятнадцати лѣтъ городничествовалъ Иванъ Алексѣевичъ Сѣнной, толстенькiй, веселый старичекъ, съ Георгiевскимъ крестомъ въ петлицѣ, который постоемъ у себя отвелъ мнѣ квартиру. Съ перваго взгляда домикъ его напоминалъ мнѣ Петербургскiя дачки; онъ стоялъ на дворѣ съ крылечкомъ прямо изъ комнатъ въ большой палисадникъ, отдѣляющiй его отъ улицы; въ семъ садикѣ замѣтилъ я нѣсколько кустовъ и стебли подсолнечниковъ, но лѣтомъ, по словамъ хозяина, наполнялся онъ бархатцами, желтофiолями, настурцiями и бальзаминами. Вообще было много въ г-нѣ Сѣнномъ, по моему мнѣнiю, похвальныхъ прихотей. Въ домѣ его, гдѣ все было вымыто и выметено, видѣлъ я бѣленькiя занавѣски у оконъ и зеркальцы между ими; множество птицъ въ клѣткахъ и картинокъ въ рамкахъ было развѣшено на потолкахъ и по стѣнамъ; все житье его и столъ показывали въ немъ если не совсѣмъ образованный, то образующiйся вкусъ.

Семья его состояла изъ жены и молоденькой, изрядненькой дочки. Предметомъ разговоровъ моихъ съ ними все былъ какой-то артиллерiйскiй поручикъ де-Барбишъ, который два года тутъ прожилъ, потомъ уѣхалъ, но непремѣнно къ нимъ воротится. Этотъ настоящiй, или Русскiй, Французикъ, успѣлъ вскружить голову всему семейству; его рисунки подъ стеклами въ почетѣ висѣли отдѣльно отъ другихъ картинокъ, дѣвочку онъ выучилъ играть на гитарѣ и пѣть Русскiя пѣсенки, матери помогалъ вышивать; воспоминанiя о немъ примѣшивались ко всѣмъ ежедневнымъ ихъ упражненiямъ. Одинъ разъ позволилъ я себѣ бѣдной дѣвушкѣ шепнуть на ухо, что завидую участи де-Барбиша; посмотрѣли бы, какъ, вспыхнувъ, она сердито на меня взглянула! Не случилось мнѣ узнать, чтò сдѣлалось послѣ меня; но какъ Сибирскiе жители суть, или по крайней мѣрѣ были при мнѣ, весьма легковѣрны и неопытны, то боюсь за бѣдныхъ Сѣнныхъ.

Какъ изъ посольства я первый показался за Байкаломъ, то въ Верхнеудинскѣ игралъ роль знаменитаго путешественника и вмѣстѣ отмѣнно-довѣренной особы, когда попеченiямъ моимъ поручены столь же

огромные, какъ и драгоцѣнные предметы. Бѣгали смотрѣть на меня по улицамъ, и самъ почтенный Сѣнной былъ со мною чрезвычайно почтителенъ; дома же не зналъ чѣмъ накормить. Такимъ образомъ катался я только два дни какъ сыръ въ маслѣ, пока въ цѣлости не подвезли мнѣ моихъ зеркаловъ. Я бы еще побылъ, какъ вдругъ наѣхали Тепловъ, Хвостовъ, Струве, Мартыновъ и другіе чиновники съ обозами: я почувствовалъ, что моя роль кончена и въ ту же минуту поспѣшилъ появленіемъ моимъ удивлять другія мѣста.

Немного оставалось мнѣ пространства и времени: въ тотъ же вечеръ, неподалеку отъ города Селенгинска, обогналъ меня секретарь посольства графъ Ламбертъ и довольно повелительно сказалъ мнѣ, чтобъ я болѣе торопился. Меня это удивило: я не зналъ, что Головкинъ послалъ его вмѣсто себя на границу принять начальство надъ всѣми отправленными туда чиновниками. Не менѣе того сталъ я спѣшить, и какъ отъ Селенгинска оставалось мнѣ всего ѣзды 90 верстъ, то я перемѣнилъ въ немъ только лошадей и на разсвѣтѣ 29 Сентября пріѣхалъ въ Кяхту.

Я ошибся, въ Троицкосавскую крѣпость. Настоящая Кяхта, въ которой живутъ одни купеческіе прикащики, всего на все не болѣе полутораста душъ, находится четыре версты далѣе, на самой чертѣ нашей границы, разстояніемъ на пушечный выстрѣлъ отъ Китайскаго торговаго селенія Маймачина. А Троицкосавскъ, довольно большой городокъ, на ручьѣ Кяхтѣ, заложенный въ Троицынъ день посломъ Саввою Рагузинскимъ, вмѣщаетъ въ себѣ главную таможню, ея чиновниковъ, купцовъ и значительное число жителей; сверхъ того, пограничную военную команду. Примѣчательно, что, слѣдуя общему правилу, принятому для пограничныхъ мѣстъ, въ Троицкосавскѣ не позволено имѣть ни одной кирпичной стѣнки; кажется, нападательной войны съ этой стороны ожидать не можно, развѣ возсталъ бы какой-нибудь новый Чингисъ-ханъ. Самое названіе крѣпости и острокольный, бревенчатый, полуразрушенный заборъ, подъ именемъ укрѣпленія, также довольно смѣшны.

Лучшіе дома въ Кяхтѣ (для сокращенія такъ буду называть я Троицкосавскъ) принадлежали таможеннымъ чиновникамъ; по нимъ размѣстили насъ. Какъ о трактирахъ тутъ понятія не имѣли, то они же вызвались и обязались продовольствовать насъ пищей. Мнѣ на долю, или я ему, достался великій чудакъ, нѣкто Семеновъ, самый тяжелый, несносный, мрачный и нѣсколько помѣшанный человѣкъ. Насъ раздѣляли сѣни; одну половину, состоящую изъ двухъ малыхъ комнатъ, уступилъ онъ мнѣ, другую, такую же, оставилъ для себя съ женою, пожилыхъ лѣтъ, какъ и онъ. Не ъ всегда у меня со мною

Les grâces aujourd'hui favorisent nos armes;
O Reine, c'est vous dont les yeux, pleins de charmes,
Usant du pouvoir qu'ils ont sur nos guerriers,
Inspirent le désir de cueillir les lauriers.
Soyez pour les Russes et pour leur Souverain,
Et nos drapeaux bientôt flotteront sur le Rhin.

Каковы стихи? Не правда ли? Прошу не прогнѣваться. Горячо испеку, а за вкусъ не берусь, могли бы мы сказать. Не долго могли мы вмѣстѣ, забывъ Китай, заниматься Европейскими дѣлами: скоро наступила для насъ минута разлуки.

Въ послѣднихъ числахъ Ноября, не знаю по какому случаю или по какой причинѣ, Байковъ верхомъ поскакалъ въ Ургу, разстояніемъ 350 верстъ отъ Кяхты. Это не городъ, а главное кочевье въ Кобійской или Монгольской степи и мѣстопребываніе двухъ первостатейныхъ мандариновъ, Вана и Амбана, намѣстника и вице-намѣстника ханскихъ; до этого мѣста, не далѣе, ѣздятъ обыкновенно посланцы нашего губернскаго Иркутскаго начальства. Онъ, кажется, возилъ ультиматумъ Головкина и, не дождавшись отвѣта изъ Пекина, черезъ недѣлю воротился.

Около половины Декабря дзаргучей или комендантъ Маймачинскій потребовалъ аудіенціи у посла, и мы въ первый разъ увидѣли Китайцевъ. Онъ явился съ пріятнымъ извѣстіемъ, что молодой родственникъ императора, Бейсъ, съ многочисленною свитой уже на пути изъ Пекина, чтобы встрѣтить и проводить туда наше посольство. За тѣмъ снято запрещеніе ѣздить намъ въ торговую Кяхту и въ Маймачинъ, и я не изъ послѣднихъ симъ дозволеніемъ воспользовался.

Маймачинъ—единственный Китайскій городокъ, который я видѣлъ, и потому не лишнимъ считаю сказать о немъ здѣсь нѣсколько словъ. Онъ построенъ правильнымъ четвероугольникомъ и весь обнесенъ превысокимъ заборомъ; разбитъ онъ, какъ регулярный садъ, и самыя улицы его могутъ почитаться узкими аллеями; строеніе на нихъ совершенно одинаковой вышины, низкое, сплошное, безъ малѣйшаго разрыва и единаго окна. Такою улицей идешь, какъ коридоромъ, между двухъ стѣнъ, вымазанныхъ сѣроватою глиной, не выкрашенныхъ и не бѣленыхъ; справа и слѣва домà различаются только всегда закрытыми отверстіями, раскрашенными воротами со столбиками и пестрыми надъ ними навѣсами. На каждомъ перекресткѣ есть крытое мѣсто съ четырьмя воротами, такъ что всякая улица можетъ запираться, какъ домъ; надъ крытымъ же мѣстомъ всегда возвышается деревянная башня, въ два или три яруса, расцвѣченная, съ драконами, колокольчиками, бубенчиками, какіе вы видѣли на картинкахъ или въ садахъ. Это давало

Маймачину довольно красивый видъ, особливо въ сравненіи съ двумя Кяхтами, большою и малою; но бѣда если пожаръ: ничто не уцѣлѣетъ! Во внутренности дворовъ, вокругъ всей стѣны, идетъ открытая, наружная галлерея на столбикахъ, служащая соединеніемъ жилыхъ покоевъ съ амбарами и конюшнями; какъ всѣ окна выходятъ на галлерею сію, то можно посудить о темнотѣ, которая бываетъ въ комнатахъ. На другомъ концѣ города пустили меня въ Китайскую божницу, посвященную богу брани; онъ находится въ особенномъ мѣстѣ или придѣлѣ и стоя держитъ за узду бѣшенаго коня. Въ главномъ же храмѣ видѣлъ я колоссальнаго Конфуція, богато разодѣтаго, высоко на тронѣ сидящаго, и массивную, пудъ въ двадцать, желѣзную полированную лампаду, день и ночь передъ нимъ горящую.

Тѣмъ, кои были въ Китаѣ, предоставляю я право описывать въ подробности образъ жизни, обычаи и костюмы сего любопытнаго народа. Я же, который видѣлъ Китайцевъ лишь мелькомъ, на краю ихъ владѣній, я почитаю себя свободнымъ отъ обязанности много говорить о нихъ.

Лишь только посолъ узналъ о прибытіи Бейса въ Маймачинъ, призвалъ меня и съ видомъ сердечнаго сожалѣнія объявилъ о необходимости разстаться со мною. Вмѣсто отвѣта, я только поклонился и вышелъ: ни просить, ни жаловаться, ни благодарить, кажется, было нечего. Исключая двухъ Шубертовъ, отца и сына, да меня, еще четыре человѣка были пожертвованы необходимости, какъ говорилъ Головкинъ: кавалеръ посольства Васильчиковъ, профессоръ Клапротъ, Корнѣевъ и Клементъ. Съ двумя послѣдними не сочли нужнымъ много церемониться, а въ прочихъ былъ замѣченъ не знаю какой-то духъ непокорности. Не говорю о себѣ; но отослать двухъ самыхъ ученыхъ профессоровъ, чтобъ взять съ собою лишнихъ два-три драгуна, кому бы не показалось безразсудно?

Когда Вонифатьевъ узналъ о моей выключкѣ, то, встрѣтясь со мною на улицѣ, бросился обнимать. Онъ нашелъ какой-то предлогъ и прежней холодной со мною суровости, и внезапной своей пріязни, затащилъ къ себѣ, сталъ потчивать и расточать грубыя свои ласки. Какъ знатокъ, предложилъ онъ дешево купить нѣкоторыя Китайскія бездѣлицы и досталъ ихъ почти даромъ, наконецъ прислалъ мнѣ на дорогу огромный ящикъ чаю *). О Головкинѣ пока ни слова; но, видя меня разъ довольно печальнымъ, потихоньку сказалъ онъ мнѣ: «Не горюй, братъ; повѣрь мнѣ, не бывать имъ далѣе Урги; мѣсяца пол-

*) Въ юго-восточной Сибири чай почитается поклономъ: не принять его значитъ не отвѣчать на поклонъ и за вѣжливость заплатить неучтивостію.

тора попляшутъ на морозѣ, а что̀ увидятъ? почти тоже, что̀ здѣсь». Мнѣ стало гадко, а не менѣе того онъ утѣшилъ меня своими словами.

Сначала Бейсъ у посла имѣлъ публичную аудіенцію, на которой мы всѣ присутствовали, потомъ другую приватную. Головкинъ, стараясь приноровиться къ восточной напыщенности рѣчей, черезъ переводчика такъ и сыпалъ гиперболами, на кои Бейсъ отвѣчалъ тихо и скромно; а между тѣмъ Байковъ въ углу, со смѣхомъ, ругалъ Китайцевъ непотребными словами, не замѣчая, что въ свитѣ Бейса находились Маймачинцы, очень хорошо понимающіе Русскій языкъ и любимыя народныя поговорки. Китайскій принцъ совсѣмъ не похожъ былъ на Китайца, худощавъ, смуглъ, съ правильными чертами, черными глазами и усиками, съ нѣжнымъ и пріятнымъ голосомъ; онъ всѣмъ понравился. Нарядъ Китайцевъ невольно смѣшилъ насъ: куріозно было видѣть мущинъ въ кофтахъ съ юбками. Всего страннѣе показался мнѣ экипажъ, въ которомъ привезли Бейса: это были употребляемыя въ Европѣ носилки (porte-chaise), на двухъ колесахъ съ оглоблями.

Забавны были также и воины Китайскіе, Азіатскіе амуры, съ лукомъ и колчаномъ за спиной, со стеклянною шишкой на шапкѣ и съ прикрѣпленнымъ къ ней павлиньимъ перомъ. Я видѣлъ, какъ сіи герои, обступивъ нашихъ драгунъ, сидящихъ на конѣ, смотрѣли на нихъ съ ужасомъ: правда, народъ былъ подобранъ все рослый, усастый, лошади подъ ними были, какъ слоны, и каски на нихъ въ аршинъ вышиною; но все-таки солдаты другой Азіатской націи, при видѣ ихъ, умѣли бы скрыть свой страхъ.

И въ Петербургѣ смѣялись надъ ними, когда, возвратясь, говорили мы о войнѣ съ Китаемъ, какъ о дѣлѣ не только сбыточномъ, но и весьма не затруднительномъ въ исполненіи. У тѣхъ, кои по крайней мѣрѣ брали трудъ оспаривать насъ, вѣчнымъ аргументомъ была степь. Конечно, она имѣетъ до восьми сотъ верстъ ширины; но эта степь вся заселена кочующими Монголами, не слишкомъ преданными Китайско-Манжурскому племени, съ которымъ не принадлежатъ даже къ одной вѣрѣ; но эту степь вездѣ пересѣкаютъ рѣчки и рощи, вездѣ есть топливо и вода. Для продовольствія десятки степныхъ кораблей, верблюдовъ, могутъ замѣнить тысячи подъемныхъ лошадей; а ихъ цѣлыя сотни можно разомъ купить на границѣ. Главное же то, что предъ тридцатью тысячами Русскаго войска не устоитъ полмиліона Китайцевъ; кажется, это ясно. У насъ и безъ того слишкомъ много владѣній, продолжаютъ спорщики; да кто говоритъ о завоеваніи Китая, о присоединеніи его къ Россіи? Но когда судьба или, лучше сказать, само Провидѣніе, насъ съ завязанными глазами подвело почти къ каменн. стѣнѣ, какъ не внять его гласу? Какъ не стать на Амурѣ г

живъ берега его твердынями, какъ не предписывать законовъ гордому Китаю, дабы для подданныхъ извлечь изъ того неисчислимыя выгоды? Какъ не взять его въ опеку и не защитить отъ вторженій другихъ Европейскихъ народовъ? Какъ на устьѣ Амура, гдѣ такъ много удобныхъ пристаней, не сдѣлать новаго порта и не замѣнить имъ несчастныя Охотскую и Авачинскую гавани? Это во сто разъ было бы полезнѣе, чѣмъ наши глупыя Американскія владѣнія, всѣ эти Курильскіе и Алеутскіе острова. Наконецъ, какъ оставлять въ запустѣніи великое, плодородное пространство земли и не открыть его па Сѣверѣ Сибири прозябающимъ племенамъ Якутамъ, Тунгусамъ, Корякамъ, чтобъ изъ животныхъ превратить ихъ въ людей? Гласъ Божій—гласъ народа; въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ и за Байкаломъ нѣту жителя, который бы не говорилъ о Дауріи, какъ о потерянномъ раѣ; эти бѣдные люди не могутъ понять, чѣмъ прогнѣвали они такъ Бѣлаго Царя, что онъ имъ не хочетъ отпереть его.

Европа поглощаетъ все вниманіе правительства, и ему мало времени думать объ Азіатскихъ выгодахъ. Къ тому же почти всегда дипломатическая часть поручалась у насъ иностранцамъ, и они болѣе заботились о томъ, что̀ къ нимъ ближе. Биронъ, Нѣмецъ или Латышъ, Богъ его знаетъ, даромъ отдалъ Даурію, а Русскій Потемкинъ хотѣлъ опять ее завоевать. Всѣ великіе помыслы о славѣ Россіи, исключая одной женщины, родятся только въ головахъ однихъ Русскихъ: Годунова, Петра, Потемкина.

Наступилъ для посольства день отъѣзда, 21 Декабря. Снѣгу не было; холодъ нѣсколько дней началъ усиливаться; въ это утро термометръ на солнцѣ спустился на 14 градусовъ ниже точки замерзанія. Перспектива была неутѣшительна: дни проводить въ колясках или верхомъ, а ночью въ клѣтчатыхъ войлокомъ укутанныхъ юртахъ или кибиткахъ; посолъ былъ мраченъ, всѣ другіе печальны. Первый разъ въ жизни услышалъ я слово бивуакъ, не зная, что чрезъ нѣсколько дней долженъ буду испытать его значеніе. Съ кѣмъ-то, на дрожкахъ, рано по утру отправился я въ малую Кяхту. Скоро прибылъ посолъ съ дружиной и въ деревянной церкви выслушалъ путешественный молебенъ, что́ исполнилъ онъ какъ простой обрядъ, который ему присовѣтовали; вышедши изъ церкви, поспѣшилъ онъ сѣсть на лошадь. У меня сердце сжалось, когда пришлось мнѣ разставаться съ товарищами; три мѣсяца свыкся я съ ними въ ссылкѣ; всѣ простились со мной дружески, всѣ наканунѣ снабдили меня письмами въ Петербургъ.

На улицѣ и по дорогѣ зрѣлище было любопытное, совсѣмъ необыкновенное. Обѣ Кяхты, Маймачинъ ходили вокругъ обоза, который болѣе чѣмъ на версту. Все, что̀ шло черезъ Сибирь отдѣле-

ніями было тутъ собрано вмѣстѣ съ присоединеніемъ драгунъ, казаковъ и свиты Китайскаго князька, которая была вдвое болѣе посольской. Цѣлые табуны дикихъ, степныхъ лошадей были впряжены въ повозки и Европейскія коляски, какихъ они отъ роду не видывали; онѣ ржали, бѣсились, становились на дабы и часто рвали веревочныя постромки. На козлахъ сидѣли Монголы съ Русскими людьми, которые учили ихъ править. Другіе Монголы, привлеченные любопытствомъ, носились кругомъ на своихъ лошаденкахъ. Впереди, ужасно величественъ, посолъ ѣхалъ верхомъ съ своею кавалькадой. Шумъ, гвалтъ, кутерьма! Я отказался проводить посольство до перваго ночлега; довольно было съ меня слѣдовать за нимъ версты двѣ или три, чтобы полюбоваться симъ удивительнымъ поѣздомъ.

Возвратясь въ Троицкосавскъ, обѣдалъ я у Вонифатьева, по его приглашенію. До тѣхъ поръ онъ былъ довольно скроменъ въ рѣчахъ о Головкинѣ, а тутъ совсѣмъ распоясался на его счетъ. Я былъ растроганъ, чувство великодушія во мнѣ не погасало, и я отвѣчалъ ему довольно рѣзко и зло, чтобы разсердить его. Болѣе мы съ нимъ не видѣлись; кажется, послѣ того, онъ еще многія, многія лѣта царствовалъ въ Китаѣ.

Намъ, покинутымъ, должно было промышлять о себѣ. Клапротъ, подобно Шуберту, коль скоро узналъ объ отчужденіи своемъ отъ посольства, дня не хотѣлъ съ нимъ оставаться и тотчасъ уѣхалъ, съ намѣреніемъ предпринять ученое путешествіе по Сибири. Корнѣевъ располагался прожить въ Кяхтѣ до весны. Клементъ совсѣмъ осиротѣлъ безъ Нелидова, къ коему всякій день являлся за приказаніями, которыхъ никогда не получалъ: этому плющу нужно было дерево. Васильчиковъ состоялъ въ четвертомъ классѣ, слѣдственно еще выше Нелидова, и я безъ большаго труда поладилъ съ нимъ. Изъ Иркутска Алексѣй Васильевичъ въ туже зиму собирался прокатиться въ Якутскъ (охота же ему была), и добровольно подчиненный собесѣдникъ пришелся ему весьма кстати. Мнѣ же скорѣе хотѣлось въ Петербургъ.

Байкалъ въ это время года былъ непроходимъ: огромныя льдины носились по немъ и только къ концу Января могли его оковать. Мнѣ оставалась другая дорога, вокругъ Байкала, не весьма пріятная, особливо зимой: изъ семи сотъ верстъ до Иркутска, триста необходимо было ѣхать верхомъ. Тоска меня одолѣвала, и я на все готовъ былъ рѣшиться, чтобы не оставаться одному съ Вонифатьевымъ, Корнѣевымъ, Семеновымъ и офицерами Селенгинскаго гарнизоннаго полка.

Но напередъ хотѣлось мнѣ еще разъ побывать въ Маймачинѣ и взглянуть на Китайцевъ. На другой день послѣ отбытія посольства, 22 Декабря, купецъ Сизовъ, родственникъ Полеваго, возилъ меня туда

обѣдать къ одному богатому Китайскому торговцу. Меня чрезвычайно забавлялъ разговоръ гостя съ хозяевами [1]; два народа создали какой-то средній языкъ, которымъ говорятъ и который понимаютъ одни живущіе на границѣ, и вотъ между прочимъ, что̀ услышалъ я на немъ: «а много отсель до Печински походи?» Это былъ переводъ вопроса моего, далеко ли отсюда до Пекина. Отъ кушанья же, вѣроятно по непривычкѣ, мнѣ два раза стошнилось: гадко было видѣть, ка̀къ Китаецъ запускаетъ длинные когти свои въ баранье мясо и рваные куски кладетъ себѣ въ ротъ. Десертъ также не слишкомъ былъ вкусенъ: леденцы съ померанцами, съ миндалемъ и чеснокомъ.

Я продалъ свою бричку и на перекладныхъ телѣгахъ вмѣстѣ съ Васильчиковымъ и съ Клементомъ, 23 Декабря отправился въ обратный путь.

Мѣстами почти ровными, по голой замерзшей землѣ, проскакавъ верстъ почти двѣсти, пріѣхали мы на другой день въ Харацайскую крѣпость [2]. Не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, начинаются страшныя Алтайскія горы, черезъ кои не иначе можно перебраться, какъ на тощихъ, но надежныхъ и къ нимъ привычныхъ коняхъ. Дорога, сначала довольно широкая, все болѣе и болѣе суживается по мѣрѣ какъ подымается въ гору, и превращается наконецъ въ тропинку. Первый день моего всадничества напала на меня храбрость, и я не отставалъ отъ Васильчикова, стараго конногвардейца; можетъ быть, рѣшился бы я слѣдовать за нимъ и ночью, если бы, проѣхавъ верстъ семдесятъ, съ непривычки не почувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Мы простились: онъ съ Клементомъ пустился въ опасный путь, а я остался ночевать почти на открытомъ воздухѣ.

Какъ Богъ пронесъ его въ темнотѣ! подумалъ я, взглянувъ на ужасы, меня окружающіе; но скоро и самъ среди дня долженъ былъ поручить себя Его святому покрову. Это было въ самый день Рождества Христова; мученія, которыя потомъ перенесъ я въ первые три дня праздниковъ, безъ всякаго преувеличенія позволю я себѣ назвать адскими. Морозъ, въ полдень солнечными лучами нѣсколько смягчаемый, ночью дѣлался трескучимъ. Весь закутанный отъ него и затянутый, не могъ я безъ большихъ усилій владѣть членами и, сидя неподвижно на конѣ, коимъ не управлялъ, слѣдовалъ въ молчаніи за проводникомъ-Буратомъ. Скалы неимовѣрной вышины, почти безъ отвѣса, перпендикулярно иногда поднимались передо мной, и я долженъ былъ

---

[1] Все одни мущины; Китайки никогда за каменную стѣну не переѣзжаютъ.

[2] Единожды навсегда названіе крѣпости или острога въ Сибири принадлежитъ по старой памяти мѣстамъ нѣкогда худо укрѣпленнымъ деревяннымъ палисадомъ.

лѣзть на нихъ тропою, зигзагомъ пробитою по ихъ бокамъ. Съ ихъ вершины, кедровые лѣса, растущіе въ долинахъ (тутъ называемыхъ пáдями) казались мнѣ засохшею травой, и я съ такою же опасностію, долженъ былъ въ нихъ спускаться. Шумные водопады образовали внизу рѣчки, коимъ быстрое теченіе не давало замерзать; чтобы переходить ихъ въ бродъ, надобно было погружаться въ нихъ, имѣя воды по грудь лошади; онѣ часто грозили намъ потопленіемъ, и сверхъ того летящія отъ нихъ брызги замерзали на моемъ платьѣ и обуви. Насъ всего шесть человѣкъ: я, слуга мой Гаврила, проводникъ, да три верховые Бурята, которые подъ уздцы вели вьючныхъ лошадей. Къ счастію не показывались дикіе звѣри, кои во множествѣ тутъ витаютъ; а то бы плохо намъ было: Буряты вооружены были широкими ножами, но ружей и пистолетовъ у нихъ вовсе не было.

Тотъ, кто по этому пути проѣхалъ бы лѣтомъ, несмотря на всѣ его неудобства и опасности, могъ бы замѣтить дивныя красоты сихъ мѣстъ; мнѣ было не до того: я былъ въ совершенномъ отчаяніи и почти безпамятствѣ. Одна неприступная громада служила подножіемъ другой, и мнѣ казалось, что я достигаю до небесъ; я былъ выше того, чтò такъ называютъ, и у ногъ моихъ могъ бы видѣть облака, еслибъ не вездѣ было ясно. Изрѣдка попадались мнѣ равнины, длиною съ версту или немного болѣе; тогда не имѣлъ я нужды каблуками возбуждать къ быстротѣ спасительную подъ собой скотину: надъ пропастями съ осторожностію переступая нога за ногу, тутъ, какъ бы понимая меня, принималась она скакать во всю прыть.

Бѣда одна никогда не приходитъ. Васильчиковъ взялъ съ собою единственнаго Бурята, который немного зналъ по-русски, и я съ моими спутниками могъ объясняться только пантомимой. Въ торопяхъ, уже вѣрно неумышленно, служитель его захватилъ все съѣстное, запасенное нами, частію въ Кяхтѣ, частію въ Харацайской крѣпости, вареное и жареное мясо, вино, хлѣбъ и сухари. Подъ именемъ станцій въ тридцати пяти, иногда въ сорока верстахъ одна отъ другой, построены были юрты, то-есть осмиугольныя бревенчатыя избы безъ печей, съ широкимъ отверстіемъ посреди крыши; при нихъ находились проводники и лошади. Самыя Монгольскія названія ихъ пугали слухъ: Укыръ Чолонъ, Баянъ Хусунъ, Шара Озорга, Мондокуль. На нихъ надѣялся я немного утолить свой голодъ. Чтó же ѣли сіи несчастные? Баранье сало, да кирпичный чай! *) У меня вся внутренность поворо-

---

*) Кирпичный чай дѣлается изъ молоденькихъ, тоненькихъ прутиковъ чайнаго дерева, которые плотно сколачиваются въ кирпичи. Ихъ рѣжутъ Монголы, толкутъ и варятъ въ водѣ, прибавляя овечьяго масла; это ихъ щи.

тилась. Только по двѣ таковыхъ станцій въ состояніи былъ я сдѣлать въ одинъ день и по ночамъ останавливался въ юртахъ; а въ нихъ что̀ за ужасъ и что̀ за мерзость! Я ложился на нары, подлѣ стѣны, которая была не законопачена, ибо не было возможности приблизиться къ пылающему посерединѣ костру: вокругъ него сидѣли на корточкахъ Буряты обоего пола, старые и малые, закопченые, совсѣмъ нагишомъ, съ овчиннымъ тулупомъ на плечахъ и за спиною. Простите мнѣ, чувствительный читатель; ихъ главное занятіе состояло тутъ въ ловлѣ насѣкомыхъ, коими наполнена была ихъ одежда.

Итакъ, почти четверо сутокъ, ни одной минуты не подышавъ теплымъ воздухомъ, ничего не ѣвши, изнуренный, разбитый, полузамерзшій, наконецъ 27-го числа въ вечеру почуялъ я берегъ. Десять верстъ не доѣзжая Тункинскаго острога, открылись мнѣ ровное мѣсто и глубокій снѣгъ. Онъ одинъ свѣтлѣлся въ темнотѣ, а я съ остервенѣніемъ, безжалостно толкалъ подъ бока бѣдную лошадь свою и мчался во весь опоръ по узкой дорогѣ. Напрасно кричалъ мнѣ берейторъ Гаврила, что я сломаю себѣ шею: я не слушалъ его, и мои спутники должны были за мной слѣдовать. Три раза измученный конь, на всемъ скаку, падалъ на колѣна, а я ему черезъ голову; но всякое паденіе оканчивалось счастливо: теплая шинель, шуба, халатъ и прочее и прочее, во что я былъ закутанъ, превратили меня въ подушку, и меня бросало на снѣгъ.

Вотъ я въѣхалъ въ Тункинскій острогъ; въ немъ была улица, были дома, въ нихъ свѣтился еще огонь, и я обрадовался, какъ будто лѣтъ десять того не видалъ. Изъ состраданія, Васильчиковъ возвѣстилъ о скоромъ пріѣздѣ моемъ; меня дожидались и отвели ту самую квартиру, на которой онъ останавливался. Хозяинъ былъ старый, отставной казачій офицеръ, который праздновалъ имянины или рожденіе одного изъ членовъ многочисленной своей семьи. Къ счастію, когда я пріѣхалъ, вечерній пиръ приходилъ къ концу; такъ много было напечено и наварено, что можно было еще десять голодныхъ накормить, а не меня одного. Давъ мнѣ большую, опрятную, выбѣленную, теплую, даже жаркую комнату, скоро оставили меня въ покоѣ; прежде нежели я легъ, выпросилъ я горячей воды и весь вымылся. Нѣтъ, не забыть мнѣ той блаженной минуты, когда послѣ толикихъ страданій увидѣлъ я себя на мягкомъ пуховикѣ, покрытомъ чистою простыней подъ славнымъ стеганнымъ одѣяломъ!

Прежде нежели оставлю Тункинскій острогъ, хочу обернуться къ презрѣннымъ Бурятамъ, которыхъ наше правительство почитаетъ ни за что; а они — одинъ изъ тѣхъ безцѣнныхъ подарковъ, кои въ неистощимой щедрости сдѣлало намъ Провидѣніе. Что̀ еслибъ они одарены

были энергіей, подобно Черкесамъ? Алтай сдѣлался бы для насъ хуже Кавказа; вѣдь ихъ предки были первыми сподвижниками Чингисъ-Хана; а они, старый и вмѣстѣ младенчествующій народъ, смиренно и покорно населяютъ всѣ владѣнія наши отъ Бухтармы до Нерчинска и вокругъ всего Байкала. Я уже познакомился съ ними въ Кяхтѣ *). Во время прогулки изъ нея въ Кударинскую слободу, своротивъ съ дороги, заѣзжалъ я въ извѣстную, большую, деревянную ихъ кумирню: я нашелъ ея стѣны отъ потолка до низу обитыя холстомъ, на коемъ въ семь или въ восемь ярусовъ изображены были сторукіе, стоглазые, иные весьма неблагопристойные уроды, ихъ идолы. Вокругъ кумирни была ограда, и внутри ея видѣлъ я первое основаніе ихъ новѣйшаго образованія, школу, и двадцать мальчиковъ, учащихся грамотѣ, только не-Русской. Не болѣе ста лѣтъ тому, принадлежали они еще къ шаманству; кто-то изъ Тибета завезъ къ нимъ священныя книги, и они всѣ приняли Ламайскую вѣру: вотъ доказательство, что разсудокъ можетъ на нихъ дѣйствовать. Гораздо послѣ насъ, Англичане прислали къ нимъ просвѣтителя, г. Свана, методиста или квакера; онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Иркутскѣ на Русскомъ жалованьѣ и, о счастье! ни одного не успѣлъ обратить въ христіанство; это было бы черезчуръ стыдно нашему духовенству. Теперь слышу я, что двадцать тысячъ Бурятъ сдѣлались православными, шесть тысячъ учатся Русской грамотѣ съ успѣхомъ, и почти всѣ принялись за соху, когда въ мое время они и хлѣба не умѣли ѣсть. Благословенъ будь, кто бы онъ ни былъ, виновникъ ихъ перерожденія! Буряты или Братскіе, какъ ихъ тамъ называютъ, не что̀ иное какъ Монголы, настигнутые Русскими и отъ нихъ не бѣжавшіе; они въ безпрестанныхъ сношеніяхъ со степными братіями своими, Китайскими подданными. Я вижу въ нихъ цѣпь, которую Россіи самъ Богъ вложилъ въ руку; сто̀итъ только нѣжненько ее потянуть, чтобы привлечь всѣ другія Монгольскія племена.

Послѣ жестокихъ морозовъ сдѣлалась почти оттепель, когда, проспавши полсутки, 28-го Декабря, изъ Тункинскаго острога отправился я въ перекладныхъ, крытыхъ саняхъ. Право, человѣкъ болѣе плоть чѣмъ духъ: вспоминая еще вчерашнее, чувствовалъ я себя совершенно счастливымъ. На другой день, 29-го числа, пріѣхалъ я въ Иркутскъ и остановился у прежняго хозяина своего, г. Полеваго.

---

*) Ихъ тайши или князьки были два раза у Головкина съ своими супругами, Онъ и ихъ даже не посадилъ, а черезъ переводчика только что любезничалъ съ ними. Когда они выходили, то долго надобно было курить, чтобъ изгнать несносный духъ ихъ копченыхъ овчинъ, кои онѣ одни только покрывали сукномъ.

Для удовлетворенія любопытства, ничего не могъ я лучше избрать: Полевой занимался Европейскою политикой гораздо болѣе чѣмъ Азіятскою своею торговлей. Въ немъ была замѣтна наклонность къ тому, чему тогда не было еще имени и что нынѣ называютъ либерализмъ, и онъ выписывалъ всѣ газеты, на Русскомъ языкѣ тогда выходившія. Во время послѣдняго моего пребыванія въ Иркутскѣ, узналъ я у него о томъ, что мѣсяца два передъ тѣмъ происходило въ Германіи; какъ подлецъ Макъ положилъ оружіе при Ульмѣ, какъ Австрійская армія ретировалась, какъ ученикъ Суворова, Багратіонъ, дрался уже съ Французами и при Голлабрюнѣ и Вишау далъ имъ сильный отпоръ. Маленькій сынъ Полеваго не питалъ еще тогда ненависти къ своему отечеству; напротивъ прельщался его славою и написалъ четверостишіе, въ которомъ вклеилъ, играя словами: Богъ рати онъ и На полѣ онъ. Послѣ тоже самое слышалъ я въ Москвѣ, и теперь не знаю, гдѣ было эхо, тамъ ли, или въ Иркутскѣ? Гдѣ повторяли, и кто у кого перенялъ? Я покамѣстъ былъ доволенъ и пріятными извѣстіями изъ арміи надѣялся насладиться по возвращеніи моемъ въ столицу.

Изъ знаменитаго посольства насъ было тогда четверо изгнанниковъ въ Иркутскѣ, и всѣ мы, не исключая профессора Клапрота, проводили жизнь у губернатора Корнилова. Генералъ-губернаторъ Селифонтовъ давно уже возвратился въ Тобольскъ. Александра Ефремовна, губернаторша, умѣла такъ быть любезна съ купцами и женами ихъ, что для нея согласились они на одинъ вечеръ отказаться отъ своихъ предразсудковъ и встрѣтить у нея новый 1806-й годъ.

Всѣмъ снабжаютъ Сибирь преступленія содѣланныя въ Россіи: въ Иркутскѣ было даже человѣкъ до десяти музыкантовъ. На этомъ вечерѣ у губернатора поработали они. Васильчиковъ открылъ балъ съ хозяйкой, а послѣ того какъ онъ, такъ и она, такъ и почти всѣ мы танцовали до упада; худо ли, хорошо ли, только отъ всего сердца. Дамы были все жены чиновниковъ, а кавалеры (такъ называли тогда танцующихъ) были все мужья чиновницъ. Жены же и дочери купеческія, разряженныя по старинѣ, въ бархатныхъ и парчевыхъ кофтахъ и юбкахъ, съ шелковыми платками, шитыми серебромъ и золотомъ, повязанными на головѣ, нѣкоторыя изъ нихъ съ кружевами и косынками на плечахъ, бриліантовыми нитками на шеѣ, такими же серьгами въ ушахъ, перстнями на всѣхъ пальцахъ, сидѣли неподвижны и какъ будто поневолѣ смотрѣли на богоотступныя забавы. Желая угостить какъ ихъ самихъ, такъ и мужей ихъ, согласно ихъ вкусамъ и обычаямъ, хозяинъ приказалъ, чтобы весь вечеръ подносили имъ не прохладительные, а болѣе горячительные напитки; онѣ не отказывались, пили, краснѣли и молчали. Надобно было чѣмъ-нибудь и другимъ развеселить

[illegible] прекратились танцы и начались фанты; хо- [illegible] пѣсни. Между этими бабочками, были [illegible] наставленіямъ Иркутскихъ франтовъ, я ни съ [illegible] слова сказать, онѣ бы обидѣлись; за то, во [illegible] изъ тайныхъ моихъ рукожатій не осталось безъ [illegible] Какіе странные нравы! Послѣ имѣлъ я причины [illegible] за воздержность въ словахъ.

[illegible] въ Иркутскѣ музыканты, были и актеры, слѣдственно былъ [illegible] и содержатели его; все это составилось изъ ссыльныхъ [illegible] дѣтей, и должно бы быть изрядно. Играли, однакоже, такъ дурно, [illegible] бы на Великороссійскомъ губернскомъ театрѣ.

Въ первый мой пріѣздъ, былъ я, хотя весьма маловажное, однакоже, оффиціальное лицо и потому ссыльныхъ не могъ принимать у себя; они же сами держали себя отъ насъ поодаль. Теперь же, какъ частный человѣкъ, я не отказывался видѣться съ ними, тѣмъ болѣе, что они всѣхъ посѣщали, и я вездѣ ихъ встрѣчалъ. Несчастіе почитается здѣсь почти невинностію, и сосланнымъ, лишеннымъ чиновъ и дворянства, подъ именемъ несчастныхъ, оказывается отъ жителей такое вниманіе, что можно подумать, будто общее мнѣніе, собственною силой, хочетъ возстановить ихъ въ прежнемъ достоинствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ иногда во зло такую снисходительность.

Двое несчастныхъ, какъ ихъ называютъ въ Сибири, устроили въ Иркутскѣ театръ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ большой чинъ и носилъ знатное имя, князь Василій Николаевичъ Горчаковъ. Отъ природы расточитель и плутъ, еще въ первой молодости, разными постыдными средствами и обманомъ проживалъ онъ чужія деньги. Онъ попалъ въ милость къ императору Павлу, который, подъ именемъ главнаго военнаго комиссара, опредѣлилъ его лазутчикомъ къ принцу Конде. Съ его корпусомъ дѣлалъ онъ походъ въ Германію и безжалостно обиралъ бѣдныхъ, храбрыхъ эмигрантовъ, удерживая часть суммъ, отъ щедротъ Царя черезъ него имъ доставляемыхъ. Послѣ того съ полновластію ѣздилъ онъ къ казакамъ на Донъ и, наконецъ, назначенъ будучи военнымъ губернаторомъ въ Ревель, только что было принимался грабить Нѣмцевъ, какъ императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, удалилъ его отъ должности. Въ тоже время богатая жена *), которой имѣніе начиналъ онъ проматывать, разошлась съ нимъ. Лишенный всѣхъ способовъ кидать деньги, онъ прибѣгнулъ къ дѣланію фальшивыхъ век-

*) Единственная дочь, которую имѣлъ онъ отъ нея, была замужемъ за Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ и умерла бездѣтна.

селей; мошенничество его скоро открылось, и онъ очутился въ Иркутскѣ.

Другой, Алексѣй Петровичъ Шубинъ, былъ жалкое, ничтожное созданіе, блудливый какъ кошка, глупый какъ баранъ. Онъ сдѣлался жертвой мерзкихъ интригъ одного таварища своего въ Семеновскомъ полку, Константина Полторацкаго, который былъ ложнымъ его другомъ и любовникомъ его жены. Тотъ подучилъ его выдумать какой-то заговоръ противъ Александра, въ которомъ будто бы отказался онъ участвовать. Чтобы попасть къ Царю въ милость, въ доказательство мести людей, коихъ не умѣлъ онъ назвать и кои страшились его нескромности, ночью въ Лѣтнемъ саду прострѣлилъ онъ себѣ руку. Его сослали, а наставникъ и предатель его Полторацкій, который совсѣмъ не уменъ, а только изворотливый и смѣлый буффонъ, остался правъ, какъ послѣ того неоднократно, изъ пакостей своихъ, какъ изъ грязи, всегда выходилъ онъ чистъ и сухъ.

Горчаковъ, лицомъ и взглядомъ, походилъ на ястреба. Шубинъ — на овцу. Ссылка связала ихъ дружбой, любовь ихъ поссорила. Примадонна, дочь одного сосланнаго Польскаго шляхтича, тайно оказывала милости обоимъ антрепренёрамъ; когда невѣрность ея открылась, сумашедшіе вызвали другъ друга на поединокъ. Ихъ до него не допустили, и всѣ взяли сторону Шубина; Горчакова же послали въ Тункинскій острогъ. Черезъ нѣсколько времени воротился онъ изъ него; но Шубинъ торжествовалъ, оставшись одинъ властелиномъ театра и примадонны. Оба, признаюсь, были мнѣ гадки, но Горчаковъ во сто разъ гаже низостью души и откровенностію порока.

Третій изгнанникъ, который явился ко мнѣ, казался мнѣ забавнѣе. Это былъ опрятненькій, сухенькій, живой и здоровый шестидесятилѣтній старичокъ, послѣдняя отрасль не весьма извѣстнаго, но не менѣе того истиннаго Русскаго княжескаго рода Гундоровыхъ. Спросить его, за что онъ былъ сосланъ, почиталъ я нескромностію; а онъ такъ давно находился въ Сибири, что никто не помнилъ причины его заточенія. Самъ же онъ очень хорошо помнилъ веселую молодость въ Москвѣ и былъ для меня хроникой стариннаго Московскаго скандала.

Другихъ примѣчательныхъ людей въ этомъ родѣ я еще не видѣлъ, кромѣ одного Эстляндскаго дворянина, Сталь фонъ-Голстейнъ; но этотъ обществъ не посѣщалъ. Онъ видно смолоду былъ великій гастрономъ, училъ за деньги поваровъ и на каждомъ большомъ званомъ обѣдѣ, во фракѣ, чисто одѣтый, являлся въ видѣ метръ-дотеля и распоряжалъ столомъ. У себя за стуломъ имѣлъ я честь видѣть однофамильца, можетъ быть и родственника, знаменитой писательницы.

Святки хотѣлъ я взять въ Иркутскѣ. Я не очень спѣшилъ изъ него: такой родъ жизни, какой велъ я тогда въ немъ, нравится молодости. Однакоже, натѣшась до сыта, 7-го Января, оставилъ я его въ купленной мною огромной зимней кибиткѣ. Главу сію началъ я первымъ выѣздомъ моимъ изъ Иркутска, оканчиваю ее послѣднимъ моимъ изъ него отъѣздомъ.

XI.

Переправа черезъ Ангару была еще затруднительнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Рѣка сія, выходя изъ Байкала, какъ увѣряютъ, имѣетъ по двѣ сажени склоненія на каждую версту; можно себѣ представить ея быстрину. День стоялъ совершенно ясный, морозъ былъ крещенскій, ледъ на ней еще не показывался, и паръ, подобный самому густому туману, подымался съ ея поверхности. Вездѣ кругомъ было свѣтло, а на паромѣ съ трудомъ могли мы различать предметы и поднимались, такъ сказать, ощупью.

Когда же на противоположномъ берегу запрягли мнѣ лошадей, тогда я точно стрѣлой пустился по дорогѣ. Сибирскую зимнюю ѣзду только съ желѣзною дорогой можно сравнить. Пока запрягаютъ, что̀ дѣлается очень скоро, сильный ямщикъ стоитъ передъ тройкой; но лишь только другой сѣлъ на облучокъ, онъ съ необыкновеннымъ проворствомъ отскакиваетъ прочь. Тогда борзые со станціи на станцію мчатся, не останавливаясь ни на минуту, не переводя духу, по горамъ и оврагамъ. Даже меня, любителя скорой ѣзды, такая вихрю подобная скачка сначала изумила; но я скоро привыкъ, и среди скуки нескончаемаго пути была она единственною моею отрадой.

Въ Нижнеудинскѣ зашелъ я только погрѣться на ту общественную квартиру, на которой передъ этимъ ночевалъ я съ своими товарищами. Чтобы дать понятіе о шибкой ѣздѣ въ Сибири, скажу, что, выѣхавъ 7-го числа въ самый полдень изъ Иркутска и сдѣлавъ тысячу верстъ, безъ малаго въ трое сутокъ прибылъ я въ Красноярскъ.

Жестокіе морозы и скорая ѣзда утомили меня. Я захотѣлъ вздохнуть на томъ мѣстѣ, которое лѣтомъ показалось мнѣ столь пріятнымъ, и расположился, пробывъ полсутки, переночевать въ немъ. Ученаго Спасскаго не было, я оставилъ его въ Иркутскѣ; городскія власти не сочли нужнымъ меня видѣть, и я долженъ былъ въ совершенномъ уединеніи провести время; между тѣмъ удовольствія совсѣмъ необычайныя ожидали меня въ Красноярскѣ.

Меня отвели къ одному зажиточному мѣщанину Тимофѣеву. Новый деревянный домъ его, узкій и длинный, имѣлъ два жилья, верхнее и нижнее, и въ каждомъ было по четыре комнаты длинныхъ и высо-

кихъ; одна изъ нихъ мнѣ досталась. Стѣны, ничѣмъ не бывъ обиты, издавали тотъ свѣжій запахъ дерева, который такъ люблю я въ новопостроенныхъ домахъ; широкія дубовыя лавки, такой же столъ, образъ Спасителя съ лампадой въ углу и большая кровать съ бѣлымъ полотнянымъ пологомъ, вотъ что̀ составляло меблировку моего пріюта, гдѣ все лоснилось чистотой *).

Пусть сими подробностями скучаютъ читающіе меня; они властны перевернуть страницу, чтобъ избавиться отъ нихъ: для меня же все драгоцѣнно въ томъ, что̀ привожу здѣсь на память.

Семейство моего хозяина состояло изъ матери его, жены и двухъ дѣтей, двадцатидвухлѣтняго сына и шестнадцатилѣтней дочери. Въ этомъ семействѣ, не исключая даже бабушки, все блистало здоровьемъ, свѣжестью и красотой. Не знаю, удовлетвореніе ли всѣхъ первыхъ потребностей жизни, равенство ли фортунъ, отсутствіе ли дурныхъ примѣровъ, вездѣ встрѣчаемыхъ въ нашихъ большихъ городахъ, дѣлали изъ потомства преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь, людей самыхъ добросердечныхъ, сострадательныхъ, простодушныхъ и легковѣрныхъ; особенно же въ Красноярскѣ, можетъ-быть, и самая чистота воздуха сохраняла чистоту нравовъ. Какія бы ни были причины, я, въ моральномъ смыслѣ, попалъ въ рай. Сердитый на морозъ, вошелъ я въ отведенную мнѣ комнату съ видомъ угрюмымъ, едва ли не съ бранью на устахъ. Не изъ боязни, а изъ сожалѣнія все засуетилось, чтобы смягчить мою досаду. Когда я отогрѣлся, успокоился, переодѣлся, предложили мнѣ сѣсть за семейную трапезу; я не только не отказался, но, желая загладить свою грубость, старался съ каждымъ изъ членовъ этой семьи быть порознь любезнымъ. Вдругъ я обомлѣлъ: глаза мои остановились на предметѣ, которому подобнаго они еще не встрѣчали. Съ кѣмъ сравнить его, если не съ безплотными небожителями? Я готовъ былъ преклонить колѣна.

Я растерялся въ словахъ, и дѣйствіе, произведенное на меня дочерью, было слишкомъ сильно, чтобы не замѣтили его родители. Бѣдняжки, это польстило ихъ самолюбію, и вскорѣ потомъ остался я съ нею наединѣ. А она, ангелъ непорочности, не скоро могла понять меня; но любовь магнетизмъ, когда магнетизёру девятнадцать лѣтъ и онъ немного опытенъ. Тотъ же вечеръ признанъ я женихомъ и съ симъ

*) Обвиняютъ Русскихъ въ неопрятности; гдѣ же встрѣчалась она съ нищетой? Въ комфортабельной Англіи загляпуть бы въ убѣжища послѣдней. Суровый климатъ и крайніе недостатки заставляютъ нашего мужика на узкомъ пространствѣ собирать въ тепломъ гнѣздѣ все, что̀ ему дорого, семью и достояніе свое, дѣтей и скотину. Но лишь только выбьется онъ изъ нужды, посмотрите, какъ раскраситъ онъ свою свѣтлицу, какъ начнетъ ею любоваться, холить и мыть ее.

званіемъ пріобрѣлъ много вольностей и привилегій. Чтò мнѣ было дѣлать? Ничего не требуя, я на все готовъ былъ согласиться; я не обманывалъ, а обманывался. Выдумалъ же я только важныя бумаги, которыя приказано мнѣ будто отдать въ столицѣ, да родительское благословеніе, котораго никогда бы не получилъ; а до того просилъ все дѣло держать какъ семейный секретъ. Вмѣсто полусутокъ, пробылъ я три дня; я бы пробылъ тридцать, триста шестьдесятъ, я бы пробылъ всю жизнь, еслибы разсудокъ не восторжествовалъ. И не онъ одинъ: я слишкомъ любилъ, чтобы хотя на минуту забыть долгъ чести.

Но чтò за блаженство любить со всею свѣжестію, неиспорченностію чувствъ и находить взаимность въ созданіи чистомъ, неопытномъ! Какой источникъ нѣжности женское сердце, когда Вѣрочка, почти безграмотный ребенокъ, такъ живо умѣла объяснять ее! Всѣ слова ея до единаго я помню и могъ бы здѣсь помѣстить; но разговоры наши останутся вѣчною тайной между нами и Небомъ. Какъ ни влюбленъ я былъ, но я чувствовалъ, что нельзя было такую жену представить роднымъ и проклятому обществу, которому мы такъ много жертвуемъ. Вѣрочка была только богата красою и чувствомъ. Разставаясь, мы заливались слезами; когда я пошелъ садиться въ повозку и отецъ сказалъ мнѣ: «батюшка-зятюшка, да обойми еще разъ, поцѣлуй невѣсту», я просто зарыдалъ. Съ тѣхъ поръ ничего не слыхалъ я объ нихъ. Милая Вѣрочка, дружокъ, незабвенный, если ты еще жива, чтò ты такое теперь? Заботливая хозяйка, добрая старуха, на лицѣ которой сквозь морщины нельзя добраться и до слѣдовъ прежнихъ прелестей. Но есть мѣсто, у меня подъ грудью, на которомъ однажды отразилась небесная красота твоя, и тамъ, по крайней мѣрѣ, остается она неувядаемою.

Трехдневный мой романъ покажется очень глупъ; иные сочтутъ меня дуракомъ, который не умѣлъ пользоваться случаемъ; другіе назовутъ подлымъ обманщикомъ, обольстившимъ невинность; многіе скажутъ, что не стоило писать о такихъ пустякахъ. Воля ихъ; но чтобы среди грустныхъ и тяжкихъ воспоминаній, не останавливаясь, въ ихъ угодность прошелъ я мимо самаго усладительнаго, это дѣло невозможное. Какъ требовать отъ путника, чтобы, встрѣтивъ цвѣтокъ на безплодной степи, онъ не остановился полюбоваться имъ, или звѣздочкой, сквозь облака ему сіяющей?

Дорòгой былъ я грустенъ, часто навертывались у меня слезы, и я много разсуждалъ съ собою о предразсудкахъ свѣта, такъ тиранствующихъ межъ людьми. О войнѣ съ Французами вспомнилъ я только, приближаясь къ Томску. Я пріѣхалъ въ него за полночь и долженъ былъ остановиться на почтовомъ дворѣ. Лишь только разсвѣтало, былъ я уже у губернатора Хвостова, Василій Семеновичъ обошелся со мною

учтиво и даже церемонно, но не сдѣлалъ мнѣ никакого приглашенія, ни малѣйшаго вопроса на счетъ посольства. Этотъ почтенный и скучный человѣкъ былъ великій тянисловъ, и на мои вопросы о томъ, что̀ происходило въ Германіи отвѣчалъ такъ неопредѣлительно, отвлеченно, двусмысленно, что я ничего не могъ понять. Я увидѣлъ, что мнѣ въ Томскѣ дѣлать нечего, воротился домой, поѣлъ, спросилъ лошадей и пустился далѣе.

Какъ трупы нѣкоторыхъ людей въ гробу бываютъ лучше, чѣмъ живые, когда исчезаютъ безобразившіе ихъ угри и волдыри, такъ и Бараба понравилась мнѣ одѣтая въ бѣлую ризу, особенно же когда въ холодную, ясную, но тихую ночь, катился я во весь духъ по гладкой ея тогда равнинѣ, которую луна всю осыпала серебряными блестками. Въ Каинскѣ, въ Каиновомъ городкѣ, какъ называлъ я его, пришло мнѣ въ голову сдѣлать лишнихъ триста верстъ, чтобы не выѣзжать изъ Сибири, не увидѣвъ главнаго, древнѣйшаго ея города, Тобольска.

При лунномъ свѣтѣ выѣхалъ я въ незнакомый еще мнѣ городъ Тару, который когда-то, при царяхъ, былъ крѣпостію, но который, до царствованія Павла, имѣлъ комендантовъ. Послѣдній изъ нихъ оставался тутъ на жительствѣ. Лишь только узналъ онъ о моемъ пріѣздѣ (что̀ въ маленькихъ городахъ дѣлается очень скоро), то самъ прибѣжалъ за мною, чтобы тащить къ себѣ на вечеринку, какъ неуклюже, по дорожному, ни былъ я одѣтъ. На ней нашелъ я гусли, флейту, танцы и барынь; самъ же старый комендантъ, съ своими шестьюдесятью и болѣе годами, пошелъ очень важно выступать *полонсю*. Онъ прозывался Иванъ Васильевичъ Зеленой, хотя по лѣтамъ былъ онъ совсѣмъ не зеленъ, а лицомъ весьма багровъ; о Европѣ какъ онъ, такъ и гости его мало заботились, и я ничего не могъ у нихъ узнать; о самой Россіи, гдѣ онъ никогда не бывалъ, говорилъ онъ почти какъ о чужомъ государствѣ; признавался однакоже, что передъ смертію хотѣлось бы ему хотя разъ взглянуть на *Питенбурхъ*. Мнѣ стало скучно, карикатурные балы были мнѣ не въ диковинку, я усталъ и скоро отретировался и поспавъ часика три-четыре, до свѣта уѣхалъ изъ Тары.

Я продолжалъ ѣхать все также шибко, и станціи, право, какъ будто мелькали передо мной. Вотъ показался и Тобольскъ? Главнымъ украшеніемъ служила ему крутая укрѣпленная гора, на высотѣ которой стояли каменный сгорѣвшій намѣстническій домъ, соборная церковь и арсеналъ, въ коемъ какъ святыня хранилось знамя Ермака и доспѣхи его; самый же городъ выстроенъ былъ внизу. Слѣдуя обычаю старины, безъ всякаго приглашенія, выѣхалъ я прямо къ старинному Кіевскому знакомому, пріятелю моихъ родителей, Никол. Никол. Дурасову,

Сибирскому почтъ-директору. Они оба съ женой Варварой Яковлевной Кіевскою уроженкой, обрадовались мнѣ какъ земляку, какъ родному Онъ былъ человѣкъ благоразумный и весьма пріятнаго обхожденія она же добрая, милая говорунья. Тутъ у почтъ-директора за новостями мнѣ недалеко было ходить: всѣ прочитанныя газеты принесены мнѣ. Увы. зачѣмъ мнѣ было такъ спѣшить! Все разомъ узналъ я и былъ убитъ какъ громомъ.

Не знаю, откуда у иныхъ берется патріотизмъ, когда я вижу такъ много людей, лишенныхъ чувства любви къ отечеству? Много хвалиться имъ кажется нечего; я полагаю, что оно должно быть врожденное, какъ всякая другая страсть, похвальная, простительная или постыдная, какъ страсть къ музыкѣ, къ древностямъ, или къ игрѣ и къ вину. Можетъ быть, это не что иное какъ особаго рода хвастовство; одинъ чванится жилетомъ, прической, другой лихими рысаками, а я люблю хвастаться пространствомъ, силою и богатствомъ моей отчизны, умомъ и храбростію моихъ согражданъ; у всякаго свое. Виноватъ ли же я, что нахожу мало охотниковъ до того, что самъ такъ люблю?

Дикіе народы соединяются на защиту существованія и собственности и на похищеніе ихъ у сосѣдей; у нихъ общее горе, общія радости, вотъ весь ихъ патріотизмъ. Но и сіи узы еще довольно крѣпки. Когда же просвѣщеніе, коснувшись народа новаго, станетъ въ немъ распространяться, то малое число имъ образованныхъ начинаетъ презирать толпу согражданъ и почитать земляками опередившихъ ихъ въ знаніи, и тогда любовь къ родинѣ дѣлается принадлежностію однихъ низшихъ классовъ. Кажется Невтонъ (ни за что не назову его Ньютономъ) сказалъ, что поверхностная философія истребляетъ религію, а глубокая утверждаетъ въ ней людей. Такъ точно начало просвѣщенія бываетъ вредно для патріотизма; надобно ему всюду разлиться, чтобъ сказанное чувство обратилось въ благородное достояніе всей націи. Сынъ крестьянскій, котораго взяли на барской дворъ, особливо когда онъ побываетъ въ народномъ училищѣ, смотритъ съ отвращеніемъ на родимую избу и на братьевъ-неучей; но не гадко ли на него самого смотрѣть благомыслящимъ людямъ? Но если съ высокими чувствами достигаетъ онъ высшаго просвѣщенія, то съ покорностію поклонится матери и съ нѣжностію обниметъ ее.

Тутъ въ Тобольскѣ, правда въ Сибири, печаль моя казалась непонятною, чуть ли не смѣшною. Казалось, говорили, да какое ему дѣло? Приказана ему что ли Россія? Аустерлицъ ровно ударилъ меня по щекѣ. Величіе происшествія должно бы было меня нѣсколько утѣшить: битва трехъ императоровъ напоминала и Фарсалу, и Акціумъ. Больно мнѣ было даже самое имя Острѣльницъ, обстрѣленными на-

шими солдатами угаданное названіе, данное мѣсту сраженія; оно какъ будто находилось уже въ Польшѣ, въ землѣ Славянской, нашей. Безъ грусти не могъ я также вспомнить царя, боготворимаго Александра, столь скромнаго въ счастіи, нынѣ съ поникшимъ отъ стыда челомъ возвратившагося въ свою столицу, и безъ досады слышать грубыя замѣчанія, что ему не слѣдовало бы путаться не въ свое дѣло.

Хозяева, можетъ быть, не раздѣляя моей печали, старались, однакоже, утѣшить меня. Дурасовъ повезъ меня ко всѣмъ властямъ и потомъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, данный, какъ увѣрялъ онъ, по случаю моего пріѣзда. Генералъ-губернаторъ Селифонтовъ, которому представлялся я въ Иркутскѣ, первый позвалъ меня обѣдать; послѣ него два Нѣмца, гражданскій губернаторъ Гермесъ и вице-губернаторъ Штейнгель, сдѣлали тоже.

Первый изъ двухъ, бывшій артилеристъ, Богданъ Андреевичъ Гермесъ, съ многочисленнымъ семействомъ, жилъ однимъ жалованьемъ, слѣдственно скромно, даже скудно; къ тому же не охотникъ былъ много говорить, и потому въ Великороссійскихъ губерніяхъ нашли бы его дурнымъ губернаторомъ. Но въ Сибири его любили и уважали за его безкорыстіе, доброту и строгость только въ случаѣ надобности. Другой, отставной морякъ, Иванъ Ѳедоровичъ Штейнгель, немного богаче перваго, но столько же честенъ, былъ сообщительнѣе и нравомъ нѣсколько веселѣе его.

Почтенный старикъ, Иванъ Осиповичъ, жилъ также не слишкомъ великолѣпно; хотя получалъ содержаніе, по тогдашнему времени, довольно большое. Скоро долженъ былъ наступить для него черный день, и онъ на него какъ будто берегъ денежку. Съ нимъ были жена и дочь; да сверхъ того находились при немъ, въ званіи чиновниковъ по особымъ порученіямъ, два сына, молодые люди, ничѣмъ не замѣчательные.

Онъ казался унылъ, не зная, впрочемъ, до какой степени повѣрятъ въ Петербургѣ неосновательному, можно сказать, ложному доносу посла. Богу дастъ онъ отвѣтъ, этотъ графъ Головкинъ, не столько еще за легкомысленную жестокость, съ которою свергнулъ онъ невиннаго, заслуженнаго старца, сколько за ужасныя отъ того послѣдствія для Сибири. Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ не терзаетъ ее преемникъ Селифонтова, Пестель, а имя его жителями ея съ проклятіями еще передается внукамъ. Какъ имя сіе напоминаетъ моровую язву, такъ самъ онъ былъ продолжительнымъ бѣдствіемъ въ Сибири. Другіе люди бываютъ жестоки изъ трусости, изъ мщенія, изъ желанія выслужиться, можетъ быть, съ намѣреніемъ быть полезными; а этотъ человѣкъ любилъ зло, какъ стихію, безъ которой онъ дышать не можетъ, какъ рыба любитъ воду. Никогда еще Сибирскій

по вечерамъ была несносная скука, я не искалъ развлеченій и не полюбопытствовалъ даже взглянуть на театръ, который тутъ находился подъ управленіемъ также сосланнаго дворянина, Василія Васильевича Пассека. Я бы скоро оставилъ Тобольскъ, но морозы начали доходить до сорока градусовъ, и я все выжидалъ, чтобы холодъ уменьшился. Долѣе пяти или шести дней прождать я не могъ и выѣхалъ въ ужаснѣйшій морозъ, какой я запомню.

Въ закутанной отовсюду кибиткѣ, надобно было еще мнѣ думать о спасеніи ушей и носа; приподнявъ шубу и завязавъ ее надъ головой, сидѣлъ я въ совершенныхъ потьмахъ; куда какъ мнѣ весело было! Съ двумя уѣздными городами, Тюменемъ въ Тобольской губерніи и Камышловымъ Пермской, обошелся, я какъ съ простыми станціями, только что погрѣлся въ нихъ, да перемѣнилъ лошадей. Въ одиннадцать часовъ вечера, 3 Февраля, пріѣхалъ я въ Екатеринбургъ.

Не скоро ночью могъ я отыскать какого-то полицейскаго, который привелъ меня къ какимъ-то мѣщанамъ на краю города. Они что-то косо посмотрѣли на меня, однакоже отвели въ небольшую горенку, гдѣ, уставъ отъ мороза, съ удовольствіемъ я началъ дышать теплымъ воздухомъ и расправлять отъ неподвижности и холода онѣмѣвшіе мои члены. Прежде нежели легъ спать, немного укрѣпилъ я себя простою пищей; вдругъ среди сладости перваго сна пробужденъ я былъ необыкновеннымъ шумомъ. Тонкая перегородка отдѣляла меня отъ образной или молельной; хозяева мои были раскольники, это было наканунѣ воскреснаго дня и, ровно въ полночь, начали они безъ священника совершать свое богослуженіе. Какъ объяснить, сколь нестерпимы были для слуха чтеніе и пѣснопѣніе ихъ? Какъ описать мое бѣшенство, отчаяніе мое? Много нагрѣшилъ я въ эту ночь. Вдали отъ слуги моего, который спалъ въ другомъ мѣстѣ, забывъ и страхъ, и долгъ христіанства, не владѣя собою, громкими ругательствами и проклятіями сопровождалъ я моленія ихъ; ими покрывалъ я иногда голоса ихъ, но мой чаще былъ заглушаемъ ихъ возгласами и бормотаньемъ. Я давно уже умолкъ, а они долго еще продолжали крики и визги свои. Какъ бы отчитавъ бѣснующагося, незадолго передъ разсвѣтомъ оставили они меня въ покоѣ. Сильное волненіе въ крови рано разбудило меня.

Я вспомнилъ Софью Карловну Пѣвцову, одѣлся и въ морозъ пошелъ пѣшкомъ ее отыскивать. Найти было нетрудно, въ уѣздномъ городѣ, генеральскій собственный, каменный домъ въ два этажа. Я былъ допущенъ къ генералу, котораго нашелъ я въ залѣ, среди стоящихъ вокругъ него штабъ-и оберъ-офицеровъ его полка. Я отнюдь не былъ пораженъ величіемъ сего зрѣлища, тѣмъ болѣе что съ перваго взгляда, Аггей Степановичъ показался мнѣ фельдфебелемъ, который

только что надѣлъ генеральскій мундиръ и ленту. Объяснивъ ему свое имя и качество, я прибавилъ, что, пользуясь приглашеніемъ его супруги, желалъ бы и ей представиться. Онъ отвѣчалъ мнѣ сухо и даже сурово: «она на сносяхъ брюхата, вамъ нельзя ее видѣть». Я поклонился, повернулся и вышелъ. На лѣстницѣ слышу, что кто-то меня догоняетъ; поровнявшись со мной, невысокаго роста, толстенькій человѣкъ въ военномъ мундирѣ обратилъ ко мнѣ слѣдующія слова: «Мнѣ, право совѣстно за нашего генерала, онъ совсѣмъ не умѣетъ жить; такіе гости, какъ вы, у насъ рѣдки; надобно стараться ихъ удерживать. Позвольте мнѣ предложить вамъ мои сани и проводить васъ въ одинъ домъ, гдѣ уже, конечно, будутъ умѣть оцѣнить васъ.» Чтó могло быть любезнѣе такого предложенія? я принялъ его.

Проводникъ мой былъ Екатеринбургскаго полка подполковникъ Кореневъ, а повезъ онъ меня къ женѣ генерала, то-есть оберъ-берггауптмана четвертаго класса, Ивана Филиповича Германа, начальника Горнаго Правленія, Елисаветѣ Гавриловнѣ, урожденной Качькѣ. Мужъ былъ въ Петербургѣ, а жена дѣйствительно заставила меня краснѣть отъ любезности ея привѣтовъ. Она не хотѣла отпустить меня до обѣда, на который пригласила къ себѣ; и когда, по окончаніи его, началъ я раскланиваться, чтобъ идти домой и въ тотъ же день отправиться далѣе въ дорогу, она объявила мнѣ, что этому не бывать, что повозка моя у нея въ сараѣ, а пожитки мои въ пустомъ кабинетѣ ея мужа. Когда же я сталъ отговариваться, она отвѣчала мнѣ: «Неужели въ Петербургѣ молодые люди такъ грубы, что не уважаютъ просьбами женщинъ? Нѣтъ, вы не будете такъ неучтивы, чтобъ отказаться отъ бала, который сегодня я даю въ честь вашу и на который созвала я весь городъ». Чтò мнѣ было дѣлать? Послѣ худо проведенной ночи, послѣ дурнаго пріема утромъ, я совершенно былъ оглушенъ расточаемыми мнѣ ласками, и далъ г-жѣ Германъ распоряжаться мною, какъ ей было угодно.

Надобно, однакоже, описать наружность любезной моей хозяйки и внутренность ея семейства. Отъ роду было ей лѣтъ сорокъ, если не болѣе; вѣсу въ ней было пудовъ сорокъ, если не болѣе; она была рыжевласая, и рябины на лицѣ ея спорили за мѣсто съ веснушками. Она должна была имѣть великую тѣлесную силу, ибо толщину свою носила съ необычайною живостію и легкостію. При ней находились двое дѣтей, девятнадцатилѣтняя дочь и восемнадцатилѣтній сынъ, уже горный офицеръ; меньшіе сыновья отданы были въ Горный Корпусъ. Дочь была не дурна собою и чрезвычайно скромна; я скоро замѣтилъ, что представившій меня Кореневъ въ нее влюбленъ, ищетъ руки ея и всячески старается угодить матери.

Но зачѣмъ при такой взрослой дѣвицѣ, подумалъ я, гувернантка четырьми годами ея только старѣе? Мадамъ Легранъ, какъ замѣтилъ я, принадлежала къ такому роду женщинъ, которыя похищаютъ названіе мадамы, хотя, впрочемъ, онѣ сами съ достовѣрностію не помнятъ эпохи, въ которую лишились права называться мамзелями. Она пустилась разсказывать про мадамъ Браншю и другихъ оперныхъ пѣвицъ въ Парижѣ, какъ будто про какихъ принцессъ; въ вольномъ семъ разсказѣ не утаила она ни одной изъ ихъ слабостей, а изъ простонароднаго слога, *жонъ* и *жавонъ*, ея повѣствованія, заключилъ я, что у которой-нибудь изъ нихъ должна она была находиться служанкой. Къ счастію молодой Германъ, была она болѣе повѣренною въ дѣлахъ матери, чѣмъ ея наставницей. Чтобы дать понятіе о непринужденности ея обхожденія съ мущинами, скажу, что, во время бала, найдя меня въ кабинетцѣ, куда зашелъ я отдохнуть, она безъ церемоніи сѣла мнѣ на колѣни и обѣ руки закинула мнѣ за голову; внезапно показалась хозяйка и громоносный взглядъ ея заставилъ ее вскочить.

Не съ одной этой стороны поведена была противъ меня атака: Елисавета Гавриловна все со мной танцовала, и я сначала думалъ, что отъ усталости такъ крѣпко жметъ она мнѣ руку. На этотъ счетъ былъ я отъ природы тупъ, совсѣмъ не избалованъ прекраснымъ поломъ и нескоро могъ догадаться, чего отъ меня хотятъ; но тутъ уже дѣло было очевидное. Въ цѣлыя сутки я почти минуты не имѣлъ отдыха и когда пошелъ къ себѣ въ комнату спать, то заперся; ну чтò много извиняться, виноватъ, струсилъ!

Я ожидалъ, что на другое утро встрѣтятъ меня съ холодностію; вмѣсто того, меня просто начали гнать съ двора, говорить, что меня не удерживаютъ, что въ дорогѣ заживаться не должно. Мнѣ стало досадно. Наканунѣ на балѣ одинъ горный чиновникъ, пятаго класса Иванъ Козмичъ Савковъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ потихоньку, что Софья Карловна въ отчаяніи отъ неучтивости своего мужа, что она проситъ меня не уѣзжать, не повидавшись съ нею и не принявъ отъ нея порученій къ родителямъ въ Пермь и что самъ мужъ ея приказалъ принять меня, коль скоро я приду. Этимъ случаемъ не оставилъ я воспользоваться.

Я уже успѣлъ замѣтить, что въ Екатеринбургѣ нѣтъ большаго согласія между двумя вѣдомствами: военнымъ, и горнымъ, и что въ обоихъ станахъ встрѣчаются переметчики. Я гордо возвѣстилъ г-жѣ Германъ, что немедленно уѣду, но что напередъ долженъ увидѣться съ г-жей Пѣвцовой, и пошелъ къ сей послѣдней.

Мужъ ея былъ правъ, она едва могла передвигаться, но и въ семъ состояніи была мила и пріятна. Не такъ уже смотрѣлъ я на нее,

какъ за семь мѣсяцевъ передъ этимъ: въ головѣ моей все еще былъ одинъ свѣжій женскій образъ, при которомъ въ глазахъ моихъ померкли другія женскія прелести. Пѣвцова расхохоталась, когда я съ видомъ горести и смиренія сталъ разсказывать ей о непонятной для меня внезапной перемѣнѣ въ обхожденіи со мною почтенной Елисаветы Гавриловны Германъ. По приказанію генерала, нашли мнѣ квартиру близко отъ его дома.

Скоро пришелъ ко мнѣ молоденькій Германъ *), который никакого не хотѣлъ принять участія въ несправедливомъ на меня гнѣвѣ своей матери и предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ на Березовскій казенный заводъ, гдѣ добывается золото. Тамъ потрапезничавъ, спустились мы въ рудники, и такимъ образомъ разъ въ жизни случилось мнѣ побывать подъ землею. Я былъ слишкомъ разсѣянъ во время сего сошествія въ преисподнюю и ничего особенно любопытнаго не могу сообщить о немъ читателю; только пораженъ я былъ безстыдствомъ и развратомъ работниковъ обоего пола. Вечеръ провелъ я у Пѣвцовыхъ и на другой день уѣхалъ изъ Екатеринбурга, не простясь съ Германшей.

По пріѣздѣ въ Пермь, остановился я у прежняго своего хозяина, часовыхъ дѣлъ мастера Розенберга. Городъ сей имѣлъ видъ еще болѣе унылый чѣмъ лѣтомъ: передъ каждымъ рядомъ низкихъ домовъ стоялъ валъ изъ снѣгу, на широкихъ улицахъ метелями нанесеннаго. Не располагая тутъ долго пробыть, я въ тотъ же вечеръ пошелъ къ Модераху съ письмомъ отъ Пѣвцовой. Жена его была нездорова, дочери не показывались, и я пробылъ съ нимъ наединѣ. Онъ сдѣлался разговорчивѣе; замѣтивъ какое участіе, несмотря на мою молодость, принимаю я въ заграничныхъ происшествіяхъ, началъ онъ изъясняться объ нихъ съ чувствомъ, какъ Нѣмецъ временъ Екатерины, который дорожитъ Русскою честію. Съ прискорбіемъ говорилъ онъ о послѣдствіяхъ Аустерлицкаго сраженія и Пресбургскаго мира; съ негодованіемъ о принятіи двумя курфирстами короны изъ рукъ не всѣми признаннаго императора и объ униженіи чрезъ то королевскаго достоинства; но вѣровалъ еще въ могущество Россіи и надѣялся на сильное содѣйствіе Пруссіи. Утѣшенный имъ, преисполненный къ нему уваженія, оставилъ я его.

---

*) Его зовутъ Ѳедоръ Ивановичъ. Въ немъ были необыкновенный умъ, удивительныя способности и чрезвычайная безнравственность. Послѣ перешелъ онъ въ военную службу и находился при Оренбургскомъ (нынѣшнемъ Санктпетербургскомъ) военномъ губернаторѣ Эссенѣ. Въ званіи адъютанта управлялъ онъ всѣмъ краемъ и до того прославился, что изъ Петербурга велѣно было начальнику его удалить сего слишкомъ искуснаго адъютанта.

Отъ Перми въ Казань дорога показалась мнѣ весьма пріятною, потому что воздухъ сдѣлался вдругъ гораздо теплѣе: послѣ продолжительныхъ морозовъ въ пути оттепель покажется всегда благополучіемъ. При масленичной погодѣ, во Вторникъ на Масляницѣ пріѣхалъ я въ Казань.

Передъ отъѣздомъ изъ сего города, лѣтомъ, далъ я сыну коменданта Кастелли, Николаю Степановичу, обѣщаніе на обратномъ пути у него остановиться. Онъ былъ добрый, молодой, веселый морячокъ, недавно оставившій службу и женившійся на одной изъ дѣвицъ Юшковыхъ; сдержать данное ему слово было мнѣ легко и пріятно. Я присталъ у него, и мы пустились съ нимъ по городу, который тогда исполненъ былъ веселыхъ пиршествъ.

Губернаторша почитается необходимостію въ губернскомъ управленіи: возлагая на нее заботы домоводства и общественной жизни, что̀ входитъ въ составъ его обязанностей, губернаторъ имѣетъ болѣе свободы заниматься дѣлами по службѣ; когда сіе второе мѣсто въ губерніи остается вакантнымъ, то какъ будто чего-то не достаетъ въ губернскомъ городѣ. Добрѣйшій Борисъ Александровичъ Мансуровъ, вдали отъ дѣтей своихъ, которыя воспитывались у родныхъ въ столицѣ, скучая одиночествомъ и вдовствомъ своимъ и внимая преслѣдовательнымъ убѣжденіямъ жителей, передъ самою Масляницей вступилъ во второй бракъ со старшею изъ княженъ Баратаевыхъ, Елисаветой Семеновной, и Казанцы не знали какъ изъявить радость по случаю сего важнаго для нихъ событія.

Недавняя, почти вчерашняя госпожа Мансурова была годами вдвое моложе своего мужа, а степенностію едва ли не старѣе его. Она помнила еще отца своего на губернаторствѣ, слѣдственно оно ей было не въ диковинку; однакоже, по природной скромности, всегда приходила въ замѣшательство, когда старыя дамы уступали ей мѣсто. Самъ же Мансуровъ на радости былъ со мною, если возможно, еще добрѣе и ласковѣе. Мы проводили вмѣстѣ дни и вечера, на званыхъ свадебныхъ обѣдахъ, на катаньяхъ и на балахъ. Это было тоже что̀ въ Пензѣ, да не то: въ помѣщикахъ Казанскихъ были радушіе и искренность, которыхъ не было въ Пензенскихъ; а Пензенскія дамы имѣли жеманство и претензіи, которыхъ не было въ Казанскихъ. Сплетни однакоже неизбѣжное зло губернскихъ городовъ, и я былъ провозглашенъ женихомъ Александры Семеновны, одной изъ меньшихъ Баратаевыхъ потому только, что часто бывалъ у ея матери, чаще съ нею танцовалъ и дѣйствительно находилъ ее красивѣе и милѣе другихъ дѣвицъ *).

*) Она теперь замужемъ за попечителемъ Казанскаго университета Мусинымъ-Пушкинымъ

Въ Казани находился тогда одинъ выходецъ, я чуть было не сказалъ бѣглецъ, изъ дѣйствовавшей арміи, сынъ Желтухина, Измайловскаго полку полковникъ Сергѣй Ѳедоровичъ, который былъ въ Аустерлицкомъ сраженіи или близъ его и послѣ угрожавшихъ ему издали опасностей пріѣхалъ успокоиться къ родителямъ. Я было къ нему съ распросами; онъ отвѣчалъ такъ не ясно, такъ отрывисто, что я приписалъ это его гордости или скромности; послѣ въ Петербургѣ узналъ, что это происходило отъ его невѣдѣнія и что вообще самое воспоминаніе о сраженіяхъ его сильно тревожило.

Во Вторникъ на первой недѣлѣ поста выѣхалъ я изъ Казани. Находясь такъ близко отъ Пензы, куда я долженъ былъ опять заѣхать, въ другое время не прожилъ бы я недѣли въ семь городѣ, но я предпочелъ пиршества въ Казани и тишину семейной жизни въ Пензѣ. Опять проѣхалъ я черезъ Симбирскъ, не видавши его, ибо это было въ темную ночь, когда мятель только что начинала разыгрываться; я выждалъ на почтовомъ дворѣ, чтобъ она прошла, и выѣхалъ до свѣту. Спѣшить было не къ чему: я не нашелъ въ Пензѣ ни родителей, ни родныхъ своихъ.

Въ бытность отца моего въ Петербургѣ, военный губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Толстой уговорилъ его, посредствомъ своихъ подчиненныхъ, принять на себя закупку муки въ Пензѣ и доставку ея Сурой и Волгой въ столицу. Онъ находилъ, что провіантскими чиновниками дѣлается сіе слишкомъ накладнымъ образомъ для казны, и отецъ мой имѣлъ неосторожность согласиться. Сія опасная операція совершена съ успѣхомъ, то-есть въ половину дешевлѣ противъ прежнихъ годовъ. Но караванъ имѣлъ остановки въ плаваніи, и поверхность муки подверглась нѣкоторой порчѣ. Это подало поводъ управляющему запасными магазинами, статскому совѣтнику Романовскому, лишенному при семъ случаѣ обыкновенныхъ своихъ ежегодныхъ барышей, забраковать всю муку. Почтеннаго графа Толстаго тогда не было въ Петербургѣ; онъ командовалъ корпусомъ, дѣлалъ съ нимъ высадку въ Померанію и ходилъ на помощь къ Гановеру. Онъ сохранялъ свое званіе, но мѣсто его временно занималъ военный министръ Вязмитиновъ, хорошій знакомый отцу моему, добрый человѣкъ, но слабый, робкій и склонный къ подозрѣніямъ. Чтобы спасти себя отъ совершеннаго разоренія, принужденъ былъ отецъ мой съ семействомъ отправиться въ Петербургъ; и сдѣлалъ хорошо, ибо въ послѣдствіи все дѣло обратилось къ стыду г. Романовскаго. Что̀ было мнѣ дѣлать въ пустой для меня Пензѣ? Не видавъ почти никого, отдохнулъ я въ ней сутки и пустился опять въ безконечный свой обратный путь.

XII.

Я имѣлъ адресъ квартиры нанятой моимъ отцомъ и нашелъ въ ней особо приготовленную для меня комнату. Сестры въ Москвѣ были мнѣ безъ памяти рады; но то ли дѣло было въ Петербургѣ съ родителями! Только отецъ мой нѣсколько сожалѣлъ о неудачномъ для меня окончаніи столь дальняго путешествія.

Семейство Тулиновыхъ также находилось тогда въ Петербургѣ. Запрещенія ввоза иностранныхъ издѣлій тогда еще не существовало, и суконными фабриками можно было тогда только что жить, а не наживаться. Старшій сынъ, Алексѣй Ивановичъ, какъ сказалъ я въ одной изъ предыдущихъ главъ, несмотря на свою молодость и при весьма похвальныхъ свойствахъ, имѣлъ чрезвычайную алчность къ богатству, а единственные почти источники его находились тогда въ питейныхъ домахъ: откупщики были настоящіе алхимисты, которые нашли не камень философскій, а жидкость. Въ Сенатѣ назначены были торги на новые питейные откупа, и молодой Тулиновъ уговорилъ родителей испытать счастіе на семъ новомъ для ихъ семейства торговомъ поприщѣ. Но толпа искателей фортуны противъ прежнихъ четырехлѣтій чрезвычайно увеличилась, и въ той же мѣрѣ и цѣны на право продавать водку, равно какъ и казенные доходы. Такимъ образомъ не слишкомъ выгодно взялъ Тулиновъ на откупъ Пензенскую губернію, что̀ отцу моему было весьма непріятно: ибо явно помогать ему въ его кабацкихъ дѣлахъ было бы неблаговидно, а отказывать въ помощи родственнику и жестоко, и несправедливо.

Такимъ случаемъ, каковымъ было пребываніе въ столицѣ двухъ столь близкихъ ему семействъ, не оставилъ братъ мой Николай воспользоваться, чтобы въ первый разъ молодой женѣ показать Петербургъ. Я до тѣхъ поръ еще не видывалъ ея, и хотя грѣшно позавидовать брату, признаюсь, что сдѣлалъ сіе. Она была изъ числа тѣхъ существъ, которыя посылаются минуту погостить на землѣ, чтобы показать, до какой степени смертные могутъ уподобиться небожителямъ, и потомъ опять улетѣть домой.

Весною въ концѣ Апрѣля пріѣхалъ и старшій братъ мой, Павелъ. Онъ во время похода слѣдовалъ за арміей; когда я перебирался черезъ горы вокругъ Байкала, проѣзжалъ онъ съ войсками черезъ Венгрію, и когда со столь отдаленныхъ, противоположныхъ точекъ сошлись мы вмѣстѣ, то имѣли что̀ другъ другу поразсказать. Моимъ родителямъ, на чужой сторонѣ, было усладительно видѣть себя окруженными большею частію своего семейства. Припомнивъ себѣ все что̀

былъ непремѣнно къ нему явиться, и я исполнилъ сіе какъ весьма тягостную для меня обязанность. Въ прихожей нашелъ я дежурнаго, который пошелъ обо мнѣ докладывать; онъ былъ одинъ и чрезъ пять минутъ велѣлъ позвать меня къ себѣ. Пройдя длинный рядъ комнатъ, я вошелъ въ его кабинетъ; онъ не сидѣлъ, а стоялъ за высокимъ письменнымъ столомъ, оборотился ко мнѣ съ пріятною улыбкой, сказалъ нѣсколько вѣжливыхъ вопросовъ и кончилъ предложеніемъ вступить подъ его начальство. Я, поклонясь только, поблагодарилъ, не стараясь давать отказу своему никакого благовиднаго предлога. Послѣ не одинъ разъ жалѣлъ я о томъ; но тутъ, когда онъ былъ такъ добръ со мною, право, кажется, готовъ бы я былъ его зарѣзать. Не знаю, чѣмъ заслужилъ я его милость. Наружность ли ему моя понравилась, или не-Русское мое прозваніе, или предполагаемое во мнѣ неудовольствіе за сдѣланную мнѣ несправедливость? Это былъ единственный разъ, что я его видѣлъ, и предубѣжденіе мое до того не простиралось, чтобы не замѣтить, какъ пріятно было выраженіе лица его, не смотря на слишкомъ выдвинутую впередъ нижнюю челюсть.

Прежде того, успѣлъ я являться къ настоящимъ моимъ начальникамъ, Кочубею и Сперанскому! Оба приняли меня холодно и сухо, ни о чемъ не спросили и сказали только, что я по прежнему могу заниматься въ канцеляріи, то-есть, въ переводѣ, по прежнему могу ничего не дѣлать. Болѣе любезности, гораздо болѣе внимательности нашелъ я въ гостиныхъ, куда ввели меня привезенныя отъ товарищей письма. Я не думалъ ими воспользоваться и сначала, развозя ихъ, отдавалъ просто швейцару; но мнѣ суждено было имѣть свою минуту извѣстности. Меня отыскали, я получилъ приглашенія и былъ осыпанъ учтивостями и разспросами. Нѣсколько мѣсяцевъ прежде меня воротился Шубертъ съ сыномъ; но въ большомъ свѣтѣ онъ ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, никуда не показывался и прибылъ въ такую минуту, когда всѣ умы заняты были происшествіями на Западѣ. Сверхъ того онъ пріѣхалъ изъ Иркутска, слѣдовательно изъ Сибири, что̀ совсѣмъ было не диковинка; я же первый какъ будто прямо изъ Китая. Вотъ тутъ-то, и только въ это время, случилось мнѣ раза два или три быть въ домѣ Гурьевыхъ. Димитрій Александровичъ тогда еще не былъ министромъ; но и тогда подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ въ Кабинетѣ и Удѣльномъ Департаментѣ подавлялъ тяжестью ума своего; въ свѣтѣ же имѣлъ всѣ замашки величайшаго аристократа, хотя отецъ его, едва ли не изъ податнаго состоянія, былъ управителемъ у одного богатаго, но не знатнаго и провинціальнаго помѣщика. За то самъ онъ женился на графинѣ Салтыковой, престарѣлой дѣвкѣ, отъ руки коей, не смотря на ея большое состояніе, долго всѣ бѣгали. Прасковья

состарѣвшуюся и душевно пожалѣлъ объ ней, увидѣвъ, до какой степени она сдѣлалась нечувствительна къ общему неуваженію.

Невская вода имѣетъ свойство струй Леты, рѣки забвенія. Вотъ отчего, люди прибывшіе изъ провинціи, принимавшіе живѣйшее участіе въ дѣлахъ ея, съ негодованіемъ смотрѣвшіе въ ней на несправедливости, на неустройства, лишь только хлебнутъ немного этой заколдованной воды, такъ скоро дѣлаются равнодушны къ благу провинціи, чуждаются воспоминаній объ ней. Не прошло недѣли послѣ того, что увидѣлъ я берега сей канальной рѣки, какъ забылъ и Сибирь, и Вѣрочку, и посольство. Но о семъ послѣднемъ скоро пришлось мнѣ вспомнить.

Мнѣ вдругъ сказали, что пріѣхалъ Байковъ; я не повѣрилъ, тѣмъ болѣе, что сіе случилось 1-го Апрѣля. Однако я вспомнилъ пророчество Вонифатьева; оно сбылось слово въ слово.

Нѣкоторое время старались держать втайнѣ причину возвращенія Байкова. Не бывъ свидѣтелемъ происходившаго на Ургѣ, я не могу ручаться за достовѣрность сообщаемаго здѣсь разсказа и передаю его какъ послѣ слышалъ отъ возвратившихся моихъ сопутниковъ.

Безконечный караванъ, при постоянныхъ, морозахъ шагъ за шагомъ три недѣли тянулся до Урги. Тутъ посольство расположилось станомъ и примкнуло къ сему большому Монгольскому стану, посреди коего находилось одно только прочное жилище двухъ мандариновъ, намѣстниковъ ханскихъ. Первые дни прошли въ посѣщеніяхъ, во взаимныхъ учтивостяхъ, то-есть въ церемоніяхъ и въ пересылкѣ подарковъ. Посолъ болѣе чѣмъ когда старался показать Европейскую ловкость и любезность. Но Китайцы (если позволено мнѣ сдѣлать весьма неблагородно и часто употребляемое сравненіе) въ этомъ дѣлѣ столь же плохіе судьи, какъ свиньи въ апельсинахъ. Гораздо полезнѣе было бы послать къ нимъ какого-нибудь увальня: его истуканству они охотнѣе стали бы поклоняться. На Головкина и Байкова смотрѣли мандарины, какъ на фигляровъ, имъ на смѣхъ присланныхъ, и съ каждымъ днемъ начали умножать свои требованія; терпѣніе бѣднаго посла подвергнуто было жесточайшимъ испытаніямъ. Въ одинъ день, по полученнымъ изъ Пекина наставленіямъ, приглашенъ былъ онъ къ вану на какое-то празднество; тутъ предложена ему была репетиція того церемоніала, который долженъ былъ онъ соблюсти при представленіи императору. Въ комнату, въ которой поставлено было изображеніе сего послѣдняго (полно, вѣрить ли тому?) долженъ былъ онъ войдти на четвереньках, имѣя на спинѣ шитую подушку, на которую положится кредитная его грамота. Онъ отвѣчалъ, что согласится на такое униженіе тогда только, какъ получитъ на то дозволеніе отъ своего двора; можетъ-

быть надѣялся онъ испугать Китайцевъ твердымъ намѣреніемъ долго жить на ихъ счетъ. На другой день, всѣ подарки имъ сдѣланные, въ сундукахъ и ящикахъ, были не выставлены, а брошены передъ его посольскою палаткой. Послѣ того ему ничего не оставалось болѣе, какъ ѣхать въ Сибирь дожидаться приказаній двора своего. Обратный путь былъ ужасенъ: къ холоду скоро присоединился голодъ; по цѣлымъ суткамъ тщетно ожидая съѣстныхъ припасовъ, посольство вмѣсто мяса получало иногда живыхъ барановъ въ небольшомъ количествѣ и, не имѣя съ собою мясниковъ, должно было еще платить за ихъ рѣзаніе. Не было непріятностей, коихъ бы оно не претерпѣло отъ сихъ варваровъ. Какъ было въ глубинѣ сердца не возблагодарить мнѣ Бога, пославшаго злодѣю моему Байкову мысль спасти меня отъ всѣхъ этихъ напрасныхъ мученій! Послѣ пятидесятишестидневнаго странствованія въ пустынѣ, Головкинъ, подобно Моисею, не узрѣвъ обѣтованной земли, возвратился въ Кяхту.

Надобно было въ неудачѣ своей оправдаться передъ царемъ. По прибытіи въ Иркутскъ, Байковъ предложилъ свои услуги, которыя посолъ принялъ съ благодарностію; онъ былъ мастеръ пускать въ глаза пыль, и можно было надѣяться, что онъ дѣло будетъ умѣть представить въ красивѣйшемъ видѣ, чѣмъ оно было. Итакъ Байковъ поскакалъ, а Головкинъ остался въ Иркутскѣ ожидать рѣшенія судьбы своей.

Но лишь только предатель успѣлъ пріѣхать въ столицу, какъ пустился оправдывать одного себя, выставлять великія свои заслуги, взваливая всю вину на вѣрителя своего, всевозможнымъ образомъ стараясь очернить его. Послѣ урона, претерпѣннаго на Западѣ, Государь не очень расположенъ былъ къ снисходительности, и бѣдный Головкинъ понесъ опалу. Но друзья его, возмущенные наглостію и нечестіемъ Байкова, съ своей стороны и этого молодца отработали: черезъ недѣлю былъ онъ отправленъ обратно въ Иркутскъ съ приказаніемъ ему и Головкину оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ оттуда не вызовутъ. Всѣмъ же другимъ чиновникамъ посольства позволено возвратиться, какъ и когда они того пожелаютъ.

Оставаться въ видѣ изгнанника тамъ, гдѣ такъ недавно онъ господствовалъ, и можно сказать съ глазу на глазъ съ подлецомъ, уже отъявленнымъ врагомъ своимъ—наказаніе, по мнѣнію моему, слишкомъ жестокое за вину неумышленную. Надобно признаться, что въ искательности, медленности и продолжительности наказаній Александръ былъ знатокъ. Что за бѣда для Россіи, если Головкинъ не попалъ въ Пекинъ? Вѣдь тамъ онъ тоже ровно ничего не могъ бы сдѣлать; а о брошенномъ понапрасну миліонѣ надобно было подумать прежде.

нансовыя силы старика-хозяина примѣтно истощились; но въ это лѣто посіялъ онъ еще послѣднимъ блескомъ. Число роялистовъ умножилось въ Петербургѣ; не знаю откуда они понаѣхали. Аустерлицкое наше пораженіе воскресило ихъ надежды: первый неудачный опытъ, по мнѣнію ихъ, ничего не значилъ; но они съ радостію замѣтили, что Русскіе на національной чести видятъ пятно, которое горятъ желаніемъ изгладить. Тогда начали они смотрѣть на нихъ не столько какъ на покровителей, а какъ на союзниковъ, и стали выше подымать головы. Каждую недѣлю раза два или три собирались они во множествѣ у престарѣлаго Лабата для совѣщаній, и тамъ, со знаками всенижайшаго уваженія, окружали графа Блакаса, тайнаго повѣреннаго въ дѣлахъ Французскаго претендента, жившаго тогда въ Митавѣ. А онъ держалъ себя такъ высоко, какъ бы только прилично было послу Лудовика XIV, въ самую блестящую эпоху его царствованія. Сіе зрѣлище было смѣшно и трогательно въ одно время.

Года за два передъ этимъ, открытъ источникъ Липецкихъ минеральныхъ водъ. Недужные и друзья ихъ тому обрадовались. Наполеонъ, все болѣе и болѣе отхватывая, закрывалъ отъ насъ Европу, Кавказъ казался ужасенъ, путешествіе къ его цѣлебнымъ ключамъ сопряжено было съ великими издержками, трудностями и даже опасностію, и Липецкъ внутри Россіи отъ стеченія больныхъ и ихъ семействъ быстро началъ выростать. Блаженное время нашего невѣжества, когда думали, что всякій минеральный колодезь можетъ лѣчить отъ всякаго рода болѣзней, когда поутру, дѣлая движеніе, пили на здравіе Зельтерскую воду, какъ бы нынѣ Карлсбадскую или Пирмонтскую. Желѣзными частицами исполненная Липецкая вода, возвращая силы, исцѣляя изнуренныя тѣла, убивала людей одержимыхъ обструкціями и другими болѣзнями и скоро потеряла свою репутацію. Предшествующимъ лѣтомъ семейство Лабатовыхъ возило въ Липецкъ разбитаго параличомъ отца; тамъ познакомился онъ съ другимъ старцемъ, тайнымъ совѣтникомъ Тургеневымъ, и я съ великимъ удовольствіемъ въ гостиной г. Лабата встрѣтилъ сына сего Тургенева, бывшаго товарища моего въ Московскомъ архивѣ.

Описывая вступленіе мое въ службу въ помянутый архивъ, говорилъ я объ Андреѣ Тургеневѣ, о рановременной его кончинѣ, о великой потерѣ, которую сдѣлали въ немъ отечество, дружба и словесность. Тамъ же слегка упомянулъ я о меньшомъ братѣ его Александрѣ, застѣнчивомъ, ото всего краснѣющемъ мальчикѣ. Тутъ показался онъ мнѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ. Настоящей дружбы между ими никогда не было, никакого вліянія на судьбу мою онъ не имѣлъ; въ частыхъ сношеніяхъ, въ частыхъ свиданіяхъ прошли наша мо-

исчезли при появленіи вѣчнаго свѣтила, неужели вашимъ туманомъ вы думаете навсегда заслонить его?

Мартинизмъ, какъ кажется, исключительно филантропическая секта, ибо послѣдователи его все толкуютъ о святомъ человѣколюбіи и вѣроятно полагаютъ, что можно исполнять его обязанности безъ помощи христіанской вѣры. Нѣмецкое злое сѣмя на Русской почвѣ не могло или не успѣло развиться. Человѣкъ просвѣщенный, Николай Новиковъ, духовный отецъ всѣхъ въ Россіи Мартинистовъ, завербовавъ нѣсколько знатныхъ и богатыхъ людей, съ помощію ихъ и на ихъ счетъ завелъ лучшую и обширнѣйшую типографію въ Москвѣ, дорого платилъ авторамъ за право печатать ихъ сочиненія, дешево уступалъ ихъ книгопродавцамъ, поощрялъ всѣ молодые таланты, отправлялъ за границу отличнѣйшихъ между воспитанниками университета; и когда частное лицо не способствовало такъ у насъ распространенію просвѣщенія. Но успѣхи Французской революціи сдѣлали наше правительство и самоё Екатерину подозрительными и осторожными: посреди ихъ благотворныхъ дѣйствій, открыли (съ позволенія сказать) заднюю мысль, arrière pensée Мартинистовъ, и разослали ихъ по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ государства, Трубецкихъ, Ивана Владиміровича Лопухина и многихъ другихъ; пощадили только фельдмаршала князя Репнина. Отецъ Тургеневыхъ сосланъ былъ въ Симбирскъ, гдѣ и оставался до царствованія Павла, который освобождалъ десятки жертвъ мнимой несправедливости своей матери, чтобы послѣ ссылать тысячи жертвъ своихъ прихотей.

Такъ о Мартинистахъ гласятъ преданія, и если въ мой разсказъ вкралась какая-нибудь невѣрность, то это ихъ вина, а можетъ-быть и моя, ибо я слушалъ ихъ безъ большаго вниманія. Итакъ возможно ли, чтобы сыновья мученика, воспитанные имъ въ заточеніи, не приняли его вѣры? Чтобы они не возненавидѣли власть тирановъ, отъ которой онъ пострадалъ? Сдѣлавшись при Павлѣ директоромъ Московскаго университета, г. Тургеневъ имѣлъ всѣ средства дать самое лучшее образованіе сыновьямъ своимъ, и они тѣмъ воспользовались. Заблужденія ума не всегда мѣшаютъ добротѣ сердца и добрымъ нравамъ, и семейство Тургеневыхъ было вообще любимо и уважаемо.

Вмѣсто того чтобы, подобно намъ, молодымъ неучамъ, искать въ канцеляріяхъ занятій и чиновъ, Александръ Тургеневъ, о которомъ идетъ рѣчь, получилъ отпускъ и отправился доучиваться въ Геттингенскій университетъ. По окончаніи курса, путешествовалъ онъ по всей Нѣмеціи, стоялъ лицомъ къ лицу съ Виландомъ, съ Шиллеромъ и даже съ Гёте и, напитанный ученымъ и разсчетливымъ духомъ Германіи, за неизбѣжными успѣхами явился наконецъ въ Петербургъ.

ская болтовня скоро сдѣлалась для него природнымъ языкомъ, который иногда удачно приправлялъ онъ техническими терминами изъ законовѣдѣнія, богословія и другихъ наукъ. Тѣмъ немного пугалъ онъ непривычный къ тому слухъ знатныхъ людей и дамъ, за то поселялъ въ нихъ высокую о себѣ мысль. Сначала опредѣлился онъ въ канцелярію любимца государева, Новосильцова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Коммиссію составленія законовъ. Послѣ того всегда умѣлъ онъ занимать три или четыре мѣста въ одно время, кюмюлировать ихъ, какъ говорятъ Французы, по всѣмъ получая жалованье и трудными занятіями одного извиняясь въ неисполненіи обязанностей другаго. Дѣятельный и лѣнивый вмѣстѣ, первая забава его была хлопотать, суетиться, находиться въ движеніи, главное искусство—какъ можно менѣе принимаясь за настоящее дѣло, казаться вѣчно озабоченнымъ. Весь вѣкъ, можно сказать, прожилъ онъ заимообразно, чужимъ умомъ, чужими знаніями, чужими трудами, чужою славой. Въ друзьяхъ, въ знакомыхъ, а кольми паче въ подчиненныхъ видѣлъ онъ всегда кошекъ, которыя изъ огня должны таскать ему каштаны, чтобъ ему не обжечь обезьянной своей лапки. Болѣе восемнадцати лѣтъ сія фальшивая монета находилась въ обращеніи и принималась въ той цѣнѣ, которую ей самой хотѣлось себѣ дать. Для живописца характеровъ такой странный, удивительный человѣкъ сущая находка; не знаю искусно ли, но по крайней мѣрѣ очень вѣрно его изобразилъ я здѣсь.

Въ гостиной тѣхъ же Лабатовыхъ и въ тоже время показался другой юноша, еще юнѣе Тургенева и меня, и также на Липецкихъ водахъ съ ними познакомившійся. Тогда я рѣдко видѣлся съ Жихаревымъ; лѣтъ восемь спустя, начались дружественныя мои связи съ нимъ, и онъ имѣлъ случай сдѣлать мнѣ великое одолженіе. Какъ я всегда любилъ слѣдовать хронологическому порядку, то постараюсь описать его тогда только, когда допишусь до эпохи моей съ нимъ короткости.

Все лѣто 1806 года прошло для правительства въ приготовленіяхъ къ новой войнѣ съ Наполеономъ. Великая тягость, которую съ такимъ трудомъ выноситъ Россія, многочисленная, можно сказать, безчисленная ея армія, въ этомъ году начала увеличиваться; дотолѣ не было и третьей доли ея противъ нынѣшней. Никто не смѣлъ роптать: всѣ видѣли, что честь политическая, независимость и безопасность государства того требовали. На первый случай сформированы одна пѣхотная дивизія и три конные полка, одинъ гусарскій и два драгунскіе. Шефомъ одного изъ сихъ двухъ полковъ, названнаго Митавскимъ, назначенъ зять мой Алексѣевъ, Московскій полицеймейстеръ: для полковника отличіе большое, когда званіе шефа почти исключительно принадлежало генеральскому чину. Онъ имѣлъ неосторожность

[illegible]

[illegible] быть настающей [illegible] или бросить на [illegible]

[illegible] не мужа. Графъ Салтыковъ [illegible], и [illegible] фельдмаршала съ [illegible]. Въ этомъ же году, другой начальникъ, [illegible] расположенный, Беклешовъ, оставилъ службу. Никто его къ тому не неволилъ, старая столица любила его, Государь его уважалъ, но чудно устроенная голова этого старика сама умѣла судить о своихъ силахъ и замѣтила ихъ ослабленіе. Никакія [illegible] не могли затмить его яснаго разсудка и, слѣдуя правилу, имъ часто повторяемому, «что надобно служить да не переслуживаться», онъ настойчиво выпросилъ себѣ увольненіе. На его мѣсто опредѣленъ былъ Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, родственникъ его, имѣвшій почти столько же ума, но не одного съ нимъ покроя. При Екатеринѣ, послѣднее время, былъ онъ намѣстникомъ четырехъ западныхъ губерній, только что отъ Польши присоединенныхъ.

ъ не смѣлъ и подумать противиться намѣренію этой великой жен-
ны ввѣренный ему край сдѣлать совершенно Русскимъ и даже
оспѣшествовалъ его исполненію, сколько того выгоды его дозволяли.
онъ любилъ жить по-царски, и самыя щедроты Императрицы были
достаточны для поддержанія его пышности, а Поляки на колѣняхъ
дносили ему золото и тѣмъ нѣсколько препятствовали быстротѣ пе-
емѣнъ, у нихъ происходящихъ. Десять лѣтъ пробылъ онъ потомъ въ
тставкѣ, отвыкъ отъ дѣлъ управленія, а не отъ привычекъ, полу-
енныхъ имъ на Югозападѣ Россіи. Отъ такого начальника спасъ
Алексѣева Митавскій драгунскій полкъ.

Пріятная вѣсть сначала шопотомъ, потомъ громко, разнеслась по Петербургу: Императрица сдѣлалась беременна. Добрые нравы на тронѣ всегда плѣняли Русскій народъ; богамъ своимъ не дозволяетъ онъ имѣть слабости простыхъ смертныхъ, и Греческому баснословію никогда бы онъ не поклонился. Уважаемая, но оставленная супругомъ, горестная мать, лишившаяся единственнаго утѣшенія своего, единственной малолѣтней дочери, Елисаве́та Алексѣевна была предметомъ его состраданія и благоговѣнія. Ее обожали, Константина Павловича ненавидѣли; а Государь, полюбивъ войну, показывалъ желаніе всегда лично находиться въ сраженіяхъ. Всѣхъ возрадовала надежда увидѣть наслѣдника престола, подобнаго родителямъ; всѣ благословляли возобновленный союзъ царской четы, всѣ забыли Аустерлицкій стыдъ.

Посреди столь пріятныхъ ожиданій наступила осень.

Послѣ Берлинскаго посѣщенія, болѣе чѣмъ политическій союзъ, тѣснѣйшая дружба связывала императора Александра съ королемъ Прусскимъ. По обыкновенію своему, Наполеонъ уступилъ послѣднему не принадлежащій ему, чужой Гановеръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, основавъ Германскій Союзъ подъ именемъ Рейнскаго и объявивъ себя его главою, совершенно отдѣлилъ, выгородилъ Пруссію отъ Германіи. Послѣ того съ одной стороны подавала ей Франція всевозможные поводы къ неудовольствіямъ, а съ другой Россія всячески возбуждала ее къ войнѣ. Имѣя двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ прекраснѣйшей арміи и позади себя сильно вооружающуюся Россію, она не замедлила объявить ее. Съ восторгомъ получили сіе извѣстіе въ Петербургѣ.

Матеріальныя силы Пруссіи были огромныя; великій порядокъ въ финансахъ, войско свѣжее, славно выученное; нравственныхъ же силъ, кромѣ памяти о побѣдахъ Великаго Фридериха и энтузіазма къ смѣлой, доброй, прекрасной королевѣ, въ семъ составномъ государствѣ никакихъ не было. Основатель его великаго значенія въ Европѣ былъ и первымъ его развратителемъ: сражаясь съ Французами, побѣждая ихъ и ругаясь надъ ними, онъ у нихъ же перенималъ все то, что́ ихъ

князю Багратіону и любимцу Александра, генералъ-адъютанту князю Долгорукову, показывать ученіе своихъ полицейскихъ драгунъ, которые дѣйствительно находились въ такомъ устройствѣ, что хоть бы тотъ же часъ въ сраженіе. Эти господа расхвалили царю Алексѣевскихъ драгунъ, и къ его двумъ эскадронамъ велѣно прикомандировать третій изъ какого-то коннаго полка, стоящаго на квартирахъ въ Псковской губерніи; для составленія же цѣлаго полка велѣно ему набирать охотниковъ изъ Московской вольницы, изъ буйныхъ молодцовъ, шатающихся по трактирамъ. Пробывъ шесть лѣтъ полицеймейстеромъ, онъ очень хорошо зналъ простой народъ и былъ имъ любимъ, и потому ему было удобнѣе чѣмъ кому-либо исполнить сіе удачно. Въ концѣ Іюня назначенъ онъ шефомъ, а въ началѣ Сентября съ готовымъ почти полкомъ выступилъ онъ изъ Москвы въ городъ Порховъ, гдѣ ожидалъ его поступившій подъ его начальство старый эскадронъ.

Спокойная, тихая жизнь кончилась тогда для бѣдной сестры моей. Для богатыхъ людей странствованіе болѣе забава, чѣмъ тягость; для женъ не больно страстно любящихъ мужей своихъ, разлука съ ними есть несчастіе, которое они довольно великодушно переносятъ; но съ малымъ состояніемъ моей сестры и съ великою привязанностію ея къ мужу, она не могла имѣть другаго жительства, какъ въ городишкѣ или селеніи, гдѣ находилась полковая его квартира. А въ бурныя времена Наполеоновы, гдѣ можно было долго оставаться на мѣстѣ? Гдѣ можно было чѣмъ-нибудь завестись? Малыхъ дѣтей, коимъ она хотѣла дать приличное воспитаніе и коихъ надѣялась сама быть наставницей, должно было или таскать съ собой по походамъ, или бросить на руки наемниковъ.

Въ началѣ этого года благодѣтель ея мужа, графъ Салтыковъ скончался, и связи его съ семействомъ покойнаго фельдмаршала съ тѣхъ поръ почти были разорваны. Въ этомъ же году, другой начальникъ, также отечески къ нему расположенный, Беклешовъ, оставилъ службу. Никто его къ тому не неволилъ, старая столица любила его, Государь его уважалъ; но чудно устроенная голова этого старика сама умѣла судить о своихъ силахъ и замѣтила ихъ ослабленіе. Никогда пары тщеславія не могли затмить его яснаго разсудка и, слѣдуя правилу имъ часто повторяемому, «что надобно служить да не переслуживаться», онъ настойчиво выпросилъ себѣ увольненіе. На его мѣсто опредѣленъ былъ Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, родственникъ его, имѣвшій почти столько же ума, но не одного съ нимъ покроя. При Екатеринѣ, послѣднее время, былъ онъ намѣстникомъ четырехъ западныхъ губерній, только что отъ Польши присоединенныхъ.

Онъ не смѣлъ и подумать противиться намѣренію этой великой женщины ввѣренный ему край сдѣлать совершенно Русскимъ и даже споспѣшествовалъ его исполненію, сколько того выгоды его дозволяли. Но онъ любилъ жить по-царски, и самыя щедроты Императрицы были недостаточны для поддержанія его пышности, а Поляки на колѣняхъ подносили ему золото и тѣмъ нѣсколько препятствовали быстротѣ перемѣнъ, у нихъ происходящихъ. Десять лѣтъ пробылъ онъ потомъ въ отставкѣ, отвыкъ отъ дѣлъ управленія, а не отъ привычекъ, полученныхъ имъ на Югозападѣ Россіи. Отъ такого начальника спасъ Алексѣева Митавскій драгунскій полкъ.

Пріятная вѣсть сначала шопотомъ, потомъ громко, разнеслась по Петербургу: Императрица сдѣлалась беременна. Добрые нравы на тронѣ всегда плѣняли Русскій народъ; богамъ своимъ не дозволяетъ онъ имѣть слабости простыхъ смертныхъ, и Греческому баснословію никогда бы онъ не поклонился. Уважаемая, но оставленная супругомъ, горестная мать, лишившаяся единственнаго утѣшенія своего, единственной малолѣтней дочери, Елисаве́та Алексѣевна была предметомъ его сострадания и благоговѣнія. Ее обожали, Константина Павловича ненавидѣли; а Государь, полюбивъ войну, показывалъ желаніе всегда лично находиться въ сраженіяхъ. Всѣхъ возрадовала надежда увидѣть наслѣдника престола, подобнаго родителямъ; всѣ благословляли возобновленный союзъ царской четы, всѣ забыли Аустерлицкій стыдъ.

Посреди столь пріятныхъ ожиданій наступила осень.

Послѣ Берлинскаго посѣщенія, болѣе чѣмъ политическій союзъ, тѣснѣйшая дружба связывала императора Александра съ королемъ Прусскимъ. По обыкновенію своему, Наполеонъ уступилъ послѣднему не принадлежащій ему, чужой Гановеръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, основавъ Германскій Союзъ подъ именемъ Рейнскаго и объявивъ себя его главою, совершенно отдѣлилъ, выгородилъ Пруссію отъ Германіи. Послѣ того съ одной стороны подавала ей Франція всевозможные поводы къ неудовольствіямъ, а съ другой Россія всячески возбуждала ее къ войнѣ. Имѣя двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ прекраснѣйшей арміи и позади себя сильно вооружающуюся Россію, она не замедлила объявить ее. Съ восторгомъ получили сіе извѣстіе въ Петербургѣ.

Матеріальныя силы Пруссіи были огромныя; великій порядокъ въ финансахъ, войско свѣжее, славно выученное; нравственныхъ же силъ, кромѣ памяти о побѣдахъ Великаго Фридериха и энтузіазма къ смѣлой, доброй, прекрасной королевѣ, въ семъ составномъ государствѣ никакихъ не было. Основатель его великаго значенія въ Европѣ былъ и первымъ его развратителемъ: сражаясь съ Французами, побѣждая ихъ и ругаясь надъ ними, онъ у нихъ же перенималъ все то, что́ ихъ

древнюю монархію вело къ разрушенію. Во всю мирную половину своего царствованія старался онъ офранцузить подданныхъ своихъ полуварваровъ и трудился надъ истребленіемъ между ними религіи, слѣдственно и нравственности. Распутный и малодушный его преемникъ, съ фанфаронскимъ манифестомъ пославъ стараго полководца, герцога Брауншвейгскаго, самъ гордо ополчился было противъ революціи, но отъ Вердена скорѣе давай Богъ ноги. Тотчасъ потомъ призналъ онъ республику, сталъ жить въ добромъ согласіи съ террористами и растригу Сіеса имѣлъ при себѣ отъ нихъ посланникомъ. При обоихъ Вильгельмахъ, старомъ и молодомъ, Пруссія, забившись въ сѣверный уголъ, всегда смѣялась тщетнымъ и благороднымъ усиліямъ соперницы, нѣкогда госпожи своей, Австріи и никогда не хотѣла подать ей руку помощи. Невѣріе и несчастіе между тѣмъ свободно распространялись по землѣ, устроенной и возвеличенной безбожнымъ царемъ; червь безнравственности все точилъ молодое, быстро растущее дерево; что удивительнаго, если одинъ громовой ударъ сломилъ его? У насъ забыли про постыдный походъ Вильгельма II и ожидали Росбаха. Въ началѣ Октября, вмѣсто Росбаха, была Іена.

Нѣтъ, столь счастливаго, столь блестящаго похода никогда еще Наполеонъ не дѣлалъ: лишь коснется крѣпости, она падаетъ передъ нимъ безъ защиты; лишь настигнетъ бѣгущій корпусъ, хватаетъ его руками. Отъ стыда Пруссіи покраснѣли наши щеки; каждое ея пораженіе какъ кинжаломъ ударяло насъ въ сердце: они не знаютъ того, неблагодарные, нынѣшніе наши ненавистники, какъ всѣ Русскіе въ душѣ своей тогда побратались съ ними. Уже не за Аустерлицъ, а за чуждую нашей чести Іену, кричали всѣ отмщеніе.

Въ ночи съ 3-го на 4-е Ноября, разбудилъ меня пушечный громъ; я сосчиталъ болѣе ста выстрѣловъ и въ радости своей скоро не могъ потомъ опять заснуть. Поутру узнали всѣ, что наслѣдникъ, какъ говорили придворные, изъ учтивости пустилъ впередъ сестру свою, что опять не Росбахъ, а Іену, не сына Богъ далъ намъ, а дочь, и что, зная сильное желаніе жителей столицы, не хотѣли вдругъ опечалить ихъ малымъ числомъ выстрѣловъ. Бѣдное дитя, названное по матери Елисаветою, было принято народомъ съ досадою, какъ неудача; тѣмъ болѣе привязалась къ ней мать, которая однакоже, какъ и первою дочерью Маріею, была ею счастлива только полтора года.

Между тѣмъ дѣло шло не на шутку. Въ первый разъ еще Французы начали близиться къ нашимъ границамъ; они были уже въ Мазовіи, то-есть въ бывшей Польшѣ, и ненавистью къ намъ ея жителей противъ насъ усиливались. Всѣ полагали, что Пруссія по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ постоитъ за себя, а мы въ это время успѣ-

емъ собрать всѣ силы, чтобы съ нею довершить пораженіе злодѣевъ или, въ случаѣ дурнаго успѣха, придти къ ней на помощь. Но Наполеонъ такъ скоро съ нею раздѣлался, что можно сказать засталъ насъ въ расплохъ, до того, что главнаго не успѣли мы сдѣлать—выбора надежнаго предводителя арміи. О старикѣ Кутузовѣ слышать не хотѣли: онъ провинился тѣмъ, что молодые генералъ-адъютанты на зло ему проиграли Аустерлицкое сраженіе. Итакъ въ оставленномъ Екатериною богатомъ славою магазинѣ надобно было отыскать другое орудіе для защиты отечества: послали на-скоро въ Орловскую деревню за старымъ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ.

Въ первый и въ послѣдній разъ является онъ въ моихъ Запискахъ. Къ женѣ его, графинѣ Аннѣ Павловнѣ, когда-то коротко знакомой моей матери, раза два въ Москвѣ возила меня сестра, когда я учился еще въ пансіонѣ. Тутъ видѣлъ я графа Михаила Ѳедотовича, и въ старости остроумнаго живчика, невысокаго роста. Послѣ того какой-то карточный долгъ, денежный разчетъ у брата моего Николая съ однимъ изъ его сыновей, прогнѣвилъ его на моихъ родителей, и всякое знакомство съ его семействомъ у насъ за тѣмъ прекратилось. Изъ Русскихъ былъ онъ почти одинъ, который въ первой молодости находился въ иностранной службѣ, для пріобрѣтенія опытности въ военномъ искусствѣ. Онъ прославился при Екатеринѣ въ обѣихъ войнахъ съ Турками, но она никогда его не любила за крутой и вмѣстѣ вспыльчивый его нравъ и за его жестокость. Она употребляла его и по гражданской службѣ. Разсказываютъ, что когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Рязани, однажды впустили къ нему съ просьбою какую то барыню, въ ту минуту, какъ онъ хлопоталъ около любимой суки и щенковъ ея клалъ въ полу своего сюртука, и будто взбѣшенный за нарушеніе такого занятія, въ бѣдную просительницу сталъ онъ кидать щенятъ. Увѣряли, что совершеннолѣтнихъ сыновей, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, приказывалъ онъ иногда тѣлесно при себѣ наказывать. За это, разумѣется, не хвалили его; но всѣ признавали въ немъ ученаго тактика, неустрашимаго въ бояхъ. Тогда, подражая Суворову, многіе изъ генераловъ гнались за оригинальностію; въ томъ числѣ и графъ Каменской, и этою юродивостію онъ еще болѣе рождалъ къ себѣ вѣру.

Какъ спасителя приняли его въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ его въ армію, пожелала его видѣть лежащая въ родахъ Императрица. Подходя къ постели, онъ согнулъ передъ ней колѣно и поцѣловалъ руку, которую она ему протянула. Обыкновенно скромная и воздержная въ рѣчахъ, она тутъ съ жаромъ и чувствомъ говорила ему о защитѣ и спасеніи любезной ей Россіи, и ему казалось, какъ онъ

сказывалъ, что онъ слышитъ небесный голосъ. Дѣда Елисаветы Алексѣевны Наполеонъ изъ маркграфовъ Баденскихъ пожаловалъ курфирстомъ и переименовалъ потомъ великимъ герцогомъ; но она мало о томъ заботилась. Она не нашла счастія въ Россіи и не могла его дать ей; за то она обрѣла въ ней любовь, и ни одна изъ иностранныхъ принцессъ на Русскомъ тронѣ такъ щедро ей тѣмъ же не платила.

Около половины Ноября чуть ли не первый разъ въ жизни сестра моя Алексѣева пріѣхала въ Петербургъ. Во всю осень съ малыми дѣтьми слѣдовала она за мужемъ и его полкомъ. Не доходя ста верстъ до Порхова, гдѣ она надѣялась отдохнуть, зять мой получилъ повелѣніе, не останавливаясь, идти далѣе въ Литву, на дорогѣ продолжать формированіе полка и, прибывъ въ назначенное мѣсто, поступить въ одинъ изъ корпусовъ дѣйствующей арміи. Куда ей было дѣваться? Желая какъ можно ближе находиться отъ мужа и чаще имѣть объ немъ извѣстія, она рѣшилась ѣхать въ Петербургъ. Можно себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа пріѣхала она въ него послѣ первой разлуки съ мужемъ, которая могла сдѣлаться вѣчною: ибо хотя дѣйствія еще не начались, она знала, что онъ шелъ на войну.

Я отыскалъ ей квартиру въ верхнемъ этажѣ одного изъ вновь построенныхъ высокихъ домовъ въ концѣ Невскаго проспекта, пройдя Литейную и не доходя Знаменія, и тамъ помѣстился съ нею вмѣстѣ. Знакомствъ имѣла она мало и ихъ не искала. Болѣе мѣсяца стояла погода Петербургская, осенне-зимняя, когда о солнцѣ и слуха не бываетъ, когда морозъ споритъ съ морскими, сырыми, пронзительными вѣтрами, и мостовая покрывается навозомъ, попеременно тающимъ и земерзающимъ. Въ это время года смертность обыкновенно умножается, и для препровожденія времени могли мы нерѣдко любоваться похоронными процессіями, которыя мимо насъ тянулись въ Невскую Лавру. Все было грустно, все было мрачно.

Простое горе одно никогда не приходитъ: оно всегда влечетъ за собою великія печали. Скоро пришло къ намъ извѣстіе о первомъ семейномъ несчастіи, случившемся на моей памяти. Когда женщины или дѣвицы гибнутъ въ самой первой молодости, обыкновенно уподобляютъ ихъ цвѣткамъ, скошеннымъ неумолимою смертію, и какъ сравненіе сіе сдѣлалось ни пошло, я лучшаго здѣсь не нахожу. Въ нашемъ семействѣ зацвѣла недавно не роскошная роза, не пышная лилея, а скромная фіалка, которая благоуханіе разливала только въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ. Невѣстка моя Варвара Ивановна наполняла тихою радостію весь домъ моихъ родителей, въ немъ всѣ отъ души ее любили; но никто такъ утѣшенъ, такъ очарованъ ею не былъ, какъ престарѣлый нашъ отецъ: цвѣтокъ этотъ точно былъ приколотъ къ

его сердцу. Она съ мужемъ выпросилась у него въ Воронежъ, чтобы время беременности и родовъ провести у родителей своихъ Тулиновыхъ. Тамъ дала она жизнь дочери Елисаветѣ, а сама лишилась ея на двадцатомъ году отъ роду.

Мы съ сестрой мало ее знали, но уже много любили. Еслибъ и этого не было, то глубокая скорбь, въ которую ввергнута была старость отца нашего, отчаяніе несчастнаго нашего брата должны уже была чувствительно насъ тронуть. Горесть вдовца описать не возможно; она равнялась счастію, коимъ онъ наслаждался. Всѣ ищутъ его, кто въ богатствѣ, кто во власти, кто въ житейскихъ удовольствіяхъ, а найти его можно только въ одномъ: въ законной, постоянной, непорочной, взаимной любви. Кто можетъ такимъ образомъ обрѣсти его, тотъ, не покидая земли, стоитъ уже въ преддверіи рая. Двое сиротъ не могли даже утѣшить бѣднаго моего брата; оставаясь вѣренъ памяти жены, онъ до конца жизни своей все ныль, все чахъ, все тосковалъ объ ней.

Въ этомъ печальномъ Ноябрѣ, не смотря на многочисленную армію, которая прикрывала наши границы, увидѣли необходимость подумать, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, и о защитѣ внутреннихъ областей нашихъ. И для того 30 числа изданъ указъ, коимъ сзываются къ оружію отставные воинскіе чины и разныхъ сословій люди, и изъ нихъ, въ видѣ резервной арміи, учреждается милиція или земское войско, раздѣленное на семь округовъ. Зная, какое сильное дѣйствіе производило имя Екатерины, какъ имъ одушевлялись еще всѣ Русскіе, въ окружные начальники набраны все люди, при ней извѣстные, ею уважаемые или употребляемые, и имъ подчинены генералы, военные губернскіе начальники. Въ Петербургѣ назначенъ окружнымъ начальникомъ графъ Татищевъ, командовавшій нѣкогда гвардіей, въ Москву военный губернаторъ Тутомлинъ, въ Курскъ графъ Орловъ-Чесменскій, въ Ригу Беклешовъ, которому не дали успокоиться и который при столь важныхъ обстоятельствахъ не отказался сослужить послѣднюю службу; въ Казань князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, въ Смоленскъ князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, въ Кіевъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій. Нѣкоторыя изъ отдаленныхъ губерній, въ томъ числѣ и Пензенская, не должны были участвовать въ семъ общемъ вооруженіи, за то обязаны были ставить болѣе рекрутъ. Чтобы завлечь молодыхъ людей гражданскаго вѣдомства въ милицію, данъ ей былъ красивый, щеголеватый мундиръ, и этотъ способъ былъ отмѣнно удаченъ, особливо въ Москвѣ, гдѣ всѣ были увѣрены, что непріятелю никогда до нея не добраться. Въ одно утро, къ удивленію моему, прислалъ за мною Сперанскій, котораго я уже давно не видалъ (каждый годъ доступъ дѣлался къ нему затруднительнѣе) но

меня тотчасъ пустили. Онъ съ злою улыбкой предложилъ мнѣ вступить въ милицію, изъ чего заключилъ я, что онъ смѣется надъ нею и надо мной; мнѣ было досадно, и я отвѣчалъ ему, «что еслибъ чувствовалъ собственное побужденіе къ тому, то сталъ бы его о томъ просить, не дожидаясь его предложенія». Можетъ быть, это было причиною что я не надѣлъ тогда полувоеннаго мундира.

Между тѣмъ Наполеонъ все подвигался. Данцигъ и крѣпость Грауденцъ не сдались ему, но не могли остановить его на Вислѣ: жалкіе остатки Прусской арміи примкнули къ Русскому корпусу Бенигсона. Всѣ съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидали извѣстій изъ арміи.

Наканунѣ Рождества ихъ получили. Они были тревожны и утѣшительны вмѣстѣ. Графъ Каменскій, послѣдній мечъ Екатерины, видно, слишкомъ долго лежалъ въ ножнахъ и отъ того позаржавѣлъ. Гемороидальные ли припадки, старость ли, или (слѣдствіе обоихъ) страхъ подѣйствовали на него, только онъ вдругъ лишился разсудка. Едва успѣлъ принять онъ начальство надъ арміей, какъ внезапно отказался отъ него, наканунѣ перваго сраженія съ Наполеономъ, и написалъ неблагопристойное, сумасбродное письмо къ Государю *). Старшій по немъ, Бенигсонъ, самъ собою принужденъ былъ вступить въ званіе главнокомандующаго, и 14 Декабря (памятное число) при Пултускѣ одержалъ побѣду надъ Французами. Такъ по крайней мѣрѣ доносилъ онъ о томъ и такъ всѣ въ Петербургѣ тогда о томъ подумали. Нѣтъ нужды говорить, что послѣ того онъ утвержденъ главнокомандующимъ арміей.

Этотъ человѣкъ былъ въ числѣ заговорщиковъ 12 Марта, не любимъ былъ дворомъ и не смѣлъ показываться въ Петербургѣ, какъ вдругъ сама судьба вручила ему спасеніе государства. Но въ надежныхъ ли оно было рукахъ? Извѣстны были его искусство и храбрость, равно какъ и кротость, за которую любили его офицеры и солдаты; но она же могла произвести ослабленіе въ дисциплинѣ, что̀ пагубно для арміи въ военное время.

Загадочная Пултуская побѣда, повидимому, оставалась безъ результата; дѣйствія однакоже продолжались, но они скорѣе похожи были на маневры, чѣмъ на битвы. Тѣснимый Наполеономъ, Бенигсонъ пятился бокомъ вправо и вступилъ наконецъ въ настоящую Пруссію. Сія приморская земля, подобно нашимъ Курляндіи и Лифляндіи, отхвачена Нѣмцами у Славянъ и обитаема племенами, обоихъ народамъ

*) Три года потомъ прожилъ онъ безвыѣздно въ Орловской деревнѣ. Нравъ его тамъ не смягчился, онъ мучилъ крестьянъ, и одинъ изъ нихъ убилъ его топоромъ.

чуждыми. Сдѣлавшись добычею Тевтоническихъ рыцарей, жители какъ Пруссіи, такъ и Ливоніи приняли отъ нихъ кровавое крещеніе, и города ихъ названы Нѣмецкими именами. Какъ въ той, такъ и въ другой магистры ордена сдѣлались независимыми владѣтельными герцогами. Но княжество Лифляндское вошло въ безчисленные титулы царя Русскаго; Пруссія же ближе къ родимому краю дала свое имя всему изъ лоскутьевъ сшитому государству. Хорошо, что мы плохо тогда знали исторію и географію и, читая въ реляціяхъ названія Морунгена, Ландсберга и другія, думали, что Бенигсонъ Бонапарта погналъ назадъ въ Германію. Это насъ очень успокоивало.

Новыя поколѣнія находятъ непонятною, можетъ быть, смѣшною живость участія, принимаемаго тогда нами, мирными гражданами, въ происшествіяхъ войны. Нынѣ едва изъ любопытства хотимъ мы узнать, сколь блестящи успѣхи нашего оружія или сколь великъ уронъ, нами претерпѣнный въ отдаленной части Имперіи нашей или вдали отъ ея границъ. Тогда дѣло было другое: всѣ наши войны до Наполеона и послѣ него, даже при немъ, но не съ нимъ, возбуждали въ насъ мало опасеній; этому же искусному счастливцу удалось войну изъ коммерческой игры превратить въ азартную, и въ каждомъ съ нимъ сраженіи государство ставилось на карту.

Сестра моя довольно исправно получала извѣстія отъ мужа своего; онъ былъ, какъ говорится, лишь взятъ, то и повѣшенъ, aussitôt pris, aussitôt pendu: съ полкомъ своимъ, еще некомплектнымъ, полувыученнымъ, полуустроеннымъ успѣлъ онъ уже раза два побывать въ боевомъ огнѣ. При всеобщемъ тревожномъ состояніи и особенно среди печальнаго положенія сестры моей, нашли мы съ нею нѣкоторую отраду въ одномъ весьма пріятномъ сосѣдствѣ. Подъ нами жила одна дама, знакомствомъ съ которой семейство мое во время моего малолѣтства также обязано было Кіеву; это была Александра Петровна Хвостова, надъ изображеніемъ которой пріятно мнѣ будетъ потрудиться.

Никакого женскаго воображенія сильныя страсти такъ еще не воспаляли, никакого женскаго сердца такъ не волновали онѣ. Она по себѣ была Хераскова и родная племянница поэта, несмотря на свою посредственность у насъ столь знаменитаго. Родъ Херасковыхъ не такъ еще давно, едва ли при Петрѣ Великомъ, поселился въ Россіи, и я между Валахами зналъ Херескуловъ, которые имъ были дальніе родственники. Вотъ почему пламень Юга, пройдя черезъ одно или два поколѣнія, кипятилъ еще кровь Хвостовой и блисталъ въ ея взорахъ. Въ первой молодости выдали ее за Димитрія Семеновича Хвостова (не брата, а въ дальномъ родствѣ съ Александромъ и Василіемъ Семено-

вичами, о коихъ я говорилъ), за человѣка глупаго, грубаго и порочнаго. По матери своей былъ онъ въ близкой связи со всѣми графами Чернышевыми и ихъ потомствомъ; а Александра Петровна была племянница Трубецкихъ, и поэтому она родилась, выросла и провела первые годы замужества въ аристократическомъ мірѣ.

Она приняла всѣ его формы; ей мало того: она умѣла отличиться и отъ знатной толпы и стать выше ея. По-французски писала развѣ только хуже Севинье, голосъ имѣла очаровательный и въ свое время была первою въ столицѣ музыканткой и пѣвицей. Собою была не хороша (смолода круглый носъ ея начиналъ уже синѣть), но дурною быть, какъ кто-то сказалъ про Делиля, никогда не имѣла времени: до того всѣ черты лица ея отъ живости чувствъ были всегда подвижны и выразительны. И придворные, и дипломаты, и писатели, и Русскіе, и иностранцы, всѣ были у ногъ ея; она была молода въ царствованіе Екатерины, когда съ прекрасными манерами дурное поведеніе извинялось въ женщинахъ, и имѣла мужа, котораго не дѣлать рогоносцемъ, право, было бы грѣшно. Однакоже, такъ какъ ей надобно было въ жизни все перелюбить, то годъ, другой послѣ замужества страстно была она привязана къ его молодости и своему долгу. Онъ же первый началъ показывать ей презрѣніе, явно и подло сталъ измѣнять ей, искалъ въ низшихъ классахъ наемной любви и обрадовался, когда замѣтилъ, что она отдалилась отъ него сердцемъ. Приговоры свѣта бываютъ обыкновенно столь же несправедливы, столь же слѣпо жестоки, какъ и законы всѣхъ уголовныхъ кодексовъ въ мірѣ; онъ требовалъ, чтобы женщина, исполненная огня, ума и талантовъ, на вѣки прикованная къ отвратительному истукану, умѣла казаться счастливою и быть вѣрною супругой. Чтò въ немъ ужаснѣе, онъ почти всегда щадитъ тѣхъ, кои находятся подъ защитою молодости своей, ея прелестей и выгодъ фортуны; но состарься, обѣднѣй слабая женщина, тогда только беззащитную примется онъ терзать.

Мужъ Хвостовой прожилъ сначала ея приданое, потомъ проматывалъ второе или третье наслѣдство. Онъ самъ имѣлъ часто недостатокъ въ деньгахъ, жилъ однакоже съ женою подъ одною кровлей, никогда ея не видѣлъ и готовъ былъ отказать ей въ малѣйшей помощи. Спасли ее отъ совершенной нищеты ея великодушіе и геройство: на улицѣ пала она къ стопамъ грознаго Павла и вымолила помилованіе преступному старцу, отцу невѣрнаго своего мужа. Тронутый симъ поступкомъ, свекоръ умирая завѣщалъ ей порядочное содержаніе и обязалъ сына выплачивать ей оное. Сіе дѣлалъ онъ не слишкомъ исправно, и въ образѣ жизни ея часто проглядывала бѣдност[illegible]ю тогда за сорокъ лѣтъ; гордая нечувствительность по-

казывала видъ добродѣтельнаго негодованія, посредственность всегда ей завидовала и стала клеветать на нее, и весь свѣтъ противъ нея вооружился.

Покинутая имъ, она не унывала: въ уединеніи ей оставалось еще довольно занятій и утѣшеній. Ея гостиная и кабинетъ, не богато, но щегольски и со вкусомъ убранные, наполнены были художественными предметами, прекрасными рисунками лучшихъ артистовъ, поднесенными ими какъ дань удивленія къ ней, разными рѣдкостями и древностями, путешественниками по Востоку и Европѣ ей на память оставленными. Почти каждый вечеръ въ сихъ комнатахъ собиралось прелюбезное общество, составленное по большей части изъ отборныхъ иностранцевъ, изъ малаго числа молодыхъ женщинъ, строгихъ къ себѣ и снисходительныхъ къ другимъ, изъ немногихъ Русскихъ, довольно образованныхъ, чтобы знать цѣну пріятностей такого дома. Между частыми посѣтителями его всѣхъ примѣчательнѣе были два брата, графы Местры, болѣе Французы чѣмъ Италіянцы. Старшій, Іосифъ, находился у насъ посланникомъ жившаго въ заточеніи Сардинскаго короля, былъ чрезвычайно умный человѣкъ, краснорѣчивый легитимистъ и бѣшенный католикъ, и написалъ, въ послѣдствіи, двѣ книги, исполненныя изувѣрства, *Le Pape* и *Soirées de Pétersbourg*; довольно явно показывалъ онъ нелюбовь къ Россіи, и единственно только за ея схизму. Другой, Ксаверій, въ Русской службѣ полковникъ, былъ менѣе пылокъ, и хотя столь же серіозенъ и разсѣянъ, но болѣе пріятенъ въ обществѣ; онъ авторъ разныхъ мелкихъ твореній въ стихахъ и прозѣ, между коими болѣе всего извѣстны: *Путешествіе вокругъ моей комнаты* и *Прокаженный въ долинѣ Аосты*. Навѣщалъ также Александру Петровну одинъ знатный баринъ, чудакъ князь Бѣлосельскій, и читалъ ей и обществу ея свои уродливо-смѣшныя произведенія на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. На этихъ вечерахъ никто не гонялся за умомъ, никто ни у кого его не требовалъ, почти у каждаго было его про себя вдоволь, и непринужденно являлся онъ самъ собою въ разговорахъ; порывы веселости останавливались на самой границѣ благопристойности. Во всемъ этомъ было нѣчто единственное, безъ примѣровъ у насъ и безъ подражанія; только напоминало собою учено-пріятныя собранія, бывшія до революціи у госпожъ Дюдефанъ и Жофренъ. Плохое освѣщеніе и скверный ужинъ довершали сходство съ вечерами этихъ Парижскихъ дамъ.

Болѣе всего нравилась мнѣ въ этой милой Хвостовой ея непритворная и въ свѣтской женщинѣ тогда непонятная любовь къ своему отечеству. Кто изъ дамъ не пренебрегалъ тогда Русскимъ языкомъ? Которая изъ нихъ читала на немъ что-нибудь? Хвостова, по чувствамъ

точно выше своего вѣка, рѣшилась сдѣлать первый опытъ и принялась на немъ писать. Я не назову примѣромъ для нея писанныя слогомъ семинариста оды тетки ея княжны Екатерины Сергѣевны Урусовой. Въ двухъ цвѣткахъ, въ двухъ незабудкахъ, ею произведенныхъ, *Каминъ* и *Ручеекъ*, скорѣе Карамзинъ могъ служить ей образцомъ и одобреніемъ; однакоже и то ложно, что онъ помогалъ ей въ ихъ сочиненіи; новыя, живыя идеи, небрежность, съ коей онѣ изложены и самыя ошибки противъ граматики, составляютъ всю ихъ прелесть.

Такого гибкаго ума, какъ въ ней, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ. Она ничѣмъ не гнушалась; съ такимъ же участіемъ, съ такимъ же вниманіемъ входила она въ сужденія съ попомъ, съ деревенскою барыней или съ степеннымъ дворяниномъ, какъ и съ первымъ государственнымъ человѣкомъ; съ одними также готова была она толковать о соленіи огурцовъ и грибовъ, какъ съ послѣднимъ о преніяхъ парламента; разговорный языкъ лучшаго свѣта былъ ей также знакомъ какъ и всѣ наши простонародныя поговорки. Обо всемъ умѣла она судить, правда довольно поверхностно, но всегда умно и пріятно.

И этой женщинѣ не знали у насъ цѣны. За клевету, за гоненія, за обиды она платила иногда веселыми эпиграмами; ей хотѣлось бы все любить и она сердилась какъ ребенокъ, когда ей мѣшали въ семъ привычномъ занятіи, сама же до вражды никогда не умѣла дойдти. Сострадательность была главною чертою ея характера; денегъ у ней не было, и несчастнымъ помогала она не однѣми слезами, а неимовѣрною дѣятельностію; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, дабы исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокоивать печальныхъ и съ [illegible]ерствомъ своимъ довольно часто являлась къ сестрѣ моей, которая посѣщала ее только по утрамъ. Я же ходилъ къ ней на вечера, за тѣмъ чтобы наслушаться тамъ болѣе чѣмъ наговориться.

Наконецъ въ началѣ Февраля 1807 года узнали мы о рѣшительной побѣдѣ надъ Французами при Прейсишъ-Эйлау, 27 Января. Казалось, что только этого извѣстія и ожидали; оно подало знакъ зимнимъ увеселеніямъ. Что ни говори Французы, сраженіе это мы выиграли, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ четырехмѣсячное послѣ него бездѣйствіе Наполеона, который не очень любилъ отдыхать на лаврахъ. Напротивъ того, Нѣмецъ Бенигсонъ, отколотивъ исполина, самъ пораженный чудомъ совершеннымъ не столько имъ какъ Русскими, увѣренный въ невозможности новаго нападенія со стороны [illegible], хотѣлъ вкусить сладостное успокоеніе. По заочности су[illegible] ошибочно человѣку не принадлежащему къ военному ре[illegible] мои послѣ увѣряли, что Суворовъ и Кутузовъ

такъ бы не поступили: не довольствуясь симъ пораженіемъ, они бы заставили Наполеона не по сю сторону Вислы, а за Одеромъ и можетъ быть за Эльбой расположиться на зимнихъ квартирахъ. Надобно отдать справедливость нашимъ Нѣмецкимъ генераламъ, они великіе мастера останавливать во-время Русское войско; послѣ того Кноррингъ и Дибичъ нашимъ храбрымъ ребятамъ не дали и взглянуть ни на Стекольной, ни на Царьградъ, ни на Аршаву, куда они съ такою жадностію рвались; у самыхъ воротъ злодѣи умѣли удержать ихъ стремленіе.

Не долго послѣ сего радостнаго извѣстія оставались мы въ Петербургѣ. Убитый горестію братъ нашъ Николай находился тогда у родителей, и отецъ мой, приглашая къ себѣ почти столь же печальную дочь, приказывалъ мнѣ проводить ее въ Пензу: онъ надѣялся, что цѣлымъ семействомъ раздѣленное горе скорѣе облегчится. Между тѣмъ и не слишкомъ тяжеловѣсный кошелекъ сестры моей въ столицѣ довольно оскудѣлъ; мои финансы тоже были не въ самомъ лучшемъ состояніи. Итакъ, полонъ надеждъ, произведенныхъ во мнѣ успѣхами нашего оружія, и еще умноженныхъ выступленіемъ въ то время гвардіи, выѣхалъ я съ сестрой въ половинѣ Февраля.

По прибытіи въ Москву, сестру мою взяло раздумье: ее ужасало пространство, все болѣе и болѣе ее отъ мужа отдѣляющее. Она нашла добрую родственницу его, Дарью Ивановну Королькову, которую, можетъ быть, читатель припомнитъ въ малолѣтствѣ моемъ и которая домъ свой за Сухаревою башней и саму себя отдала въ ея распоряженіе; подмосковная деревенька была близка и также могла прокормить ее. Недѣли двѣ колебалась она, какъ наступила ранняя весенняя погода; опасности пути послужили ей предлогомъ отложить свой выѣздъ. Тогда я долженъ былъ отправиться одинъ и сей послѣдній зимній путь совершилъ не весьма покойнымъ и пріятнымъ образомъ: подъ Муромомъ, на Окѣ, ледъ трещалъ подо мной, и проливной дождь обливалъ меня сверху.

XIV.

Великимъ постомъ пріѣхалъ я въ Пензу, и великопостныя лица встрѣтилъ я въ моемъ семействѣ; при свиданіи со мной на минуту озарились они слабою улыбкой. Въ это самое время отецъ мой чуть было не сдѣлался жертвой самой подлой злобы людей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ отъ него собственноручное письмо, въ коемъ, съ тономъ оскорбленнаго самолюбія, жалуется онъ на претерпѣваемыя имъ несправедливости и проситъ исходатайствовать ему увольненіе отъ службы. Графъ Кочубей отвѣчалъ ему,

что онъ не замедлилъ бы его просьбу представить на высочайшее усмотрѣніе, но что Государь отправился къ арміи; а онъ, между тѣмъ, надѣясь, что отецъ мой перемѣнитъ мысли, будетъ ожидать повторенія его требованія, чтобы препроводить его въ главную квартиру. Дѣло состояло въ томъ, что отецъ мой къ Кочубею совсѣмъ не писалъ и не думалъ еще тогда выходить въ отставку.

Въ канцеляріи его служилъ нѣкто Тезиковъ, хорошій калиграфъ, молодой человѣкъ не безъ способностей, проворный и дѣятельный, но самой дурной нравственности, особенно извѣстенъ онъ былъ искусствомъ подражать всякому почерку. Секретарь, надѣясь на его исправленіе, не выгонялъ его, а подвергалъ частымъ наказаніямъ. Губернскій прокуроръ Бекетовъ переманилъ его къ себѣ, сталъ ласкать его, поить и самъ иногда пить съ нимъ. Подъ пьяную руку, чтобы сказать въ риѳму, видно, затѣяли они съ нимъ эту штуку. Полученный Бекетовымъ отпускъ, поѣздка его въ Петербургъ, пріѣздъ его туда въ одно время съ полученіемъ мнимой просьбы отца моего не оставляли никакого сомнѣнія насчетъ участія его въ семъ подлогѣ. Какова Пенза?

Послѣ письменнаго объясненія губернатора съ министромъ, дѣло завязалось довольно важное. Отецъ мой не могъ скрывать подозрѣній своихъ на Бекетова и кромѣ какъ по дѣламъ, никакого сношенія съ нимъ имѣть не хотѣлъ. Слѣдствіе продолжалось болѣе полутора года; благодаря искусству слѣдователей, наконецъ, уличенный Тезиковъ сознался и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Я не могу однакоже не похвалить твердости, съ которою спасалъ онъ честь своего соблазнителя, котораго почиталъ онъ благодѣтелемъ своимъ.

Въ два пріема познакомилъ я читателя своего со всею тогдашнею Пензою; сомнѣваюсь, чтобы онъ сталъ благодарить меня за то. На этотъ разъ не могу никого ему представить кромѣ одного новаго лица, явившагося во время моихъ частыхъ переѣздовъ. Добрый Тиньковъ, за старостію лѣтъ, самъ пожелалъ выйти въ отставку; на его мѣсто назначенъ вице-губернаторомъ Александръ Михайловичъ Евреиновъ, бывшій нѣкогда полицеймейстеромъ въ Петербургѣ, человѣкъ дрянной, хвастливый и трусливый. Онъ былъ женатъ на одномъ видномъ мужчинѣ, Александрѣ Алексѣевнѣ, родной сестрѣ огромныхъ С**** и потому долженъ былъ питать, хотя весьма недавнюю, но уже какъ будто наслѣдственную вражду ихъ противъ насъ. Однакоже за что-то поссорился онъ съ Бекетовымъ и на зло ему началъ сближаться съ нашимъ домомъ, угождать моимъ родителямъ, и въ это время дѣйствительно сталъ нѣсколько благороднѣе и честнѣе.

Мнѣ было тогда не до Пензы и до ея жителей: я жаждалъ только побѣдъ, а все молчало изъ Петербурга и изъ арміи. Вотъ уже настала и весна, а Государь все жилъ покойно съ королемъ Прусскимъ въ какомъ-то Бартенштейнѣ, королева же въ Кенигсбергѣ, какъ будто по доброй волѣ, во второй своей столицѣ. Да будетъ ли конецъ? думалъ я, а онъ, къ несчастію, былъ довольно близокъ.

По великой отдаленности отъ театра войны, не могли мы имѣть никакихъ частныхъ обстоятельныхъ объ ней свѣдѣній: изъ однѣхъ вѣдомостей дозволено намъ было узнавать одни офиціальныя извѣстія. Публичности у насъ никакой не было, газетъ и журналовъ менѣе чѣмъ нынѣ, и они подобно Европейскимъ не слѣдили шагъ за шагомъ за политическими происшествіями. Вотъ почему, внутри Россіи, мы настоящимъ образомъ не знали объ опасности ей угрожающей. Только замѣтно было, что съ обѣихъ сторонъ приготовляются, съ одной къ сильному нападенію, съ другой къ такому же отпору. Въ нѣсколько недѣль Наполеонъ успѣлъ пріобрѣсть неизчислимыя передъ нами преимущества: къ Франціи, Италіи и Голландіи, которыя у него давно уже были въ рукахъ, присоединилъ онъ почти всю Германію и часть Польши, и все это вооружалъ противъ насъ. Можно сказать, что въ двѣнадцатомъ году Россія не въ первый разъ сражалась съ цѣлою Европой.

Одинъ разъ въ недѣлю, по Понедѣльникамъ, приходила къ намъ почта. Въ одинъ изъ сихъ Понедѣльниковъ, въ самый Ивановъ день, когда начиналась Петровская ярмарка и собрались на нее дворянство и купечество, прочитали мы въ Московскихъ газетахъ о сраженіяхъ, происходившихъ 24 Маія при Гутштатѣ и 29-го при Гейльсбергѣ. Ихъ выдавали за побѣды, и всѣ тому повѣрили. Я уже извѣрился, онѣ мнѣ показались что-то сомнительны; однакоже я увидѣлъ въ нихъ по крайней мѣрѣ благопріятное начало военныхъ дѣйствій.

Самая медленность въ сообщеніи пріятныхъ извѣстій меня безпокоила; съ нетерпѣніемъ ожидалъ я 1-го Іюля слѣдующей почты: ничего! Для развлеченія скорбнаго отца моего, уговорили его поѣхать на другую ярмарку, которая бываетъ вслѣдъ за Пензенской въ Нижнемъ-Ломовѣ и оканчивается 8-го Іюля, въ день Казанской Богородицы. Онъ взялъ меня съ собою, и я опять увидѣлъ тутъ почтенное Пензенское дворянство въ полномъ собраніи. Городокъ Ломовъ менѣе Саранска, домà въ немъ плохи; но ярмарка была въ немъ значительнѣе и веселѣе, отъ того, если можно сказать, что была лагернѣе.

Тамъ за одинъ разъ узнали мы обо всемъ, и о Фридландѣ, и о свиданіи въ Тильзитѣ; письма и извѣстія, вѣроятно дотолѣ удерживаемыя, такъ ко всѣмъ и посыпались. Насъ съ отцомъ поразило какъ

и тутъ явиться еще покровителемъ короля? Такимъ ли бѣдствіямъ, такимъ ли униженіямъ подвергался императоръ Францъ II-й? Что̀ дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и съ каждымъ новымъ несчастіемъ крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили. Лѣтъ пятнадцать послѣ того, наказаніе Божіе едва было не постигнуло насъ за неблагодарность нашу къ Александру: онъ былъ долготерпѣливъ и мстителенъ и все вспомянулъ во дни славы своей. Когда вмѣстѣ со счастіемъ возвратилось къ нему обожаніе подданныхъ, на распростертый передъ нимъ народъ взглянулъ онъ съ досаднымъ презрѣніемъ, и не было слова его потомъ, не было дѣйствія, которое бы его не выражало. Онъ думалъ, что съ нимъ можно все себѣ позволить. Тогда въ головѣ его родились неслыханные еще преступные замыслы противъ ввѣреннаго ему Богомъ государства, которые уже началъ онъ приводить въ исполненіе и не имѣлъ только времени совершить. Тогда-то народный гласъ долженъ былъ возгремѣть ему въ услышаніе; но тогда стоялъ онъ на высотѣ своего могущества, сзывалъ царей на конгресы и располагалъ судьбами народовъ Европейскихъ. Немногіе дерзнули робко напомнить ему о священномъ долгѣ, который онъ забывалъ. Народы бываютъ иногда также подлы, какъ и люди.

Срокъ отпуска для меня давно уже прошелъ, но по роду службы моей на мнѣ бы не взыскали, еслибъ и годъ я просрочилъ. Отцу моему всегда непріятно было продолжительное пребываніе мое въ Пензѣ, онъ все надѣялся, что въ Петербургѣ мнѣ праздность скорѣе надоѣстъ; мнѣ самому любопытно было видѣть, что̀ тамъ дѣлается послѣ столь важнаго происшествія, слышать, что̀ говорятъ о немъ, и при первомъ словѣ о томъ, изъявилъ онъ согласіе на мой отъѣздъ. Супруги, находившіеся проѣздомъ изъ Саратова въ Москву, предложили мнѣ ѣхать съ ними въ четвероместной каретѣ, и мы отправились въ концѣ Іюля.

Чету, которой я сопутствовалъ, надлежитъ мнѣ описать.

Въ самомъ началѣ сихъ Записокъ говорилъ я о старыхъ друзьяхъ отца моего, Богданѣ Ильичѣ Огаревѣ и Андреѣ Алексѣевичѣ Всеволожскомъ, Пензенскомъ воеводѣ, который погибъ въ огнѣ во время Пугачевскаго бунта. У перваго былъ братъ Иванъ Ильичъ, одаренный столь же свѣтлымъ умомъ, какъ и мрачною душею; послѣдній оставилъ трехъ сыновей, изъ коихъ одинъ поселился въ Саратовѣ. Алексѣй Андреевичъ, Саратовскій сынъ его, былъ женатъ на Варварѣ Ивановнѣ, дочери Ивана Ильича Огарева. Эта женщина была вся въ отца: безъ сердца и безъ красоты, но съ умомъ и съ чувственностію, хотѣла и умѣла она нравиться нѣкоторымъ мужчинамъ. Въ Саратовѣ господствовала и распутствовала она въ глазахъ ослѣпленнаго мужа, который довѣрчивостію и добродушіемъ превосходилъ всѣхъ мужей на

свѣтѣ. Она занесла меня въ списокъ покорныхъ къ ея услугамъ; но по окончаніи путешествія должна была вымарать. Мнѣ некогда здѣсь много говорить о ней; придетъ время и, если съумѣю, въ короткихъ словахъ постараюсь изобразить жизнь ея, въ которой осуществила она всѣ ужасы новѣйшихъ Французскихъ романовъ. Этотъ эпизодъ берегу я для будущаго.

Проведя четыре дня съ безстыднымъ и отвратительнымъ порокомъ, пріятно мнѣ было въ Москвѣ найти родную непорочность. Сестра моя все сбиралась ѣхать въ Пензу; возобновленіе войны и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшій миръ ее остановили. Мужъ ея чрезвычайно отличился въ эту войну, находился во всѣхъ дѣлахъ, дрался храбро, и былъ столько счастливъ, что ни разу не раненъ, если не считать легкой контузіи, полученной въ послѣднемъ дѣлѣ. За то награжденъ онъ былъ Аннинскимъ брилліантовымъ крестомъ на шеѣ, Владимирскимъ третьей степени, чиномъ генералъ-майора и золотою шпагой съ бриліантами и съ надписью за храбрость. Онъ увѣдомлялъ жену, что армія, перешедшая подъ начальство графа Буксгевдена, идетъ въ Витебскъ, чтобы тамъ расположиться лагеремъ и оттуда разойдтись по другимъ мѣстамъ государства, и звалъ ее туда къ себѣ. Привыкнувъ жить на одномъ мѣстѣ, она не пріобрѣла еще того мужества, съ коимъ послѣ такъ легко было ей странствовать одной, и просила меня быть ея проводникомъ. Несмотря на довольно большой, предстоящій мнѣ крюкъ, мнѣ пріятно было сдѣлать ей угодное и желательно увидѣть обломки той храброй арміи, которую почти безъ предводителя, въ продолженіе одной недѣли, въ трехъ большихъ сраженіяхъ, громилъ Наполеонъ и едва могъ принудить къ отступленію.

Только одинъ разъ въ жизни проѣхалъ я по этой дорогѣ. Я любовался на ней тучными пажитями, тѣнистыми лѣсами, цвѣтущимъ состояніемъ селеній, устройствомъ и видомъ изобилія нѣкоторыхъ городовъ, и въ голову не приходило мнѣ думать, что не далеко время, въ которое чрезъ счастливыя сіи мѣста война промчится взадъ и впередъ со всѣми ужасами опустошенія. Я жалѣю теперь, что не посмотрѣлъ внимательнѣе на Можайскъ и на его окрестности. Въ Гжатскѣ остановилъ сестру мою, чѣмъ-то обязанный ея мужу, богатый купецъ Григорій Петровичъ Чороковъ и въ бѣлокаменномъ домѣ своемъ, внутри чрезмѣрно испещренномъ, роскошно насъ угостилъ; въ Вязьмѣ надѣялся я полакомиться пряниками и не успѣлъ ихъ найти; Дорогобужа что-то совсѣмъ почти не помню.

Въ Смоленскъ пріѣхали мы ночью и остановились въ плохомъ домикѣ какого-то бѣднаго предмѣстья. Я уговаривалъ сестру пробыть немъ по крайней мѣрѣ сутки, чтобъ успѣть мнѣ осмотрѣть сей

достопримѣчательный и старинный городъ. Есть ли какая-нибудь человѣческая сила, которая бы могла удержать жену, ѣдущую на свиданіе съ мужемъ послѣ войны? Поутру, пока закладывали лошадей, сбѣгалъ я на гору, чтобъ составить себѣ какое-нибудь понятіе о Смоленскѣ. За Порѣчьемъ начинается Бѣлоруссія; при видѣ сей тощей земли и ея тощихъ жителей, грязныхъ корчмъ и содержателей ихъ, засаленныхъ жидовъ, я началъ торопиться болѣе сестры; но палящій зной, измученныя лошади и сыпучіе пески чувство нетерпѣнія моего превратили въ сущую пытку. Подъ Велижемъ болѣе четырехъ верстъ не могли мы сдѣлать въ часъ.

На послѣдней станціи къ Витебску, куда пріѣхали мы 14 Августа, приготовился я къ восхитительному зрѣлищу радостнаго свиданія двухъ супруговъ. И что̀ же! Одинъ мучительною болѣзнію прикованъ былъ къ постелѣ; другая, не предупрежденная о томъ, предалась страху и отчаянію. Какъ всѣ сѣверные жители, подверженъ былъ онъ геморoидальнымъ припадкамъ, которые при дѣятельной жизни такъ легко переносятся; во время зимней кампаніи долженъ былъ онъ часто дни проводить на лошади, ночью валяться на снѣгу среди бивуаковъ, и отъ замерзанія спасаться ромомъ; это воспалило кровь его, полученная имъ контузія пуще раздражила болѣзнь, все бросилось въ одно мѣсто и произвело фистулу. Страданія его были жестоки; корпусные и дивизіонные доктора старались облегчить ихъ, не умѣя сладить съ столь серіозною болѣзнію. Стеченіе военныхъ чиновниковъ было ужасное, и зятю моему могли отвести только маленькую, тѣсную квартиру, и то какъ генералу, трудно больному. Ничто не предвѣщало мнѣ пріятнаго пребыванія въ Витебскѣ.

Вдругъ бросить сестру было мнѣ невозможно, разсѣянностей искать трудно, ибо изъ военныхъ всѣ знакомства мои были въ гвардіи, а тутъ надобно было дѣлать новыя. Оставалось мнѣ только посѣщать публичныя мѣста, и тѣ, въ коихъ веселятся и тѣ, въ коихъ молятся.

Сперва пошелъ я вечеромъ въ небольшой садъ, посреди города, для ежедневныхъ прогулокъ его жителей на высокой горѣ, надъ Двиною, устроенный. Было людно и тѣсно, а для меня довольно весело: играла военная музыка, и надъ толпами возвышалась роща изъ султановъ. Никого не зная и никѣмъ не знаемый, ходилъ я какъ въ маскарадѣ и видѣлъ прекрасненькія маски. Я прислушивался къ разговорамъ панночекъ, и съ удовольствіемъ внималъ Польскому языку, который я всегда такъ любилъ въ женскихъ устахъ и который мнѣ напоминалъ мое ребячество.

На другой день почти тоже общество увидѣлъ я въ дворянскомъ клубѣ или благородномъ собраніи (не знаю какъ называли эту обыкновенную принадлежность всѣхъ губернскихъ городовъ). Зала публичныхъ увеселеній была не великолѣпная, просто выбѣленная, длинная и широкая, но низкая и съ двухъ сторонъ вся въ окошкахъ, какъ оранжерея. Мнѣ показалось, что я обращаю на себя вниманіе какъ одѣтый во фракъ, ибо подобныхъ мнѣ можно было пересчитать: все было генеральство да офицерство. Дамъ было также довольно; но господа помѣщики этого края, который болѣе другихъ однакоже обрусѣлъ, видно, и тогда не очень полюбливали Русскихъ и не охотно дѣлили съ ними время. Графъ Буксгевденъ своимъ присутствіемъ не удостоилъ сего бала, а только семейство свое прислалъ на него.

Въ семъ окатоличенномъ городѣ божественная литургія на Русскомъ языкѣ производилась въ единомъ храмѣ, и только однажды въ недѣлю, по воскреснымъ днямъ. Прекрасный и просторный соборъ выстроенъ былъ нашимъ правительствомъ не на концѣ Витебска, а внѣ его; при Екатеринѣ и при Потемкинѣ все думали объ увеличеніи городовъ и полагали, что ихъ края со временемъ непремѣнно должны сдѣлаться срединой, а Полякамъ пріятно было видѣть, что изгнанное православіе едва осмѣливается показывать себя у вратъ городскихъ. Въ первое Воскресенье пошелъ я помолиться и посмотрѣть на народъ православный; его было много, христолюбивое воинство наполняло всѣ окрестныя мѣста. Когда обѣдня кончилась, и стали расходиться, одинъ молодой воинъ увидѣлъ меня въ толпѣ и бросился обнимать. Я обрадовался бы тутъ всякому хорошему знакомому, еслибъ онъ былъ и не графъ Александръ Кутайсовъ.

Какъ объ немъ не сказалъ я еще ни слова, право, не понимаю. Гдѣ-то, помнится въ домѣ Демидовыхъ, встрѣтился я съ нимъ и познакомился; послѣ того видѣлъ его часто; но это продолжалось не долго: изъ гвардейской артилеріи перевели его въ армейскую. Все то чтò можетъ льстить только тщеславію, все то чтò можетъ жестоко оскорбить самолюбіе, все то испыталъ онъ почти въ ребячествѣ. Сынъ любимца Павла Перваго, который и на все семейство сыпалъ свои милости, въ шестнадцать лѣтъ сдѣланъ былъ онъ полковникомъ. Послѣ перемѣны царствованія, всякій почиталъ обязанностію лягнуть въ падшаго фаворита; онъ спѣшилъ удалиться за границу, а жену и дѣтей оставилъ въ Петербургѣ на жертву ненависти и презрѣнія. Однакоже на спокойное, благородное и прекрасное лицо меньшаго сына его ни одинъ дерзкій, гордый взглядъ не смѣлъ подняться. Какъ этотъ мальчикъ не давалъ счастію баловать себя, такъ и передъ несчастіемъ не поникнулъ онъ головой; какъ бы не замѣчая никакой перемѣны, онъ

столь же ясно и привѣтливо смотрѣлъ на людей, когда они оказывали ему холодность, какъ и тогда, какъ они ласкались къ нему; безъ всякихъ усилій, обнажая только душу свою, онъ кончилъ тѣмъ, что всѣхъ обворожилъ. Онъ славно зналъ артилерійскую науку и прилежно ею занимался; въ музыкѣ же и въ поэзіи видѣлъ только для себя забаву, но и онѣ ему дались. Какъ чудесно онъ выражался! У него былъ какой-то особенный, свой собственный языкъ, простой, для всѣхъ понятный, а неподражаемый. Чтó удивительнаго, если всѣ женщины были отъ него безъ ума, когда мущины имъ плѣнялись? Не знаю, кого бы онъ не любилъ, но нѣкоторыхъ любилъ болѣе прочихъ, и мнѣ кажется, что я былъ въ числѣ ихъ.

На войнѣ прославился онъ мужествомъ и талантами: подъ Прейсишъ-Эйлау, въ генеральскомъ чинѣ, командовалъ онъ почти всею артилеріей и батареями своими болѣе всѣхъ наносилъ вредъ Французской арміи. Какъ пріятно было мнѣ увидѣть сего милаго мнѣ юношу, годомъ или двумя меня постарѣе, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Не давъ мнѣ опомниться, онъ посадилъ меня въ коляску, повезъ къ себѣ въ лагерь и почти насильно оставилъ у себя обѣдать.

Въ большой ставкѣ, гдѣ мы усѣлись и въ которой накрытъ былъ длинный столъ, черезъ нѣсколько времени начали собираться подчиненные Кутайсова, артилерійскіе штабъ и оберъ-офицеры. Обращенія его съ ними я никогда не забуду; я бы назвалъ его чрезвычайно искуснымъ, если бы не зналъ, что въ этомъ человѣкѣ все было натуральное. Въ ласкахъ, въ фамиліарности его съ людьми, изъ коихъ половина была старѣе его, чувствительно было начальство; они же, отмѣнно свободно съ нимъ разговаривая, ни на минуту не забывались передъ нимъ. Всѣ глядѣли ему въ глаза, чтобы предугадать его желанія, и онъ казался старшимъ братомъ между меньшими, которые любятъ и боятся его: въ немъ была какая-то магія.

Я пробылъ еще нѣсколько времени въ Витебскѣ и почти каждый день, иногда и пѣшкомъ, посѣщалъ этотъ лагерь, который былъ въ двухъ верстахъ отъ города. Вокругъ Кутайсова было все такъ живо, такъ весело и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пристойно, какъ онъ самъ; молодыя дамы могли бы не краснѣя находиться въ его военномъ обществѣ. Прибавить ли къ тому еще одно, чему нынѣ съ трудомъ повѣрять: всѣ эти воины, окуренные пороховымъ дымомъ, не знали табачнаго; у Кутайсова не было ни одной трубки. Я болѣе его не видѣлъ: вскорѣ потомъ умеръ онъ героемъ, какъ умереть ему надлежало. Спасибо Жуковскому, что онъ въ прекрасныхъ стихахъ сохранилъ память о столь прекрасномъ существованіи: безъ него простылъ бы и слѣдъ такого диковиннаго человѣка.

Приближеніе осени заставило меня торопиться, я согласился остаться съ сестрою только день ея имянинъ 26-е Августа, а 28-го по Бѣлорусскому тракту отправился въ Петербургъ.

Симъ обратнымъ путешествіемъ хочу я заключить вторую часть моихъ Записокъ. Наступилъ второй періодъ царствованія императора Александра, когда все измѣнилось въ немъ и вокругъ него, когда онъ долженъ былъ разорвать прежніе союзы, удалить отъ себя прежнихъ любимцевъ, когда, насильно влекомый Наполеономъ, долженъ былъ онъ казаться идущимъ съ нимъ рука объ руку, когда притворство сдѣлалось для него необходимостію и спасеніемъ.

Въ томъ же году вступилъ я въ законное совершеннолѣтіе, кончилась первая моя юность, а ее только одну признавалъ я всегда за настоящую. Уже румянецъ началъ спадать съ моихъ щекъ, и густой, черный волосъ заступилъ мѣсто нѣжнаго пуха на подбородкѣ моемъ; вошедъ въ лѣтніе годы моей жизни, сталъ я сильнѣе любить, за то глубже и постояннѣе ненавидѣть, чаще сердиться, рѣже смѣяться, рѣже и плакать: все миновалось. Прости же моя молодость, время дорогое, золотое, невозвратное, вѣчно памятное! Кто не жалѣлъ о тебѣ; но признаюсь, увы, кто болѣе меня? Всѣ истинныя, сердечныя радости зналъ я только съ тобою. Благодарю тебя, молодость, за неоцѣненные дары твои, за друзей, коихъ дала ты мнѣ и коихъ большая часть вмѣстѣ съ тобою отъ меня удалились, за нѣжные взоры, за безкорыстную, непритворную ко мнѣ любовь, за которую тебѣ же я обязанъ и которая вслѣдъ за тобою отъ меня скрылась. Благодарю за все, за все, даже за горести, тобою мнѣ посланныя и тобою же услажденныя.

Вотъ этимъ, кажется, бредилъ я дорогой. Въ день выѣзда моего, изъ Витебска, къ вечеру, погода перемѣнилась, пошелъ дождь, и за одну ночь лѣто превратилось въ холодную осень. Я былъ, какъ говорится, на лѣтнемъ ходу; ничего со мною не было теплаго, и въ Великихъ Лукахъ почувствовалъ я первый легкій ознобъ; меня напоили чаемъ съ виномъ, мнѣ показалось, что я согрѣлся, но это былъ лихорадочный жаръ. Пароксизмы возобновлялись и проходили; я все упрямствовалъ ѣхать. А что̀ за погода! Что́ за дорога! На деревянной мостовой бревешки прыгали подо мной, какъ клавиши. Когда приходило на меня безпамятство, слуга при мнѣ находившійся бралъ на себя останавливать меня. Въ Лугѣ сдѣлалось мнѣ такъ дурно, что я самъ рѣшился остановиться. Я думалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ и не жалѣлъ о жизни: молодость моя прошла, а безъ нея, казалось мнѣ, на что мнѣ жизнь? Однакоже мнѣ отлегло, и рано поутру 2 Сентября пріѣхалъ я въ Петербургъ.

ЗАПИСКИ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

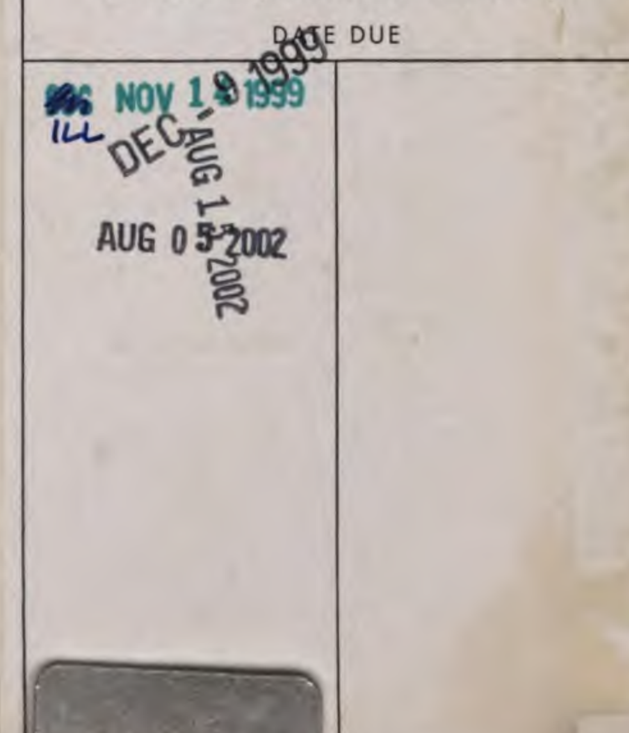
СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

)4

Stanford University Libraries
3 6105 016 416 682

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
NOV 1 9 1999
ILL
AUG 0 5 2002

